

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

В. В. МАВРОДИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ
(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIV ВЕКА)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ «НАУКА» 2002

УДК 93/94

ББК 63.3 М 12

Ответственный редактор В. В. ЯКОВЛЕВ

Научное издание

Владимир Васильевич Мавродин

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

(с древнейших времен до второй половины XIV века)

Печатается по изданию: В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л.: Изд-во ЛГУ, 1940.

Художник Л. А. Яценко Технический редактор И. М. Кашеварова Компьютерная верстка М. А. Егоровой, М. М. Орловой
Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.

Сдано в набор 12.03.2002. Подписано к печати 2.10.2002. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура тайме. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33.8. Уч.-изд. л. 34.8. Тираж 1000. Тип. зак. № 3528 С 182

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1 main @ nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН 199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-026834-8

ISBN 5-02-026834-8

© Издательство "Наука", 2002

О. А. Ю. Дворниченко, статья, 2002

9785020268340

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разработка истории народов, населяющих Великий Советский Союз, только лишь начинается, и в этой области исследователям предстоит еще очень большая работа.

История украинского народа разработана, пожалуй, едва ли не больше, чем история других народов СССР, но и Украина ждет еще своих исследователей, которые смогли бы на основе марксизма-ленинизма осветить малоизученные этапы истории украинского народа, пересмотреть старые и привлечь новые источники, заново поставить ряд вопросов и создать серьезную монографическую литературу, посвященную истории Украины.

Данная работа преследует своей целью обрисовать историю одной из частей Украины, а именно Днепровского Левобережья, с древнейших времен и до второй половины XIV в., т. е. до захвата Левобережной Украины Литвой.

Существующая литература, прямо или косвенно касающаяся истории Левобережной Украины, древней Чернигово-Северской земли, очень незначительна и удовлетворить нас не может.¹ За редкими исключениями и то лишь частично, она

безнадёжно устарела и не только по своим установкам, но и по привлеченному материалу и источникам.

Трудно открыть какой-либо новый документ, относящийся к древней Руси, датируемый IX—XIV вв., и я в своей работе привлекаю не новые, а малоизвестные и малоизученные письменные источники, дающие возможность по-новому подойти к разрешению ряда проблем и осветить наиболее темные вопросы истории Левобережной Украины, которые на основе одних лишь общеизвестных и распространенных документов разрешить не удастся.

Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. К., 1882; Багалея Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. К., 1882; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. К., 1897; Грушевский М. С. Истории Украши-Руси. Т. I—III; Зотов Р. В. О черниговских князьях по «Любецкому синодику» и о Черниговском княжестве в татарское время.

См. рецензии: И. Линниченко на работы Д. И. Багалея и П. В. Голубовского, помещенную в «Журнале м-ва нар. проев.», 1883, V; И. Тихомирова на книгу В. Ляскоронского («Журнал м-ва нар. проев.», 1898, VI); М. Грушевского на работу Р. Зотова («Записки Наукового т-ва іМ. Шевченко», т. V).

Статьи, заметки и разделы в общих работах — см. в примечаниях к тексту.

5

В гораздо большей степени мной привлекается археологический материал, и вещественные памятники, наряду с лингвистическими материалами, служат серьезным подспорьем к историческому документу.

Как видно из самого изложения, я попытался поставить и в какой-то мере подойти к разрешению ряда вопросов (например, о древнейшем населении Днепровского Левобережья и о его связи со славянами, об этногенезе славян, о разложении первобытнообщинного строя и развитии феодализма, о роли Хазарского каганата и тюрко-яфетических племен лесостепной полосы и степей Причерноморья в жизни и быте населения Левобережья, о формировании украинской народности на территории древней Северной земли, о наиболее слабо изученном времени татарского владычества на Украине и др.), не затронутых или неправильно разрешенных моими предшественниками: П. Голубовским, Д. Багалеем, В. Ляскоронским, М. Грушевским, Р. Зотовым и др.

Систематическое и тщательное изучение отдельных областей Украины мне кажется необходимым, и тогда, когда мы будем располагать рядом таких работ (Левобережье, Правобережье, Галиция и др.), возможно будет создать капитальную советскую «Историю Украины».

Моя работа ставит своей задачей на основе марксистско-ленинского учения, используя все виды источников, продвинуть вперед дело изучения истории Левобережной Украины, и если она может послужить материалом для создания подробной и полной истории украинского народа, я считаю свою цель достигнутой.

ГЛАВА I

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ

1. Границы Северной земли

Определение границ Северной территории представляет большую трудность, и в некоторых случаях установление точных рубежей, как например на юго-востоке, вообще невозможно.¹ Неясность указаний летописи и отсутствие дополнительных данных, позволяющих проверить то или иное указание летописного источника, вызвали серьезные разногласия среди исследователей.

Мы прежде всего остановимся на вопросе о границах земель, занятых тремя племенами, жившими в Северской земле до половины XIII в., и главным образом на границах самой Северской земли.

«Повесть временных лет», говоря о расселении славянских племен по Восточноевропейской равнине, указывает:

«...а друзии седоша по Десне, и по Семи и по Суле и нарекошася Север».2

Территория, занятая северянами, по данным археологических работ Д. Я. Самоквасова,3 А. А. Спицина,4 Б. А. Рыбакова,5 П. С. Рыкова,6 Дмитрюкова,7 Сперанского8 и др., была расположена по бассейну рек: Десны (за исключением ее верхнего течения, занятого вятичами), Сейма и Сулы.

1В своей работе «Печенеги, торки, половцы до нашествия татар» (с. 91—114) П. Голубовский пытается провести границы, но, несмотря на весь интерес его изысканий, многое уже должно быть пересмотрено в связи с последними археологическими работами, что и будет сделано в соответствующих разделах данной работы.

2 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку». Изд. Археогр. Комиссии. СПб., 1910. С. 6.

3Самоквасов Д.Я. Северянские курганы и их значение для истории // «Труды III Археол. съезда». Т. I; Е г о ж е. Могилы русской земли; Его же. Северянская земля и северяне по городищам и могилам; Его же. Могильные древности Северской Чернигов-щины; Его же. Раскопки черниговских курганов, произведенные во время XIV Археол. съезда, и ряд других трудов.

4Спицин А. А. Древности антов // Сборник в честь А. И. Соболевского; Его же. Расселение древне-русских племен по археологическим данным // Журнал м-ва нар. проев. 1899. Т. VIII.

5 Р ы б а к о в Б. А. Радзімчы, Працы секцыі археолёгп. Беларусск. Ак. наук. Т. III. 1932.

6 Р ы к о в П. С. Юго-восточная граница радимичей // Ученые записки Саратовского унта. Вып. 3. 1923.

7Дмитрюков. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уезде // Труды Курского губ. стат. комитета. Т. I. 1863. Кроме того, статьи в «Вестнике Географического общества», 1854. Кн. IV и в «Трудах Курского губ. стат. комитета», т. III, 1874.

8Спера некий. Раскопки в Рыльском уезде // Археол. известия и заметки. 1894. № 8.

7

Центром северянских погребений являются Черниговская и Курская области, части Полтавской и Харьковской. Правда, в двух последних областях славянские погребения несколько отличаются от северянских. Это отличие в характере захоронений дало повод усомниться в их северянском происхождении как крупнейшему знатоку северянских древностей Д. Я. Самоквасову, так и позднейшим исследователям. Эти последние исходили в своих доказательствах несеверянского происхождения населения Переяславль-лавльской земли (расположенной главным образом на территории Харьковской и Полтавской областей) как из данных археологических раскопок, так и из исторических данных. Так поступает А. Андрияшев.1

Этим вопросом в дальнейшем мы займемся подробнее, но необходимо отметить, что среди северянских погребений на собственно северянской территории встречаются погребения радимичского типа, тянущиеся узкой полосой с северо-запада на юго-восток. Захоронения радимичей открыты раскопками Рыкова, Сперанского, Самоквасова, систематизированы и дополнены Рыбаковым. Таким образом выходит, что даже собственно северянская земля была населена не только северянами, но и

другими славянскими племенами. Поэтому-то и трудно говорить о каких-либо точных границах территории северян.

Но ориентировочно рубежи северянской земли все же можно наметить. На западе ее естественной границей был Днепр, отделяющий северян от полян. Правда, уже в период существования Киевского княжества узкая полоска земли на Левобережье у Киева от Устья и приблизительно до параллели летописного Моровийска отделяла северян от течения Днепра, но это был, скорее, политический, чем племенной рубеж.

На северо-западе соседями северян были радимичи. Крайними северозападными пунктами поселений северян, по линии с северо-востока на юго-запад, были современные Колчин (близ Жиздры), Левинка (у Старо-дуба) и Медведевка на р. Снови, находящаяся уже на радимичской территории. Далее линия северянских погребений поднимается вновь к северо-западу и ве. Курганье, в районе Речиц, резко поворачивает к югу.

У Колчина северянские поселения соприкасались не только с поселениями радимичей, но и вятичей. Находящийся на юге от Колчина Брянск со своим районом представляет собой смешанную кривичско-вятическую территорию.² Еще несколько южнее в районе Радогоща, Трубчевска и Сев-ска расположены уже типичные северянские погребения.³ Далее они идут на юго-восток к Карачеву и Кромам, являющимися уже городами вятичей.⁴ Граница северян на юго-востоке весьма неопределенна. Славянские поселения на Дону, Уде и Донце, раскопанные Городцовым, Федоровским, П. П. Ефименко, А. А. Спициным и др., не могут быть определенно названы северянскими. Поэтому вопрос о принадлежности древних славянских

Андрияшев А. Нарис історії" колошзаци Слверськсп земл1 до початку XVI вжу //Записки юторично-фшологичного вщдшу. Всеукр. Ак. наук, 1928. Кн. XX; Его же. Нарис історіі колонизации Переяславськo'1 земл1 до початку XVI вшу // Там же. 1931. Кн. XXVI.

Арциховский А. В. Курганы вятичей // РАНИОН. М., 1930. С. 115; Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 100.

³Арциховский А. В. Ук. соч. С. 121. Там же.

8

городищ и селищ VIII—X вв. на Дону (Донецкого городища, Ницахского и др.) к северянам следует считать открытым. Быть может, дальнейшая работа археологических экспедиций будет способствовать скорейшему разрешению его. Также условно можно считать северянскими городища, селища, погребения у южной границы Северской земли, проходящей по Ворскле, Пслу и Суле.¹

Таким образом, северянская территория, с вкрапленными в нее поселениями радимичей и славянских племен, которых трудно отнести к северянам, располагалась по Курской и Черниговской областям и частью по Полтавской и Харьковской.

Территория радимичей, входившая в состав Северской земли, по своим размерам была меньше северянской. Юго-восточную границу радимичей мы уже определили указанием северо-западных рубежей северянских погребений. Необходимо только отметить, что далеко вглубь северянской земли, окруженные типичными северянскими погребениями, по направлению к юго-востоку уходят отдельные комплексные поселения радимичей. Через Новгород-Северск, Воронеж (б. Глуховского уезда),² Студенок (б. Рьльского уезда) радимичские поселения суживающейся лентой дотянулись до верхнего течения р. Пела, где между Суджей и Обоянью у с. Гочева было найдено свыше сотни радимичских погребений.³ Линию, отделяющую северянские погребения от радимичских на протяжении Колчина — Речица, мы уже рассмотрели. От Речицы и до Старо-Быхова, главным образом по правому берегу Днепра, тянется

граница радимичей с дреговичами, где встречаются вещественные памятники дреговичей, радимичей и кривичей. От Старо-Быхова линия проходит на северо-восток к Мстиславию, отделяя радимичские погребения от кривичских, и оттуда тянется на восток к Колчину, где и замыкается круг. Радимичская территория, таким образом, охватывает междуречье Ипути и Сожи, части б. Черниговской, Гомельской и Могилевской губ.⁴

Третьим племенем, вошедшим в состав Северских княжеств, были вятичи. Их поселения, перемешанные с кривичскими, от Жиздры идут к северо-востоку, к верховьям Десны, откуда племенная граница направляется в б. Мосальский уезд, затем в Юхновский, где низовья р. Угры были заняты вятичами, а верхнее течение — кривичами. Далее, по мнению Арциховского, линия идет через Медынский уезд в Можайский, юго-восточная часть которого, судя по раскопкам Арциховского, была заселена вятичами, от него охватывает восточную часть Рузского уезда и, круто повернув на

Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. С. 23—27.

2 Для удобства изложения, ввиду того что часть археологических исследований составлена применительно к старому административному делению, иногда приходится в дальнейшем придерживаться старой географической карты.

3 Рыков П. С. Ук. соч.; Рыбаков Б. А. Ук. соч.; Самоквасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях села Гочево Обоянского у., Курской губ., произведенных в 1909 г. Изд. Курской губ. учен. архивн. комиссии. М., 1915; Сосновский. Атлас Гочевских древностей.

4 Рыбаков Б. А. Ук. соч.; Багалеи Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882. С. 14—15; Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 15—16.

9

восток, захватывает Верейский уезд и идет далее по течению р. Москвы. Вся южная часть от этой черты заполнена погребениями вятичей. Из Богородского уезда граница поворачивает к югу и идет по Бронницкому и Коломенскому уездам. Зарайский, Спасский и Рязанский уезды — вятичские, но у Касимова Ока перестает быть вятичской рекой. В этом пункте начинаются погребения кривичей. К западу от Спасского уезда вятичскими являются Пронский и Михайловский уезды и в верховьях Оки — Мценский и Орловский.¹ Итак, в территорию вятичей входили почти вся Калужская и Тульская области, значительная часть Орловской и Московской и небольшая — Смоленской.²

Рассмотрев, таким образом, территорию поселения радимичей и вятичей, как она представляется главным образом по археологическим данным (систематизированным по радимичам Рыбаковым, а по вятичам Арциховским), мы должны остановиться на принципе классификации, положенном в основу подобного рода утверждений.

Спицин в своем труде «Расселение древне-русских племен по археологическим данным» основными признаками для определения способов захоронения у различных племен считает, во-первых, характер захоронения и, во-вторых, тип височных колец. Не останавливаясь подробно на этом принципе классификации захоронений, все же необходимо указать на условность подобной классификации. Но пока нет другого более научного подхода к установлению принадлежности вещей из погребений и городищ к тому или иному племени, приходится довольствоваться методом Спицина, несмотря на явную его уязвимость.³ Таким образом, метод Спицина,

заклучение пепла в урнах, и обжигание трупа. Некоторое сомнение вызывает и зачисление погребений к тому или иному племени в зависимости от типа височных

колец, так как в различных районах жительства одного и того же племени могли господствовать различные формы височных колец. Так, например, на границе северянских и вятичских поселений северяне могли носить семилопастные кольца, а вятичи — употреблять северянские спиральные. В массе своей северяне могли употреблять спиральные кольца, но в пограничных районах возможно очень большое смешение. Могли встречаться кольца, принадлежащие соседям, и в самом центре данного племени, попадая туда в результате торговли, войны, да и просто выделанные местными ремесленниками вне всякой связи с ремесленной деятельностью соседей и без заимствования у них.

Наконец, наличие более или менее стандартного типа височных колец могло быть обусловлено существованием определенных центров ремесленников с общими приемами работы, распространявших свою продукцию на известной территории. Полемика между П. Н. Третьяковым и А. В. Арциховским показала, что чрезмерное увлечение критикой летописных сообщений о расселении восточно-славянских племен и спицинского метода приурочивания тех или иных археологических материалов к определенным славянским племенам Восточной Европы вряд ли целесообразно, и хотя несомненно, что современное летописцу большинство русских племен было уже племенными союзами, все же следы старого племенного деления в некоторых местах еще сохранились.

Третьяков П. Н. Расселение древне-русских племен по археологическим данным // Советская археология. Т. IV. 1937; Арциховский А. В. В защиту летописи и курганов // Советская археология. Т. IV. 1937.

10

определяющий принадлежность вещественных данных к определенному племени по типу височных колец (для северян — спиральных височных колец, для вятичей — семилопастных и для радимичей — семилучевых), может быть принят только в качестве рабочей гипотезы. К сожалению, если археологи, занимавшиеся историей вятичей и радимичей, сумели увязать археологический материал с историей (см. сводную работу А. В. Арциховского и особенно работу Рыбакова, в которой сделана попытка связать интересный археологический материал с очень скудными историческими и лингвистическими данными), то археологией северян в целом никто не занимался. Археологические сведения о северянах до настоящего времени базируются на выводах Самоквасова, сделанных им еще в 70-х годах прошлого века. Необходимо добавить, что и в позднейших своих работах Самоквасов недалеко ушел от своих первоначальных заключений. Метод работы Самоквасова не дает возможности сделать из собранных им археологических данных точные выводы.

Летописные известия подтверждают определенную нами территорию радимичей и вятичей. Летописец, приводя легенду о происхождении этих двух племен от двух братьев-ляхов, Радима и Вятко, указывает:

«...и пришедъша седоста Радим на Съю, и прозвашася Радимичи, а Вятко седе с родом своим на Оце, от него же прозвашася Вятичи».1

Упомянув под 964 годом о походе Святослава, летопись отмечает:

«И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи...»2

Ока, в представлении летописца, является рекой вятичей, и археологический материал, собранный Арциховским, как мы видели, подтверждает летописные указания.

Межкняжеская борьба, развернувшаяся на территории вятичей в XII в., дает богатый материал для выяснения вопроса о границах вятичского племени. Упоминаются города, межи, пути следования княжеских дружин по вятичской территории.3 Несколько далее мы займемся этим вопросом подробнее.

Анализируя топографическую номенклатуру, Барсов, на основании наличия в географических названиях корня «рад» и «север», чересчур широко трактует территорию как северян, так и радимичей.

Северян он помещает далеко на север, на что, по его мнению, указывают «названия левого притока Москвы-реки Северска, известного под этим именем с начала XIV века, и города Свирельска, бывшего Черниговской волостью на Ростово-Суздальском порубежье».⁴

Середонин, не приводя достаточных оснований, также ведет северян на север: «по Десне северяне попадали на Угру, с которой путь им был открыт на Жиздру, на Москву, Клязьму и т. д.»⁵

Эти предположения о расселении северян далеко к северу от их основной территории не подтверждаются, как было указано, археологическим материалом, а простое совпадение в созвучии слов не может еще являться

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 11—12.

² Там же. С. 63.

³ Данные систематизированы А. В. Арциховским: «Курганы вятичей», с. 123—129. ⁴ Барсов Н. П. География начальной летописи. С. 51.

⁵ Середонин СМ. Историческая география. П., 1916. С. 142.

11

доказательством, так как корень «сев», «север» широко распространен не только в Восточной Европе, но встречается в собственных именах и географических названиях и в Западной Европе.

То же самое, но еще в большей степени, Барсов проделывает и с радимичами: в каждом селении и географическом пункте, имеющем в своем названии корень «рад», он видит указания на радимичей и считает их единственными жителями тех местностей, которые были заняты вятичскими, северянскими, кривичскими и, частично, дреговичскими погребениями.¹

На эти ошибки Барсова указал Б. А. Рыбаков.²

Все три племени — северяне, радимичи и вятичи — послужили основой образования феодальных княжеств Северской земли. Теперь нам предстоит рассмотреть ее границы.

Мы не будем в этой главе устанавливать границы отдельных княжеств (им будет уделено внимание в главах, посвященных истории развития феодальных политических образований на территории Северской земли); точно так же невозможно и нецелесообразно отмечать очень частые изменения границ между ними, являющиеся следствием постоянных межкняжеских столкновений и борьбы со степью (что также будет рассмотрено в соответствующих разделах). Границы Северской земли будут нами сейчас рассматриваться лишь постольку, поскольку речь идет об основной территории Чернигово-Северских княжеств, как она представляется нам со времен Мстислава до начала второй половины XIII в., когда татаро-монгольское завоевание в значительной мере изменило политическую карту древней Руси.

На западе порубежье шло от Остерского городка, охватывая Лутаву и Моровийск, по левому берегу Днепра. Немного не доходя до Любеча, граница сворачивала на северо-запад и переходила на правый берег Днепра, захватывая часть Правобережья с радимичским городом Речицей.³ Далее, на параллели Брянска, там, где Днепр делает крутой поворот, граница становится уже менее четкой и тянется к Оболву, не включая в себя Зарой и Ростиславль, оттуда, через Мосальск, Лобинск, Тарусу, Лопасну и Колтеск, направляется к течению рек Протвы и Лопасны, где, имея ранее направление на северо-восток, круто сворачивает к югу, пересекает верховье р. Остра и опускается к верхнему течению р. Сосны.

Здесь уже начинается очень неопределенная граница со степью, тянущаяся полукругом до верхнего течения рек Донца, Уди и Пела. Вопросу о населении степей будет уделено внимание ниже. По течению Оскола, Донца и Дона существовали славянские поселения. Доказательством этого служат и данные археологических исследований и отдельные отрывки из летописей. Но все-таки включать в Северскую землю, как политическое, государственное феодальное образование и район Донецких степей было бы очень неосторожно.

На крайнем юго-востоке находилась долгое время бывшая для многих историков легендарной — Тмутаракань, расположенная на Таманском

'Барсов Н. П. Ук. соч. С. 56.

2 Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 101.

3 Там же.

12

полуострове.¹ К Тмутаракани относилась, по-видимому, и восточная часть Крымского полуострова с Керчью-Корчевом, упоминаемым в древнейшем русском эпиграфическом памятнике — камне князя Глеба Святославича. Несмотря на то, что Киев имел определенное влияние на Тмутаракань, и на то, что она зачастую являлась убежищем для князей-изгнанников, в основном Тмутаракань была теснее всего связана с Северской землей, что и дает мне право присоединить ее к политической территории Северской земли.

Затем можно снова более или менее точно провести границу по направлению с востока на запад, начиная с Донецкого городища (города Донца «Слова о полку Игореве») — на Ницахское городище б. Ахтырского уезда, где были раскопаны славянские поселения; отсюда — на среднее течение Ворсклы, на нижнее течение Пела и до впадения Сулы в Днепр, где стоял крайний южный аванпост Переяславщины — город Воишь. От него граница идет по левому берегу Днепра до Устья, а от Устья до Остерского городка идет, не приближаясь к берегу Днепра; таким образом, Левобережный Саков, а также расположенные по Левобережью у впадения Десны в Днепр Городец и Ольжичи остаются в пределах Киевского княжества. Река Остер и линия от междуречья Остра и Удая до истоков Сулы и Пела у летописного города Липовца, входившего в состав Чернигово-Северского княжества, отделяли последнее от Переяславльского в те времена, когда оба эти княжества стали уже самостоятельными политическими единицами.

Как видно из всего вышесказанного, в состав Северской земли вошлц: вся территория северян, почти вся территория радимичей (за исключением северо-западной части) и юго-западная часть земли вятичей.²

Со стороны степи Северская земля включала в себя территорию, заселенную каким-то славянским племенем, отнести которое к северянам вряд ли возможно и которое (как это мы увидим далее), по-видимому, жило совместно с другими племенами, населявшими степи юга Восточной Европы. На территории Северской земли обосновались черниговские коуи, переяславльские торки, половцы и другие тюркские племена, а также, по-видимому, остатки болгаро-алан. Наиболее смешанным было население юга Северской земли, особенно Переяславщины, что, по-видимому, отчасти и способствовало очень раннему разделению единой прежде территории

¹ В данный момент, после работ А. А. Спицина, Веселовского, Ф. И. Шмидта, Н. И. Реп-никова, Бертье-Делагарда, вопрос о нахождении Тмутаракани на Таманском полуострове надо считать окончательно решенным. Тем более становится удивительной попытка отмахнуться от всех вещественных и письменных памятников, подтверждающих расположение Тмутаракани на Тамани, принадлежащая одному из последних исследователей данного вопроса — В. Новицкому (см.: Новицкий В. Давне

Лукомор'я // Записки историко-филологического вщдшу. Всеукр. Ак. наук. 1929. Кн. XXIV; Мавродин В. В.. По поводу одной новой теории о местоположении Тмутаракани // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10; Его же. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. // Ученые згшиски Педагог, ин-та им. Герцена; Лунин Б. В поисках древней Тмутаракани // На подъеме. 1935. № 3—4).

2 Северская земля, следовательно, охватывала почти всю бывшую Черниговскую губ., часть Минской, Могилевской, Смоленской, Орловской, Курской, Харьковской, Полтавской губ. (Андрияшев А. Нарис історії колошзаці Сіверської землі до початку XVI вщу. С. 109).

13

на два особых княжества: Переяславльское и собственно Чернигово-Северское. Это последнее в дальнейшем распалось вначале на два, а затем на целый ряд отдельных политических образований.

Достаточно привести, для иллюстрации разноплеменного состава населения пристепной полосы, хотя бы деятельность Владимира по укреплению порубежья древней Руси с целью обороны от печенегов.

«И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне, и поча нарубати муже лучиине от Словень, и от Кри-вичь, и от Чюди, и от Вятичь, и от сих насели грады; бе бо рать от Печенег, и бе воюяся с ними и одоляя им».1

К местному населению, достаточно пестрому, княжеская колонизация добавляла еще «лучших», «ратных мужей» от целого ряда племен древней Руси.

2. Природа края

Северская земля обнимает бассейн Десны, Сулы, Сожи и верховьев Оки. Крупнейшей рекой является Десна со своим притоком Сеймом и небольшими речками, впадающими в нее: Болвою, Судостью, Убедью, Сно-вью, Свиною, Боловосом (ныне Белоусом) и Остром. На севере по Северной земле текут Сож с Ипатью и часть среднего Днепра. К югу от Остра расположена вся система левобережных рек до Ворсклы: Альта, Трубеж, Супой, Сула с Удаем, Псел с Хоролом и Голтвой, Ворскла, верхнее течение Северского Донца, верховья Дона, Оскола и Уди.

Вся территория Северной земли — сплошная равнина, прорезанная сетью рек, пересеченная рядом холмов и возвышенностей, усеянная в низинах болотами и озерами, местами изрезанная оврагами. Равнина понижается по направлению от северо-востока, где она переходит в Алаунскую возвышенность, к Днепру, и в послеледниковый период она представляла собой сплошную долину, по которой текли многоводные реки, впадающие в Днепр. Северо-восток равнины был покрыт дремучими лесами, остатки которых сохранились и до наших дней. Здесь были знаменитые леса вятичей, пробраться сквозь которые было подвигом. В 1015 г. муромский князь Глеб, обходя дебри вятичских лесов, едет из Мурома в Киев кружным путем через верховья Волги и Смоленск.2 Илья Муромец, прошедший сквозь леса вятичей, считал свой поход геройством, и в правдивости его слов усомнились, по былинке, даже и богатыри Владимира.3 Мономах в «Поучении детям» говорит о трудном походе «сквозь вятичи». Здесь был расположен Болдыж лес, а между Карачевым и Севском, у р. Брыни, впадающей в Жиздру, стояли знаменитые Брынские леса.4

Основная северянская территория с Десной и Сеймом распадается на три главные части: западную, южную и восточную.5 Западная часть, или

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 119. 2 Там же, с. 132.

3Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. I. С. 354—355. 4Арциховский А. В. Курганы вятичей. С. 127—128. 5Багалея Д. И. Ук. соч. С. 5—7.

14

Задесенье, сплошь покрыта лесами. Сплошные лесные массивы сгруппированы по Остру и Снови, в силу чего крайний северо-запад носит название Полесья. Сплошная полоса леса и болот тянется от устья Сожи до устья Десны. Возвышенностей мало, за исключением берегов Снови, Ипути и Судости. Чернозем встречается местами, а чаще всего почва представляет собой суглинок и супесок. Иной характер носит южная равнина с ее черноземной почвой. Образованная левым берегом Десны, Сеймом и Днепром, на северо- и юго-западе она покрыта лесами. Остальная часть представляет собой степь и лесостепь. Западный угол, у Остра, отличается болотистым характером местности, причем летом «броды» часто пересыхают. Берега Десны почти повсюду покрыты остатками лесов, отроги которых несколько не доходят до Днепра и являются как бы своеобразной границей, отделяющей Чернигово-Северское княжество от Киевского, владевшего узкой полоской земли на Левобережье.¹

Восточная часть равнины, с реками Десной, Сеймом и Клевенью, черноземная в центре, суглинистая на юге и песчаная на севере, представляет собой сухую равнину, изрезанную оврагами, с лесистыми окраинами и степным характером средней полосы. Остатки лесов сохранились и по наше время, попадаясь кое-где небольшими лесными массивами. Так, можно привести в качестве примера Волхов и Долгий Бояраки у современного Белгорода, Разумный лес и Пузацкий лес у Оскола, Юшков Боярак у Коро-чи, дубовый лес в водоразделе Ворсклы и Пела, у истоков, упоминаемый Бопланом, леса в долине Суджи и Пела: Борзов, Хорлов, Гнилицкий, леса на Свапе и Клевени (Львовское, Ивановское, Банищанское лесничества), на юго-западе Курской области. У верховьев Оскола, Ворсклы, Донца и Сейма протекает очень извилистая граница леса и степи. Это подтверждается документами 1571 г.—■ грамотой Ивана Грозного Воротынскому с требованием выжечь степь для предотвращения нападения татар.² На юге Северской земли, в районе Переяславщины, леса представляли собой уже не сплошные пространства, как на севере и северо-востоке, а тянулись полосами по течению рек. На крайнем юге и юго-востоке встречались лишь отдельные леса, а еще дальше, за Ворсклой, начиналась черноземная ковыльная степь. Верховья Сулы, Пела и Ворсклы и их притоков, впадающих главным образом в верхнем и среднем течении этих рек, сохраняют следы лесных массивов, встречающихся еще в памятниках XVII в.: Корневский, Козельский, Гриневский и др.³

Крайний северо-запад Северской земли, радимичскре Посожье, как замечает Багалея, по сути дела мало чем отличается от соседнего Припять-ского Полесья — те же болотистые низменности, леса, суглинок, пески на возвышенностях. В междуречье Ипути и Сожи и на пространстве от последней до Днепра сплошными районами тянется заболоченная местность. Огромные болотистые пространства расположены между Любечем и Гомелем, у Чичерска и Речицы. Болотистая местность тянется от Любеча на

¹ Там же.

²Булгаков Г. И. Схематический обзор Курского края в культурно-историческом отношении // Курский край. 1925. Вып. I. С. 45—46; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 67.

³Ляскоронский В. Ук. соч. С. 48.

15

юго-восток до верховьев Свини и начала нижнего течения Снови. Леса покрывали почти всю территорию земли радимичей.¹

Летопись подтверждает лесистый характер земель, населенных радимичами, вятичами и северянами.

«И радимичи и вятичи и север один обычай имяху, живяху в лесах, яко же и всякий зверь».2

Если в описании обычаев всех трех племен, в сравнении их со зверями мы усматриваем определенную тенденциозность полянской, киевской летописи, то упоминание о лесах, в которых живут радимичи, вятичи и север, как видно из данного выше описания, вряд ли можно считать неправильным. Особенно характерен лесной тип областей радимичей и вятичей, и только южные границы Северной земли нельзя считать сплошь лесными.

Сеть рек, протекавших по территории Северной земли, соединяла древнюю Русь с Черным, Азовским и Каспийским морями. Десна, впадающая в Днепр, через Сейм в свою очередь соединялась с Северским Донцом,³ а следовательно, с Доном и Азовским морем. Эти же водные артерии приближались к величайшей реке Восточной Европы — Волге. Системой мелких речек и волоками из Дона можно было попасть на Волгу, что и делали не только в XVI—XVII вв., но и гораздо раньше. По Волге проникали в Каспий. С другой стороны, Сейм истоками рек Свапы и Снови, притока Тускари, впадающей в Сейм, сближается в б. Фатежском уезде у села Самодуровки с истоками р. Оки, и, таким образом, налицо второй вариант пути из северских рек на Волгу. Вся сеть северских рек давала возможность водным путем проникать через Днепр в Черное море, через Дон — в Азовское, через Волгу — в Каспийское и соединяла эти водные бассейны. Подобный вывод, сделанный на основе простого географического анализа речной системы Северной земли, подтверждается, как мы это увидим ниже, данными летописи, указаниями писателей древности, археологическими исследованиями. Направление водных артерий способствовало превращению их в проторенные речные торговые пути, в пути военных набегов и проникновения взаимных культурных влияний. Особенно характерно для географии Северной земли, что речные пути области, бывшие в древности почти единственными средствами сообщений (сухопутные дороги стали служить средством сообщения в более поздний период), были связаны с Востоком: с Приазовьем, Тмутараканью, Северным Кавказом, Закавказьем, Каспием, Восточным Кавказом и, что весьма вероятно, с Средней Азией. Очень интересен тот факт, что связь с Закавказьем у Северной земли была более тесной, чем у всех других областей древней Руси. Эта, более тесная, чем у других областей, связь с Востоком сыграла свою роль как в процессе складывания племен Северной земли и создания первого государственного образования на ее территории, так и во всей ее социально-культурной истории вплоть до XIII в.

1 Р ы б а к о в Б. А. Ук. соч. С. 106—108. «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 12—13.

Истоки Семицы сближаются с истоками Корочи — притока Северского Донца — села Скородного.

16

Возвращаясь к вопросу о географических особенностях Северной земли, мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть характерное для ее средней и южной полосы удобство мест для поселения и жизни в послеледниковый период. Леса и реки создавали известную безопасность жизни, что в сочетании с богатой черноземом почвой способствовало процветанию земледелия еще в отдаленные времена. Об этом свидетельствуют многочисленные находки земледельческих орудий и семян во время археологических раскопок. Еще в эпоху скифов земледелие в среднем Приднепровье было уже достаточно развито.¹ Степная полоса манила плодородием почвы, обилием

рек и т. п., но, с другой стороны, постоянные нападения кочевников вынуждали славянских поселенцев располагаться у берегов рек, у лесных массивов, а следовательно, не спускаться к югу дальше определенной черты. Такой чертой был правый берег Сулы. Правда, отдельные поселения уходили и дальше в степь (об этом мы уже говорили), о чем свидетельствуют находимые там остатки городищ и селищ славянской эпохи, но считать эти поселения местом основного расселения славян в Днепро-Донецком Левобережье вряд ли возможно.

Леса, таким образом, являлись естественной защитой славянских поселений от нападений врагов, своеобразными границами, отделявшими зачастую территории княжеств, и кроме того, они же способствовали развитию охоты и лесных промыслов. В лесах водились туры, зубры, медведи, лоси, олени, дикие козы, кабаны, волки, лисицы, куницы, соболи, горностаи, бобры; в степях — дикие кони — тарпанги, сохранившиеся до XVIII в. и описанные академиком Гмелиным, онагры (дикие ослы) и т. д. Из птиц гнездовались: все виды гусей, уток и лебедей, характерные для Восточной Европы, тетерева, рябчики, дрофы, стрепета, журавли, многие породы куликов и т. д. О богатой и разнообразной фауне Днепровского Левобережья говорят охотничьи подвиги Мономаха, описывающего свои встречи со зверями в черниговских и переяславльских лесах в «Поучении детям», охоты Олега, Мстислава Тмутараканского, звериные «ловы» Ольги, Всеволода Ярославича, не говоря уже о позднейших князьях. Об обилии дичи и зверя в этих местах говорят арабские источники, записки Марко Поло, посетившего южную Русь в 1271 г.,² описания путешествия митрополита Пимена, проезжавшего Доном в 1392 г.,³ записки Михаила Литвина, описывающего охотничьи промыслы середины XVI в.,⁴ акты

Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием северного Причерноморья. Готский сборник // Известия ГАИМК. Т. XII. С. 62—63, 77 и др.

² Чтения в Московском о-ве истории и древностей российских. 1862. Кн. IV. С. 488. ³ Аристов Н. Промышленность древней Руси. 1863. С. 5—6; ПСРЛ. Т. X. Никоновская летопись.

⁴ Аристов Н. Ук. соч. С. 6—7. Михаил Литвин пишет: «Зверей такое множество в лесах и степях, что дикие волю (bisontes), дикие ослы (anagri) и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается, кроме филейных частей; коз и кабанов оставляют без внимания. Газелей такое множество перебегают зимой из степей в леса, а летом в степи, что каждый крестьянин убивает тысячи. На берегах живет множество бобров. Птиц удивительно много, так что мальчишки весной наполняют лодки яйцами уток, диких гусей, журавлей, лебедей и потом их выводками пополняются и птичьи дворы. Орляты запирают в клетки для перьев к стрелам».

17

Левобережной Украины конца XV—XVI вв., по которым можно заключить о промыслово-охотничьем занятии жителей — «севруков», об обилии различных угодий, «уходов», «бобровых гонов», и т. д. Еще в XVII в. вокруг Рыльска в изобилии водились дикие кабаны,¹ у Путивля — медведи, лоси, кабаны, куницы и т. д., у Курска — дикие козы. В XVIII в. на севере Харьковской области водились еще медведи, куницы, горностаи и т. д., в Воронежских лесах — зубры, соболи, бобры (последние сохранились по настоящее время и разводятся в Госзаповеднике),² под Черниговом — медведи, дикие козы.³ Кое-какие виды этих животных в виде редчайших обитателей остатков некогда могучих лесов встречаются и теперь, например горностаи, куницы; некоторые смогли приспособиться к изменившимся условиям жизни и продолжают существовать и теперь, конечно, не в том количестве, как ранее, например волки, лисицы, зайцы и ряд пород диких птиц, часть же фауны совершенно и бесследно

исчезла. В первую очередь пропали туры, за ними лоси, зубры, дикие лошади, олени, несколько позднее дикие козы, медведи и т. д.

Лес, кроме охоты, давал еще многое для жизни человека в то время, а именно все необходимое для устройства жилища, утвари, орудий, частично одежду, обувь и т. п. Всем известно значение бортничества в древней Руси.

Реки и озера Северской земли изобиловали всевозможной рыбой. Об обилии рыбы в реках Левобережья упоминает Боплан. Акты юго-западной России наполнены известиями о рыбных промыслах.⁴

Подобные географические условия не могли не отразиться, как мы увидим ниже, на занятиях северян, радимичей и вятичей. Охота и рыбная ловля играли в их жизни весьма существенную роль. На это указывает и характер дани. Так, например, Олег, покорив северян, устанавливает «дань легку» — по черной кунице.⁵ Еще ранее они платили дань хазарам по шкурке белки «в дыму».⁶

Таким образом, географические условия Северской земли неодинаковы. Покрытая дремучими лесами в северной и северо-восточной части, усеянная болотами в западной и северо-западной, изрезанная сетью рек, стекающих в Днепр с севера и востока на запад, частично охватывая реки Азовского бассейна, она в южной своей части превращается в степь, и это обстоятельство придало истории Северских княжеств ряд специфических особенностей, отличающих ее от истории других земель древней Руси.

1 Характерно то обстоятельство, что в Рыльске существует легенда, что само название р. Рылы, а отсюда и Рыльска, происходит от того, что дикая свинья «вырыла» ее русло. Воспоминания о периоде обилия диких кабанов вокруг города сохранились еще в памяти стариков. Герб города Рыльска, также не случайно, — рыло дикого кабана. В окрестностях города встречается масса клыков диких кабанов, часто просверленных для ожерелий.

2 В отдельных селах помнят еще о том, когда в окрестностях водились бобры. См.: Чер-ниг. губ. ведомости. 1858. № 12.

3 Ляскоронский В. Ук. соч. С. 71.

4 Там же. С. 72; Акты юго-западной России.

5 Ипатьевская летопись. Изд. Археогр. комиссии. СПб., 1843. С. 12.

6 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 18.

18

3. Древнейшие города¹

На Левобережном Приднепровье были расположены многие крупнейшие города древней Руси, имевшие большое значение в складывании в дальнейшем вокруг них самостоятельных княжеств. Эти древние по своему происхождению города стояли на втором месте после Киева. Таков, например, Любеч, один из главных городов Северской земли, стоявший на основной водной артерии, где впоследствии, по выражению летописи, была сосредоточена «вся жизнь» (т. е. все богатство северских князей). Он впервые упоминается в летописи под 882 г., когда произошел захват его Олегом:

«... поиде вниз, и взя Любець, и посади муж свои».²

Затем Любеч встречается в летописи под 907 г., к которому летопись приурочивает первый договор русских с греками, но тут уже вместе с Черниговом и Переяславлем.³ Все три города играют большую роль в древней Руси, по ним «седаху велиции князи, под Олгом суще»,⁴ и на них греки обязуются «даяти уклады». Четвертый крупнейший город Северской земли — Курск, — судя по «Житию Феодосия Печерского», является таковым уже в начале XI столетия.

Археологические исследования показали, что вся территория северянской земли заполнена остатками городищ весьма древнего происхождения. Даже не считая городищ древнейшей поры (скифско-сарматской), все же необходимо указать на чрезвычайное обилие следов древних поселений, являющихся остатками славянских городищ и особенно часто встречающихся по течению рек. В свете данных археологии можно считать близким к истине упоминание анонимного Географа Баварского о более чем 300 городах в славянской земле.⁵ Часть городищ, несомненно, является остатками упоминаемых в летописи городов. Часть городов-городищ сохранилась до наших дней; одни из них так и остались городами (Чернигов, Переяславль), другие стали поселениями сельского или даже деревенского типа. В названиях таких сел и деревень до сих пор звучит их древнее наименование (древнее — Березый, современное — Березна). Многие городища так и остаются безымянными и обозначаются по названиям соседних с ними современных поселений, например Бельск. Многие упоминаемые в летописи города трудно поддаются определению в настоящее время и связать их с каким-нибудь определенным географическим пунктом почти невозможно. Сплошь да рядом летопись, упоминая о ряде городов, совершенно не оставила нам их наименований.

Так, например, в период походов Святослава Ольговича упоминается о ряде городов земли вятичей.⁶

В данном разделе автор не касается вопроса о происхождении городов, ограничиваясь лишь географическим очерком и описанием крупнейших городов.

2 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 22.

3 Дата условная, и большинство исследователей сомневается в наличии договора 907 г., считая первым достоверным договором договор 911 (912) г.

4 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 22.

5 Ш а ф а р и к. Славянские древности, XIX примечание // Землеписец Баварский. Т. II. Кн. III. С. 70.

6 Ипатьевская летопись. 1843. С. 35—37.

19

В 1147 г. в Черниговском княжестве упоминаются Уненеж, Беловежа, Бохмач, Всеволож и «иные грады многие».¹

Под тем же годом упоминается ряд непоименованных городов курского Посемья.²

В 1214 г. новгородцы берут Речицу и много других черниговских городов по Днепру, тогда как по летописи мы знаем только один город — Любеч.³

Таким образом, набрасывая карту Северской земли по летописи, мы, конечно, теперь не сможем нанести все ее населенные пункты. Не только мелкие, но даже и крупные — города в собственном смысле этого слова — опускаются летописными источниками.

Что же представляют собой эти города?

Н. Я. Марр по этому поводу замечает:

«Город имеет свою историю с подлинно доисторических времен, не включающую переходную ступень развития, когда соответствующий пункт являлся одновременно и 'селом' или 'деревней' и 'городом', что между прочим, отразилось и в речи, именно в наличии термина 'село-град', напр., у армян 'gyuga-qagaq', синонима в известной степени нашего местечка».⁴

Часть городищ являлась именно подобными «село-градами» — местечками (кстати сказать, этот термин уцелел на территории северян в украинском языке, где термин «град» среднего рода — «мнот», — тогда как в русском языке — мужского), небольшими селениями, которые так и не стали городами в собственном смысле этого

слова; часть же из них в связи с развитием ремесла и его отделением от сельского хозяйства, ростом торговли, обусловленным их географическим положением, а также в силу ряда политических обстоятельств (например, превращения в княже-ско-дружинную феодальную резиденцию и т. п.) превращалась в города.

Упоминания летописи о «градах», таким образом, следует рассматривать именно в данном разрезе, и летописные «грады» не должны создавать впечатления о большом количестве крупных городов, так как многие поселения, принципиально отличные от Чернигова, Переяславля, Любеча, Курска, действительно являвшихся городами, летописью причисляются к городам. Но указания летописных источников о большом числе «градов» и наличие сохранившихся до нашего времени сотен городищ (частично раскопанных и ставших достоянием науки) позволяют сделать выводы о сравнительно густом населении Северской земли VIII—XI вв. Многие из таких городищ связаны генетически и выросли на культурных слоях поселений предшествующих эпох, начиная с неолита и до времен владычества хазар, но большая часть их относится ко времени не раньше IX—X вв.

В этой главе мы не будем касаться данного раскопками городищ археологического материала и тех выводов, которые он позволяет сделать, а только попытаемся набросать историческую карту городов Северской зем

1 Там же. С. 36. Там же.

" Самоквасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873. С. 84.

4 М а р р Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике. Избр. работы. Т. V // Этно-глотогония Восточной Европы. С. 316.

20

ли. Этим вопросом специально занимались Багалеи¹ и Голубовский² в своих монографиях, причем последний дал еще историко-географическую карту Черниговской губ.,³ Ляскоронский,⁴ Андрияшев,⁵ Самоквасов⁶ (набросавший карту городищ Северской земли) и Грушевский.⁷

Попытаемся определить местоположение городов Северской земли и дать их краткую характеристику.

Главным городом Северской земли был Чернигов, упоминаемый, как было уже указано, впервые под 907 г. Центральное положение Чернигова, как главного города, сохранялось до татарских времен, когда главенство перешло к Брянску. Расположенный на высоком правом берегу Десны, при впадении в нее речки Стрижня, Чернигов являлся крупным транзитным торговым пунктом. Он связывал Северскую и Киевскую земли через Десну, Сейм, Донец и Оскол с Доном и Волгой, из которых Дон вел к Азовскому морю, греческим колониям, к Тмутаракани, а Волга — к Каспийскому морю, связывая русскую торговлю с арабской.

По замечанию Андрияшева, город складывался из «детинца» и «окольного града». Первый занимал самое высокое место в городе. Там помещались княжеский двор и Спасский монастырь, основанный еще Мстиславом в 1034 г. «Детинец» защищал собой «окольный град», занимая угол между Стрижнем и Десной, с юга, юго-запада, юго-востока и с севера. «Окольный град» был окружен валом и частоколом, с проделанными в нем воротами. Стрижень и Десна должны были защищать его с востока и запада.

Чернигов X—XI вв. имел ряд укреплений: 1) вал внешний, охватывающий все поселения, 2) укрепленный вал, окружавший «передний город» («предгорье»), 3) вал кругом внутреннего города, состоявшего из трех частей: а) острога, б) укрепленного района у Болдиных гор — с Елецким монастырем и в) «детинца», окруженного в свою очередь четвертым валом. Последним в системе всех укреплений был так называемый

«третьяк». В «детинце», кроме Спасо-Преображенского собора, были церкви Бориса и Глеба и Михаила, в «окольном граде» — церковь Параскевы-Пятницы. Под городом было еще два монастыря Успенский-Елецкий и Троицкий-Ильинский, расположенные на Болдиных горах. Как сам Чернигов, так и окрестности служили объектом археологических раскопок, произведенных главным образом Д. Я. Самоквасовым, которому, в частности, принадлежит заслуга разрытия и описания могил «Черной» и «Княжны Чорны» в самом городе, курганов на Болдиных горах, близ монастырей и т. д.⁸

багаей Д. И. Ук. соч. С. 52—69, 137—160.

Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 7—14. 3 Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губернии до 1900 г. // Труды XI Археол. съезда Т. II.

4 Ляскоронский В. Ук. соч. С. 157—198.

5 Андрияшев А. Нарис історії колошзаци Оверскої землі до початку XVI в. у ж. Его же. Нарис історії колошзаци Переяславської землі до початку XVI в. у ж.

6 Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам; Его же. Древние города России.

7 Грушевский М. С. Історія Украши-Руси. Т. I и II.

8 Андрияшев А. Нарис історії колошзаци Сіверскої землі до початку XVI в. у ж. С. 103; см. также карту древнего Чернигова у М. Погодина в его «Древней русской истории до монгольского ига»; Смоличев П. Чернигов та його околиця за часів великокня-

21

В окрестностях Чернигова были расположены: Гостничи, или Стояничи (1160), под Елецким монастырем, Семинь — «сельцо св. Спаса» (1152) — и Гюричев (1152). «Ольгово поле», упоминаемое под Черниговом и расположенное на пространстве от Троицкого монастыря до дер. Гущиной и р. Белоуса, представляло собой не только поле в буквальном смысле этого слова, но и ряд деревень; об этом свидетельствуют остатки селищ, найденных в этом месте, масса всевозможных вещей X—XII вв. и само название одного из сел в этом районе — Льгова (изредка называемого местными жителями Ильговым), расположенного на берегу высохшей речки «Льго-вочки», впадавшей в Белоус (летописный «Боловос»).²

Крайним юго-западным городом Черниговской земли была Лутава (1155), стоявшая у впадения Остра в Десну. На другом берегу Остра стоял Остерский городок, принадлежавший с 1055 г. Переяславльскому княжеству. Ныне на месте Лутавы находится одноименное село.³ Выше по течению Десны стоял Моровийск (1134) (ныне местечко Моровск). К северу от Чернигова был расположен Орогоць (1159), у истоков Боловоса, теперь с. Рогоць у р. Белоус;⁴ еще выше — Листвень⁵ (1024), теперь с. Малый Листвен. На восток от Чернигова, у впадения р. Свини в Десну, стоял городок Свенковичи (1160), ныне дер. Свинь.⁶

Километрах в двадцати от Чернигова по р. Снови лежал Сновск (1068), теперь Седнев, — старейший центр Северной земли, с громадными городищами, обилием курганов наиболее древней эпохи, а позднее — центр феодальной дружины, знаменитой «сновской тысячи».⁷

Еще дальше на восток лежал Березый (1152), теперь Березна.⁸ Недалеко от него, к югу, расположен Блестов (1151), теперь с. Блистово.⁹ Далее — Хоробор, ныне с. Мена, к западу от р. Убеди, недалеко от которого находится громадное городище княжеской поры, и Сосница¹⁰ на р. Убеди.

На левом берегу Десны были расположены с запада на восток: Игорев (1160), у теперешнего Нежина,¹¹ где расположено большое городище. Все-волож (1147), теперь

с. Сиволож б. Борзенского уезда, 12 Уненеж, теперь Ивангород, 13 в районе которого имеется городище, Белая Вежа (1147) на

зівсьюх//Сборник«Чернипві твшчне Лтобережжя». С. 125—146; Ярыгин. Изыскания о древнем расположении города Чернигова// Труды XII Археол. съезда. Т. III. С. 175—177.

'Андрияшев А. Нарис історії колошзаци Сіверської землі до початку XVI вш. С. 104; Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. С. 11—15, 36—37.

2 Голубовский П. В. Ук. соч. С. 28; Е ф и м о в А. Олегово поле // Труды XIV Археол. съезда. Т. III. С. 89—92.

3 Голубовский П. В. Ук. соч. С. 20.

4 Там же. С. 29—30.

5 Там же. С. 19—20.

6 Там же. С. 36.

7 Там же. С. 38—40; Андрияшев А. Нарис історії колошзаци' Оверської землі до початку XVI вш. С. 104.

8 Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. С. 2—5.

9 Там же. С. 42—50.

10 Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. С. 40.

11 Там же. С. 16—19.

12 Там же. С. 8—9.

13 Там же. С. 41—42.

22

месте современного одноименного села (Белемешь), 1 Бохмачь (1147) и Глебль, остатки которого усматривают в огромном городище у гор. Красного Калядина б. Конотопского уезда по р. Ромну. 3 На севере, далее по Десне, лежал Новгород-Северск (1141). Город состоял собственно из города-поселения и «острога» — крепостцы. В городе были трое ворот — «Острожные», «Черниговские» и «Курские». Под городом находился Спа-со-Преображенский монастырь. 4 Близ города были расположены село Мельтеково и Игореве сельцо, остатки которых в виде двух городищ существуют до сих пор 5 у сел Старохорщины и Дегтяревки. В Игореве сельце была феодальная усадьба князя и церковь св. Георгия.

Далее на севере находились города Стародуб (1096), Синин (1155), ныне одноименное село, Радогощ, или Радощ (1155), ныне Погар, 6 далее Ро-суха (1160), 7 Воробейна (1142) 8 и западнее — Ормина (1142), 9 теперь одноименные села. Еще дальше к северу, у границ со Смоленским княжеством, лежал Вщиж (1142) — центр небольшого удела, теперь село Вщиж на Десне. 10 Последним городом, входящим в Новгород-Северский удел, был Ропск (1159) у истоков р. Снови. 11

К юго-востоку от Вщижа, ниже по течению Десны, находился Брянск, или Дьбрянск (1146). На севере от него лежал Блов, или Оболь (1147), 12 у истока р. Болвы, а на юге, приблизительно на параллели Синина, по Десне был расположен Трубчевск (1185). 13 На левой окраине Посемья лежали: Вяхань (Бьяхань) (1147), на р. Терне — Попашь (1147), Вир у нынешнего Белополья, Липец, или Липовец (1283), — на Пеле. 14

Крупнейшими городами Посемья были: Путивль (1146), с близлежащей Игоревкой, 15 Рыльск (1152), Глухов (1152). К Рыльску принадлежал еще в XIII в. Воргол, ныне с. Воргол б. Глуховского уезда. Вокруг Рыльска расположены поселения IX—X вв., свидетельством чему являются курганы Подмонастырской слободки, раскопанные Дмитриюковым. На верхнем течении р. Сейма лежал главный город

Посемья — Курск (1095), окруженный целой цепью городищ. Далее на восток в летописи не встречается

1 Там же. С. 6.

2 Там же.

3 Там же. С. 9—10; Андрияшев А. Нарис історії колошзаци Оверської землі до початку XVI вш. С. 105.

4 Андрияшев А. Ук. соч. С. 105.

5 Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. С. 19, 21—22; Андрияшев А. Ук. соч. С. 105.

6 Голубовский П. В. Ук. соч. С. 31.

7 Там же. С. 33.

8 Там же. С. 7—8. Там же. С. 30.

10 Андрияшев А. Нарис історії колошзаци Сіверської землі до початку XVI вш. С. 105.

п Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. С. 32—33.

12 Андрияшев А. Нарис історії колошзаци Сіверської землі до початку XVI вш. С. 106.

13 Там же.

14 Там же.

15 Сенаторский Н. К истории заселения северо-западного района Курского края // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 4.

23

1

указаний на наличие поселений. Андрияшев считает возможным причислить к Посемью Донец, расположенный близ Харькова на р. Уди, ныне так называемое «Донецкое городище».1 Между Курском и Рыльском по течению Сейма лежал Ольгов (1152), ныне Льгов, в 7 км от которого расположены славянские погребения языческой эпохи. В состав Северской земли входили и немногочисленные города радимичей. Летопись знает несколько городов радимичей, тогда как по археологическим данным их было много больше.

Исследователь истории радимичей Б. А. Рыбаков радимичскими бесспорно считает Гомель и Чичерск.2 Радимичским был, по-видимому, и Прупой; Речица находилась на стыке дреговичей, северян и радимичей и, судя по археологическим данным, не может быть названа радимичским городом. Не был таковым и Любеч, почему-то относимый Андрияшевым к радимичам.3 Все эти города входили в состав Северских земель.

Перейдем к земле вятичей.

Первым известным нам городом собственно вятичской земли, вошедшей в южной части своей в состав территории Чернигово-Северской земли, была Рязань, захваченная Олегом Святославичем в 1096 г., ныне Старая Рязань.4 С конца XI в. Муромо-Рязанская земля становится уделом Святославичей. Долгое время, начиная с 1094 г., в ней распоряжался Олег Святославич. Еще до этого времени Муром был вотчиной Олега Святославича и его отца Святослава. После княжившего в Рязано-Муромской земле брата Олега, Ярослава Святославича, умершего в 1129 г. в Муроме, кончается тесная связь между Чернигово-Северским и Рязано-Муромским княжествами. Сыновья Ярослава, Юрий, Святослав и Ростислав, интересуются не югом, а севером, и среднее течение Оки обособляется в самодовлеющую политическую единицу.5 Ввиду этого обстоятельства признать Муромо-Рязанскую область постоянной составной частью Северской земли нельзя, поэтому мы и не останавливаемся подробно на рязанских городах. В дальнейшем мы также не будем

останавливаться на специфических особенностях развития Рязанской области и ее истории. Эти вопросы заслуживают особого внимания и ждут специального исследования, тем более необходимого, чем больший промежуток времени отделяет нашу историческую науку от науки времен Иловайского.

В земле вятичей крупным городом была только Рязань. Остальные представляли собой в большинстве случаев просто земляные укрепления — городища, своеобразные «детинцы», куда во время опасности сходилось население окрестных поселков.⁶

Древнейшими городами вятичей, кроме Рязани, были Лопасна и Кол-теск по Оке и Дедославль в верховьях Угры.⁷ С середины XII в. мы знаем

'Андрияшев А. Нарис ісхоріі колошзаци СЛверськоТ земш до початку XVI вжу. С. 107.

2 Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 120—121, 146—147.

3 Андрияшев А. Нарис ісТоріі колошзаци СЛверськоТ земли до початку XVI вжу. С. 108.

4 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 223. 5 Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. С. 36—39. 6 Арциховский А. В. Курганы вятичей. С. 159. 7 Ныне с. Дедилово у Тулы.

24

еще целый ряд городов, ставших нам известными благодаря подробному изложению летописью межкняжеской борьбы, разгоревшейся на земле вятичей. К ним мы относим: Севск, вокруг которого найдены северянские могилы, находившийся на границе земли собственно северян и вятичей, Болдиж, Кромы, Мценск, Карачев, Волхов, Девягорск, Домогощь, Козельск, Воротыньск, Серенск, Лобыньск, Новосиль, Мосальск, Мещовск, Таруса, Одоев.¹

Вятичский север, являвший собой в XIII—XIV вв. наиболее яркую картину феодальной раздробленности, со второй половины XIII в. также постепенно порывает связи с Черниговским Левобережьем и все больше и больше начинает этнически, экономически и политически тяготеть не к украинизирующемуся Поднепровью, а к русифицирующемуся междуречью Волги и Оки. В силу указанного обстоятельства вятичские города с конца XIII и первой половины XIV в. перестают нас интересовать.

Переяславльская земля лежала по течению рек Трубежа, Альты, Супоя, Сулы с притоком Удай; часть ее поселений была расположена и далее на юго-восток — по Хоролу, Пслу и Ворскле.

Главный город — Переяславль (907) — стоял у слияния Альты и Трубежа, недалеко от Днепра. Это был основной укрепленный пункт в борьбе Киева со степью. Переяславль состоял собственно из «города» и «пригорода», хорошо укрепленных. В «городе» находился княжеский двор и церкви: митрополичья св. Михаила, св. Федора, св. Андрея, богородицы, Воздвижения и монастырь св. Ивана. Сама крепость, небольшая по размерам, была окружена рвами, валами и каменными стенами с тремя воротами: Княжескими, Епископскими и Кузнечными. «Предгорие» («пригород») было также укреплено, но, конечно, не так, как кремль. В городе было много каменных зданий и даже общественные бани. В окрестностях Переяславля был расположен княжеский «Красный двор» и монастыри Саввы, рождества богородицы, Бориса и Глеба. Со всех сторон Переяславль был окружен двумя длинными, змеевыми валами — «Большим» и «Малым», очень древнего, еще скифского происхождения, к X—XI вв. уже утратившими свое бывшее значение оборонительной линии.²

Окрестности Переяславля были густо заселены. У впадения Трубежа в Днепр стояло Устье (1096) — гавань Переяславля, между Устьем и Переяславлем стоял Корань (1140), на северо-востоке — села Кудново, Стряково и Янчино (1140). Здесь же близко были расположены Мажево сельцо (1151) и город Глебов. На границе

Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств, у впадения Остра в Десну, стоял Остерский городок («Юрьев городок», «городок на Остре»), ныне с. Старогородок, принадлежавший Переяславскому княжеству и игравший большую роль в княжеских войнах. Между Старогородком и Переяславом было расположено много городов: Баруч (современная Барышевка) (1126), к западу, на Тру

1 Арциховский А. В. Курганы вятичей. С. 159—160; Андрияшев А. Нарис історії колошзаци Слверської землі до початку XVI вш. С. 109; Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 19—20; Багалея Д. И. У к. соч. С. 110—111.

2 Андрияшев А. Нарис історії колошзаци Переяславської землі до початку XVI вш. С. 6—8; Ляскоронский В. Ук. соч. С. 159—163.

25

беже, — Лто, или Лтьо (1159), на север от Баруча стоял Носов (1147), теперь городище у Глаголева. Невдалеке стояли еще: Бронь-Княж (1125), Городок и Нежатин (1125). В верховьях Супоя лежали Русотин (1147), ниже по течению — Песочен (1172), теперь с. Песчаное, и у впадения в Днепр — Дубница (1153), где ныне расположено у д. Дубново городище X—XII вв.

По течению Удая были расположены, начиная с верхнего течения: Песочен (1092), Прилука (1092) и Переволока (1092) (последние два существуют поныне), Варин, Пирятин (1154) и Полкостень (1125) (на месте городища у с. Повстин). У впадения р. Ромны в Супу стояли Ромны (1125), а дальше вниз по течению Сулы: Синец, Кснятин (1125), ныне Снятии. У впадения Удая в Сулу были расположены Лубны (1107), Снопород, Лукомль (1125) (ныне городище у с. Лукомье), Горошин (1125) (теперь с. Горошино), Жолни (1116) (теперь с. Жовнин) и Воинь (1055) у с. Воинская Гребля.

На северо-восток от Переволоки, по-видимому, находился город Серебряный (1147), на северо-запад от Пирятина — Малотин (1140); у Переяслава лежал Обров (1125), на север от Жолни стоял Деменск (1155).

Почти не поддаются нанесению на карту Римов (1125) и Вороницы (1125). Ляскоронский приурочивает летописный Римов к нынешнему местечку Буромке (Буромле), на правом берегу Сулы, напротив Горошина.¹ Некоторые исследователи сближают Римов и Ромны, считают их одним и тем же городом.

Славянские поселения уходили далеко вглубь степи. В 1174 г. половцы, подойдя к Ворскле, ищут «языка» для выяснения расположения русских войск, а следовательно, русское население имелось и там, на границе степи. Поэтому я считаю возможным не согласиться с А. Андрияшевым и признать в летописной Голтаве (1111), современной Голтве, не реку, а поселение. Равным образом, по-видимому, поселениями были и Хорол (1107), где русская рать оставила свои сани ввиду наступления весны, и Лтава (1174) на Ворскле.

Таким образом, угол, образуемый Сулой, Днепром и Остром, являлся довольно густо заселенным краем; частично, на юго-востоке, славянские поселения заходили и за пределы этой черты.

Кроме указанных городов,² концентрируясь вокруг них, население Переяславской земли жило в многочисленных селах. О селах в Переяславской земле говорят летописи. В 1092 г. половцы берут три города на Удае и «многие села».³ В 1110 г. половцы «воеваша около Переяслава по селам».⁴ В 1135 г. они пожгли села у Городка и Баруча,⁵ в 1136 г. разгромили села на Суле и т. п.⁶

Ляскоронский В. Ук. соч. С. 187.

2 Там же. С. 159—199; Андрияшев А. Нарис історії колошзаци Переяславської землі до початку XVI вш. С. 187.

ЗГрушевский М. С. Історія Укра'ши-Руси. Т. II. С. 312—358; «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 208.

4 Ипатьевская летопись, с. 188. Ипатьевская летопись, 1843. С. 13.

6 Там же. С. 13—14.

26

В летописи имеются аналогичные упоминания о селах собственно Чернигово-Северской земли. Летописи и «Жития» говорят о селах близ Чернигова, Путивля, Новгород-Северска, Стародуба, Курска.

Славянские поселения по Дону, Осколу, Донцу уходили далеко на юг (например Донецкое городище, Ницаха, Саркел, ставший к началу XI в. русским городом, и т. д.), но многие городища лесостепной полосы не оставили нам своих названий.

На далеком юге были расположены Тмутаракань, Корчев, «Русское село» (Russia, Рюоош) — крайние аванпосты русской государственности на юго-востоке, связанные со своей далекой метрополией — Черниговым.

Приведенный перечень городов, конечно, не полон.

Ряд городищ IX—XII вв., остатков древних поселений, следы многочисленного населения Левобережного Приднепровья дошли безыменными до наших дней. Летопись умолчала о них, так как они не вошли в число мест, захваченных княжескими походами — важнейшими моментами политической деятельности князей, столь интересовавшей летописца.

Таким образом, набросанная карта поселений Северской земли, основанная на указаниях летописи и, частично, археологических материалах, конечно, далека от совершенства и нуждается в уточнении, но она все же дает некоторый новый материал, корректирующий и дополняющий карты Грушевского, Голубовского, Багалея, Андрияшева и Ляскоронского.

Подводя некоторые итоги изучения географической карты древнейших городов Северской земли, следует отметить, что большинство их располагалось по течению рек и у озер. На юге города возникали за древней линией укреплений: «змиевыми валами». Правые берега рек, особенно Трубежа и Сулы, были усеяны укрепленными поселениями; левый, степной, берег рек представлял собой уже несколько иную картину — население жило редко, прячась в болотах и лесах по берегам рек.

ГЛАВА II ДОФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

1. Древнейшее население Днепровского Левобережья

Территорию Северской земли человек заселил еще в очень отдаленные времена, о чем свидетельствуют довольно значительные по количеству и представляющие большой интерес стоянки эпохи палеолита, расположенные главным образом в Черниговской и Воронежской областях. Крупнейший исследователь палеолита в СССР, П. П. Ефименко, замечает:

«Особое место в изучении палеолитических культур европейской части РСФСР по праву занимает Костенковско-Борщевский район Воронежского края, где работами П. П. Ефименко и С. Н. Замятина, ведущимися почти непрерывно с 1922 г., установлено 8 характерных культурных комплексов, обнимающих почти все стадии верхнего палеолита».¹

Не только на Левобережной Украине, но и на всей территории СССР пока что не обнаружено никаких следов шелльской культуры. Но уже эпоха мустье представлена на Левобережье довольно многочисленными находками в мустьерском стойбище у впадения р. Деркул в Северский Донец и у Красного Яра близ Ворошиловска.² В те времена междуречье Днепра и Дона было еще очень слабо заселено небольшими группами первобытных охотников, разбросанными на огромной территории.³ К поздне-ориньякскому и раннесолютрейскому времени относятся Борщево I, Кос-тенки

I (у Воронежа), Гагарино (верхний Дон) и Бердыж (на Соже); ко времени между солютре и мадленом и к мадленскому — Костенки II, III и IV, Супонево и Тимоновка (под Брянском), Мезин (в Черниговской обл.), Чулатово I и II, шесть пушкаревских стоянок у Новгород-Северска, расположенная там же стоянка у Дегтярева, Гонцы на Полтавщине и Сучкина (близ города Рыльска на Сейме).⁴

В Тельмановской стоянке у Костенок под Воронежем, относящейся к солютрейской эпохе, обнаружена землянка с очагом, едва ли не первая находка искусственного человеческого жилища той поры. В Костенках I откопан целый комплекс жилых помещений и хозяйственных сооружений.

Ефименко П. П. Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения // Сообщения ГАИМК. 1931. № 3. С. 8.

Ефименко П.П. Первобытное общество. С. 252—255; Его же. Находки остатков мустьерского времени на р. Деркул // Палеолит СССР. С. 13.

3 История СССР (на правах рукописи). Т. I. Ч. I и II. С. 17—18.

4Ефименко П. П. Первобытное общество. С. 442—467, 469—508, 541—544, 550—563; Воеводский М. В. Тимоновская палеолитическая стоянка// Русский антропологический журнал. 1929. Т. XVIII. Вып. 1—2.

28

Находки в обеих стоянках характерны высокой культурой верхнего палеолита (костяные и каменные теслообразные и топоробразные орудия). Это было время экзогамии, зарождения матриархата и тотемизма. Подобного же типа поселения обнаружены в Гагарине¹

Начало мадленской эпохи с характерными изделиями из кости и рога представлено в Мезине. Стоянки мадленского времени тяготеют к рекам и являются сезонными стойбищами. Люди живут в шалашах, охотясь на мелких зверей, водоплавающую дичь и занимаясь рыболовством. Начало высшей ступени дикости характеризуется концом палеолита, азильско-гарденуазской эпохой. К этому времени относятся: Борщево II (у Воронежа), Журавка (на Полтавщине) и Роголик (на Донце). Население кроманьонского типа живет в шалашах на отлогих холмах у рек, часто меняя места стоянок и занимаясь охотой, рыбной ловлей и собирательством.²

Анализ этой поры, равно как и периода неолита, представленного в интересующей нас области несравненно большим количеством находок и несравненно более богатым археологическим материалом, не входит в нашу задачу. Необходимо только констатировать, что еще в глубокой древности северянская территория была уже землей, заселенной человеком. Значительно большее, по сравнению с порой палеолита, количество неолитических находок дает возможность сделать вывод о постепенном распространении человека и повышении плотности населения в этой части Восточноевропейской равнины.

Улучшение климатических условий, обусловленное отступлением ледника, способствовало увеличению народонаселения и расселению древних обитателей Восточной Европы. В лесостепной полосе европейской части СССР распространяется ранний неолит с крупными макролитическими орудиями (5000—2500 лет до н. э.). Это время так называемой кампинийской культуры, характеризуемое топорами-резаками, мотыгами, массивными скреблами и т. п. Огромное количество макролитов обнаружено на Донце в Харьковщине, у Изюма, на Десне, по р. Смячке у Новгород-Северска. К кампинийской эпохе относится начало примитивного мотыжного земледелия. На севере, в лесной полосе Восточной Европы, несколько позднее (3000—1000 лет до н. э.) распространяется неолитическая культура с ямочно-гребенчатой керамикой. Эта культура принадлежала рыбакам и охотникам, жившим родами, объединенными в племена, в поселениях, не знавших укреплений, причем зимой

жилем служила землянка, а летом шалаш. Господствовали матриархальные отношения. Несмотря на слабую изученность неолита на Левобережье, можно утверждать, судя по находкам аналогичной ямочно-гребенчатой керамики в бассейне Донца, на Сейме, Ворскле и Днепре, что лесные охотники и рыбаки занимали и лесостепную полосу. Большой интерес представляет явное сходство керамики славянских городищ роменского типа с ямочно-гребенчатой, что, быть может, говорит о генетических связях носителей обеих культур.³

1 История СССР (на правах рукописи). Т. I. Ч. I и II. С. 22—27.

2 Ефименко П. П. Первобытное общество. С. 593—595, 596—598, 600—602.

" История СССР (на правах рукописи). Т. I. Ч. I—II. С. 59—71; Сибилев Н. В. Древности Изюмщины. Вып. I—II; Его же. Отчет о зондажных раскопках в Изюмском округе в 1926 г.; «Изюмский Государственный Музей»; Его же. Старовинносп Бюмщины. Вып. IV;

29

К эпохе неолита относятся памятники так называемой «трипольской культуры». Несмотря на то, что основной район распространения трипольской культуры расположен к западу от Днепра и даже выходит за пределы СССР, тем не менее трипольская культура характерна и для Днепроовского Левобережья, где были обнаружены памятники материальной культуры III—II тысячелетия до н. э. (в районе Бортников, Гнедина и Евминки на Черниговщине и Лукашей на Полтавщине).¹

Создатели трипольской культуры занимались мотыжным земледелием так называемого «огороднического» типа, возделывая просо, пшеницу, ячмень. В раннетрипольское время примитивное мотыжное земледелие было ведущим. Земледелие сочеталось со скотоводством, носившим пастушеский характер, причем разводился главным образом крупный рогатый скот (быки), и только позднее, в позднетрипольское время, наряду с рогатым скотом появилась недавно прирученная лошадь. Скот разводили только на подножном корму, и никаких заготовок сена не было. По мере необходимости и в момент опасности скот загонялся на площадь внутри поселений. Охота и рыбная ловля, особенно последняя, играли второстепенную роль.

Трипольцы были оседлым, земледельческим населением. Их поселки располагались у воды, но при этом далеко не всегда избирались берега больших рек, и зачастую трипольцы довольствовались небольшим ручейком, текущим по дну степного оврага. Это обстоятельство отчасти и обуславливает относительно слабо развитое рыболовство. Оседлость трипольцев способствует развитию гончарного искусства и созданию знаменитой трипольской расписной керамики.²

Носители трипольской культуры вели первобытное коллективное хозяйство и жили матриархально-родовыми общинами, состоявшими из отдельных брачных пар. Жилищем трипольцев были большие дома.

К востоку от Днепра, главным образом на Донце, обнаружены типичные для III—II тысячелетия древнеямные погребения. Носители культуры древнеямных погребений были оседлыми и полуоседлыми племенами собирателей, охотников и рыбаков, еще только лишь начинавших приручение животных. Жилищами для этого населения служили бревенчатые хижиньки-полуземлянки. Во II тысячелетии в хозяйстве и социальном строе населения междуречья Днепра и Дона происходят крупные сдвиги. Позднетрипольские племена отходят от мотыжного земледелия, и усиливается значение скотоводства и охоты. Главным домашним животным вместо крупного рогатого скота становится лошадь. Вместе с ростом скотоводства наблюдается и естественный результат этого явления — большая подвижность населения: время от

Труды экспедиции для изучения Изюмского края, под руководством проф. А. С. Федоровского. Вып. I; Рудинский М. Матеріали до вивчення неолічно"1 доби сточища

р. Вор-скла; Его же. Дюнш стадн неолитично¹ доби з побережжа Ворскла; Макаренко Н. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу.

Пассек Т. С. Исследования трипольской культуры в УССР за 20 лет // Вестник древней истории. 1938. № 1 (2). С. 273—274. См. также сборник «Чернипів і швшчне Лшобережжя». С. 42.

2Богаевский Б. Л. Орудия производства и домашние животные Триполья.

30

времени в некоторых местах начинаются переходы с места на место. Ухудшается керамика. Исчезают большие дома, чи их место занимают семейные землянки. Поселения трипольцев этой поры уже определенно локализируются главным образом на низменных, левых берегах степных и лесостепных рек.

Население Дона и Донца в это время (II тысячелетие до н. э.) — охотники, рыбаки и собиратели, — генетически связанное с создателями неолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, переживает среднюю ступень варварства.

Все большую и большую роль начинает играть скотоводство, правда, еще не достигшее кочевой стадии, оставшееся пастушеским, связанным с заливными лугами. Переход к скотоводству, как ведущей отрасли хозяйства, совершается во II тысячелетии до н. э. и протекает главным образом в лесостепной полосе (например на Дону, у Воронежа, раскопки славянских городищ Борщева и «Кузнецовой дачи» обнаружили в нижних слоях керамику и землянку времен бронзы).¹

На Донце в это время распространяются катакомбные погребения с окрашенными и скорченными костяками. Катакомбные погребения принадлежат пастухам-скотоводам, по-прежнему занимавшимся наряду с разведением на заливных лугах скота и мотыжным земледелием (культивировалось главным образом просо). Жилищем служили землянки с конической крышей и наземные четырехугольные плетеные жилища. Позже появляются срубные погребения (например, Костенки у Воронежа). Для этого времени характерны землянки и полуземлянки с двухскатной крышей из соломы или камыша.

На всем протяжении лесостепного и степного Левобережья, Донца и Дона в среднем его течении и южнее в это время (первая половина II тысячелетия до н. э.) наблюдается переход к патриархально-родовым отношениям с большой семьей.

К концу трипольской культуры относится появление и распространение первых украшений и орудий из меди и бронзы.

Нам неизвестны племенные наименования создателей трипольской культуры. Неизвестно, естественно, и наименование обитателей междуречья Днепра и Дона в III—II тысячелетиях до н. э.

Мы не можем вслед за обнаружившим трипольскую культуру В. В. Хвойко видеть в ее носителях «праславян», или «протославян», пронесших свое славянское ab ovo начало через тысячелетия вплоть до времен образования Киевского государства; но не связывать эти земледельческие оседлые племена, к которым генетически восходит целый ряд племен Приднепровья, с позднейшими славянами также не представляется возможным. Несомненно, что создатели трипольской культуры приняли в какой-то мере участие в формировании позднейшего славянства.²

ефименко П. П. Жилище времен бронзы, открытое на пойме Дона, в окрестностях Костенок // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 5. С. 46.

2Хвойко В.В. Каменный век Среднего Приднепровья // Труды XI Археол. съезда; Его же. Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры; Его же. Раскопки В. В. Хвойко в 1899—1900 гг.; Державин Н. С. Об этногенезе древних народов Днепровско-Дунайского бассейна // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 283—285.

31

Преемниками трипольцев и современных им племен выступают уже по письменным источникам кимеры. Развитие скотоводства привело к тому, что часть кимеров уже, несомненно, скотоводы-кочевники. Но если в степи во времена кимеров наблюдается переход к кочевому скотоводству, то в лесостепной полосе начинается переход к пашенному земледелию. Под давлением скифов часть кимеров вынуждена была покинуть свою землю и уйти во Фракию и Малую Азию. Остатками кимеров считают тавров, занимавших горные и малодоступные области Крыма вплоть до II в. до н. э.

В скифские времена в Восточной Европе окончательно оформилось «первое крупное общественное разделение труда»... «пастушеские племена выделились из основной массы варваров»,¹ скотоводы отделились от земледельцев, кочевники от оседлых. Мы не будем останавливаться на кочевниках, по-видимому, слабо связанных с позднейшим славянским населением Днепровского Левобережья, а обратимся к оседлому земледельческому населению скифской поры.

Граница между земледельцами и кочевниками прошла почти что по южной окраине Северской земли. Для всей ее южной части характерны скифские погребения, городища и т. д., проникающие на север, в современную Курскую область.² Говоря о городищах и могилах, датируемых греческими, римскими и арабскими монетами суммарно I—VII вв. н. э., Д. Я. Самоквасов замечает:

«Количество могильников этого содержания в областях Сулы, Пела и Ворсклы громадно. Достаточно сказать, что в пределах Роменского у., на правом берегу Сулы я встретил почти непрерывный курганный могильник, тянувшийся на протяжении 50 верст от с. Волховцы до с. Волошинова, несомненно родственный северянским могильникам, но бытовые предметы которого принадлежали к глубокой древности и давали возможность установить фактически родство между северянами последних столетий язычества и древними скифо-сарматскими народами, населявшими южную Россию со времени образования Сколотского царства в VII в. до Р. Х. до времени образования в южной России Козарского царства VII в. по Р. Х.»³

Чем дальше и дальше на север, тем все меньше и меньше встречается так называемых скифских городищ и курганов. Центром их является Переяславщина, главным образом устья Сулы, Пела и Ворсклы. Нельзя не отметить, что по р. Суле, судя по указаниям писателей древности, были расположены погребения царских скифов — «парлатов».

В Переяславщине скифские городища и курганы расположены у Лубен (Лысая гора), у с. Аксютин б. Роменского уезда, в с. Липовом, у г. Глинска, с. Медвежьего, Красного Калядина б. Конотопского уезда и т. д.⁴ Количество отдельных находок и курганов чрезвычайно велико. Громадное количество городищ, майданов, длинных «змиевых» валов, расположен

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Изд. 1933. С. 189.

Г о т ь е Ю. Железный век в Восточной Европе. С. 9—15. ³Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 69.

⁴Ляскоронский В. Ук. соч. С. 93—99.

32

ных на определенной территории, указывает на наличие подлинной полосы укреплений, которыми старались обезопасить себя от вторжений кочевников земледельцы. Еще Ляскоронский указал на значение городищ и валов как оборонительной линии и связал их со скифским обществом.¹ Наиболее древние слои городищ и майданов характеризуются погребениями со скорченными окрашенными костяками,² и таким образом, начало возведения укреплений следует отнести, по-

видимому, еще ко II тысячелетию до н. э. и отчасти, быть может, к более позднему времени, когда киммерские родовые группы земледельцев-пастухов впервые столкнулись с кочевниками, получившими уже, возможно, имя скифов. Основная масса находок в этих городищах относится к скифской поре, но часть может быть датирована X—XI вв., когда русские князья и дружинники не только возводили новые укрепления, но и использовали старую оборонительную линию. В этих городищах встречаются и вещественные памятники, приписываемые сарматам, готам и хазарам.

. Вполне естественно было бы найти какую-то определенную взаимосвязь между земледельческим населением скифских времен, жившим на границе лесостепи (т. е. на южной окраине будущей Северной земли), и насельниками северянской территории VIII—IX—X вв., так называемой славянской поры. Эта связь славянского мира Левобережья с его предшественниками — земледельческими племенами скифских времен — устанавливается, как это мы ниже постараемся доказать, вещественными памятниками, данными лингвистики и т. д.

На курганы земледельческих племен скифов, так называемых «скифов-пахарей», живших, по Геродоту, в 10—11 днях пути от низовьев Днепра вверх по его течению, обратил внимание еще А. А. Спицин.

Курганы земледельческих племен скифского времени, датируемые главным образом VI—V вв. до н. э. и исчезающие в большинстве своем в III—II вв. до н. э., расположены по отношению к интересующему нас району в Полтавской, Черниговской, Харьковской и Воронежской областях, т. е. на территории лесостепной полосы.³ Севернее Сейма и Десны они уже не встречаются. Скифские городища, расположенные между Днепром и Донцом, обнесены земляными укреплениями и обычно отличаются большими размерами. Как и ранее, земледельческие племена во времена владычества в Северном Причерноморье скифов избирали для своих поселений главным образом не берега больших рек, а небольшие реки и даже овраги; на дне которых текли ручьи. Интересной особенностью городищ скифской поры является также тяготение их к лесным массивам, служившим естественной защитой главным образом от враждебных степняков-

Ляскоронский В. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Пела и Ворсклы; Его же. Змиевые валы в пределах южной России, их отношение к курганам-майданам и приблизительная эпоха их возникновения; Его же. К вопросу о курганах, городищах, майданах; Его же. Городища, курганы, майданы и длинные (змиевые) валы в области Днепровского Левобережья//Труды XIV Археол. съезда. Т. III; Его же. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы//Труды XI Археол. съезда. Т. I.

Ляскоронский В. К вопросу о курганах, городищах, майданах. С. 15—16. Спицин А. А. Курганы скифов-пахарей. Отд. отт. С. 87—97'.

2 В. В. Мавродин

33

кочевников. Даже на опушках лесных массивов городищ мы почти не встречаем.

Из крупнейших городищ Левобережья скифской поры наибольший интерес представляет Вельское городище, расположенное над долиной р. Ворсклы в Полтавщине (Груньский район Полтавской области, недалеко от г. Вельска). Вельское городище представляет собой собственно два поселения-городища (восточное и западное), общей площадью в 4400 га, огражденные валом и рвом. Внутри городища находятся следы жилищ земляночного типа. В вещественных памятниках, в характере погребений сказывается связь между населением Вельского городища скифской поры и древнейшими поселенцами этого края. Некогда, в древности, в начале скифской поры, в лесостепной полосе не было укрепленных поселений, и остатки таких

неукрепленных поселений земледельческого населения мы можем наблюдать в виде так называемых «зольников».¹ Позже, когда господствующие племена более подвижных и воинственных кочевников начали непрерывные нападения на оседлые земледельческие племена, результатом которых был увод скота, рабов, грабеж и насилия, земледельцы принялись за постройку укрепленных городищ, возведение валов и т. п.

Интересно отметить, что большая площадь, занимаемая городищами, величина укрепления, протяженность валов и рвов, наряду с наличием относительно небольшого числа остатков жилищ, свидетельствуют о том, что укреплениями обносится целый заселенный район вместе с обработанными полями, площадкой для скота и т. п.

На территории Вельского городища обнаружены 35 очень древних зольников и остатки полуземлянок или наземных жилищ (землянки с глинобитной печью). Аналогичные землянки, очень многочисленные (до 300), размером от 2 до 10 м в диаметре, обнаружены в Дубовском городище, расположенном в верховьях р. Сосонки, впадающей в Ворсклу.

У скифских земледельческих племен существовало плужное земледелие. Возделывались просо, пшеница, лук, чеснок, лен, конопля. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на господство земледелия, у скифских земледельческих племен большую роль играло скотоводство.

Орудия труда изготавливались из меди, бронзы, а позднее и из железа.

Скифские городища довольно многочисленны, и на протяжении от Днестра и Припяти и до Донца их насчитывается около сотни.

В какой же мере население городищ скифской поры, расположенных в лесостепной полосе Днепровского Левобережья, связано с позднейшим славянским населением этого края?

Генетическая связь древнейшего населения этих мест с поселившимися здесь много позднее славянскими племенами несомненна. Богатый материал для такого вывода дает изучение различных культурных слоев в отдельных городищах. Постепенное напластование этих слоев позволяет разобраться в истории края за довольно большой период времени, от неолита до IX—XI вв. н. э. Особенно ценно сравнение орудий производства, оружия и украшений, находящихся в отдельных пластах. Эти же вещественные памятники позволяют установить преемственную связь

¹ Там же. С. 142

в хозяйстве, быту, религии и даже социальном строе славян с древнейшими обитателями этого края.

Не только на основании лингвистических данных, согласно теории Н. Я. Марра, мы можем считать население этих мест автохтонным, но и в результате простого анализа вещественных памятников мы приходим к таким же выводам. Это не значит, что мы отрицаем возможность передвижений отдельных племен, захвата и подчинения определенными группами данного племени других племен и т. п.

Но все-таки мы можем говорить о наличии этнической и социальной связи между позднейшими жителями данной области и их отдаленными предшественниками.

Трипольцы, кимеры, равно как и скифские земледельческие племена и так называемые «нескифские племена» Приднепровья, не могли исчезнуть без следа, а продолжали существовать в виде своих потомков в массе позднейшего населения. Сарматы также не были абсолютно чужеродным скифскому обществу племенем, вторгшимся на территорию скифов и истребившим их. Точно так же не исчезли скифо-сарматская культура и скифо-сарматское общество. Весьма вероятно, что скифо-сарматское общество в результате целого ряда переворотов и межплеменной борьбы не

погибло совсем, а какой-то своей частью, включив в свой состав другие этнические группы, послужило основой для образования славянских племен определенного района.

Это обстоятельство и дает нам право утверждать, что восточнорусское славянство далеко не «чистокровно».

Можно считать установленным, что появившиеся на исторической арене народы никогда совсем не исчезают, а исчезают и забываются только их названия.

Еще в прошлом столетии ряд историков отметили связь восточных славян и, в частности, северян со скифо-сарматским миром. Всем известны труды в этой области Забелина, Иловайского, Ламанского, Багалея, Голубовского. Но сама постановка вопроса в их трудах такова, что нас она теперь удовлетворить, конечно, не может.

Так, например, Забелин в своей «Историй русской жизни» причислял к славянам почти все упоминаемые писателями древности племена, когда-либо жившие на территории Восточной Европы. В его представлении ким-мерияне — это славяне, как тавро-скифы были не кто иные, как русские.¹ Но в то же самое время одно место в его работе все же показывает, насколько далеко шагнул он вперед по сравнению с теми историками, для которых история народов — сплошной калейдоскоп непрерывных передвижений, истреблений, замены одной народности другой в пределах определенной области. «Уступая, однако, здравому смыслу, историки-исследователи, для более здравых объяснений этого передвижения народов, выработали сокращенные, но почти у всех одинаковые рассуждения, вроде следующих: "Вероятно, остатки скифов были вскоре потом частью истреблены сарматами, частью прогнаны назад в Азию, частью же наконец совершенно слились с сарматами". Исчезло в писании имя Роксалан —

"Забелин А. История русской жизни. Т. I. С. 256, 267—268, 274 и др.

35

"можно догадаться, что одних из них истребили готы, а других гунны, а что осталось от того, то поспешило соединиться с родичами своими аланами. Аланы северные когда исчезли и куда девались, неизвестно, а южные ушли за гуннами или на Кавказ", и т. д. Так всегда очищается место для появившегося вновь народного имени, когда исчезает из истории старое имя. Известно, что в 16 и 17 столетиях Русь в Западной Европе стала называться Московией, а русские москвитями. Явился, следовательно, новый народ москвичи, и Русь внезапно исчезла, оставив небольшой след только в юго-западном углу страны, у Карпатских гор. Если бы это произошло за десять веков назад, не в 16, а в 6 или в 5 веке, откуда так мало сохранилось свидетельств, то исследователи имен, конечно, объяснили бы исчезновение Руси теми же самыми словами, как объясняли исчезновение скифов».¹

Забелин восстал против теории сплошных переселений, но ни на что другое не был способен, как на огульное отнесение почти всех племен глубокой древности к славянам.

Приблизительно на той же позиции стоял и Иловайский в своих «Разысканиях о начале Руси».

Все же за ними нельзя отрицать определенной роли в борьбе с миграционной теорией.

Но впервые по-настоящему весь вопрос о происхождении племен, о процессе этногенеза поставлен Н. Я. Марром.

Казалось бы теперь, когда так называемая «яфетическая теория» (т. е. новое учение о языке) по праву играет роль единственной подлинно научной теории, нет надобности доказывать правильность ее основных положений, но, к сожалению, все-

таки круг работ, объясняющих на ее основе происхождение восточных славян, крайне ограничен.²

Не пытаясь в какой-либо мере поднять снова вопрос о процессе этногенеза восточных славян в свете нового учения о языке Н. Я. Марра, мы только лишь обращаем внимание на постановку этого вопроса в работах Марра, написанных на основе тщательного изучения языков.

На первый взгляд отнесение ряда племен к непосредственным предкам славян кажется натянутым, но «что понимать под племенем? Тварей одного вида, зоологический тип с врожденными ab ovo племенными особенностями, как у племенных коней, племенных коров? Мы таких человеческих племен не знаем, когда дело касается языка. Племя в людях это общественное образование, естественно не отвлеченное, а конкретное, классовое».³

В другом месте Н. Я. Марр замечает:

«В формации славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям и финнов, действительное историческое население должно учитываться не как источник влияния, а творческая материальная сила

¹ Там же. С. 324.

² Кроме работ Н. Я. Марра, помещенных в V томе его сочинений «Этно- и глоттогония Восточной Европы», и статей Филина в сборниках «Язык и Мышление». Т. VIII, и «Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н. Я. Марра», исследований, непосредственно затрагивающих интересующий нас вопрос, очень немного.

³ М а р р Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике// Избр. работы. Т. V. С. 314.

36

формирования: оно послужило в процессе зарождения новых экономических условий, выковавших новую общественность, и нового племенного скрещения фактором образования и русских (славян) и финнов. Доисторические племена, следовательно, по речи все те же яфетиды, одинаково сидят в русских Костромской губернии, как и в финнах, равно и в приволжских турках, получивших вместе с финнами доисторическое пра-урало-алтайское рождение из яфетической семьи, разумеется, более раннее, чем индо-европейцы получили из той же доисторической этнической среды свое пра-индо-европейское оформление». И далее:

«Когда говорят о конкретном племени (а не об отвлеченном племени-примитиве), то это определенное скрещение ряда племен..

Н. Я. Марр отмечает, что каждое из племен — кимерийцы, скифы, сарматы — сыграло свою роль в процессе образования русских.²

Так ставит новое учение о языке вопрос о происхождении русских славян, и в свете его особое значение приобретает проблема генетической связи последних со всем предшествующим этническим и социальным комплексом и, несмотря на кажущуюся странность этого взгляда, нам представляется необходимым связать и русских славян, не с каким-нибудь определенным племенем, не с одной народностью древности, а с целым рядом их, некогда живших на данной территории, менявших часто свое название в зависимости от тех или иных социально-политических условий, но по сути своей, в основной массе, остававшихся автохтонами, несмотря на имевшие место отдельные факты миграций, завоеваний, перегруппировок племен, приводивших к новым, иным племенным образованиям.

Как мы видим, теория Н. Я. Марра, усиленно примененная к вопросу об этногенезе славян, не имеет ничего общего с постановкой вопроса, сугубо политической, о «славянстве» скифов, сарматов, роксалан и т. п., имевшей место у И.

Е. Забелина и Д. И. Иловайского. У первого в большей степени, у второго в несколько меньшей и главным образом по отношению к более позднему периоду, сквозит намерение представить скифо-сарматский мир, а равно алан, гуннов, угров, болгар и т. д., как мир славянский. Их лингвистические упражнения, стремившиеся отыскать русский язык в позднейшей его форме, именно уже русский индо-европейский язык, а не язык росов-русов яфетидов, в названиях и именах скифо-сарматской поры, дали интересные материалы, но все их построения не могут быть приняты. Их попытка найти современные нации в племенах древности заранее была обречена на неудачу, но все-таки изыскания этих историков дали большой материал для позднейших работ в этой области.

2. Анты

Еще в период бронзы на всем огромном пространстве среднего и нижнего Поднепровья, Поднестровья, Прикарпатья и Повислинья в памятниках

1 Там же. С. 10—11.

2 М а р Н. Я. Иштарь // Яфетический сборник. Т. V. С. 115—116.

37

материальной культуры наблюдается известная общность, характеризующая наличием общей шнуровой керамики и каменных могильных плит с так называемыми «шаровидными амфорами» и, наконец, западнее, тем, что определяет собой «лужицкую культуру». Интересно отметить, что указанный район формирующейся культурной общности совпадает с районом расселения славян.

Примерно в этом же районе, концентрируясь в среднем Приднепровье и в Западной Украине, в I—V вв. н. э. распространяется культура «полей погребальных урн».

Культура «полей погребальных урн», остатки которой часто встречаются на Днепровском Правобережье, на левом берегу Днепра представлена слабее и встречается главным образом по Пслу и Ворскле на Полтавщине (Нежин, Прилуки) и, отчасти, на Черниговщине. Для культуры «полей погребальных урн» характерно сочетание трупоположения и трупосожжения, наличие урн с прахом и вещами. «Поле погребальных урн» представляет собой кладбища, состоящие иногда из 600 и более индивидуальных погребений. Из вещей чаще всего находят керамику, лепную и сделанную на гончарном круге, бусы (стеклянные, сердоликовые, янтарные и пастовые), фибулы, пряжки, подвески, гребни, пряслица, изредка серпы. Из импортных вещей попадает стекло, краснолаковая посуда, морские раковины. Оружие не встречается. В трупоположениях обнаруживается, как правило, более богатый инвентарь — имущественная дифференциация уже прослеживается.

Невдалеке от могильников, по-видимому, родовых кладбищ, располагаются городища. Продолжают существовать древние городища скифской поры (на Левобережье — Вельское), принадлежащие древнему туземному земледельческому населению, заселявшему городища вплоть до IX—X в., до времен создания Киевского государства.

Указанное обстоятельство свидетельствует об отсутствии резкой смены населения в больших городищах лесостепной полосы, тесно связанных памятниками материальной культуры I—V вв. н. э. с культурой «полей погребальных урн».

Наряду с огромными городищами (Вельское, Пастерское, Мотронинское) в лесостепной полосе среднего Приднепровья в эти времена существуют небольшие городища (на Левобережье — Кременчуг на Пеле, Кантемировка у Полтавы).

Население среднего Приднепровья в те времена было тесно связано с Римом торговлей: по всей территории Левобережья — в Черниговской, Курской, Харьковской и Полтавской областях — обнаружено большое число римских монет I—III вв. н. э. Но

среднее Приднепровье было связано с Римом не только торговлей. Это были времена, когда границы еще могущественной Римской империи в Задунайской Дакии простирались на севере до Карпат, а на востоке до низовья Днестра, когда на огромной территории от Днестровского Левобережья до Дуная, от «Венедского залива» (Балтийского моря) и до Балкан начала складываться на основе этно- и глоттогонической общности общность этнографическая — зарождалось славянство.¹

Д е р ж в и н Н. С. Об этногенезе народов Днестровско-Дунайского бассейна // Вестник древней истории. 1939. № 1; Его же. «Трояи» в «Слове о полку Игореве» // Там же;

38

Упомянутые впервые в начале н. э. у Тацита и в Певтингеровых таблицах под названием «венедов» славянские племена являются автохтонами бассейнов рек Днестра (главным образом в среднем его течении), Вислы и Дуная. Исторических предшественников славян мы усматриваем в носителях трипольской культуры, в обитателях больших городищ, земледельческих племенах лесостепной полосы скифской поры, в нескифских племенах этого периода времени (неврах, андрофагах и др.), в создателях культуры «полей погребальных урн», которые в известной своей части уже являются собственно славянами.

Венеды дают начало славянам и антам, в которых большинство исследователей видит предков восточных славян — русских.² Мы не можем в данном разделе нашей работы ставить вопрос об антах в целом, а постараемся только определить роль антов в складывании восточнославянских племен Левобережья.

Если Иордан помещает антов примерно от района Дунайской дельты до Днестра,² то Прокопий Кесарийский знает антов не только на нижнем Дунае, но и гораздо далее на восток. Прокопий пишет, что побережье Азовского моря, ранее заселенное кимерами, теперь (VI в. н. э.) занимают утургуры, «а за ними на север сидят бесчисленные народы антов». Приурочить антов к местности к востоку от Днестра позволяют и некоторые другие данные. Так, уже в III в. греческие надписи на памятниках Керчи засвидетельствовали собственным именем «Αντα<» наличие антов где-то недалеко от Боспора Киммерийского.³ Б. А. Рыбаков обращает внимание и на то обстоятельство, что в VI в. авары в степях ведут войны с залами, савирами, утургурами и антами, что у утургуров и антов общие враги и союзники, — и это, как совершенно справедливо замечает автор исследования об антах, свидетельствует о проникновении антов далеко на восток, к Азовскому побережью и к Тамани, где, быть может, нашла себе пристанище часть антов. На юге, в степной полосе, поселения антов прерывались кочевьями гунно-болгарских племен.⁴ Северная граница антов нам неизвестна, но вряд ли она далеко отступала от лесостепной полосы.

Проникновение антов на восток в какой-то мере подтверждается еще и тем, что одно из позднейших восточнославянских племен, позднее всего включившееся в социальную, политическую и культурную жизнь Приднепровья, — вятичи, — несомненно связано с антами. Термин «ант», с одной

Городцов В. Дако-Сарматские элементы в русском народном творчестве // Труды Гос. исторического музея; Самоквасов Д. Я. О происхождении русских и польских славян; Чертков. О переселении фракийских племен за Дунай // Временник Московского о-ва истории и древностей российских. 1851. Кн. 10.

Треков Б.Д. Киевская Русь. С. 211; Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь // Вестник древней истории. 1939. № 1; Соболевский А.И. Русско-скифские этюды; Грушевский М. С. Киевская Русь; Его же. Історія України-Руси. Т. I; Его же. Анты // Записки Научного т-ва ім. Шевченко. 1898. Т. XXI; Спицин А. А. Древности антов // Сборник в честь А. И. Соболевского.

2 Большинство исследователей (Соловьев, Срезневский, Брун, Шафарик, Барсов, Готье, Смаль-Стоцкий), следуя Иордану, помещают антов к западу от Днепра и усматривают их потомков в уличах и тиверцах.

3Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // ИОРЯз и Сл., Т. XXVI. 1921. С. 8.

4 Р ы б а к о в Б. А. Анты и Киевская Русь. С. 321.

39

стороны, ведет к «вендам» — «венедам», с другой — к «вент»'ам — «вят»'ам — «вятичам».1 Не случайно юго-восточные поселения вятичей доходили до среднего Дона, заходили, быть может, и южнее, и только позднее, под давлением кочевников, вятичи покинули эти края и начали уходить все дальше и дальше в леса, населенные муромой, мордвой и другими приволжскими племенами, все больше и больше удаляясь от лесостепной полосы, заселенной в глубокой древности антами.2

А. А. Спицин, специально занимавшийся вопросом о характере и распространении культуры антов, отмечает наличие однотипной и однообразной культуры, которую он связывает с культурой «полей погребальных урн» и датирует VI—VII вв. Остатки культуры эпохи антов локализуются в Киевской, Херсонской, а на Левобережье — в Черниговской (Шестовицы, Новоселов у Остра, Верхне-Злобники у Мглина и др.), Полтавской (Лебе-ховка, Поставлук, Берестовка и др.) и главным образом Харьковской (Сы-роватка, Березовка и пр.) областях.3 Б. А. Рыбаков указывает, что «стержнем культуры (антов. В. М.) оказывается Днепр, а основная масса находок географически совпадает с центральной частью Киевской Руси — с княжествами Киевским, Черниговским, Новгород-Северским и Переяславльским».4 Как видим, Днепровское Левобережье является (наряду с Киевом) центром антской культуры. На востоке отдельные находки аптекой поры доходят до Дона. Анты III—VI вв., когда о них говорит эпитафический памятник (III в.), Прокопий Кесарийский, Иордан и некоторые другие источники (VI в.), — это уже славяне, точнее восточные славяне, одна из ветвей венедов I в. н. э.; при этом эти славяне не единый народ, а совокупность бесчисленных племен. За их принадлежность к русским, восточнославянским племенам говорят их имена (Бож, или Боз, Целегост, Межамир, или Мезамир, Всегорд, Хвилибуд, Доброгаст), их верования (культ Перуна) и прямые указания писателей древности.

На отсутствие полного единства, общности, указывает наличие разных погребальных обычаев (труположение и трупосожжение) — типичный признак этнической пестроты. Но эта последняя все же не столько отрицает, сколько подтверждает факт начавшегося процесса этногенеза восточных славян ранней, антской, ступени формирования.

Если А. А. Спицин не мог еще с точностью приписать те или иные городища антам, то раскопки последнего времени позволяют связать ряд городищ V и особенно VI—VII вв. с антами. Такими оказались слои VI—VII—VIII вв. на территории городищ скифской поры (например Вельского), городища V в. у Прилук и Нежина, слои VI—VII вв. в Гочевском

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. С. 5—13.

2 См. ст. Г р и м м а в «Яфетическом сборнике». Т. V; История СССР (на правах рукописи). Т. I. Ч. III—IV. С. 209. Не от времен ли тотемической древности сохранилась странная связь между термином, обозначающим «утка» — ente (германский), veitken (западнославянский, поморский), и вант — вятичи? Интересно отметить наличие сюжета «утка», «селезень» в вятичских украшениях, архитектуре, вышивках и т. п. позднейших потомков вятичей. См.: Первольф. Германизация западных славян.

3 Спицин А. А. Древности антов. С. 412—494; Его же. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову.

4 Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. С. 322.

40

городище в Курской области, раскопанные Б. А. Рыбаковым,¹ быть может, городище «Монастырище»² и подобные ему древнейшие городища так называемого «роменского типа» и др.³ Б. А. Рыбаков к антским городищам причисляет городища по Ворскле (у с. Петровского, у с. Журавин, у Ах-тырки Харьковской области), раскопанные П. Н. Третьяковым, и Борщевское городище на среднем течении Дона, раскопанное П. П. Ефименко. Но оба исследователя датируют объекты своих раскопок IX—X вв., и таким образом, их можно лишь генетически связывать с антами.⁴

Автор «Стратегикона» Псевдо-Маврикий (VI в.) сообщает, что жилища антов полуземляночного типа соединены между собой крытыми ходами. Остатки такого рода ходов обнаружены в городище «Монастырище» и в Борщевском, и это обстоятельство связывает их с поселениями антов и указывает на преемственную связь антов со славянами IX—X вв.⁵ Крытые ходы свидетельствуют о том, что землянки и полуземлянки антов были жилищами брачных пар, а все городища в целом, или комплекс жилищ на городище, соединенных ходами, являлись поселением большой семейной общины («задруги», «большой кучи», древней русской «верви»). Эта община имела коллективную собственность и вела коллективное хозяйство, что типично для родового строя. Жилища антов представляли собой землянки или наземные постройки, со стенами, сплетенными из хвороста или камыша и обмазанными глиной. Размеры их невелики (4 x 4 м, 6 x 3 м, 4,5 x 5 м и т. п.). В середине их — земляные скамьи, очаги, глинобитные печи. Городища обнесены валом и рвом и представляют собой солидную защиту.

По свидетельству Псевдо-Маврикия, анты и славяне живут в лесах и болотах, посреди рек и озер. Действительно, городища антской поры, равно как и городища IX—X вв., группируются главным образом по берегам рек и озер, где сама природа создавала естественное укрепление. Кроме того, река была нужна и как средство сообщения. Она же давала рыбу, а весной заливала обширные луга, на которых пасся скот. Прокопий, правда, говорит и о жалких хижинах, отстоящих на большом расстоянии друг от друга, в которых живут славяне и анты, но в них едва ли не следует усматривать временные жилища земледельцев⁶ или землянки и шалаши типа позднейших куреней, зимовьев, летовий охотников, рыбаков, скотоводов, промышлявших в лесах и степи.

Свидетельство Псевдо-Маврикия о том, что анты знают пшеницу и просо, подтверждается археологическими раскопками, обнаружившими

Там же; Э д и н г Д. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. // Вестник древней истории. 1938. № 1/3. С. 143.

2

Макаренко М. (Н.) Городище «Монастырище» // Науковий збірник Третьяковської секції, УАН, за 1924 р.ж. Т. XIX.

3 Не все археологи связывают городище роменского типа с антами, приурочивая их к собственно словенам и датируя VIII—X вв.

4 Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК Изд. ИИМК Ак. наук СССР. 1939. Т. I. Экспедиция по р. Ворскле П. Н. Третьякова; Ефименко П. П. Ранне-славянские поселения на Среднем Дону // Сообщения ГАИМК. 1931. № 2.

5 Макаренко М. (Н.). Ук. соч.; История СССР, (на правах рукописи). Т. I. Ч. III—IV. С. 214—215.

остатки зерен проса и пшеницы, железные лемехи и серпы. Анты были, несомненно, в первую очередь земледельцами, и у них, по мнению Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова, господствовало пашенное земледелие, на что указывают, вещественные памятники.¹ Большую роль играло и скотоводство. Анты разводили лошадей, коров, коз, овец, свиней. Немаловажное значение имели рыбная ловля, охота, бортничество. У антов были довольно развиты кузнечное и гончарное ремесла (наряду с лепной керамикой встречается изготовленная на гончарном круге). Антская утварь, оружие и украшения делались на месте, в среднем Приднепровье, причем делались искусными ремесленниками. Многочисленные находки вещей из Причерноморья и римских монет, обилие кладов свидетельствуют об участии антов в торговле.²

Псевдо-Маврикий и Прокопий подчеркивают, что славяне и анты «живут в демократии», что «у них нет общей власти, они вечно живут во вражде друг с другом». Те же источники говорят о многочисленных племенах антов, о племенных вече, собираемых от случая к случаю, о племенных вождях, окруженных дружинами, составленными по возрастному признаку (отсюда древнерусская «старшая» и «молодшая» дружина, во времена антов действительно отличавшаяся по возрасту), о патриархальном роде, счете родства по мужской линии, кровной мести и прочих особенностях социального строя антов, свидетельствующих о наличии патриархально-родовых отношений.³

Но в VI в. анты вступают в стадию «военной демократии». Появляются племенные союзы и возглавляющие их вожди пытаются узурпировать власть и сделать ее наследственной (Межамир Идарич, Ардагаст). Возникает патриархальное рабство. Многочисленные клады свидетельствуют о накоплении ценностей у родоплеменной верхушки и о ее воинственности. Начинаются почти непрерывные походы антов на Византию.⁴ Короче — по мнению Б. А. Рыбакова — в VI—VII вв. у антов мы наблюдали разложение родового строя и формирование «военной демократии». Правда, с нашей точки зрения совершенно правильно, автор статьи «Анты и Киевская Русь» заявляет: «Районом, где указанный процесс разложения родовых отношений протекал особенно интенсивно, являлось в V—VII вв. среднее Приднепровье, более узко — окрестности Киева».⁵ Как показали раскопки М. К. Каргера, на месте Киева существовали вплоть до конца X в. (когда они слились) три древнейшие поселения, ведущие свое начало еще со времен до н. э. Эти три поселения продолжают существовать непрерывно до X в. М. К. Каргер обнаружил огромный некрополь IX—X в. и раскопал несколько очень богатых погребений с конем и сопроводительным

1 Там же. С. 325; Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 21—51.

2 Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 326; История СССР (на правах рукописи). Т. I. Ч. 111—IV. С. 216.

3 Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 327; История СССР (на правах рукописи). Т. I. Ч. III—IV. С. 216—220.

4 Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 211; Мишулин А. В. Древние славяне и судьба Восточно-Римской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1; Горянов Б. Г. Славянские поселения в VI в. // Там же.

5 Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. С. 333.

похоронением рабынь. Над погребениями с бревенчатым срубом был насыпан курган, что делает данные погребения аналогичными срубным погребениям до н. э., хотя они одновременно сочетаются с наличием норманских мечей.¹ Это свидетельствует о преемственности культуры и населения, о наличии на месте Киева

какого-то центра в дофеодалный период. Но все же необходимо отметить, что формирование у антов варварской верхушки, вступление в стадию «военной демократии» охватило не все племена антов, а только южную их часть. В процессе войн с Византией антская варварская знать значительно оторвалась от породившего ее среднего Приднепровья, частично даже переселилась на территорию Византии (в данном случае имеется в виду не переселение племенных масс, а только варварской верхушки). Вторжение болгар и аваров еще больше ослабило антов.

Этими событиями объясняется тот факт, что начальная история Киевской Руси совпадает с той же высшей стадией «варварства», с временем «военной демократии». Говоря об образовании славянства и о начальной его истории, мы не можем обойти антов — непосредственных предшественников восточнославянских, русских племен, сложившихся примерно в VIII и начале IX в. в результате дальнейшего развития «бесчисленных народов антов», не можем пройти мимо антской культуры, из которой в значительной мере выросла культура Киевской Руси.

Анты как бы являются связующим звеном между древнейшим, почти неуловимым для исследователя населением Поднепровья, и его позднейшими обитателями — славянскими племенами.

К сожалению, упоминания об антах исчезают со страниц источников с начала VII в. (последние известия об антах датируются 602 годом), тогда как восточнославянские племена начинают упоминаться лишь с IX в. Но надо надеяться, что дальнейшие исследования, главным образом археологические, помогут восполнить этот пробел и выяснить не совсем еще ясный в настоящее время вопрос о постепенной трансформации антов в древнерусские племена.

3. Левобережье во времена владычества хазар

Еще в IV в. н. э. антам, враждовавшим с обосновавшимися в Северном Причерноморье и Крыму готами, пришлось столкнуться с кочевниками — монгольскими племенами гуннов, по мере своего продвижения на запад подчинявшими кочевые, оседлые и полuosедлые тюркские, яфетические, иранские и славянские племена. Известное свидетельство Приска Паннонского о языке гуннов заставляет нас с уверенностью говорить о присутствии в составе гуннского объединения славянских племен. Исторически засвидетельствована борьба готов с антами и гуннами и союз антов и гуннов, а затем, по-видимому, кратковременное подчинение первых послед-

К а р г е р М. К. Дофеодалный период истории Киева по археологическим данным // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. Изд. ИИМК Ак. наук СССР. 1939. Т. I. С. 9—10.

43

ним. В VI в. анты, по свидетельству Менандра, подвергались нападению аваров, опустошивших и ограбивших их земли.

Необходимо отметить, что в VI—VII вв. анты не только враждуют с кочевниками-степняками, но и часто смешиваются с ними и в качестве союзников или подвластных воинов уходят далеко в глубь степей на Северный Кавказ, в места поселений гунно-болгаро-хазарских племен. Так, например, тот же Менандр в своей «Истории» сообщает об убийстве аварами антского посла Мезамира, собиравшегося выкупить у авар своих пленных соплеменников. Убийство было совершено по предложению одного кутур-гура, родственника Мезамира.¹

Н. Я. Марр, анализируя текст древнеармянского источника VII в., где встречается русское слово «сало» в описании хазарской трапезы, приходит к выводу, что уже в VII в. среди хазар были русские, прометеиды,² а подобное явление могло быть только лишь результатом проникновения антов на юго-восток.

Б. А. Рыбаков считает возможным сопоставить «Артанию» («Арту») с «Вантит» восточных источников и поместить ее «в пределах Тмутаракан-ского княжества». Он указывает, что и «Черноморский центр Руси имел свою антскую подоснову, а имя антов сохранилось в форме Арта или Вантит».3

Антам, аварам и болгарам, вернее их военно-дружинной варварской верхушке, принадлежат варварские погребения и клады V—VII вв.4

Гуннское вторжение разбило антов на две неравные части. Большая часть антских племен отступила к северу и ушла из пристепной в северную часть лесостепной полосы. Другая часть, сравнительно небольшая, отошла к побережью Черного и Азовского морей по направлению к Тамани и к окраинам южной лесостепи. Но проникновение антов на юго-восток, по нашему мнению, было связано не столько с их массовым передвижением под напором гуннов, сколько с передвижением антских дружин, бывших наиболее подвижной частью антов эпохи «военной демократии». Не случайны клады ценных вещей на юге, вещей, принадлежавших воинам, не случайно и указание древнеармянского источника VII в. на наличие среди хазар русских воинов.

Взаимные влияния, скрещения и смещения между антами и гунно-аваро-алано-болгарскими племенами безусловно имели место и не могли не отразиться на некоторых специфических особенностях истории Днепровского Левобережья.

Вряд ли авары и болгары создали сколько-нибудь прочное объединение в Восточной Европе и на сколько-нибудь длительное время подчинили себе восточнославянские племена.

Известное летописное повествование об обрах, «примучивавших» дулебов, говорит, по-видимому, о кратковременном, хотя и тяжелом, аварском

1 История СССР (на правах рукописи). Т. I. Ч. III—IV. С. 191.

2 М а р р Н. Я. По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в. «Этно- и глоттогония Восточной Европы». Избр. работы. Т. V.

3 Р ы б а к о в Б. А. Анты и Киевская Русь. С. 337.

4Мацулевич Л. А. Погребения варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи; Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. С. 330.

44

владычестве, да и к тому же не установлено, о ком идет речь, о восточнославянских или чешских дулебах.

Более прочным образованием был Хазарский каганат, включивший в свой состав в качестве данников ряд восточнославянских племен, в том числе вятичей, радимичей, полян и северян. Все Днепровское Левобережье, Ока, а на правом берегу Днепра Киев1 принадлежали хазарам. Установление хазарского владычества относится, по всей вероятности, к VIII в.

Одним из источников, говорящим об этом периоде, является, конечно, прежде всего «Повесть временных лет». Она отчетливо указывает время владычества хазар над частью восточнославянских племен..

«Казаря имаху (дань. В. М.) на полянах и на северех и на вятичех, има-ху по белей веверице от дыма».2 В дальнейшем «Повесть», описывающая приуроченные составителем к 884 и 885 гг. походы Олега на северян и радимичей, вторично упоминает о дани, уплачиваемой северянами хазарам, и к числу подчиненных хазарам племен относит еще и радимичей.

884 г. «Иде Олег на Северяне, и победи Северяны, и възложи на нь дань легьку, и не даст им Козаром дани платити, рек: «аз им противен, а вам нечему».

885 г. «Посла к Радимичем, рька: «кому дань даете?». Они же реша «Козаром». И рече им Олег: «не дайте Козаром, но мне дайте», и въдаша Ольгов¹ по щялягу, якоже и Козаром даяху».³

В письме хазарского кагана Иосифа упоминаются как подчиненные хазарам племена — «вентит», «север» и «славяне» («славиун»).⁴ Правда, считая их подчиненными хазарам еще в 960 г., автор письма ошибается, так как к этому времени власть хазар над всеми племенами, кроме вятичей, уже пала. Вятичи были освобождены от уплаты дани хазарам Святославом, а через несколько лет после их освобождения Святослав своими походами окончательно разгромил хазар.

Если вятичи, северяне и радимичи локализируются более или менее точно, то какие же области занимало упоминаемое каганом Иосифом племя «славиун»? Прежде всего обращает наше внимание сам текст письма кагана Иосифа ученому испанскому еврею Хасдаи-ибн-Шафруту, в котором перечисляются народы, живущие в Волжско-Донско-Днепровском бассейне и подвластные хазарам. «На этой реке (Итиль) живут многие народы — буртас, болгар, арису (ерзя), цармис (черемисы), вентит (вятичи), савар (север, северяне), славиун (славяне)...»⁵

¹ Киев, по свидетельству Константина Багрянородного, носил название «Самбат», что, по мнению Н. Я. Марра, ведет к наименованию тотемных богов у сарматов, т. е. к сарматам, и уж во всяком случае может быть связано с тюркизированными потомками сарматов — хазарами, многие города которых имеют ту же частицу — «Сам» (Самкерц, Семендер и др.) («Известия Византийских писателей о Северном Причерноморье», с. 8; М а р р Н. Я. Избр. работы. Т. V. С. 207—208).

² «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 18.

³ Там же. С. 23.

⁴Цитирую по Ф. Вестбергу: К анализу восточных источников о Восточной Европе//Журнал м-ва нар. проев. 1908. III. С. 19. ⁵ Там же.

45

Интересно отметить, что каган Иосиф перечисляет эти народы, как бы двигаясь по карте с севера на юг и юго-восток. «Славиун» он помещает на юго-восток от северян, т. е. в районе Северского Донца и Дона. Даже такой противник так называемой «Черноморской Руси», как Ф. Вестберг, анализируя письмо кагана Иосифа, замечает: «что касается третьего племени «славиун» (славян), то его следует искать к югу, или лучше к юго-востоку от северян».¹

Как могли появиться так далеко от Приднепровья славяне?

Мы уже отмечали вероятное проникновение антов далеко на юг, в пределы Боспора Киммерийского, в Крым, на Тамань, где они соседнили с готами-тетракситами, причем, конечно, речь шла, по-видимому, не о сплошных поселениях, не о массовых переселениях, а о передвижениях наиболее подвижной антской дружинной верхушки.

Необходимо подчеркнуть связь антов с сарматскими племенами.

Некоторые исследователи считали антов славянскими племенами, скрещенными с сармато-аланами. А. И. Соболевский, наоборот, считал их скифскими племенами, смешавшимися со славянами. Повод к этому подали сами писатели древности. Так, например, Иордан иногда называет сарматское племя роксалан антами.

Мы совсем не собираемся отождествлять сарматов со славянами и даже их предками — антами, не собираемся связывать савиров, или саваров, Птолемея, Певтингеровых таблиц, Стефана Византийского и Приска Пан-нонского с северянами наших летописей, как это делали историки Северной земли П. Голубовский и Д. Багалеи, Забелин и Иловайский,² но в то же время нельзя не отметить взаимных скрещений эпигонов сарматского мира и славян, их взаимопроникновений и влияний.

Сарматский элемент играл известную роль в этногенезе славянских племен, особенно южной окраины. Об этом говорят исторические источники, упоминая об аланском населении на территории южной Руси, о ясах в степях, с которыми скрещиваются русские, о совместных военных действиях ясов и русских в объединенных дружинах и т. п. За это же говорит и сходство вещественных памятников Северного Кавказа с северянским могильным инвентарем позднейших периодов IX и X вв. и целый ряд других данных, в частности, сходство архитектуры Северской земли XI в. с кавказской.³

Туземное население Северской земли сохранило воспоминание о князе Черном. За это говорят и название главного города — Чернигов, упоминание летописи о наличии в Чернигове уже в XII в. «Черной Могилы», наличие там же могилы «Княжны Чорны», где, кстати сказать, обнаружено было не женское, а мужское погребение. Не связан ли весь этот топоним

1 Там же.

2 Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 2—6; Багалеи Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия; Забелин А. История русской жизни. Т. I. С. 397—398, 409, 439—440, 441—444, 448; Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. С. 113.

Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли; Его же. Северянская земля и северяне по городищам и могилам; Его же. Могильные древности Северянской Черниговщины; Его же. Северянские курганы и их значение для истории и др.

46

ческий материал с меланхленами, что значит буквально «черноодетые», упоминаемыми Геродотом и жившими некогда на территории Днепровского Левобережья? Не являются ли савдараты (что также значит «черноодетые») одним из тех племен, которые иначе назывались саварами? Наличие в северянских курганах памятников материальной культуры несомненно северокавказского происхождения или во всяком случае копирующих северокавказские вещи не является чем-то случайным, связанным хотя бы с наличием в XI в. касогов-черкесов (адыге) в дружине чернигово-тмутара-канского князя Мстислава; мы полагаем, что находимые в северянских курганах вещи северокавказского происхождения свидетельствуют о глубокой старинной этнической связи этих племен, явившейся результатом местных культурно-исторических традиций и укрепившейся уже в исторические времена в результате миграций.¹ Само появление касогов, хазар, а с ними, по-видимому, и ясов и обзевов в дружине Мстислава обусловлено было не только успешными захватами и завоеваниями последнего, но и вековыми социально-культурными и этническими связями народов северокавказского яфетидо-тюрко-иранского мира с народами славянского Приднепровья и Подонья, связями, уходящими в древний скифо-сарматский мир.

Естественны и попытки связать «савиров», исчезающих по письменным источникам с VII в., с черными болгарами. Н. Я. Марр указывает, что современные балкарцы, родственные, с одной стороны, кабардинцам, а с другой — древним кабарам (кстати сказать, по Константину Багрянородному, носившим в Венгрии название «савартиасфалов»), аварам-обрам, иберам и обезам (абхамам), носят название «savt» — «sav».

Интересно отметить, что термин «sav» — «sev» в ряде яфетических или близких к ним языков обозначает собственно «черный». Например, в армянских источниках «савиры» называются «savardic», или «savaric», что значит «черные сыны». Они же носят название «sevordic», «sevorjik». «4ерНbie угры» носят название «sevugri». (Как мы видим «сев» («sev») «сав» («sav») выступает все в том же значении «черный». По мне-

нию Н. Я. Марра, «sev», «se» в смысле «черный» — языковое явление, присущее яфетическим языкам и ведущее еще к скифам. Н. Я. Марр отмечает также, что реликтовая речь балкар имеет и древние яфетические, и турецкие, и, наконец, индоевропейские элементы.²

Учитывая скрещения и исторические миграции, можно сказать, что «черные болгары», по-видимому, являются в прошлом савирами, а в настоящем — балкарцами. Если так, то станет ясным и вопрос о роли салто-во-маяцкой культуры в истории древнейшего населения лесостепной полосы, в основе своем славянского. Уже в известной записке готского топарха упоминается о могучем князе Севера, в котором все исследователи видят киевского князя, который имеет определенное влияние на судьбу

Марр Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике; Его же. Чуваши-яфетиды на Волге; Его же. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории.

Марр Н. Я. Балкаро-сванское скрещение // ДАН. 1929. С. 45—46; Его же. Термин «скиф».

47

народов Крыма.¹ В договоре Игоря с Византией русский князь обязуется не допускать черных болгар громить византийские владения.² Все это свидетельствует о распространении власти русского князя на отдельные области степного Крыма, Подонья и Северного Кавказа, где и жили черные болгары. Нет оснований предполагать, что последние были китайской стеной отделены от славянских племен южной Руси. По-видимому, еще с древнейших времен славяне (промышленники, дружинники, купцы) проникали далеко на юг, в северо-кавказские степи; а с другой стороны, тюркизи-рующиеся и иранизирующиеся кочевники — яфетиды — проникали далеко на север, и в зависимости от мощи этнического комплекса соседей шла колоризация пестрых племен скифо-сарматского мира в тюрков, иранцев, славян в различных уголках Восточной Европы. Древние социально-культурные связи соединяли приднепровские племена и оседлые земледельческие славянские племена среднего Дона с кочевым и полукочевым населением нижнего Дона и Кубани, среди которого сохранялись остатки антов и куда проникала с севера колонизация приднепровских славян — русов-прометеидов. Результатом и было создание остатками сарматов (са-вирами-болгарами или аланами, а возможно, совместно и теми и другими, — это еще трудно определить) в районе лесостепи, на границе южной Руси, салтово-маяцкой культуры, просуществовавшей до X в.³

Обширная литература о салтово-маяцкой культуре VIII—IX вв. позволяет сделать некоторые выводы.⁴ Район распространения городищ и могильников салтово-маяцкого типа определяется территорией от среднего

См. работы Васильевского, Куника, Грекова, Пархоменко, Бабенчикова и др. Исключение представляет П. Н. Милуков, усматривающий в князе северных варваров болгарского царя Симеона.

² «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 50.

³ См.: Б а б е н к о. Разповсюдження стародавньої Салтівської та схожих на неї культур в межах Східної Європи, 1930.

⁴ Б а б е н к о. У к. соч.; Его же. Дневник раскопок в В. Салтове, произведенных в 1905 г. // Труды XIII Археол. съезда. Т. I; Его же. Что дали новые раскопки в В. Салтове; Его же. Дополнения к докладу «Что дали новые раскопки в В. Салтове» // Труды XIII Археол. съезда; Его же. Продолжение систематических раскопок в В. Салтове // Труды XIV Археол. съезда. Т. III; Его же. Древне-салтовские придонские окраины южной России // Труды XII Археол. съезда; Его же. Памятники хазарской

культуры на юге России // Труды XV Археол. съезда. Т. I; Макаренко Н. Археологические исследования 1905—1907 гг. // Известия Археол. комиссии. Вып. 43; Милютин А. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // Известия Археолог. комиссии. Вып. 29; Кулаковский Ю. Христианство у алан // Византийский временник. 1898. № 1; Его же. Аланы по сведениям классических и византийских писателей; Г о т ь е Ю. Железный век в Восточной Европе; Его же. Кто были обитатели Верхнего Салтова // Известия ГАИМК. Т. V; Покровский А. М. Верхне-Салтовский могильник // Труды XII Археол. съезда. Т. I; Город-цов В. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. в 1901 г. // Труды XII Археол. съезда. Т. I; С п и ц и н А. А. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову; Его же. Историко-археологические розыскания. Исконные обитатели Дона и Донца. // Журнал м-ва нар. проев. 1909.1; Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону; Его ж е. Рецензия на книгу Арндта, помещенная в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1935. № 9—10; Замятин С. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах // Воронежский историко-археологический вестник; Багалеи Д. И. Русская история. 1921. Т. I. Вып. 2; Данилевич В. Курс русских древностей; и др.

48

Дона до верховьев р. Донца и по верхнему и среднему течению Донца. К числу таких памятников относятся прежде всего Маяцкое городище, расположенное при впадении реки Тихой Сосны в Дон, Салтовское городище на р. Донце и городище Олынанское на левом берегу р. Тихой Сосны, наиболее хорошо изученные, и, кроме того, городища и могильники салтово-маяцкого типа у слободы Покровской Купянского района, у хутора Зливки близ Изюма, у Н. Лубянки Валуйского района, в Валуйках и других местах.

Находки отдельных вещей салтовского типа и даже отдельных комплексов были сделаны на гораздо более обширной территории, в которую вошли Полтавская, Черниговская, Харьковская, Курская, Сумская и Воронежская области.¹ Последнее обстоятельство свидетельствует о тесной связи между славянскими племенами Днепровского Левобережья, Донца и Дона и населением городищ салтово-маяцкого типа в VIII—IX вв., что особенно характерно для юго-восточных рубежей расселения русских племен. М. И. Артамонов подчеркивает возможность более широкого распространения салтово-маяцкой культуры по Донцу и Дону и полную аналогию Правобережного Цимлянского городища, предшественника Саркела, с городищами салтовского типа.

Маяцкое, Салтовское и Олынанское городища представляют собой своеобразные крепости.

Так, например, Маяцкое городище, сравнительно небольшого размера (по площади около 0,8 га), окружено глубоким рвом и обнесено каменными стенами, достигающими ширины в 6 м. Внутри городища находятся остатки каменного здания и следы каменных фундаментов жилых и хозяйственных построек. Все это, размещенное внутри городища, в свою очередь окружено стенами. Между оградой этого жилого комплекса и оградой городища обнаружены остатки жилищ земляночного типа. Вокруг городища расположено обширное поселение, общей площадью в 15 га, покрытое ямами — остатками жилых землянок, хозяйственных сооружений и хлебных ям.

Салтовское городище отличается от Маяцкого только более крупными размерами и наличием остатков гончарной мастерской.

Олыпанское городище и по типу и по размерам мало чем отличается от Маяцкого.²

'Данилевич В. О раскопках в Курской губ. // Труды XIV Археол. съезда. Т. III. С. 119; С о л о в ь е в. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 4. С. 14—24; Макаренко Н. Предметы случайной находки близ с. Ивахнино Лохвицкого у. Полтавской губ. // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. 1908. Вып. V. С. 208—209; Его же. Материалы по археологии Полтавской губ. // Там же. С. 202—206; Абрамов. Лпошнй' Ворошж на Чершпвиш, Сборник статей в честь Д. И. Багалея. С. 463; Спицин А. А. Обзорение губерний в археологическом отношении. Воронежская губерния // Записки Русского археол. о-ва: Труды Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. 1—II. Кн. I. С. 135—136; Рыков П. С. Юго-восточная граница радимичей // Ученые записки Саратовского ун-та. 1923. Вып. III. С. 43.

Пользуюсь случаем выразить свою благодарность М. И. Артамонову, ознакомившему меня со своими коллекциями, рукописями и сообщившему мне целый ряд интересных сведений и ценных выводов.

49

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие внутри городищ культурного слоя.

М. И. Артамонов приходит к выводу, что Салтово-Маяцкие городища не были ни сплошными укрепленными поселениями, ни временными убежищами для окрестного населения, а представляли собой скорее всего дворы-замки владетельной знати полуфеодалного типа оседающих на землю и переходящих к земледелию кочевников. В этих дворах-замках жили ее вассалы, слуги, рабы, и замки эти господствовали над окрестным населением, превращаясь постепенно, как это имело место в Салтове, в города.

Судя по сохранившимся остаткам, население городищ салтовского типа, и прежде всего и в большей мере самого Салтова как центра, представляло собой уже раннее феодальное общество. Многочисленные клейма указывают на выделение ремесла, на превращение его в самостоятельную функцию хозяйственной жизни, что, как указывает В. И. Ленин, является показателем развития частной собственности¹ и, следовательно, распада родовых отношений. Из ремесел процветали гончарное, создавшее специфические сосуды, чрезвычайно близкие к северокавказским,² кузнечное, штампование украшений, ткачество, обработка кож и т. п. Основное занятие жителей — земледелие, сочетающееся со скотоводством и носящее, быть может, такой же характер, какой имело полуоседлое земледелие у хазар, при котором скотоводство играет еще большую роль и носит полукочевой характер. Имущественное различие в погребениях говорит о социальной дифференциации среди населения Салтова. Богатые захоронения с дорогими саблями, сбруей и прочим инвентарем, сочетающиеся с погребениями коней, тогда как наряду с ними современные им массовые погребения имеют более бедный инвентарь, свидетельствуют о наличии феодализирующейся знати. Археологические разведки выявили наличие многочисленного оружия, главным образом кривых сабель, боевых топоров и кинжалов, легких и сравнительно миниатюрных, указывающих на развитие военно-дружинной прослойки. Конечно, на основании этих данных нельзя еще сделать вывод, были или не были Салтово, Маяцкое городище и другие феодальными центрами, но, памятуя то, что они являлись аванпостами хазарского феодализма в Подонье и Приднепровье, возможно предположить, что здесь мы сталкиваемся не с родовой аристократией, а с феодализирующимся господствующим элементом.

Не менее характерным является и могильник у хутора Зливки, Изюм-ского района, Харьковской области, длиной в 72 км, раскопанный Город-цовым, где встречаются предметы салтовского типа, но победнее, и вообще весь инвентарь

Зливкинского могильника представляет как бы плохую копию Салтова. Это упрочило в литературе, с легкой руки Городцова, копавшего в Зливках, наименование за Зливками сельского поселения, тогда как Салтово — на грани превращения в город, а жители его — в горожан.³

1 Л е н и н В. И. Собр. соч. Т. I. С. 72.

2 Г о т ь е Ю. Железный век в Восточной Европе, иллюстр. на с. 61.

3Городцов В. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. в 1901 г. //Труды XII Археол. съезда. Т. I. С. 211—213; Бабенко. Дневник раскопок в В. Салтове, произведенных в 1905 г. // Труды XIII Археол. съезда. Т. I. С. 388—389;

50

Нет никаких сомнений в том, что жители городищ салтово-маяцкого типа — вчерашние кочевники, еще не порвавшие связи с кочевым скотоводством, недавно лишь перешедшие к оседлому земледельческому хозяйству. Кто же были насельники Салтова, Маяцкого и прочих аналогичных им городищ?

Салтовскую культуру приписывали половцам, как это высказал вначале сам <<открывший>> салтовскую культуру Бабенко,¹ признававший позднее ее создателями хазар. Хазарам приписывали ее Багалеи,² Данилевич,³ Самоквасов.⁴ А. А. Спицин, Ю. Готье, Н. Макаренко и Березин видели в ее создателях алан.⁵ Н. Я. Марр осторожно указывает, что памятники салтово-маяцкого типа принимаются за хазарские.⁶ Ряд исследователей связывают салтово-маяцкую культуру с венграми.⁷

А. А. Спицин совершенно справедливо связывал салтово-маяцкую культуру с сарматским обществом, и М. И. Артамонов склонен усматривать в создателях ее остатки сарматских племен савиров и болгар, скрещенных с гуннскими и тюркскими элементами. Хазары, несомненно, родственны болгарам. Их языки близки и отличаются от тюркских, и несомненным остатком их является яфетический тюркизирующийся язык чувашей, на котором «Саркел» буквально означает «белая башня», что подтверждается и Константином Багрянородным и русскими летописями.

За наличие болгарского элемента в салтово-маяцкой культуре говорит наличие общих черт между ее вещественными памятниками и вещественными памятниками древней столицы дунайских болгар Абобы. Абоба, ранее называвшаяся Плисков (отсюда и ее название Абоба-Плиска), была болгарской столицей до того как ею стала Великая Преслава, т. е. до X в. Абоба-Плиска существовала в VIII—IX вв. и позднее, но с X в. ее значение

Его же. Дополнения к докладу «Что дали новые раскопки в В. Салтове»//Там же. Т. III. С. 400—410; Его же. Продолжение систематических раскопок в В. Салтове // Труды XIV Археол. съезда. Т. III. С. 238—239; Его же. Разповсюдження стародавньо Салтiвської та схожих на Неї культур в межах Східної Європи. 1930; Готье Ю. Железный век в Восточной Европе; Его же. Кто были обитатели Верхнего Салтова//Известия ГАИМК. Т. V; Макаренко Н. Археологические исследования 1907—1909 гг.//Известия Археол. комиссии. Вып. 43; Милютин А. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище//Там же. Вып. 29. С. 153—163.

'Бабенко. Древне-салтовские придонские окраины южной России // Труды XII Археол. съезда. С. 437.

Багалеи Д. И. Русская история. Т. I. С. 114. 3Данилевич В. Курс русских древностей. С. 155—156. 4Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. С. 233—234.

5Спицин А. А. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову; Его же. Историко-археологический розыскания. Исконные обитатели Дона и Донца // Журнал м-ва нар. проев. 1909.1; Е г о же. Обзорение губерний в археологическом отношении.

Воронежская губерния // Записки Русского археол. о-ва: Труды Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. I—II. Кн. I. С. 135—136; Готье Ю. Железный век в Восточной Европе; Его же. Кто были обитатели Верхнего Салтова // Известия ГАИМК. Т. У; Макаренко Н. Материалы по археологии Полтавской губ. // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. 1908. Вып. V. С. 202.

6 М а р р Н. Я. Избр. работы. Т. V. С. 77. О них см. рецензию М. И. Артамонова, помещенную в журнале. «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1935. № 9—10.

51

пало. Абоба-Плиски представляла собой в древности огромный лагерь кочевников, аспаруховых болгар, громадный «хринг». Внутри него обнаружены каменные здания, сложенные из кирпичей, аналогичных кирпичам городищ салтово-маяцкого типа, укрепления, остатки деревянных строений, церквей и т. д.¹ Памятники материальной культуры Абобы-Плиски имеют много общего с предметами из раскопок салтовских городищ. Особенный интерес представляют знаки на кирпичях, характерные и для салтово-маяцких городищ и для Абобы-Плиски и абсолютно аналогичные.² Болгарское происхождение знаков на кирпичях Абобы-Плиски, равным образом как и принадлежность к болгарам ее населения не вызывают сомнений. В силу указанного, предположение М. И. Артамонова о савиро-болгарском происхождении создателей салтово-маяцкой культуры несомненно является вполне обоснованным.

Запустение городищ салтово-маяцкого типа, относящиеся к началу X в., было обусловлено вторжением новых масс кочевников, снявших с места полукочевое население лесостепной полосы, отбросивших его дальше, на юг и запад, и вернувших его снова к кочевому образу жизни.

Мы не представляем себе полукочевых насельников лесостепной полосы VIII—IX вв. живущими изолированно от соседей славян. Не случайно обилие находок вещей салтово-маяцкого типа далеко за пределами распространения городищ, не случайно исчезновение одновременно салтово-маяцких поселений и раннеславянских городищ IX—X вв. на среднем Дону (имеется в виду Борщевское городище). Их постигла одна и та же участь. Все это говорит о наличии каких-то связей между славянами и савиро-болгарами лесостепной полосы.

Еще задолго до «черных клобуков» в гущу туземного земледельческо-промыслового населения южного Левобережья проникают «савиры» — «черные болгары». Могилы северянской знати X в., как показали раскопки Д. Я. Самоквасова, заполнены вещами северокавказского происхождения или сделанными по типу известных вещей из могильников Кобанского, Чми, Балты. «Слово о полку Игореве», приводя имена известных черниговских «былей», по сути дела, перечисляет тюркские имена. Это — не черные клобуки, позднейшее тюркское население XI—XII вв., оседающие на территории южной Руси. В Черниговщине их знали под иными именами: «торки», «свои поганые», «коуи». Последних и упоминает «Слово о полку Игореве». Черниговские «были» с тюркскими именами — старое черниговское боярство. По-видимому, это и были остатки славянизированной болгарской знати. Сам термин «быль» уводит нас в Дунайскую Болгарию, где он был заимствован туземным славянским населением у тюрко-яфетидов — болгар.³

Успенский Ф. И. Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей. Материалы для болгарских древностей. Абоба-Плиски // Известия Русского Археол. ин-та в Константинополе. София. 1905. С. 3—13.

²Успенский Ф. И. Неизвестное письмо. Древнейшие знаки письма // Там же. С. 269—272; Ш к о р п и л. Знаки на строительном материале // Там же. С. 253 и др.; Его

ж е. Рисунки на камнях и кирпичах и скульптурные фрагменты; Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону.

3Соболевский А.И. Русско-скифские этюды // ИОРЯЗ и Сл. 1921. Т. XXVI. С. 11. 52

Связи салтово-маяцкого населения с Дунайской Болгарией установлены по археологическим данным М. И. Артамоновым.¹ С другой стороны, салтово-маяцкая культура имела большое влияние на быт и культуру южных племен восточных славян. Таким образом, попытки связать «савир», «северу» и «черных болгар» кажутся уже не противоестественными, а вытекающими из всего высказанного раньше. Еще А. И. Соболевский считал возможным утверждать о связи Шельбиров — «былей» «Слова о полку Игореве» — с савирами. Он указывает: «к нему (т. е. к имени «Шельбир». В. М.) по звукам близко название "сабиры" — у Приска Паннонского и других византийских авторов. Стефан Византийский говорит о народе Понтийской области "сапирах", ныне называемых "сабирами"». ² Взаимопроникновение славянских элементов и перевоплощенных савиров — «черных болгар», — таким образом, кажется установленным. Тем более становятся понятными, если принять во внимание эти древние связи, идущие от глубин скифо-сарматского мира, более поздние влияния, скрещения и миграции уже в Киевские времена.

В лесостепи по Дону и Донцу жили славянские и славянизирующиеся племена и группы; с другой стороны, не чуждым было славянству и неславянское население степей — «ясы»³. В них не следует обязательно усматривать только алан-осетин («ирон»), ибо, например, у самих осетин балкары носят название «ассы».⁴ Принимая во внимание наличие болгарского элемента среди населения городов салтово-маяцкой культуры и бол-гаро-савиро-аланский характер вещественных памятников Северного Кавказа, возможно предположить, что и «ясы» наших летописей не только аланы-осетины, но и болгары, и именно черные болгары.

О «ясах» летописи упоминают в связи с походами князей не только на Кавказ, но и в степи, и именно эти упоминания заставляют считать «ясов», наравне с печенегами и половцами, жителями степей. Черные болгары издавна оседали в Северной земле, растворялись среди местного земледельческого славянского населения и, вероятно, передали ему само свое название «савир», «савар», «север», как это и было у их западных соплеменников в земле дунайских славян.⁵ С другой стороны, в древнейшую

Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону.

2 А. И. Соболевский отмечает, что термин «быль» встречается еще в уйгуро-орхонских надписях в смысле «сановник». Термин «быль» в том же значении встречается и в Венгрии, где, по-видимому, своим появлением он обязан кабарам. См.: Три слова древней тюрко-болгарской надписи // ДАН. 1929. № 5.

3Ламанский В. И. Заметки о ясах-аланах // Труды XI Археол. съезда. Т. II.

4Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. III. С. 143.

Необходимо отметить быструю тюркизацию кочевников. Возможно, что часть алан дала не только иранцев-осетин, но и тюрков. Так, например, С. Толстов указывает на наличие среди туркмен алан с турецкой речью (Вестник древней истории. № 1/2). Среди алан были, несомненно, и яфетиды. По-видимому, карачаи тоже входили в состав алан (конечно, позднейшего времени) (История СССР, на правах рукописи. Т. I. Ч. III—IV. С. 445—446).

Аспаруховы болгары покорили в 676 г. славянское племя северян, или северцев (ЕеРбрец), обитавшее, по свидетельству Феофана, в Малой Скифии (Добрудже). Остатком болгар Аспаруха, отуречивших дунайских северян, Н. С. Державин считает

эпоху славяне проникали далеко в глубь степей, скрещиваясь с туземным населением и ассимилируя часть его в своей среде. Позднее, после возникновения Киевского государства, дружины приднепровских славян сумели подчинить себе остатки ослабевших кочевников и полусоседных потомков савиров — черных болгар.

В связи с аланами-ясами и роксаланами встает вопрос о роли сарматского племени — алан в формировании славян и проблема происхождения термина «рош», «рос», а следовательно и «русь». Мы отнюдь не собираемся вслед за Забелиным считать роксалан славянами или утверждать, как Иловайский, а отчасти и Самоквасов, происхождение руси от роксалан, а хотим лишь отметить определенную генетическую связь между яфетидами-роксаланами и индоевропеизирующейся русью — русью Географа Баварского, «Житий» Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, той русью, которая в трудах буржуазных историков получила общее название «черноморской руси». «Рошский элемент (как и другие элементы) оказался определенным слоем в языках племен родо-вого общества Восточной Европы, общим для всех этих племен, а эта общность — продукт исторических взаимоотношений. С образованием русских, финнов, грузин и т. д. рошский слой вошел в языки этих народностей, конечно, с соответствующей трансформацией»... «Само национальное название русских — "Русь", "Россия" — есть вклад рошского социального слоя».1

По Страбону и Плинию, роксаланы живут между Доном и Днестром. В их представлении это самые северные племена «скифов». Страбон знает в Предкавказье народ аорсы, или росы. По-видимому, роксаланы — конгломерат племен, а не единое племя. Недаром Иордан называет их часто антами, причем последние — также многоплеменное образование. Тот же Иордан говорит о народе «росомонах», Псевдо-Захарий (VI в.) — о народе «hros», живущих к северу от Меотиды. А. П. Дьяконов считает «hros» славянами.2 Гвидо Равенский и Географ Баварский (IX век) помещают здесь уже «россов» — «Ruzzi», живущих между уличами и хазарами, т. е. в междуречье Днестра и Дона. Своими историческими, социально-культурными, а следовательно и языковыми связями, восходящими к общему яфетическому прошлому и общению в древности, русский язык обязан тому обстоятельству, что ряд терминов сближает его не с прочими славянскими, а с абхазским (в первую очередь), чувашским (близким к древнеболгарскому), сванским, чанским, грузинским, мингрельским языками.3 Также близки оказываются древнему славянству ясы-языги, т. е. те же аланы. Они соседят с русью в степях, они входят в состав русских дружин на Северном Кавказе, проникают далеко на север, с ними скрещиваются

и древностей российских. 1872. Кн. ГУ. С. 152—153; Державин Н. С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // Советская этнография. 1937. № 1. С. 85).

1Филин Ф. Генетические взаимоотношения русского языка с языками других народностей СССР в работах Н. Я. Марра // Сборник «Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н. Я. Марру». С. 136.

2Дьяконов А. П. «Известия Псевдо-Захарии о древних славянах» // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 83—90.

3Филин Ф. Ук. соч. С. 137. См.: Марр Н. Я. Избр. работы. Т. V.

русские. Летописи сохранили нам упоминания о браках князей с «ясыня-ми», об «ясинах» — дружинниках-слугах и т. д.1

С аланами-ясами связан ряд географических пунктов средней Руси, даже на севере встречаются наименования, свидетельствующие о ясо-аланском элементе. С ясами связаны и летописные ятвяги, которых нельзя считать литовцами. Даже сами жители Литвы и Западной Руси отличали их от литовцев. Язык, внешние черты, быт ятвягов имели некоторые особенности. Еще по сию пору в местах, где некогда жили летописные ятвяги, население сохранило кое-какие особенности в именах, обычаях, отличаясь от соседей и антропологически. «Ядвинги» — потомки ятвягов — среди местного населения резко выделяются. Их кочевой быт, характерный для степняков, сохранился даже тогда, когда ятвяги поселились в лесах юго-восточной Литвы, где они частично продолжали кочевать и жить в повозках-«колымагах». Ясы-языги отложили свой, также рошский слой, буквально в русском «языке». «Язык», в прошлом — племенное название «языгов» в русской речи, также выступает в смысле «племня», «народ». Есть еще ряд терминов, указывающих на активное участие языгов в формировании русских.² Указанные данные свидетельствуют о том, что «русь черноморская» — русь яфетическая, но из нее вырастает, трансформируясь и скрещиваясь: 1) «русь» прометеидская, индоевропейская, следы которой на Кавказе в составе хазар Марру удалось обнаружить еще по отношению к VII в. н. э.,³ и 2) «русь» — «рош» кавказская — смешанное, в значительной мере яфетическое, население причерноморского гео-этнического района. В свете нового учения о языке Н. Я. Марра становится ясной вся ненаучность спора в дворянско-буржуазной исторической науке по вопросу о происхождении термина «русь». Связи алан, роксалан, болгар и руси не прекращались и в более поздние времена, когда русь стала индоевропейской.

Помимо салтово-маяцкой культуры, игравшей большую роль в процессе скрещений и взаимопроникновений иранизирующихся и тюркиризи-рующихся яфетидов, частью остававшихся еще кочевниками, частью оседавших на землю и смешивавшихся с местным славянским населением, что приводило к появлению «русии»-«ясов» далеко на севере, а «русии»-«славян» далеко на юге, следует указать на наличие в половецких степях XI—XII вв. городов Шарукань, Сугров, Чешуев, Балин с неполовецким населением. Заселены эти города не половцами-язычниками, а христианами. В последних следует усматривать не только русских. Часть русских, живущих в степях — «беловежцы», — вернулась на Русь из Саркела с момента установления владычества половцев, часть же несомненно продолжала оставаться в степях и позднее (на русской колонизации степей

Так, например, у Андрея Боголюбского ключник ясин (асин) Анбал, жена болгарка (по-видимому из «черных болгар», в летописи также называемых «ясами»). Ярополк Владимирович в 1116 г. берет в степях города Балин, Чешуев, Сугров и захватывает «ясского князя дочь». В летописи еще несколько раз говорится о походе князей в степи, причем возвращаются они, приводя пленных «ясов».

²Филин Ф. Ук. соч. С. 138. Марр Н. Я. По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы XII века.

55

X—XI вв. остановимся подробнее дальше), о чем свидетельствует наличие «бродников» на Дону еще в XIII в. Но населяли степи в XI—XII вв. и ясы, как нами уже было указано выше. Всего естественнее видеть в них потомков носителей салтово-маяцкой культуры и, вместе с русскими, жителей так называемых «половецких городов». Эти «половецкие города», быть может, были древними городами «ясов» — болгаро-алан, остатками салтово-маяцкой культуры. Не противоречит данному утверждению и христианство горожан степей, так как аланы и часть болгар были христианами и в IX в. Наряду с русской епархией, кстати сказать, по-видимому, именно этих южных «черноморских русов», существовала и аланская епархия.¹

Если наблюдается процесс внедрения языгов-ясов в славянские земли, подтверждающийся данными лингвистики, письменными источниками и памятниками материальной культуры, то необходимо указать и на обратный процесс — продвижение русских на юг, в степи Подонья, на Северный Кавказ. Здесь, на Северном Кавказе, по-видимому, еще сохранились анты, и под их влиянием шла руссификация отдельных туземных яфетических племен. Но надо помнить, что на юге превалировали яфетические, тюркские и иранские элементы, сумевшие впоследствии подчинить себе редкое «русское» (в смысле руси индоевропейской) население, частично пополнявшееся пришельцами с среднего Дона и Приднепровья, а на севере процесс славянизации протекал очень бурно и захватил совокупность племен, этнически близких к тем, которые впоследствии трансформировались в финнов (меря) или в литву (часть голяди). Этим и объясняется наличие на Дону и на Кавказе руси-славян, что ставило в тупик норманистов, а их противников заставляло прибегать к весьма рискованным выводам.

Ряд арабских, персидских и древнееврейских источников, собранных в известных работах Гедеонова, Гаркави, Хвольсона, Розена, Куника, Ту-манского, Шехтера, Коковцева, Иловайского, Ламанского, Дорна, Якубовского, Пархоменко и др., говорит о руси и славянах на Дону, Северном Кавказе, о походах русов на Кавказ и Закавказье. Не останавливаясь на этих источниках подробно, так как это потребовало бы специального исследования, мы приведем лишь некоторые выдержки. Так, например, Масуди указывает, что «между большими и известными реками, изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис (Дон. В. М.), которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях».2 Аль-Баладури упоминает о походе Марвана в Хазарию и о пленении им 20 000 славян, поселенных в Кахетии. В передаче Табари этот рассказ звучит иначе. Юн упоминает о том, что Марван напал на неверных на Славянской реке;3 различные исследователи считали эту реку то Доном, то Волгой. По Масуди, Ибн-Хаукалю и др., славяне живут в столице Хазарии — Итиле. Русских в числе хазарских воинов упоминает древнеармянская рукопись VII в. Можно было бы привести еще много примеров подобного

¹улаковский Ю. Христианство у алан // Византийский временник. 1898. № 1. 2Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 140—141.

³ Там же. С. 41—42.

56

рода, но мы вынуждены отослать интересующихся к работам указанных авторов.

Основные вопросы, ставшие перед исследователями восточных источников, были следующие:

1. Только ли славян можно подразумевать под арабским названием «са-калиба»?
2. Можно ли считать часто параллельно упоминаемых в источниках русь и славян одним и тем же народом?
3. В арабских источниках есть упоминание о трех центрах славян: Куя-ба, Славия и Арта, или Артания. Если в Куябе можно усматривать Киев, в Славии — северные области славян (по-видимому ильменских), то где находилась Артания?

Известный ориенталист Вестберг не соглашается с теми исследователями, которые считали «сакалибов» славянами. Его возражения сводились к следующим положениям:

1. «Сакалиб» у арабов означает вообще «русый», «светловолосый».

2. Кавказские славяне — не настоящие славяне, а, по всей вероятности, осетины, аланы, которые, по известиям древних писателей, имели русые волосы и голубые глаза.

3. Ряд восточных писателей называет отдельные, заведомо не славянские племена «сакалибами». Так, например, Ибн-Хордадбех «сакалибами» называет вообще все северные народы, Ибн-Фадлан и Якут — болгар, а Масуди в число «сакалибов» включает «сассов» — саксов.

Как осторожный исследователь, Вестберг, естественно, критически подошел к зачастую противоречивым восточным источникам и высказал верное суждение о том, что «сакалиба» — не только славяне, забыв сказать другое — «сакалибы» не только не славяне, но и славяне.

Так, например, Ибн-Аль-Факих, писавший в начале X в., указывает: «на... горе Кабк (Кавказ) есть 72 языка, каждый язык понимается другими только посредством толмачей. Ее длина 500 фарсангов. Она соседит со страной греков до границ алан, она доходит до страны славян. На ней есть также род славян; остальные армяне». Как видим, Ибн-Аль-Факиху были известны и аланы, и он не путает их со славянами, а следовательно, заслуживает внимания и его свидетельство о славянском народе на Кавказе. Также ценно его указание на то, что горы Кавказские доходят до страны славян, в которой нетрудно усмотреть дельту Кубани, т. е. Артанию, как это считает большинство исследователей, будущую Тмутаракань. Были ли это «чистые» славяне? Но «что понимать под племенем? Тварей одного вида, зоологический тип с врожденными ab ovo племенными особенностями, как у племенных коней, племенных коров? Мы таких человеческих племен не знаем, когда дело касается языка».1

С другой стороны, сам же противник теории наличия славянского населения на юге Восточной Европы вынужден отступить от своих позиций под давлением фактов и заявить в одном месте своего труда по поводу письма хазарского кагана Иосифа:

Марр Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике // Избр. работы. Т. V. С. 314.

57

«Что касается третьего племени "славиун" (славян), то его следует искать к югу, или лучше к юго-востоку от "северян"».1

«Искать к юго-востоку от северян» — это значит помещать славян в придонских степях, Северном Кавказе, против чего так возражает Вестберг. Попытка Вестберга усмотреть в «Славянской реке» не Дон, а Волгу, причем не в нижнем ее течении, встретила критику в работе А. Ю. Якубовского, указавшего на неосновательность подобной трактовки.2 Таким образом, вряд ли можно отрицать наличие славян в составе «сакалибов» на Дону и на Кавказе, правда, не в виде сплошного населения, как это предполагал В. А. Пархоменко, а в виде отдельных поселений русских, частично проникших с севера, частично выкристал-лизировавшихся из более древних насельников этого края — антов. Второй вопрос, имеющий также немаловажное значение, — считали ли арабы «русь» и «сакалиба» одним племенем? Арабские тексты, относящиеся к этому вопросу, трактуются по-разному исследователями, и мы отнюдь не собираемся делать непосильную работу и пересматривать весь вопрос заново.

Вестберг, разбирая сочинения Ибрагима Ибн-Якуба, Аль-Бекри, Масуди, Ибн-эль-Атира, Ибн-аль-Варди, Ибн-Фадлана, Ибн-Хаукаля и некоторых других, приходит к выводу, что «русь» арабов — это норманская дружинная вольница, купцы-разбойники, причем «разбойничье гнездо островных русов находится на севере Восточной Европы, в стране славян».3 Выводы Вестберга чересчур поспешны. Ибн-Хордадбех, писавший в 60-х—70-х годах ГХв., указывает: «Что же касается купцов-

русских — они же суть племя из славян». То же утверждение мы находим и в известной «Книге стран».4 Византийские источники IX в. уже знают «русь», проникающую на берега Черного и Азовского морей. Достаточно привести хотя бы «Жития» Стефана Сурожского, Георгия Амастридского, где упоминаются походы русов в первой половине IX в., то место из «Паннонских житий Кирилла и Мефодия», где говорится о русине, встреченном Константином в Херсонесе, у которого нашлось евангелие и «псалтирь роушь-кыми писмены псано»,5 указания персидского географа X в. об одном из русских племен, жившем на берегах Черного моря,6 того же Масуди, упоминающего о русских судах, бороздящих Черное море, свидетельство кагана Иосифа о том, что русы, нападающие в 912 г. на Закавказье, — славяне, и др. Н. Я. Марр считал возможным указывать на смешение, например византийцами того времени, руси не с норманнами, а с

вестберг Ф. Ук. соч. С. 19.

2 Я к у б о в с к и и А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332=943—944 гг. // Византийский временник. 1926. Т. XXIV. С. 83—84.

3 В е с т б е р г Ф. Ук. соч. С. 25.

4 Г а р к а в и А. Я. Ук. соч. С. 49,251—252.

5 Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования//Журнал м-ва нар. проев. 1889. V—VI; Его же. Русско-византийские исследования//Летопись занятий Археогр. Комиссии. 1893. Вып. IX; Его же. Русско-византийские отрывки//Журнал м-ва нар. проев. 1878. II—III; Иловайский Д. Разыскания о начале Руси.

6 Туманский. Новооткрытый персидский географ X столетия и его известия о славянах и русских//Записки Восточного отделения Русского Археол. о-ва. 1897. Т. X. Вып. I—IV. С. 136.

58

абхазами;1 это и естественно, если принять во внимание их сожительство на Северном Кавказе, и, наконец, как показали работы Марра, посвященные абхазо-русским связям, сходство языковое, идущее из глубин яфетического мира. Наличие «русов» — русских, т. е. славян, и в более поздние времена в Крыму, на нижнем Дону и на Северном Кавказе до XIV в. включительно, что будет показано нами далее, также является подтверждением высказанного положения. Но опять-таки ни о каких «зоологически чистых» «русах» — русских говорить не приходится: «русы» связаны со своими яфетическими собратьями — населением кавказско-причерноморского геотнического района; с ними они сожительствуют, скрещиваются и в конце X—XI вв., благодаря экспансии создавших свое государство днепровских русских дружинников, усиливаются, а затем, в XIV в., бесследно растворяются в более сильном и крепком туземном яфетидо-ирано-тюркском субстрате.

Не отрицая наличия в составе «руси», нападающей в IX—X вв. на Крым, Византию, Закавказье, собственно норманнов, проникающих на территорию Восточной Европы в это время и даже ранее, тем не менее мы не можем признать в «руси» исключительно норманнов, как это делает П. Смирнов, считающий «русь» арабов поволжской норманской вольницей, остатком которой была, по его мнению, пресловутая «Пургасова Русь».2 Обычаи русов, описанные арабами, в частности известный обряд сожжения, общераспространены среди славян Приднепровья: зеленые бусы — любимое украшение русов, по свидетельству арабов, весьма многочисленны в славянских могилах. После работ А. И. Соболевского,3 В. А. Пархоменко4 и Н. Я. Марра5 вряд ли можно сомневаться о проникновении приднепровских и подонских русов на юго-восток. Н. Я. Марр считал возможным соглашаться с мнениями А. И. Соболевского, В. А. Пархоменко, Д. А. Хвольсона, П. В. Голубовского, заявлявших о существовании руси — славян на берегах Черного моря. Н. Я. Марр указывает на

«наличие в составе Хазарского объединения не библейских, а реальных росов, т. е. уже восточных славян». И далее, «на юго-востоке, несомненно, происходила трансформация яфетических племен в славянские, в частности, русские»,⁶ что и создавало, наряду с продвижением русских на юг, славянское население Тмутаракани. Вопросу о Тмутаракани Н. Я. Марр уделял большое внимание, отмечая всю важность изучения этно- и глоттогонии и истории Абхазии и Тмутаракани для всего восточноевропейского средневековья.⁷ Н. Я. Марр прежде всего отмечает смешанный характер населения Кавказа, причем, по его мнению, на западе и северо-западе Кавказа основная масса племен была племенами кимеро-скифскими: колхи,

1 М а р р Н. Я. Избр. работы. Т. V. С. 99.

2 Смирнов П. Волзышшляхі стародавшРуси. Киев, 1928.

3 Соболевский А.И. Русско-скифские этюды; Его же. Третье русское племя и др.

4 П а р х о м е н к о В. А. Начало христианства Руси; Его же. У истоков русской государственности; Его же. Три центра древней Руси.

5 М а р р Н. Я. Избр. работы. Т. V, Этно- и глоттогония Восточной Европы.

6 Там же. С. 134.

7 Там же. С. 186.

59

иберы и др. Позднее сарматские племена занимают основную территорию Кавказа вместе с кимеро-скифскими племенами, причем сарматы становятся основным слоем на востоке (в Грузии, Армении, Азербайджане, Албании), например картвелы, тогда как на западе в древнейшую «кимеро»-«иберо»- или «тамо»-скифскую среду (иберы, колхи) попадают абхазы с их двухприродной архаической речью, сарматской по происхождению. Абхазская речь сложилась на Северном Кавказе гораздо севернее, нежели современная Абхазия, едва ли не в Тмутаракани, и это обстоятельство играет огромную роль в этно- и глоттогонии юго-востока России и в древнейшие времена и в средние века. Наличие общих этногонических корней, совместное жительство, гибридизация и взаимопроникновение, шедшие на северо-западе Кавказа, приводят к сродству русского и абхазского языков. Разрешение абхазского вопроса дает возможность подойти и к разрешению русского, хазарского и болгарского вопросов. Н. Я. Марр отмечает, что сам термин «tam», равно как и «taraqan» — «tarqan» — племенные названия, тотемные термины. «Тат» — собственно «небо», «нижнее небо» в значении «моря», что опять-таки сближает с русским «тьма», «преисподняя». На такое происхождение термина «Тамань» — «Тмутаракань» указывает и обращение в «Слове о полку Игореве» к «Тмутараканскому болвану», где «болван» выступает в качестве болгарского тотемного божества, что опять-таки подтверждает наличие в Тмутаракани «гибридного яфетического племенного образования, в Тмутаракани славянизовавшегося»,¹ а в других местах в иных условиях тюркизировавшегося, иранизовавшегося или остававшегося яфетическим, как например в Абхазии. Говоря о трансформации яфетических племен в славянские, в частности русские, на юго-востоке, Н. Я. Марр замечает: «Тмутаракань IX—XI вв. не могла представить исключения из этого процесса, и вопрос именно в том, какого порядка процесс тут происходил, скрещение ли готового русского с языками пережиточного яфетического населения или перерождение местных яфетических племенных образований в индоевропейское, русское, и в какой стадии развития находится этот процесс трансформации. Несомненно, что процесс протекал и здесь, как везде, классово, в порядке влияния господствующего слоя с индоевропейской речью на яфетическое массовое население, в этих путях могло совершаться скрещение индоевропейского языка с яфетическим».² Мы не располагаем данными для того, чтобы проследить процесс перерождения туземных племен яфетических в русские индоевропейские, и

остановимся только на втором процессе — скрещении русского элемента с туземным, главным образом яфетическим. Русский элемент при этом был пришлым, переселившимся с севера.

Здесь, на Северном Кавказе, этот пришлый русский элемент находит родственную, социально-этническую среду, в которой, по-видимому, шел и процесс трансформации яфетидов в индоевропейцев — иранцев, а затем, под влиянием антов, — в русских. Проникновение русских на Кавказ носило вначале характер передвижений, переселений антов и русификации туземных племен, связанных с антами, а позднее, с начала создания

1 М а р р Н. Я. Избр. работы. Т. V, Этно- и глоттогония Восточной Европы. С. 184.

2 Там же. С. 185.

60

славянами в Приднепровье государства, — это проникновение стало носить характер налетов, походов, кончившихся оседанием части русских дружинников на завоеванной территории, пока, наконец, не создано было Тмутараканское княжество, феодальное полутосударственное образование.

Походы русов на южное и крымское побережья Черного моря и на Каспий относятся еще к первой половине IX в.1 Первый поход на Тмутаракань относится к началу X в. Успешным походам русов способствовало наличие славяно-русского населения в туземных поселениях на берегах Азовского и Черного морей. Это население появилось здесь в результате поселения купцов и дружинников в городах Приазовья и Причерноморья, Наличие русских, знакомых с путями, ведущими на юг, к Причерноморью, к Византии, к Каспию и даже проживавших на юго-востоке, несомненно облегчало действия русских дружин, громивших, по «Житию Стефана Сурожского» из Новгорода, Крымское побережье Черного моря, а по «Житию Георгия Амастридского» — его южное побережье. Здесь, на юге, они воспринимали византийскую и восточную, в частности, хазарскую культуру. Результатом несомненного влияния хазарской культуры является хотя бы само наименование русского князя «каган», о чем говорят Вертинские анналы, Ибн-Росте, «Похвала» митрополита Иллариона, повествует «Слово о полку Игореве». Здесь же, по-видимому, жили русы-христиане, для которых была учреждена упоминаемая в Уставе Льва Философа (886—911 гг.) русская епархия, помещаемая в его списке 61-ой, рядом с 62-ой, аланской; и призванная обслуживать русское население так же, как обслуживала его в XIII в. Сарайская и Переяславльская епархии.

Таким образом, походы русов предпринимались или через земли далеко не с чужеродным населением, что в свое время в противовес взглядам А. А. Спицына было отмечено Н. Я. Марром,² или же прямо направлялись в области с русским, хотя и далеко не сплошным, населением. Так, например, в 912—913 гг., по Масуди, русы проникают на побережье Каспийского моря, в Закавказье. Через несколько лет новый поход русов — уже непосредственно на Самбарай-Самкерц-Тмутаракань.³ Древне-еврейский документ, впервые опубликованный Шехтером, говорит о нападении царя «Руссии» Хальгу, подстрекаемого византийским императором Романом, на хазарский город Самкерц. Пользуясь отсутствием в городе хазарских воинов и военачальника, раб Хашмонаи, Хальгу берет город, грабит его, но Песах разбивает Хальгу, отбирает награбленное и заставляет его напасть на своего подстрекателя — Романа. Хальгу напал на Константинополь, сражался на море четыре месяца, но флот его был истреблен греческим огнем. С остатками дружины Хальгу вернулся в свою страну, прошел в Персию (очевидно, через Керченский пролив, Дон и Волгу, как это делалось и раньше и позднее), где погибла и его дружина и он

См.: Дорн. Каспий.

Март Н. Я. Избр. работы. Т. V, Этно- и глоттогония Восточной Европы. С. 163, 184.

3 Уже Коковцев, а затем и Март считали возможным читать не Самбарай, а Самкерц — что, как доказано было Марром, является еврейской огласовкой наименования «Тмутаракань» (Март Н. Я. Ук. соч. С. 177—182).

61

сам.1 Таков рассказ анонимного древнееврейского документа. Хальгу-Олег — вряд ли тождественен Олегу наших летописей. Прежде всего, Хальгу-Олег — современник византийского императора Романа Лекапина, царствовавшего с 919 по 944 г. (т. е. тогда, когда летописного Олега уже не было в живых). Поход Хальгу может быть датирован либо 931—934 гг., если принять точку зрения В. А. Пархоменко,² либо 942—943 гг., что ближе к истине, если связать поход Хальгу с известием Ибн-Мискавейха, Ибн-Эль-Эсира, Якута и др. о нападении русов на Бердаа в 943—944 гг. Вряд ли стоит поход Хальгу-Олега связывать с Игорем и изобретать какую-то военную экспедицию дружинников Игоря в Закавказье. Хотя обстоятельства налета Хальгу на Константинополь напоминают поход Игоря, но никакого знака равенства между ними поставить нельзя, как равно и приписать Игорю поход 943—944 гг. Хальгу-Олег — какой-то самостоятельный князек-воевода, либо давно порвавший связь с Киевом и не собиравшийся возвращаться обратно, либо вовсе не связанный с Киевом туземный владыка «черноморской руси». Последнее предположение вероятнее. Если и был союз между киевским Игорем и Хальгу, то лишь временный, быть может, заключавшийся лишь в совместном походе на Византию. Нам кажется, что следует связать анонимный еврейский документ с описанием похода русов у Ибн-Мискавейха. Ибн-Мискавейх как бы начинает с того момента, когда прерывает свой рассказ еврейский источник. Захват Самкерца-Тмута-ракани закончился неудачей, но русы на этом не остановились и вторглись в Закавказье, захватив богатый, цветущий город Бердаа. А. Ю. Якубовский отмечает, что это было «правильно и продуманно организованное военное предприятие, которое направляется вглубь страны, имея задачей захватить самый богатый город Кавказа. Есть все основания думать, что русы намеревались остаться там надолго».³

Высказанное предположение подтверждается источником: «Подступили со всех окрестных селений к ним (русам) мусульманские войска. Русы выходили против них и обращали их в бегство. И бывало не раз так — вслед за ними (русами) выходили и жители Бердаа и, когда мусульмане нападали на русов, они кричали «аллах велик» и бросали в них камни. Тогда русы обратились к ним и сказали, чтобы они заботились только о самих себе и не вмешивались бы в отношения между властью и ими (русами). И приняли это во внимание люди, желающие безопасности, главным образом это была знать. Что же касается простого народа и большей части черни, то они не заботились о себе, а обнаруживали то, что у них в душах есть, и препятствовали русам.. .»⁴

Походы русов, таким образом, являются не только налетом с целью грабежа, но и попыткой захватить и «освоить», как «осваивали» вообще

¹Коковцев. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке // Журнал м-ва нар. проев. 1913. XI; Е г о же. Еврейско-хазарская переписка в X в. 1932.

²Пархоменко В. А. Новые толкования записки готского топарха // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. Т. III. 1929.

³Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332=943—944 гг. С. 92; ср. также: Григорьев В. В. Россия и Азия.

⁴Якубовский А. Ю. Ук. соч. С. 65—66.

тогда полуварвары-полуфеодалы, новые города и земли. При этом русы-воины облагают данью простой народ — «чернь», тогда как «знать» быстро смыкается со своими новыми господами и правителями-русами. Русы, страдая от болезней и подавленные количественным превосходством мусульман, погибли в неравной борьбе, пал в битве и их предводитель. Русы 943—944 гг. не норманны, вернее, не только норманны, так как отвергать наличие норманнов так же невозможно, как и утверждать обратное. Абу-Фараджи говорит о нападении в 943—944 гг. на Бердаа «алан, славян илезгов»,¹ т. е. народов Северного Причерноморья, в числе которых были и славяне — русские. Не был ли предводителем русов при походе на Бердаа тот же Хальгу-Олег, смерть которого «за морем» отмечает и наша летопись, по-видимому спутав биографии двух Олегов? Вскоре русская дружина снова появляется на Кавказе. В 965 г. Святослав громит хазар, берет Саркел, Итиль, наносит окончательный удар Хазарскому каганату, последние остатки которого были добиты в 1016 г., когда, по свидетельству Кедрина, дружины русских под командованием Сфенга и византийские войска Монга разбили хазарского князя Георгия Цуло.

Политические связи в X—XI вв. приводят к появлению на территории славянских земель летописных потомков сарматов — касогов, обез, ясов, в составе княжеских дружин и вольных переселенцев. Уже Географ Баварский среди десятков славянских племен, а есть все основания предполагать, что он неплохо знал восточнославянский мир, упоминает о «касо-ричах», по-видимому, где-то на территории Днепровского Левобережья.² Еще в XVII в. между Рыльском и Львовом существовали село Касоричи и Касожская волость, причем в Касожской волости мы находим «Славен-скую пустынь... на Славенском городище, на Семи, да на Славенском озере».³ Противопоставление касогов и славян, как мы видим из контекста, разительное. Остатки древних городищ, к сожалению не раскопанных, окружают и поныне село Коробкино, как называется теперь село Касоричи. На касогов указывает и название р. Касоржи, притока р. Тима, на берегах которой находятся также еще не раскопанные курганы с остатками каменных плит.⁴ По всей видимости в жителях Касожской волости следует усматривать не только касогов Мстислава, но и остатки более древних насельников, быть может, выходцев из приазовских — прикубанских степей во времена еще более ранние, нежели времена Тмутараканского княжества.

Мы уже останавливались на значении салтово-маяцкой культуры в жизни населения лесостепной полосы в VIII—IX вв.

Соседящее с оседавшими на землю кочевниками славянское и, в частности, северянское население экономически, культурно и политически было связано с создателями салтово-маяцкой культуры. Наличие вещей салтовского типа далеко за пределами распространения городищ, в Черниговской и Курской областях, находки многочисленных вещей северо-

¹Д о р н. Каспий. С. 515.

²Шафарик. Славянские древности. Т. II. Приложение XIX. С. 70.

³Сендторский Н. Исторический очерк города Рыльска в политическом и церковно-административном отношениях. Курск, 1907. С. 36.

⁴ «Известия Курского губернского о-ва краеведения». 1928. № 4—6 (10—12). С. 10, 80—81.

кавказского типа, аналогичных салтовским и свидетельствующих о родстве салтовской и северокавказской культур (Чми, Кобанское, Балта), взаимопроникновение этнических начал, роль политических форпостов Хазарского каганата, которую несомненно играли городища вроде Маяцкого, Салтова и т. д., — все это в

совокупности говорит за наличие подобных связей, без учета которых многие особенности Северной земли позднейшего времени будут непонятны.

Мы отмечали проникновение болгаро-савиро-алан на север, в гущу славянского населения, отмечали и проникновение славян на юг, на нижний Дон и Северный Кавказ. Подобное проникновение, по-видимому, имело место во времена антов, когда известная их часть, правда незначительная, под давлением кочевников вынуждена была уйти на юго-восток, покинув пристепную полосу, и позже (в IX—X вв.), когда дружины русов проникали на побережья Черного, Азовского и Каспийского морей. Вряд ли возможно говорить о сплошном русском населении по отношению хотя бы одного более или менее значительного района Приазовья, Причерноморья или Каспия.

Вопрос о вещественных памятниках славянской культуры в степях По-донья и Предкавказья был поднят еще Городцовым, усматривающим в наличии волнистого орнамента в керамике следы присутствия славянского населения, так как в его представлении волнисто-линейный орнамент принадлежит исключительно славянам. Городцов на основании этой теории сделал заключение о наличии славянского населения в устье Дона и Предкавказье в VIII—IX вв. Но, как установлено М. И. Артамоновым, подобный орнамент является не особенностью того или иного племени, а просто отражает переход от лепной керамики к гончарному кругу, а собственно славянские, русские вещи начинают проникать на нижнее течение Дона с конца X, начала XI в. Типичным примером является превращение Саркела в XI в., судя по вещественным памятникам, в русский город.¹ Судя по вещественным материалам, добытым археологическими раскопками, можно сделать вывод о том, что целиком славянскими поселения на Дону в IX—X вв. назвать нельзя. Таким образом, в обитателях этой области можно усматривать остатки сарматского общества — савиро-болгар, на севере (у среднего течения Дона, по Донцу, Осколу и т. д.) смешивавшихся с славянами, русскими.² Отсутствие находок вещей славянского типа на интересующей нас территории, датируемых VIII—IX вв. и более ранним временем, вряд ли можно считать неопровержимым доказательством отсутствия в это время антского или собственно русского населения. Как это будет указано далее, в более поздние времена, в XIII—XIV вв., население уже существовавшего русского Тмутараканского княжества, пусть даже немногочисленное и в основном дружинное, княжеское, постепенно смешалось с основным этносом Северного Кавказа, восприняв его обычаи,

¹ Артамонов М. А. Средневековые поселения на Нижнем Дону; Г о т ь е Ю. Железный век в Восточной Европе. С. 65.

² Бабенко, например, склонен рассматривать некоторые специфические погребения и вещи, найденные в Салтове и отличающиеся от собственно типичных салтовских, как славянские (См.: Бабенко. Дополнение к докладу «Что дали нового раскопки в Салтове» // Труды XIII Археол. съезда. Т. I. С. 410).

64

нравы, культуру, язык и, конечно, заимствовав одежду, предметы обихода, украшения, оружие и т. д.; несмотря на то, что письменные источники определенно говорят еще об остатках русских, никакие археологические раскопки русских вещей приднепровского типа несомненно не обнаружат. То же самое явление было характерно и для антов, оторванных от Приднепровья, и для отдельных русских поселений более позднего времени.

Мы не претендуем на окончательное разрешение вопроса о так называемой «черноморской руси», но считаем, что исследователи, отрицающие наличие славянства на юго-востоке только на том основании, что там не найдено вещественных памятников, не сумели опровергнуть сторонников теории «черноморской руси». Правда, и сторонники «черноморской руси» не всегда могли обосновать свою точку

зрения, и многие из них чрезвычайно увлекались, говоря об азовско-черноморской колыбели многих славянских племен. Но все же их точка зрения заслуживает внимания и отражает в какой-то мере историческую действительность.

Времена господства Хазарского каганата характеризуются относительной слабостью кочевников, и это обстоятельство не могло не способствовать проникновению славян все дальше и дальше на юго-восток.

Не приходится уже говорить о том, что самый факт существования единого, хоть и примитивного, политического организма Хазарского каганата и расцвет арабского Волжского торгового пути имели своим последствием появление русских купцов в хазарских городах и русских воинов в хазарских войсках, и вовлечение русских племен в орбиту влияния восточной культуры.

На эту связь, на сходство культур Северного Кавказа и Северной земли обратили внимание уже давно, но, правда, не смогли правильно подойти к выяснению причин этого явления. Достаточно привести хотя бы Кондакова,¹ Голубовского,² Нидерле,³ Довнар-Запольского,⁴ Самоквасова,⁵ Спици-на,⁶ Макаренко.⁷ Не так давно в работах А. С. Гущина⁸ и А. С. Башкирова⁹ еще раз было указано на широкие связи Кавказского мира, в области

Кондаков. Мелкие древности Кубанской и Терской области // Труды III Археол. съезда. Т. I. С. 142; Толстой, Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Т. V. С. 14—17, 71.

Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 6
3 Нидерле. Быт и культура древних славян. С. 127.

Довнар-Запольский МВ. История русского народного хозяйства. С. 117—118.

5 Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли; Его же. Северянские курганы и их значение для истории // Труды III Археол. съезда. Т. I; Его же. Северянская земля и северяне по городищам и могилам, и др.

6 Спицин А. А. Обзорение губерний в археологическом отношении // Записки Русского археол. о-ва: Труды Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. I—II. Кн. I.

7 Макаренко Н. Материалы по археологии Полтавской губ. // Труды Полтавской ученой комиссии. Т. V. 1908; Его же. Иженьска ф1була // Сборник в честь Грушевского. С. 43.

о

Гушин А. С. К вопросу о славянском земледельческом искусстве // Сборник «Изобразительное искусство». Изд. «Academia», 1927. С. 75.

9 Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. // Известия Абхазского научного о-ва. Сухум, 1926. Вып. IV. С. 15.

3 В. В. Мавродин

65

искусства, архитектуры и т. д., с древней Русью, шедшие по Волге в Ростово-Суздальскую и по Дону, Донцу и Сейму в Северскую Русь и Киев. Н. Я. Марр, отмечая сходство кавказской и суздальской архитектур, указывает, что суздальское искусство не пришлое культурное влияние, а течение, шедшее из этнических глубин, культурно-исторических местных традиций, укрепляющееся, быть может, уже в исторические времена и путем миграции.¹ Не менее характерно сходство с кавказской, точнее абхазской архитектурой, черниговской архитектуры — знаменитого, древнейшего, древнее обеих Софий, Черниговского Спаса. Сходство разительное.²

Небезынтересно и то обстоятельство, что строитель его — князь тмута-раканский Мстислав, приведший с собой с Кавказа дружину из хазар, ясов и касогов-черкесов.

Следы владычества хазар и пребывания их на Северянской земле можно усмотреть в названиях сел и урочищ: Каган, Каханов, Макагонов хутор Путивльского района Черниговской области,³ Хазарская поляна, Хазарское городище под Воронежом,⁴ селения «Козыричи», «Каза-ричи», «Козары», «Козар» в Черниговской области,⁵ «Белая Вежа», «Бело-Вежцы»⁶ — там же, «Казарское озеро» с близлежащим городищем недалеко от села Зеленый Гай в Рыльском районе. Названия населенных мест древнейшей эпохи свидетельствуют и о наличии на территории следов и касогов. Мы уже упоминали о «Касожской волости» между Рыльском и Льговом в XVII в.

Взаимосвязи древней Руси с абхазами, летописными «обезами», действительно не случайны и заключаются не только в сходстве архитектуры, но и во многом другом. Стоит вспомнить браки князей с дочерьми кавказских владетелей и, в частности, «обезками».⁷ Н. Я. Марр отмечает, что, по Масуди, «руссы состоят из многих народностей разного рода». Самое многочисленное из них: «el-Ludean-a0», торгующее с Испанией, Римом, Константинополем и Хазарией. В свое время много было поломано копий по поводу того, кого подразумевать под этим племенем; пытались отожде

М а р р Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике; Его же. Чуваши-яфетиды на Волге. Избр. работы. Т. V; Е г о же. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. С. 24.

См. также: О Тмутаракани // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 54; Заметки о поздневизантийских храмовых росписях // Византийский временник. Т. XXII.

2 Интересующихся этим вопросом подробнее, отсылаю к специальной монографии Н. Макаренко «Чернипвськп Спас» (Записки юторично-фшологичного вщщлу. Всеукр. Ак. Наук, 1928. Кн. XX).

Сенаторский Н. К истории заселения Северо-западного района Курского края // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 4. С. 48—49. 4Середонин СМ. Историческая география. С. 100.

5 Там же.

6 Там же.

7 Так, например, на «царевой дочери из обез» был женат Изяслав Мстиславич (1154) (Ипатьевская летопись. 1843. С. 74); сын Андрея Боголюбского был женат на знаменитой грузинской царице Тамаре; Всеволод Суздальский был женат на «ясыне» и сестру своей жены выдал замуж за Мстислава Святославича Черниговского и т. п. (Ипатьевская летопись. 1843. С. 125). См.: Грушевский М. С. Історія Украши-Руси. Т. II. С. 513; Бу т к о в. О браках русских князей с грузинками и ясынями в XII в. // Северный архив. 1825. Т. XIII.

66

ствить его с леззанинами Константина Багрянородного, но историческая наука в целом ни к какому выводу не пришла. Н. Я. Марр сближает это племенное название одной из ветвей русов с абхазским поселением Ludaan.¹ Анализируя термин «сало», встречающийся в описании хазарской трапезы VII в., Н. Я. Марр, привлекая громадный вспомогательный материал, приходит к выводу о давнишних связях Руси с Кавказом, переплетении русских и кавказских племен в процессе этногенеза, торговли, вторжений и переселенческих движений русов на юг,²

Характерно то, что факты, указывающие на связь Кавказа с южнорусским населением, заставляли даже М. Грушевского, в свое время отрицавшего взаимопроникновение южнорусских племен и так называемых степняков и их ассимиляцию в целях сохранения чистоты «украинской нации», признать роль

яфетических элементов в населении Руси, связь древней Руси с Кавказом и т. п.,³ и, так сказать, согласиться с Марром.

Перейдем к характеру владычества Хазарского каганата.

Наша летопись подчеркивает даннические отношения, установившиеся между хазарами, с одной стороны, и полянами, северянами, радимичами и вятичами, с другой. Вряд ли хазары собирались в какой-либо мере изменить социально-политический строй подвластных им славянских племен. За это говорит хотя бы то, что хазары, очевидно, оставили старую единицу обложения данью: «рало» и «дым».⁴ Платили по «белей веверице» или по «щьягу».⁵ Дань эта была не особенно велика, что вытекает из обложения Олегом северян «данью легкой» после освобождения их от владычества хазар.⁶

Уже в тридцатых годах IX в. власть хазар в Приднепровье ослабевает, и по мере того как начинает складываться русская государственность, она превращается в тормоз для дальнейшего развития русских племен.

С начала второй половины IX в. прекращается хазарское владычество, и подданными кагана остаются только вятичи.

Наконец, под ударами русских дружин падает Хазарский каганат, подорванный феодальной раздробленностью и вторжением кочевников.

4. Северяне

Термин «северяне» в обозначении одного из славянских племен встречается не только на территории Приднепровья.

Марр Н. Я. По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в. Избр. работы. Т. V. С. 99. 2 Там же.

³Грушевский М. С. Порайонне юторічне дослщження Украши. С. 14—22. «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 18, 63.

⁵ По-видимому, дань собирали уже деньгами: «бель» означает не шкурку белки, веверицы, а мелкую серебряную монету. «Щьяг» — не шиллинг, ибо откуда могло появиться большое число западноевропейской монеты у русских племен? Находки монет не подтверждают факта обилия европейских монет. Скорее, «щьяг» — искаженное восточное «сикль» — монета, имевшая хождение на Востоке, а восточная торговля была тогда более развита, чем западная.

⁶ «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 23.

67

Подобно тому как существовали дулебы восточнославянские и чешские, поляне польские и русские, древляне западнославянские и древляне нашей летописи, белые хорваты у Карпат и хорваты на юго-западе Центральной Европы, словене, словенцы и словаки, разбросанные в разных концах Средней и Восточной Европы, сербы южные и сербы западные, — так же существовало и несколько племен северян.

В верховьях реки Варты, северо-западнее Кракова, жили северяне и было расположено Северское княжество с главным городом Северж.¹ Как мы уже видели, далеко на юго-западе, у Дуная, вдоль реки Ольты, в Добрудже (Малой Скифии) в VII в. жило, по свидетельству «Хронографа» Феофана, славянское племя северян (Ееререис;, seberenses), соседившее с другим славянским же племенем — кривичами (kribizi, krobyzy). Северяне были самым северным из фракийских славянских племен. В 676 г. они были покорены болгарами Аспаруха и переселились на юг. Здесь, в конце X и начале XI в., возникает Северское, или Краевское, княжество. Захваченное венграми в 1330 г. оно переходит к волохам (румынам) и становится зародышем Валашского государства.

Память о северянах сохранилась еще в XVIII в., и существовал «бан Се-верский и Краевский».² Современные гаджалы и гагаузы в районе Герлово в Болгарии являются

потомками тюркизированных яфетидов, болгар Аспаруха, отуречивших славянское племя северян.³

У нас нет данных о совместном жительстве северян приднепровских и придунайских. Но нам хорошо известны переселения славян на юг, за Дунай, в Византию и в Малую Азию, походы славян и антов, кончавшиеся их поселением (оседанием) на завоеванной земле, и потому вполне допустимо предположить, что одна часть северян могла оторваться от среднего Приднепровья еще в антские времена и уйти на Дунай.

Не вдаваясь подробно в историю северян на Дунае, мы не можем не подчеркнуть факта их пребывания там и не указать на распространенность самого наименования — «северяне».

К IX—X вв. северяне Днепровского Левобережья, по-видимому, были не единым племенем, а скорее, племенным союзом.

Так, например, у Географа Баварского мы встречаем ряд племен (кстати, следует отметить, что в этом источнике упоминается гораздо больше племен восточных славян, чем в летописных сводах), названия которых чрезвычайно близки к термину «север», «северянин». Где-то, судя по контексту, к северу или северо-востоку от уличей Землеписец (Географ) Баварский помещает: 1) «свирян», 2) «себирцев», или «саберцев», 3) «северие» — по-видимому, собственно северян (вернее сказать, в этом названии

1 Шафарик. Славянские древности. Т. II. Кн. III. С. 207, 230, 337—338; Лубава-Ски. История западных славян (прилагаемая карта).

2Чертков А. Д. О переселении фракийских племен за Дунай // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1851. Т. X. С. 65—68, 88—89, 111—115; Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1872. Кн. IV. С. 152—153.

3 Державин Н. С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // Советская этнография. 1937. № 1. С. 85; Шкорпил К.В. О земляных укреплениях и окопах. Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, Т. X. 1905. С. 561.

68

мы уже, без сомнения, встречаемся с северянами) и, наконец, 4) «сербян», «серб»¹. По-видимому, к этим же племенам надо отнести «касоричей» того же автора. Мы пока оставляем открытым вопрос о том, принадлежали ли они к собственно северянам или входили в состав северянского племенного союза. Но мы можем приурочить их местожительство к притоку р. Тускаря (впадающего в Сейм) — Касорже, на берегах которой расположены городища и селища.²

Следы древних названий и сейчас встречаются в Черниговщине в виде имен «Сибереж», «Сербовский поселок» и т. п. Памятники материальной культуры также подтверждают наличие на территории, занятой летописными северянами, ряда племенных образований.

Археологическими исследованиями установлены различные типы погребений, погребального инвентаря, украшений и различия в самом антропологическом типе. Еще раскопками Самоквасова было установлено отличие погребений на юге северянской территории (частично Чернигово-Северского, а главным образом на территории Переяславльского княжества) от погребений в центральной и северной полосе Северской земли.

Раскопки, произведенные Самоквасовым на северянской территории, дали очень интересный материал. С одной стороны, можно считать доказанной автохтонность населения с древнейших времен до IX—XI вв. н. э., так как в славянских курганах и

городищах Посулья и по рекам Пслу и Ворскле верхние слои содержат славянские вещи северянского типа, а нижние — вещи скифо-сарматских времен. С другой стороны, характер погребений Суджанских, Белогорских, Миропольских и Глинских курганов и другой антропологический тип покойников в них («долихоцефалы») заставляют Самоквасова считать эти погребения не северянскими.³ На эту же точку зрения стал и Нидерле. Он считает, что Суджанские и Ми-ропольские курганы, по-видимому, принадлежат смешанному славяно-тюркскому населению.⁴ Нидерле основывает свой вывод на том, что в Суджанских и Миропольских курганах погребения произведены не в ямах, как у северян, а на поверхности земли, и в них найдено много вещей, несколько отличающихся от погребального инвентаря соседних районов. А. П. Богданов, исходя из данных антропологии, считает брахицефалию исключительным признаком славян, а долихоцефалию — признаком любых племен, только не славянских, и на основании этого причисляет к неславянским не только всю группу южных Северянских курганов, но даже и Черниговские.⁵

1 Ш а ф а р и к. Славянские древности. XIX приложение. С. 68—74.

2 Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1928. № 4—6 (10—12). С. 10, 80—81.

3 Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. С. 69;

Его же. Могилы русской земли. С. 236—237.

4 Нидерле. Человечество в доисторические времена. С. 571—572; Его же. Славянские древности; Его же. Быт и культура древних славян. С. 119—126.

5 Богданов А. П. Курганные жители Северянской земли по раскопкам в Черниговской губ. // Известия о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Антропологическая выставка. 1879. № 3. С. 360—361; Его же. Курганные черепа области древних северян. Суджанское длинноголовое население по р. Пслу// Там же. 1878. № 2. С. 182—190.

69

Вряд ли можно считать обоснованными выводы Богданова, так как его антропологические изыскания строились на понимании племени как чего-то зоологически чистого, против чего резко возражал Н. Я. Марр.

Позднейший исследователь антропологических признаков древних славян Талько-Грынцевич вынужден был согласиться с тем, что чистый племенной тип — явление немислимое, и написал: «Тип первобытных славян не представлял антропологической цельности: не только отдельные племена значительно различались между собой, но и каждое из племен состояло из разнородной помеси элементов».¹

Против положений Богданова выступил еще А. А. Спицин, указавший, что в выводах Богданова антропология расходится с историей и археологией.²

Конечно, короткоголовость и длинноголовость не являются еще признаками, по которым можно безапелляционно причислять погребения к тому или иному племени. Равным образом у одного и того же племени могли быть в разное время и сосуществовать одновременно различные виды погребений и сожжений. Целиком доверять летописи и считать, что на данной территории жило только одно называемое летописцем племя, игнорируя археологические и лингвистические данные, вряд ли возможно.

В обзор летописца попали далеко не все племена.³ Многие из них летописцу неизвестны, а между тем указания на них мы находим у восточных писателей. Константин Багрянородный и особенно Географ Баварский насчитывают на территории древней Руси гораздо больше племен, чем упоминает их летопись.⁴ Некоторые племена нам известны лишь по упоминаниям одной только летописи, например уличи и тиверцы, остающиеся загадкой и по сей день. Северская земля, как и некоторые другие земли, населенные по летописи одним племенем, на самом деле

была заселена рядом племен, объединенных в племенной союз, а позднее в политическую организацию.

«Северяне» к IX—X вв. — не этническое единство, а племенное объединение, политическая организация ряда племён, в той или иной мере родственных и связанных друг с другом.⁵

Вопрос о том, какое именно племя, выкристаллизовывающееся из неопределенной массы родоплеменных групп, судя по археологическим данным, считать собственно северянами, конечно, трудно разрешим. Спицин считает наиболее типичными для северян погребения в Роменском уезде, у Переяславля, и в Суджанском уезде, т. е. как раз там, где Самоквасов усомнился в наличии северянского населения с его проволочными спиральными и малыми проволочными височными кольцами и витыми

1 Т а л ь к о-Г рынцевич. Опыт физической характеристики древних восточных славян. Статьи по славяноведению. Вып. III. С. 111.

2 Спицин А. А. Обзор губерний в археологическом отношении // Записки Русского археол. о-ва: Труды Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. I—II. С. 126.

'Шахматов А. Древнейшие судьбы русского племени. С. 33—34.

4 Например, «лудзана» Масуди, «лензанины» Константина Багрянородного, «славиун» хазарского кагана Иосифа.

5 На этой позиции стоял и А. Е. Пресняков. См. его «Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы (Яфетический сборник. Т. V. С. 2,5—8).

70

гривнами с пластинчатыми сгибнями на концах.¹ Нидерле приближается к Спицину и считает наиболее типичными для северян височные кольца не с завитками, обращенными внутрь кольца, встречающиеся в Гадяче, Ромнах, Белгороде, Судже, Мирополье, а с завитками вне его, находимые севернее.² Б. А. Рыбаков устанавливает три района погребений северян, имеющих каждый свои особенности.

Первый, замкнутый в линии Любеч — Стародуб — Новгород-Северск — Ромны — Чернигов — Любеч, содержит небогатый инвентарь в похоронениях, в глубоких, узких ямах.

Второй характеризуется неглубокими, в 7/3 метра, могилами с мелкими зерновыми бусами, сердоликовыми сферичными бусами, височными кольцами и бусами и т. п.; он замкнут в линии Переяславль — Ромны — Гадяч — Ахтырка — Переяславль.

Третий, самый восточный, расположен внутри линии Ромны — Путивль — Воронеж — Рыльск — Суджа — Ахтырка — Гадяч — Ромны и характеризуется наиболее типичными, по его мнению, северянскими височными кольцами и погребениями на горизонте с богатым инвентарем.³

Как видим, археологи так и не ответили на вопрос о том, какие из погребений на северянской территории считать типично северянскими, и вряд ли это скоро можно будет сделать. Важно лишь то обстоятельство, что височные кольца и прочие украшения с некоторыми присущими им особенностями у каждого племени, особенностями, объясняемыми различным уровнем развития ремесла, наряду с отличиями в погребальных обрядах, позволяют сделать очень важный вывод. Повидимому, в различных районах Северской земли существовали особые обычаи, особый бытовой уклад, особые типы одежды, украшений и оружия. Это обстоятельство свидетельствует о существовании на северянской территории различных племен, быть может, близких и родственников друг другу, но все-таки различных. Эти родственные племена в процессе своего развития понемногу теряли свой специфические племенные черты и, судя по летописи, к X — XI вв. потеряли свои старые племенные названия.

Летопись знает эти племена под общим именем «северян». В процессе развития феодальных княжеств эти «северяне» (а так себя называли далеко не все жители Северской земли) превращались в «курян», «черниговцев», «перяславцев» и т. п. Кое-где в Северской земле, даже не считая радимичей и вятичей (имеется в виду их основная территория), жили не северяне. Так, например, поселения на Дону вряд ли были северянскими. Характер городищ таков, что насельники их VIII—IX—X вв. по типу своих жилищ чрезвычайно напоминали антов, как их описывают источники VI в., а с этим именем давно уже связывают летописных вятичей. С другой стороны, на Дону, по-видимому, обитало особое славянское племя, называемое в древнееврейском документе «славиун», отличное от вятичей и северян. На юге, как было указано выше, в лесостепной полосе

С п и ц и н А. А. Обзорение губерний в археологическом отношении // Записки Русского Археол. о-ва: Труды Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. I—II. С. 125—126.

2 Нидерле. Быт и культура древних славян. С. 236. 3 Рыбаков Б. А. Радзiмiчы. С. 139—146.

71

славянское население с древнейших времен было связано и смешано с бол-гаро-аланами, а позже эта ассимиляция славян распространилась на печенегов, торков и половцев. Кроме того, в самой земле северян обнаружены поселения радимичей, несомненно в свою очередь ассимилировавшихся с северянами.¹

Особенно спорным явился вопрос о населении Переяславльского княжества. Некоторые археологические данные, отличающие северянские погребения в Чернигово-Северской земле от погребений Переяславльской земли, раннее отделение Переяславля в самостоятельное от Чернигова княжество, его политическая обособленность, некоторые указания летописи, своеобразно истолкованные, дали возможность исследователям найти новое племя — «суличей» и заселить им Переяславльское княжество. Мысль о существовании суличей ведет свое начало от Шлецера, но последнее время ее поддержали Завитневич,² Андрияшев³ и Новицкий,⁴ причем последние два рассматривают их как ветвь уличей.

Нет оснований отрицать наличие на территории Переяславльской земли особого племени, несколько отличавшегося по быту, культуре и вещественным памятникам от населения Черниговщины, племени, по-видимому, наиболее смешанного по своему составу.⁵

Маловероятным кажется лишь то, что это племя носило название «суличей», ибо упоминание о нем — лишь результат ошибки летописца.

Древности, приписываемые антам, встречающиеся по верховьям Сулы, Пела, Ворсклы, на Осколе и в Харьковщине, в значительной мере связаны с последующим населением Переяславщины.⁶ Все эти вопросы только поставлены, и разрешение их возможно лишь на основе дальнейших работ археологов и историков. Можно только констатировать связь славянского населения Переяславльской земли с эпигонами сарматов в южнорусских степях, в той или иной мере славянизированными. Недаром в XIII в., да и

Рыков П. С. Юго-восточная граница радимичей // Ученые записки Саратовского унта. 1923. Вып. III; Сосновский. Атлас Гочевских древностей; Рыбаков Б. А. Радзiмiчы.

2 Завитневич. Существовало ли славянское племя суличи // Труды VII Археол. съезда. Т. I.

3 Андрияшев А. Нарис истори колонизацiи Переяславсько'ї землi до початку XVI вi-ку // Записки историко-фшологичногo вiддiлу. Всеукр. Ак. наук, 1931. Кн. XXVI; Его

же. Нарис історії колонизації Сіверської землі до початку XVI в. // Там же. 1928. Кн. XX.

4 Новицкий В. Давне Лукомор'я // Там же. 1929. Кн. XXIV.

5 Позднее, несомненно, разноплеменная колонизация населения в Переяславльском княжестве была обусловлена и великокняжеской колонизацией из различных областей древней Руси пограничной полосы со степью (стоит припомнить хотя бы деятельность Владимира Святославича), и мощным притоком оседающих в этой полосе различных племен кочевников, несомненно ассимилировавшихся с местным славянским населением. См.: Голубов-Скляков П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар; Середонин С. М. Историческая география. С. 175; Грушевский М. С. История Украины-Руси. Т. I. С. 510. Т. II. С. 313; Егоров Г. Чернигов и Оверщина в украинской истории // Сборник «Чернигов и шевченковские Лесостепи»; Пархоменко В. А. Новые исторические проблемы Киевской Руси // Журнал «Украина». 1928. Кн. 6. С. 3—5; Новицкий В. Снеми Русьских земель X—XII вв. Праца Комісії для історії західно-руського та українського права. Киев; Спицин А. А. Теория массового переселения приднепровской Руси на север // Журнал м-ва нар. пров. 1909.1.

6 Спицин А. А. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову. 1922. С. 9—10.

72

раньше, в степях живут, по летописным источникам, остатки алано-болгарских, некогда сарматских племен — ясы, жившие здесь и ранее, но ввиду неосведомленности летописца о населении степей не попавшие на страницы летописи под более ранними годами и упоминаемые в ней лишь в связи с походами князей в степи.

Анализируя косвенные указания письменных источников и вещественные памятники IX—X вв., связывая определенный тип украшений, погребальный инвентарь и способы погребений с определенными племенами, мы, таким образом, приходим к выводу о многоплеменном составе населения земли, по летописи заселенной северянами. Говоря о расселении славян по Восточноевропейской равнине, летопись сообщает:

«... а друзии седоша по Десне, и по Семи и по Суле и нарекошася Север».1

Последнее время принцип взаимосвязи племен с определенными памятниками материальной культуры подвергся критике.

П. Н. Третьяков считает, что общность материальной культуры объясняется не племенным единством, а единством политическим и территориальным, причем границы распространения аналогичных вещественных памятников примерно совпадают с границами княжеств.

Исходя из этого принципа, П. Н. Третьяков приходит к выводу, что район распространения так называемых «северянских» курганов соответствует территории Новгород-Северского княжества, а радимичи и вятичи, для которых характерно сходство материальной культуры XI—XII вв., дают начало позднему населению Черниговского княжества.

Исключение составляет область Чернигова, расположенная между Переяславльским, Новгород-Северским и Киевским княжествами, население которой близко к жителям Киевского и Новгород-Северского княжеств. Таким образом, радимичи и вятичи превращаются в население Черниговского княжества.

«Племена» летописи — союзы племен, часто даже разнородных и разноязычных. Совершенно справедливо соглашаясь с этим последним тезисом, А. В. Арциховский подвергает критике положение П. Н. Третьякова о неприемлемости метода

приурочивания определенных памятников материальной культуры к племенам и несостоятельности летописных сообщений о племенах восточных славян.

В частности, он подвергает критике мнение Третьякова о том, что радимичи и вятичи составляли население Черниговского княжества.²

Типы вещественных памятников и, в частности, женских украшений, типы погребений и т. п. являются очень устойчивыми и ведут зачастую к временам племенного быта.

Только в гораздо более позднее время границы между племенами стираются, уступая свое место политическим границам княжеств. Иногда одни княжества, в особенности в начале своего существования, объединяют

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 6.

Третьяков П. Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Советская археология. Вып. IV; Арциховский А. В. В защиту летописей и курганов // Там же.

73

несколько племен, а другие делят между собой одно племя, включая вместе с этим иногда одновременно и часть соседнего племени.

Но подобное явление есть результат феодального дробления земель, относимого только ко второй половине XI в. До этого же времени можно говорить лишь о каких-то аморфных «землях», между тем как специфические особенности материальной культуры складываются гораздо ранее и, пока что, прослеживаются с IX в., хотя несомненно существуют и ранее.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что «севера», как было показано выше, не является единым племенем. По-видимому, термин «северяне» означал союз различных племенных группировок, возможно различного происхождения. На юго-востоке этот племенной союз более всего был связан с полуоседлым населением степей (болгаро-аланским — яским — по своему этническому составу). Чем дальше на юг и ближе к Кавказу, тем все более эта этническая масса впитывала в себя кавказские этнические элементы, родственные славянскому ее элементу по своему яфетическому прошлому, а после долголетнего соседства в период Хазарского каганата и Тмутаракани — она «колоризовалась» в племена Прикубанья и Предкавказья. Крайние юго-восточные группы славянских обитателей степей Подонья, в той или иной мере ассимилирующиеся с различными кочевыми и полуоседлыми племенами степняков, судя по арабским и хазарским документам, по-видимому, носили название просто «сакалиба» или, по письму кагана Иосифа, «славиун», т. е. собственно славян.

Само ядро северянской территории также представляло собой землю, населенную различными племенами, соединенными в единый, компактный северянский союз, на севере и северо-западе впитывающий в себя радимичские и вятичские поселения. Границы здесь неопределенные, радимичская колонизация проникает в земли северян и наоборот.¹ В несколько меньшей мере намечается этот процесс по отношению к вятичам, что обусловлено воинственностью вятичей и их обособленностью. Кроме радимичей, проникавших в область северян (например Гочево, Белевского района, Курской обл.), на той же территории мы обнаруживаем специфические памятники материальной культуры, отличающиеся от чернигово-северских.

По мнению А. А. Спицина и Б. А. Рыбакова, в районе распространения наиболее типичных для северян вещей, у Суджи (Курской обл.), обнаружены погребения на поверхности земли, характерные обилием вещей.

Представляет интерес определение антропологического типа населения Суджанского района в IX—X вв. Б. Еллих, изучая болгарские черепа из Абобы-Плиски

(Дунайская Болгария) и черепа чувашей, подчеркивает их разительное сходство с черепами Суджанских курганов и отмечает, что по типу все они близки к так называемому «старому сарматскому черепу».²

Рыбаков Б. А. Радзiмiчы. С. 144—145.

2 Е л л и х Б. Черепа. Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей // Известия Русского археол. ин-та в Константинополе. София, 1905. Т. X. С. 347—348.

74

Связь с сарматским миром подчеркивается связью киевских и северянских погребений с погребениями начала н. э., времени господства сарматов.

М. К. Каргер, раскопавший в Киеве некрополь IX—X вв., отмечает наличие богатых погребений с конем, сопровождающихся погребениями рабынь. По типу эти погребения (курган с бревенчатым срубом) относятся к так называемым «срубным» и ведут к сарматам. Аналогичные «срубные погребения» IX—X вв. обнаружены близ Чернигова и на остальной территории Северской земли.¹

Не указывают ли эти данные на то, что потомки сармат — ясы, болгаро-аланы, создавшие на южной окраине Северской земли салтово-маяцкую культуру, после ее исчезновения под ударами кочевников в известной своей части продвинулись на север и, смешавшись с туземным славянским элементом, в то же самое время привнесли в него свои специфические этнокультурные особенности?

На данной территории пришлый савиро-болгаро-аланский (ясский) элемент быстро растворялся в славянском субстрате, восприняв прежде всего туземное, славянское, но передав ему некоторые свои признаки.

Мы уже знаем о существовании тюрко-болгарской верхушки среди боярства Чернигово-Северской земли, знаем о связях северокавказских тюркских и яфетических народов с населением северянской земли, и потому вполне естественно предположить наличие какой-то частицы потомков сарматов среди славян Днепровского Левобережья.

Позднее на юге Северской земли появляются оседавшие на ее территории тюркские кочевые племена, становящиеся «своими погаными», смешивающиеся со славянским населением. Это — черниговские коуи, переяславльские торки, половцы. Кочевники-скотоводы, как было указано, не впервые проникают в эти области и не впервые начинают влиять на состав, быт и судьбы славянского населения пристепной полосы.²

Анализ археологического материала дает возможность предположить, что из среды пристепных полуоседлых земледельцев и скотоводов, конных дружинников, из их племенной знати отчасти вышли те слои, которые оставили нам первые богатые погребения черниговской знати феодализирующегося порядка в X в.³

Каргер М. К. Дофеодалный период истории Киева по археологическим данным // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1939. Т. I. С. 9—10.

2 Влияние восточных народов обнаруживается в погребениях, в самом типе насельников. См. у В. А. Пархоменко: У истоков русской государственности. С. 46—57, 63—64.

3 В процессе развития феодализма в Черниговской земле определенную роль сыграла выросшая еще в период расцвета Хазарского каганата классово-господствующая верхушка, выделившаяся среди степных кочевых, полуоседлых и прочно осевших на землю народов. Часть этой господствующей прослойки, выдержав борьбу с местными феодализирующимися-ся элементами, слилась с ними.

В частности, в связи с этим вопросом встает и проблема Чернигова и Седнева — древнейшего и крупнейшего центра Придесенья. Об этом далее. См.: Пархоменко В. А.

Князь Черный // Сборник статей в честь Д. И. Багалея. С. 379—382; Грушевский М. С. ІсТорія України-Руси. Т. I. С. 92—93; Верзилов А. Найдавніший побут ЧерніпвськоК околиць // Сборник «Черніпв і швшчне Лшобережжя». С. 69—70.

75

В свое время историками и лингвистами был поставлен вопрос: кто же такие северяне: украинцы, белоруссы или великоруссы? Единого мнения по этому вопросу нет, несмотря на привлечение весьма солидного исторического, языкового, фольклорного и прочего материала. Это вполне понятно, так как подобная постановка вопроса в корне неправильна и приводит к ложным суждениям и выводам. В те далекие времена не было ни русских, ни украинцев, ни белоруссов.

Для выяснения вопроса об этнической принадлежности северян большой интерес представляет изучение современных диалектов бывшей Северской земли.

В данном случае мы не ставим своей задачей поднимать вопрос о всех наречиях Северского края, Курской, Черниговской, Полтавской и части Орловской, Харьковской и Воронежской областей. Не будем также исследовать заново все оттенки украинских, белорусских и южнорусских¹ говоров (например саянов, цуканов Курского края), а также североукраинские и белорусские говоры Черниговщины, а тем более диалекты Полтавщины и Харьковщины, не связанные с говорами коренного населения северянской области, так как эти говоры, несомненно, иного происхождения, по времени и месту (эти места были заселены позднейшими выходцами из Правобережья); оставим в стороне говоры московской «засечной черты», так как они связаны с колонизацией окраины Московского государства. Мы остановимся лишь на более архаических диалектах, которые в какой-то мере целостными сохранились с древнейших времен и позволяют в известной мере судить о языке древнейшего населения.

Таким образом, собственно украинский язык южной части территории Северской земли, Переяславщины, не будет нами рассматриваться как язык населения в основной своей массе пришлого. Не будем останавливаться и на говорах среднего и верхнего Посемья, говорах южнорусских, так как специфические наречия саянов и цуканов также сложились в результате позднейшего переселения в целях укрепления пограничной полосы и передвижек населения властью феодалов.²

В своей работе «Франкский диалект» Ф. Энгельс показал, что диалект — живой язык, уходящий своими корнями в племенные языки и, несмотря на скрещение и консолидацию особенностей диалекта, обусловлен

В интересной статье Н. П. Гринковой «Монографическое изучение диалектов как материал для истории языка» (Ученые записки Педагог, ин-та им. Герцена. Т. XX) сделана попытка, анализируя говор однодворцев Воронежского края, восстановить язык древних вятичей, по мнению автора статьи, связанный с языками поволжского и северокавказского населения.

²Халанский М. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904; Баранов С. Ф. По саянским деревням // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 1—2.

Курск, например, после разгрома татарами был заново отстроен, и окрестности его заселены лишь в конце XVI в. Халанский совершенно справедливо критикует Н. Добротворского за его попытку усматривать в саянах древнейшее население Курского края, остатки северян, равным образом как и за смешение саянов, цуканов и горюнов. Халанский указывает, что цукане переселены в XVIII в. «с Волымя» помещиком Анненковым, а саяне, которых Е. И. Марков считал... финнами (?), — в свою очередь результат правительственной колонизации из Орла, Одоева, Белева и т. д. в XVI—XVII вв. Позднее саяне стали монастырскими крестьянами (Добротворский Н. Саяны // Вестник Европы. 1888, сентябрь; Халанский М. Ук. соч. С. 29—37).

ную политическими границами периода феодальной раздробленности, с помощью глубокого анализа, вскрывая позднейшие напластования и отбрасывая их, можно обнаружить следы племенного языка.¹

Диалект — не племенной язык. Но следы племенного языка в речи остатков древнейшего населения данного края, говорящего на том или ином диалекте, могут быть обнаружены.

«Современные диалекты представляют собой языковые единицы со сложными напластованиями, образованными в различные отрезки времени».² Попытаемся обнаружить следы древнейшего населения Северской земли.

Судя по источникам, наиболее древние поселения в центральной части Северской земли следует искать на юго-западе Курской области в бывших уездах Рыльском и Путивльском (современные Крупецкой и Глушковский районы Курской области и Путивльский район Черниговской области), особенно в последнем, так как в нем упоминаются села еще в XV—XVI вв., в то время, когда остальной край еще, за редким исключением, представлял собой «дикое поле».³

Некоторые поселения, существовавшие в этом районе в XV, XVI и XVII вв., продолжают оставаться селами и до наших дней. Так, например, в актах Молченского монастыря (позднейшей Сафронтиевской пустыни) 1591 и 1615 гг. упоминаются села Линов, Калищи и слободка у Беликова колодца, якобы дарованные монастырю еще в начале XV в. великим князем московским Василием Димитриевичем. В этих селах, существующих поныне: Линове, Новой Слободе, Калищах, Берюхе, Вирках, Подмонастырской слободке, расположенных на современной границе РСФСР и УССР, где границей между украинцами и русскими является река Сейм, живет население, само себя называющее «горюнами» и слывущее у соседей под этим же именем.⁴

Русское население окрестных сел с севера связано с колонизацией края Москвой в XVI и главным образом в XVII в., южные же села населены украинцами, переселившимися в это же время. Говор этих сел «горюнов», равно как и говор недалеко лежащего села Козина, принадлежавшего ранее Глинской пустыне, также населенного «горюнами», собственно не принадлежит ни к белорусскому, ни к украинскому, ни к южнорусскому наречиям. Исследователь диалектов Курского края М. Халанский вынужден был причислить говор «горюнов» к условно великорусскому с белорусско-украинскими чертами (так называемые «егуны с украинско-белорусскими

¹ М а р к с К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI. Ч. I: Э н г е л ь с Ф. Франкский диалект. Филин Ф. Диалектический атлас русского языка // Фронт науки и техники. 1936. № 12. С. 75.

³ Путивльские и Рыльские «севруки» XVI в. — промежуточное звено между северянами и населением юго-западной окраины Чернигово-Северщины XVI—XVII вв. См.: Булгаков Г. И. Схематический обзор Курского края в культурно-историческом отношении // Курский край. Вып. V. 1925. С. 59- Б а г а л е й Д. И. Очерки истории колонизации степной окраины Московского государства С. 119; Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства. С. 94—96.

⁴ Халанский М. Народные говоры Курской губернии. С. 1, 25—29; Сенаторский Н. К истории заселения юго-западного района Курского края // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 4.

чертами»)¹ «Горюны» по одежде, быту отличались до недавнего времени от украинцев и русских, и только жители села Козина, оторванные от основной массы сел «горюнов», сохранив говор, общий с ними, потеряли специфику быта и одежды.²

Откуда происходит термин «горюны» — сказать трудно. Нельзя, конечно, объяснить его из того предания, которое было распространено среди местных жителей, что население этих сел «горевало», подавленное жестокой эксплуатацией монастыря. Не можем согласиться и с Халанским, отождествляющим «горюнов» с «горя-нами» — соседями полян по Иоакимовой летописи, упоминаемыми у Татищева. По-видимому, в источнике, которым пользовался Татищев, по естественным побуждениям «полям», «полю» противопоставлялись «го-ряне», «гора».

Говор «горюнов» является в какой-то мере прямым преемником языка северян, конечно, несколько трансформировавшимся в результате скрещения и перемещения. Мы считаем возможным утверждать это на том основании, что «горюны» были населением, которое, начиная по меньшей мере с XV в., если не раньше, никуда не передвигалось и было наиболее тесно связано с древнейшим населением этих мест,³ северянами, несомненно занимавшими Путивль. Наше утверждение, как историка, может быть подтверждено лингвистическими исследованиями Халанского. Халанский, добросовестно изучивший «горюнов» (хотя и не на основе марксистско-ленинского учения о языке), не относит их говор ни к одному из основных диалектов современной России, Украины и Белоруссии.⁴

Следовательно и язык северян, к которому близок говор «горюнов», на территории ряда княжеств не был ни украинским, ни белорусским, ни русским. Это и немудрено, потому что и самих этих языков, в современном их состоянии, не существовало и существовать еще не могло. Они явились продуктом позднейшей эпохи.

Не менее интересным представляется вопрос о характере населения севера Черниговщины, где оно не передвигалось с места на место и где не было сильного колонизационного движения, какое, например, отмечается в южной ее части, непрерывно интенсивно заселяемой

1 Х а л а н с к и й М. Ук. соч. С. 25.

2 «Горюны» одеждой отличались от местных украинцев и русских. Верхняя одежда («сукно») делалась из темно-серого или черного сукна с перехватом и цветными вышивками по бокам у пояса и по кромке полы. Рукава оторачивались кожей. Старики и старухи носили длинную одежду из белого сукна. На голове «горюны» носили войлочные колпаки. Женские рубахи отличались длинными рукавами, украшенными шитьем из красной материи. Поверх рубахи носили «паневу» с «хвартушкой». На голове носили «наметку» — белое полотенце. Девушки надевали на голову венки или «тканки», парчевые или вышитые серебром полосы с лентами. «Тканки» повязывались платком, а поверх укреплялся венчик из гусиных перьев.

«Горюны» сохранили много древних поверий, обычаев, песен. Среди них особенно были развиты песни и хороводы. Деревни «горюнов» насчитывали много певцов и музыкантов на свирелях, дудах и т. д. (Х а л а н с к и й М. Ук. соч. С. 28—29).

3 На этой точке зрения стоял и А. И. Соболевский. См. его «Лекции по истории русского языка». С. 38.

4Халанский М. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1913. С. 1—29.

78

в XVII в. выходцами из Правобережья.¹ Колонизация из Украины мало просачивалась на север Черниговщины, а приток беглого населения, главным образом из Московской Руси со второй половины XVII в., не мог в значительной мере изменить говор, обычаи и нравы населения этой области, и пришельцы быстро усваивали язык местных жителей. Только часть этого района населена собственно украинцами, безусловно позднейшими пришельцами, поселенными в нем Пясочинским близ Погара и Фашем в Городке.

Интересующий нас район охватывает б. уезды Мглинский, Новозыбковский, Стародубский и Суражский и западную часть б. Трубчевского уезда, т. е. как раз проходит по границе древнейших поселений северян и радимичей и в северо-восточном своем углу примыкает к области вятичей. В большинстве этих уездов данные археологии прослеживают северянское население, в той или иной степени соприкасающееся с радимичским.²

Исследователь говора этого края, названного им северско-белорусским, П. А. Расторгуев, обращает внимание на то, что большинство лингвистов, старавшихся на основе изучения современных наречий Черниговщины найти следы древнего северянского наречия, пришли к выводу, что североукраинское наречие жителей южной части Черниговщины является преемником языка северян, а северные районы последней, с ее северско-белорусским говором, населенные в древности радимичами, сохраняют следы языка радимичей, позднейших белоруссов. Отмечая эти выводы, П. А. Расторгуев в то же время, с нашей точки зрения достаточно обоснованно, указывает на большую роль колонизации из южной Украины в юго-западные и южные районы Черниговщины, приводившей к ассимиляции местного населения — остатков северян с украинцами, причем мощность колонизационного потока с Правобережья предопределила победу украинского начала. С другой стороны, в XVII—XVIII вв. жители восточной и южной Черниговщины сохраняли еще свой язык, отличающийся от украинского. Следы его сохранились по сие время в «акающих» говорах в б. Глуховском и Остерском уездах. «Акающие» говоры — явление, несвойственное украинскому языку. В XVIII в. северско-белорусский говор, ограниченный ныне указанной выше территорией, в меньшей степени украинизированный, чем говор современной его области, распространялся

'Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. Ч. П. С. 1—3; Багалея Д. И. Очерк истории колонизации степной окраины Московского государства. С. 402—410, 442; Расторгуев П. А. Северско-белорусский говор. С. 201—206.

² Археологическая карта поселений радимичей и северян, составленная Б. А. Рыбаковым, рисует следующую картину: Стародубский уезд несомненно был заселен северянами, за исключением северо-западной его части. На это указывают находки северянских погребений в Левинке и Мериновке. В Новозыбковском уезде также имеются северянские курганы и там же находится крайний северо-западный пункт северян — Людкава, вблизи самого города. Мглин и Сураж рисуют уже несколько иную картину. Там, по-видимому, северянское население было незначительно и ассимилировалось с радимичами. В указанных районах позднее замечается волна северянской колонизации на север (о чем говорит и М. С. Грушевский), связанная с половецкими погромами. Вообще, мы знаем много фактов взаимопроникновения радимичей и северян. Стоит вспомнить хотя бы радимичские погребения в б. Глуховском, Рыльском и Обоянском уездах. В интересующих нас местностях скрещение этих двух племен было наиболее типично.

79

гораздо шире, по указанию А. Ф. Шафонского,¹ охватывая еще б. Город-нянский уезд, часть б. Новгород-Северского, Глуховского, Кролевецкого, Сосницкого уездов и правобережные села Черниговского уезда. А. Ф. Шафонский считает наречие этого края почти аналогичным языку Белоруссии и Литвы. Сейчас говор южной части Черниговщины, распространенный к югу от северско-белорусского языкового района, характеризуется дифтонгами, звуками сложной артикуляции, что не было заметно во времена Шафонского. Наличие дифтонгов и звуков «сложной артикуляции» связано с позднейшим течением, шедшим с юга, и является заимствованием из украинского

языка. Характерно, что жители слобод в Глуховском уезде, говорящие на «о», по преданию, переселены сюда помещиком Кулябкой из Украины.

Таким образом, мы можем констатировать, что до XVII в. жители основной части современной Черниговщины говорили не на украинском языке, а на языке, имеющем в себе позднейшие и белорусские и, частично, украинские черты. Дальнейшее интенсивное колонизационное движение из Правобережья и юга Заднепровья усилило украинские элементы местного говора и растворило в языке пришельцев белорусские,² тогда как украинские элементы развились на основе родственного слияния. Этот процесс почти не затронул северных уездов, территорию северско-белорусского говора. Белорусские элементы его не могли быть привнесенными извне, так как никакой более или менее мощной колонизации из белорусских областей не наблюдается, но, по-видимому, не исключена возможность усиления белорусских элементов языка обитателей этого края под влиянием взаимопроникновений, скрещений и влияний на него со стороны белорус-сов, тем более, что эти явления, правда, по отношению еще к древним радимичам и северянам, несомненно имели место особенно в этой черте.³ И действительно, жители Чернигова и окрестных сел украинцу XVII в. казались московскими людьми. Это не означает, конечно, что черниговцы были действительно выходцами из Москвы, но для украинца вокализмы черниговского говора роднили его с собственно русским говором.

П. А. Расторгуев приводит интересные данные о наименовании жителей края с северско-белорусским говором. Так, например, в письме Казимира Халецкого, старосты мозырского, полковнику стародубскому С. И. Самой-ловичу от 9 августа 1684 г. есть одно интересное место:

«Как и у нас люди северские и украинские бывают».⁴

Это противопоставление северских людей украинцам в документе XVII в. заставляет сделать вывод о разграничении в те времена двух понятий «украинец» и «северянин».

Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание. С. 24—25.

Точнее было бы сказать: «Те элементы, которые дают в своем дальнейшем развитии белорусские».

3 Р ы б а к о в Б. А. Радзімлічы. С. 145; Грушевский М. С. Чернипв і Слверщина в украшськн історіі // Сборник «Чернипв і твшчне Лшобережжя». С. 110—111.

4 Это место, равно как и все материалы, относящиеся к северско-белорусскому говору, беру из работы П. А. Расторгуева «Северско-белорусский говор» (Л., 1927. С. 188, 217 и др.).

80

В 60-х годах XIX в. жителей Суражского, Мглинского, Стародубского и Новозыбковского уездов называли «литвинами», «слверянами», «полю-цами» или «подзегунами». Жители Задесенья у украинцев назывались «си-ворянами».¹ В актах Стародубского полка наряду с украинизмами, обусловленными самим характером документов, отражающим язык верхов, позднее — казацкой старшины, встречаются обороты речи, языковые явления, свойственные северско-белорусскому говору, например «аканье», отвердение «р» перед гласными и пр.² Все это заставляет считать жителей севера Черниговщины потомками северян, прошедшими определенный путь смешений, скрещений и трансформаций. Характерно то, что оба говора насельников мест, которые, судя по историческим источникам, менее всего являлись ареной перемещений населения и колонизации, а следовательно современное население которых автохтонно, именно говоры «горюнов» и северско-белорусский, не примыкают непосредственно ни к украинскому, ни к южнорусскому, ни к

белорусскому, что особенно характерно для первого. Северско-белорусский говор, имея в себе украинские черты и только отчасти южнорусские, все-таки в основном приближается к диалектам белорусского языка.³ По-видимому, в древнейшие времена язык жителей севера Черниговщины был менее близок к белорусскому, во-первых, потому что не существовало в современном смысле этого слова белорусского языка, и, во-вторых, потому что позднейшее окружение белорусами не смогло не оказать определенного влияния на колоризацию языка потомков северян в диалект белорусского. Таким образом, назвать северян белорусами нельзя, но те архаические формы языка, которые свойственны белорусскому, характерны и для говоров «горюнов» и для северско-белорусского говора, а следовательно, белорусизмы в обоих говорах дают возможность усмотреть в них наречия архаические и тем самым еще раз подтвердить мысль об автохтонном развитии населения от северян до жителей современных сел б. Путивльского и северных Черниговских уездов. Связь с позднейшим белорусским началом у северян прослеживается с древнейших времен, а именно с того периода, когда летописец сблизил северян и радимичей; потомков последних, прошедших с IX—XI вв., конечно, громадный исторический путь и создавшихся в результате дальнейшей трансформации не только радимичей, но и других племен древней Руси, консолидировавшихся уже в период Русско-Литовского государства, можно усматривать в современных белорусах. Недаром летопись отмечает:

«И Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху..».⁴

Расторгуев П. А. Ук. соч. С. 207. Интересно отметить, что в летописи последний раз термин «северяне» встречается под 1183 г. («Северские городы») — Ипатьевская летопись, 1843. С. 127.

2 Р а с т о р г у е в П. А. Ук. соч. С. 209—213.

А. Крымский приводит грамоту стародубского князя Александра Патрикеевича 1400 г. с явными украинизмами (смешение «ы» и «и», окончание «мо», например «есмо») — Киевская старина. 1899. Т. IX. С. 283—284.

3 Там же. С. 192—193.

4 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 12—13. Сходство радимичей, вятичей и северян подтверждается археологическими изысканиями. См.: Рыбаков Б. А. Радзiмiчы. С. 120, 136.

81

Большинство лингвистов индоевропейской школы: Ягич, Житецкий, Потебня, Огановский, Крымский причисляли северян к украинцам и считали архаический североукраинский диалект, диалект «полешуков» Черниговщины остатком языка северян. Шахматов считал язык северян южнорусским, а самих северян причислял к среднерусским племенам. А. И. Соболевский сблизал древнекиевский говор с языком северян и считал остатками последнего говоры западной части Курского края и, в частности, говор «горюнов», имеющий много общего с белорусским.¹

Мы не собираемся отрицать наличия на земле северян украинских элементов в говоре туземцев по отношению к очень древним временам, и ссылка Крымского на грамоту 1400 г. стародубского князя Александра Патрикеевича вполне убедительна. Но, обнаруживая население с архаическими диалектами в Северной земле, независимо от того, являются ли они архаическими украинскими говорами черниговских полешуков Задесенья,² или им подобными, представляющими собой переходные диалекты от украинского к русскому, «северско-белорусской говоркой», также имеющей в себе архаические черты, или говором «горюнов», — мы прежде всего констатируем, что оно, это население, не было в полном смысле этого слова ни украинским, ни русским, ни белорусским. Оно было «северянами».

Исследования лингвистов обнаруживают некоторые особенности этого «северского» диалекта, и несомненно в дальнейшем их разыскания, хоть в известной мере, восстаноят его.

Но пока мы можем констатировать лишь то, что под влиянием социально-политических факторов и позднейших переселений украинцев, бело-руссов, русских идет украинизация, белоруссизация и руссификация остатков древнего северянского населения, причем в некоторых районах, наиболее захолустных, где не прослеживаются сдвиги населения, сохраняются различные формы архаических диалектов, представляющих собой остатки древнего северского говора. Часть северян, вошедшая в состав Русского государства, дает южнорусское наречие; другая, сближаемая с белоруссами рядом архаических черт своего языка, скрещиваясь с собственно белоруссами, подвергается ассимиляции с ними, а третья, имевшая в своем говоре с древних времен черты украинизмов полешуков, скрещивается с украинским населением.

В заключение следует отметить, что как нельзя говорить об украинской нации с IX в., а то и раньше, со времен антов, как это пытался доказать М. Грушевский, так нельзя считать северян предками только одних украинцев.

М. Грушевский пишет: «Теперешняя северная часть Северщины имеет североукраинский диалект с архаической окраской, как диалекты Киевского Полесья, значительно отличающиеся от южных говоров новейшей

Крымский А. Филология и погодинская гипотеза//Киевская старина. 1899. Т. IX. С. 288—294; Его же. Статья в «Киевской старине» (1899. Т. I. С. 16—18); Соболевский А. И. Источники для знакомства с древне-киевским говором // Журнал м-ва нар. проев. 1885. II; Е г о же. Древне-киевский говор; Шимановский В. К истории древнерусских говоров.

2Тихонов П. Н. Брянский говор//Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. 76. С. 123; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. С. 45—47.

82

эпохи; мы тут, очевидно, сталкиваемся с остатками старого северянского диалекта, который тоже был украинским».1

Конечно, украинские элементы в говорах севера Черниговщины, а ранее, как было указано, и юга ее, представляют собой наиболее архаические элементы, но в них же есть и белорусские черты, и не мало. И сделать безапелляционный вывод о том, что северяне были украинцами, — нельзя. На северян, как на своих предков, имеет одинаковое право претендовать современное население Северщины, говорящее на всех трех языках — украинском, белорусском и южнорусском, за исключением явно поздних переселенцев. Для определения остатков древнего северского населения надо проследить колонизационные волны времен после татаро-монгольского нашествия, периода укрепления границ с «диким полем», и найти автохтонов, менее всего связанных с колонизационным движением из Москвы, Литвы и Польши. Это население мы нашли, и оно оказалось имеющим в той или иной мере в различных районах и украинские, и белорусские, и южнорусские говоры, причем первые, соглашаясь с Грушевским, в наиболее архаической форме, тогда как вторые вообще по структуре достаточно архаичны.

Искать потомков северян на основе только изучения говоров, без анализа исторических документов, невозможно. Подобное изучение поставило даже академика А. А. Шахматова перед вопросом, так им и не разрешенным, кого же считать потомками северян: жителей Северной Черниговщины с их, по терминологии П. А. Расторгуева, северско-белорусским говором, или жителей южной Черниговщины с североукраинским диалектом.2

Чем дальше к югу, тем сильнее было украинское влияние, вернее, тем больше потомки северян попадали в процесс складывания украинской народности, сохраняя в языке североукраинские архаические черты, роднящие его с белорусским языком.³

Границы диалектов не совпадают с границами племенных языков, так как сами диалекты — явления более поздние, чем племена. Равным образом диалекты не совпадают с племенными языками. Мы можем, анализируя первые, найти лишь некоторые специфические черты вторых.

Поэтому вряд ли возможно, например, доказать несеверянское происхождение жителей Переяславльской земли только тем, что к северу от Сулы (т. е. от границ Переяславльского княжества) господствует не южноукраинский, а североукраинский диалект.⁴ Ведь население Полтавщины, в основном соответствующей древнему Переяславльскому княжеству, сложилось лишь в XVII в. главным образом в результате колонизации с правого берега Днепра и пришло туда, на слабо заселенную землю, уже украинским. Сама по себе верная мысль об отличии населения

Грушевский М. С. Історія Украши-Руси. Т. I. С. 174—175.

2 Шахматов А. Южные поселения вятичей // Известия Академии наук. 1907. Серия № 16. С. 725—726.

Гонцов В. Дialectичш меж1 на Чернипвшиш // Сборник «Чернипв і твшчне Люобережжя». С. 262—280, особенно с. 279 — 280.

4 Пархоменко В. А. Ноеі історі4 Ні проблеми Кшвсько! Руси // Журнал «Украша». 1928. Кн. 6. С. 5.

83

Переяславля от населения Чернигова вместо дополнительного аргумента уснащается необоснованными предположениями.

Как же случилось, что на территории исконного жительство северян ныне мы находим и украинский, южнорусский и белорусский языки?

Местное население — северяне — в исторические времена скрещивалось и смешивалось в результате колонизационного движения из районов складывания украинской и русской народностей и, отчасти, из земель, где шел процесс становления белоруссов. Все эти три народности сложились в пределах Московского государства и Великого княжества Литовского, и тот факт, что Северская земля очутилась на стыке двух крупнейших феодальных государств, не мог не наложить определенного отпечатка пестроты и смешения на ее население. Собственно северский язык, неоднородный и в древнейшие времена, подверженный скрещению в пограничных с другими племенами районах, видоизменялся, трансформируясь в различные наречия современных областей, соответствующих древней Северской земле. Там, где нам удастся проследить остатки древнейших обитателей края, их говор, при условии соответствующих скрещений, дает и украинский, и белорусский, и русский языки, сам не будучи в целом ни тем, ни другим, ни третьим, представляя собой трансформированный, утерявший древнейшие черты сколок старинного языка, точнее — языков, населения Северской земли, не причисляемого ни к каким современным наречиям и народам, так как во времена северян их не существовало.

ГЛАВА III

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА

В настоящем разделе мы не будем останавливаться на процессе развития социальных отношений того периода истории древней Руси, который предшествовал появлению собственно древнерусского общества. Письменные источники для древнейшего периода скудны и позволяют делать определенные выводы лишь по отношению главным образом к Северному Причерноморью, где скифское общество

знало уже разделение на классы, рабовладение. Процесс развития социальных отношений в скифском обществе, в результате которого зарождалось классовое общество, охватил лишь определенную часть его. Скудность письменных источников для древнейшего периода заставляет уделять особое внимание вещественным памятникам. Они позволяют делать некоторые выводы о хозяйственном быте, социальном строе, обычаях и религии населения того давно минувшего времени, о котором молчат известия писателей, путешественников и географов древности. Круг письменных источников расширяется крайне медленно. Надежды найти новые документы, проливающие свет на древнее общество, крайне шатки. Правда, возможны отдельные случайные открытия, много интересного может дать подлинно научное изучение уже известных документов, в свое время изданных или очень небрежно, или же так, что они служили лишь определенной предвзятой точке зрения. Подобное состояние письменных источников заставляет придавать все большее и большее значение изучению вещественных памятников. Большое значение археологии для исторического изучения древнейшего периода в истории человеческого общества давно уже установлено. Но археология довольно долго оставалась для историка чисто вспомогательной дисциплиной. По самому содержанию открытого ею материала, и особенно по методу, она не могла разрешать вопросов, связанных с характеристикой общественных отношений тех эпох, от которых сохранились вещественные памятники, — эти своеобразные хронологические вехи в тех случаях, когда на эти вопросы не могли ответить письменные источники. Только за последнее время советская археология сумела разрешить ряд проблем, стоявших перед исторической наукой. В частности, в работах В. И. Равдоникаса получил разрешение ряд вопросов, связанных с феодализацией так называемого «варварского общества» в Северном Причерноморье и в лесной полосе

85

Восточной Европы.¹ Может быть, некоторые звенья процесса феодализации еще не учтены, не все ясно, но основное сделано. Несмотря на это, некоторые выводы археологов, даже при современном состоянии этой науки, в значительной мере еще основываются на интуиции и главным образом на том, что в истории древнейшего общества уже сделано исторической наукой, и сами выводы археологов в значительной мере предопределены данными письменных источников и в ряде случаев являются только их подтверждением. Но это обстоятельство еще не дает нам права умалять значение тех на первый взгляд несущественных данных, которые археология предоставляет в распоряжение исторической науки, неотъемлемой частью которой она является.

Наименее изученной является эпоха родового строя, вернее эпоха его разложения, охватывающая VIII, IX и отчасти X вв.

Характеризующих этот период письменных источников немного, и тем большее значение приобретают вещественные памятники. К величайшему сожалению, только в последнее время археологи начали свои исследования на территории Северной земли, и благодаря этому удалось хоть до известной степени пролить свет на быт и социальные отношения обитателей некоторых ее районов. Основная масса городищ и селищ Северной земли еще ждет своего исследователя, и их безусловно интересный материал, который несомненно впоследствии сыграет важную роль при решении вопросов о распаде родовых отношений и о возникновении феодального общества, но он пока еще закрыт для науки. Мы надеемся, что со временем кто-либо из археологов сумеет заставить вещественный материал северянских городищ заговорить тем языком, которым заговорил материал лесной полосы Восточной Европы, исследованный В. И. Равдоникасом.

Для характеристики хозяйства, быта и социального строя древнейших обитателей северянского края остановимся на анализе материала городищ VIII—IX вв. и самого начала X в., того периода, когда родовой строй начал распадаться и в ряде районов древней Руси складывались и развивались феодальные отношения. Остановимся на наиболее типичных городищах. Число их будущие археологические раскопки несомненно увеличат. Пока еще невозможно подвести все известные нам городища под ту или иную рубрику, так же как и отнести их к поселениям родового или феодального общества. Работы Д. Я. Самоквасова по основной массе северянских курганов еще не позволяют это сделать, а громадное количество городищ и селищ еще не исследовано.² Наиболее

Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья Готский сборник // Известия ГАИМК 1932. Т. XI. Вып. 1—8; Его же. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. Сборник «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества» // Известия ГАИМК. Вып. 103; Его же. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // Известия ГАИМК. Вып. 94.

² Вполне понятно, что в результате подобного положения отсутствуют большие сводные работы по археологии. Самоквасовские работы не могут сейчас считаться удовлетворительными. На это указывает один из позднейших исследователей вещественных памятников Северной земли — Н. Макаренко. См. его «Городище «Монастырище» (Науковий збірник за рік 1924. Киев. Всеукр. Ак. Наук. Т. XIX. С. 5.

86

характерными являются городища на Дону, в Полтавщине и некоторые другие (например Гочевское в Курской области), рисующие нам распад родового строя.

Местность вокруг Воронежа, по течению р. Дона, по высоким берегам, усеяна древнеславянскими городищами VIII—X вв. Они находятся у Шилова, в черте самого города у Чижовки, у Кузнецовой дачи, Михайловского кордона, на Белой горе, у села Чертовицкого и далее, по Дону, у Голышев-ки, Костенок и Борщева. Последние городища были раскопаны А. А. Спициным в 1905 г. и П. П. Ефименко в 1929 г.¹

Первое Борщевское городище расположено на площади в длину 100 м и в ширину 30—35 м. Вся площадь городища усеяна землянками, размерами 3,5 x 4 м, иногда несколько меньше. Всего было обнаружено 15 землянок. В наиболее крупной землянке, помещающейся в центре городища на самом возвышенном месте (размерами 4 x 4,5 м), найдена обложенная камнями небольшая глинобитная печь. В остальных помещениях, в более крупных — обнаружены небольшие печи-каменки, в маленьких — лишь следы очага в виде круглого углубления в полу. Стены землянок обложены тонкими бревнами или досками, по углам встречаются ямы от столбов, на которых держалась двухскатная крыша. На такой тип крыши указывает ряд средних столбов, на которых, по-видимому, укреплялась матица двухскатной крыши. По краям городища были обнаружены ямы от столбов, поддерживавших навесы над террасами с ямами — хранилищами пищи. В них найдена масса рыбьих костей. Были и ямы для хранения хлеба, за что говорят находки зерен и то обстоятельство, что часть их расположена у своеобразного помещения, архаической мельницы, с большими ручными жерновами.

Как указывает исследователь Борщевского городища П. П. Ефименко, «открытые нами жилища имеют вид не отдельных жилых помещений, а целого улья помещений, лежащих одно возле другого. Эти обширные сооружения, дававшие приют не одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда».²

По мнению П. П. Ефименко, «это было население многолюдное, судя по большому количеству укрепленных пунктов и селищ, державшееся глухих лесных и болотистых пространств более северной части быв. Воронежской губ.»³

Соглашаясь с приведенными выше положениями П. П. Ефименко, мы не можем в то же время принять его последующего вывода о том, что основным занятием жителей было рыболовство и охота, а земледелие являлось лишь известным подспорьем в хозяйстве. Хлебные ямы, находки жерновов, обгорелые зерна проса свидетельствуют о том, что земледелие

Ефименко П.П. Ранне-славянские поселения на Среднем Дону // Сообщения ГАИМК. 1931. №2.

²Ефименко П.П. Ранне-славянские поселения на Среднем Дону // Сообщения ГАИМК. 1931. № 2. С. 8. Характерно то обстоятельство, что подобного рода поселения мы можем усматривать в жилищах-ульях антов с их многочисленными ходами, о которых пишет Прокопий Кесарийский. Действительно, все землянки городищ связаны в группы внутренними ходами.

³ Там же.

87

играло большую роль.¹ На втором месте стояло скотоводство. Известны были лошади, коровы, свиньи, верблюды. Громадное количество костей рыб и всевозможных животных, в том числе бобра, остатки которого и в наши дни существуют в госзаповеднике у Воронежа, указывает на немаловажное значение рыболовства и охоты. Хотя рыболовство играет весьма существенную роль, о чем свидетельствуют ямы для сохранения сушеной и вяленой рыбы, но и земледелие не было только известным подспорьем в хозяйстве. Быт обитателей Борщевского городища очень примитивен. Металлических изделий очень мало, зато часто встречаются орудия и украшения из кости. Привозных вещей немного. Это главным образом привозная посуда, отчасти украшения и арабские диргемы. Своей, местной, была так называемая ранне-славянская лепная керамика. Борщевское городище характеризует собой поселение родового строя, примыкая к типичным городищам этой стадии — Дьяковым, со слабо развитой техникой земледелия и охоты, с преобладанием костяной индустрии, с грубыми железными орудиями, примитивной лепной керамикой, не знавшей еще применения гончарного круга, неотделившимся от сельского хозяйства ремеслом. Это типичное поселение рода, укрепленное валом и рвом, с соединенными в группы землянками, с однообразным, бедным инвентарем сожжений в погребальных камерах в виде срубов, с небольшими сосудами, свидетельствующими о слабой социальной дифференциации.²

Подобный же характер поселения предстанет перед нами несомненно в результате исследований ряда городищ борщевского типа, лежащих по среднему течению Дона. Культура борщевского типа уходит далеко на запад. Нижние слои Донецкого городища у Харькова по сути дела представляют собой полную аналогию Борщевского городища. Далее на запад городища борщевского типа представлены по Суле, Пслу, Ворскле, Орели, где они носят название городищ «роменского типа».³ Таким образом, от одного центра городищ раннеславянской эпохи (периода распада родового строя), расположенного по среднему течению Дона, по южной части Северской земли, идет полоса поселений подобного рода до другого центра на Полтавщине.

¹Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. Сборник «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества» // Известия ГАИМК. Вып. 103. С. 109—110.

2Равдоникас В. И. Ук. соч. С. 104—105, 109—110; Е ф и м е н к о П. П. Ранне-славянские поселения на Среднем Дону // Сообщения ГАИМК. 1931. № 2. С. 7—9.

Мы присоединяемся к точке зрения В. И. Равдоникаса, в противоположность П. П. Ефименко, связывающего Борщевское городище с городищами дьякова типа. Косвенно, через Роменские городища, связывает его с Дьяковыми и Н. Макаренко (Макаренко Н. Городище «Монастырище» // Науковий збірник за рік 1924. Т. XIX). См. также: Мещанинов И. И. Кромлехи у славян // Сообщения ГАИМК. 1937. № 7; С п и ц и н А. А. Обзорение губерний в археологическом отношении. Воронежская губерния // Записки Русского Археол. о-ва: Труды Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. I—II. С. 139—140.

Круглые и четырехугольные городища древнеславянской эпохи подтверждают свидетельство Аль-Бекри о городищах у славян. Совпадает и тип местности. См.: Куник и Розен // Известия Аль-Бекри...

"Макаренко Н. Городище «Монастырище» // Науковий збірник за рік 1924. Т. XIX. С. 5—6.

88

Наиболее интересным в этом крае представляется раскопанное Н. Макаренко городище «Монастырище». Городище «Монастырище» принадлежит к числу типичных городищ так называемого «роменского типа», наиболее древних на территории Левобережья, датируемых VIII—IX вв. М. И. Артамонов связывает городища «роменского типа» с могильниками среднего Приднепровья, продолжающими традицию полей погребальных урн.¹

Городище «Монастырище» расположено при впадении в Сулу р. Ромны, в полукилометре от г. Ромны, на косе, причем в начале косы непроходимое болото. Само же городище отрезано от косы рвом и валом позднейшего происхождения. Размер городища 75 x 44 м. Культура городища очень архаична и характеризуется костяными изделиями и сравнительно небольшим количеством грубых железных изделий. Как и в Борщевском городище, площадь последнего испещрена землянками неправильной формы, размерами 4,24 x 3,70 м, 5,1 x 4,15 м, 5 x 4,15 м и т. п., причем сами землянки расположены очень скученно, на расстоянии от 1,3 до 3,2 м. Внутри землянок находятся печи из глины, с ямой перед печью для удобства, так как в противном случае небольшая высота землянки мешала бы выпрямиться работающему у печи человеку. Гнезда от столбов, расположенные только с одной стороны, свидетельствуют о наличии не двухскатной, как в Борщевском городище, а односкатной крыши. Некоторые землянки не имеют пола и вообще ничего, кроме печи, другие же имеют подмости перед печью и как бы нечто вроде платформы, третьи — платформу для печи, пол и прилавки по стенам. Своеобразные платформы для сиденья и лежанья расположены иногда у печи, иногда по углам. Глиняные печи имеют отверстие — вход сбоку и отверстие для дыма наверху. Землянка «В», размерами 5 x 4,15 м, представляет большой интерес. Пол ее, казалось бы, сплошной хаос ям, но в них были обнаружены глиняные конусы из необожженной глины, масса глиняной посуды, куски глины, заготовленные для каких-то поделок, что дало возможность Н. Макаренко сделать вывод о принадлежности этой глины какому-то ремесленнику-гончару. Керамика «Монастырища» грубая, из плохой глины, смешанной с просом, представлена главным образом горшками и специфическими сковородами, сделанными от руки, без гончарного круга. Узор — узлами, полуваликами, ровчиками, ямками, гребнем и т. п. Встречаются костяные изделия: шило, ложки и т. п. Железа мало. В результате раскопок были найдены только ножик и долотце. Меди и бронзы не обнаружено. На занятии земледелием указывают находки зерен проса.

Немаловажное значение играло скотоводство. Об этом говорит громадное количество костей домашних животных: лошадей (сравнительно немного) и главным образом рогатого скота, свиней и собак. Как и у жителей Борщевского городища и подобных ему, большую роль играли охота и рыболовство, представленные остатками животных, птиц и рыб.

Артамонов М. И. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. №9. С. 269.

89

Н. Макаренко датирует «Монастырище» VII—VIII вв., возможно IX в. 1

Городище «Монастырище» и подобные ему представляют собой поселения общин, насчитывающих, судя по количеству и площади землянок, 50—75 человек населения всех полов и возрастов.

Подобного же рода поселения обнаружены и за пределами Полтавщины. Городища роменского типа обнаружены были у Калязина б. Сосницкого уезда Черниговской губ., у Лопасни на р. Ипути, между Мглином и Сурожем, раскопанные Гатцуком; эти городища связаны им, с нашей точки зрения совершенно правильно, с городищами дьякова типа. В самой Полтавщине к городищу «Монастырище» примыкают городище Медвежское, близ с. Медвежского, по течению р. Ромны, городище Вашкевичи, Глинское на реке Суле, «Замок», Буромка и Будлязское у Сосницы на Черниговщине, «Крейслице» у Сум и целый ряд других мало или вовсе не исследованных городищ, аналогичных «Монастырищу», разбросанных на территории Левобережья. 2

Несомненно, дальнейшие исследования обнаружат еще ряд подобных поселений среди громадного количества городищ, разбросанных по Суле, Пслу, Ворскле, Орели, Осколу, Сейму, Донцу и Дону, и свяжут их воедино хотя бы потому, что они все характеризуют собой эпоху родового строя. Роменский район и в несколько меньшей мере, по-видимому, Донецкий представляют собой местности, где позднейшее славянское население, несомненно автохтонное, крепче всего связано по материальным памятникам с предшествующим населением и представляет собой позднейшее перевоплощение этого последнего. Обстоятельство, смутившее Н. Макаренко, а именно — к какой народности могут принадлежать древнейшие слои Роменских городищ и подобных им, нас не должно смущать хотя бы потому, что своеобразие различных слоев, равно как и отличие различных типов городищ, является чаще всего не результатом замены одной народности другою, а эволюцией форм общественной жизни, социального строя. Эволюция общественных форм вовсе не отрицает известных этнических изменений в результате трансформации и скрещений, действительно имевших место в историческом процессе передвижений племен и народов. Таким образом, признать городища роменского типа и, в частности, «Монастырище» и прочие поселения подобного типа за раннеславянские — вполне естественно, и вряд ли данное положение может вызывать сомнения.

К сожалению, на «Монастырище» Макаренко не удалось раскопать все землянки, но тип и расположение исследованных землянок таковы, что заставляют нас провести параллель и установить сходство между жилищами

Макаренко Н. Городище «Монастырище» // Науковий збірник за рпс 1924. Т. XIX; Его же. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1908 г. // Известия Археол. комиссии. Вып. 22. Последнее время часть исследователей датирует «Монастырище» более поздним временем, а именно VIII—X вв. Но нельзя игнорировать большой архаичности находок на «Монастырище» и, в частности, следов ямочно-гребенчатой керамики.

Магурс С. До питання про стару слав'янську кераміку чаав родоплеменного ладу // Наукові записки штепугу історії матеріальної культури. Київ. Всеукр. Ак. наук. Кн. I. С. 55. См. его же статью в «Хронше археологи та мистецтва» (Т. I. 1930); Козловская В. Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромке Черниговской губ. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 47.

90 и самим характером их сочетания в городищах близ Ромен и Борщевском. Эти городища свидетельствуют о родовом строе; большие городища представляют собой место жительства нескольких больших семей, более мелкие — одной большой семьи, семейной общины, землянки — брачных пар, малых семей, а группа сконцентрированных городищ — поселения рода.¹

Поселения, примыкающие к рассмотренным нами городищам, отражающие быт славянского населения эпохи разложения первобытнообщинного строя, распространены не только в этих двух центрах — востоке северянской земли и юго-западе ее, где больше всего встречается древних городищ, но и в других местах, к северу. Имеем в виду Волокитинское городище Глуховского района Черниговской области, Белогорское у Суджи, городища под Путивлем, у Рыльска и Льгова Курской области, не говоря уже о городищах в границах бывшего Переяславльского княжества, прошедших стадию, сходную с рассматриваемой нами. Такие же поселения существуют и в более северных районах. Так, например, древнее Ратское (или Ратманское) городище у Курска в определенных своих слоях характеризуется вещами дьякова типа и соответствующим бытом населения.²

Городища при с. Гнездилово и д. Липиной у Курска в нижних своих слоях датируются VIII—IX вв. Население жило в хижинах-мазанках из хвороста и землянках. Жернова указывают на земледелие, кости животных и рыб — на скотоводство, рыболовство и охоту.³ Липинское городище (в 20 км от Курска) представляет большой интерес именно в силу того обстоятельства, что древнейшие слои его ведут к городищам дьякова типа, в то же самое время более верхние слои дают улучшенную раннеславянскую керамику, вещи салтовского типа и, наконец, оно превращается в типичное городище так называемой «великокняжеской поры».⁴

Поселения дьякова типа приближаются к северной Черниговщине, идя по лесной полосе к району Брянска, вытягиваясь узкой полосой по направлению на юго-запад от основного своего центра.⁵ Дальнейшие раскопки городищ этой области дадут, по-видимому, много нового для установления картины родового строя на территории Северской земли.

Кроме того, исследование могильников броварского типа и главным образом окружающих их поселений поможет установить социальную структуру того населения, которое хоронило своих покойников в определенных, одних и тех же местах, начиная с периода полей погребальных урн и кончая VIII—IX—X вв. Погребальные обычаи Броварских могильников,

Равдоника В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. Сборник «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества» // Известия ГАИМК. Вып. 103.

2 Готье Ю. Железный век в Восточной Европе. С. 94; С а м о к в а с о в Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам.

3 К а н ы ш и н. Археологические памятники в области реки Б. Курицы, впадающей в Сейм // Известия Археол. Комиссии, прибавление к 21 выпуску. С. 11—13.

4 Соловьев. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 4. С. 20—24; Булгаков Г. И. Схематический

обзор Курского края в культурно-историческом отношении // Курский край. 1925. Вып. I. С. 47; Его же. Курск в прошлом // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 1—2. С. 38—39.

5 Г о т ь е Ю. Железный век в Восточной Европе. С. 129.

91

представляющие собой единую цепь трансформации погребения от урн до курганов, свидетельствуют о коренном, автохтонном населении с древнейших времен до IX—X вв. во всяком случае. Инвентарь позднейших погребений X—XI вв. типично северянский. Устанавливая автохтонность северянского населения на самом юго-востоке области их жительство, археологическая наука должна будет со временем показать и социальную структуру населения VIII—IX вв., которая предстанет перед нами несомненно как разлагающаяся родовая. Отдельные находки вещей броварско-го типа славянской эпохи в других местах (близ Полтавы, у с. Ивахнино б. Лохвицкого уезда Полтавской губ. и т. д.) позволяют судить о распространении населения Броварских курганов.¹

Мы не будем пытаться составить археологическую карту древнейших славянских поселений VIII—IX вв. с соответствующим описанием каждого из них. Отсутствие археологических работ, соответствующих современному состоянию науки, как результат почти полного отсутствия полевой работы археологов в данной местности, не позволяет проделать подобное исследование, а, между прочим, Северская земля заслуживает того, чтобы на нее обратили большее внимание именно археологи. На это в свое время указали исследователи,¹ непосредственно столкнувшиеся с трудностью работы в этой области в силу слабой изученности вещественных памятников и, прежде всего, материалов поселений Чернигово-Северской земли, так как труды Д. Я. Самоквасова безнадежно устарели и служить руководством не могут.² Он, как и все археологи старой школы, исследовал вещи, хозяйство, но не социальные отношения.

Многое может дать последующая работа над уже известными городищами, не говоря уже о новых раскопках. Может быть, придется взяться и за новые объекты. Прав Дмитров, указавший на роль болот для археологических изысканий, так как они в свое время служили для поселения и до известной степени страховали славян от нападений врагов, о чем писал еще Иордан. Остатки свайных построек, находимых на болотах, как ныне высохших, так и по сию пору опасных для ходьбы, подтверждают его мысль.³

Большой интерес представляют раскопки последних лет, проведенные Б. А. Рыбаковым на Гочевском городище в Белевском районе Курской области.

Б. А. Рыбакову на городище, приписываемом им радимичам X—XII вв., удалось обнаружить древнеславянские слои VII—X вв., характерные наличием землянок, остатками грубой лепленной от руки керамики, редкими железными вещами и изделиями из кости.

¹ Там же. С. 103; Макаренко Н. Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. 1908. Вып. V. С. 202—207; Его же. Предметы случайной находки близ с. Ивахнино, Лохвицкого уезда Полтавской губ. // Там же. С. 208—209.

² Макаренко Н. Городище «Монастырище» // Науковий збірник за рік 1924. Т. XIX. С. 5. См. также: Заметки о поздневизантийских храмовых росписях (Византийский временник. Т. XXII. С. 106).

Дмитров П. Торфовьда-болота та їх значення для археологи // Хроника археологи та мистецтва. Ч. III. С. 3—11. См. также: Куник и Розен. «Известия Аль-Бекри... » и указания Маврикия, говорящие о проживании славян у болот.

92

К сожалению, результат раскопок еще не опубликован.¹ Вот и все основные материалы, касающиеся населения Северской земли, добытые археологами.

Но приведенного выше уже достаточно для того, чтобы охарактеризовать хозяйственный быт и социальные отношения обитателей Северской земли в VII—IX вв.

Основным занятием населения было земледелие. В северных районах, в полосе лесов, превалировала архаичная подсечная форма земледелия, требующая больших затрат человеческого труда на уничтожение лесных массивов на определенной площади, что приводило к необходимости коллективной его организации. Но уже в IX—X вв. пашенное земледелие начинает бытовать и в лесной полосе; так, например, вятичи платят хазарам дань от «рала», от плута.² На юге, в степях, перелог, а позднее пашенное земледелие, несомненно были развиты еще в гораздо более отдаленные времена.³ В лесостепи переход от подсеки к пашне происходил тем же путем, что и в лесной полосе, но несколько ранее.

В XI—XII вв. смерд пашет землю уже в поле, а не среди лесов. Об этом говорит место в летописи, описывающее знаменитый Долобский съезд князей.

Но хозяйственный быт населения VIII и начала IX в. не дает еще возможности говорить о высокоразвитом пашенном земледелии. Орудий труда, которые могли бы установить его наличие, мы не знаем. Примитивный строй хозяйственной жизни, быта и социальных отношений обитателей древнейших, так называемых «раннеславянских» городищ говорит скорее за наличие в лесах пристепной полосы еще подсеки, архаических земледельческих орудий («рало», косуля, а иногда и мотыга), за слабое использование в земледелии рабочего скота. Подобное земледелие требовало коллективного труда общин.

Промыслы — охота, рыболовство, бортничество — также в некоторой части своих функций требовали объединения и коллективного труда. Из подобного рода хозяйственных функций вырастает впоследствии складничество, сябина. Но об этом несколько ниже.

Одновременно с земледелием большую роль играют скотоводство (разводились лошади, коровы, свиньи, мелкий рогатый скот и т. д.), охота и рыболовство. Ремесло еще не отделено от земледелия. Нет указаний на выделение ремесленников. Единственным возможным следом начала отделения промышленной деятельности от сельского хозяйства, конечно, на примитивной основе, является приведенное выше указание Н. Макаренко на землянку ремесленника-гончара. Бедность и отсутствие дифференциации в инвентаре погребений и поселений свидетельствуют в свою очередь о слабой имущественной дифференциации и относительном равенстве всех

¹ Э д и н г Д. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. // Вестник древней истории. 1938. № 1/2. С. 145. См. также: Историк-марксист. 1937. № 5—6. С. 270.

² «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 63.

³ Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне // Известия ГАИМК. Вып. 72. С. 32, 34—35; Его же. Киевская Русь. С. 21—51; Багалея Д. И. Нарис історії України на соціально-економічному ґрунті. Т. I. С. 263.

93

членов большой семьи, рода. Брачные пары еще не превратились в различные по экономической мощности малые семьи — грозный признак распада родового строя. Имущественное неравенство, проникающее вслед за разделением труда, еще не потрясло основ первобытнообщинного строя. К. Маркс указывает на роль разделения труда в родовой общине: «Первая форма собственности, это племенная собственность.

Она соответствует неразвитой стадии производства, на которой народ живет охотой и рыболовством, скотоводством или, в лучшем случае, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу еще не освоенной земли. На этой стадии разделение труда развито еще очень слабо и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда».¹

Выделилась родовая знать, аристократия, которая к VII—VIII вв., возможно, усиливается на основе эксплуатации рабского труда, но она еще не перешла к эксплуатации своих сообщинников.

Так рисуется нам картина родового строя по весьма немногочисленным, к сожалению, археологическим материалам поселений.

В то же время следует отметить, что рисовать однообразную картину распада родового строя в VIII—IX вв. на территории Северской земли нельзя. Выше мной было отмечено значение салтово-маяцкой культуры, в той или иной степени уже феодального типа, в процессе этногенеза и в процессе складывания социальных отношений в Северской земле. Отдельные лучи, расходящиеся от Салтовского и Маяцкого городищ и подобных им, указывают на определенные, географически очерченные районы, в которых процесс распада родовых отношений и становление классового общества шел и в этот период и, возможно, несколько ранее. Понятно, что лишь отдельные поселения, тесно связанные с салтовской культурой, хотя непосредственно к ней не примыкающие, позволяют усмотреть влияние Салтова не только по линии развития определенных типов орудий, посуды и украшений, но и по линии воздействия феодализирующего центра на попавшее в орбиту его влияния население отдельных пунктов в области социальных отношений. Нельзя забывать и того, что в определенном районе часть антов уже в VI в. вступила в высшую стадию варварства, хотя это отнюдь еще не говорит за то, что и в других местах Восточной Европы предки русских племен вступили в ту же фазу общественного развития. Поскольку эти случаи единичны и локальны, поскольку в данном разделе мы ставили своей задачей, по возможности, обрисовать родовый строй по типичным вещественным памятникам, постольку, естественно, мы обратили внимание главным образом и на соответствующие материалы.

Перейдем к немногочисленным письменным памятникам. Прежде всего им является «Русская Правда» — памятник, принадлежащий Северской земле так же, как и другим областям древней Руси. На род, родовые отношения указывает первая статья «Русской Правды», говорящая о родовой мести, и постепенное ее исчезновение, прослеживаемое по «Русской Правде», свидетельствует о падении пережитков родовых отношений. Свято-

¹Маркс К., Энгельс Ф. 1937. Соч. Т. IV. С. 12.

94 слав берет дань на убитых, говоря «яко род его возметь».¹ Владимир в упрек на то, что он не борется с разбоем, отвечает «боюся греха».² Владимир боялся преступить не новый для него христианский закон, запрещающий убивать, а старое обычное право, узаконивающее убийство за убийство, кровную месть. О житье «родом своим» летопись упоминает по отношению к полянам, вятичам, но вряд ли будет необоснованным предположение, что «родом своим» жили в древности и северяне, и неупоминание о них в данном контексте составителя летописи просто случайно, тем более, что, как мы увидим ниже, быт и обычаи северян в освещении летописца представляются типичными для родового строя.³ Но об этом периоде составитель летописи говорит, как о чем-то давно минувшем, что ему самому представляется довольно туманным.

Родовой строй уже отживает, ибо по контексту летописных известий о роде, по «Русской Правде» и свидетельствам позднейших «Житий» род — нечто туманное, уже

теряющее свое ранее исключительное положение. Существует патриархальная семья, большесемейная организация, семейная община. Эта последняя, выросши в рамках родового строя, разлагается, уступая место территориальной сельской общине, но в то же самое время ей свойственно приспособление к консолидировавшимся феодальным формам господства и подчинения, и семейная община, при некоторых благоприятных условиях, как показали исследования М. Ковалевского⁴ и Д. Самоквасова,⁵ сохраняется вплоть до пореформенных времен, и эти последние остатки древней общественной жизни приходится ликвидировать не феодализму, а капитализму. Работы Ф. Леонтовича и М. Ковалевского указали на наличие семейной общины в древней Руси. Ф. Энгельс по этому поводу замечает: «С патриархальной семьей мы вступаем в область писаной истории, т. е. в ту область, где сравнительное правоведение может оказать нам существенную помощь. И действительно, оно привело здесь к значительному шагу вперед. Мы обязаны Максиму Ковалевскому (Tableau etc. de la famille et de la propriete. Stockholm, 1890. S. 60—100) доказательством того, что патриархальная домашняя община в том виде, в каком мы встречаем ее еще и поныне в Сербии и Болгарии под названием «задруга» (можно перевести словом «содружество») или «братство» и в видоизмененной форме у восточных народов, явилась переходной ступенью от возникшей из группового брака и основанной на материнском праве семьи к индивидуальной семье современного мира... Югославянская задруга представляет собой наилучший живой образец такой семейной общины. Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (дома-чина), который представляет ее вовне, имеет право отчуждать более мелкие

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 70.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 8.

⁴Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности.

⁵Самоквасов Д. Я. Семейная община в Курском уезде // Записки Географического о-ва по Отделению этнографии. 1878. Ч. IV.

95

предметы, ведет кассу и несет ответственность как за нее, так и за правильный ход всего хозяйства. Он избирается и не обязательно должен быть старейшим из членов общины. Женщины и их работы подчинены руководству домохозяйки (домачица), которой обыкновенно бывает жена дома-чина. Она также играет важную, часто решающую роль при выборе мужей для девушек общины. Но высшая власть в общине сосредоточена в семейном совете, в собрании всех взрослых членов, как женщин, так и мужчин. Перед этим собранием отчитывается домохозяин; оно принимает окончательные решения, чинит суд над членами, выносит постановления о более значительных покупках и продажах, а именно земли и т. п. Только около десяти лет тому назад доказано существование таких больших семейных общин и в России; они теперь признаются всеми столь же глубоко коренящимися в русских народных обычаях, как и сельская община. Они упоминаются в древнейшем русском своде законов, в «Правде» Ярослава, под тем же самым названием (вервь), как и в далматских законах; их можно также найти в польских и чешских исторических источниках»¹ (выделено мною. В. М). Семейная община состоит не только из ближайших родственников. В нее входят и принятые со стороны свободные люди, так называемые сябры, складники, в нее входит «челядь» — рабы и слуги, положение которых в патриархальной семье типа римской «familia» по сути дела мало чем

отличается от положения низших ее членов, родственников, и не случайно «Златоструй» (XII в.), «Пролог» (XV в.) и «Житие Нифонта» (XIII в.) употребляют термин «семья» и «челядь» как синонимы. Еще в XV в. «челядо» означает «сын». Подтверждение данному положению можно найти в работах Б. Д. Грекова.² Ф. Энгельс указывает, что семейной общиной на территории древней Руси была «вервь» «Русской Правды», и только позднее вервь превращается не во что иное, как в общину-марку, выросшую из патриархальной общины.³

Наличие семейных общин, «дворищ» на Украине и в Белоруссии и «печищ» на севере в XV—XVI вв. (и даже позднее), свидетельствует о живучести большесемейной организации и о сохранении ее даже в период господства поземельной территориальной общины.⁴ Об этом подробнее ниже.

В древнейшие времена «вервь» несомненно обозначала союз, основанный на кровнородственных связях. А. Е. Пресняков указывает: «Этимологически слово вервь указывает на кровную, родственную связь. Оно означает эту связь подобно тому, как термин *linea* — вервь на Западе (французское *lignage* — родство). Такой смысл имеет слово "вервь" в южно- и западнославянских языках, рядом с "ужа" ("ужики", "ближики" —

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1933. С. 80—81.

2Греков Б. Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. Изд. Ак. наук СССР. 1935. С. 1—20. 3 Там же. С. 22.

4Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. I. С. 217—237.

См. также ее: Крестьянское землевладение на крайнем севере, Южная Русь (2 тома) и Литовско-русские данники и их дани; Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Соцэкгиз, 1939. С. 66—68, 69, 70, 85, 86, 88, 147, 149; Л у ч и ц -кий. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии // Северный вестник. 1889. Т. I и II.

96

родственники). "Врвные братья" у хорватов ("Полицкий статут") — члены кровнородственной группы, которая связана и экономически, делят земельные угодья по врви — линиям родства по отцу».1

А. Е. Пресняков считает, правда, что «вервь "Русской Правды" уже территориальный, соседский, а не кровный союз»,² тогда как семейные общины в древней Руси не имели специального названия, а именовались «род», «племя».3

С. В. Юшков, разбирая данные о верви, приходит к выводу, что под этим термином скрывается существовавшая на Руси семейная община.⁴ Нет оснований опровергать наличие семейных общин в древней Руси, равным образом как и того, что сам термин «вервь» ведет к кровнородственным связям членов общины. Исчезновение термина «вервь» из памятников XIII в., и позднее, свидетельствует об исчезновении отношений, породивших «вервь» — семейную общину. По-видимому, некоторое время термин «вервь», правда, еще продолжает существовать, но уже обозначая сельскую общину Пространной «Русской Правды», тогда как старая семейная община, быть может распавшаяся на более мелкие патриархальные семейные общины, получает название «дворищ», «печищ».

Так как новые поземельные отношения в общине, основанные на территориальных связях, ликвидируют старые, базирующиеся на кровном родстве, то и сам термин «вервь», уходящий именно ко временам родственных отношений членов общины, отмирает, уступая свое место «копам» Украины и Белоруссии, волостям, погостам и «мирам» северо-восточной и северо-западной Руси.⁵ Вопросом об эволюции общины займемся далее, а пока можем констатировать, что IX—X вв.

проходят под знаком интенсивного распада родового строя и развития феодальных отношений, причем в различных районах Северной земли различна и интенсивность этого процесса. В землях же радимичей и вятичей, особенно последних, еще некоторое время сохраняются родовые отношения. Какими путями идет распад родового строя, как зарождается феодальное общество? Прежде всего остановимся на хозяйственной деятельности населения в IX—X вв., как она представляется нам по вещественным и письменным материалам.

По-прежнему основным занятием является земледелие, но роль его непрерывно повышается, а техника совершенствуется все более и более.

Раскопки северянских курганов, произведенные Д. Я. Самоквасовым⁶ и другими, показывают, какое значение имело земледелие в жизни северян. Количество зерновых культур, известных человеку, значительно расшири-

¹Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. С. 55. См. также: Леонтович Ф. И. О значении верви по «Русской Правде» и «Полицкому статуту» сравнительно с задругой юго-западных славян // Журнал м-ва нар. проев. 1867; Его же. Задружно-общинный характер политического быта древней России // Журнал м-ва нар. проев. 1874. VII—VIII.

²Пресняков А. Е. Ук. соч. Т. I. С. 55. " Там же. С. 52.

Юшков СВ. Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Кшвськш Русі. 1939. С. 4—12.

⁵Пресняков А. Е. Ук. соч. С. 55.

⁶Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории // Труды III Археол. съезда. Т. I. С. 188, 191, 193.

⁴В. В. Мавродин

97

ется. Так, например, раскопками Д. Я. Самоквасова в Черниговских курганах найдены зерна ржи, ячменя, пшеницы. Раскопками Городцова, а вслед за ним А. Федоровского в 1927 г., на Донецком городище, в семи километрах от Харькова, по течению р. Уды, обнаружены зерна овса, проса, ржи, ячменя, двух сортов пшеницы — мягкой и твердой, гречка пяти сортов, лен, мак, мука грубого помола.¹ Федоровский нашел там же зернотерку, жернова, четыре серпа. Серпы были найдены и Самоквасовым в черниговских могилах. Позднейшие исследования и систематизация материалов самоквасовских раскопок показали, что почти повсюду в больших северянских могилах были найдены остатки зерен, а серпы находились даже в могилах с захоронением коня, в свое время приписываемых кочевникам.² Раскопками Канышина у Липиной близ Курска в слоях XI—XII вв. обнаружены жернова,³ а раскопками Багалея в Ку-пянском уезде — серпы.⁴ Археологические исследования, таким образом, дают нам возможность судить о непрерывно возрастающей роли земледелия. Недаром на предложение Рюрика Ростиславича идти на половцев Святослав Всеволодович отказался, мотивируя тем, что «в земле нашей жито не родилось».⁵ Письменные источники подтверждают первенствующее значение земледелия. «Русская Правда» упоминает, кроме перечисленных продуктов, солод, горох, пшено. В «Житии Феодосия Печерского», курянина по происхождению, упоминается жито, житный хлеб, мука: грубая и лучшего помола.⁶ Из орудий производства X—XII вв. упоминаются: рало, плуг, борона, мотыга, соха, цепь.⁷ Встречаются указания на гумно, клеть, ток, зерновые ямы, сусеки. В «Слове о полку Игореве» рисуется круг сельскохозяйственных работ: «на Немизе снопы стелют головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела». Кроме собственно хлебопашества, северяне занимались и огородничеством, но упоминания о последнем несколько реже. В XII в. упоминается об огородах под

Переяславлем: Изяслав «ста на болоньи, и товары за огороды». Все окрестности Переяславля были усеяны пашнями и огородами.⁸ Летописи говорят об уничтожении последних половцами

Городцов В. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII Археол. Съезда. Донецкое городище // Труды XII Археол. съезда. Т. I. С. ПО—114; Федоровский А. Археологич. разкопки с околщях Харьюва // Хроника археологи та мистецтва. Ч. I. С. 5—10.

Соловьев. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 4. С. 15; Верзилов А. Найдавший побут Чернипвьско'1 околиц. Сборник «Чернипв і швшчне Ллвобережжя». С. 73—74; Самоквасов Д. Я. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археол. съезда. С. 10—11.

Канышин. Археологические памятники в области реки Б. Курицы, впадающей в Сейм // Известия Археол. комиссии. Прибавление к 21 выпуску. С. 11—13.

4Багалея Д. И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ. II Труды XII Археол. съезда. Т. I. С. 69.

5 Ипатьевская летопись под 1193 годом.

6 Житие Феодосия Печерского, с. 9.

7 Ипатьевская летопись, «Русская Правда» по Карамзинскому списку, Слово о полку Игореве.

Ипатьевская летопись, с. 266; Ляскоронский В. История Переяславльської земли с древнейших времен до половины XIII в. С. 210.

98

и саранчой.¹ Вряд ли необходимо будет умножать примеры, так как можно считать установившейся точку зрения на роль сельского хозяйства в древней Руси. Земледельческий характер занятий населения древней Руси в свое время еще установлен В. И. Лениным.² Работы Б. Д. Грекова подвели итоги изучению этой проблемы.³

В связи с ростом производительных сил, обусловленным развитием сельского хозяйства и земледельческой техники, стоят в значительной степени разложение патриархально-родовых отношений, формирование и распад сельской общины, индивидуализация производства, создание института частной собственности, возникновение классов и зарождение феодализма. В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин указывает, что «история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей».

«Значит, историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям "завоевателей" и "покорителей" государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов. Значит, ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период, — в экономике общества.

Значит, первой задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества».⁴

И далее товарищ Сталин подчеркивает: «Вторая особенность производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития

производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства».⁵

Поставим своей задачей показать, как в результате развития производительных сил патриархально-родовой строй с первобытнообщинным способом производства уступил свое место феодальному способу производства, установившемуся на территории Днепровского Левобережья.

Процесс распада родовых отношений усугубляется внедрением в лесную полосу пашенного земледелия, принесшего с собой парцеллирование производства и резкое обособление малой семьи. Подсечное земледелие возможно лишь при первобытнообщинных условиях производства.⁶ В лес

'Ляскоронский В. Ук. соч. С. 208—210. •

2 Ленин В. И. Соч. Т. III. С. 142, 150 и т. XI, с. 98. Г р е к о в Б. Д. Рабство и феодализм в Киевской Руси; Его же. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне; Его же. Феодальные отношения в Киевском государстве; Его же. Киевская Русь.

4Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. II. С. 551.

5 Там же. С. 552.

6Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. С. 20.

99

ной полосе появление сохи, являющееся указанием на развитие пашенного земледелия, приводит к развитию индивидуального производства, к усилению парцеллирования хозяйства и к укреплению экономической основы малой семьи. Соха, появившаяся в условиях подсечного земледелия, в то же самое время дает начало новой форме земледелия. К сожалению, главный материал, из которого делается соха, — дерево, — по самому своему существу редко обнаруживается при археологических раскопках, а железные сошники, и то более позднего происхождения, найдены были не на территории Северской земли, а в окрестных районах. Они обнаружены главным образом в верхнем Поднепровье, правда, в сравнительной близости от крайней северо-западной границы северян и радимичей, что дает нам возможность сделать вывод о распространении сошников и в северной лесной полосе Северской земли. Процесс превращения земледелия из подсечного VII—VIII вв. и начала IX в. в пашенное, происшедший в лесной полосе в IX—X вв., усиливает индивидуализацию производства, укрепляет частную, семейную собственность и способствует распадению семейных общин, больших семей, свойственных родоплеменной организации, на малые семьи, объединяющиеся в поземельную территориальную сельскую общину. В дальнейшем своем развитии этот же процесс приводит к распаду общинников на два полюса, к появлению эксплуатируемых и эксплуататоров. По времени и то и другое явления совпадают, и это характерно для IX—X вв.

Гораздо сложнее шел процесс распада родовых отношений в южных районах Северской земли. Я имею в виду Харьковскую, Полтавскую, часть Курской и Воронежской областей. Сами природные условия — лесостепь, с ее плодородной черноземной почвой, покрытой не дремучими лесами, а травой (ковылем), — таковы, что, казалось бы, не представляется возможным говорить о господствовавшей там когда-либо подсечной системе. Безусловно, в те отдаленные времена лесов в ныне совсем обезлесенной местности было неизмеримо больше. На первый взгляд, предположение о том, что человек, имея возможность обрабатывать окружающую его поселения степную целину, все-таки выжигал и выкорчевывал лес и затрачивал на его расчистку громадное количество коллективного труда, кажется неправдоподобным и необоснованным.

При разрешении вопроса о характере земледелия в лесостепной и степной полосе необходимо учитывать ряд особенностей. Остановимся, хотя бы вкратце, на распространении лесов. Как отмечено, лесов в южной части Северской земли в IX—X вв. было неизмеримо больше, нежели в более близкую к нам эпоху. В документах XV—XVII вв. и даже XVIII в. говорится о сплошных лесных массивах, идущих по направлению с северо-востока на юго-запад и с севера на юг и юго-восток по течениям рек, начиная от их истоков. Не такова была картина в IX—XII вв. Леса XVI—XVII вв., особенно XVIII в., представляли собой уже только остатки тех лесных массивов, которые тянулись полосами по течениям рек, уходя в глубь степей.¹

Багaley считает, что истребление лесов в лесостепной полосе началось в XVIII в. и интенсивно шло в течение всего столетия. См. его «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства», с. 17.

100

Обычно, как правило, леса расположены по правым, более высоким берегам лесостепных рек, тогда как левые берега их представляют заливные луга, переходящие далее в степь. По Дону тянутся лесные массивы почти сплошной цепью до среднего течения. Если сравнить предполагаемую карту распространения лесов, совсем не такую уж гипотетическую, а подкрепленную в значительной мере современной картой распространения остатков леса, с картой славянских городищ и поселений IX—XII вв. и более ранних, то, как правило, обе они совпадают. Славянские поселения данного периода теснятся у рек, в тех именно местах, где были леса. Это свидетельствует о том, что поднять степную целину, при наличии довольно примитивных орудий обработки земли, а последние в древнейший период, в VII—VIII вв., сделанные, по-видимому, сплошь из дерева, очевидно, только эволюционировали от мотыги к ралу, представляющему собой не что иное, как конечный результат этой эволюции, при сравнительно неразвитом применении при обработке земли рабочей силы скота и прежде всего лошади, было если и несколько легче, чем выжечь и подготовить к посеву лесную площадь, что также еще вызывает сомнения, то во всяком случае менее продуктивно.¹ Подсечное земледелие давало более высокий урожай. Таким образом, население пристепной полосы VII—IX вв. предпочитало селиться у рек, дававших возможность заниматься рыбной ловлей на сравнительно хорошо укрепленных естественным путем высоких, покрытых лесом берегах, где развиваются подсечное земледелие и охота. Выходить в степь было не только опасно, но в то же время и нецелесообразно.

Наличие земледелия как в Роменских городищах, так и в Донских — не вызывает сомнений; но земледелие в VII—VIII вв. там было главным образом подсечным.

Здесь, на юге, хозяйственный переворот заключался не только в переходе от подсечной формы земледелия к пашенной, но и в усилении применения рабочего скота к обработке земли. Osteологический материал городищ роменского типа свидетельствует о том, что скот применялся в VI—VIII вв. как рабочая сила в значительно меньших размерах, нежели в IX—X вв. и позднее. Костей животных много, но это остатки животных, служивших для пищи, а не для использования их как рабочей силы. Это главным образом кости быков, коров, овец, свиней, лошадиных костей немного.² Ибн-Росте (Ибн-Дастан) пишет: «Рабочего скота у них мало, а верховых лошадей имеет только один упомянутый человек...» (речь идет о князе В. М.). У него же мы встречаем указание на отсутствие пашен у славян; в то же самое время он пишет, что славяне «более всего сеют просо».³ Эти указания Ибн-Росте скорее всего относятся именно к славянам пристепной полосы, которые были даже просто географически ближе к нему и лучше знакомы через посредничество хазар. Просо, зерна которого

1 Характерно, что даже в XVII в. Белгородскому монастырю дают «дуброву» «под пашню» (Багалей Д. И. Ук. соч. С. 120).

2 Магура С. До питання про стару слав'янську кераміку часів родоплеменного ладу // Наукові записки ІНСТитуту історії матеріальної культури. Кн. I. Всеукр. Ак. Наук. Київ. С. 57.

3 Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 264—265.

101

обнаружены в первую очередь во всех древнейших городищах данного района VII—X вв., — типичный продукт степи и лесостепной полосы. Свидетельство Ибн-Росте о недостатке рабочего скота и лошадей у славян подтверждается археологическими данными. Лошадь в тот период времени, да и позднее, была не столько рабочим скотом и не столько принадлежностью дружинника, сколько животным, дающим мясо, шкуры и молоко. Принадлежностью воина она уже была и в то время, но эта роль закрепилась за ней позднее, в эпоху становления феодального общества IX—X вв. Даже в остеологических материалах IX—X вв. находили кости съеденных лошадей. Об этом же говорят и письменные источники: стоит только привести характеристику летописцем Святослава и описание его зимовки в Белобережье.

В IX—X вв. роль лошади меняется. Сперва наряду с волом, а затем вытесняя его, в лесостепной полосе лошадь превращается в рабочий скот. Этот процесс, вместе с параллельно идущим процессом улучшения и усовершенствования сельскохозяйственных орудий (рала), приводит к тому, что коллективные формы труда становятся ненужными. Появляется парцелла — малая семья, самостоятельно ведущая свое хозяйство. Возникает поземельная община. Интенсивное развитие в определенных районах феодальной монополии на охоту, рыбную ловлю и известное оскудение животного мира также в свою очередь способствуют усилению роли земледелия в хозяйственной жизни населения. Лес, вернее, лесные промысла: «бортные ухажай», «бобровые гоны», «ловища» и т. д., становится собственностью феодала, и везде, где угодно, беспрепятственно жечь его уже нельзя.¹

Иной характер носило земледелие в собственно степной полосе. Вопрос этот очень труден, и вряд ли возможно, при уровне наших знаний, разрешить его положительно в ту или иную сторону. Присоединяемся к мнению Б. Д. Грекова о глубокой древности существования перелога, а позднее и пашни, в степи, но в то же время считаем, что провести единую линию развития от скифского плуга к плугу Киевской Руси XI—XII вв. вряд ли возможно. Скифский плуг бытовал в районе Причерноморья у местного скифского земледельческого населения (калипидов, алазонов, скифов-пахарей) в областях, лежащих вблизи причерноморских городов. Недаром изображение плуга сохранили монеты Ольвии, но насколько далеко на север он распространялся — мы не знаем. Скифское общество не было чем-то единым. Когда на юге, у берегов Черного моря, оседлое земледельческое варваро-эллиническое (скифо-греческое) общество знало уже пашенное земледелие и рабовладельческий строй, кочевая степь переживала еще стадию разложения патриархально-родовых отношений, а пристепная и лесная полосы — не вышли за пределы патриархального быта. Вполне естественно, что и хозяйство, а в частности земледелие, скифского общества было так же пестро, как и социальная его структура.

На севере перелог был не особой системой земледелия, а переходным этапом к пашенному земледелию, тогда как, по замечанию Б. Д. Грекова, «степь начинает с подлинного перелога и идет к тому же полевому пашен-

Магура С. Ук. соч.

102 ному земледелию».1 На севере развивается соха, разрыхляющая почву, выжженную из-под леса, на юге, в пристепной и степной полосах, мотыга эволюционирует в рало, а последнее — в плуг; тягловой силой на севере явилась лошадь, на юге — лошадь и вол.2 Конечно, рало проникает и на север, о чем свидетельствует приведенный выше факт уплаты вятичами хазарам дани от «рала». Пашенное земледелие в отдельных районах севера, в лесной полосе, могло возникнуть и несколько ранее. Не исключена возможность бытования подсеки в IX—XI вв. где-либо в районе лесостепи, особенно в той части, где лесные массивы полосами располагались по течению рек, тогда как вокруг расстилалась степь, как это имело место, по-видимому (судя по документам XVI—XVII вв.), в Полтавщине и близ Воронежа.

Наиболее же характерным для эволюции земледелия является: 1) переход от подсеки через стадию перелога к пашенному земледелию в лесной полосе, в северной части интересующей нас территории, 2) длительное бытование сперва перелога, а затем пашенного земледелия с двухпольной и позже трехпольной системой на юге — в степной полосе и 3) сочетание этих двух форм земледелия в их эволюции — в лесостепной полосе. Таким образом, если связывать распад родовых отношений и большесемейных групп с появлением и развитием пашенного земледелия, то в таком случае поземельная территориальная сельская община, как последняя ступень в развитии доклассового общества, должна была создаваться в степной полосе еще в очень отдаленные времена, столь же древние в этом районе, как и само пашенное земледелие.

Необходимо подчеркнуть следующее положение. Пашенное земледелие прежде всего является стимулом к индивидуализации производства. Индивидуализация же производства, правда не только она одна, в свою очередь приводит к становлению классового общества. Классовое общество вырастает из сельской общины благодаря присущему ей, в силу той же индивидуализации производства, дуализму. Но само по себе пашенное земледелие еще не создает классового общества. Пашенные орудия появляются еще задолго до установления классового общества, а в то же время мы знаем, что высокоразвитое антагонистическое общество некоторых стран, например южного Китая, в силу специфических условий земледелия, совершенно не знает пашенного хозяйства.3 Хотя само развитие социальных отношений в то же самое время является величайшим рычагом эволюции сельскохозяйственных орудий и форм земледелия, все же для того, чтобы проследить процесс распада большесемейных общин — разложение рода и становление поземельной территориальной общины с парцелльным хозяйством, необходимо прежде всего изучить материал по эволюции систем земледелия и земледельческой техники.

Население Северной земли вступает в новую фазу общественного развития только после того, как стало пользоваться новыми усовершенствованными орудиями сельскохозяйственной техники — сохой, ралом,

Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 41.

Греков Б. Д. Рабство и феодализм в Киевской Руси. С. 25. 3Третьяков П. Н. Ук. соч. С. 26.

103

плугом, топором — и в широких размерах стало применять в земледелии рабочую силу скота.

В остеологическом материале археологических раскопок лошадиные кости попадают все реже, так как лошадей перестают употреблять в пищу.

Появление новой земледельческой техники приводит к тому, что ведение самостоятельного хозяйства становится доступным не только всей семейной общине в целом, но и каждой малой семье в отдельности. «Все это приводит к распаду

сохраняющихся в большой семье остатков первобытного коллективизма и дифференциации в ее недрах индивидуальных семей, становящихся самостоятельной экономической единицей и воплощающих начала частной собственности».¹

Старая, патриархальная большая семья («задруга», «вервь») распадается. Из ее среды выделяется ряд малых семей, брачных пар, уже ставших хозяйственно самостоятельными единицами и вооруженных новой сельскохозяйственной и промысловой техникой (имеется в виду появление сохи с железным сошником, тяжелого плуга, проушного топора, расширение применения рабочего скота в сельском хозяйстве и т. п.), которые расходятся из старого общинного центра во все стороны, выжигая и выкорчевывая леса под пашню, обзаводясь новыми рыболовными и охотничьими угодьями. В процессе своего расселения, сохраняя связи с сородичами, они сталкиваются со встречным потоком, идущим из других соседних семейных общин, и новые территориальные связи служат основой иной, уже поземельной организации общины. В ней еще много пережитков старой семейной общины. Территориальные связи еще сочетаются с кровнородственными. Родовые связи все еще тянут членов уже территориальной общины к старому семейно-общинному гнезду, да и сама сельская поземельная община представляет собой пестрый конгломерат малых и больших семей, семейных общин («печищ», «дворищ»). Семейная община во времени не исключает территориальную, но последняя, сложившись на развалинах первой, в то же самое время впитывает в себя соседние, еще не успевшие разложиться семейные общины.

М. О. Косвен указывает:

«С распадением родовых связей члены одного рода, т. е. отдельные большие семьи, принадлежащие к одному и тому же роду, разрозниваются, теряют свою локальную связь, отселяются и присоединяются к таким же семьям других родов. Так возникает соседская община. Большие семьи одного рода оказываются принадлежащими к различным соседским общинам, и эти последние, в свою очередь, оказываются состоящими из больших семей, принадлежащих к различным родам. Соседская община объединяется, таким образом, уже не родственной, а сменяющей ее территориальной связью. Одновременно, но независимо от этого, идет в силу иных причин... процесс распада больших патриархальных семей на малые, индивидуальные. В результате соседская община впоследствии оказывается состоящей как из больших еще не разделившихся семей, так и из

¹ Примечание № 18 М. О. Косвена к книге М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (1939. С. 117).

104

малых». «Несомненно, однако, что имела место и иная форма образования соседской общины, в особенности при заселении новых мест, состоявшая в том, что соседская община заново образовывалась из ряда малых семей».¹

Вместе с ростом пашенного земледелия наблюдается значительное увеличение размеров поселений. Типичным примером является Борщевское городище, представляющее собой поселение нескольких сот человек.²

Рост населения и разбухание семейных общин также способствуют созданию сельской общины. Ф. Энгельс указывает, что «когда число членов семейной общины так возросло, что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, эти семейные общины распались, находившиеся до того в общем владении поля и луга стали подвергаться разделу известным уже образом между образовавшимися теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее раз и навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались у общины.

Для России такой род развития представляется вполне доказанным».³

Так подрывались устои первобытнообщинного строя, основанного на коллективной собственности и труде.

Коллективизму патриархальной общины, уступившей свое место территориальной общине, способствовали трудность освоения новых земельных участков, наличие общинных пастбищ, скота, общих рыболовных приспособлений, требовавших общественного труда (перегораживание рек, невод и т. п.), общие средства и общественные способы охоты и т. д., игравшие, как было отмечено на основе археологических раскопок, существенную роль в хозяйственном быту населения той эпохи. Развитие орудий труда, обусловленное общим развитием производительных сил, приводит к усилению парцеллы и постепенному ее укреплению, а следовательно, созданию сельской общины. Внутренние условия развития последней в свою очередь вызывают имущественную, а вслед за нею и классовую дифференциацию.

Центр распада общинных отношений и становления классового общества в лесостепной и лесной полосе с течением времени на протяжении VIII—X вв. переносится все далее и далее на север. Таким образом, становление из родовой организации поземельной территориальной общины в Северной земле в лесной и лесостепной полосе ее произошло в значительной мере под влиянием смены подсечного земледелия пашенным и завершилось к IX—X вв., хотя соседская община еще долгое время сохранила пережитки старого общественного строя в виде наличия в ее составе не только малых, но и больших семей. В дальнейшем своем развитии сложившаяся сельская община в результате внутренних процессов, порожденных свойственным ей дуализмом, дает начало выделению феодальных элементов.

Неравномерный рост отдельных семей и накопленных ими богатств, неравенство наделов, захват сильными, многочисленными и богатыми семьями земель и угодий в прилежащих землях и т. п. — все это соз-

1 Примечание № 21 к указанной книге М. Ковалевского, с. 158.

2 История СССР (на правах рукописи). Т. I. Ч. III—IV. С. 460—462.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1933. С. 169.

105

дает условия для разложения общины. С другой стороны, подобные явления могли возникнуть лишь в результате возникновения парцеллы, обусловленного развитием производительных сил и орудий труда. Там, где процесс выделения малых семей идет интенсивно, там сильнее и имущественная дифференциация — предпосылка развития феодальных отношений. Средние же элементы пытаются сохранить большую семью, так как ее организация до известной степени страховала от превращения, во всяком случае быстрого превращения, в зависимых, и это значение большесемейной организации сохранилось вплоть до XIX в., когда на территории Северной земли, в Курской и Черниговской областях, существовали еще семейные общины.¹

Нет оснований отрицать, что в определенных местах сельская община могла сложиться и ранее. По отношению к южным поселениям антов и к Киевщине это было безусловно так. Но в отдельных местах семейная община удержалась еще целые столетия.² Когда мы говорим о складывании в IX в. поземельной общины, то мы имеем в виду господствующую форму организации населения. Не надо забывать и того, что сельская община с самого начала своего существования уже носила все элементы своего распада, и ее разложение начинается чуть ли не одновременно с ее возникновением.

Вместе с появлением соседской общины изменяется и сама форма поселения. Древние укрепленные городища, поселения группы больших и малых семей, уступают свое место открытым поселениям — деревням, остатки которых — «селища» — лишь очень недавно стали объектом изучения археологов. Количество исследованных селищ еще крайне невелико, но и то, чем мы располагаем, дает возможность судить, какую ценность представляет собой их вещественный материал.

В Северской земле археологическими раскопками обнаружен был ряд селищ, как, например, громадное селище, тянувшееся почти на полтора километра под Черниговом на месте летописного «Ольгова поля», где стоит село Льгов или, как его иногда называют старожилы, Ильгов. На нем обнаружено было до 100 курганов. На территории селища найдены бусы, пряслица, черепки, стремена, топоры, куски железа и остатки какой-то стены.³ Селище было обнаружено и под Любечем на урочище «Васьково поле».⁴ За последнее время особое внимание уделил исследованию северянских селищ, совершенно правильно отмечая их громадное значение для исторической науки, Ю. Виноградский, раскопавший несколько селищ в окрестностях Сосницы. Так, им были обнаружены: 1) древнее северянское становище IX—X вв. на о. Буримка, в пяти километрах от Десны на месте

'Самоквасов Д. Я. Семейная община в Курском уезде // Известия Географического о-ва по Отделению этнографии. 1878. Т. VIII. С. 14.

2 Следует отметить, что наиболее хорошо изученные археологами городища Северской земли того времени («Монастырище», Борщевское), характеризующиеся патриархально-родовым строем своих обитателей, расположены вдали от центров Руси.

3 Е ф и м о в. Олегово поле // Труды XIV Археол. съезда. Т. III. С. 91—92.

4 Дневники раскопок, произведенных в Черниговской губ. в 1881 г. В. А. Антоновичем // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археол. съезда. Вып. I. С. 28—29.

106

неолитической стоянки, 2) селище Ильминово, расположенное у болота между Сосницей и Березною («Полесье»), без каких бы то ни было признаков рва и вала (из находок характерны бусы, ножики, черепки, застежки, куски олова), и 3) селище «Баба», со следами неглубокого рва и вала и почти с тем же инвентарем, что и в Ильминове.¹ Окрестности Курска усеяны селищами, но вещественные памятники их мало исследованы. Наиболее характерным является селище по р. Сейму, на холме, недалеко от города. Там была обнаружена посуда зливкинского типа с отпечатками хлебных зерен.² Последние два селища в Сосниччине, Курские селища и Олегово поле представляют собой уже типичные открытые поселения-деревни, тяготеющие к окрестным городам. Землянки, характерные для VIII—IX вв., постепенно уступают свое место деревянным избам. Следы последних обнаружить, понятно, очень трудно, но именно отсутствие в поселениях землянок указывает на распространенность среди населения изб. О том, как «рубил» городки и отдельные строения из дерева в те древнейшие времена, мы имеем указания письменных источников.³ Население все еще жметя к речным долинам, но постепенно начинает отходить от рек и водных бассейнов и связанных с ними старых городищ. Последние пустеют, превращаясь в убежища, в которых время от времени скрывается население окрестных поселений-деревень. Выделение малых семей способствует появлению хуторов, заимок, выселков, но следы их открываются лишь случайно, и отсутствие каких-либо внешних признаков их существования не дает возможности организовать систематическое их изучение. Отдельные случайные находки, небольшие группки захоронений — вот часто единственные следы подобного рода формы общественного быта. Таким образом,

древние городища, укрепленные и расположенные главным образом по высоким берегам рек, в период разложения рода и возникновения феодальных отношений, в силу изменившихся социальных отношений населения, теряют свое значение, пустеют, и только известная часть их вследствие целого ряда причин (удобного местоположения в торговом и политическом отношении и т. п.) превращается в феодальные города различных размеров и значения. Старое городище в таких случаях служит базой для возникающего города. Наряду с развитием производительных сил в области сельского хозяйства и усовершенствованием земледельческой техники, огромную роль в разложении родового общества на высшей стадии варварства играло общественное разделение труда, отделение ремесленной деятельности от сельского хозяйства.

«С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, товарное производство, а вместе с ним и торговля, не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская. Имущественные различия между отдельными главами семей разрушают старую коммунистическую общину

'Виноградский Ю. Сосница та її околиця // Сборник «Чернипв і твшчне Шво-бережжя». С. 152—166.

²Соловьев. Стоянки, селища и городища окрестностей города Курска // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 4. С. 15—16; Булгаков Г. И. Курск в прошлом//Там же. 1927. № 1—2. С. 38—39.

³Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. С. 83—101.

107

большой семьи везде, где она еще сохранилась. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества».¹

«Когда же в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаро-производителей явился институт частной собственности», — указывает В. И. Ленин.²

Выделение ремесла в результате постепенного улучшения техники производства и появления новых орудий ремесленного труда, отделение его от сельскохозяйственной деятельности, обособление ремесленника от земледельцев — все это явилось величайшим стимулом распада рода, большой семьи, замены их поземельной территориальной общиной, а в дальнейшем своем развитии, сопровождаемое целым рядом попутных процессов, приводит к распаду общинных отношений, порождая дуализм сельской общины, несущий с собой распад доклассового общества и возникновение феодализма. В IX—X вв., в очагах распада древнего доклассового общества, процесс отделения промышленной деятельности от сельского хозяйства приводит в то же самое время к усилению имущественной дифференциации, столь слабо представленной в вещественных памятниках предшествовавшей эпохи VII—VIII—IX вв., а следовательно, к выделению экономически могущественных семей. Эти же последние служат провозвестником распада первобытнообщинных отношений и грозно встают против рода.

Археологические раскопки поселений VII—VIII и начала IX вв. не обнаружили следов выделения ремесла.³ Каждая большая семья представляла собой до известной степени самодовлеющее в экономическом отношении целое, и члены ее занимались и сельским хозяйством и ремесленной деятельностью. Простота и примитивность изделий способствовали тому, что почти каждый мужчина, член большой семьи или группы больших семей, живущих на данном городище, мог быть не только земледельцем, охотником, рыболовом, скотоводом, но и кузнецом, гончаром, бондарем и т. д. Железных вещей немного, они просты и однотипны. Много еще изделий из

кости. Посуду делали рунным способом. Подобного рода изделия не требовали ни особых навыков, ни выучки, ни специальных орудий труда. Развитие социальных отношений двигало вперед эволюцию орудий труда, а эта эволюция в свою очередь влияла на общественное развитие. IX— X века ознаменовываются процессом интенсивного выделения ремесла.

Необходимо будет только отметить, что принятые в свое время в археологии и истории положения о наличии ремесла в древней Руси удовлетворить нас не могут, хотя бы уже в силу того обстоятельства, что, трактуя о ремесле у славян IX—XII вв., археологи и историки пытались только показать, что выделялось (по возможности, конечно) и как выделялось, и на основании этого сделать вывод о наличии той или иной ремесленной

"Энгельс Ф. Соч. Т. XVI. Ч. I: Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 139.

2 Ленин В. И. Соч. Т. I. 1931. С. 72.

* Исключение представляет жилище ремесленника-гончара, раскопанное Н. Макаренко на городище «Монастырище».

108

деятельности. Но не каждый вещественный след древнейшего ремесла является указанием на существование самостоятельного ремесленника, уже в какой-то мере переставшего быть земледельцем, скотоводом и т. п. Поэтому, вполне естественно, для доказательства наличия в Северной земле в данное время, в IX—X—XI вв., отделившегося ремесла, мы будем брать только те материалы, которые помогут установить существование самостоятельного ремесленника, а не аморфной ремесленной деятельности члена семейной или сельской общины вообще. К этому мы и перейдем.

На отделившееся ремесло указывает, во-первых, появление клейм, как своеобразной примитивной «фабричной марки», на обломках посуды, извлеченных из городищ, селищ и т. п. С IX—X вв. появляется гончарный крут и исчезает старая лепная, грубая керамика, характерная для родового строя. Улучшается выработка, и устанавливается в определенных районах известный стандарт сосудов.¹ Появление клейм на новом типе посуды свидетельствует о наличии специалиста-ремесленника — гончара. Раскопками А. Федоровского на Донецком городище близ Харькова были обнаружены остатки гончарных горнов,² датируемых X—XII вв.³ В 80 саженях от с. Ницахи б. Ахтырского уезда, в раскопанных городищах Донецкого типа, были обнаружены днища сосудов с клеймом.⁴ Горшок с клеймом был найден у с. Грицевки Конотопского уезда.⁵ Обе последние находки датируются X—XI вв. На Донецком городище, кроме остатков гончарных горнов, найдены были многочисленные черепки сосудов, на днищах которых были клейма различного рода.⁶ Горшки с клеймами были обнаружены в б. Глуховском уезде Черниговской губ.⁷ Подобного же рода находки были сделаны у с. Гочева Курской области,⁸ у с. Хайловщины в Харьковской области. Одновременно с выделением гончарного ремесла и даже раньше его происходит процесс отделения от сельского хозяйства металлообрабатывающего ремесла. Первым ремесленником становится кузнец. Раскопки Ницахского городища обнаружили наличие ювелирного производства.⁹

'Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // Сборник «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества». ГАИМК. С. 120.

2Федоровский А. Археологические раскопки в окрестностях Харькова // Хронология археологии тамищества. Киев, 1930. Ч. I. С. 5.

3Самоквасов Д.Я. Выступление на XII Археол. съезде // Труды XII Археол. съезда. Т. III. С. 330—331.

4Багалея Д. И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ. // Труды XII Археол. съезда. Т. I. С. 6. 5 Там же. С. 51.

6Городцов В. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII Археол. съезда. Донецкое городище // Труды XII Археол. съезда. Т. I. С. 118—119; Федоровский А. Археологические раскопки в окрестностях Харькова // Хрошка археологи та мистецтва. Киев, 1930. Ч. I. С. 8.

7 А б р а м о в. Ітіонісі Ворошж на Чернигвщш // Сборник «Юбшейний збірник на пошану акад. Д. И. Багапя». С. 460—463.

8Сосновский. АтласГочевскихдревностей.

9Багалея Д. И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ. С. 6. Того же порядка, очевидно, обломки монет в специальных коробочках, находимые в некоторых могилах Черниговщины: Седневе и др. Не указывают ли они на лиц, подобных новгородским «сребряновесцам»? (Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. С. 205, 237).

109

Огромное количество железного шлака, наряду с готовыми железными изделиями (ножами, топорами, серпами и т. п.) и полуфабрикатами, около 10 форм для литья, найденные на Донецком городище, свидетельствуют о развитии железоделательного ремесла и о выплавке меди и бронзы. Во время археологических исследований Ю. Виноградским на Соснич-чине были найдены на городищах остатки железного шлака. 1 Несколько в стороне лежат находки из Зливкинского могильника близ хутора Зливки у озера Чернецкого б. Изюмского уезда Харьковской области, где обнаружено большое количество сосудов с клеймами, указывающих на развитие гончарного ремесла и датировемых VIII—IX вв. 2 Зливки по сути дела представляют собой менее развитую, как бы «деревенскую», провинциальную салтовскую культуру и, таким образом, должны быть причислены к неславянским памятникам. Но скорей всего носители зливкинской культуры, кто бы они ни были, к тому времени были настолько славянизированы, да и к тому же не отделены китайской стеной от окрестного славянского населения, что тот процесс, который начался в Салтове и в Зливках значительно раньше, нежели среди окрестных славянских поселений, еще во времена Хазарского каганата, процесс выделения и обособления ремесла, несмотря на то, что чем дальше на север и запад, тем он был слабее, имел известное влияние на ближайшие поселения собственно славян, способствуя внедрению подобных же явлений в общественную жизнь последних. Таким образом, бурное развитие отделившегося от земледелия ремесла в памятниках салтовской культуры не смогло не оказать влияния на тот же процесс у славян Северной земли. Правда, здесь, в Северщине, он позже начался, происходил медленнее и не в таких размерах, тем более, что, как мы это показали ранее, болгаро-аланский, «ясский», вклад в прошлое Северной земли был довольно значителен.

Усложнение техники производства ускоряет процесс отделения ремесла и улучшает качество изделия. Одновременно с этим устанавливается определенный стандарт изделий и прежде всего украшений. В частности, выдвинутая А. А. Спициным теория о принадлежности определенных типов височных колец определенным племенам находит себе подтверждение именно в данном явлении. В. И. Равдоникас отмечает, что разновидность колец внутри одного и того же племенного типа указывает на наличие различных ремесленных районов. 3 По отношению к Северной земле колебание форм внутри одного и того же типа выше было уже

установлено в виде отличия височных колец севера Черниговщины, с одной стороны, юга ее и Переяславльского района, с другой.

Гораздо труднее, нежели в металлообрабатывающем и гончарном производствах, проследить отделение ремесла от сельского хозяйства в других

1 Виноградский Ю. Археологич розшуки на Соснччш р. 1927 // Хроника археологи та мистецтва. Всеукр. Ак. наук. Ч. III. С. 42; Его же. Сосниця та її околїц" // Сборник «Черннть і твшчне Лтобережжя».

2Городцов В. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. в 1901 г. // Труды XII Археол. съезда. Т. I. С. 211—213.

3 Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. С. 121.

110

отраслях промышленной деятельности, как например в ткачестве, прядении, обработке дерева и т. п. На занятие этой деятельностью указывают находки пряслиц, каменных кружков от веретен, остатков льняных тканей, специальных ножниц для стрижки овец, шерстяной материи, кожухов, меховых шапок, найденных в могилах, различных изделий из кожи, деревянных поделок: дужек и обручей от ведер, гробов, остатков челнов и т. д.¹ Некоторые отрасли поименованной промышленной деятельности еще длительное время органически входили в круг хозяйственных работ любой крестьянской семьи, и выделение специалистов-ремесленников в данных отраслях хозяйственной деятельности менее характерно, хотя и среди ткачей, кожевников, плотников и др. к тому времени могли появляться не связанные с сельским хозяйством ремесленники, дающие продукцию высокого качества, о чем свидетельствует могильный инвентарь богатых захоронений и сожжений, заключающих в себе ценные украшения, сбрую, оружие и т. д. Эти изделия поступали в результате обмена на рынок и в результате обложения данью и оброком — к феодализирующейся верхушке. Летописный переяславец Ян Усмошвец является типичным примером такого рода кожевника.² На развитие ремесла указывает и ряд письменных источников, в первую очередь та же «Русская Правда», трактующая о ремесленничестве. В «Житии Феодосия Печерского» мы сталкиваемся с кузнецами, жившими в Курске.³ В Переяславле были Кузнечные ворота.⁴ Таким образом, IX—X вв. проходят под знаком развития ремесла, его обособления, а следовательно, разрушения первобытнообщинных родовых отношений. Одновременно начинается разложение сложившейся соседской общины. Выделение ремесла способствует имущественной поляризации. На одной стороне остается обнищавший член общины, на другой — обогатившийся. И это имущественное неравенство в сочетании с эксплуатацией рабского труда экономически могущественными семьями приводит не просто к появлению бедных и богатых, а эксплуатируемых и эксплуататоров.

Развитие и обособление ремесла является вторым фактором, способствующим разложению патриархально-родовых, первобытнообщинных отношений.

Рост ремесла, а с ним вместе обмена, торговли вызывает появление городов. Бросив даже беглый взгляд на карту древнейших городов Северной земли, мы видим, что большинство их действительно расположено очень удобно в смысле торговых и других связей или же занимают очень удобную стратегическую позицию, сочетающуюся часто с первым условием. В то же самое время число городищ VIII—IX вв. значительно больше, чем городов IX—XI вв. В свое время на обилие городищ, особенно в юго-западном углу северянской земли, указал еще Д. Я. Самоквасов, а новейший исследователь, Н. Макаренко, обращая внимание на невероятное

Самоквасов Д.Я. Северянские курганы и их значение для истории // Труды III Археол. съезда. Т. I. С. 188,191—196.

2 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 120. Заристов Н. Я. Промышленность древней Руси. С. 116. Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897. С. 160; Ипатьевская летопись под 1149 г.

111

количество городищ по Суле, Пслу и Ворскле, считает, что это явление свидетельствует о большой плотности населения, количество которого было вряд ли меньше, чем теперь, а число городищ приблизительно соответствует числу современных сел и деревень.¹

Данное явление и отсутствие материалов по поселениям XII—XIII вв. и ранее создали теорию городской Руси. Так, например, к городам причислил все городища Д. Я. Самоквасов. Другим исследователям это обстоятельство дало возможность говорить об опустошении древней Руси татарами, так как все городища рассматривались ими как города. Конечно, нельзя согласиться с Макаренко, считающим, что в древности население было не менее многочисленным, чем в XX в. На самом деле кажущееся уменьшение населения в IX—XII вв. есть не что иное, как простое изменение формы поселения, когда старые городища выделили из себя известную часть, трансформировавшуюся в феодальные города, а остальные отмерли, сохраняя значение лишь временных пристанищ. Громадное же количество поселений иного типа, а именно открытых «селищ», в которых жили потомки обитателей городищ, не менее многочисленные, чем их предки, просто еще не обнаружено, да и вряд ли когда-либо число обнаруженных селищ будет настолько велико, что нарисует такую же картину относительно высокой плотности населения, какую рисуют городища.

Трансформация городищ в города феодального типа в основном завершается в начале X в. Характеризуя древние города Северной земли, мы частично обрисовали Чернигов и Переяславль. Это были уже города в собственном смысле этого слова, имевшие внутри себя цитадель с укрепленным княжеским замком, двором, с домами, очевидно, окружающей князя знати, а с конца X и начала XI в. с новыми феодалами — церквями и монастырями. У стен «детинца» располагался торг, город-поселение. Позже и он обносился стеной и снова обрастал незащищенным поселением — «околоградьем». Вокруг города располагались княжеские, боярские и монастырские села, представленные ныне в виде столь редко обнаруживаемых селищ, упоминания о которых мы находим в письменных источниках. В некоторых из них были княжеские и, по-видимому, боярские дворы, представлявшие собой феодальный замок среди окрестных незащищенных сел смердов и прочего зависимого населения. К городу сходились пути — сухопутные и речные. Дороги получали свое название часто от городов, к которым они шли. Этим же именем назывались и ворота, как, например, в Новгород-Северске «Черниговские» и «Курские».

Город становится типичным феодальным торговым и ремесленным центром, в котором сосредоточивается различное, довольно пестрое, социально дифференцированное население: мелкий ремесленный и прочий «черный» люд, купцы, ведущие как внешнюю, так и достаточно к этому времени выросшую внутреннюю торговлю, и феодализирующаяся верхушка (князь, дружинники, земские бояре). Хотя в летописных источниках и не встречается упоминаний о сидевших по городам Северной земли «старцах

Макаренко Н. Городище «Монастырище»; Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли; Его же. Северянская земля и северяне по городищам и могилам; Его же. Древние города России и др.; Ляскоронский В. Ук. соч.

112

градских», но, несомненно, эта категория населения существовала в Северной земле так же, как в Киевской. Происхождение «старцев градских» надо искать в родовом строе. Эта категория населения в процессе феодализации X и начала XI в. исчезала; конечно, она не погибла физически, а трансформировалась из городской родовой аристократии местных знатных и богатых семей в феодалов. Городская «земская» знать либо сливалась с феодалами, что было чаще всего, или же погибала в борьбе с ними. Могучая сила северских городов, столь ярко выраженная во взаимоотношениях веча, городов, «земли» с князьями в XII в., как то мы увидим ниже, в значительной мере обусловлена развитием и складыванием в мощную классовую группировку «земского», не дружинного, боярства, генетически связанного с родовой аристократией города — «старцами градскими». На города, как ремесленные центры, указывают упомянутые выше свидетельства о «Кузнечных воротах» в Переяславле, кожевнике Яне Усмошвце, кузнецах в Курске. Строительное и каменнообрабатывающее ремесло представлено в виде древних каменных кладок в Чернигове.¹

Старые центры времен родоплеменного быта уступают свое место новым, из которых вырастают феодальные города. Так же, как в свое время Гнездово уступило свое место Смоленску, так и Чернигов вырос рядом с отжившим свой век Седневым. Остатки поселения на месте нынешнего села Седнева, расположенного на берегу реки Снови в 20 км от Чернигова, обнаруживаются в виде громадной группы курганов. Д. Я. Самоквасов насчитал до 40 больших и 150 малых курганов, но в XVIII в., во времена Шафонского, оставившего описание Черниговского наместничества, их было по крайней мере в два раза больше. Погребения встречаются трех типов: курганы с кострищами, по типу и инвентарю напоминающие большие черниговские, но гораздо грубее, примитивнее, беднее, курганы с сосудами и курганы с костяками.² Срубные погребения, курганы бронзового века и бронзовые орудия, найденные в Седневе, свидетельствуют о его древности.³ Расцвет Седнева приходится на VII—VIII вв., тогда как черниговские могилы датируются IX в., а большие курганы X в. В IX—X вв. центр переносится из Седнева в Чернигов, который становится подлинно феодальным городом. Этому не мало способствовало то, что Чернигов лежал на водной артерии Десны, тогда как Седнев оказался отдаленным от водного торгового пути, игравшего немаловажное значение в процессе развития и консолидации отдельных феодальных центров. Возможно, что процесс переноса центра из Седнева в Чернигов не обошелся без борьбы, не был просто механическим перемещением главного поселения Придесенья, а сопровож

Следы каменной кладки, причем кирпич аналогичен кирпичу фундамента Спасо-Преображенского собора, обнаружены Д. Я. Самоквасовым в Черной могиле, датируемой X в. См. вышеупомянутые его труды.

²Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории // Труды III Археол. съезда. Т. I. С. 193—195; Его же. Могилы русской земли. С. 201—205.

См. указанные работы Д. Я. Самоквасова; Его же. Основания хронологической классификации. С. 10; С п и ц и н А. А. Обзорение губерний в археологическом отношении. Черниговская губерния // Записки Русского археол. о-ва: Труды Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. I—II. С. 128; Смол ич ев П. Чернипв та його околиць за часів великокшшвсьях // Сборник «Чернипв і швшчне Швобережжя». С. 120—122.

113

дался вооруженным разгромом господствующей в Седневе родо-племенной знати феодализирующей княжеской дружиной Чернигова. На это, быть может, указывает обилие убитых в курганах Седнева.

Позднее, на месте Седнева возникает древний Сновск с крепкой феодальной организацией — Сновской тысячей. С. В. Юшков совершенно правильно отмечает, что в период родоплеменного строя существовала военная организация, которую он именует «тысячной».

Племенная дружина делилась на тысячи, сотни, десятки во главе с тысяцкими, сотскими, десятскими. «При завоевании племен киевские князья были вынуждены ставить в племенных или в других крупных центрах свои гарнизоны. В племенных и особенно важных центрах они ставили большой гарнизон — тысячу, которая распадалась на сотни; тысяцкий был начальником гарнизона, а сотские — командирами отдельных частей».¹

Таким образом, племенной центр — Седнев — превратился, после разгрома его княжой дружиной, в Сновскую тысячу, а центр Придесенья переместился в стоявший на более удобных речных торговых и военно-стратегических путях феодально-княжеский Чернигов.²

Итак, еще одним звеном в общей цепи развития феодальных отношений является возникновение феодальных городов — ремесленных и торговых центров и феодальных резиденций.

Вместе с процессом парцеллирования хозяйства, с развитием имущественной дифференциации, с выделением ремесла происходит быстрое развитие внутренней и внешней торговли, обмена, в свою очередь ускоряющих дальнейшее укрепление частной собственности. Города являются местом средоточия торговли. В числе городов, упоминаемых в первом торговом и дипломатическом договоре Руси с греками, заключенном, по летописи, в 907 г. Олегом, на которые греки дают уклады, встречаются Чернигов, Переяславль, Любеч.³ При этом первый, судя по контексту, является вторым после Киева по значению городом в древней Руси, во всяком случае южной части среднего Приднепровья, «внутренней» Руси (Константин Багрянородный). Немаловажное значение имели Переяславль и Любеч, в противном случае, они не были бы упомянуты в договоре. О Чернигове, как большом городе и крупном торговом центре, говорит и Константин Багрянородный. Одновременно с Черниговым, он говорит и о Любече.⁴ Системой Днепра все эти города были втянуты в орбиту великого водного пути «из варяг в греки». По договору Игоря с греками 945 г. черниговские и переяславльские купцы получают от греков содержание.⁵

Мы не будем подробно останавливаться на сложившемся в IX в. великом водном пути, соединяющем Скандинавию с Византией и прошедшем

Юшков С.В. Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Кшвськш Русі. С. 32.

² Аналогичные явления имели место и в других центрах Северной земли; так, например, на смену древнему Ратманскому городищу приходит Курск, а расположенное в 7 км поселение языческой поры перерастает в феодальный Ольгов (Льгов).

³ «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 30.

⁴ Известия византийских писателей о северном Причерноморье // Известия ГАИМК. Вып. 91. С. 8.

⁵ «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 48.

114

через всю территорию древней Руси. Его значение достаточно известно. Анализ одних лишь только договоров русских с греками устанавливает активное участие городов Северной земли в торговле с Византией — Восточным Римом. Торговые связи с весьма отдаленными странами, в том числе даже с древним Египтом, устанавливаются населением Северной земли в гораздо более раннюю эпоху, чем

непосредственно предшествовавшая созданию Киевского государства. Со времен кимеров эта область втягивалась в торговлю. Находки отдельных вещей, явно не местного, а привозного происхождения, устанавливают наличие торговых сношений с VII в. до н. э. и ранее. Обильные клады греческих, римских монет, датируемые I—IV вв. н. э., довольно часты на территории Северной земли. Затем наступает как бы перерыв, а с VII и главным образом с VIII в. снова начинают встречаться клады и отдельные находки саманидских диргемов и византийских солидов, причем в VIII в. или начале IX в. превалируют арабские монеты, а в IX—X вв., особенно под конец этого периода, первое место занимают византийские монеты, хотя в восточной части Северной земли по-прежнему господствуют арабские монеты.¹ Большинство исследователей, занимающихся специально вопросом о торговых связях древней Руси, отмечает, что великий водный путь «из варяг в греки» — сравнительно поздний эпизод в истории Восточной Европы. Гораздо более древней торговлей, нежели византийская, является торговля славян с Востоком и прежде всего с арабами, имевшая немаловажное значение в истории Северной земли. Расцвет торговли с арабами падает на VIII—IX вв. и на времена владычества в Восточной Европе Хазарского каганата.

Северская земля еще в составе Хазарского каганата была вовлечена в орбиту торговли с Востоком. На нее указывают неоднократные находки целых кладов и отдельных восточных монет на всей территории Левобережья.² Исследование топографии кладов восточных монет на Левобережье позволяет сделать вывод об основных путях восточной торговли и торговых центрах ее, связанных с Востоком. Первым и основным путем несомненно являлся Волго-Донецкий путь, соединяющий систему Волги с Доном, Северским Донцом, Осколом, Сеймом, Десной и Днепром. Бас

Марков. Топография кладов восточных монет, Антонович В. В. Черты быта русских славян по курганным раскопкам. С. 135; Г о т ь е Ю. Железный век в Восточной Европе. С. 233—235; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 41, 205, 222—239; Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. С. 85—87; Любомиров. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. // Ученые записки» Саратовского ун-та. 1923. Т. I. Вып. 3. С. 18—19, 21, 30—32; Багалея Д. И. Нарис історії України на соціально-економічному ґрунті. Т. I. С. 282; Его же. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 100—101, 103—105; Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 33—34; Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства. С. 73, 82—83, 84—85, 94—96, 99, 101, 111; Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. I. С. 255—266, 372. См. также: Савельев. Мухамеданская нумизматика; Лященко. История русского народного хозяйства; Святловский. Прimitивно-торговое государство, как форма быта; К у л и ш е р. История русской торговли; Его же. История русского народного хозяйства. Т. I и др.

² См. указанные работы Д. Я. Самоквасова; Готье Ю. Железный век в Восточной Европе; Любомиров. Ук. соч. С. 20—21; Верзилов А. Найдавшій побут Черніпвськo! околиць" // Сборник «Черніпв і швшчне Лівобережжя». С. 66.

115

сейн Донца характеризуется обилием кладов восточных монет. В этих местах торговля северян протягивалась к Салтовским поселениям, откуда пути шли далее на Восток, в Хазарию, Итиль, Семендер, даже Багдад и Среднюю Азию.¹ Донец и Оскол соединяли с Востоком южную часть Северной земли — Ворсклу, Сулу, Псел. Исследователь топографии кладов восточных монет, П. Любомиров, замечает: «В рассмотренном районе, включающем территории северян, полян, древлян и бужан, восточные монеты сосредоточены, в сущности, почти только на путях к Дону (или с

Дона), на Десне, от впадения Сейма, и по Днепру. Только здесь имеем мы монеты от VIII и первой половины IX века, только здесь крупные клады. Верстах в 75—100 от этих путей почти лишенные или совсем лишенные находок пространства. В иные из этих районов попадают случайные и поздние — сплошь X века (кроме аббасидского, найденного где-то в Подольской губернии) диргемы; из крупных кладов заслуживает внимание только находка в селе Медведове, Стародубского уезда, но и там самая старая монета — исхода IX века (896 г.), а весь клад самого конца X века. Также датируются даже находки Гомельского у., более близкие к Днепру. Таким образом, несмотря на очень длительное участие среднего Поднепровья в торговле с Востоком, она была делом немногих крупных центров: не только в до-норманнский период, но и к концу нами изучаемого даже среди полян и северян деревенская масса была еще сравнительно слабо и не повсеместно втянута в эти торговые обороты».2

Славяне-русы торговали в Итиле, Семендере, пробирались в Багдад, связывались с далеким Хорезмом, проникали в землю волжских болгар. Описание их торговли достаточно известно, и поэтому мы не будем останавливаться на этом подробно, отослав интересующихся хотя бы к работам М. С. Грушевского.3 Но были ли северянами руссы восточных писателей: Ибн-Хардадбега, Ибрагима Ибн-Якуба, Аль-Балхи, Ибн-Хаукаля, Ибн-Фадлана, Истахри, Масуди и др.,4 торговавшие на востоке и совершавшие походы на Каспий?5

Как уже было отмечено Д. Я. Самоквасовым в его докладе о северянских курганах и их значении для истории на III Археологическом съезде, описанный Ибн-Фадланом обряд погребения русса почти в точности совпадает с обрядом захоронения в больших Черниговских курганах типа «Черной могилы».

Таким образом, наличие громадного количества найденных восточных монет, набрасывающих известную карту древнейших торговых путей к Востоку, и сходство руссов арабских источников с северянами подтверждают сам собой напрашивающийся из сказанного в предыдущих главах вывод о тесной связи определенной части населения Северной земли с Востоком, связи торговой.

1 Лю б о м и р о в. Ук. соч. С. 18 и др.; Г а р к а в и А. Я. Ук. соч. С. 277,219,192.

Любомиров. Ук. соч. С. 20. 3Грушевский М. С. Історія Украши-Руси. Т. I. С. 257—466.

См. вышеприведенные работы Гаркави, Куника, Хвольсона, Розена, Туманского, Вестберга.

5Мавродин В. В. Первые походы русских по Каспийскому морю // Морской сборник. 1939. №9.

116

Торговля с Востоком шла и через болгар. С камскими болгарями северянские купцы торговали через Муром, где также обнаружены клады восточных монет. Немаловажное значение играла и торговля по Дону, связывавшая Северскую землю с Тмутараканью, хотя кладов восточных монет по течению Дона найдено немного. В Тмутаракани были русские купцы не только из Северской земли, но и из Киевской, на что указывает наличие камней для балласта судов из породы, которая встречается главным образом под Киевом.1 В большинстве случаев торговые сношения велись по водным артериям, многие из которых, ныне пересохшие, в то время были более приспособлены для плавания, чем в позднейшие времена. Так, например, в свое время были найдены остатки древних судов на реках, ныне совсем почти несудоходных, например, Остре, Альте, Трубеже, Супое, Удае, Переводе, не говоря уже о более полноводных, как Десна, Сула, Хорол, Ворскла и др.2 Кроме того, на целом ряде рек, и ранее по-видимому недостаточно глубоководных, практиковался сплав судов во время половодья. Помимо водных путей, существовали и сухопутные, по которым двигались

караваны. Один из таких путей, а именно из Курска в Киев, описан в «Житии Феодосия Печерского». Дорога из Курска в Киев продолжалась три недели. В то время существовали уже, по-видимому, Залозный, Соляной и Греческий пути, обслуживавшие и Северскую (в частности, главным образом выделившееся впоследствии Переяславльское княжество) и Киевскую земли.

Немаловажную роль, как торговый центр в древнейший период, наряду с Черниговым, Любечем, Переяславлем, играл и Курск, лежавший на соединении Десны с Доном и Волгой через Оку.³ Феодосий Печерский идет из Курска в Киев с караваном купцов — «странников».

Днепровский путь через Десну, Сулу, Псел, Ворсклу связывал Северскую землю с Византией, включал ее в великий водный путь «из варяг в греки», правда, более поздний по происхождению, чем пути на Восток, пути торговли с арабами.

Относительно высокое развитие торговли, а в этом отношении Северская земля уступала на юге древней Руси лишь Киеву, вполне естественно продиктовало создание своей денежной единицы. В 1878 г. под Новгород-Северском были найдены серебряные гривны, по форме отличавшиеся от новгородских и киевских гривен.⁴ Монет собственной чеканки в Чернигово-Северской земле не обнаружено, если не считать за таковые

Этим указанием я обязан М. И. Артамонову.

2 Барсов Н. П. География начальной летописи. С. 82; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 246—247; Материалы по археологии Черниговской губ. // Труды Московского предварительного комитета по организации XIV Археол. съезда. Вып. I. С. 75.

3 Истоки притока Сейма, Семицы, сближаются с истоками Корочи — притока Северско-го Донца, а истоки рек Свапы и Снови — притока Тускари — с истоками Оки. Здесь основное звено Днепровско-Донецко-Азовского и Днепровско-Волжского путей.

4 Багалея Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 296; Спицин А. А. Обзорение губерний в археологическом отношении. Черниговская губерния // Записки Русского археологического о-ва: Труды Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. I—II. С. 130—131.

117

монеты тмутараканского князя из рода северских князей Олега-Михаила, найденные в нескольких экземплярах на Тамани.¹

В данной главе мы останавливаемся лишь на древнейшей торговле в Северской земле, и целый ряд вопросов, связанных с ней, но относящихся к более позднему периоду, новые торговые пути и формы обмена будут служить объектом рассмотрения в следующих главах.

Сами продукты торговли добывались и в результате внеэкономической эксплуатации зависимого населения путем дани, когда основной ее формой была дань покоренного населения, уплачиваемая наиболее ценным предметом экспорта — мехами, и в результате захвата самого населения в рабство для последующей продажи на рынках Востока, за что Русь получила, по свидетельству Вениамина Тудельского, название Ханаана, и путем торговых сделок, купли, продажи, обмена. Последнее обстоятельство вызывало развитие внутренней торговли между городами и между сельским населением и городами, причем, конечно, нельзя сказать, что торговля проникала во все уголки Северской земли, что она стала необходимой для всего сельского люда. Деревня участвовала во внешней торговле главным образом пассивно, отдавая княжам дружинникам основную массу своих ценностей. Часто сам сельский житель, захваченный в плен, становился товаром. Накопление ценностей,

поступающих в результате сбора дани, в руках князя и его дружинников, превращение дани в товар, наличие наряду с голым принуждением свободного обмена, торговли — усиливало имущественную дифференциацию, способствуя ускорению процесса распада общины и развитию феодальных отношений вширь и вглубь. Торговля, захватывая в орбиту своего влияния все большее и большее количество областей с общинными поселениями, разлагает общину, способствуя еще большему укреплению экономически могущественных семей и обнищанию маломощных. Создаются условия для возникновения феодала внутри самой общины, и он не замедляет появиться. Этот процесс ускоряется и оформляется под влиянием вовлечения данных районов в орбиту феодальных отношений, сложившихся в передовых районах и городах Восточной Европы. Растет социальная дифференциация, подготавливающая распад общинных отношений и выделение господствующей классовой феодальной группировки. Оставшаяся община становится уже организацией угнетенного класса, объектом эксплуатации выделившейся феодальной верхушки.

Постараемся показать этот процесс так, как он рисуется по вещественным и письменным памятникам.

Археологические исследования указывают на значительную имущественную дифференциацию населения в IX—X вв. Это прежде всего бросается в глаза при изучении качества погребального инвентаря. Дорогие ткани, изящная отделка ремней, пряжек и украшений, серебряные и бронзовые изделия, золотые украшения, специальные туалетные принадлежности вроде пинцетов, отделанные бронзовой проволокой сапоги, выложенные серебром изделия из кости, как, например, знаменитые туры

Репников Н. И. О древностях Тмутаракани // Труды секции археологии. РАНИОН. 1928. Т. IV.

118

рога из «Черной могилы» в Чернигове, золотые и серебряные перстни и пуговицы, диадемы и т. д. характеризуют собой погребения знати.¹

С другой стороны, также повсеместно в массовых остатках трупосожжений мы сталкиваемся с бедным инвентарем. Вместо громадных курганов с кострищами наблюдается захоронение золы от сожженного на стороне трупа в урне и очень бедный инвентарь, попорченный огнем. Столь же бедный инвентарь характерен для обычных погребений Чернигово-Северской земли, датируемых главным образом X веком, за исключением Курской и Полтавской областей, где инвентарь погребений не столь однообразен и несколько богаче, хотя там нет той роскоши, которую мы отмечаем в больших курганах Чернигова.² Бусы, ножики, обычные ткани, бедные украшения, грубые изделия из кости, железа и т. п. характеризуют погребения основной массы населения. Вещественные памятники рисуют нам картину интенсивного социального расслоения в IX—X вв. К этому времени здесь сложилась уже определенная группировка знати, владевшей большими богатствами. Большие Черниговские курганы с кострищами, с находящимися в них предметами украшений и роскоши, являются могилами этой знати. Ей противостоит основная масса общинников, по своей экономической мощи резко отличающаяся от знати. Яркая выраженная имущественная дифференциация, как условие для дифференциации социальной, создает внутри данного общества деление на бедных и богатых. Из кого состоят богатые? Из феодалов или родовой знати? На основе одних только данных об имущественном неравенстве, как оно выясняется нам при изучении вещественных памятников, ответить на этот вопрос невозможно. Нужна вся сумма прочих данных, свидетельствующих о наличии к тому времени феодальных отношений, для того чтобы считать большие Черниговские курганы могилами феодалов, хотя бы только появляющихся.

Привлечем еще некоторый интересный материал для характеристики той знати, которая хоронила своих покойников в больших курганах Северной земли. Это прежде всего знать военная — дружинники. В богатых могилах знати в городищах типа Донецкого, Ницахского, Гочева и др. найдено разнообразное оружие — мечи, сабли, ножи («засапожные мечи»)

Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории // Труды III Археол. съезда. Т. I. С. 219 и др.; Его же. Северянская земля и северяне по городищам и могилам; Его же. Могильные древности Северянской Черниговщины; Его же. Могилы русской земли; Смоличев П. Розкопи аверянсьях могш в с. Шестовиц" на Чернипвщднл у лгтку 1925 року // Журнал «Украша». 1926. Кн. 1. Курган у Шестовиц Смоличев, Рызевская (К варяжскому вопросу. С. 613) и Арне (Acta archaeologica. 1931. Vol. II) считали норманнским. А. Арциховский (Лекции по археологии. Литогр. изд. МГУ, 1938) совершенно справедливо считает его русским.

Спицин А. А. Обзорение губерний в археологическом отношении. Черниговская губерния // Записки Русского археол. о-ва: Труды Отделения русской и славянской археологии. "Т. VIII. Вып. I—II. С. 124—125; Толстой, Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Т. V. С. 14—17; 71; Верзилов А. Найдавший побут Чернипвсько1 околиц // Сборник «Чернипв і твшчне Л1вобережжя»; Готье Ю. Железный век в Восточной Европе. С. 109; Рыбаков Б. А. Радзімчы. С. 126; Грушевский М.С. Історія Украши-Руси. Т. I. С. 235—236; Арциховский А. В. Русская дружина по археологическим данным//Историк-марксист. 1939. № 1.С. 193—194.

"Готье Ю. Железный век в Восточной Европе. С. 226—227; Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории. С. 219 и др.

119 курян «Слова о полку Игореве»), копьа, боевые топоры — «секиры», стрелы четырех видов, шлемы, кольчуги, бляхи от щитов, уздечки, стремяна, брони, ядра, пращи и т. п. Датируются эти находки IX—XI вв. и в массе своей встречаются лишь в богатых погребениях. Многие из них близки по типу переднеазиатским образцам (шлемы, кольчуги). В бедных погребениях простых людей встречаются лишь копьа, ножи, стрелы, топоры, и те в XI—XII вв. постепенно исчезают, уступая свое место одним ножам.¹ Таким образом, сам собой напрашивается вывод о выделении и усилении общественной верхушки, воинов-дружинников, постепенно превращавшихся в мощную силу, угнетающую прочее население. Оружие все более и более становится монополией господствующей знати, а подвластное ей население ею же разоружается. Новое, совершенное оружие принадлежит лишь знати, тогда как беднота довольствуется старым. Оружием ее остаются нож, топор и прочие орудия, необходимые не только в боевой обстановке, но и в сельском хозяйстве, на охоте, промыслах и т. п. Некогда примитивное однообразное оружие общинников исчезает, уступая место дифференцированному оружию дружинников и простому вооружению смердов — ножу и топору. Именно это оружие служит смерду в его восстаниях против феодалов, и недаром иллюстратор Кёнигсбергского (Радзивилловского) списка летописи вложил в руки восставших смердов топор.² Северянский воевода Претич, как он представляется нам по летописи, — уже закованный в броню дружинник. Под 968 г. летописец упоминает о том, как Претич дарит печенежскому князю броню, щит и меч — типичное оружие Северянских курганов знати, а последний в свою очередь одаривает Претича конем, саблей и стрелами.³ Мечи производились и своими, местными кузнецами-оружейниками, ввозились и из стран Запада. Это были знаменитые «франкские мечи» Руси западно-европейского и скандинавского происхождения, о которых говорят восточные писатели. Находки их на территории древней Руси не редки.⁴

Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам; Его же. Могильные древности Северянской Черниговщины; Дневник раскопок, произведенных в Черниговской губ. в 1881 г. Вл. Бониф. Антоновичем // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археол. съезда. Вып. I. С. 33—34; Материалы по археологии Черниговской губ. // Там же. С. 40—46; Городцов В. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII Археол. съезда. Донецкое городище // Труды XII Археол. съезда. Т. I. С. 120; Его же. Ницахское городище//Там же; Бага-лей Д. И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ. // Труды XII Археол. съезда. Т. I. С. 56—57, 69, 76; Федоровский А. Археологические раскопки в окрестностях Харькова//Хрошка археологическая мистецтва. Киев, 1930. Ч. I. С. 9; Соколовский. Атлас Гочевских древностей; Рыков П. С. Юго-восточная граница радимичей; Рыбаков Б. А. Радимичи. С. 109, 118, 126 и др.; Антонович В. Б. Черты быта русских славян по курганным раскопкам. С. 131—133; Грушевский М. С. История Украины-Руси. Т. I. С. 239—241; Арциховский А. В. Русская дружина по археологическим данным//Историк-марксист. 1939. № 1.

" Иллюстративный список Кёнигсбергской летописи (Радзивилловской). Изд. фототипическое, под 1071 г.; Арциховский А. В. Миниатюры Кёнигсбергского списка летописи.

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 65.

См., например, статью В. И. Равдоникаса в сборнике «Из истории докапиталистических формаций».

120

Прочее оружие, конечно, главным образом оружие знати, также часто было привозным, тогда как основная масса населения пользовалась изделиями ремесленников или даже своими собственными. Стоит вспомнить хотя бы «мечи харалужные» и «шеломы аварские» «Слова о полку Игореве», — и нам ясным станет вопрос о дорогом привозном оружии дружинной знати. Постепенно, начиная с X в., тяжелый прямой меч уступает свое место более легкой и удобной сабле, о чем свидетельствует «Слово о полку Игореве».1

Таким образом, рассматриваемый нами период характеризуется процессом складывания четырех основных социальных категорий северянского общества:

1) экономически слабого земледельца-общинника, в той или иной мере уже зависимого от воина-дружинника; 2) ремесленника; 3) купца и 4) воина-дружинника.

Община расслаивается все интенсивней и интенсивней. Начавшееся внутри нее разделение труда между земледельцем и ремесленником, дуализм, присущий общине, приводит к имущественной поляризации. Выделяющаяся военно-дружинная прослойка становится единственной вооруженной силой и подчиняет себе остальные группы населения.

Кто были эти дружинники — родовая знать, рабовладельцы или феодалы? Какие формы зависимости складывались в то время в Северской земле?

Древнейшие письменные памятники — договоры русских с греками, «Русская Правда», — не говоря уже о летописи, служат документами, относящимися к истории Северской земли так же, как они относятся к Киевской, Новгородской, хотя бы потому, что «Русская Правда» Ярославичей составлена тремя князьями, в том числе Святославом Ярославичем Черниговским вместе с его «мужем». В создании «Устава Мономаха» также принимал участие Иванка Чюдинович, «муж Олега Святославича.

Договор с греками, по летописи заключенный Олегом в 907 г., говорит следующее:

«И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом дяти уклады на Руския грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на

Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочаа города, по тем бо городам седяху велиции князи, под Олгом суще».2 В договоре 911 г. упоминается о боярах: «От Олга, великого князя Руского и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр».3

Договор, заключенный Игорем в 945 г., упоминает о «месячном» и «слебном», выдаваемых греками киевским, черниговским и переяславль-ским гостям, о «княжье» и «болярах».4

Пришедший на помощь осажденному в 968 г. печенегам Киеву глава дружины «оноя страны» Днепра, северянский воевода Претич, несомненно был из числа тех «великих» и «светлых» князей, о которых говорят договоры русских с греками. Он был воеводой Святослава, но прежде всего

'Арциховский А. В. Русская дружина по археологическим данным // Историк-марксист. 1939. № 1. С. 195.

2 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 30.

3 Там же. С. 32.

4 Там же. С. 46—48.

121

князьком Северской земли. Мы не можем сказать, был ли он князем всей Северской земли, или только ее части; последнее вернее. Большие могилы Чернигова и его окрестностей и являются могилами этих «великих» и «светлых» князей Северской земли. Последняя из них относится ко второй половине X в. — это «Черная могила», самый богатый курган на Руси.1 Но и до этой поры мы можем считать несомненным наличие князей и бояр, о которых говорят договоры с греками. Могилы их значительно отличаются от обычных погребений родовой знати (старшин). Эти погребения были распространены в Седневе — центре Придесенья в эпоху родового строя. В Седневе насчитывается около 40 погребений знати, инвентарь которых значительно богаче, чем в массе простых погребений рядовых членов рода. Но, как было уже указано ранее, этот же инвентарь свидетельствует о большей их архаичности по сравнению с погребениями черниговской знати.2 Это вполне естественно. Многочисленная родовая верхушка Седнева уступает свое место более малочисленным, но богатым и сильным князькам и дружинникам Чернигова.3 В Чернигове обнаружено всего пять могил знати, несравненно более богатых, чем седневские, и более поздних по своему происхождению.

Легенда о князе Черном и княжне Черной (Чорне), передававшаяся старожилками из уст в уста еще в первой половине XIX в., в какой-то мере отражает действительность. Несомненно, в IX—X вв. в Северской земле существовали свои князья, своя знать, трансформирующаяся из родовой аристократии в господствующий класс. И если предание не подтвердилось, так как, например, в могиле княжны Чорны обнаружено мужское погребение, то все же известная доля истины в нем несомненно есть.4

Большие Черниговские курганы очень интересны, так как сам факт их созидания свидетельствует о громадных затратах человеческого труда, быть может, труда зависимого населения.

Не может быть и спора по вопросу о том, пришлому или автохтонному населению принадлежат большие Черниговские курганы. Обычай сожжения и похоронения один и тот же и в богатых и в бедных могилах.5 На то, что это была местная, господствующая знать, указывает хотя бы то обстоятельство, что имена погребенных в могилах X в. летопись не сохранила. Они не были «Рюриковичами» в представлении летописца,

Завитневич. Начальная страница из древнейшей истории Чернигова //Труды XIV Археол. съезда. Т. III. С. 73—74: Арциховский А. В. Русская дружина по археологическим данным//Историк-марксист. 1939. № 1.С. 194.

2Смоличев П. Черпгтв та його околиц за чаав великокшшвевьюх//Сборник «Чернипв і швшчне Лівобережжя». С. 120—122.

3 «Великих» и «светлых» князей договоров долгое время рассматривали как родовых князьков. Ими же считали в свое время болоховских князей, пока, наконец, раскопки на Украине, вскрывшие феодальный характер болоховских князей, не заставили исследователей переменить свое мнение. Со временем, надеемся, подобное открытие будет сделано и в Северной земле.

4Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории; В е р з и -лов А. Найдавший побут Чернипвської околиц // Сборник «Чернипв і швшчне Лівобережжя». С. 66.

5Завитневич. Ук. соч.; Арциховский А. В. Русская дружина по археологическим данным//Историк-марксист. 1939. № 1.

122

и он их, вполне естественно, не знал. Наличие в их могилах замков, серпов¹ указывает, во-первых, на развитой институт частной собственности, а во-вторых — на эксплуатацию сельского населения, так как серпами пользовалась, конечно, не знать, а те, кто вынужден был на нее работать. Серпы в могилах знати — пережиточное явление, но в данном аспекте чрезвычайно интересное.

Богатые могилы и курганы Северной земли несомненно представляют собой погребения местной знати. Северяне вступают в последнюю стадию варварства, и эта знать уже превращается в господствующий класс.

Появляется рабство.

Об этом говорят, прежде всего, так называемые «сопроводительные погребения». В «Черной могиле» было обнаружено огромное кострище диаметром в 11 м.

Судя по остаткам костей и вещей, на костре было сожжено несколько человек, в том числе женщин, за что говорит наличие женских украшений.

Подобного рода сожжения свидетельствуют о том, что вместе с князем (а «Черная могила», по-видимому, была могилой именно племенного князя) сжигались и принадлежавшие ему рабы и рабыни.

О подобном обычае русов сжигать своих покойников говорит Ибн-Фадлан.

У с. Шестовицы раскопками 1925г. обнаружено сопроводительное погребение рабыни.

Подобные сопроводительные погребения были именно погребениями рабынь-наложниц, а не свободных жен, так как они встречаются лишь в богатых могилах. Это подтверждается и наличием многочисленных отдельных погребений свободных женщин.²

Договоры русских с греками, древнейшая редакция «Русской Правды», так называемая «Правда Ярослава», и другие источники рисуют нам уже классовое общество. Налицо первое разделение общества на классы — рабов и рабовладельцев, о котором говорит В. И. Ленин в «Лекции о государстве». В договорах упоминается о «челяди». Рабы были в хозяйстве у матери Феодосия Печерского, и с ними он работал.³ Малуша, мать Владимира, дочь Малка Любчанина, родом из того города, от имени которого он получил свое прозвище, была рабыней-ключницей Ольги.⁴ Раб — первая категория зависимого населения, встречающаяся в «Русской Правде». Рабов эксплуатируют. Времена отмечаемого Псевдо-Маврикием легкого рабства у славян прошли вместе с разложением родового строя. Выделившаяся из общины верхушка — бояре и великие князья — превращается в господствующий класс, базируясь, во-

первых, на своем экономическом могуществе, во-вторых — на эксплуатации рабочей силы раба в своем

Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории; В е р з и -лов А. Ук. соч. С. 71.

2Смоличев П. Розкопки аверянских могил в с. Шёстовиц на Чернипвдш у лгтку 1925 року // Журнал «Украша». 1926. Кн. I; История СССР (на правах рукописи). Т. I. Ч. III—IV. С. 466—467.

Патерик Киевского Печерского монастыря. Изд. 1911. С. 17.

Шахматов А. Разыскания... С. 373. О наличии рабынь-наложниц свидетельствуют также указанные выше погребения женщин рядом с мужчинами.

123

хозяйстве. Это еще более усиливало господствующую верхушку, ослабляло прочих общинников и приводило к тому, что путем открытой экспроприации, закабаления, ссуд и т. п. господствующая знать распространяла свое влияние и, следовательно, эксплуатацию на своих бывших соплеменников, сородичей и сообщинников. Патриархальное рабство перерастает в феодальные формы зависимости.

«Челядь», первая категория зависимого населения во времена «Русской Правды», сложная и в то же самое время аморфная, вырастает из патриархального рабства.

В глубокой древности термин «челядь», «челядо» означал семью, детей, лиц, подчиненных власти отца, патриарха. Позднее, в состав семьи входили пленные, причем сами пленные могли быть рабами, слугами, а иногда, по прошествии определенного срока, «свободными» членами семьи и «друзьями, как говорит о подобного рода явлении у славян Псевдо-Маврикий (Маврикий Стратег). Еще позже, в VIII—X вв. и во времена «Русской Правды», «челядь» обнимает собой разновидности барской дворни, вышедшей из патриархальной familia; термин живет и в процессе своей жизни заполняется новым содержанием, обнаруживая, однако, тенденцию к исчезновению. По своему содержанию он столь же сложен, сколь и важен для правильного понимания общественных отношений IX—XII вв.»¹ «Челядь» — прежде всего рабы, приобретаемые главным образом в результате «полона», в процессе войны или «полюдья», которое часто не отличалось от первой. В ряды «челяди» становится, по-видимому, и общинник. Но понятие «челядь» несколько шире, чем собственно раб — «холоп». Челядью являются и слуги, работающие в хозяйстве или управляющие им, как то: тиуны, старосты — сельский и ратайный и т. д., в военное время составляющие личную дружину какого-нибудь «светлого» и «великого» князя, или «великого боярина». Эти слуги, фактически отличаясь своим положением от простого раба, юридически являются теми же рабами. Сам факт, что все, в какой-то мере попавшие в зависимость от князя или боярина, становятся в положение раба, — чрезвычайно характерен для того времени. «Челядью» называется всякий, попавший в результате главным образом «полона» в рабскую или полурабскую зависимость от господина, играющий даже роль первого слуги, а не только раб. Небольшое по своим размерам хозяйство, включающее в себя запашку, сады, огороды, выпасы и выгоны для скота, сам скот, «бортные ухажай», «бобровые гоны», «ло-вища» и «перевесища», и прочие промыслово-охотничьи и рыболовные угодья, держится на «челяди», точнее — на эксплуатации труда челядинов. Они обслуживают и собственно хозяйства князя, и хозяйства «великих» и «светлых» князьков, и бояр (в большинстве случаев дружинников князя, составляющих его «переднюю» дружину), и их «двор» в широком смысле слова — усадьбу, дом, семью, разных «воев», скоморохов, волхвов и прочих лиц, сливающихся с семьей князей и крупных бояр и наполняющих их горницы и

гридницы. Феодалное землевладение еще не сложилось. Оно лишь зарождается, да и подобное хозяйство князей и бояр без оговорок феодалным назвать еще нельзя.

Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 107.

124

В летописных источниках и в прочих письменных памятниках мы найдем очень немного скудных упоминаний о крупном землевладении в древней Руси и то не ранее X в. Это, с одной стороны, объясняется и самим характером памятника, оставляющего подобного рода вопросы в тени, а с другой стороны, еще и тем, что сколько-нибудь крупных земельных владений, больших промысловых и сельских хозяйств, принадлежащих одному лицу, было еще не так-то и много, и в своей работе Б. Д. Греков собрал все известные нам указания источников на подобного рода явление.¹

Складывающаяся в IX—X вв. общественная верхушка чрезвычайно пестра и разнообразна. В этот период древняя сельская община выделяет в процессе своего разложения господствующую прослойку. Последняя предстает перед нами в древнейших письменных источниках под наименованием «огнищан», «старой чади», «нарочитой чади», «старцев градских», а, возможно, иногда и «лучших мужей». «Огнище» означает и огонь — домашний очаг, и род, родство,² и, наконец, рабов,³ что указывает на чрезвычайную древность термина. «Старая», или «нарочитая» чадь, — туземная знать, выросшая из семейных общин, некогда управлявшая и распоряжавшаяся «простой чадью» — членами общины, родственниками между собой, а затем захватившая в свои руки лучшие угодья, земли-выгоны, охотничье-промысловые и рыболовные участки, «бортные ужожаи» и т. п. «Старая», или «нарочитая» чадь, — рабовладельцы, хозяева «челяди». Но «лучшие мужи» не удовлетворяются эксплуатацией труда челяди. Они захватывают общинное имущество, запасы, закабаляют своих сообщинников. Здесь уже складываются отношения феодалные, и бывший общинник предстает перед нами в качестве закабаленного человека, положение которого часто мало отличалось от положения раба.

Не говоря об XI—XII вв., мы уже в X в. встречаем упоминания о феодалном землевладении. В 947 г. Ольга устанавливает перевесища по Днепру и Десне, «и есть ее село Ольжичи и доселе».⁴

Феодосии Печерский, живший в Курске, ходит в села своих родителей, где работает наравне с рабами. О селах, как частной собственности, мы узнаем из его же «Жития», где он рассказывает о том, как спокойно ожидал заточения, мотивируя свое спокойствие тем, что «еда ли детей отлучение или сел опечалует мя».⁵ Всем нам известно весьма скудное количество указаний о феодалном землевладении в X в., не говоря уже о IX в. По отношению к IX в. таких указаний нет, но то, что мы видим в XI, а особенно в XII в., т. е. развитая феодалная земельная собственность, заставляет искать ее зарождение во второй половине IX в. и в X в., и это вполне естественно, так как внутри древнерусского общества уже действуют силы, подготавливающие феодалный способ производства.

¹ Греков Б. Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. Изд. Ак. наук, 1935. С. 63—74.

"Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии.

³ В проповеди Григория Богослова XI в. греческое слово ожтраяоба — рабы — переведено словом «огнище». См.: «ИОРЯЗ и С», 1855. Т. IV. С. 311.

⁴ «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 59.

⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря, 1911. С. 49.

125

Главное население сел — смерды. Часть их, сравнительно небольшая, также должна была работать в хозяйстве князя, боярина, как и «челядь», и тогда они, собственно, по существу, только по происхождению были «смердами», превращаясь в крестьян того времени, когда «крепостное право раннего средневековья»... имело в себе «много черт древнего рабства».¹ Большинство же смердов еще только платило дань. Когда в среду данников-смердов проникало феодальное землевладение, что было результатом захвата или дарения со стороны князя, дань превращалась в оброк.² Б. Д. Греков указывает, что «в различных редакциях Печерского Патерика терминами «рабы» и «смерды» переписчики пользуются альтернативно. В «Слове о преподобных отцах Федоре и Василии» рассказывается о том, как Василий заставил бесов работать на бранию. Униженные таким образом бесы «аки рабы куплены, работают и древа носят на гору». В этом месте другой вариант Патерика заменяет слово «рабы» словом «смерды».³ «Русская Правда» указывает на существование не только свободного смерда-общинника, но и на появление смерда феодально-зависимого. Смерды в тот период времени, собственно, уже далеко не однородная масса. Существуют еще смерды-общинники, даже не обложенные данью, но их немного. VI—X вв. основная масса смердов во всяком случае уже «подданные» в том смысле, что состоят «под данью», платят дань. Одновременно с этим из числа главным образом смердов пополняется контингент «челяди». В IX—XII вв. число смердов, платящих только дань, все время быстро сокращается. Вначале князь раздают своим дружинникам не столько земли, сколько дани с земель, а затем уже сама земля смерда захватывается князьями, дружинниками, дарится и раздается. Сидя на земле феодала, смерд превращается в его собственность, передается по наследству, продается, дарится, как дарится и передается любая вещь и в том числе прежде всего столп частной собственности феодальной эпохи — земля. Смерд в таком случае платит уже не дань, а оброк, в какой бы примитивной форме он ни взимался. Такой смерд из свободного превращается в феодально-зависимого, сохраняя свое старое название «смерд». Кроме того, такой путь превращения в зависимых смердов связан с экспроприацией и дарением земли князем, когда подобная участь постигает смердов целого района или хотя бы села, общины.

Если вначале господствовала раздача дани с земель и существовал «вассалитет без феодалов или феодалы, состоящие исключительно из дани»,⁴ то с XI в., а быть может и несколько ранее, ценность стала представлять не только дань, но и сама земля, обрабатываемая челядью.

Но был и другой путь превращения смердов в зависимых — это путь их закабаления. В. И. Ленин указывает, что «землевладельцы кабелили смердов еще во времена Русской Правды».⁵

¹Энгельс Ф. Марка. Партиздат, 1933. С. 15. Юшков СВ. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X— XI вв. // Историк-марксист. 1936. № 6.

²Греков Б. Д. Рабство и феодализм в Киевской Руси // Известия ГАИМК. Вып. 86. С. 42.

³М а р к с К. Secret diplomatic history of the eighteenth century. Лондон, 1899. С. 76.

⁴Л е н и н В. И. Соч. Т. III. С. 150.

126

Такой закабаленный смерд, в результате разорения (что могло быть обусловлено неурожаем, голодом, стихийными бедствиями, нападением врагов, грабежом дружинников и т. п.) прежде всего выходил из общины. Закабалившись, он становился закупом, рядовичем и т. п. и уже не именовался смердом. Он входил в число зависимой

«челяди», выступая под этим или под более точно определяющим его положение названием.

Мы не будем специально останавливаться на положении и роли холопа, закупа, рядовича, изгоя, так как не сможем ничего прибавить к тому, что написал в своей работе Б. Д. Греков.¹ Следует только еще раз подчеркнуть, что те памятники, которыми пользовался Б. Д. Греков, особенно «Русская Правда», в значительной мере, если, конечно, какое-либо данное определенное явление не приурочивается строго к известному району, относятся и к Северной земле, что в свою очередь дает возможность считать все эти категории населения существовавшими в то время на территории Левобережья.

В развитой форме феодальное общество «Русской Правды» складывается в XI—XII вв., но уже IX—X века характеризуются зарождением феодальных отношений. Феодализм XI—XII вв. будет служить еще предметом нашего рассмотрения, а пока мы можем уже сделать некоторые выводы.

Распад родовой организации в VIII—X вв. создает поземельную территориальную сельскую общину, которая, в силу своего дуализма при начавшемся разделении труда, усилении парцеллы и росте торговли, начинает разлагаться и выделять господствующую группировку. Эта выросшая из родовой аристократии группировка не только потому, что она — родовая знать, а в силу своего экономического могущества создает первую форму угнетения человека человеком — рабство. Рабство усиливает процесс распада общины, социальной и имущественной дифференциации и укрепляет положение господствующей верхушки, начинающей эксплуатировать окрестное население феодальным путем. В то же время отношения рабства не создали в древней Руси рабовладельческой формации. Что способствовало этому явлению? Обычно считали необходимым привлечь для объяснения подобного рода исторического процесса материалы из области внешних влияний, внешних факторов и только ими объяснить подобный диалектический скачок.

Имеем в виду следующие работы Б. Д. Грекова: а) Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне; б) Рабство и феодализм

■ в Киевской Руси; в) Киевская Русь и г) Феодальные отношения в Киевском государстве.

Возражения, сделанные Б. Д. Грекову: С. В. Бахрушиным (Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. Кн. III; К вопросу о крещении Киевской Руси //

■ Историк-марксист. 1937. Кн. II; Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. № 2/3; , рецензия на книгу Б. Д. Грекова в журнале Книга и пролетарская революция. 1936. № 4),

С.Н. Черновым (О смердах Руси XI—XII в. // Сборник «Академия наук Н. Я. Марру». 1 1935), Н. Л. Рубинштейном (рецензия на сборник «Памятники истории Киевского государ-

ства» в журнале «Историк-марксист». 1938. Кн. I и предисловие к первому тому лекций ! А. Е. Преснякова) и С. В. Юшковым (Нариси з історії виникнення і початкового розвитку в феодализмі в Київській Русі), — все же не поколебали убедительности основных взглядов с Б. Д. Грекова по вопросу о положении и происхождении различных категорий зависимого населения.

127

Переход от доклассового общества к феодальному в древней Руси обусловлен прежде всего существованием сельской общины. В условиях созревания

рабовладельческого общества в Средиземноморье община не успела сложиться к тому времени, когда родовые отношения, под влиянием торговли и развития денежного хозяйства, разлагались и на основе патриархального рабства возникало классовое общество, общество рабов и рабовладельцев. В древней Руси торговля, ростовщичество, денежное хозяйство в период складывания классового общества, в конце VIII—IX и в начале X в., несмотря на свое абсолютное развитие, не играли столь существенной роли, как в древней Греции и Риме в стадильно ту же эпоху.

Ф. Энгельс указывает: «Для того же, чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе, общество должно достигнуть гораздо высшего развития производства, торговли и накопления богатств».1

Род трансформируется «в локализованный микрокосм» — общину, вервь, с ее устойчивостью и застойностью.

«Где патриархальный род успел переродиться в сельскую общину, там создаются особо благоприятные предпосылки для возникновения феодализма — как путем захвата общинной земли выделившимися из среды самой же общины, но оторвавшимися от нее богатыми, военизированными и потому сильными людьми, превращающимися в феодалов, так и путем подчинения общины и обложения ее данью, превращающейся в ренту-налог в результате завоевания».2

В условиях существования общины ее структурная устойчивость препятствует развитию рабовладения, так как последнее потребовало бы коренной ее ломки, тогда как при феодализме она продолжает существовать, но превращается из организации свободных в организацию зависимых.

«Для сельской общины путь к феодализму значительно естественней и проще, чем путь к рабовладельческой формации».3

Таким образом, внутренние, имманентные условия развития общественного строя порождают на территории древнерусских княжеств из доклассового общества феодализм, а не рабовладельческую формацию. Конечно, в условиях феодального окружения Русь не могла начинать с античного рабства, но несмотря на большое значение внешних факторов, вроде влияния Византии и Хазарии на процесс складывания феодальных отношений, обусловленного втягиванием определенных слоев общества славян, финнов и т. д. в орбиту их влияния путем торговли, походов, участия в дружинах и т. д., все же первенствующее значение следует придавать именно первым, т. е. внутренним причинам.

Для Ленина не было сомнений, когда датировать развитие феодально-крепостнического строя в России. Этой датой для Ленина были времена

"Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Партиздат, 1932. С. 114.

2Равдоникас В. И. Маркс — Энгельс и основные проблемы доклассового общества // Известия ГАИМК. Вып. 81. С. 189. 3 Там же. С. 189—190.

128

«Русской Правды».1 Начало крепостничества Ленин относит к IX в., т. е. ко временам образования Русского государства, но нельзя думать, что в LX—X вв. вся древняя Русь, и в том числе Северская земля, представляла собой нечто единое в смысле развития феодализма. Вокруг таких центров, как Чернигов, Переяславль, Любеч, Курск, Рьльск, Путивль, Донец, Ница-ха, Гочево и, по-видимому, ряд других, имена которых до нас не дошли, создавался ранний феодальный мир. Это были типичные города — феодальные центры с дружинниками, ремесленниками, купцами, зависимым населением: челядью и т. п.2 В определенном радиусе располагались феодальные владения и жил сельский зависимый люд. Число зависимого люда все время быстро увеличивалось, и в этом круге все более и более сокращался сектор еще свободных общинников. Степень угнетения высока, последнее близко к рабству. Эти

центры окружены еще морем общин, среди которых идет автохтонный процесс выделения феодалов. Последний ускоряется включением районов, население которых ранее было обложено только лишь данью, в орбиту влияния крупных феодальных центров. Общинник превращается в зависимого смерда, земля его экспроприруется, а господствующая знать — «лучшие мужи», «нарочитая», «старая чадь» ит. д. — при оказании покорности входит в состав дружинников князя, в при сопротивлении уничтожается. Феодализм растет вширь и вглубь, перерабатывая и уничтожая родовые отношения. В этом отношении характерны ход исторического развития и социальные отношения, установившиеся в земле радимичей, захваченной феодалами Северской земли. Те же процессы, которые шли в Северской земле, т. е. выделение ремесла, социальная и имущественная дифференциация, выделение дружинной прослойки, Б. Рыбаков отмечает и у радимичей, но все шло гораздо медленнее и не столь интенсивно, как в земле северян. В работе Б. Рыбакова, к которой мы и отсылаем интересующихся подробнее вопросом о хозяйстве и социальной структуре радимичей,³ есть указания на то, что выделение местной /|>ужинной феодальной прослойки тормозилось тем, что результат ограбления радимичского смерда шел главным образом не в пользу дружинной

1Л е н и н В. И. Соч. Т. III. С. 142, 150; Т. XI. С. 98; Т. XVII, ст. «О левонародничестве §марксизме»; Т. XXIV.

4 2 Типичным примером такого феодального центра, развитие которого прервалось в XIII в., является Донецкое городище. Расположено оно в 7 км от Харькова, близ с. Кара-Гвкы, на правом берегу р. Уды, и тянется в длину на полтора километра. Население частично жило еще в землянках, но уже иного типа, отличных от землянок VIII—IX вв. Землянки, обмазанные глиной, имели столбы по углам, служившие опорой для крыши и где-где были облицованы досками. Внутри землянок — печи и лежанки. Налицо следы ремесленной деятельности: железный шлак, полуобработанная кость, оленьи и лосиные рога, рнчарные круги, осколки посуды с клеймами, тигли, формочки и матрицы для отливания галлических изделий, пряслица и т. д. Жители Донецкого городища знали развитое земледелие (о чем свидетельствуют находки различных злаков и муки грубого помола, зернотерок, жерновов), занимались охотой, рыболовством, скотоводством. Масса всяких рашений, своего изделия и привозных, восточные монеты, раковины каури, гирьки от феод указывают на широкие торговые связи. Находки оружия говорят о выделившейся прослойке феодалов-дружинников. Подобного же рода материалы дают раскопки городищ в с. Ницахи Харьковской области и с. Гочева в Курской области См. ук. соч. А. Федоров-ркфго и соч. Городцова в «Трудах XII Археол. съезда». Т. I, и др. З Р ы б а к о в Б. А. Радзпшчы.

5 В. В. Мавродин

129

прослойки, а в пользу черниговских и киевских феодалов. Несмотря на то, что полюдь отбило от местной знати объект ее эксплуатации, она сама стала входить в состав черниговской княжеской дружины.¹ Таким образом, автохтонный процесс выделения феодализирующей верхушки идет различными путями в зависимости от степени и формы влияния окружающего феодального общества. ;

Не менее интересна история и другого племени, вошедшего в состав Северской земли, а именно вятичей. Но если радимичи, наконец, дождались своего исследователя, обрисовавшего путь их развития, то работа А. В. Арциховского «Курганы вятичей» написана давно и проблемы не исчерпывает. Вятичские курганы характерны своим бедным инвентарем. Орудий труда найдено очень мало, попадались главным образом ножи. Раскопками обнаружено было еще пять серпов (все в женских погребениях),

топор, ножницы для стрижки овец, кресала. Чаще встречаются украшения, но серебра очень мало, а золотая вещь найдена лишь одна (золотой бубенчик).² Раковины каури и клады восточных монет указывают на торговые связи и, в частности, на торговлю-вятичей с Востоком, шедшую, судя по топографии кладов, не Доном, а Окою, начавшуюся сравнительно поздно, не ранее середины VIII в., и выдвинувшую в качестве речного порта для караванов, шедших из вятичских лесов, Муром.³ Однообразие бедного могильного инвентаря свидетельствует о слабой социальной дифференциации. Нельзя считать, что разложение сельской общины и выделение феодальных элементов не коснулось вятичей. Но феодальные отношения, сложившиеся в Муроме, Рязани, в Северной земле, быстро прервали самостоятельное, весьма медленное развитие феодализма среди вятичей и превратили общины вятичей в организацию угнетенного и эксплуатируемого сельского населения, зависящего главным образом от пришлых черниговских феодалов. Всем известны попытки вятичей отстоять свою самостоятельность, их воинственность, сделавшая дебри вятичей неприступной крепостью. В борьбе с киевскими и черниговскими князьями погибают племенные князьки вятичской земли. «Лучшие мужи» вятичские частично были истреблены, частично вошли в состав подчинивших себе непокорное племя черниговских феодалов.

Среди вятичей несомненно также шел совершенно самостоятельным путем процесс возникновения феодальных отношений, но освоение вятичей черниговскими князьями и боярами сделало последних хозяевами земли и поставило во главе феодального общества не столько феодальных потомков вятичских «лучших мужей», сколько пришлых черниговских феодалов. Разложение родовых отношений в вятичской земле подготовило появление городов, имена которых (Колтеск, Дедославль, Лопастна и др.) начинают с середины XII в. мелькать на страницах летописи. Возникли они не в XII в., а ранее, и были уже в XII в., по-видимому, не поселениями времен родо-племенного быта, а городами, хотя больше напоминавшими сво-

1 Там же. С. 117—140. См. также: Грушевский М. С. Чернипв і Оверщина в украшськн історії// Сборник «Чернипв і швщчнелавобережжя». С. 109. 2 Арциховский А. В. Курганы вятичей. С. 95—100.

3 Там же. С. 100; Любомиров. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—IX вв. // Ученые записки Саратовского гос. ун-та. 1923. Т. I. Вып. 3; С. 31—32.

130 их социальных предшественников X в., вроде древлянско-Искоростеня, нем Чернигов, Новгород-Северск и другие города — феодальные центры.¹

Несколько замечаний о быте-и культуре древних северян. Летопись рисует быт северян, радимичей и вятичей в черных красках: «и Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху: живяху в лееех, якоже и всякий зверь, ядуше все нечисто, срамословье в них пред отъци и пред снохами, и браци не бываху в них, но игрища межю села, схожахуса на игрища, на плясенье и на все бесовские игрища, и ту умыкаху жены себе, с неюже кто съвеща-шеся; имяху же по две и по три жены». ² Столь же нелестную характеристику с точки зрения церковника-чернеца дает летописец и древлянам, тогда как поляне в его представлении отличаются высокой нравственно-еяью.. Про них он пишет:

«Имяху бо обычаи свои, и закон, отец своих и преданья, кождо свой нрав. Поляне бо своих отец обычай имуть кроток и тих, и стыденье к снохам своим и к сестрам, к матерем и к родителем своим, к свекровем и к деверем велико стыденье имеху, брачный обычай имяху, не хожаше зять по невесту, но привожаху вечер, а,зутра приношаху по ней что владуче». ³ .

Такое выпячивание высокой нравственности полян, в отличие от грубых, диких обычаев северян, радимичей, вятичей и древлян, как их рисует составитель летописи, заставляет упрекнуть его в тенденциозности. Как киевлянин, он возвел на пьедестал высокой морали свое племя, прочие же, окружающие Киев племена, представлены им живущими «зверинским обычаем». Таким образом, тенденциозность летописца заставляет нас сомневаться в наличии кое-каких особенностей, быта, приписываемых летописцем северянам, радимичам и вятичам? Археологические источники, как это было показано ранее, рисуют эти племена, а особенно северян, не такими уж отсталыми и дикими, живущими «якоже и всякий зверь» и «ядуще все нечисто». . . •

Летописец не признает северянский брачный обычай за брак в собственном смысле этого слова. Но это не совсем так, ибо обычай умыкания невест свидетельствует об упрочении парного брака и о сопутствующем ему патрилокальном поселении супругов, когда жена переходит на жительство, в семью мужа. Перемены, лежавшие в изменении социальных отношений, привели к появлению умыкания невест и к купле и продаже женщин.⁴ Пережитки «умыкания» невест, как результат перехода жены в семью супруга, сохранялись до XIX в. в виде ряда свадебных обычаев, когда жених делает вид, что похищает невесту, родители и родственники отбиваются, и все это заканчивается мирным «выкупом». На данное явление указывают и некоторые свадебные песни.⁵

Багалея упоминает о развалинах древней каменной стройки в глуши Аржавского леса. Материал крайне интересен, но, к сожалению, эти развалины не изучены и не датированы. См. его «Историю Северской земли до половины XIV-столетия», с. 110—111.

2 «Повесть временных лет-по Лаврентьевскому списку», с. 12—13.

3 Там же.

4 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 32.

5 Бата л ем. Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 96; \$го же. Нарис icТоріі' Украши на сощяльно-економічному ґрунту. С. 208; Г р у ш е в -Йси й М. С. Історія Украши-Руси. Т. I. С. 301—305.

131

Такими же пережитками древности были «игрища», «колодки», «вечерницы», «досвитки», где молодые люди сговаривались, как «съвещались» древние северяне, и между ними завязывались отношения, приводящие к браку.

Установившийся вместе с умыканием обычай выкупа невесты позже также исчезает, так как он подрывал экономическую базу семьи мужа.

У северян, радимичей и вятичей существовала уже парная семья, правда, со следами группового брака.¹ Встречалось и многоженство. Следов матриархата остается очень мало: месть по женской линии в одном случае по «Русской Правде», кое-какие обычаи, как, например, переодевание в женское платье отца молодой, — след того явления, когда новые члены семьи входили в род матери, и др.² Но все же это пережитки очень отдаленного прошлого, правда, цепляющиеся еще за новые формы быта. Семья — патриархальная. Во главе мужчина — отец. Положение женщины принижено. В более отдаленные времена, когда сохранялись еще пережитки матриархата, женщина играла большую роль в славянской семье. Позже ее положение изменяется. На это указывает обычай убивать и хоронить после смерти мужа-господина женщин, упоминаемый Ибн-Фадланом и Масуди в описаниях похорон знатного руса и русских обычаев.³ В IX—X вв. он еще бытует. Обычай убийства женщин вместе со смертью мужчины эволюционирует в эпоху патриархата от насильственной смерти жены, ее убийства, до широко распространенного, но уже не обязательного самоубийства жен впоследствии, в период распада патриархальных

отношений, и, наконец, тогда, когда внутренние процессы ведут родовые отношения к их гибели, когда создается экономически мощная прослойка знати, — тогда, с превращением женщины в выгодный товар, а брака в торговую сделку, в семьях господствующей прослойки усиливается рабство, развивается власть мужчины над его «домочадцами», «ча-дью» и увеличивается число жен-наложниц, рабынь. Две категории жен: собственно жены, свободные, и наложницы сливаются воедино. Данный период отражается в описаниях обычаев русских Ибн-Фадлана, Ибн-Росте (Ибн-Даста) и др. Наблюдаемые ими самоубийства жен и убийство любимой жены-наложницы, слуги-рабыни, равно как и материалы совместных погребений отражают именно последний этап, характеризующийся подчиненным положением рабыни-наложницы, что в свою очередь отражает усиление патриархального рабства и зарождение рабства уже классового общества.⁴

Захоронения женщин рядом с мужчинами также свидетельствуют о данном явлении. Так, например, в наиболее интересных в этом отношении могилах, № 2 и № 10, раскопанных П. Смоличевым у с. Шестовицы в 12 км

Треков Б. Д. Энгельс и проблема родового строя у восточных славян // Вопросы истории доклассового общества. С. 704; Ковалевский М. Ук. соч. стр. 43—44.

2Верзилов А. Найдавший побут Чернипвско1 околицы//Сборник «Чернипв і твшчне Лівобережжя». С. 78.

3Гаркави А. Я. Ук. соч. Артамонов М. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками//Проблемы истории докапиталистического общества. 1934. № 7—К С. 120—122.

132

к юго-западу от Чернигова, мужской скелет лежит рядом с женским с левой стороны, причем при захоронении мужчина обнимал женщину левой рукой. Судя по инвентарю, между прочим, это похороны богатых, знатных людей,¹ Если мы сопоставим данные раскопанных Смоличевым могил с указанием арабов, то можно сделать выводы, что погребения и сожжения женщин с мужчинами характеризовали собой лишь обычай господствующей верхушки. Среди последней мужчины имели не только собственно жен, но и жен-наложниц, рабынь, которые сопровождали мужа после смерти. Б. А. Рыбаковым высказано предположение, подтверждающее наше мнение. Он считает, что общинникам и членам древнего дворища чересчур дорого обходилась потеря рабочих рук, вытекающая из обычая хоронить с мужем жену, и склонен видеть в совместных бедных рядовых погребениях мужчин и женщин не признак данного обычая, а простые похоронения жены в могиле мужа.² Многоженство, по-видимому, тоже было не общераспространенным явлением, так как доступно было лишь богатым. Позже, когда распространилось христианство, многоженство еще сохранилось, но законной считалась одна жена, а остальные были наложницами, что несколько не мешало сыновьям князей от их наложниц самим становиться князьями.³

Погребальные обычаи также дают известное представление о быте северян, радимичей, вятичей.

Летопись указывает: «И аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по сем творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посем собравше кости вложашу в судину малу и поставляху на столпе на путях, еще творять Вятичи и ныне».⁴

Исследование Северянских курганов подтверждает слова летописи. Почти повсеместно на территории северянской земли обнаружены погребальные урны, стоящие на определенной высоте в насыпи. Основной район их распространения:

Черниговщина, Посемье и Харьковская область.⁵ Труп сжигался на стороне, рядом, причем часто, обнаруживается

¹Смоличев П. Разкопки северянских могил в с. Шестовиц на Черниговщине // Журнал «Украина». 1926. Кн. 1. 2 Рыбаков Б. А. Радзимицы. С. 121. 3 Грушевский М. С. Історія України-Руси. С. 309. 4 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 13.

⁵Самоковасов Д. Я. Могильные древности Северянской Черниговщины; Его же. Северянские курганы и их значение для истории // Труды III Археол. съезда. Т. I. С. 194, 197—198, 204, 206—208, 219, 220 и др.; Его же. Результаты исследований Черниговских курганов с кострищами // Древности. Т. IV. Вып. II; Его же. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. С. 14—17; Его же. Могилы русской земли. С. 264 и др.; Готье Ю. Железный век в Восточной Европе. С. 226, Константинович. О курганах Черниговского уезда // Труды III Археол. Съезда. Т. I. С. 181—184; Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. в Черниговской губ. П. Гатцуком // Известия Археол. комиссии. Вып. 29. С. 166—167; Верзилов А. Найдавший побут Черниговско-Киевского околия // Сборник «Чернигов і шевченківське Лівобережжя». С. 69—70. Г. Смоличев П. Чернигов та його околиця за часів великокнязівських // Там же. С. 121 и др.; Абрамов. Логолен Вороши на Черниговщине // Юбейний збірник на пошану акад. Д. И. Багала; Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. С. 6—7, 15—16; Его же. Обзор губерний в археологическом отношении. Курская губерния // Записки Русского археол. о-ва: Труды Отделения русской и славянской археологии. Т. XI. Вып. I—II. Кн. IV. С. 242—244; Канышин. Археологические памятники в области реки Б. Курицы, впадающей

133

и место кострища, затем остатки ссыпались в урну, и последняя закапывалась в кургане на определенном уровне от горизонта. На поверхности курганов иногда обнаруживались остатки бревен от срубов.¹ У радимичей подобных сожжений меньше, чем у северян, и господствует трупоположение.² Таким образом урны, срубы на возвышениях курганов, наиболее характерные для северян, менее распространены среди радимичей. Курганы вятичей подтверждают как наличие обычая сожжения, описанного в летописи, так и длительное его бытование. Труп сжигался на стороне, причем обгоревшие трупы и угли в трупоположениях указывают на переход от сожжения к погребению.³ С другой стороны, в вятичской земле обнаружены многочисленные курганы с погребениями, а не сожжениями.⁴ Таким образом, оба обычая, очевидно, бытовали совместно.

Кроме того, в северянской земле, как и у вятичей и радимичей, существует и обычай трупоположения. Рыбаков устанавливает три основных типа погребения.

1. Захоронения в глубоких, узких ямах с небогатым инвентарем. Район распространения этих погребений замкнут в следующей черте: Любеч — Стародуб — Новгород-Северск — Конотоп — Ромны — Чернигов — Любеч.

2. Неглубокие, в 73 метра, могилы со специфическим инвентарем. Линия распространения: Переяславль — Ромны — Гадяч — Ахтырка — Переяславль.

3. Типичные северянские погребения на горизонте с богатым инвентарем. Область распространения: Ромны — Путивль — Воронеж — Рыльск — Суджа — Ахтырка — Гадяч — Ромны.⁵

По нашему мнению, это деление соответствует делению северян на три основных племени, о чем было указано ранее.

Несмотря на то, что трупосожжения и погребения попадаются совместно и оба погребальных обычая сосуществовали, все же необходимо отметить известную периодизацию погребальных обычаев.

Погребения со срубамы дольше всего держатся у радимичей, и ранее всего перешли к урнам жители Посемья.⁶ Христианство приводит к тому, что существовавший обычай погребения становится господствующим. В конце X—XI вв. переходят к нему северяне, в XI в. начинают переходить слабо поддающиеся христианизации радимичи, а в XII—XIII вв. — еще менее христианизированные вятичи, сохранившие курганы вплоть до

в Сейм // Известия Археол. Комиссии, приб. к 21 выпуску. С. 11—13; Д м и т р ю к о в. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Труды Курского губ. статистического комитета. 1862. Т. I. С. 513—515; Дневник раскопок, произведенных в Черниговской губ. в 1881 г. В. Б. Антоновичем // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археол. съезда. Вып. I. С. 28—29; Рыбаков Б. А. Радз1м1чы. С. 83—100.

1 С п и ц и н А. А. Расселение древне-русских племен по археологическим данным. С. 16—31.

2 Там же стр. 16—31; Р ы б а к о в Б. А. Радз1м1чы. 3 Арциховский А. В. Курганы вятичей. С. 105—107. 4 Там же. С. 103—104.

'Рыбаков Б. А. Радз1м1чы. С. 139—140. 6 Там же. С. 136, 139.

134

XV в. 1 Погребальные обычаи свидетельствуют о Культе солнца. Об этом говорят и кромлехи Борщевского городища. 2 Покойника клали главным образом головой к солнцу, и различные положения покойника объясняются различными временами года и даже, по-видимому, положением солнца на небе. Покойник иногда клался в сидячем положении. Есть и несколько своеобразных погребений с конем, в большой камере, обложенной деревом, и, наконец, уже приближающиеся к христианским и собственно христианские — погребения в гробах. 3 «Курганы кочевников» с богатым оружием и прочим инвентарем напоминают во мнoгом большие Черниговские курганы с кострищами и богатым инвентарем, а на больших кострищах сжигала своих покойников знать.

Казалось бы, вопрос затрудняется тем, что мы имеем одновременно два типа погребений знати — так называемые «срубные» погребения с конем в большой камере, обложенной деревом, и курганы с кострищами, но различные погребения нас не должны смущать, так как нет ничего необычного в том, что разные племена и даже роды имели свои особенные формы погребения и сожжения, о чем свидетельствует множество форм и тех и других, выявленных археологией. 4 Кроме того, весьма возможно, что погребения с конем ведут к сарматским временам и, быть может, принадлежат знатному кочевнику, а кочевой и полуседлый элементы были далеко не второстепенной силой в складывании феодализма в Северной земле, и северская знать наверняка имела в своей среде выходцев из алано-болгар — «ясов», угров, печенегов, торков, половцев. 5 Единства погребальных обычаев в Северной земле не было, как не было его и во всей древней Руси вообще. Существовали различные типы погребений и сожжений, но все же основной линией в эпоху складывания феодализма была замена сожжений погребениями, близкими к христианским обычаям и поэтому ставшими общераспро

1 Там же. С. 102; Арциховский А. В. Курганы вятичей. С. 160—161.

2 Мещанинов И. М. Кромлехи у славян // Сообщения ГАИМК. 1931. № 7.

3 См.: К а н ы ш и н. Ук. соч.; Самоквасов Д. Я. Могильные древности Северянской Черниговщины; Его же. Северянские курганы и их значение для истории; Его же. Результаты исследования Черниговских курганов с кострищами; Его же. Северянская земля и северяне по городищам и могилам; Его же. Могилы русской

земли; Верзилов А. Найдавшний побут Чернипвськo'1 околиц. С. 69—70; Арциховский А.В. Курганы вятичей. С. 108.

4 Встречаются и странные, на первый взгляд необъяснимые погребения, когда, например, соблюден весь ритуал сожжения, но не обнаружено никаких следов покойника, как это отметил П. Смоличев в могиле № 12 у с. Шестовицы. Считаю возможным предположить, что подобного рода явление имело место тогда, когда человек умирал, но хоронить было некого, — так, по-видимому, происходило с утопленниками (Смоличев П. Чернипв та Кого околиц) за чaБв велжокнязівських). Интересными для нас являются и славянские погребения в Тмутаракани, на Таманском полуострове в гробницах из камня. Костяки лежат головой на запад. В погребениях — височные кольца киевского типа (С п и ц и н А. А. Расселение древне-русских племен по археологическим данным. С. 38, отд. отт.).

5 Между прочим, летописец приблизительно так же, как описывал нравы северян и других восточнославянских племен, характеризует и обычаи половцев и этим самым, как бы роднит степное население с соприкасающимися с ним северянами.

«Половцы закон держат отец своих, кровь проливати, а хвалящся о сем и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы, и поймаить мачехи своя и ятрови, и иных обычаи отец своих» (Ипатьевская летопись, 1843. С. 9).

135

страненными. Кроме того, различие обрядов обуславливалось и социальным положением покойника. Кострища и большие курганы являлись могилами лишь верхушки, и инвентарь подтверждает наше положение. Позже феодалы хоронят покойников по христианскому обычаю в могилах, тогда как древние курганы XI—XII вв. становятся типичны для зависимой деревни.

Не собираясь исследовать огромной сложности вопрос о язычестве у древнерусских племен, все же вкратце остановимся на религии северян. Летописная история застаёт северян язычниками, и язычество в той или иной степени длительное время еще сосуществует наряду с христианством. Христианство с большим трудом пробивает себе дорогу в массы зависимого сельского населения, встречая там упорное сопротивление. Христианство было вынуждено идти на уступки, освящая и приспособляя старые языческие обряды, обычаи, праздники и самих богов. Даже в рядах феодалов, которым христианство служило орудием угнетения народных масс, долгое время продолжает жить язычество, и такой памятник эпохи, относящийся к Северной земле, как «Слово о полку Игореве», несмотря на свое позднее происхождение, служит материалом для изучения не христианства, а язычества.

К. Маркс подчеркивает, говоря о «Слове о полку Игореве»: «Вся песнь носит христиански-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно».¹

Древний тотемический пережиток — культ быка, бытовавший у племен Восточной Европы, — сохраняется в виде божества Волоса («Велеса» — «Слова о полку Игореве»), позднее — христианского Власа; правда, мало известного в лесной Северщине, где его заменяет бог Полисун — бог лесов, волков, которого, по преданиям, надо было умиловать, чтобы волки не трогали скот. Волос одновременно и бог торговли, что вполне понятно, так как скот был одним из основных товаров, едва ли не самым главным.² В «Слове о полку Игореве» упоминается о боге ветра — Стрибо-ге и его внуках. Еще в начале прошлого века среди жителей лесной Черниговщины существовала вера в полевого бога «дщька», который «напускает» ветер.³ Очень распространенным был культ солнца. В «Слове о полку Игореве» встречаем бога солнца — Дажьдбога (по-видимому, собственно северянское название бога солнца) или Хорса, божества, ниспосылающего, в

представлении древних славян, всякое добро и благодать. Последний взят, как указывает Н. Я. Марр, еще из сарматского пантеона.⁴ Северянам был известен бог солнца и под другим именем — Ярило. Упоминание в «Слове о полку Игореве» о Яри-туре-Всеволоде подтверждает данное положение. Характерно то, что «Буй» и «Яр», по-видимому, одно и то же («Буй-тур-Всеволод» и «Яр-тур-Всеволод»). В этой связи интересно отметить следующий факт. На Дону, у Воронежа, расположены два камня, имеющие форму коня и быка — Конь-Камень и Буил. Местное население еще в недавнее время обожествляло эти коне- и быкообразные камни. Подобное тотемиче-

'Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XXII. С. 122.

2Багалец Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 93. 'филярет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Т. I. С. 5. 4 М а р р Н. Я. Иштарь // Яфетический сборник. Т. V. С. 148.

136

ческое обожествление уходит далеко в глубь веков, к кимерам и таврам с их культом быка и к скифам с их культом коня.'

Последний праздник Ярилы, между прочим, справляли в Воронеже еще в 1765 г. Остатки тотемической религии можно усматривать и в речах священников древней Руси, обрушивавшихся на новообращенных христиан за то, что те по праздникам плясали, наряжаясь в шкуры зверей, — своих тотемических предков. Переодевание в шкуру козла при колядовании, остатки тотема собаки и медведя и других животных у белоруссов, тотема утки у потомков древних вятичей, указывающие на былую распространенность тотемизма, можно было встретить и не так давно.² Черниговский змеевик, найденный в 1821 г., сделанный из золота и изображающий на одной стороне архангела Михаила с христианским заклинанием «Г(осподи) помози рабу своему Василию. Аминь», на другой — женскую голову, окруженную сплешившимися змеями, указывает на культ змей. Вспомним геродотовских неуров, вытесненных змеями. Языческий змеевик христианизируется, сохраняя в своем образе память о культе змей. Подобного же рода змеевики были найдены также в Киеве и Смоленске.³ Культ быка был известен и радимичам, о чем свидетельствуют многочисленные находки привесок с бычачьей головой и некоторые другие данные, как-то названия поселений и т. д.⁴ Судя по погребениям, у радимичей так же, как и у северян, бытовал культ солнца. Анимизм, часто антропоморфный, характерный, судя по «Слову о полку Игореве», для северян, имел место и у радимичей.⁵ Поклонялись лесам, водам и населяющим их водяным, русалкам, лешим. Церковный устав Владимира, проповеди, сама летопись говорят о том, как «жрут бесом и болотам и кладезем», «молиться под овином или в рощении или у воды», «жруще озером и кладезям и рощениям».⁶ Существовал и культ предка — домового, чура, свойственный большесемейной общине. Религиозные представления и обычаи вятичей напоминали верования северян и радимичей, боги были одни и те же. За это говорят, хотя бы, например, названия сел: Волосово, Оладино (Лада) и Дажьбог.⁷

Круг божеств, религиозных обычаев, обрядов и т. д. рисует языческую религию славянских племен как земледельческую. Волос — не только пережиток культа быка как тотемического божества, — ав это время тотемические представления сохранились лишь в виде пережитков, — но и скотий бог, покровительствующий скотоводству. Стада рогатого

"Зверев. Камень Буил на Дону // Труды IV Археол. съезда. Т. III. С. 255—259. Не одного ли порядка, но разных времен и, следовательно, значений: Буй — Буил — Яр — Ярило — Тур, воедино связанные культом быка, остатком древнейшего тотемизма?

" См. ст. Б р и м м а в «Яфетическом сборнике». Т. V; Никольский Н. М. Дохристианские верования и культы днепровских славян. С. 17.

3 Толстой, Кондаков. Русские древности. Т. V. С. 162; Багале́й Д. И. Нарис ісТоріі' Укра'ши на соціально-економічному ґрунті. Т. I. С. 276. Рыбаков Б.-А. Радзімчы. С. 122.

5 Там же. С. 123; Н и к о л ь с к и й. Ук. соч. С. 6.

6 Голуби некий. История Русской церкви. Т. I, пол. I. С. 526—535; Грушевский М. С. Історія Украши-Руси. Т. I. С. 286; Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права.

7 Бага́лей Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 95.
137

и рабочего скота, та же лошадь, которой пахал смерд, в его представлении опекались этим главным для сельского населения божеством. Культ бога солнца Ярилы, Хорса и Дажьбога свидетельствует о том значении, которое придавал солнцу славянин, так как от солнца зависел и круг его земледельческих работ. Славяне в «Слове о полку Игореве» — «даждьбожи» внуки. Масленица, Купала и ряд других праздников связаны опять-таки с земледельческими работами населения.

Религиозные представления и верования трех племен древней Руси — северян, вятичей и радимичей — не представляли собой чего-то единого цельного. С одной стороны — языческие боги Владимира, как попытка приспособить язычество к развивающемуся феодализму, с другой — примитивные языческие верования основной массы населения с их обожествлением сил природы, антропоморфизмом, культом предков, земледельческими праздниками и божествами, свойственными сельской общине, и т. п. Особой касты жрецов не было. Волхвы были скорее ведунами, чем жрецами-профессионалами. В X в. религия превращается в орудие сложившегося господствующего класса феодалов.

В разное время на территории Северной земли были найдены маленькие идолы. В начале XVIII в. два из них обнаружены на территории Чернигова. 1 Каменная кладка в «Черной могиле» могла служить постаментом для изображения идола, как это делали руссы по Ибн-Фадлану. 2 Материалы, относящиеся к этому вопросу, крайне скудны и не все достаточно достоверны.

Длительное существование Северной земли в составе Хазарского каганата несомненно наложило отпечаток и на религиозные верования. Иудейская вера проникла в Северскую землю и дальше в Киев, что привело христианство к необходимости бороться не только против язычества, но и против иудейства, о чем свидетельствуют некоторые проповеди. 3 В то же самое время это обстоятельство способствовало раннему проникновению христианства, шедшего еще в IX в. с Востока, из той же Хазарии, от христиан — алан, хазар и болгар, из Иверии и Тмутаракани. Христианство проникало по торговым путям с Кавказа и Нижней Волги. Другим путем была встречная волна христианизации, шедшая по Днепру к Киеву и далее на северо-восток. 4 Новая религия, религия феодальной Византии, не была открытием для Северной земли конца X в., и официально ее принятию предшествовал длительный, медленный процесс постепенного внедрения христианства. То обстоятельство, что христианство так быстро прививается в Северной земле и, судя по письменным источникам, без особой борьбы, — свидетельствует о давнем знакомстве с ним по крайней

1 Макарый. История церкви. Ч. I. С. 121; Ф и л а р е т. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Ч. I. С. 5. На это указывают фигурки в черниговских могилах. См.: Н и д е р л е. Быт и культура древних славян. С. 119.

2 Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории // Труды III Археол. съезда. Т. I; Г а р к а в и А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.

3Аничков. Язычество и древняя Русь.

4Пархоменко В. А. Начало христианства Руси; Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 50—51.

138

мере верхушки общества, князей, бояр-дружинников, купцов.¹ О принятии христианства в Северской земле и значении этого фактора речь будет в следующей главе.

Славянские племена Днепровского Левобережья и Оки имели свою письменность. Кирилл (Константин Философ) нашел в Крыму евангелие и псалтырь, писанные «роушкыми писмены».² Ибн-Фадлан упоминает о русских письменах.³ Ибн-абн-Якуб-эль-Недим приводит даже образец русского письма, в котором Гедеонов усматривает имя «Святослав».⁴ В древнейшем вятичском погребении у Рязани и через год там же, но в остатках поселения, были обнаружены сосуды с надписями.⁵ Позднейшими раскопками Д. Я. Самоквасова в Чернигове было обнаружено ребро барана с двумя рядами резных знаков, что, по его мнению, свидетельствует о древнем письме X в.⁶ О славянских письменах — «резах» и «чертах» — говорит черноризец Храбр. Считаем, что перечисленные факты указывают на наличие письменности и, следовательно, какого-то образования, доступного очень немногим, еще в дохристианские времена.

Прочая культурная жизнь обитателей Левобережья остается для нас еще, к сожалению, «землей незнаемой». Дальнейшее исследование безусловно прояснит и эту наиболее туманную область истории Северской земли.

Что христианство не было новой религией — можно заключить хотя бы из того, что в начале XI в. Курск дает уже христианина-паломника Феодосия. Антоний Любчанин становится подвижником в конце X в. Такие плоды христианство могло дать лишь на подготовленной почве.

2 Из «Паннонского Жития Константина Философа».

3 Г а р к а в и А. Я. Ук. соч. С. 101. 4Гедеонов. Варяги и Русь. Т. II. С. CVIII—CX.

5 Городцов В. А. Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды // Археол. известия и заметки. 1898. № 11—12; см. также: Археол. известия и заметки. 1897. № 12; Городцов В. А. Население Рязанской области // ИОРЯз и Сл. Т. XIII. Кн. IV. С. 116.

6 Самоквасов Д. Я. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археол. съезда. С. 11.

ГЛАВА IV

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В СОСТАВЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Киевское государство возникает задолго до летописного рассказа о появлении Олега в Киеве и даже ранее пресловутого появления Рюрика в Новгороде. 18 мая 839 г. император Людовик I принял в Ингельгейме послов, отправленных к нему Византийским императором Феофилом.

«Послал он (Феофил. В. М.) с ними также неких людей, которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос (Rhos), и которых, как они говорили, царь их, по имени Хакан (Chacanus) отправил к нему (Феофилу) ради дружбы. В помянутом письме Феофил просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться (в свою страну) и охрану по всей своей империи, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он не желал бы, чтобы они, возвращаясь по ним, подверглись опасности. Тщательно расследовав причину их прибытия, император узнал, что они принадлежат к народности шведской...». Так сообщают о прибытии русов в Ингельгейм Вертинские анналы.¹

Нет сомнений в том, что в 839 г. перед императором Людовиком I предстали русы — росы Восточной Европы.

Были ли свеоны-шведы, так подозрительно встреченные Людовиком, послами Руси, выступали ли они в качестве воинов-наемников, скандинавов, пробиравшихся к себе, — безразлично. Для нас важно отметить то обстоятельство, что Вертинские анналы впервые отмечают наличие на востоке Европы государства народа «Рос», главу которого русы по-хазарски, по-восточному, именуют хакан, или каган, т. е. так, как называли киевских князей еще во времена Владимира и Ярослава.² Термин «хакан», употребляемый по отношению к царю народа «Рос», ведет нас не на скандинавский север, а на хазарский юго-восток, не к Балтийскому, а к Черному, Азовскому и Каспийскому морям, не к варягам, а к хазарам. Каким же образом очутились у хакана русов свеоны-шведы?

Во-первых, весьма возможно, что, узнав о том, что представшие пред ним люди — русы, Людовик, естественно, счел их за русов северных, ему

1 Monumenta Germaniae Historica. T. I. C. 434.

~ Попытки усматривать в Хакане Вертинских анналов скандинавское собственное имя «Гакон» необоснованны, и ссылка на то, что в Ингельгейме представителями народа «Рос» оказались *sueonum*, обычно приводимая в качестве доказательств норманнского происхождения росов-русов 839 г., также не может быть принята во внимание.

140

более известных, за «русь» Скандинавскую, которая также существовала, как и «русь» южная.

Во-вторых, даже если признать в русах 839 г. действительно свеонов-шведов, то их появление у хакана народа «Рос» может быть объяснено так же, как объясняется наличие наемников-варягов в X—XI вв. Стоит вспомнить хотя бы варягов Владимира, Ярослава, таких викингов, как Якун (Га-кон) и Шимон Варяг.

Вполне понятно, если мы учтем наше предположение о пребывании хакана народа «Рос» где-то в Среднем Приднепровье, указание Вертинских анналов на опасность, которой подвергались представители хакана, посетившие Ингельгейм, при возвращении в свою страну.

Пути, по которым шли они в Константинополь, были в тот момент захвачены и не столько уграми-мадьярами, сколько печенегами, появившимися незадолго до этого в причерноморских степях. Мы можем с уверенностью сказать, где находилась резиденция хакана — ею был Киев, но не Тамань — Артания, как предполагают некоторые исследователи.¹

Как это мы уже указывали, еще до появления венгров и печенегов, несомненно, русские дружины заходили далеко на юго-восток и служили у хазарского кагана, откуда и вынесли они наименование своего вождя «ха-кан».

Вторжения угров и печенегов не только ослабили Хазарский каганат, но и способствовали ослаблению связей между Приднепровьем и Хазарией. Тогда же, по-видимому, освобождаются от власти хазарского кагана поляне и самостоятельным становится Киев — Самватас.

К этому времени относится, по-видимому, и создание варварского государства хакана народа «Рос».

Говоря о Византии, варягах и славянах, о создании «народа русов», К. Маркс считает возможным утверждать, что уже в 860 г., т. е. до летописного призвания варягов, «... возникли сначала 2 государства: Киев и Новгород...».²

В эти времена территория к востоку от Днепра еще не была подчинена Киеву, и при Аскольде и Дире походы Руси на Византию, крещение русов, описанное в

«Окружном послании патриарха Фотия», по-видимому, мало касались северян, находившихся еще под властью хазар.

Впервые проникновение княжеских дружин в землю северян летопись отмечает под 882 г., когда Олег «взя Любець и посади муж свои».3 Подобно тому как и все прочие даты, связанные с Олегом, вызывают сомнение, так и датировка захвата им Любича не может быть принята безоговорочно, но общая картина подчинения Киеву Северской земли в основных чертах набросана составителем первоначальной летописи безусловно правильно, и этот первый момент завоеваний будущих киевских князей не должен быть обойден молчанием. Далее под 884 г. в «Повести временных лет» следует

1 Раскопки М. К. Каргера, на которые мы уже не раз ссылались, свидетельствуют о сравнительно высоком развитии Киева, как города, еще в IX в.

2 М а р к с К. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса. Т. V. С. 42.

3 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 23.

141

рассказ о покорении Олегом северян: «Иде Олег на Северяне, и победи Северяны, и възложи на нь дань легьку, и не даст им Козаром дани плати-ти, рек: "аз им противен, а вам нечему"».1

Через год, по летописи, Олег: «посла к Радимичем, рька: "кому дань даете?" Они же реша: "Козаром". И рече им Олег: "Не дайте Козаром, но мне дайте", и въздаша Ольгов1 по щяльгу, якоже и Козаром даяху».2

Если переход радимичей из-под власти хазар к Олегу не сопровождался войной с ними, то для покорения древлян и северян Олегу пришлось вести войну. Даты этих войн (883 и 884 гг.) условны, но летопись не случайно подчеркивает, что подчинение многочисленных и сильных северян, среди которых сложилась могущественная племенная верхушка «великих» и «светлых» князей и бояр типа легендарного или, вернее, полуполулегендарного «князя Черного», обошлось Олегу довольно дорого, и он вынужден был, опасаясь сопротивления со стороны северян и их племенной знати, возложить «на нь дань легьку».

Северская земля подчинилась Киеву, но мощь ее господствующей племенной верхушки, идущей по пути феодализации, обусловила дальнейшее превращение ее в самостоятельное княжество, тогда как другие племена, покоренные Киевом, как-то: древляне, радимичи и вятичи, так и не создали своих княжеств, а вошли — первые в Киевское, а вторые и третьи — в Северское. Этим же следует объяснить, как мы увидим ниже, силу местного, «земского» боярства в Северской земле и так называемые «земские», «областнические» тенденции северских князей — Ольговичей.

Как мы уже видели, под 885 г. летопись упоминает о покорении Олегом радимичей. Радимичи вместо хазарского кагана получают нового хозяина — киевского князя, но было ли подчинение киевскому князю в этот период времени прочным, сказать трудно. Вернее было бы предположить обратное. По-видимому, летописью действительно отмечен факт столкновения киевской дружины с радимичами, имевший место в конце IX в., так как безусловно доверяться датировке летописи нельзя, но очевидно покорение радимичей ограничилось тем, что с этого момента время от времени княжая дружина отправлялась в их земли, где и собирала дань.3 Уплата же дани хазарам отпала сама собой вместе с подчинением Киеву. С одним из таких позднейших столкновений дружины князя с радимичами, которое только, собственно, и закончилось окончательным их покорением, мы будем иметь дело, останавливаясь на временах княжения Владимира.

Присоединение к Киеву в конце IX в. коснулось, по-видимому, далеко не всей территории Северской земли. Так, например, до начала второй половины X в. вятичи еще платят дань хазарам, т. е. по-прежнему входят еще

1 Там же.

2 Там же. Странным кажется утверждение большинства историков о том, что «щьяг» не что иное, как западноевропейский «шиллинг». Но откуда он мог взяться у радимичей и вятичей? Оба племени были очень слабо связаны с Западной Европой. Крайне редкие находки западных монет могут подтвердить это положение. Считаем возможным согласиться со Срезневским, производившим «щьяг» от семитского «ш'к'л» — «сикль», который, по-видимому, был принят в Хазарии, связанной с Передней Азией (Срезневский И. И. Следы давнего знакомства русских с южной Азией // Вестник Русского геогр. о-ва. 1854. X. С. 65—66).

Рыбаков Б. А. Радимичи. С. 140—141.

142

в состав Хазарского каганата, и не только вятичи, но и восточная часть Северской земли, по-видимому, также продолжала пребывать под хазарским владычеством. Конец подобному раздвоению Северской земли, на части Хазарскую и Киевскую положили лишь походы Святослава на восток.¹

Северянские князья и бояре входят в состав киевской дружины. Договоры Олега с греками упоминают о «великих князьях» и боярах, сидящих в Чернигове, Переяславле, Любече.² Посланцы Игоря в 945 г. заключают договор от имени Игоря и «всякая княжья».³

Зависимость их от Киева, очевидно, ограничивалась лишь участием в походах и помощью в сборе дани. За это они получали определенную долю военной добычи, «уклады» на города, где были расположены резиденции князьков и их дружины. В области внутреннего управления местная знать, видимо, не была ограничена властью киевского князя. Закрепощать, закабалить смерда, превращать свободных общинников в челядь, торговать, управлять и судить в своей земле — ей было предоставлено полное право и самая широкая инициатива.

Когда же киевский князь предпринимал поход, северянские бояре и князьки выставляли рати. В состав их входили и собственно дружины северян и дружины подчиненных им племен, так как, как уже указывалось, северяне сами представляли собой племенной союз. Этим можно объяснить и то, что летопись упоминает о вятичах в составе рати Олега, тогда как нигде нет упоминаний о покорении их в то время Киевом. Отдельные же группы вятичей, главным образом живших на пограничье с северянами, могли быть подвластны северянским князькам и выступать вместе с ними в поход.

Подобное состояние продолжалось в течение всего княжения Игоря и Ольги. Последняя пыталась прочнее обосноваться в Северской земле, организовав там свое феодальное хозяйство. Летопись замечает: «Устави... по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе».⁴ Сын ее, Святослав Игоревич, является чрезвычайно колоритной фигурой. Не вдаваясь в подробности, его можно было бы охарактеризовать как типичного князя-воина, варвара-дружинника, полукочевника, пытавшегося, по выражению А. Е. Преснякова, восстановить скифскую державу, скифское наследство,⁵ последнего «Рюриковича», энергично воевавшего у самых стен Восточного Рима. Об этом свидетельствуют его походы на Хазарию, разгром последней, покорение дунайских болгар; перенесение столицы Руси на Дунай, в Переяславец, война с Византией. В княжение Святослава в области политического устройства и взаимоотношений Киева и Северской земли, по сравнению с предшествовавшим периодом, не происходит, по-видимому, никаких изменений. Конечно, процесс распада варварского

Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия.

2 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 30,32.

3 Там же. С. 46.

4 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 58—59. О значении княжения Ольги см.: Юшков С. В. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X—XI вв. // Историк-марксист. 1936. № 6.

5Пресняков А. Е. Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы// Яфетический сборник. Т. V. С. 14—15.

143

общества и развития феодальных отношений во всем его многообразии несомненно продолжает идти вперед, но никаких письменных источников той эпохи, указывавших бы на это явление, до нас не дошло.

«Повесть временных лет», правда, подчеркивает одно интересное обстоятельство, имевшее место в 968 г. В этот год, как указывает «Повесть», «придоша печенези на Руску землю первое...».

Первое нашествие печенегов застало Киев врасплох. Святослав пребывал в своем излюбленном Переяславце на Дунае. Ольга со своими внуками: Ярополком, Олегом, Владимиром и всей дружиной заперлась в городе. Печенеги начали осаду, обложив Киев со всех сторон. В городе уже начинался голод.

Подошедшие на лодках на помощь осажденным киевлянам «людье оная страны Днепра» во главе с воеводой Претичем медлили ударить на печенегов и выручить осажденных. Тяжелое положение киевлян им было к тому же неизвестно. Для того чтобы вызвать более энергичные действия воеводы Претича, один юноша-киевлянин взялся пройти через лагерь осаждавших и сообщить Претичу, что дальнейшее промедление невозможно. Это опасное предприятие ему удалось, и на утро Претич ударил со своей дружиной на печенегов. Последние, решив, что идет сам воинственный Святослав, отступили. Когда город был уже освобожден, печенежский князь спросил у Претича, князь ли он, на что тот ответил, желая обманом усилить панику среди печенегов, что только «муж» его, возглавляющий передовой отряд, а сам князь с остальной дружиной идет вслед за ним. Далее «Повесть временных лет» описывает сцену побратимства печенежского князя с Претичем и обмен оружием: печенег дает Претичу коня, саблю и стрелы, тот же в свою очередь одаривает печенежского князя броней, щитом и мечом.¹ Остановимся на анализе этого отрывка из летописи. Прежде всего бросается в глаза то, что данный отрывок, по-видимому, как и целый ряд других, является рассказом, передававшимся из уст в уста до тех пор, пока, наконец, не был зафиксирован летописцем. • Точность отдельных мест, образность его заставляют предполагать, что даже если в него включен известный элемент домысла, фантазии, то во всяком случае в основе рассказа лежит несомненно имевшее место в действительности событие. Это тем более вероятно, что первое крупное столкновение с печенегами и осада ими Киева могли породить сказания, зафиксированные уже позднее составителем летописи. Подобные элементы летописи, сложившиеся в результате записи сказаний, былин, рассказов очевидцев и участников, довольно часты и имеют немаловажное значение. Конечно, приднепровские славяне сталкивались с печенегами и до событий 968 г. Об этом свидетельствует хотя бы то, что посланный из Киева к Претичу отрок проник в печенежский лагерь и прошел через него, пользуясь своим знанием печенежского языка и выдавая себя за печенега, отыскивающего убежавшую лошадь, далее, указание летописи под 915 г., когда, в противоречии с толкованием событий 968 г., говорится, что «придоша печенези первое на Русскую землю», наконец, свидетельство летописца под 944 г., когда печенеги принимают участие в походе на Византию, организуемом Игорем,

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 64—65.

J 44

и др. Таким образом, необходимо отметить, что указание летописи под 968 г. о первом пришествии печенегов на «русскую землю» следует понимать не как первое столкновение их с Русью, а как первый большой поход непосредственно на Киев. И вот это-то величайшей значимости для киевлян событие несомненно могло породить былины и сказания, зафиксированные впоследствии летописью. Противоречие же внутри самой «Повести» в виде упоминания о двух первых пришествиях печенегов на Русь вполне понятно, если мы учтем характер и происхождение источника. Кто же были «люде оная страны Днепра»? Вполне естественно усматривать в них обитателей прилегающей к Киеву части Северской земли.¹ «Оная страна» Днепра — это Левобережье. Вряд ли на узенькой полосе Левобережья, принадлежащей собственно Киеву, могла находиться все же довольно многочисленная дружина, сумевшая, хотя бы путем обмана, обратить в бегство орды печенегов. Скорее всего северские дружины с крайнего западного уголка Северской земли, узнав о нападении печенегов, во главе с Претичем поспешили к Киеву. Если бы Претич со своей дружиной оказался в момент осады где-либо поблизости, в Ольжичах, Городце, Сакове, то это расстояние дружинники могли бы легко покрыть, и, таким образом, киевляне не были бы доведены до голода. Голод же начался в Киеве до того, как собрались «люде оная страны», — так, по крайней мере, можно заключить из самого контекста рассказа «Повести». Следовательно, события разворачивались примерно следующим образом. Печенеги обложили Киев, не занимая Левобережья. Из ближайших к Киеву поселений Левобережья гонцы-дружинники дают знать о случившемся в землю северян, откуда уже подходит основная масса северянских дружинников, предводительствуемая Претичем. Сам Претич, по его словам, — «муж Святослава».

Скорее всего Претич был северянским князьком, каким-то потомком самостоятельных северских князьков (тех самых «светлых князей» договоров русских с греками, о которых уже говорилось выше) и одновременно воеводой киевского князя, его вассалом и наместником в «оной стране Днепра», т. е. в Северской земле.

Большие курганы Чернигова, типа «Черной могилы», «Могила княжны Чорны», «Гульбища», относящиеся ко второй половине X в., являются погребениями подобного рода безыменных князьков-воевод Северской земли. Это были воеводы княжеские, его вассалы, наместники киевского князя в Северской земле и одновременно представители туземной княжеской линии, выкристаллизовавшейся в процессе феодализации. Имена их не дошли до нас. Этому способствовали и сам характер летописи, и отсутствие местного чернигово-северского летописания, и политический интерес летописца. Только случайно, в связи с таким крупным событием, как осада Киева печенегами, имя одного из них мелькнуло на страницах летописи.

Так, например, Багалея отмечает, что фраза Претича «подъступим завтра в лодьях, и попадше княгиню и княжиче умчим на сю страну; аще ли сего не створим, погубите ны имать Святослав» указывает на опасение воеводы попасть в немилость Святославу или даже быть погубленным последним вместе с дружиной. По его мнению, «вряд ли не северянин мог выставить единственным аргументом для подания помощи — мщение Святослава» (Багалея Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 44).

145

Многочисленные же княжеские курганы Чернигова так и остались безыменными, так как считать достоверными те предания, которые еще в первой половине XIX в. связывали их с именами северянского князя Черного и его дочери Чорны, погибших в борьбе с древлянами, невозможно.

Вряд ли можно говорить о полном подчинении Киеву северянской земли в период княжения Святослава. Не говоря даже об отдельных явлениях, имевших место в

княжение Владимира, как это мы увидим ниже, в землях радимичей и вятичей, наиболее удаленных от Киева, — на основной территории северян киевское владычество встречало в то время глухое сопротивление, принимавшее иногда форму и открытого выступления. Известный момент принуждения в помощи, оказанной Претичем осажденному Киеву (и в этом отношении прав Д. И. Багалея), подтверждает высказанное положение.

Ряд интересных моментов в политической истории Северной земли имел место во время княжения Владимира.

Прежде всего летопись отмечает два события, связанные с вятичами. В 981 г. Владимир «...Вятичи победи, и възложи на ня дань от плуга, яко же и отець его имаше», а через год «заратишася Вятичи, и иде на ня Володимир, и победи я второе».1 Здесь налицо, казалось бы, противоречия: во-первых, вятичей, как мы уже видели по той же летописи, покорил еще Святослав, цитируемое же место заставляет предположить, что где-то в промежутке между походом Святослава и Владимира вятичи снова стали независимыми от Киева и, во-вторых, на следующий же год приходится Владимиру снова покорять вятичей.

И действительно, та же «Повесть временных лет» сообщает о столкновении Святослава с вятичами в 964 г., а под 966 г. указывает: «Вятичи победи Святослав, и дань на них възложи».2

Итак выходит, что вятичи покорялись четыре раза: два раза Святославом и два раза Владимиром. Чем это объяснить?

Прежде чем остановиться на разрешении этого вопроса, привлечем еще одно подобное же место из летописи. В 984 г. «Иде Володимер на Радимичи. Бе у него воевода Вольчий Хвост и посла и Володимер перед собою, Вольчья Хвоста, сърете я на реце Пищане, и победи радимиче Вольчий Хвост; тем и Русь корятся радимичем, глаголюще: "Пищанци вольчья хвоста бегают". Быша же радимичи от рода Ляхов; пришедше ту ся все-лиша, и платят дань Руси, повоз везут и до сего дне».3

Совершенно правильно исследователь истории одного из наименее изученных племен, радимичей, — Б. А. Рыбаков — считает Пищанские события не каким-либо восстанием, ранее уже полностью покоренных радимичей, вызвавшим карательную экспедицию Владимира и воеводы Волчьего Хвоста, а одним из моментов пограничного столкновения княжеских дружинников — сборщиков дани — с радимичами.4 Таких столкновений было, по-видимому, очень много, но, конечно, далеко не все из них попали на страницы летописи. Покорение северян, радимичей и вятичей

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 80.

2 Там же. С. 63—64.

3 Там же. С. 82.

4 Рыбаков Б. А. Радимичи. С. 140—141.

Олегом и Святославом действительно следует рассматривать не как одноактный факт включения этих племен в стройную единую государственную систему Киева, а как включение их в орбиту влияния Киева, которое прежде всего выражалось в даннических отношениях примитивного подданства, буквально означавших «быть под данью».

Господство Киева над окрестными племенами и подчинение их его власти выражалось прежде всего в сборе дани, вначале только эпизодическом, и только позднее превратившемся в регулярное полюдь, и в налетах киевских дружинников для захвата «челяди». Более четкие организационные формы это господство принимает с того момента, когда киевский князь начинает включать, время от времени и по мере

надобности, в состав своей рати представителей местных племенных дружинных прослоек и водить их за собой в военные походы. Еще прочнее становится господство Киева с того времени, когда киевские воеводы сидят в городах подчиненных земель, как это было, по-видимому, у северян.

По отношению к радимичам и вятичам такого вывода сделать нельзя. Лишь отдельные походы «по дань», сопровождавшиеся крупными столкновениями, или руководимые самим князем и то, по-видимому, далеко не всегда обращали на себя внимание и были зафиксированы начальной летописью.

Если же подходить к сообщениям летописи не критически, то тогда действительно мы сталкиваемся с противоречивыми, на первый взгляд, ее сообщениями о неоднократном покорении одного и того же племени различными князьями и в разное время. Необходимо учитывать высказанные положения и видеть в сообщаемых летописью фактах отражение столкновений во время сборов дани. В промежутках же, хотя бы между покорением радимичей Олегом и столкновением на реке Пищане (Песчане), киевские князья и их дружинники, конечно, не раз ходили в землю радимичей за данью, полною — челядью, не раз набирали дружину из числа радимичских воинов.

По-видимому, также складывались отношения Киева с вятичами. Но в данном случае вполне возможно допустить, что для подчинения вятичей, живших в глухом лесном краю, киевским князьям пришлось затратить неизмеримо больше усилий и времени. Восстания вятичей, связанные с их христианизацией, борьба Мономаха с Ходотой и его сыном, — все эти факты достаточно красноречиво говорят о том, что у вятичей было и больше энергии в отстаивании своей самостоятельности, да и больше возможностей за нее бороться, чем, например, у радимичей. Радимичи жили очень недалеко от Киева, где всегда было много дружинников и вооруженных купцов с великого водного пути «из варяг в греки». Стремление вятичей отстоять свою самостоятельность и благоприятные условия для таких стремлений позволяют сделать вывод о том, что на протяжении ряда лет — от похода Святослава в 966 г. до похода Владимира в 981 г. — они были независимы от Киева. По-видимому, даже следует предположить, что между первым крупным столкновением вятичей с киевским князем Святославом и вторым, при Владимире, вообще на земле вятичей не было ни киевских дружинников, ни данщиков, и их зависимость от Киева в то время и вообще в X в. была еще более эфемерной, еще более условной,

147

нежели зависимость радимичей. Только при учете специфических местных условий, которые оказывали свое влияние на политику киевских князей при покорении отдельных племен, до известной степени можно понять противоречивые, казалось бы, указания летописи.

Описание летописью столкновения с радимичами на р. Пищане свидетельствует о том, что времена относительной самостоятельности радимичей отходят в область преданий. В этом же описании указывается и на характер зависимости радимичей. Обычная дань сочетается с очень тяжелой повозной повинностью, существующей «до сего дне», т. е. до времен летописца, и сохранившейся во всяком случае во второй половине XI в. Конечно, эта повинность падала не на всех радимичей, а только на низы, общинников-смердов. Радимичская феодализирующаяся верхушка от нее была освобождена, и единственной ее обязанностью было несение военной службы.

Б. А. Рыбаков указывает на погребение дружинника, расположенное близко от того места, к которому можно приурочить битву радимичей с Волчьим Хвостом. В нем он усматривает погребение не киевского дружинника, а радимича. В могиле найдены панцирь, нож и боевой топор. Находка свидетельствует о выделившейся в среде

радимичей дружинной прослойке. Со времен битвы при р. Пишане радимичи уже окончательно теряют свою самостоятельность, Киев полностью захватывает их территорию, устанавливает и регламентирует, судя по известию летописи, определенные повинности.¹

Земля вятичей остается еще в известной мере самостоятельной до XII в., и только межкняжеские усобицы XII в., когда ареной битв становятся дремучие леса вятичей, превращают эту последнюю в составную часть княжеских владений не только формально, но и фактически. Но об этом далее.

Княжение Владимира ознаменовывается для Северной земли еще рядом важнейших событий. К ним прежде всего следует причислить принятие христианства. Не пытаясь нарисовать ни общую картину христианизации, ни подробно останавливаться на причинах, побудивших феодальную верхушку принять новую религию, а затем уже, часто огнем и мечом, распространить ее по всей земле, ни на вопросе о роли и значении принятия христианства, мы все же хотим подчеркнуть некоторые моменты, связанные с появлением христианства в Северной земле.² Нет надобности сейчас говорить о том, что христианство проникало в древнюю Русь задолго до Владимира. На это указывает целый ряд источников: «Жития» Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, договоры русских с греками, Окружное послание Фотия, устав Владимира и др.³ Так же, как и в Киеве,

'Рыбаков Б. А. Ук. соч. С. 141.

'Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. 4. II.

'Пархоменко В. А. Начало христианства Руси; Павлов А. С. К вопросу о подлинности устава св. Владимира // Труды VIII Археол. съезда. Т. IV. С. 72—73.

А. С. Павлов считает возможным говорить о подлинности устава Владимира, и с ним соглашается такой осторожный исследователь, как А. Е. Пресняков (см. его «Лекции по русской истории», т. I).

Васильевский В. Г. Труды, Т. III, «Русско-византийские исследования» — «Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского»; ДАИ. Т. VI.

148

христианство проникало в IX в. и в Северскую землю, но пути его проникновения могли быть, и несомненно были, несколько иными. Кроме великого водного пути, по которому и Киевская и Северская Русь сталкивались с греками, последняя своими крайними юго-восточными поселениями непосредственно сталкивалась с другим центром христианского мира, также византийской ориентации. Мы имеем в виду Кавказ. Неслучайно в «Уставе» Льва Философа Русская епархия помещена 61-й, а вслед за ней идет расположенная рядом 62-я, Аланская.¹ Дружинники и купцы еще даже в те времена, когда Северская земля входила в состав Хазарского каганата, в городах Хазарии встречались с христианами, и это должно было неизбежно повести к появлению христианства в городах Левобережья. Правда, случаи принятия новой веры были единичным и редким явлением. Непрерывающиеся связи с христианством Прикавказья в течение IX—X вв. безусловно расширяли круг христиан. Язычество во всем своем многообразии продолжало быть господствующей религией низов, но среди верхов христианство получило уже определенное число своих сторонников.

Социальные сдвиги толкали господствующий класс древней Руси к христианству. Старая языческая религия не соответствовала новым феодальным формам общественной жизни, новым зарождавшимся социальным отношениям.

Христианство в Северной земле распространилось среди господствующих группировок едва ли намного позднее, чем в Киеве. Об этом свидетельствуют хотя бы те факты, которые разбросаны в «Житиях». В Любече еще в конце X в. живет Антоний,

в будущем видное лицо христианской церкви. В Курске к началу XI в. христианство пустило уже настолько глубокие корни среди городской знати, что появилась страсть к паломничеству, о чем свидетельствует «Житие Феодосия Печерского», а это в свою очередь предполагает сравнительно длительный период бытования христианства. Отдельные указания, разбросанные в различных источниках, дают возможность сделать определенные выводы о начале распространения христианства в Северной земле. Безусловно, с момента официального принятия христианства процесс христианизации в Северной земле протекает гораздо интенсивней: Владимир, по летописи, «ставит церкви и попы» «и люди на крещенье приводитTM по всем градам».

Города Северной земли не могли остаться вне поля его деятельности.

Укрепление новой религии среди господствующих группировок и постепенное, часто насильственное внедрение её в гущу низов населения создавали для церкви, поддерживаемой силой оружия феодалов, все более многочисленную паству. Как следствие данного процесса мы видим учреждение в 992 г. в Чернигове специальной епархии. Епископом в Чернигове в середине XI в. был Неофит.²

Ко временам Владимира относится «освоение» киевским князем Северной земли, пытавшейся еще сохранить свою самостоятельность.

1 Л а м б и н. О Тмутараканской Руси // Журнал м-ва нар. проев. 1874.1. С. 67—69.

2 Голубинский. История русской церкви. Т. I, полутом I. С. 335—336; Приселков М. Д. Очерки церковно-гюлитической истории Киевской Руси. С. 118, 124; Зотов Р. В. Ук. соч. С. 10.

149

0 том, что в Северной земле было с точки зрения киевского князя «неспокойно», и не только в силу частых нападений печенегов на окраинные поселения древней Руси, свидетельствует деятельность Владимира, связанная с постройкой порубежной укрепленной линии.

«И рече Володимер: "се не добро, еже мало городов около Киева". И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле и по Стугне, и поча нарубати муже лучьшие от Словень, и от Кривичь, и от Чюди, и от Вятичь, и от сих насели грады; бе бо рать от Печенег, и бе вою-яся с ними и одоляя им». 1

Все исследователи, обращая в свое время внимание на приведенное место из летописи, толковали его как свидетельство об укреплении Владимиром порубежья с целью борьбы только с одними кочевниками. Д. Багалеи и П. Голубовский в своих монографиях также рассматривают градостроительную деятельность Владимира как средство обезопасить окраины древней Руси и, в частности, в первую очередь Киев и Переяславль, от нападения печенегов.² Правда, Голубовский видит в деятельности Владимира одновременно и попытку Киева укрепить свое господство в земле северян. С нашей точки зрения, указанный момент играл весьма существенную роль, толкая Владимира на создание сети укрепленных городков. В этом отношении совершенно прав Н. Сенаторский, указывающий, что мероприятия Владимира были обусловлены стремлением прочнее обосноваться в Северной земле.³ Отнюдь не стремясь отбросить и другие побудительные мотивы, в частности — попытку укрепить порубежье от степняков, мы все же считаем необходимым отметить и эту сторону. В частности, не случайно и то, что городки по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне были заселены не местными северянскими воинами-дружинниками, а пришлым населением, «лучшими мужами» северных племен древней Руси: словенами с далекого Ильменя, кривичами, чудью и обитателями дремучих вятичских лесов. Поселения пленных на окраинах имеют место в истории древней Руси (например, поселение пленных ляхов Ярославом на Руси в 1031 г.), но такое массовое заселение городков иноплеменным по отношению к

основному населению территории составом свидетельствует о том, что, очевидно, дело охраны земли Северской с точки зрения киевского князя гораздо целесообразнее было поручить переселенным «лучшим мужам», в которых, кстати сказать, нельзя усматривать пленных, чем местной дружинной прослойке. Подобное предположение подтверждается и событиями 1015г., происшедшими в Северской земле. Речь идет о походе Бориса, посланного заболевшим Владимиром по одному варианту для отражения напавших печенегов, по другому — для усмирения восставших городов Левобережья. «Повесть временных лет» дает именно первый вариант: «Печенегом идущем на Русь, посла противу им Бориса»... тогда как в изданных Срезневским «Сказаниях о

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 118—119.

2Багалец Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 18, 124—125; Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 52—53.

'Сенаторский Н. Исторический очерк города Рыльска в политическом и церковно-административном отношении. Курск, 1907. С. 10—11.

150

Борисе и Глебе» имеет место второй: «Таче блаженный Борис оумирив грады вся, възвратися вспять». «Повесть» далее сообщает, что Борис возвратился назад, не найдя нигде печенегов. Это сообщение, конечно, не исключает и действительно имевшего место факта. Возможно, что печенеги, прослышав о походе Бориса, ставившего себе целью «умиротворенье» северских городов, ушли в степи. Второй вариант похода Бориса, памятуя изложенное выше, заставляет сделать предположение о продолжавшемся сопротивлении Киеву со стороны отдельных социальных группировок Левобережья. Трудно сказать, какой характер носило брожение городов «оной страны» Днепра. Было ли это восстание городских низов против развивавшейся феодально-ростовщической верхушки, было ли это сопротивление отдельных представителей местной знати некоторых городов власти киевского князя, — прямого ответа на поставленный вопрос мы нигде не найдем. Возможно, что толчком к восстанию действительно послужил набег печенегов, который рассматривался туземной верхушкой как доказательство неспособности киевского князя, отнявшего у нее инициативу в деле организации укрепления порубежья ее земли, обезопасить Северскую окраину от посягательств кочевников. Восстанию могла способствовать и деятельность княжеских даньщиков, и прочих «мужей» киевского князя, собиравших большие дани и вмешивавшихся в деятельность северянской знати. Этот вопрос остается открытым, но важно то, что в это время, под конец княжения Владимира, Северская земля окончательно подчиняется Киеву и северянская феодализирующая племенная знать покоряется киевскому князю и сливается с его дружиной. Не случайно последние богатые и огромные Черниговские курганы с кострищами типа «Черной могилы» датируются второй половиной X в., а в них, как было уже указано, археологи совершенно справедливо усматривают погребения северянской племенной знати, быть может, туземных князей. Строительство Владимиром городков-острогов, заселение их гарнизонами «лучших мужей» вятичских, кривичских, словенских и чудских, подвластных киевскому князю, «умиротворение» северских городов Борисом — все это отдает Северскую землю в руки киевского князя, а северянскую знать окончательно превращает в его вассалов.

Со смертью Владимира разгорается межкняжеская борьба за Киев, завершающаяся победой Ярослава, а через некоторое время на страницах летописи в качестве активной политической силы выступает тмутараканская дружина Мстислава. Тмутаракань впервые упоминается в летописи под 988 г.'

Прежде всего несколько слов о местоположении Тмутаракани и подлинности пресловутого камня князя Глеба. Вопрос о Тмутаракани до открытия камня оставался одним из наиболее туманных вопросов истории древней Руси. Свидетельством о том является хотя бы точка зрения Татищева, писавшего до того, как камень князя Глеба стал предметом всеобщего обсуждения: Тмутаракань не приурочивалась им вообще к окраинным владениям древней Руси.

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 118.

151

Камень был найден в 1792 г. черноморскими казаками отряда полковника Белого при постройке казарм.¹ Автором первой заметки, посвященной Тмутараканскому камню, был А. И. Мусин-Пушкин, приурочивший Тмутаракань к району находки камня князя Глеба.² Вскоре началось оживленное обсуждение вопроса, и специалисты раскололись на три лагеря: 1) отвергавших подлинность надписи, 2) признавших такую и 3) колеблющихся. Добровский, Паллас,³ Шлецер⁴ представляли первый лагерь, второй одно время получил защитника и яркого сторонника в лице Оленина.⁵ Выступивший вслед за Олениным Свиньин подверг резкой критике точку зрения защитников подлинности Тмутараканского камня, обосновав ее тем, что 1) надпись сама по себе подложна, 2) существование древнерусского княжества в столь отдаленном от основных центров Поднепровья месте, отрезанном степями, немислимо и 3) открытие камня обусловлено, по его мнению, политическими задачами, — что является наиболее интересным в его положениях. Памятуя исконную борьбу сперва Московской Руси и затем Российской Империи с турками, особенно разгоревшуюся в период царствования Екатерины II, Свиньин доказывает, что находка камня — мистификация, имевшая целью доказать всю основательность претензий России на Тамань как на свое старинное владение, правда, давно утерянное. Поэтому он считал возможным два пути истории открытия камня: 1) камень найден где-либо, привезен на Тамань и там вторично «открыт» или же 2) надпись была изготовлена на месте и также «открыта».⁶ Нельзя отказать автору в интересной мысли — попытке видеть в самом факте археологической находки известные политические мотивы. Точка зрения Свиньиной отразилась на работе Арцыбашева, приурочившего Тмутаракань к местности между устьем Днепра и Перекопом.⁷ Выступивший вслед за ним в печати Кеппен доказал, что во времена открытия камня не было и не могло быть такого палеографа, который смог бы вырезать надпись.⁸ Вскоре в «Отечественных записках» появляется статья Р. Спасского, заключающая нападки на сторонников подлинности камня князя Глеба,⁹ но Бутков, по выражению А. А. Спицина, «навсегда обезвредил камень от возведенных на него Спасским обвинений».¹⁰ Позднейшие исследователи почти полностью признают в своих

Спицин А. А. Тмутараканский камень // Записки Отделения русской и славянской археологии Русск. археол. о-ва. 1915. Т. XI. С. 103—107.

2 Мусин-Пушкин А. И. Исследование о местоположении древнего Тмутараканского княжения. СПб., 1794.

" Спицин А. А. Тмутараканский камень. С. 108—109.

4 Ш л е ц е р. Собр. соч. Т. III. С. 49.

5 О л е н и н. Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 г. СПб., 1806.

Свиньин. Обзорение путешествия // Сын отечества. 1826. Ч. 25.

7 Арцыбашев. О Тмутаракани // Чтения в о-ве истории и древностей российских. Т. II. С. 29; Т. IV. Кн. I. С. 78—101.

8 К е п п е н. Нечто о Тмутараканском камне // Труды о-ва истории и древностей российских. Т. V.

9Спасский Г. Исследование Тмутараканского камня // Отечественные записки. 1844. Т. X; Е г о же. Защитникам Тмутараканского камня // Там же. 1847. Т. 54.

10 Бутков. Объяснение русских старинных мер линейной и путевой // Журнал м-ва внутр. дел. 1844. Т. XI; Морошкин М. Исследование покойного академика Буткова 152

работах подлинность камня. Так, например, А. А. Спицин, вслед за Соболевским, находит определенное значение и в «бессмысленной», по мнению противников Тмутараканского камня, надписи князя Глеба, характеризуя тип надписи как русский, эллинизированный, напоминающий греческие надписи юга России. Мера же на сажень, в то время не распространенная на Руси, — обычное явление у греков и народов Кавказа, т. е. того самого этнического начала, без которого невозможно понять появление и развитие Тмутаракани и Корчева. За признание подлинности Тмутараканского камня высказались Н. И. Веселовский¹ и Бертье-Делагард.² Последними представителями скептиков явились В. Д. Смирнов,³ выдвинувший тезис о «фантастичности» Тмутаракани и получивший соответствующую отповедь в статье Н. И. Репникова,⁴ и В. Новицкий,⁵ вслед за Арцыбашевым, в угоду националистической концепции всей своей работы, приурочивший Тмутаракань к косе Джерилгач, близ устья Днепра. Последние две работы, памятуя все, что сделано было ранее другими исследователями, только доказывают недостаточную осведомленность авторов о всем том, что стало достоянием исторической науки за последние годы. Основное положение, выдвинутое Новицким, говорит о том, что Тмутаракань не может быть на Тамани, так как в «Патерике Печерском» говорится об острове Тмутараканьем, а Тамань — полуостров. Но Тамань в свое время, по мнению геологов и историков, действительно была островом или даже группой островков.⁶ Богородицкий монастырь, основанный Никоном, иноком Киево-Печерского монастыря, мог действительно стоять на острове и в то же самое время — на Тамани. Ныне Тмутаракань перестает быть наиболее темным участком истории древней Руси. Свидетельства летописи, отдельных памятников: «Патерика», «Слова о полку Игореве»,

о Тмутаракани и Тмутараканском камне // Известия Русского археол. о-ва. Т. II; Спицин А. А. Тмутараканский камень. С. 113.

¹Веселовский Н. И. К истории открытия Тмутараканского камня // Вестник археологии. 1917. Т. XXII.

²Бертье-Делагард. Заметка о Тмутараканском камне // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. Т. 35.

³Смирнов В. Д. Что такое Тмутаракань // Византийский временник. 1923. Т. XXIII.

⁴Репников Н. И. О древностях Тмутаракани // Труды Секции археологии. РАНИОН, 1928. Т. IV.

⁵Новицкий В. Давне Лукомор'я // Записки Історічно-фшолопчного вІдддшу. Всеукр. Ак. наук, 1929. Т. XXIV.

⁶Г е р ц. Археологическая топография Таманского полуострова. «Древности» — Труды Московского археол. о-ва. Т. II; Г о л у б о в с к и й П. В. История Северной земли до половины XIV столетия; Пархоменко В. А. Три центра древней Руси; Его же. Начало христианства Руси; Его же. У истоков русской государственности; Ламанский. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании и др.-

На иной точке зрения стоит И. Забелин (Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского // Труды III Археол. съезда. Т. II). Забелин отрицает утверждения исследователей, признающих в Тамани в свое время остров, но аргументы его противников значительно солидней. Так, например, «Генеральная карта войны с Турцией 1769—1775 гг.» обозначает Тамань островом. Это же подтверждают

Тунман и татарские известия. Характерно то, что Мукадесси называет Русский остров «нездоровым», и академик Паласе в XVIII в. называет Тамань «нездоровым островом». См.: Полканов А. И. К вопросу о конце Тмутараканского княжества // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. 1929. Т. III. С. 44—46.

153

Даниила Паломника, указания восточных и даже западноевропейских источников, легенды, сказания и, наконец, археологический материал дают возможность нарисовать общую картину истории Тмутаракани. Для нас, вполне понятно, интерес представляет именно тот период, когда на Тамани было одно из древнерусских княжеств. Ни в более древний период, и в времена татар сколько-нибудь серьезные экскурсии не стоит делать. И сейчас еще среди историков существует мнение о невозможности заниматься историей Тмутаракани из-за отсутствия вещественных памятников и источников.

Еще не так давно А. А. Спицин писал: «История Тмутаракани столь темна и неопределенна, что нет охотников заниматься монографическим исследованием ее судеб. Материала для ученой диссертации тут не сыщешь».¹ Но это не так. За последнее время многое сделано и археологией. Вещественные памятники не ограничивались даже в 1928—1929 гг., как это думает В. Новицкий, камнем князя Глеба, печатью Ратибора и монетой Михаила-Олега, найденных в единственных экземплярах. Правда, второго камня не нашли, но многое стало достоянием науки, и это многое не менее интересно, чем надпись князя Глеба.

Вислые, свинцовые печати с надписью «От Ратибора»² найдены: одна — под Керчью, две на Тамани, одна в Севастополе и одна в Киеве.³ Монета Михаила, а это имя получил, как христианское, Олег Святославич, найдена также не в одном экземпляре — в разное время было обнаружено их три штуки. На монетах надпись: «ГИ ПО /МОЗИ/ МИХА/ИЛ». С другой стороны серебряной монетки изображение архангела Михаила.

В 1912 г. на нижнем течении Кубани найдена свинцовая печать с греческой надписью и именем архонта Михаила. Известна свинцовая печать жены Олега Святославича, Феофании Музалон, с надписью: «Господи, по-мози рабе твоей Феофании Музалон, архонтиссе Руси».⁴ Все это свидетельствует о деятельности тмутараканского князя Олега именно на Северном Кавказе и в Восточном Крыму. Раскопками Тизенгаузена 1870 г., произведенными около Лысой Горы на Тамани, обнаружены: могильник с 9 погребениями в каменных гробницах, содержащих в себе малые медные и золотые височные кольца, с заходящими друг на друга концами, характерные для Киевских находок XI—XII вв., два крестика, два бубенчика и т. п. Инвентарь тождественен приднепровскому, сла

1 С п и ц и н А. А. Тмутаракань // Журнал м-ва нар. проев. 1909. Т. I. С. 80.

2 Трехстрочная надпись: «шГЪ/РАТИ/БОРО».

3 Люценко. О древней вислой свинцовой печати с надписью «От Ратибора», найденной в 1872 г. около г. Еникале, что в Керченском градоначальстве // Труды III Археол. съезда. Т. II; Е г о ж е. Заметки из Керчи. «Древности» — Труды Московского археол. о-ва. Т. III. Вып. II; Р е п н и к о в Н. И. Ук. соч.; Толстой И. И. Древнейшие монеты великого княжества Киевского; Его же. Русские древности. Вып. IV. С. 72.

4 Репников Н. И. Ук. соч.; Лопарев Х. М. Византийская печать с именем русской княгини // Византийский временник. 1894. Т. I; Багалея Д. И. Нарис icTopii У кражи на сощяльно-економичному грунту. С. 266; Орешников. Задачи русской нумизматики древнейшего периода // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. Т. 54. С. 30—31; Е г о ж е. Материалы к русской сфрагистике // Труды Московского

нумизматического о-ва. Т. III, табл. II; Его же. Денежные знаки домонгольской Руси. С. 81, 85; Толстой И. И. О византийских печатях Херсонесск. Фемы.

154

вянскому. В свое время был найден там же, на Тамани, образец из камня с резной фигурой и надписью «Давыд Глеб».1 Н. И. Репников указывает, что в разное время на Тамани было найдено много вещей русского происхождения XI—XII вв., как то: височные кольца, бусы, перстни и т. п., хранящиеся теперь в местных музеях.2 В одном из своих докладов в ИИФО ГАИМК М. И. Артамонов сообщил о находке на Тамани камня-балласта для судов из той породы, которая встречается лишь под Киевом. Об этом же говорят многочисленные находки красных шиферных пряслиц. Раскопками ГАИМК на Тамани найдено нелучье с тамгой, напоминающей тамгу Ярослава. Весь приведенный материал убедительно доказывает наличие древней Тмутаракани именно на Тамани. Монеты, печати, камень Глеба, отдельные вещи и т. п. — не случайные находки, а свидетельства наличия Тмутараканского княжества. Тмутаракань вошла составной единицей в древнюю Русь. Древний еврейский документ, говоря об Олеге, указывает на большое значение ее в жизни одного из русских князей, вопрос только в том, о летописном ли Олеге идет речь.3 Быть может, связь Олега — «Хальгу» документа Шехтера — с Тмутараканью даже больше, нежели она нам рисуется с первого взгляда. Не без основания дошло до нас преданье, что Ольга, жена Игоря, была дочерью тмутараканского князя.4 Сам факт можно оспаривать, но это предание — лишнее подтверждение древней связи Руси Поднепровской с Тмутараканью. Таким образом, вопрос о местоположении древней Тмутаракани решен бесповоротно в пользу Тамани. В состав ее входили собственно «остров» и «град» Тмутаракань, Корчев-Керчь и Russia. По поводу местонахождения последней спор собственно не закончен. Кулаковский и Брун видят в ней Керчь и считают Корчев и Russia различными названиями одного и того же места. О том, что Керчь-Корчев действительно принадлежала тмутараканскому князю, свидетельствует характер надписи на камне Глеба, да и ряд находок у Керчи и в Крыму вообще, едва ли случайно сюда занесенных. Васильевский, Голубовский и Грушевский усматривают в Russia порт, город у устья Дона. В ранних своих работах А. А. Спицин к этому же месту склонен был приурочить Тмутаракань вообще. В аргументах и тех и других есть весьма солидные положения. Борьба греков с тмутараканским князем организовывается в Корсуни, следовательно Керчь принадлежит Тмутаракани, так как в противном случае инициатива заговора исходила бы из Керчи. По Эдризиде (1153 г.), Russia — порт в 20 милях от Матрахи.5 До устья же Дона не 20 миль. В договоре императора Мануила с генуэзцами 1169 г. упоминаются Матраха и Росою: как недале-

1 С п и ц и н А. А. Расселение древне-русских племен по археологическим данным, отд. отт. // Журнал м-ва нар. проев. С. 38; Отчет Гос. исторического музея за 35 лет М., 1916.

2 Репников Н. И. Ук.соч. Коковцев. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // Журнал м-ва нар. проев. 1913, ноябрь. См.: Его же. Еврейско-хазарская переписка X в.

4 Гиляров. Преданья начальной русской летописи. М., 1878. С. 136; Л а в р о в с к и й. Олег и Хальгу хазарского документу, виданного В. Шехтером // Кмвсью ЗбірНіКі історії, археологи, побуту і мистецтва. С. 18.

5 По другому варианту в 27 милях.

155

ко расположенные друг от друга. С другой стороны, на Дону, в XIII в., по Рубруку, находится Русское село. Эдризиде сам указывает, что Russia — у устья Русской реки.1

Не предвещая этого вопроса, все же считаем необходимым приурочить Russia не к одному географическому пункту, а к двум. Не отрицая показаний Эдризиды и, таким образом, приурочивая Russia к географическому пункту где-то вблизи Матархитмутаракани,² в то же время укажем на средневековые итальянские карты, где селение «Rossi» находится в устье Дона, у Азова, на р. Rossi, flume Rosso, причем в нем, быть может, следует усматривать Русское село Рубрука.³ Почему в Приазовье не могло быть двух пунктов, носящих сходное название? Ведь в этом районе термин «рос» распространен с древнейших времен, связывая население Причерноморья IX—X—XI вв. с яфетической «росью».

Во всяком случае, вряд ли Корчев-Керчь назывался «Russia». Считать этот вопрос разрешенным полностью, конечно, нельзя. Археологические разыскания, а быть может, и находка письменных источников, прольют свет и на это темное место истории Тмутаракани.

Как возникло Тмутараканское княжество?

Вопрос этот чрезвычайно сложный и трудный. Одни, как В. А. Пархоменко и А. И. Соболевский, считают Тмутаракань одной из древнейших русских земель, центром третьего русского племени; другие, наоборот, склонны считать ее результатом походов Монга и Сфенга на хазарского князя Георгия Цула в 1016 г., а третьи связывают ее появление с походом Святослава на хазар, четвертые же — с походом Олега и Игоря.⁴

Появление Тмутаракани нельзя не связать с первыми походами руссов на Каспийское море.

Некоторые из них мы уже ранее привлекали для доказательства тесных связей между Русью и Кавказом.

Теперь мы попытаемся охарактеризовать их подробнее и поставить в связь с происхождением Тмутараканского княжества.

«Вожди, стремившиеся к покою, принуждены под давлением дружины пускаться на новые предприятия». «Военный быт и организация завоева-

'Кулаковский Ю. К истории Боспора (Керчи) в XI—XII вв. // Труды XI Археол. съезда. Т. II; Грушневский М. С. Історія України-Руси. Т. II. С. 71—73; Голубовский П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. С. 184; Спицин А. А. Историко-археологические разыскания, отд. отт. // Журнал м-ва нар. проев. Ч. II: «Тмутаракань»; Бурун. Черноморье.

² А. И. Соболевский видит в «Еруса», «Руса» VIII—IX вв. то же место, которое Птолемей называет «Героуоа». Термин «русъ» по мере оформления «русид» славянской приурочивается греками к последней. По его мнению, «Russia» Эдризиды и «Рюота» греков XII в. лежит где-то у впадения Кубани. См. его «Топонимические заметки» в «Известиях Таврического общества истории, археологии и этнографии».

³ Ковалевский. К ранней истории Азова // Труды XII Археол. съезда. Т. II. С. 112; Fafel. «Constant. Porphyg. De prov. regni. Byzant». 1847, pag. 39. «Russia» А. А. Спицин придает большое значение в торговле русских с Востоком (Спицин А. А. Тмутаракань // Журнал м-ва нар. проев. 1909.1. С. 82—83).

⁴ Пархоменко В. А. У истоков русской государственности; Соболевский А. И. Третье русское племя. ДАН, 1929; Ламбин О. Тмутараканской Руси // Журнал м-ва нар. проев. 1874.1.

156

ния у первых Рюриковичей несколько не отличаются от военного быта и организации завоевания у норманнов в остальной части Европы». ¹

Объектом походов русских дружинников становится прежде всего пышная и богатая Византия.

Но не одна Византия (магическое очарование которой влекло к себе восточных варваров подобно тому, как чары богатства, роскоши и славы привлекали в свое время западных варваров к западному Риму) испытала на себе всю тяжесть ударов могучих и храбрых многочисленных русских дружин.

В другой части цивилизованного мира того времени, на юго-востоке от Руси, за Кавказскими горами, лежали богатые, многолюдные торговые города, поражавшие русских воинов и купцов чисто восточной роскошью, простирались плодородные земли, покрытые пашнями, садами, виноградниками. Западное и южное побережья Каспийского моря были усеяны древними торговыми городами с многочисленными базарами, торговыми площадями и т. п.

Если черноморские морские походы русских на Византию (IX—X вв.) были основным направлением военной политики древней Руси, то походы на Каспий, на Дагестан, Азербайджан, Ширван были вторым путем экспансии русских дружинников.

Походы русских на Каспий ничем принципиально не отличались от налетов на Византию. Стремления воинов, осаждавших стены восточного Рима или сражавшихся с греческим флотом, ничем не отличались от стремления русских дружинников, нападавших на Абесгун, Бердаа, Ширван. В перспективе и у тех и у других была богатая добыча, дань, пленные и слава.

В первый период времени, примерно до X в., налеты русских на Каспийское побережье носили исключительно грабительский характер; с середины X в. мы, как это будет показано дальше, наблюдаем изменение в организации походов, меняются и их цели. Русские дружинники, предводительствуемые военачальниками, стремятся не столько к эпизодическому ограблению страны с тем, чтобы, награбив побольше добычи, вернуться с ней обратно, сколько к захвату территории, к закреплению ее за собой и к установлению собственного владычества с целью систематического и регулярного сбора дани.

Такая форма завоевания для установления своего господства, а не только с целью грабежа, знаменует собой иные формы социальных и политических отношений, установившихся к данному периоду времени в самой Руси, а именно феодальные формы собственности, господства и подчинения.

Русь, завоевав край, уже не довольствуется захваченной в бою или собранной с побежденных военной добычей, а пытается освоить землю, как вообще, конечно, осваивали ее феодалы, т. е. подчинить себе население и заставить его более или менее регулярно уплачивать различные налоги и выполнять некоторые повинности в пользу завоевателей.

Прежде чем приступить к описанию и характеристике первых походов «русов» на Каспий, необходимо подчеркнуть, что появление их в Дагеста-

'Маркс К. Secret diplomatic history of the eighteenth century. Лондон, 1899. С. 75.

157

не, Азербайджане и в других местах прикаспийских областей Кавказа отнюдь не было чем-то новым, невиданным.

Славянское население еще в очень древние времена расселилось по восточноевропейской равнине вплоть до Азовско-Черноморского побережья, устьев Днестра, Буга, Днепра, Дона, а возможно, что и Кубани.

Писатели древности (Прокопий, Маврикий и др.) еще по отношению к IV—V вв. говорят о многочисленных славянских племенах антов, живших к востоку от Днепра. Поселения славянских племен антов в ту эпоху располагались не только в лесостепи, но появились и по побережьям Черного и Азовского морей.

Нашествие гуннов, а с ними болгар и аваров значительно ослабило славянские элементы в степях и приморье. Большая часть антов схлынула на север, к границам

северной лесостепи, часть, под давлением кочевников, продвинулась на запад, а часть, сравнительно небольшая, теснее прижалась к морскому побережью, облюбовав главным образом устья Дона и Кубани.

Эти остатки потомков древних антов и положили начало русским элементам Подонья, Крыма и Северного Кавказа. Затем сюда проникают русские из Приднепровья, создавшие, наряду с нерусскими племенами, на Тамани и в восточном Крыму русское Тмутараканское княжество.

Относительная политическая стабилизация в юго-восточной Европе — результат естественного затишья после вторжения кочевников — наступает лишь в связи с установлением владычества хазар и укреплением Хазарского каганата.

Во времена господства хазар славяне проникают еще дальше на юг и восток.

Еще в VII в. среди хазар на Кавказе были русские, главным образом воины, как показали это исследования Н. Я. Марра.¹

В IX—X вв. масса русских купцов и воинов и, по-видимому, не только их одних населяла Итиль, столицу Хазарии, расположенную у впадения Волги в Каспийское море.²

Вполне естественно, что русским были известны прикаспийские страны, славившиеся своим плодородием, богатством, своими многочисленными торговыми городами.

По свидетельству арабского писателя Ибн-Хардадбега, писавшего в 60-х — 70-х годах IX в., купцы-русы («русы — одно из племен славян») со своими торговыми караванами проникали далеко на восток вплоть до Багдада.³ Знакомство русов с Закавказьем относится, несомненно, не ко времени Ибн-Хардадбега, а к гораздо более раннему времени, во всяком случае не позднее первой половины IX в., /

Вполне естественно и легко объяснимо стремление русских дружинников еще в IX в. проникнуть на Каспийское море, пограбить приморские страны и города, собрать дань, а позднее и обосноваться в этих заманчивых местах.

¹ М а р р Н. Я. По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в. // Избр. работы. Т. V.

² Мавродин В. В. Славяно-русское население нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. // Ученые записки Педагог, ин-та им. Герцена. Т. XI. Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 49.

158

Наша летопись, описывающая далеко не все события древнерусской истории, молчит о походах русских на Каспийское море, и освещением интересующего нас вопроса мы обязаны исключительно восточным, главным образом, арабским источникам.

Первые походы русов в восточные источники датируют второй половиной IX в.

По свидетельству Мухамеда Эль Хасана, написавшего «Историю Табаристана», в правление Хасана, сына Зейды (864—884 гг.), на Абесгун напали русы, но в борьбе с Хасаном они были разбиты. По мнению Куника и Дорна, этот поход русов следует скорее всего приурочить к 880 г.¹

В той же «Истории Табаристана» упоминается о том, как в 909 г. русы на 16 судах прибыли в Абесгун, взяли город, затем заняли Макале (Миан-Кале в Астрабадском заливе). В следующем, 910 г., русы напали на Сари, Дайлеман, Гилян. Правитель, ширваншах, отбил нападение русов.²

Необходимо отметить, что русы имели возможность проникнуть на Каспий, только пройдя через владения хазарского кагана.

Какой характер носил флот русов, бороздивший Каспийское море?

Нет никаких оснований предполагать, что он чем-либо отличался от того флота русов, который плавал на Черном море, хозяйничая на всем огромном его пространстве, нападал на Константинополь, Суруж, Ама-стриду, Пафлагонию и другие области побережья «Понта Евксинского», и в скором времени, именно благодаря действиям русского флота, Черное море получило название «Русского моря» на том основании, на каком в начале нашей эры Балтийское море называлось «Венедским заливом».³

Суда русов описаны Константином Багрянородным в его известном сочинении «Об управлении империей». Суда русов представляли собой обычные однодеревки. Для изготовления такого судна выбиралось огромное дерево (а недостатка их в те времена в русской земле, покрытой дремучими лесами, не наблюдалось), сваливалось, затем обрубались ветви, стесывалась верхняя часть огромной поваленной колоды, выжигалась и выдалбливалась сердцевина, придавалась соответствующая форма корме и носу, и судно вчерне было уже готово. Работы эти совершались обычно зимой, а с наступлением весны с покрытых лесом холмов, где произрастали лесные исполины, судно полуотделанное, скорее напоминавшее колоду, спускалось в реку и по разливу сплавлялось в притоки Днепра, а по Днепру — к Киеву.

В Киеве такая колода-судно подвергалась обработке. Устанавливались уключины, весла, мачты, реи, паруса.

Суда-однодеревки ходили и на веслах и под парусами, причем под парусами ходили главным образом на море, при попутном ветре и всегда держались около берегов.

Однодеревки древних русов не были объемисты и вмещали, как правило, не больше 40 человек. Поэтому, в случае надобности перейти из одной

1 Д о р н. Каспий. С. 3—6, 531.

2 Там же.

" Венды, или венеды, — древние славяне, жившие у побережья Балтийского моря и на своих ладьях, как искусные мореходы, постоянно плававшие на нем.

159

реки в другую, их вытаскивали на берег и тащили волоком, а зачастую просто переносили на плечах через перешейки. Такова общая характеристика древнерусского флота, которую можно было бы сделать на основе скудных данных немногочисленных источников.¹

Константина Багрянородного, естественно, интересовали те суда русов, которые плавали по Днепру и Черному морю, но вряд ли мы ошибемся, если придем к выводу, что такие же точно суда-однодеревки, так же точно построенные и так же организованные в своеобразную флотилию, плавали по Дону, Волге, пробирались в Азовское и Каспийское моря.

Следующим большим морским походом русов на Каспийское побережье Кавказа и на Закавказье был поход 912—913 гг. — 300 г. гиджры по мусульманскому летоисчислению.²

Масуди в своем сочинении «Промывальни золота» («Золотые луга»), составленном в 943—947 гг., довольно подробно описывает этот поход. Он сообщает, что после 300 г. гиджры 500 кораблей русов, на каждом из которых было по 100 человек, вошли в рукав Нейтас, соединяющийся с Хазарской рекой.

Необходимо прежде всего расшифровать географические термины Масуди, иначе останется неясным дальнейший путь русов. Нейтас — Черное море (Понтус, Понт), а под Хазарской рекой Масуди следует разуметь Волгу, по его словам, впадающую в «Хазарское море, которое есть также море Джурджана, Табаристана и других персидских стран».³ Хазарское море — Каспийское море. В представлении не только

Масуди, но и многих других восточных писателей Каспийское море соединялось с Черным через Волгу и «рукав Нейтаса». «Рукав Нейтаса» — не что иное, как Дон, действительно сближающийся с Волгой. По Дону русы добрались до хазарской заставы, поставленной «у устья рукава».

Местонахождение Хазарской заставы различными исследователями приурочивается к различным местам. Григорьев считает, что русы наткнулись на хазарские гарнизоны на Тамани (Тмутаракани),⁴ тогда как Ламбин⁵ и Голубовский⁶ предполагают, что эта встреча состоялась у хазарской крепости Саркел (по-русски Белая Вежа), развалины которой расположены у станицы Цымлянской на Дону, в том месте, где он сближается с Волгой. Приходится согласиться с двумя последними историками, ибо Масуди сообщает, что русы сперва вошли в рукав Нейтас, т. е. Дон, а затем уже имели дело с хазарской заставой, что отнюдь, конечно, не исключает хазарской заставы на Тамани.

Естественно, что Дон у Саркела, т. е. у Цымлянской, Масуди считает устьем рукава — ведь в его представлении здесь, у Волги, соединялись Черное и Каспийское моря.

Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Известия ГАИМК. Вып. 91. С. 8—10; «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 30. Григорьев В. В. Россия и Азия. С. 19, 43. ЗГаркави А. Я. Ук. соч. С. 125. Григорьев В. В. Ук. соч. С. 13.

5 Л а м б и н. О Тмутараканской Руси // Журнал м-ва нар. проев. 1874. С. 76. Голубовский П. В. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом // Киевская старина. 1888. № 22. С. 66.

160

Подойдя к хазарам, русы вступили с ними в переговоры и отправили к хазарскому кагану послов с просьбой разрешить им перетащить свои суда в Волгу, т. е. «перейти в его страну» и пройти в Каспийское море. За это русы обещали кагану половину своей военной добычи. Каган согласился.

Русы перетаскивали волоком свои однодеревки в Волгу и пустились вниз по течению. Пройдя столицу хазар Итиль, они вступили в море.

Войдя в Каспий, русы разделились на несколько отрядов и начали нападать на прибрежные поселения. Ими были заняты и опустошены Джиль, Дайлем, города Табаристана: Абаскун (Абесгун), Нефтяная земля (Баку), Азербайджан. Русы применяли десанты, высаживали всадников, нападавших на мусульманские войска. Русы обосновались на островах около Баку, откуда совершали набеги на города. Флот мусульман был ими разбит.

Через некоторое время с огромной военной добычей, ценностями и рабами русы возвращались обратно.

Выше было уже указано, что первые походы русов на Каспий ставили своей задачей захватить только лишь военную добычу. Захватывать земли и обосновываться в Прикаспийских краях русы не собирались. «Варварская» русская дружина стремилась к захвату только лишь движимых ценностей: золота, серебра, драгоценных изделий, тканей и т. п. и рабов. Земли же и дани с населенных земель стали для нее ценностью несколько позднее. Дойдя до Итиля, русы выделили хазарскому кагану причитающуюся ему половину добычи.

Но мусульмане, главным образом купцы, жившие в Хазарии, узнав о разгроме русами прикаспийских мусульманских земель, обратились к кагану с требованием дать им возможность отомстить русам.

Мусульманские купцы и воины-наемники (главным образом хорезмийцы) были в Хазарии серьезной политической силой, и каган, по свидетельству Масуди, «не мог им

препятствовать». Он успел только лишь предупредить русов о готовящемся на них нападении.

Русы, узнав о предстоящей схватке, вышли из судов и дали бой на суше. Масуди, несомненно, сгущая краски и преувеличивая цифры (он приводит, например, следующие цифры: мусульман и присоединившихся к ним христиан Хазарии было 15 000, а русов 35 000, из которых 30 000 было убито), рассказывает о разгроме в трехдневном бою мусульманами и христианами русов, об отступлении части русов (опять-таки несомненно преувеличенная цифра в 5000 человек) в своих ладьях на север, в землю буртасов и болгар (камских, серебряных), где и последние остатки русов были перебиты.

Так закончился, по свидетельству Масуди, этот поход русов на Каспий.¹ Необходимо отметить, что рассказ Масуди нуждается все же в известной критике, несмотря на его несомненную достоверность. Мир-Зегир-эд-Дин-Мераши, например, утверждает, что русы опустошили Табаристан в 914 г.²

Прежде всего вызывает сомнение количество судов, принимавших участие в походе. Вряд ли действительно 500 судов русов прошло в Каспий.

1 Гаркавиц А. Я. Ук. соч. С. 125—138. 2 Григорьев В. В. Ук. соч. С. 19.

6 В. В. Мавродии

161

Если даже учесть вероятное участие в этом походе тех же русских воинов-мореходов, которые за несколько лет до этого под руководством Олега разгромили Византию и заставили ее подписать выгодный для Руси договор, то все же цифра получится фантастическая.

Сомнительно и то, что каждое русское судно, по уверению Масуди, вмещало 100 воинов. Летопись сообщает, что суда Олега вмещали по 40 человек. Даже казацкие чайки XVII в. могли поместить не более 70 человек.¹ По-видимому, все же для исчисления числа русов и их судов необходимо будет остановиться на более скромных цифрах, ибо 50-тысячное войско — это уже для тех времен чуть ли не переселение целого народа.

Вызывает сомнение и версия Масуди о полном истреблении русов. Мы располагаем данными, которые противоречат этому.

Аль-Ауфий (XIII в.)² сообщает, что какие-то русы в 300 г. гиджры приняли христианство, а затем, когда увидели, что это обстоятельство стеснило их, решили перейти в мусульманскую веру и обратились за помощью к Хорезм-шаху. Последний с радостью отправил к ним имама, и русы стали мусульманами. Это сразу же дало им возможность начать войну «за веру», т. е. те самые войны, которые были источником обогащения русов-воинов.

Шабангарий (XIV в.)³ сообщает то же, прибавляя, что русы-мусульмане господствуют на море.

К нему присоединяется Шукраллаг (XV в.)⁴ добавляя, что целью русов при принятии мусульманства было узаконение военной добычи, добываемой в войнах с «неверными».

О каких русах говорят указанные восточные писатели? Конечно о тех, которые в 912—913 гг. (быть может, в 914 г.) напали на Каспий. Столкновение, имевшее место у русов с мусульманами и христианами Хазарии недалеко от Итиля, закончилось, по-видимому, отнюдь не полным истреблением русов. Какая-то часть их, побежденная, быть может, вместе с русами-славянами Хазарии, принимает христианство, имевшее распространение в Хазарии, а затем, видя, что выгоднее стать последователями Магомета, обращается в мусульманскую веру, так как это давало возможность прикрыть стремление к военной добыче и наживе.

Древнееврейский документ X в. упоминает о нападении русов на побережье Каспийского моря во второй четверти X в. Этот документ сообщает о том, что подстрекаемый византийским императором Романом «царь Рус-сии Хальгу» напал на хазарский город Самкерц (Тмутаракань). Пользуясь отсутствием в городе воинов хазарского военачальника, Хальгу захватил город, взял добычу, но подошедшие хазарские отряды Песаха разбили Хальгу. По предложению Песаха русский князь выступил против своего подстрекателя — византийского императора. Хальгу напал на Византию, сражался на море четыре месяца, но потерпел поражение — его флот был истреблен греческим огнем.

1 Там же.

2Бартольд В. В. Новое мусульманское известие о русских // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. IX. Вып. I—IV. С. 264—265.

3Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе // Журнал м-ва нар. проев. 1908. II. С. 32.

'Смирнов П. Вользкий шлях і стародавш руси. Киев, 1928. С. 220.

162

С остатками флотилии Хальгу, постыдившись вернуться в свою страну, прошел в Персию (очевидно, через Керченский пролив, Дон и Волгу, в Каспий, как это делали и ранее и позднее), где погибли и его дружина и он сам. Таков рассказ анонимного древнееврейского документа.¹

Хальгу в древнееврейской транскрипции — Олег, но действия Хальгу не совпадают с деятельностью летописного Олега, которого уже, кстати сказать, не было в живых, тогда как Хальгу-Олег из приведенного документа действует во времена византийского императора Романа Лекапина, царствовавшего с 919 по 944 г. По-видимому, Хальгу-Олег — самостоятельный князек-воевода, предпринявший по собственной инициативе поход на Самкерц, а затем и на Персию, т. е. на Каспий.

Наиболее крупным из всех морских походов Руси на Каспий был поход 943—944 гг. (332 г. гиджры), описанный Ибн-Мискавейхом («Книга испытаний народов»), Якутом («Географический словарь»), Абу-Фараджи («Сирийская хроника»), Абуль-Федой («Мусульманские летописи»), Ибн-Эль-Эсиром («Полная летопись») и Низами («Эскендер Намэ»).

Самые краткие известия принадлежат перу Якута и Абуль-Феда, которые сообщают только о появлении русов в Каспийском море и о захвате ими города Бердаа.² Столь же лаконично и сообщение Абу-Фараджи, но оно имеет для нас огромную ценность в том отношении, что указывает на участников похода и взятия Бердаа. Это — аланы, славяне и лезги, что, во-первых, подчеркивает славянское происхождение русов («одного из поколений русов», как пишет Абуль-Феда), а во-вторых — участие в походе туземного кавказского населения — алан (ясов, осетин) и лезгов.

Гораздо более подробно описывает поход 943—944 гг. Ибн-Мискавейх и Ибн-Эль-Эсир.

Красочное, но фантастическое, хотя и не лишённое интереса для исследователя, описание похода дает в своей поэме Низами.

Низами, правда, заставляет русских воевать с ... Александром Македонским, но это объясняется его искренним стремлением подчеркнуть силу, храбрость и воинственность русов, для разгрома которых ему приходится прибегнуть к воскрешению знаменитого «Искандера» — Александра, память о котором была еще жива среди народов Востока.

И даже легендарному непобедимому «двуроугому», как называли на Востоке Александра, пришлось выдержать семь битв, прежде чем он одолел русских.

Несмотря на поэтическую фантазию, в произведении Низами есть много ценного и правдоподобного.

Прежде всего он сообщает, что русы пришли из страны «Георги и Алан», т. е. из Грузии и Северного Кавказа, из области алан. Прошли они, очевидно, с севера на юго-восток и вышли к морю в Дагестан, пройдя страну лезгов и присоединив к себе, по свидетельству Абу-Фараджи, алан и лезгов. Здесь, на Дагестанском побережье Каспия, они сели в ладьи

'Коковцев. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // Журнал м-ва нар. проев. 1913. XI; Его же. Еврейско-хазарская переписка в X в., 1932; Марр Н. Я. Избр. работы. Т. V, Этно- и глотогония Восточной Европы. С. 177—182.

2 Григорьев В. В. Россия и Азия. С. 20—21.

163

и вышли в море. Почему русы избирают этот более сложный и тяжелый путь?

Потому что после события 913 г. в Хазарии нельзя было рассчитывать на беспрепятственный проход через низовья Волги у Итиля, несмотря даже на покровительство кагана.

На Каспии они доходят до Куры, поднимаются вверх по ее течению и внезапно появляются перед крупнейшим и богатейшим городом Азербайджана — Бердаа. Навстречу русам вышел отряд помощника правителя Азербайджана, которым в те времена был Мохаммед Ибн Муссафир (Эль-Мер-зебан). Этот отряд состоял из 300 дейлемитов, 300 курдов и 5000 добровольцев. Мусульмане не рассчитали своих сил. После часовой схватки войска их были разбиты и бежали. Удалось спастись только нескольким дейлемитам.

По пятам преследуя бегущих, русы ворвались в город Бердаа и завладели им.

Вступив в город, русы немедленно объявили горожанам, что жизнь их будет пощажена. Русы успокаивали жителей и говорили им, что у них нет разногласий в вере, единственно, чего они желают — это власти, и что обязанность жителей Бердаа — подчиняться им, а обязанность их, русов, — хорошо относиться к покоренным гражданам.

Ибн-Эль-Эсир сообщает:

«Они сдержали свое слово и, должно отдать им справедливость, они вели себя выдержанно».1

По свидетельству того же Ибн-Эль-Эсира и Ибн-Мискавейха, простые люди, главным образом пастухи, пытались дать отпор, но неудачно, а знать смирилась и подчинилась русам.2 Правитель Эль-Мерзебан с 30-тысячным войском попытался выбить русов из Бердаа, но был разгромлен и отступил.

Русы укрепились в Бердаа. Это уж не поход, ставивший своей целью одно лишь ограбление и захват военной добычи, — русы собирались остаться в Бердаа и править краем. Поход русов 943—944 гг. был попыткой захватить и «освоить», как «осваивали» вообще тогда полу-варвары — полуфеодалы новые города и земли.

Русы распространялись по Закавказью. Всюду бродили их отряды, покоряя себе окрестное население. Меж тем среди русов началась эпидемия. «Излишнее употребление плодов произвело между ними заразительную болезнь», — сообщает Ибн-Эль-Эсир.3 Под натиском неприятеля русы вынуждены были отступить в цитадель (крепость) Бердаа, так называемую Шахристан, где эпидемия стала свирепствовать еще больше.

Увидев, что удержаться дальше невозможно, русы покинули Шахристан, вышли к Куру, где стояли наготове их суда, и ушли на своих судах в море.

Все источники отмечают храбрость русов. Русы не сдавались и предпочитали смерть плену. Они не отступали даже тогда, когда враг явно

1 Там же. С. 22.

2 Там же. С. 28; Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. = 943—944 гг. // Византийский временник. Т. XXIV. С. 92. 3 Григорьев В. В. Ук. соч. С. 22.

164

превосходил их числом. Ибн-Мискавейх сообщает, что однажды целая неприятельская толпа напала на пять русов, собравшихся в одном из садов Бердаа. Ни один из русов не хотел сдаваться, и все погибли в неравной схватке. Последний оставшийся в живых молодой рус, сын одного из начальников, не желая попасть в руки врага и видя, что сопротивление бесполезно, заколол себя кинжалом.

Как мы видим, указанные походы русов еще не связали Тмутаракань с Приднепровьем, и вряд ли там до падения Хазарского каганата могло существовать самостоятельное русское государственное образование, что, конечно, отнюдь не исключает возможности наличия здесь, наряду с дружинниками хазарами, обезами, ясами, касогами, черными болгарами и го-тами-тетракситами, — русских и норманнов из Приднепровья, как думает Ламбин, и даже, быть может, остатков антов.¹

В 965 г., по летописи, Святослав громит хазар, берет Белую Вежу, т. е. ту самую крепость Саркел, построенную Византийскими императорами в первой половине IX в., которая служила оплотом хазар на западе, побеждает ясов и касогов.² По Ибн-Хаукалю, русы громят Булгар, Хазаран и Итиль, т. е. собственно обе части хазарской столицы, и Семендер.³ Приурочивается этот поход Руси Ибн-Хаукалем к 969 г. Здесь, с одной стороны, — отражение известий о походе Святослава на хазар, с другой, по-видимому, указание и на то, что после разгрома Святославом основной военной мощи кагана отдельные дружины русов проникли и далее, на юг и северо-восток.

Падение Хазарского каганата превращает Тмутаракань в собственность русской княжеской дружины, включившей в свой состав местные феодальные элементы и родовую знать многоплеменного этноса Северного Кавказа.

Первым летописным князем Тмутаракани стал Мстислав. Летопись говорит о нем, как о сыне Владимира, получившем Тмутаракань во владение от своего отца в 988 г. Но кое-какие обстоятельства, связанные с его личной биографией и биографией его отца, отразившиеся в западноевропейском документе, кое-какие места из летописи, характеризующие тмутараканского князя, заставляют усомниться в правдоподобности первого летописного сообщения о нем. Титмар Мерзебургский упоминает трех сыновей Владимира, двух из них он называет по именам — это Святополк и Ярослав.⁴ Кто третий сын Владимира — остается неясным. В то же самое время мы имеем указание на новое лицо княжеской фамилии — Сфенга. В одном только источнике, а именно у Кедрина, есть упоминание о походе 1016 г., организованном императором Византийским Василием II. Последний «послал в Хазарию флот под начальством воеводы Монга, сына Андроника, который при помощи Сфенга, брата Владимира, того самого, супругой которого была сестра сего императора, покорил эту страну,

1 Л а м б и н. Ук. соч. С. 70—71.

2 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 63—64. 3 Гаркави А. Я. Ук. соч. С. 132.

4 Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. II. С. 661 и 663; Шахматов, также на основании анализа летописных сведений, считает сомнительным принадлежность Мстислава к роду Владимира. См. его «Розыскания о древнейших летописных сводах», с. 415.

165

пленив в первом сражении хазарского царя Георгия Цуло».1 Это место из Кедрина вызвало самые разноречивые толкования и поставило в тупик исследователей. Действительно, и сейчас разрешить вопрос о том, кто такой был Сфенг, трудно не менее, нежели раньше, но некоторые возможные пути разрешения вопроса мы все же попытаемся наметить. Прежде всего — откуда исходит инициатива нападения на Хазарию, уже в достаточной мере разгромленную походами Святослава? Речь идет, следовательно, не о разрушении сильного государства, а об окончательном разгроме того, что еще оставалось от Хазарии. Таким образом, заинтересованными в походе действительно могли оказаться, во-первых, Византия, которую торговые связи и стремление к укреплению своих причерноморских форпостов толкали к разрушению отдельных хазарских центров, могущих причинить неприятности причерноморским городам и факториям византийцев, а во-вторых — Тмутаракань, где уже в то время сидел русский князь со своей дружиной (летопись приурочивает посажение Мстислава Владимиром в Тмутаракань к 988 г.), для которого хазарские феодальные центры представляли едва ли не большую опасность, чем для Византии. Отсюда союз какого-то русского князя-дружинника Сфенга и византийского воеводы. Вряд ли Киевская Русь послала бы рать в такой дальний поход на борьбу с разбитым уже врагом. Слишком далека и не страшна была для Киева того времени разбитая Хазария. В этой дружине русского воеводы княжеского происхождения следует предполагать именно дружину русского князя, заинтересованную в ликвидации последних оплотов хазар, недавних своих врагов. На развалинах хазарского могущества в Причерноморье и Приазовье вырастает Тмутаракань, и вполне понятно, русская тмутараканская дружина стремится добить хазар. Поэтому поход Сфенга мы рассматриваем как набег тмутараканской дружины, и заранее отбрасываем могущую возникнуть теорию, приписывающую этот поход оторванной собственно от Руси шеститысячной дружине русских, посланной еще Владимиром в Византию на помощь своим родственникам — Византийским императорам.

Русские у Кедрина выступают не как составная часть общего войска, какой являлась шеститысячная дружина русских в византийской армии, а самостоятельной союзной вооруженной силой, чего не могло бы быть, если отстаивать подобную точку зрения. Кедрин до известной степени освещает самый темный период княжения Мстислава — с 988 по 1022 г. Поход Сфенга следует приурочить именно к Мстиславу. Трудно сказать, выступает ли под именем Сфенга сам Мстислав, и византийский источник, исковеркав имя, называет его к тому же братом Владимира, или же это был какой-либо дружинник Мстислава, случайно попавший услугами Кедрина в «род Рюриковичей». Во всяком случае, инициатором этого похода был не Киев, а Тмутаракань, не Владимир, скончавшийся в 1015 г. и не Ярослав, а Мстислав. Мстислав вообще выступает в летописи в несколько ином освещении, нежели другие князья. В период борьбы за Киев Мстислав не принимает в ней никакого участия, ему ближе ясы, касоги, хазары, обезы, ^* нежели северяне, князем которых он становится впоследствии. Летопись

'Georgii Cedrini..., с. 586.

166

как-то особенно колоритно рисует его фигуру, выделяя его среди других князей.1 Мстислав ближе всего подходит к Святославу, князю-воину. Мстислав как-то выпадает из генеалогического древа Рюриковичей даже у такого верного хранителя политической концепции единого княжеского рода, как составитель начальной летописи. Все это вместе взятое заставляет критически подойти к тому месту летописи, где Мстислав выступает как сын Владимира. Не предвешая разрешения проблемы, все же необходимо поставить вопрос — не был ли Мстислав самостоятельным, местным

князем Тмутаракани, быть может и из числа тех русских дружинников, которые воевали в Тмутаракани во времена Хальгу-Олега и отняли ее у хазар позднее, при Святославе?

Летопись молчит о княжении Мстислава в Тмутаракани до 1022 г. Под этим годом «Повесть временных лет» упоминает о походе Мстислава на касогов и знаменитом единоборстве его с касожским князем Редедей, закончившемся победой Мстислава. Победитель берет себе «именье», жену и детей Редеди, покоряет касогов и накладывает на них дань, а в ознаменование своей победы закладывает в Тмутаракани церковь богородицы.² Этот рассказ подтверждается и другими источниками. В «Слове о полку Игореве» Боян поет песнь «Храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред пьлки касожьскими».³ Черкесские предания также сохранили воспоминания о борьбе с тмутараканским князем. В 1843 г. черкес (а летописные касоги и есть черкесы, адыге, которые и ныне называют себя «касох»'ами) Шора-Бекмурзин-Ногмов собрал эти предания. В них говорится о том, как «князь Идар, собрав кахов и хагеанов и воинов других, адыгейских племен, пошел на Тамтаракай». Среди воинов Идара был великан Редедя (Ридаде). Далее летописный рассказ и предание почти полностью совпадают: князь тамтаракайский борется с Редедей в продолжение нескольких часов, и наконец, поражает его ножом. Адыгейцы-касоги отступают. Через несколько лет они мстят Тамтаракаю. Собрав рать и пригласив для помощи асов-ясов, они завоевывают Тамтаракайское княжество.⁴

¹ Характерно и то, что Мстиславу уделено большое внимание в своде Никона 1073 г. См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. В основу характеристики Мстислава летописец Никон положил песни о Мстиславе, с которыми он ознакомился в Тмутаракани. Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 33.

² «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 143.

³ «Слово о полку Игореве». Изд. «Academia», 1934. С. 65.

⁴ Лопатинский А. Г. Мстислав Тмутараканский и Редедя по сказаниям черкесов // Известия Бакинского гос. ун-та. № 1, второй полутом (гуманитарные науки). Баку, 1921. С. 23—26. В другом варианте борется с богатырем из напавшей на кабардинцев рати — женщина Редаде и побеждает его. Вообще рассказ о женщине Редаде, по-видимому, гораздо более древнего происхождения, нежели первый вариант, записанный Ногмовым. Этот последний связан с историческими событиями, тогда как рассказ о женщине-богатырше Редаде, имеющий в себе ряд моментов, сближающих его с другими легендами, хотя бы с летописным легендарным рассказом о Яне Усмошвецe (Ян вырывает кусок мяса у быка, Редаде — перебрасывает буйвола за ногу через плетень), несомненно уходит корнями своими в далекое прошлое, в матриархат. Недаром герой рассказа — женщина. Позднее легендарный рассказ приурочивается к определенным, уже историческим событиям и в этой измененной форме дошел до нас в пересказе Ногмова, тогда как Лопатинский записал

167

Способствовало захвату Тмутаракани касогами и ясами и то, что через год после столкновения с Редедей в 1023 г. Мстислав, набрав из касогов и хазар дружину, направляется в поход на Ярослава.¹ Уход основной массы дружины безусловно ослабил Тмутаракань и дал возможность касогам в союзе с ясами захватить ее, но долго удержать в своей власти Тмутаракань им не удалось. По мнению Козловского, упоминание в Никоновской летописи под 1029 г. о походе Ярослава на ясов — и есть свидетельство о прекращении владычества касогов и ясов в Тмутаракани и возвращении ее в число владений русских князей.² В «Повести временных лет по Лаврентьевскому списку» говорится под 1029 г. о том, что «мирно бысть»,³ но

Никоновская летопись указывает: «Ярослав ходи на ясы и взят их. Сие же лето мирно по всей земле Русстей отвсюду».⁴ Козловский считает возможным говорить о совместном походе Мстислава и Ярослава на ясов и касогов. Вряд ли, если бы этот грандиозный поход двух князей имел место в действительности, летопись его не отразила бы. Рисует же она «мир», и только позднейшая Никоновская летопись, и то, как-то механически, пристегивает к основной своей мысли о характеристике 1029 г., как «мирного», упоминание о столкновении Ярослава с ясами. Не отрицаем известия Ногмова о походе касогов и ясов на Тамтаракай и о кратковременном захвате его. Но с ясами и касогами, по-видимому, справилась главным образом местная же тмутараканская вооруженная сила, и из приднепровских княжеств пришлось, очевидно, бросить лишь некоторые подкрепления. Странно только одно: о Ярославовой дружине, воевавшей с ясами, говорится, тогда как о походе на ясов Мстислава, который, казалось бы, более Ярослава был заинтересован в восстановлении и укреплении своей власти в Тмутаракани, в летописи не упоминается. По-видимому, мы просто сталкиваемся с дефектностью данного источника и обычным отсутствием параллельных указаний в других документах.

В 1023 г. Мстислав покинул Тмутаракань и с дружиной из касогов и хазар двинулся к Киеву. Что заставило его уйти из Тмутаракани? Не стремление к переселению, как думает В. А. Пархоменко,⁵ а попытка захватить тот центр, ту область, колонией которой была Тмутаракань, источник тех ценностей, которыми торговали в Тмутаракани киевляне, черниговцы, любчане и т. д. А овладеть другим, может быть и гораздо более богатым районом, который скупал у Руси в Тмутаракани меха, челядь и т. д., а сам привозил предметы восточной роскоши, тмутараканской дружине, как это показали походы русов IX—X вв., было не под силу. В то время Ярослав был в Новгороде, и Мстиславу удалось в 1024 г. беспрепятственно достигнуть Киева. Киевляне не приняли его. Нечего было и думать, что киевляне

не искаженное, как он думает, предание, а наоборот, его древнейший вариант, на который действительные исторические события не наложили своего отпечатка. 1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 143.

2 Никоновская летопись, с. 79; Козловский И. П. Тмутаракань и Таматарха-Матарха-Тамань // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. 1928. Т. II. С. 65.

3 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 146.

4 Никоновская летопись, с. 79.

Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. С. 69.

168

посадят к себе на стол князя, мало кому известного выходца из далекой Тмутаракани, окруженного чужой для них, пришедшей дружиной. Мстислав садится в Чернигове. Прошел ли он Доном, Сеймом и Десной и, таким образом, один раз уже побывал у стен Чернигова, или уже после его захвата пытался все же овладеть Киевом, а когда это не удалось, вернулся в Чернигов, где и обосновался; поднялся ли вверх по Днепру и попытался сперва сесть в Киеве, а затем уже перешел на Десну и сделал Чернигов своей резиденцией — сказать трудно. Памятуя степные сухопутные пути, водные артерии степных рек, соединяющих Северскую землю с Тмутараканью, походы через степи к Тмутаракани Игоря Святославича, клады восточных монет, остатки судов на ныне почти пересохших речках пристепной полосы, тянущихся с Северской земли к Дону, можно считать правдоподобным не только второй, но и первый вариант.

Весть о появлении Мстислава под Киевом дошла до Ярослава, но одно событие чрезвычайной важности отвлекло его от немедленного выступления на юг для борьбы с Мстиславом. В Суздале вспыхнуло первое известное нам по летописи восстание

смердов. Усиление феодальной эксплуатации, захват общинных земель, обложение высокой данью смердов, превращение ранее свободного смерда-общинника в разной степени феодально-зависимого непосредственного производителя и растущее закабаление, порабощение, превращение все большей и большей массы смердов в рабочую силу боярского и княжеского хозяйства — все это, осложнявшееся усиленной христианизацией, распространяемой феодалами на острие меча, не могло не вызвать восстаний. Насильственная христианизация, а также специфические особенности самой структуры общинной организации делают то, что эти первые восстания зависимого сельского населения против феодалов протекают в своеобразной оболочке восстаний волхвов.¹ Социальные противоречия вызывают первое крупное восстание, настолько грозное, что дальновидный Ярослав прежде всего бросается на своего социального врага — восставшего смерда, а затем уже, разгромив движение волхвов, начинает организовывать войско для того, чтобы обрушиться на политического противника — соперника Мстислава. Вернувшись после подавления восстания смердов из Суздаля в Новгород, Ярослав приглашает из «за моря» Якуна с варягами и вместе с ним двигается на Мстислава. Последний в свою очередь выходит им навстречу, и у Лиственя происходит решительная битва. Характер летописного рассказа о Лиственской битве таков, что заставляет предполагать, что он написан как пересказ песен о Мстиславе, составленных под свежим впечатлением рассказов очевидцев. Вот краткое описание его. С вечера Мстислав поставил дружину северян в центре, против варягов Якуна, а своих дружинников-тму-тараканцев — касогов и хазар — распределил по флангам. Ночью разыгралась сильная гроза. Воспользовавшись ею, Мстислав ударил на рати Ярослава, и первыми столкнулись северяне и варяги. Наемники-варяги, опытные и испытанные воины, были просто подавлены численным перевесом

¹ См.: Мавродин В. В. К вопросу о восстаниях смердов // Журнал «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1934. № 6. В о р о н и н Н. Н. Восстание смердов в XI в. // Исторический журнал. 1940. № 2.

169

ходством северской рати, и когда они стали изнемогать, на них ударили тмутараканцы Мстислава. «И бысть сеча сильна, яко же посветяша моло-нья, блестящется оружье и бе гроза велика и сеча сильна и страшна». Видя, что Мстислав одолевает, Ярослав бежал. Князь остался в Новгороде, а Якун вернулся «за море».

На утро, обходя поле битвы, Мстислав наталкивается на трупы убитых варягов и северян, выдержавших всю тяжесть битвы. Летопись влагает в его уста чрезвычайно интересное замечание, характеризующее его отношение к жителям той земли, князем которой он теперь стал: «Кто сему не рад? Се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя цела».¹ Тму-тараканец Мстислав берег свою многочисленную русско-яско-хазаро-обезо-касожскую дружину и дорожил ею. Она действительно была его опорой и недаром выведена им из далекой Тмутаракани, тогда как сколоченные им наспех рати северян представляли для него нечто чужое. Захватив Северскую землю, Мстислав чувствовал себя завоевателем. Для него родной стихией была Тмутаракань, Северская земля — еще неосвоенной территорией, а северяне, во всяком случае в данный момент, очевидно представляли собой своеобразное «пушечное мясо», если позволено будет так выразиться, модернизируя известное понятие. Северянская дружинная верхушка еще не успела раствориться в дружине Мстислава и в значительной степени, была в ней чужеродным телом, вспомогательной силой. Но такое положение не могло оставаться длительное время и, по-видимому, не оставалось. Пришлая, этнически пестрая тмутараканская дружина Мстислава слилась с местными северянскими феодальными элементами.

Характерно дальнейшее поведение Мстислава. После победы он не пытается вокняжиться в Киеве, а садится опять в Чернигов и посылает к Ярославу гонцов с предложением занять, как старшему брату, киевский стол, причем себе Мстислав брал Левобережье. Напуганный своим поражением, к тому же тесно связанный крепкими узами с Новгородом, Ярослав предпочитает отсиживаться в Новгороде. В Киеве управляют его «мужи». И только в 1026 г., и то «совокупи воя многы», Ярослав приходит в Киев, очевидно, готовясь к какому-то повторению Лиственя и не очень-то веря в миролюбие Мстислава. У Городца все же сошлись Мстислав и Ярослав и «разделиста по Днепръ Русьскую землю: Ярослав прия сю сторону, а Мстислав ону...»² Таким образом, собственно, кладется начало самостоятельному Чернигово-Северскому княжению, начало, идущее из Тмутаракани.

Мы не считаем возможным усматривать в этом доказательство наличия одного этнически-целого массива от Тмутаракани до Чернигова, как это делает Д. Багалея.³ В данном случае мы сталкиваемся с одним из обычных моментов захватнической политики князя. Вопрос же о том, почему Киев отказался принять Мстислава, а в Чернигове он обосновался, судя по летописи, без трения с горожанами, разрешается не в плоскости установле

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 144—145.

2 Там же. С. 145.

3 Багалея Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 51.

170

ния этнического родства Мстислава и его дружинников с северянами. Чернигов, тяготевший к восточным рынкам, естественно был заинтересован в князе, который обеспечил бы торговлю с Востоком не через конкурента — Киев, а через степи, Донец, Дон, а таким князем и был тмутараканский Мстислав.

Стремление чернигово-северского боярства и купечества к независимости от Киева могло быть осуществлено Мстиславом и породить самостоятельное княжение. Так и произошло. Вопрос вовсе не в племенных родственных связях, а в тенденции уже окрепших местных феодалов к организации самостоятельного княжества, феодального «полугосударства». После соглашения в Городце, по летописи, «уста усобица и мятежь и бысть тишина велика в земли». Воспользовавшись восстанием эксплуатируемых слоев населения «Ляшской земли», избивших в 1030 г. «епископи, и попы, и бояры своя»,¹ на следующий год Ярослав и Мстислав идут войной на ляхов, возвращают Руси захваченные одно время ляхами Червенские города и берут большой полон. Ярослав поселил своих пленных по Роси, куда посадил своих Мстислав — неизвестно. Возможно предположить, что они были поселены, по примеру Ярослава, заселявшего пленными южные окраины своих владений, где-либо в укрепленных пунктах юго-восточной окраины Северной земли.² Касого-ясо-хазарская дружина Мстислава осталась в Черниговщине. Об этом свидетельствует одно интересное указание. В ХVIIв. под Рыльском упоминается о «Словенской пустыне, в Касожской волости на Словенском городище, на реке Семи да на Словенском озере».³ В контексте совершенно четко и резко противопоставляются два термина, а следовательно, два начала — «Словенское» и «Касожское», что указывает на наличие некогда в данном районе двух этнических элементов — касогов и славян. С XVII в. село Касожичи уже начинает носить иное название — Коробкино. Не отрицая наличия местного этнического элемента, в названии которого отложился термин «кос», «кас» (р. Касоржа, касоричи Географа Баварского), мы все же считаем необходимым объяснить название «Касожская волость», особенно памятуя окружение ее географическими пунктами, называемыми «словенскими», наличием некогда на этой территории и мстиславовых касогов.

Деятельность Мстислава выразилась в построении двух храмов: церкви, богородицы в Тмутаракани, стоявшей еще во времена летописца,⁴ и собора св. Спаса в Чернигове. При жизни Мстислава собор был выстроен такой высоты, что всадник, встав на коня, мог достать рукой⁵ до вершины строящейся стены, причем интересно то, что по типу архитектуры Спасский собор близок к абхазским и кубанским церквям, тогда как, например,

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 146.

2 Багалей Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 51.

3 Сенаторский Н. Исторический очерк города Рыльска в политическом и церковно-административном отношении. Курск, 1907. С. 36; Е г о ж е. К истории заселения юго-западного района Курского края // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 4. С. 48—49.

4 Ипатьевская летопись, с. 103.

5 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 146.

171

Киево-Печерскую лавру расписывали греки.¹ Фундамент собора сделан из таких же кирпичей, как и какое-то сооружение, обнаруженное в «Черной могиле».²

Этим, собственно, исчерпываются все данные, относящиеся ко времени начала образования Чернигово-Северского княжества, к периоду княжения Мстислава. В 1033 г. умирает единственный сын его Евстафий, а в 1036 г. умирает и сам Мстислав, разболевшись во время «ловов» (охоты). Хоронят его в соборе Спаса. Летопись описывает и наружность Мстислава, что имеет место по отношению лишь к некоторым князьям. «Бе же Мьстислав дебел теломь, чермен лицом, великыма очима, храбор на рати, милостив, любяше дружину по велику, именья не щадяше, ни питья, ни еденья бра-няше».³ После его смерти Ярослав «бысть самовластен Русьстей земли». Кедрин сообщает, что когда в 6544 г. умерли Мстислав (NomoOA-otPoc) и Станислав (Ztvic6A,aPoc;), выбран был на княжение их родственник — Ярослав (IspooOXafSoc;).⁴

Так кончается первый период истории самостоятельного Чернигово-Северского княжения — один из эпизодов появления и исчезновения отдельных княжеств древней Руси. Из далекой Тмутаракани Мстислав, князь-воин, дружинник, стремится к захвату метрополии и садится в Чернигове, постепенно превращаясь в «земского» князя, опирающегося на туземное, северское боярство. Тмутараканская дружина растворяется среди местной верхушки и, по-видимому, получая от князя земельные участки, превращается в северских феодалов. С 1036 г. по 1054 г., год смерти Ярослава, Северская земля снова входит составной частью в Киевское государство. В Северскую землю Ярослав не сажает никого, и последняя, очевидно, управляется непосредственно из Киева.

Только в начале второй половины XI в. Чернигово-Северское княжество снова появляется как феодальное образование, и это окончательное отпадение Чернигово-Северской земли от Киева и ее деление на отдельные княжества было результатом развития феодальных отношений, диктовавших создание политического строя феодальной раздробленности.

1 См. например «Известия Таврической ученой архивной комиссии». Т. 54. С. 399; Макаренко М. (Н.) Черниговский спас // Записки историко-филологического влдддлу. Все-укр. Ак. Наук, 1928. Кн. XX и др.

2 Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории // Труды III Археол. съезда. Т. I.

3 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 146. 4Georgii Cedrini...,с. 515.

ГЛАВА V

ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

1. Феодальные отношения в XI—XIII веках

Рассматриваемый нами в данной главе период XI—XIII вв. является временем укрепления и консолидации феодализма в Северской земле.

Феодальные отношения все шире распространяются по территории земель северян, радимичей, вятичей. Такие города, как Чернигов, Переяславль, Рыльск, Путивль, Курск и др., являются центрами феодального мира, и усиливающиеся феодалы огнем и мечом распространяют свою власть и подчиняют себе окрестное население. Район их влияния, а следовательно и зависимость сельского населения от князей и бояр этих передовых феодальных центров, все время расширяется, а проникновение вглубь феодальных форм господства и подчинения выражается в появлении и развитии все новых и новых категорий феодально-зависимого люда. Вместе с этим процессом наблюдается и другой — появление феодалов из вырастающих на обломках разлагающейся общины богатых семей «старой», «нарочитой чади» и «лучших мужей», постепенно сливающихся с княжой дружиной или же сохраняющих известную независимость, хотя и подвластных князю. Такими до известной степени независимыми, но подвластными князю были так называемые «земские» бояре. Таков второй, автохтонный, путь феодализации отдельных районов, не так давно еще состоявших из общин смердов-данников, не путь внедрения феодалов, крупного землевладения и соответствующих форм зависимости в результате прихода князей и дружины из феодальных центров, а путь развития местных феодальных элементов.

Такой же двойственный процесс наблюдается в появлении и развитии городов. Часть городов возникает в результате превращения укрепленных поселений первобытнообщинного строя, так называемых «городищ», в город, в том случае, если «городище» становится центром местных «земских» феодалов, вырастающих из «нарочитых» и «лучших» людей земли, ремесленников и купцов (например, Вщиж, Воргол, остатки которого усматривают в городище по р. Клевени в Глуховском районе Черниговской обл., Льгов, летописный Ольгов и др.).¹ Другая их часть возникает в результате градостроительства князей. Князья «рубят города» — острожки, и эта их деятельность является необходимым атрибутом феодального освоения новых земель, захваченных силой оружия. Такие феодальные крепост-

Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 35—46.

173 цы-форпосты тянутся вдоль пограничной со степью полосы и проникают в земли покоренных радимичей и вятичей. Многие из них в дальнейшем превращаются в подлинные феодальные центры торговой и ремесленной деятельности, резиденции князя с дружиной, боярства, духовенства. Эти два варианта возникновения в X—XII вв. новых городских центров прослеживаются и по письменным и по вещественным памятникам.¹

Крупные города — Чернигов, Путивль, Переяславль, Курск, Новгород-Северск и др. — окружены селами, принадлежащими князьям, боярам, монастырям. Вокруг Чернигова расположены Гостничы, или Стояничы, стоявшие невдалеке от Елецкого монастыря, Семинь, «сельцо святого Спаса», Гюричев, Олегово поле, представляющее собой сплошную массу остатков селищ, датируемых находками вещей X—XII вв.²

Под Путивлем поныне существует село Игоревка, с остатками селищ вокруг него, в котором следует усматривать село князя Игоря Новгород-Северского.³ Вокруг Переяславля расположены были села Кудново, Енчи-но, или Янчино, Стряково и Мажево сельцо. Тут же лежал загородный княжеский «Красный двор» и «Зверинец», монастыри рождества богородицы, св. Саввы и св. Бориса и Глеба. Все это были

княжьи, боярские и монастырские села.⁴ Не представлял исключения и Новгород-Северск, окруженный рядом сел; названия двух из них — Мелтеково и Игореве сельцо — дошли до нас вместе с остатками городищ и селищ, но последних так много, что не вызывает сомнения наличие в то время, кроме указанных, еще ряда сел. В Игореве сельце был двор княжеский и церковь св. Георгия.⁵ Под Любечем располагались села чернигово-северских князей, «вся жизнь» их. Остатки сел той эпохи в виде селищ окружают и другие города: Курск, Рыльск и т. д. Таким образом, в XI в. в Северной земле происходит интенсивное развитие феодального землевладения. Анализ письменных источников («Русской Правды» и летописей) рисует нам укрепление феодальной земельной собственности. Сама «Русская Правда»

'Багалея Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 52, 62—63, 65—69, 71—75, 84—86, 87—88, 145—160; Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 13—14; Грушевский М. С. Історія Украіни-Руси. Т. I. С. 321—324; Т. II. С. 335—356, 603—605; Барсов Н. П. География начальной летописи. С. 15, 61—65, 72—73; Самоковасов Д. Я. Ук. соч. С. 35—38.

2 Андрияшев А. Нарис НСТоріі' колошзаци ОверськоТ землі до початку XVI вшу // Записки кторично-фіюлогичного вщцлу. Всеукр. Ак. Наук. 1928. Кн. XX. С. 103—104; Смоличев П. Чернипв та його околиц за чаав великокшшвсвах // Сборник «Чернипв і пивщчне Лівобережжя». С. 125—146; Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. // Труды XIII Археол. съезда. Т. II. С. 11—15, 28, 36—37; Ефимов А. Олегово поле // Труды XIV Археол. съезда. Т. III. С. 89—92.

3 Сенаторский Н. К истории заселения Северо-Западного района Курского края // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 4. С. 47.

4 Андрияшев А. Нарис ісТоріі' колошзаци' Переяславсько\ землі до початку XVI вжу // Записки кторично-фіюлогичного вщцлу. Всеукр. Ак. Наук. 1931. Кн. XXVI. С. 6—9; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 159—163.

5 Андрияшев А. Нарис ісТоріі' колошзаци ОверськоТ землі до початку XVI вжу // Записки кторично-фіюлогичного вщцлу. Всеукр. Ак. Наук. 1928. Кн. XX. С. 105; Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. // Труды XIII Археол. съезда. Т. II. С. 19, 21—22.

дает представление о достаточно высоко развитых феодальных отношениях. Составители ее, наряду с киевским Изяславом, — князь черниговский Святослав Ярославич и переяславльский Всеволод Ярославич со своими «мужами» — Перенегом и Никифором. Вполне естественно, что статьи «Русской Правды» отражают сложившиеся общественные отношения в Чернигово-Северской земле, которая к тому времени уже распалась на два самостоятельных княжения: собственно Чернигово-Северское и Переяславльское. Последнее становится передовым форпостом Киевской Руси в ее борьбе с торко-половецкой степью.¹

Растут крупные феодальные земельные владения — вотчины. В Путивле в 1146 г. Изяслав Мстиславич, Мстислав Изяславич и Владимир Давидович разграбили «имение» Святослава Ольговича и в принадлежащих ему селах захватили 80 корчаг вина, 500 берковцев меда и 700 человек челяди. Здесь же хранились запасы железа и меди. В одном только селе Игоря Ольговича Давидовичи сжигают гумно, на котором стояло 900 стогов хлеба. В том же году летопись отмечает сожжение врагами принадлежащих Святославичам «жита и дворы». В селе Мельтекове князю принадлежал косяк лошадей в 4000 голов.² Как мы видим, княжеское хозяйство было достаточно крупным. По всей вероятности богатство северских князей, заключавшееся в земле и в продуктах ее обработки подневольным трудом и в дани, не только не уступало в размерах хозяйству других князей, но, очевидно, и превосходило их, так как

летописец не только перечисляет понесенные северскими князьями в борьбе с их врагами убытки, но и размеры их владений и количество накопленных ценностей, как бы удивляясь их богатству и подчеркивая удачу их врагов, сумевших все это «имение» захватить.

Села северских князей располагались по Сейму, между Курском и Путивлем. Но основываясь на указаниях летописи, можно сделать вывод, что центр княжеских вотчин был под Любечем, так как вражеские дружины идут именно туда. Именно там «вся жизнь» северских князей, и с разгромом этого главного пункта княжеских владений должна была быть подорвана их экономическая база. Под Любечем, очевидно, были не только такие села, как Мельтеково и Игореве сельцо и др., но и гораздо более многолюдные и богатые.

Но было бы ошибочно считать, что только князья являлись крупными собственниками. Хотя летопись, по вполне понятным обстоятельствам, говорит именно о княжеском землевладении, но вопрос о феодальном землевладении далеко не полностью освещается летописными источниками.

Упоминания о нем попадают на страницы летописи случайно, и всегда в таких случаях речь идет почти исключительно о землевладении княжеском или церковном. Исключения редки, они относятся далеко не ко всем летописям, не ко всем княжествам этой эпохи.

Тем более ценны дошедшие до нас отрывочные сведения, подтверждающие развитие наряду с княжеским и боярского землевладения в XI—

Подробно останавливаться на трактовке отдельных социальных категорий «Русской Правды», как было уже указано выше, мы не собираемся. 2 Ипатьевская летопись. 1843. С. 26—27.

175

XII вв. Так, например, в «Житии Феодосия Печерского», курянина родом, говорится о селах его родителей, землевладельцев, и о работающих на них холопах. Это указание относится к самому началу XI в., но так как Курск к тому времени был уже большим и богатым городом, крупным ремесленным и торговым центром, вполне естественно предположить, что землевладельцев-феодалов, подобных родителям Феодосия, в Курске было немало. Курские землевладельцы представляли собой мощную прослойку. Из них например, вырастают храбрые дружинники — кметы курского князя Всеволода, воспетые в «Слове о полку Игореве». Эта же феодальная прослойка сильна и в таких центрах, как Рыльск, Воргол, Ольгов (Льгов), Гочево, тяготевших к Курску. Многочисленный слой воинов особенно ярко представлен раскопками в с. Гочеве, Курской области, произведенных Д. Я. Самоквасовым и др.¹

Вопрос о радимичском происхождении населения Гочева роли не играет.

Летопись также указывает на наличие боярского землевладения. Под 1146 г мы читаем в ней: «И разграбиша Кияне с Изяславом дома дружины Игореве и Всеволожи и села, и скоты, изяша именья много в домах и в монастырех». 2 Феодальное землевладение, зародившееся в Левобережье в IX—X вв и укреплявшееся во времена Ольги и Владимира в Придесенье «ловища и перевесища» Ольги, ее село Ольжичи, села Малуши под Любечем), к XI—XII вв. становится господствующей формой землевладения. Происходит процесс складывания вотчины времен «Русской Правды» с тиунами, старостами, сельскими и ратай-ными, огнищанами, конюшими, рядовичами и т. п. XI—XII века являются тем временем, когда на базе экспроприации общинных земель, подчинения и закабаления общинника складывается феодальная земельная собственность. Конец XII и XIII столетие — это лишь период дальнейшего роста вширь той формы земельной собственности, которая складывается в предшествующие полтора столетия. Усиливается мощь феодалов, увеличивается их богатство. Святослав

Ярославич имел «бесчисленное множество, золото, и серебро, и паволокы...» и своим несметным богатством хвалился перед немецкими послами, людьми, кстати сказать, бывальыми и довольно скептически относящимися к этому мертвому капиталу.³

Немецкий летописец указывает по этому случаю: «Бургардт возвратился к императору с дарами, которые удивили Германию. Никогда не видели мы столько золота, серебра и богатых тканей».⁴ В одном из сел Ольгови-чей, в княжеском дворе, Давидовичи забрали столько железа и меди, что были не в состоянии увезти все с собой.⁵

³Самоковасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях села Гочева Обоянского у Курской губ., произведенных в [1909 г. Изд. Курской ученой архивной комиссии. 1915; Сосновский. Атлас Гочевских древностей; Рыков П. С. Юго-восточная граница радимичей // Ученые записки Саратовского ун-та. 1923. Вып. 3.

К сожалению, до сих пор не опубликован безусловно очень интересный материал раскопок Б. А. Рыбакова, произведенных в Гочеве.

² Ипатьевская летопись, 1843, с. 26—27.

³ «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 192.

⁴ Цитируем по Крамзину. История государства Российского. Т. II. С. 78.

⁵ Ипатьевская летопись. 1843. С. 26—27.

176

Богатство чернигово-северских князей — результат эксплуатации зависимого люда, экспроприации земель общинников, обложения данью и тех торговых операций, когда продавали то, что было добыто сбором дани. Вполне естественно предположить укрепление экономической мощи и боярства в те же XI—XII вв.

Подводя итоги просмотренным нами более чем скромным материалам по истории развития феодального землевладения в Северной земле, мы можем констатировать укрепление в XI—XII вв. крупной земельной собственности князей, бояр и монастырей, рост феодально-зависимого населения и расширение форм феодальной эксплуатации, о чем свидетельствует «Русская Правда».¹

Перейдем к вопросу о торговле.

Несмотря на некоторое изменение в торговых путях, торговля расширяется и проникает в новые районы. Необходимо отметить падение значения древнего великого водного пути «из варяг в греки», основными пунктами которого были Любеч и Чернигов. К Чернигову в свое время тяготели почти все остальные приречные города Северной земли. На пути «из варяг в греки» безраздельно господствовал Киев, и поэтому в торговле с греками все преимущества были на его стороне, а Чернигов был вынужден довольствоваться ролью второстепенного торгового пункта.

На Киев из Северной земли вело два пути: один сухопутный, караванный путь, шедший с севера из земли вятичей через Курск на Киев, упоминаемый в «Житии Феодосия Печерского», и второй по Десне—водный. Посредническая роль Киева, по-видимому, вынуждала черниговских купцов основывать свои фактории в Киеве, что и облегчало черниговским князьям захват киевского стола. К этому времени относится расцвет торговли Киева с Галицкими городами, Польшею и Регенсбургом, и в этой торговле несомненно участие и чернигово-северского купечества. По-прежнему Северская земля связана Волжским и Донецко-Донским водными путями с Востоком и прежде всего со своей феодальной колонией, феодальной крепостцой среди разноплеменного населения Северного Кавказа, служившей в одно и то же время торговым и опорным пунктом и портом,— Тмутараканью. Крупнейшим центром, соединявшим Чернигов с Тмутараканью, а одновременно и Киев с Севером, был Курск, один из важнейших и богатейших городов того времени. Курск был связан с

югом, с востоком и западом, и немудрено: что даже в 1283 г. после татаро-монгольского нашествия в Курской тьме торговали византийские и немецкие купцы.²

Торговля с Востоком хотя и изменяется, но отнюдь не замирает. Меняются центры, меняются купцы и их этническая принадлежность, но по-прежнему существуют торговые связи с Кавказом и Закавказьем, Каспием и Закаспийскими городами, с далеким Хорезмом. Тмутаракань становится опорным пунктом во всей приазовской торговле, связывающей Северскую и Киевскую земли со странами мусульманского Востока.

Юшков С. В. Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму Кшвськш Русі. С. 119.

" Никоновская летопись, с. 163.

177

Растет значение древних Соляного и Залозного путей. Соляной путь (позднейший путь чумацких обозов) связывал Чернигово-Северскую землю и Киев с Крымом и Приазовьем. Несмотря на то, что само название торгового пути говорит о том, какие товары по нему перевозили, но безусловно не одни возы с солью двигались по степному шляху. Залозный путь шел к Дону, протягиваясь узкой лентой в Приднепровских и Придонских степях, а с Дона, системой волоков, переходил на Волгу, ответвляясь на Северный Кавказ. Курск и Посемские города связывали Черниговское Придесенье с Азовом и Тмутараканью.¹ Греческий путь представлял собой просто южную оконечность водного пути «из варяг в греки», и стоявший у начала торговой артерии Киев безраздельно господствовал над нею. Чернигов подчинялся приоритету Киева, и его торговля по Греческому пути входила составной частью в киевскую и контролировалась Киевом, причем черниговские «гречники» (так назывались торговавшие с Византией купцы) вынуждены были прибегать к посредничеству главного города Приднепровья. Кроме внешней, развивалась и внутренняя торговля. Черниговская земля поставляла хлеб Новгороду (хотя настоящей житницей Новгорода была Суздальская земля),² а из Новгорода шли некоторые западноевропейские вещи, найденные в северянских курганах. Через Северскую землю (Любеч — Гомель и Чернигов — Стародуб) восточные товары и арабские диргемы попадали к радимичам.³ Торговые пути потянулись на Оку и Волгу, на Муром и Рязань.

Необходимо отметить, что торговля скользила по поверхности, и народные массы слабо были вовлечены в нее. Торгуют князья, бояре, дружинники, купцы, ремесленники, причем непрерывно увеличивается роль посредника-купца, а сельское население втягивается в торговлю слабо. В бедных погребениях общинников XI—XII вв. «заморских» вещей и монет очень мало, ибо все то, чем они могут торговать, у них забирают феодалы в виде даней, оброков и т. д., скупают за бесценок купцы, отнимают церковными поборами церковь, отбирают «княжьи мужи» в виде всяких «вир» и т. п.

Немудрено, что чернигово-северские князья накапливали массу ценностей и могли поразить не только других князей, но и выдавших виды немецких послов. За проданные товары (меха, мед, шкуры, воск, челядь и т. п.) можно было купить различные «заморские» и русские вещи: дорогое оружие, украшения, ткани и др. Все эти предметы и доставляла торговля. Размеров торговли все же нельзя преувеличивать. Нужно не упускать из виду того, что торговые операции касались только небольшой сравнительно группы различных господствующих прослоек. Село было очень слабо втянуто в торговлю, так как излишков у основной массы населения после уплаты дани, оброков и штрафов оставалось немного. Выступать на рынке постоянно как продавец и покупатель — смерд был

Сенаторский Н. Исторический очерк города Рыльска в политическом и церковно-административном отношении. С. 5; Е г о ж е. К истории заселения Северо-Западного района Курского края // Известия Курского губ. о-ва краеведения. 1927. № 4. С. 46; Булгаков Г. И. Схематический обзор Курского края в культурно-историческом отношении // Курский край. 1925. Вып. I. С. 43—44.

2Аристов И. Я. Промышленность древней Руси. С. 175.

3 Р ы б а к о в Б. А. Радзімчы. С. 111—113.

178

не в состоянии. Кое-где смерда не коснулась рука феодала еще и в те времена, но это уже были места, куда и купец проникал с трудом. Торговля между общинами — вервями и между районами несомненно уже имела место, но отнюдь не как постоянное явление. Районные рынки еще только начинают создаваться.

Развитие торговли вызывает, как нами было уже отмечено, появление в Черниговской земле своей денежной единицы в виде найденных в 1878 г. под Новгород-Северском гривен, имеющих форму, размеры и вес, отличные от других известных нам гривен, новгородских и киевских. Необходимо также указать на появление чеканной монеты в связанной с Византией Тмутаракани (имеем в виду монеты Олега Святославича). В один ряд с древнейшими монетами Киева — «серебром» Владимира и Ярослава — следует поставить и монету Тмутаракани, Олегово (Михайлово) серебро.

Нельзя думать, что консолидация феодальных отношений в XI—XII вв. окончательно покончила с остатками родового быта. В наиболее отдаленных от феодальных центров районах, в лесных пущах, среди непроходимых болот, данническое население сохраняло еще древние формы общественной жизни. В частности, в некоторых местах длительное время сохраняются древние семейные общины, упоминаемые в источниках XIV в. и выступающие в них в виде сел сябров.¹

Прежде всего, что такое «сябрина», сябринное землевладение последующих столетий? Левобережная Украина в XVII—XVIII вв. представляла собой область широко развитого сябринного землевладения. Лучицкий совершенно правильно указывает на зарождение подобной формы землевладения в гораздо более отдаленные времена.² Им приводятся акты, указывающие на семейную сябринную собственность, датированные 1351, 1366, 1378, 1409 гг.³ Наиболее сильно было развито и дольше всего держалось сябринное землевладение в Черниговщине, в Любечском, Остерском и других уездах, под самым Черниговом, где целый ряд названий древнейших населенных пунктов прямо связан с сябрами. Стоит привести такие названия сел, как, например, «Сябричи».⁴ В целом ряде районов Черниговщины сябринное землевладение дожило до XIX в., и, например, в б. Го-роднянском уезде, в нескольких десятках километров от Чернигова, общинные работы носили название «сябринных», а общинник, «мирянин», — сябра.⁵ Больше, всего остатков сябрины встречается между Черниговом и Любечем, в наиболее захолустной, лесной части Северской земли, где всевозможные архаические черты быта сохранились в наибольшей неприкосновенности. Вряд ли найдется какое-либо место еще на территории

¹Соболевский А. И. Семца, сябр, шабер // Ученые записки Высшей школы гор. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук. Т. II, 1922. С. 61—62; Ляпунов Б. М. Семья, сябр-шабер // Сборник в честь А. И. Соболевского. С. 257—262. См. также отдельные замечания в статье Jan Rozwadowski «Cimbri — sjabri // Там же.

²Лучицкий. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии // Северный вестник. 1889. Т. I. С. 72.

³Там же. С. 81.

⁴Там же. С. 70, 82—83.

5Верзилов А. Найдавший побут Чернипвсько! околиш // Сборник Чернипв і гавшчне ХИвобережжя. С. 77—79.

179

Руси, где столь ярко вырисовывались бы остатки сябринной системы.¹ Основной документ, говорящий о сябрине XVII—XVIII вв., — Румянцевская опись — отмечает сябров главным образом в Любечской сотне. Безусловно, зарождение господствующей в лесной Черниговщине в XVII в. сябри-ны относится не к XIV в., когда попадают первые документы, касающиеся данной территории, а ко времени неизмеримо более древнему. Сябринная система не зарождается, а бытует с древнейших времен, отмирая и трансформируясь. А. И. Соболевский через «сем-бр» связал «сябр» и «семца» — «семья», что дает возможность усматривать в сябре члена «семьи», семейной общины, независимо от положения, занимаемого в последней. Термин «сябр» часто обозначает «родственник». ² Сябр может быть главой общины — семьи или одним из чади — членов семьи, или челя-дином. Таким образом, генетически сябрина уходит к большой семье, семейной общине, но что она собой представляла в XI—XII вв.? Для ответа на поставленный вопрос прежде всего придется обратиться к грамоте Климента Смолятича пресвитеру Фоме, датируемой сороковыми годами XII столетия. Сам Климент из Киева, и в его обращении нашли отражение те социальные отношения, которые сложились в то время в среднем Приднепровье. Памятуя исключительно развитое сябринное землевладение в XIV—XVII вв. на Черниговщине, мы считаем возможным приурочить те отношения, которые описаны в обращении Климента, и к черниговской действительности той поры. Климент осуждает «славы хотящих, иже прилегают дом к дому и села к селам, изгой же и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины». Само противопоставление дома, т. е. усадьбы, пожни, т. е. новой пашни, борти, пчельника, что связывается с изгоями, и, с другой стороны, села, лугов, старой пашни, связанных с сябрами, указывает на противопоставление первых вторым.³ Но если изгой феодально-зависимый, эксплуатируемый на земле феодала, прежде чем стать, как указывает Б. Д. Греков, «horige», вышел из общины, порвав с ней связь, то сябры становятся феодально-зависимыми от землевладельца всем селом, со всем своим хозяйством. Сябры, вместе со старинами и лядами, целыми селами, с землей и всем, что к ней «тянуло по старине», переходят в вотчину феодала. Короче говоря, сябры входят в состав феодально-зависимых всей общиной. Это свидетельствует о том, что сябринное землевладение является общинным.

Большая семья, разлагаясь, выделяет из себя малые семьи — выселки. Малые семьи разрастаются в большие, в семейные общины, — и естественным путем и в результате «союзнчества» с соседями. Выселок-заимка превращается в поселок. Об этом говорит и сама трактовка лингвистами

¹ Сябрина как складничество — товарищество, артель — явление позднейшего происхождения, распространена гораздо шире, от Белоруссии до Сибири и от Архангельска до Украины. Термин «сябр» известен старосербскому и древнеболгарскому языкам, и, таким образом, южным славянам с их задругой не чужда сябринная система. Это вполне естественно. По мнению А. И. Соболевского, из русского языка этот термин перешел к литовцам, латышам и эстам.

² Соболевский А. И. Семца, сябр, шабер // Ученые записки Высшей школы гор. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук. Т. II. 1922. С. 61. ³ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 147.

180

А. И. Соболевским и Б. М. Ляпуновым термина, каким стали называть себя вступающие в соседские, складнические отношения между собой малые семьи, выселки — а именно «сябры», связывающего «сябр», «сембр» — с «семцой», «семьей», и те

названия поселков сябров, которые нам известны: Сябричи, Кувивичи ит. д.¹ Своеобразные заимки-хутора, из которых выросли деревни и села сябров в XIV—XV вв., также носят патронимические названия, связанные с родовым прозвищем, позднее с семейной фамилией.² Даже в XIX в. большие семьи, семейные общины, носят два названия: собственно фамилию и прозвище, данное по предку-родоначальнику, которое часто носит название «уличного» имени.³ Часто даже настоящей фамилии соседи не знают и зовут лишь «по уличному», причем это имя обычно связано главным образом не с прозвищем, а с одним из мужских имен. Владения «всем родом», «племенем своим», встречающиеся в актах XIV—XV вв., указывают на семейно-сябринную собственность и на кровнородственную в прошлом связь между сябрами данного села, деревни. В Любечском и Остерском уездах, как указывает Лучицкий, грамоты польских королей XVI—XVII вв. свидетельствуют о наличии групп мелких бояр, связанных между собой родством и коллективно владеющих землей. В указанных грамотах группа бояр-родственников рассматривается как одно лицо и в хозяйственном и в юридическом отношениях.⁴ В дальнейшем это боярство выступает в документах как сябры. Таким образом, генетическая связь сябров с большой семьей, с родовыми отношениями и семейной общиной устанавливается совершенно очевидно. Имея, таким образом, архаические черты, сябринное землевладение все же идет дальше семейной общины. Сябры, в прошлом связанные между собой кровнородственными отношениями, позднее оказываются складниками, компаньонами. Они живут на определенной территории и связаны узами хозяйственного и юридического коллектива. Эта форма землевладения свидетельствует о росте территориальных связей. В дальнейшем развитии сябринное землевладение все больше и больше освобождается от родовых связей, остатков родовых отношений. Постепенно общим между сябрами остается лишь общее коллективное владение землей и угодьями, «отчизнами» и «дедизнами», теми самыми «лядами» и «старинами», которые упоминаются в послании Климента Смолятича пресвитеру Фоме. Сохранение сябринной системы землевладения в XIV—XVIII вв. свидетельствует, таким образом, о длительном сохранении внутри сельской общины и наряду с территориальными связями, порождающими сельскую, соседскую общину, семейно-общинных форм. Наличие двух обозначений для термина «сябр» (во-первых, «складник», «сосед», «товарищ», и во-вторых — «родственник»), наряду со сближением «сябр» — «сембр» с «семьей» (конечно, в смысле большой семьи), является результатом перерастания внутри сябринной системы кровнородственных отношений в складнические, причем эти кровнородственные связи в целом ряде

1 См.: Верзилов А. Ук. соч. С. 79.

2 См.: Лучицкий. Ук. соч. С. 79.

3 См.: Самоквасов Д. Я. Семейная община в Курском уезде // Записки Географического общества по Отделению этнографии. 1878. Ч. IV.

4 См.: Лучицкий. Ук. соч. С. 80—83.

181

случаев сосуществуют с сябринными. Наличие «сябров» в Северной Украине в XIV—XVIII вв. свидетельствует о том, что сябринное землевладение и сябры существовали и в Северной земле XI—XIII вв., в те же, примерно, времена, когда митрополит киевский Климент Смолятич (1147—1154 гт.) писал пресвитеру Фоме. Кем были «сябры»? Да теми же самыми смердами, «простой чадью» сельской.

В случае сохранения неразделившейся большой семьи смерд получал возможность более длительное время сопротивляться разорению и обнищанию и не так легко закабался феодалом.

Семейно-общинная организация может быть целиком захвачена феодалами, но разорению отдельных ее членов препятствует коллективизм большой семьи. Члены семейных общин в определенной, благоприятной обстановке могут даже превратиться в отдельных случаях в мелких феодалов. Для Северной Украины XV—XVII вв. данное явление довольно характерно. Стоит вспомнить хотя бы любечскую и остерскую мельчайшую шляхту, родовыми гнездами сидевшую в Черниговском Полесье, «панцыр-ных бояр», «слуг путных», севруков, казаков и т. д. Это же явление имело место и в более древние времена, хотя, конечно, и не было зарегистрировано в ряде документов, как во времена великого княжества Литовского.

Постараемся проследить данный процесс.

Большое значение «земского боярства» в Северной земле красной нитью проходит через всю ее историю. «Кметы» — куряне, дружинники, опора князей — воспеты «Словом о полку Игореве». Посмотрим, что говорят нам письменные памятники. Ранее нами отмечался автохтонный процесс выделения феодальной верхушки, происходивший в Северной земле. Сравнительно сильные феодальные элементы вынуждают киевскую княжескую дружину времен складывания «империи Рюриковичей» осторожно проводить свою политику «освоения» Северной земли. Очевидно, что верхушка могла дать отпор даже сильной киевской дружине. Стоит вспомнить «встань» в городах Северной земли, подавленную Глебом, «легкую дань», которую накладывает киевский князь на северян, и т. п. В результате процесса феодализации появлялись такие вожди местного или так называемого «земского боярства», как Малк Любчанин, Добрыня, Претич. В дальнейшем они подчиняются киевскому князю и превращаются из независимого в вассальное боярство.

Из древнейшего племенного центра с родовой аристократией Седнев превращается в феодальный Сновск со знаменитой Сновской тысячью.¹ Пред нами яркий пример подчинения остатков сопротивляющейся племенной знати князю. Сновская тысяча в XI в. уже боярская дружинная княжеская организация, во главе с тысяцким, ставленником князя. Местные феодализирующиеся элементы могли пойти и по иному пути развития.

¹ Андрияшев А. Нарис історії колотзаці Слверської землі до початку XVI вщю // Записки юторично-фшологичного вщдигу. Всеукр. Ак. Наук. 1928. Кн. XX. С. 101, 104; Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. // Труды VIII Археол. съезда. Т. II. С. 47—48; Завитневич. Начальная страница из древней истории Чернигова // Труды XIV Археол. съезда. Т. III; Смоличев П. Чернипв та його околиш за чаБв великокняз!вськ!х // Сборник «Чернипв і швшчне Лшобережжя». С. 120—122; Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. С. 59—60.

182

Часть их действительно все больше и больше сливалась с укрепившейся в городах княжеской дружиной, как являвшейся результатом распространения владычества киевского князя и вышедшей из Киева, так и состоявшей из ранее сложившихся автохтонным путем в центрах земли феодальных элементов. Другая же часть очень долго продолжала более или менее независимое от князя существование, составляя весьма солидную силу в городах, в «земле» настолько значительную, что сама княжеская дружина и князь в своих действиях вынуждены были считаться с «землей», т. е. с местными феодалами в первую очередь. Процесс развития прослойки «земских бояр» в Северной земле нам представляется следующим образом. Земское боярство собственно распадается на две группы. С одной стороны, это крупные землевладельцы, родовитое боярство, столь могущественное и богатое, что с ним считаются князья. Эти магнаты в дальнейшем отрываются от «земли», т. е. от туземных феодальных элементов, сближаются с князем и вместе с его наиболее богатыми, знатными и

влиятельными дружинниками образуют «переднюю», или «старшую», дружину и подчиняются князю. Самостоятельность их еще очень велика и сплошь да рядом не они от князей, а князья от них зависят. В качестве примера приведем знаменитых черниговских «былей» — богатейших и могущественных родовитых бояр Чернигова, упоминаемых в «Слове о полку Игореве». Не затрагивая вновь сейчас вопроса об их этнической принадлежности, мы считаем необходимым причислить всех черниговских «былей» к наиболее крупным и сильным феодалам, в прошлом, безусловно «земского», т. е. туземного, а не киевского происхождения. Ревуги, Ольберы, Топчаки, Шельбиры, Татраны — знатнейшие, древнейшие и сильнейшие роды черниговского боярства, хотя бы и тюркского происхождения.¹ К такого же рода боярам следует отнести таких бояр, как Шварно Переяславльский, за которого в 1165 г. половцам уплачивают огромный выкуп.² Костяжко, Петр Ильич,³ Борис Захарьевич,⁴ Перенег и др. Эти бояре — ближайшие дружинники князя, его помощники: воеводы, посадники, тысяцкие, его «советники». Таким образом, часть крупного земского боярства, становясь «передней», «первой», «старшей» дружиной, превращается в дружинное боярство, группирующееся вокруг князя. Последнее в свою очередь не представляется чем-то единым. В качестве собственно постоянной вооруженной силы, принадлежащей князю, выступает «молодшая», «меньшая» дружина: «паробцы», «отроки», «децкие», «гридьба». Это — группа воинов, которые составляют своеобразную гвардию князя и за службу получают как определенную долю в дани, военной добыче и доходах князя, так и земельные участки. В этом отношении неправ П. Голубовский, утверждающий, что боярская аристократия Чернигово-Северской земли «не могла быть земельной уже потому, что князь не распоряжался землей и не мог раздавать ее боярам, как это мы видели впоследствии».⁵ Ранее нами

1 «Слово о полку Игореве». Изд. «Academia», 1934.

Ипатьевская летопись. 1908, с. 527. Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 147. Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 412.

5 Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 176. 183

уже приводились факты, рисующие земельные владения северского боярства, и, таким образом, первая часть утверждения П. Голубовского не выдерживает критики. Что же касается второй, то необходимо заметить: мы, действительно, не знаем фактов дарения, пожалования земель кому-либо из младших дружинников князем. Но отсутствие документа отнюдь еще не означает отсутствие самого факта. В самом деле — откуда же сложилось боярское землевладение в Северской земле? Без признания наличия «земельных пожалований», хотя бы «обложенных только данью», мы не можем себе представить экономическую, хозяйственную базу младшей, «молодшей» дружины. Младшая дружина вместе с «передней», «старшей», составляет основную вооруженную силу, но если первая почти полностью зависит от князя и кормится службой у него, то вторая представляет собой самостоятельную экономическую и политическую силу. Крупный магнат — государь-вотчинник в пределах своих владений. Для многих дружинников служба в дружине становится единственным источником обогащения. К числу таких дружинников принадлежал, например, Петр Ильич, служивший Олегу Святославичу, а затем его сыну Святославу Ольговичу, ставший уже в глубокой старости советником последнего.

Кроме крупного «земского» боярства, постепенно слившегося с княже-ско-дружинным, но отнюдь не потерявшего в силу этого своего значения и могущества, существует еще основная масса «земского» боярства — мелкие феодалы. Обычно эта масса вместе с городской купеческой верхушкой выступает перед нами под названием

«черниговцев», «Стародубцев», «курян», «путивлян», «рылян» и т. д. Эти мелкие местные феодалы типа курских кметов Буй-тур-Всеволода играют большую роль в жизни «земли» и вместе с городской купеческой и ремесленной верхушкой (вряд ли «простая чадь» городов имела сколько-нибудь самостоятельное значение, и свои интересы она должна была отстаивать не в повседневной политической жизни города, а в восстаниях) влияют на судьбы земли, на политику князя.

В связи с вопросом о «земских» феодалах, о городах «земли» и их значении встает и проблема веча в Чернигово-Северской земле.

Укрепление роли веча Б. Д. Греков совершенно справедливо связывает с феодальным раздроблением древней Руси. Он указывает:

«По мере упадка Киева, как политического центра, объединяющего значительные пространства, по мере усиления отдельных частей империи Рюриковичей в этих последних поднимается политическое значение крупных городов, способных играть роль местных центров и отстаивать независимость своей области от притязаний старой «матери городов русских». В этих городах вырастает значение вечевых собраний, с которыми приходилось считаться и пригородам и князьям».1 Вечевые сходы, не как постоянные органы власти, а как чрезвычайные собрания местной «земской» верхушки: феодалов и купцов города и «земли», собираемые по чрезвычайным вопросам князем или кем-либо из местных правителей и бояр, имели место и в Чернигово-Северской земле.

Бывали случаи, когда князь или местная знать созывали в экстренных случаях более широкие массы, желая использовать их в своих целях.

Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 204.

184

Иногда вече, недовольное князем, собиралось по собственной инициативе, и тогда князю приходилось воочию убеждаться в силе «земли». Так, например, когда в 1138 г. Ярополк подошел к Чернигову и Всеволод пытался, избегая разгрома, бежать к половцам, «черниговцы» — «людье» — собравшись на вече, указали ему, что раз он хочет «бежать в Половце, а волость свою погубиши, то к чему ся опять воротишь».1 Вече не представляет себе князя, который перед наступлением врага отдает город в распоряжение неприятеля, а сам, спасая собственную жизнь, имущество и честь, которая не допускала «полона», скрывается в половецких степях. Если для князя, в представлении черниговцев, его собственные интересы выше интересов земли, то такой князь им не нужен, и в случае бегства рассчитывать на возвращение в город он не может. И черниговское вече диктует Всеволоду мир с Ярополком. Всеволод, лишенный поддержки горожан, явно враждебных его планам, вынужден заключить мир с Ярополком. События 1138 г. рисуют роль черниговского веча. Если между князем и вечем в редких, правда, случаях происходят столкновения, — преимущество остается за вечем. Оно сильно, от него зависит князь. Без материальной поддержки со стороны «земли» князь ничего поделать не может, и в случае расхождения их интересов, князь бывал вынужден идти на уступки. Вече грозной силой встает против князя, напоминая ему о его зависимости от города и «земли» положении, и честолюбивые помыслы князя и его попытки поставить свои интересы выше интересов земского боярства и купечества пресекаются вечем и терпят крах. Без поддержки веча «земли» князь не может ни воевать, ни сесть в городе. Приведем еще одно указание на роль веча в Северской земле. В 1166 г. Святослав Всеволодович Черниговский спорил о землях с Олегом Святославичем, причем феодальное право было на стороне последнего. «Стародубцы», в которых мы усматриваем старо-дубское вече, посылают гонцов к Олегу, предлагая ему сесть в городе. Олег направляется к Стародубу, но его предупреждает брат Святослава, Ярослав, который посылает своих дружинников в

город, терроризирующих его население. Вече состояться в таких условиях не могло и, подойдя к городу, Олег не был поддержан горожанами. В отместку за мнимую измену невольно обманутый князь разоряет окрестные села, принадлежащие стародубскому боярству, забирает полон и богатую добычу и, покрутившись и пограбив в окрестностях города, возвращается обратно.² Через 10 лет Олег снова подходит к Стародубу, но обстоятельства переменились. Приглашенный в 1166 г. князь, не разобравшись в мнимой измене, разорил окрестности, показал себя по отношению к стародубской знати грабителем, и поэтому вполне естественно, что через десяток лет город не только не открыл ему ворота, но, памятуя грабежи, пожары и увод в плен «челяди», организовал оборону и отразил его нападение.

¹ Ипатьевская летопись, с. 301. Там же. С. 525—526; Грушевский М. С. История Украши-Руси. Т. II. С. 329—330; Багалеи Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия; Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия; Ляскоронский В. История Переяславльської землі с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 334; Грушевский М. С. Чернипв і Оверщина в УкраТнськш исторп // Сборник Чернипв і швшчне Лівобережжя. С. 109—110.

185

Таким образом, князь зависит от вече, по крайней мере на стороне последнего реальная сила, не считается с которой князь не может. Князья, правда, в свою очередь также пытаются воздействовать на вече и даже покарать непокорных «Стародубцев», как это было в 1166 г. В частности, разгром Олегом окрестностей Стародуба в 1166 г. объясняется не только негодованием князя и дружины, но и стремлением наказать «Стародубцев» за нерадивость, инертность, непредусмотрительность, которая и привела к занятию города дружинниками Ярослава. А дед этого Олега, Олег Святославич, дает села и пригороды черниговские половцам на разграбление не только потому, что это была плата князя своим союзникам, но он желал этим проучить черниговцев, первое время недостаточно энергично помогавших князю после его возвращения из Тмутаракани.

Чернигово-северским князьям издавна приходилось опираться в своих землях на местное боярство «земли» и городскую феодальную и купеческую верхушку. Еще в начале XI в. отвергнутый киевлянами Мстислав, вышедший со своей касого-яско-хазарской дружиной из далекой Тмутаракани, обосновывается в Чернигове только лишь благодаря доброжелательному отношению к нему со стороны черниговских бояр и городской знати.

Дружелюбный прием, оказанный Мстиславу в Чернигове, объясняется стремлением господствующей верхушки Северской земли отделиться от Киева, и этому стремлению вполне отвечало появление сильного и самостоятельного чернигово-северского князя. Правда, это не мешало Мстиславу по-прежнему выше всего ставить свою кавказскую дружину, а об ополчении северян говорить как о чем-то второстепенном.

Тесные связи северских князей с «землей» привели и к победе Олега Святославича. Олег Святославич своей победой над Мономахом обязан не только помощи половцев, не только поддержке Тмутаракани, но прежде всего тому, что города, «земское боярство» Чернигово-Северской земли и прежде всего сам Чернигов поддержали его притязания на княжеский стол. В этом сказались последствия того союза между «земским» боярством и городской верхушкой, с одной стороны, и князем с дружиной, с другой, который зарождается еще во времена Мстислава. Княжение отца Олега, Святослава Ярославича, укрепило этот союз, и популярность отца распространилась и на сына. После смерти Святослава в 1076 г. Всеволод и Изяслав пытаются захватить у Святославичей их «отчину». Лишившись брата Глеба,

княжившего в Новгороде и там продолжавшего святославовы традиции заигрывания с вечем и убитого в походе на Заволочье, Олег и Борис пытаются организовать отпор своим дядям.¹ Черниговцы во время всей этой борьбы поддерживали Святославичей. Черниговцы впускают в город, занятый Всеволодом, рати Олега и Бориса, городское ополчение защищает Чернигов от врагов, хотя сами князья со своими дружинами в это время и отсутствуют, и только убийство Бориса и бегство Олега с оставшимися дружинниками заставляют черниговцев смириться и покориться киевскому князю Всеволоду. Последний сажает в

¹ «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 193.

186

Чернигове сына своего, Мономаха.¹ Княжение последнего в Чернигове показывает, что «черниговцы», т. е. местное боярство, купечество и т. п., все еще тяготеют к Святославичам. В далекой Тмутаракани Олег «кует крамолу», готовясь в поход против Всеволода и Владимира Всеволодовича, стремясь вернуть захваченную «отчину». Непокойно и в Чернигове. Еще Д. Багалея обратил внимание на это обстоятельство, указывая на то, что Мономах «по вся утра уши закладаше Чернигове», дабы не слышать ропота черниговской знати.² Когда же пришлось столкнуться с ратью Олега, то Мономах ушел из Чернигова с боями, и в течение восьмидневной битвы черниговцы скорее способствовали Олегу, нежели помогали Мономаху.³ В войнах Олега Святославича в качестве основной его силы, на которую он опирался (с одной дружиной и даже с союзниками половцами, которые, кстати сказать, помогали лишь время от времени, и эта помощь дорого обходилась Олегу, воевать против многочисленных и могущественных врагов было трудно), выступают «земские» ополчения, выставленные крупнейшими городами Чернигово-Северской земли: Черниговом и Стародубом. Его и его сына поддерживают вооруженные новгород-северцы, куряне, путивльцы. Но тут следует оговориться — «земля» преследовала прежде всего свои интересы, интересы своего города и области. И вполне понятно. Поэтому земские ополчения не хотят вслед за князем колесить по обширным лесам и полям Руси, а изгнав врагов из своей области, стремятся вернуться за стены родных городов и увлечь за собой князя. Отсюда странная на первый взгляд инертность некоторых городов. С боем отстаивавшие свою независимость и поддерживавшие своего князя города часто весьма недружелюбно относятся к далеким походам князя. Характерно, что все оборонительные войны Ольговичей «земля», т. е. местные бояре, поддерживают, войны же наступательные, войны за Киев, военные авантюры князей и их стремление к захвату новых территорий и к вокняжению в других землях — не встречают особой поддержки. Часто даже города вмешиваются в таких случаях в политику своего князя, и так как без поддержки города и «земского» боярства, без помощи «земского» ополчения князь воевать без риска не может, то часто последний выполняет волю «земли». «Земские» ополчения, когда перед нами на страницах летописи выступают вооруженные горожане и местные феодалы, «куряне», «путивляне», «черниговцы», «стародубцы» ит. д., играют большую роль и принимают участие в ряде войн чернигово-северских князей (главным образом из линий Ольговичей) с их врагами. Летописи под 1095, 1125, 1135, 1138, 1146, 1149, 1154, 1169 гг. упоминают о ратях переяславцев, участвовавших в походах вместе с князьями, стремившихся так или иначе повлиять на политику князей, склонить их на свою сторону и заставить принять их требования.⁴ В Путивле, Выре, Вьяхане, Курске по летописи существовали городские

¹ Там же. С. 193—198.

²Багалея Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 278; Слово о полку Игореве. Изд. «Academia». 1934. С. 68.

3 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 240.

4 Лаврентьевская летопись, с. 281, 290, 297, 325, 341, 342, 375; Никоновская летопись, с. 158—159; Ипатьевская летопись, с. 382.

187

ополчения «земских» бояр и горожан и собиралось сильное вече. Несмотря на то, что вече Переяславля в 1134 г. заставляет уйти Вячеслава, а в 1147 г. приглашает Глеба Юрьевича, все же, как совершенно правильно отмечают Ляскоронский и Андрияшев, специфическое положение Переяславля, как своеобразного аванпоста Киева в его борьбе со степью, укрепляет власть князя и дружины и ослабляет роль вече. Не то было в главных городах собственно Чернигово-Северской земли, от которой со смертью Ярослава отпадает ее южная часть, образуя самостоятельное Переяславльское княжество, фактически зависящее от Киева.¹ Чернигов, Стародуб, Путивль, Курск выставляют свои дружины. В 1146 г. городское ополчение, выставленное Путивлем, дралось во главе с посадником и «мужами» Святослава Ольговича, но, правда, вынуждено было под давлением многочисленных ратей Изяслава Мстиславича отказаться от поддержки Ольговича и перейти на сторону великого князя. Характерно то, что среди владений «земского» боярства под Путивлем, у самого города были расположены богатые вотчины Святослава Ольговича, и поддержка его «путивлянами» свидетельствует о добрососедских отношениях этих феодалов между собой.² В межкняжеских усобицах, в случае, когда Святославичам удается заручиться помощью со стороны других городов, на поддержку им приходит также земское ополчение. Так, например, в 1096 г. Олегу Святославичу помогают смоленские «вой», земское ополчение смоленцев.³ В 1195 г. Ольговичи получают от полоцкого князя Витебск, что усиливает их и заставляет смоленского князя Давида выступить против Олега Святославича. Но в это время «вече» — «смоль-няне» — восстает против Давида и «луцких муж», и, таким образом, Ольговичи неожиданно получают поддержку смоленского вече.⁴ Куряне отказывают своему князю Мстиславу Изяславичу в военной поддержке против Глеба Юрьевича, говоря, что «на Володимере племя на Гюргеви не можем роуки подъяти», а на Ольговичей предлагают идти «и с детьми». ⁵ Последний пример, правда, уже свидетельствует о недружелюбном отношении курян к Ольговичам в то время, но для нас важно отметить решающую роль «земли». Земское городское воинство Курска заставляет князя изменить свои намерения. Побеждает местная боярская верхушка, местные феодальные и купеческо-ростовщические элементы, а не князь с дружиной. Нами приведено уже достаточно примеров, рисующих значение «земского» боярства и вече, где, конечно, главенствуют не городские низы, не черный люд, а боярская и купеческая ростовщическая верхушка, и в этом отношении Чернигово-Северская земля не представляла собой исключения. Считаю возможным согласиться с мнением С. В. Юшкова,

1 Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 455—462; Андрияшев А. Нарис історії колошзацн Переяславсько! землі до початку XVI вжу.

Ипатьевская летопись, с. 333; Сенаторский Н. Исторический очерк города Рыльска в политическом и церковно-административном отношениях. С. 7; Л е в и т с к и й . Город Путивль // Труды XII Археол. съезда. Т. III. С. 111—112.

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 228.

Ипатьевская летопись, с. 691—692.

Там же. С. 355.

188

что вече «были массовыми собраниями правящих элементов города и земли для рассмотрения наиважнейших вопросов. Это были чрезвычайные сборы, и поэтому о них сохранилось мало известий».1

В «земле» господствовала местная феодальная верхушка, а на вече к туземным феодалам «земли» и города присоединялась купеческо-ростовщическая знать. Только особые условия приводили к тому, что на вече решали вопросы войны и мира и обсуждали политику князя «людье», как это имело место, например, в 1138 г. в Чернигове. Постоянно действующим органом в Чернигово-Северской земле вече не было. Когда народная масса, не «нарочитая», а именно «простая чадь», пыталась защитить свои интересы от посягательств князя и бояр, она прибегала к вечевым сходам, и такие вечевые сходы чаще всего перерастали в восстания. К сожалению, отсутствие черниговской летописи, отдельные отрывки которой только прослеживаются кое-где в других летописных сводах, не дает нам возможности обнаружить подобного рода вечевые собрания в Северской земле.2 Чаще же всего, когда речь идет о том, что «стародубцы», «куряне», «путивльцы», «перемышльцы» и т. п. вмешиваются в дела князя, организуют ополчения, воюют, изгоняют или приглашают князей, оказывают им поддержку или отказывают в ней и т. д., в них мы усматриваем прежде всего мелких местных феодалов и городскую знать. Это не значит, что город в целом, «людье», не участвует в обороне своего города и князя, в ополчении и т. д. Нет, но это означает, что ведущая политическая роль во всех событиях принадлежит господствующим элементам «земли» и города, т. е. земскому боярству в первую очередь. Когда в 1166 г. Олег Святославич громил села под Стародубом, этим самым он наносил ущерб стародубским боярам, не сумевшим сдержать свое слово. Горожанам таким образом вряд ли можно было отомстить, тогда как сожженные села и уведенная челядь напоминали феодалам Стародуба об их «измене», ибо это были их села и их челядь.

Когда «куряне» в 1147 г. отказываются поднимать руку «на Володимере племя», предлагая Глебу Юрьевичу войну с Ольговичами, то в их ответе чувствуются отзвуки вассальной верности и ни о каких «курянах» — «простой чади» не может быть и речи, как не может быть речи о всенародном вече, которое было, якобы, созвано по данному поводу.

Часто, когда мы встречаемся на страницах летописи с явлениями, аналогичными курским событиям 1147 г., когда «куряне», «черниговцы», «стародубцы» совершают какие-либо дела и ведут переговоры с князем, в них следует усматривать не широкие слои городского населения, собравшиеся на вольное вече, чтобы решать судьбы своего города и земли, а местную феодальную дружинную прослойку, в союзе с городской верхушкой, не прибегая к громоздким общенародным вечевым сходам, где «простая чадь» часто выступала враждебной по отношению к ним силой,

1 Юшков С. В. Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Кш'вськш Русі. С. 181.

~ См., например: Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. //Летопись занятий Археол. Комиссии. 1868. Вып. IV. С. 53, 56, 57, 75 76, 81, 82, 87, 108, 120, 123, 129, 130, 138—140, 144; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 44—57.

189

фактически правившую своей землей. И чем сильнее и многочисленнее были эти туземные феодальные элементы, независимо от того, входили ли они в княжью дружину, или сохраняли некоторую самостоятельность, тем большее влияние имели они на князя.

В Чернигово-Северской земле местная феодальная знать, состоявшая из крупных и мелких землевладельцев, была очень многочисленна и сильна, и в силу этого князь здесь вынужден был считаться с «землей». Этому же явлению способствовало наличие многочисленных, крупных, многолюдных и богатых городов, наконец, обилие городов-острожков с феодальным населением, состоявшим из бояр, дружинников и их слуг: тиунов, рядовичей, челяди и т. д. Князь Северской земли — крупный землевладелец, богатство свое строивший главным образом на основе эксплуатации земель и сидящего на них лично от князя зависимого сельского люда. Владение огромными вотчинами еще более сближало северских князей с «землей», т. е. с местным боярством в первую очередь, определяло их «земские интересы», делало их на отдельных этапах домоседами (Олег Святославич после 1097 г.), приводило их к «областнической», «земской» политике.

С легкой руки П. Голубовского и Д. Багаля, в своих монографиях о Северской земле указавших на существование союза между князем и вечем, черниговские Ольговичи рассматривались некоторыми историками как представители «демократии». В частности, демократическими чертами наделил черниговских Ольговичей Рожков в своей работе, посвященной политическим партиям в Новгороде.¹ В его представлении Ольговичи были ставленниками городских низов Новгорода, использованными последними в их борьбе с так называемой «суздальской аристократической партией». Далее мы остановимся подробнее на политике Ольговичей в Новгороде, которая, как мы увидим, очень мало похожа на проведение в жизнь интересов подлинных низов новгородского общества. Н. Рожков старается подчеркнуть, что и у себя в «земле» Ольговичи были «демократы», но опорой в Чернигово-Северской земле, в вотчине своей, для Святославичей, а впоследствии для потомков Олега Святославича — Ольговичей — в действительности было прежде всего «земское» боярство. Нельзя предполагать, мы по крайней мере не имеем для этого никаких оснований, что города северянской земли отличались «демократическим» характером веча, подлинным господством народа, городских низов, «общины», как пишет П. Голубовский. Наоборот, повсюду мы видим развитие феодального землевладения, могучее боярство, мощную дружину. И все это выступает не как нечто чуждое для «воев», «черниговцев», «земли», а наоборот, как тождественное. Дружинники и «земское» боярство, «черниговцы» и князь — союзники, потому что все они принадлежат к господствующей верхушке феодального общества. Конечно, нельзя поставить знак равенства между «земским» феодалом, мелким дружинником и крупным боярином, «первой дружиной», «советниками», верхушкой духовенства, наконец, князем, но все они принадлежат к одному классу, господствующему классу, хотя и к различным группировкам последнего. К ним примыкает и купеческо-ростовщическая верхушка. Нельзя противопоставлять так называемое

¹Рожков Н. Политические партии в Новгороде в XII—XV вв.

190

«земское» боярство дружинному, так как последнее не что иное, как известная ступень в развитии первого. Рано или поздно «земское» боярство сливается с боярством и дружинно-феодальными группировками, концентрирующимися вокруг князя. В прошлом основная масса дружинников князя, его «мужей», особенно «передняя», «старшая» дружина, — выходцы из «земского» боярства, постепенно в целях обороны от внешних «ворогов» да и внутренних, т. е. прежде всего от восстававших закабаленных смердов, объединившиеся и сплотившиеся вокруг князя. Постепенно с укреплением их силы, с ростом дружины профессионалов-воинов, путем пожалования превращающихся в феодалов-землевладельцев, «земское» боярство, вернее его остатки, поглощаются консолидирующейся княжеской феодальной

прослойкой. В Чернигово-Северской земле мы видим, как постепенно мощные местные феодальные элементы, зарождение и развитие которых мы показали в главе «Разложение первобытнообщинного строя и возникновение феодализма», превратились в сильное «земское» боярство, влившееся в княжескую дружину, так как, конечно, на одних киевских воинов, приведенных в Чернигов, не мог опираться Святослав, так же как не мог еще ранее рассчитывать только на своих кавказцев Мстислав.

Решающую роль играет крупное боярство, имеющее собственные дружины. Так, например, в летописи упоминается о Ратиборовой чади, состоявшей из вооруженных слуг и мелких вассалов знатного и богатого боярина Ратибора, с которой приходилось совещаться Мономаху.¹

У Яна Вышатича, данщика Святослава, была своя дружина из отроков.²

Как мы видим, никакого вывода о «демократизме» Ольговичей, о связях их с «общинной», с «демсом», отсюда сделать нельзя. Напрашивается иной вывод — о существовании прочных связей между различными группами феодального лагеря в Северской земле, тогда как другие области древней Руси являются ареной борьбы между ними. Так, в Галиче мы отмечаем сперва разгром городских низов и смердов объединенными силами князя и боярства, а затем борьбу между княжой дружиной и князем, с одной стороны, и боярством — с другой. В Ростово-Суздальской земле «земское» боярство «старых» городов падает, разгромленное укрепившим свое могущество на основе эксплуатации смерда княжим дружинным боярством. В Новгороде существует приоритет веча, возглавляемого городским патрициатом, «советом господ». В отличие от этих трех земель, Чернигово-Северская земля являет собой картину единения «земского» боярства и городской знати, фактически управляющих «землей» путем веча, с князем и княжой дружиной.

Постепенно стирается грань между «земским» и дружинным боярством. Например, кто такие кметы курского князя Всеволода? Профессионалы-воины, — так их рисует «Слово о полку Игореве». Но они же и «куряне», курское ополчение, воины города, стоящего на границе степей, жители которого естественно должны были быть хорошими бойцами. Где здесь кон

¹ Ипатьевская летопись. С. 217—218; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII века. С. 454—455.

² «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 171.

191

чается «земское» боярство, земское ополчение и начинается княжая дружина — установить трудно. Кметы — «земские» дружинники. «Кмет», как указывает Барсов, в древности переводится на греческий язык тем же словом, что и «быль», «боярин».

Кметы — «доброименитые», такими, по крайней мере, считает их летопись. В Новгородской I летописи под 1187 г. есть два варианта одного рассказа. В первом говорится, что в битве «паде голов о сте кметьства», в другом слово «кметство» заменено «доброименитых».¹ Кметы — мелкие, зажиточные хозяйчики, превращающиеся или уже превратившиеся в феодалов. У западных славян термин «кмет» означает служилого однодворца, в Сербии — начальника, старосту, на Украине — зажиточного крестьянина. Но даже если не все кметы уже стали феодалами, то путь один — к служилому люду, землевладельцу, феодалу типа позднейшего «комонст-ва», «всадников», мельчайшего дворянства. Поэтому «кметы», генетически связанные с «земским» мельчайшим боярством, стремясь к укреплению своей власти и обогащению, пытаются добиться этого, опираясь на князя и входя в его дружину. Так, по крайней мере, было в Северской земле.

Понятно, почему князья в свою очередь ценили «кметов», а это подтверждают и летопись, и «Слово о полку Игореве».2 А кто такие черниговские «были»? Нам они представляются выходцами из местных родовитых бояр, но составляющими «переднюю дружину». Мы можем, таким образом, констатировать быстрое развитие в XI в. на территории Днепровского Левобережья, в землях Черниговской, Переяславльской и Новгород-Северской, княжеского феодального хозяйства и освоение князьями огромных земель. Растет княжий домен — вотчина «Русской Правды». Наряду с этим явлением мы наблюдаем развитие боярской земельной собственности, собственности «земских» и дружинных бояр, постепенно сливающихся в единый класс феодалов. Многочисленное «земское» боярство, правда, не столь богатое и сильное, как в Галиче, заставляет князя считаться с собой. Многочисленные города в свою очередь подчеркивают силу «земли», и к местным господствующим слоям следует причислить и городскую знать, не только феодалов города, но и купечество. «Народоправства» вече Северской земли не знало, и чаще всего не «людье» переяславльские, курские, черниговские решали дела своей земли, а «земская» феодальная и, отчасти, купеческая верхушка.

Никаких «народных» интересов «общины», городской и земельной, как это утверждали Д. Багалеи и П. Голубовский, Ольговичи не отражали, но, как это мы увидим далее, они не прочь были демагогическими приемами привлечь на свою сторону народные массы Киева, Новгорода, Смоленска тогда, когда готовились сесть на княжий стол в этих крупнейших городах Руси. Наоборот, для Ольговичей характерно стремление сплотить, консолидировать пестрый лагерь феодалов и этим предотвратить борьбу внутри него, раздиравшую одно время Галичско-Волынское и Ростово-Суздальское княжества. Отсюда и их «областнические» тенденции, тяготение к

1 Новгородская I летопись. С. 19.

" Барсов Н. П. «Слово о полку Игореве», как художественный памятник Киевской дружинной Руси. 1887. Т. 111. С. 421—423.

192

«земле» и «земляному строению». Стремление местных бояр отделиться от Киева укрепляло Ольговичей и усиливало их самостоятельность. Ольговичи всегда выступали не за народные низы, а против них.

Не случайно чернигово-северские князья и их «мужи» выступают в роли подавителей первых восстаний смердов и горожан, протекавших в оболочке восстаний волхвов.1

2. Обособление Чернигово-Северской и Переяславльской земель

Быстрый рост феодального землевладения в XI в., развитие и укрепление феодальных отношений, отразившиеся в «Русской Правде» Ярославичей, подтачивали «империю Рюриковичей» — Киевское государство и способствовали ее дроблению.

К. Маркс указывает: «При Ярославе... начинается закат готической России. История этого заката, еще больше, чем история завоевания и образования государства, доказывает исключительно готический характер империи Рюриковичей. Несообразная, нескладная и скороспелая империя, составленная Рюриковичами из лоскутков, подобно другим империям аналогичного происхождения, распадалась на уделы, делилась и подразделялась между потомками завоевателей, была раздираема феодальными войнами и теряла целые области вследствие интервенции соседних народов...».2

С XI в., после смерти Ярослава, начинается период феодальной раздробленности, «когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств».3

Носителями тенденции феодального раздробления земель выступали феодалы: князья, бояре, дружинники и т. д.

Их земельные владения, огромные хозяйства, большое количество всевозможного рода челяди, закабаленных людей и т. п. приковывали их взоры к «земле», диктовали их «земские» интересы, отрывали их от Киева — «мати градов русских», и все больше и больше дела «Руси» уступали свое место делам «земли».

Слияние «земского» и княжеского дружинного боярства, влияние первого на князя обуславливали «земскую», узкоместную, политику большинства князей.

Мы уже подчеркивали процесс интенсивного развития феодальной земельной собственности и феодальных форм господства и подчинения в Северной земле XI—XII вв.

Не случайно летопись так подробно останавливается на хозяйстве северских князей Ольговичей, подчеркивая его грандиозные размеры.

Старые и крупнейшие города среднего Приднепровья (кроме самого Киева), Чернигов и Переяславль, становились центрами местного и княжеского боярства.

1 См. след. раздел, а также: Мавродин В. В. К вопросу о восстаниях смердов // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 6.

2 М а р к с К. Secret diplomatic history of the eighteenth century. 1899. С. 77.

3 Замечания товарищей И. Сталина, С. Кирова и А. Жданова на конспект учебника по истории СССР. «О преподавании истории в школе». ОГИЗ, Учпедгиз, 1936. С. 5.

7 В. В. Мавродин

193

го боярства, стремившегося к обособлению от Киева. Они стремились получить своего самостоятельного князя, обзавестись своей княжеской линией, и эта тенденция совпадала со стремлением Ярослава в каждый такой растущий центр земли посадить своего сына. Если первые попытки феодального дробления земли (Новгород, еще при жизни Владимира, Чернигов и Тмутаракань при Ярославе) не увенчались успехом, так как не все еще «земли» русские созрели для самостоятельного политического существования, то с начала второй половины XI в. все предпосылки раздробления земли были налицо.

После смерти Ярослава в 1054 г. вместо «самовластного» Киевского государства возникает ряд самостоятельных княжеств. В Полоцке, еще во времена Ярослава, княжит другая линия Владимировичей, потомки его старшего сына Изяслава. При Ярославичах в Полоцке княжил Всеслав, посаженный в Киеве князем во время восстания 1068 г. Собственно владения Ярослава, по его завещанию, разделились таким образом: старший, Изяслав, занял киевский стол, Вячеслав получил Смоленск, Игорь — Владимир-Волынский, а территория Северной земли оказалась поделенной между Святославом и Всеволодом, причем первому достался Чернигов, ставший с этого момента главным городом собственно Чернигово-Северской земли, а второму — Переяславль. Таким образом, начало второй половины XI в. ознаменовывается созданием самостоятельного Чернигово-Северского княжества, но уже на иной, несколько суженной со времен Мстислава территории, от которой отходит южная ее часть, образующая самостоятельное Переяславльское княжество. К последнему, по делению того времени, отошел и Курск с Посемьем. Черниговское княжество захватывало громадную часть Левобережья: область северян, земли радимичей и вятичей, Тмутаракань и территорию Муромо-Рязанского княжества. Кроме того, одно время принадлежало Святославу Черниговскому и Белоозеро, и там собирал дань его данщик, Ян Вышатич. Посулье с Переяславлем, Курск с Посемьем, а после Ростислава Владимировича Ростов, Суздаль, впоследствии и Белоозеро принадлежали Всеволоду Переяславльскому.¹ При этом следует отметить, что эти территории были получены переяславльским князем не сразу, а добыты постепенно, и некоторые, как

Ростов, Суздаль, Белоозерье и Посемье, были впоследствии потеряны. Чем обусловлено подобное разделение и раскол некогда единой Северной земли на два княжества? Ряд исследователей основной причиной подобного деления и превращения Переяславльского княжества в самостоятельное феодальное политическое образование считают различие в этническом составе Переяславльской и собственно Северной земли. Переяславцы у некоторых

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 157, 170—171; Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 62—64, Бага-лей Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 161—162; Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. II. С. 287—289; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II, прим. 50; Грушевский М. С. История Укражи-Руси. Т. II. С. 235, 236, 252, 254; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 291; Андрияшев А. Нарис історії колошзаип Пе-реяславсько! землі до початку XVI віку // Записки кторично-фшологичного відшу. Всеукр. Ак. Наук. 1931. Кн. XXVI; Его же. Нарис історії колошзаип Оверсько! землі до початку XVI вжу // Записки гсторично-фнюлогичного відшу. Всеукр. Ак. Наук. 1928 Кн. XX.

194

исследователей выступают как потомки «суличей», причем эти последние либо представляют собой самостоятельное племя, и в таком случае их наименование связывается с названием реки Сулы, либо являются не чем иным, как ответвлением могущественного и многочисленного племени уличей.¹ Некоторые, не предрешая вопроса о том, что собою представляли переяславцы и к какому славянскому племени их можно причислить, в то же время указывают на этническое отличие обитателей Переяславльской земли как на причину, вызвавшую обособление Переяславля и выделение его из состава Северной земли.² Не отрицая известных отличий в племенном составе населения центральной и южной полосы Северной земли, что несомненно могло вызвать отличие и этнического характера среди населения Черниговщины и Переяславщины (об этом уже было указано в разделе «Северяне»), мы в то же время не можем считать это этническое отличие единственным фактором, вызвавшим отделение Переяславля. Причины этого явления лежат совсем в ином и обусловлены не этносом, а скорее всего политическими тенденциями киевских феодалов и стремлениями самого Переяславльского боярства к самостоятельности, стремлениями, кстати сказать, как покажет история, не имевшими за собой достаточных оснований. Первой и главной причиной мероприятия Ярослава по превращению Переяславля в самостоятельное княжение было стремление местного переяславльского боярства к самостоятельности. Это стремление было обусловлено не враждой к иноплеменному населению Чернигова, а желанием боярства организовать для эксплуатации сельского населения и закрепить за собой господствующую роль в «земле», что было важно для походов и установления торговых связей. Делиться властью с черниговским боярством переяславльские бояре не хотели, а Чернигов, как главный город Левобережья, претендовал на главенство во всех отношениях. Переяславльское боярство во время удачных войн Ярослава и Мстислава настолько окрепло, что не нуждалось (так по крайней мере казалось ему в то время) в какой-либо опеке, а тем более в небескорыстной опеке Чернигова. Если уже надо было выбирать союзника и признавать какой-то город за главный, то им для Переяславля мог стать скорее Киев, нежели Чернигов. Киев был и ближе и сильнее, а это для Переяславля, в условиях его постоянной борьбы с кочевниками, было далеко не безделицей. Кроме того, если для Чернигова Киев был своеобразным контрольным пунктом на великом водном пути «из варяг в греки», регулировавшим торговые операции черниговских купцов и

собиравшим с них подати (нельзя забывать, что, торгуя с Византией по Днепру, миновать Киев было невозможно), то Переяславль, расположенный на Трубеже у Альты, недалеко от впадения

'Андріяшев А. Нарис історії' колошзаци ПереяславськоК земл1 до початку XVI в1ку // Записки штор1чно-ф1лологичного вщцлу. Всеукр. Ак. Наук. 1931. Кн. XXVI. С. 2—5; Его же. Нарис історії' колошзаци СіеербКОі земт до початку XVI вжу // Записки кггорично-ф1лологичного вщцлу. Всеукр. Ак. Наук. 1928. Кн. XX. С. 96—97, 98—99. См. также ст. Завитневича в Трудах VII Археол. съезда и В. Новицкого Давне Лукомор'я в: Записки гсторично-фшологичного вщдигу. Всеукр. Ак. Наук. 1929. Кн. XXIV.

2Грушевский М. С. Істор1я Укрмни-Руси. Т. II. С. 313; Середонин. Историческая география. С. 175; Пархоменко В. А. Ноеі нжрчни проблеми КшвськоТ Руси // Журнал «Укра'ша». 1928. Кн. 6. С. 3—5; Рыбаков Б. А. Радз1м1чы. С. 120, 139.

195

первого в Днепр, стоял ниже Киева и благодаря этому от киевской опеки в торговле был избавлен. Вот эти обстоятельства и объясняют отделение Переяславля от Чернигова и превращение его в самостоятельное княжество. Укрепившись и восстановив свое былое значение времен Владимира, Переяславль попытался опереться на Киев для отделения от Чернигова и для борьбы с кочевниками. Но расчет переяславльского боярства оказался не совсем верным. Уже через некоторое время Переяславль теряет свою самостоятельность и, оставаясь номинально независимым княжеством, фактически превращается в аванпост Киева в борьбе со степью, а Переяславльское княжение становится своеобразной ступенью, которую должны пройти князья прежде, чем занять киевский стол. Переяславль — преддверие Киева: такова его роль в конце XI столетия. Возможно, конечно, что и иной племенной состав населения сыграл свою роль, но, во всяком случае, весьма незначительную. Основной причиной отделения Переяславля являлись феодальные тенденции господствующей боярской знати. Киевское боярство, окружавшее Ярослава и, несомненно, сыгравшее свою роль в выделении Переяславля, также видело в этом удовлетворение своих интересов. Прежде всего этим выделением ослаблялся могучий соперник Киева — Чернигов, терявший большую и богатую территорию с многочисленным населением и десятками поселений и городов, и, кроме того, черниговская торговля с Востоком пресекалась переходом Посемья с Курском в руки Переяславля.¹ Между Черниговом, с одной стороны, и По-донскими степями и Тмутараканью, с другой, забивался Посеймский клин, принадлежащий ныне независимому от Чернигова Переяславлю. Старая торная водная дорога по Десне, Сейму, Осколу, Донцу и Дону шла уж не по собственным землям Чернигова, а по владениям другого княжества. Для Киева это означало опять-таки ослабление Чернигова, переход черниговского купечества, стесненного в своей восточной торговле, к более широкому использованию Днепровского пути, а следовательно, к обогащению киевского князя, а с ним вместе и боярства. Несколько ослабели торговые, речные и сухопутные связи Чернигова с Востоком. До разрыва дело, конечно, не дошло, да и дойти не могло. В самом деле, если бы стал вопрос о закрытии восточных путей, то Чернигов напряжением всех сил отстоял бы свое право. Но прохождение торговых путей по чужим владениям все же не способствовало росту восточной торговли. Отсюда — упорная борьба чернигово-северских князей за Посемье, борьба, идущая с переменным успехом, но все же кончившаяся закреплением Посемья за ними. Этот момент в ярославовой политике отметил еще П. Голубовский в своей «Истории Северной земли».² Образование Переяславльского княжества, т. е. появление нового феодального самостоятельного государственного

Об этом говорил в «Поучении детям» Мономах, когда указывал на свой поход по приказанию отца «сквозь вятичи», что было в то время проявлением большой храбрости. В то же самое время Мономах отмечал, что «сам (т. е. отец, Всеволод) иде Курску». Идти к Курску, как к своему городу, без похода и войны, Всеволод мог только в том случае, если Курск превратился в город Переяславльского княжества. См. «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 238.

2Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 62—64.

196

организма, определялось и вызывалось, таким образом, не племенным составом, различие в котором обусловило данное явление, а борьбой крупных феодальных центров. Именно феодальные центры, а отнюдь не племена, были в то время организаторами территориальных единиц. В XI в. данная территория определялась не племенем, а силой феодального центра, которому она принадлежала и к которому тяготела. XI век был временем, когда на смену племенным союзам и племенным названиям приходят политические феодальные союзы и иные наименования. Постепенно вместо северян начинают мелькать на страницах летописи черниговцы, стародубцы и т. д. Времена деления территории на земли такого-то и такого-то племени прошли, и границы определялись феодальными связями. Организующим началом были феодалы крупных центров, городов, а не племенная аристократия, поэтому некоторые княжества состояются из земель нескольких племен. Так, само Черниговское княжество состояло из земель части северян, радимичей и вятичей. Бывало и так, что на земле одного племени появляются два-три княжества, и население называется уже не по старому племенному имени, а по имени главного города феодального княжества. Следовательно, выделение Переяславльского княжества есть показатель не иноплеменного состава Переяславщины (хотя, возможно, в действительности так оно и было, но в те времена проблема иноплеменно-сти играть какую-либо решающую роль не могла), а внутреннего развития феодальных отношений, которые в области государственного устройства приводят к ослаблению земель и к их феодальной раздробленности.

С 1054 г. в Чернигове княжит Святослав Ярославич. Святослав, Изяслав и Всеволод, князья трех богатейших и сильнейших уделов юга древней Руси — Чернигова, Киева и Переяславля, — фактически сосредоточивали в своих руках силу, которая позволила им вмешиваться в дела и других княжеств. Первым проявлением их совместной деятельности было установление так называемой «Русской Правды» Ярославичей, совершенное при ближайшем участии ряда княжих «мужей» и крупного боярства. «Русская Правда» Ярославичей рисует нам консолидировавшееся феодальное общество с феодальным землевладением князей и бояр, самое феодальную вотчину и зависимое население (смердов, холопов, рядовичей и т. д.), укрепившуюся частную собственность на землю и скот, развивающуюся торговлю и т. п.; говоря короче, она представляет собой памятник периода феодализма.

«Русская Правда» Ярославичей рисует тот общественный порядок, который сложился ко временам их княжения, и отражает действительные социальные отношения Киевского, Черниговского и Переяславльского княжеств.

Начало княжения Святослава ознаменовывается прежде всего стремлением черниговского князя укрепить свое положение в Тмутаракани. Несмотря на Посемский клин, вбитый между западными и восточными владениями Святослава, интересы восточной торговли и стремление к расширению своих владений с целью увеличения числа данников и различных сборов (вир, продаж, мыта и т. д.), к увеличению

территории, могущей служить базой развития феодального землевладения, заставляют Святослава бороться за закрепление Тмутаракани за Черниговом. Тмутаракань

197
кань для Чернигова не только порт, но и богатейшая феодальная колония. Богатство этой колонии было связано со специфическим положением самой Тмутаракани как одного из центров торговли Запада с Востоком, в частности Восточной Европы с Кавказом, Закавказьем, Средней и Малой Азией, и Византии — с Приазовьем, Причерноморьем, Подоньем и Поволжьем, с Булгарами, Хорезмом и т. д. Доходы от торговли и от различных сборов, поступавшие в пользу князя и феодалов-дружинников, обложение данью соседних народов — касогов, ясов, обезов, — служба воинов этих племен в княжеской дружине, военный грабеж богатых южных и западных берегов Каспийского моря — все это привлекало к себе наиболее энергичных и деятельных князей. Тмутаракань была теснее всего связана с Черниговом, но это нисколько не мешало и другим князьям пытаться обосновываться на далекой окраине Русской земли и изгонять оттуда черниговских князей. Нельзя думать, что Тмутаракань выступает как какая-то своеобразная Сечь, населенная лишь отважными воинами-дружинниками, только и ждущими полегать себе храброго, удалого князя, которую князья-«изгои» рассматривают как некое пристанище.¹ Тмутаракань не беспризорная область, достающаяся тому, кто посильней и похрабрее, и тмутараканская дружина не лихие «сечевики», а прежде всего феодальные дружинники, как и сама Тмутаракань являлась собственностью чернигово-северской княжеской дружины. За это говорит и то, что феодальное княжеское право закрепляет ее именно за черниговскими князьями (возьмем хотя бы Святослава, Глеба, Олега и других), и то, что в большинстве случаев в ней правят черниговские князья, и, наконец, — безусловная близость, тесная экономическая и политическая связь Тмутаракани с Чернигово-Северской землей. Начиная со времен Мстислава, взаимное политическое тяготение Северской земли и Тмутаракани создало единение этих двух земель. Конечно, Тмутаракань, по стечению обстоятельств ставшая родоначальницей первого самостоятельного Северского княжения, во времена Мстислава не могла стать центром Северской земли и превращается в колонию этой последней.² Иначе быть не могло, так как Тмутаракань была окружена враж

¹ «Сечью» называет Тмутаракань Грушевский в своей «Історія України-Руси». Т. II. С. 273.

Той же точки зрения держится и Барсов в «Географии начальной летописи», с. 53, но наиболее ярко она представлена в работах И. П. Козловского — «Тмутаракань и Таматарха-Матарха-Тамань» (Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. II. С. 64) и Андрияшева — «Нарис історії кологазаций Стерської землі до початку XVI вш» (Записки юридично-філологічного вгдцглу. Всеукр. Ак. Наук. 1928. Кн. XX. С. 96—97).

Против такой трактовки Тмутаракани, как «сечи», выступил совершенно правильно А. И. Полканов в работе «К вопросу о конце Тмутараканского княжества» (Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. III. С. 44—46).

² Не можем согласиться с толкованием В. А. Пархоменко вопроса о перенесении Мстиславом политического центра из Тмутаракани в Чернигов. Положения его сводятся к следующему: поход Святослава на Хазарию и Кавказ есть не стремление основать колонию, а попытка восстановить «скифское наследство». Но о каком наследстве скифов может идти речь по отношению к феодализирующемуся обществу? Это наследство до Святослава пытались восстановить и сарматы, и готы, и авары, и болгары, и хазары, а гунны даже настолько блестяще справились с задачей такого

«восстановления», что расширили границу владения Скилура и Полака. Что же тут именно от Святослава? Кстати сказать, идея о восстановлении Святославом скифского наследства не чужда была и А. Я. Преснякову и полу-

198

дебными ей государствами. Вместе с этим, конечно, следует отметить, что отрицать действительно имевшую место специфику Тмутаракани нельзя. Тмутаракань, по условиям своего существования, стиснутая между греческими владениями, торкополовецкой степью и многочисленными племенами Кавказа, не могла не носить сугубо военного характера. Походы, войны, обложение туземного населения данью, охрана караванов и купцов, схватки и на море и на суше — такова обыденная жизнь дружинника и князя. Все это было буквально буднями Тмутаракани, и поэтому напряжение, требовавшееся от постоянно бывшей на чеку многоплеменной русско-хазаро-касого-ясской дружины, было под силу только известной части опытных воинов, и только предприимчивые князья своими делами и всякого рода обещаниями могли добиться успехов и славы. Тмутаракань привлекает князей-изгнанников и как область, удаленная от главнейших центров Приднепровской Руси, где не могла достать их рука других князей. Эти другие князья прекрасно знали, чего им можно ждать от обиженных князей-«изгоев», и поэтому старались как можно скорей прибегнуть к обычному методу и «всадить в поруб» потерявшего свое «право» на княжение или само княжество князя-«изгоя». Здесь, вдали от соперников, можно было отсидеться, дождаться лучших времен, набраться сил, на вербовать многочисленную рать, привлечь кочевавших севернее половцев, а тогда возвращение и победа над врагами были бы обеспечены. Вот что тянуло князей-«изгоев» в Тмутаракань, и на примере Олега Святославича, как это мы увидим дальше, все указанные положения полностью подтверждаются.

Святослав сажает в Тмутаракани своего сына Глеба. После Мстислава Глеб не был первым князем тмутараканским. По-видимому, она либо управлялась своими местными князьями, как это было в XII—XIII вв., либо там сидели сначала наместники Мстислава, а затем Ярослава. Во всяком случае связей с Черниговом Тмутаракань не прерывала. Это сказалось и в том, что Глеба летопись просто застаёт в Тмутаракани, а не говорит о его вокняжении там, так как, по-видимому, отправление сына черниговского князя княжить в Тмутаракань не представляло собой ничего особенно выдающегося и выпадало из поля зрения летописца. В 1059 г. (по Шахматову в 1061 г.) прибыл на «остров Тмутараканий» инок Печерского монастыря

чила свое выражение в одном из положений его статьи «Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы» (в качестве приложения к «Лекциям по русской истории», т. I и в «Яфетическом сборнике», т. V). Далее Пархоменко заявляет, что движение Мстислава к Чернигову есть колонизационный поток славянства и, очевидно, судя по другим высказываниям автора, именно северян. Славяне были вытеснены с Кавказа войной Византии с Абхазо-Имеретией. Но как же тогда рассматривать дружину Мстислава из касогов и хазар, где славян было, по-видимому, очень немного, если Мстислав, что отмечает и сам Пархоменко, так ценит свою дружину, а северян, князем которых он становится, ставит ни во что?.. Где же тут колонизация? Неужели ею можно считать переход князя с дружиной из Тмутаракани в Северскую землю? Значит, перенесение политического центра из Тмутаракани в Чернигов — есть результат не переселения, не колонизации, шедшей из Северного Кавказа в Придесенье, а укрепления мощи самого Чернигова, связанного с переходом князя с его дружиной из колонии в метрополию, что удалось сделать лишь с укреплением тмутараканской феодальной верхушки. В то время, кстати будет

упоминать, зависимость Тмутаракани от Приднепровья была меньше, нежели в XI в. См.: Пархоменко В. А. У истоков русской государственности, с. 51, 69.

199

Никон и на «чистом поле», близ самого «города» построил церковь богородицы и основал монастырь.¹ Христианство на Тамани было, конечно, не новым явлением, аланская и русская епархии, по уставу Льва Философа, существовали еще в IX в., что дает возможность говорить, во-первых, о наличии русов на Тамани еще в те времена, а во-вторых, о древности христианства.² Появление монастыря свидетельствует о прочности владычества приднепровских феодалов в Тмутаракани и о том, что Тмутаракань имела, несомненно, коренное славянское население, которое и могло дать чернецов в монастырь. Славянское население было смешано с хазарами (большое количество которых после разгрома Святославом Итиля скопилось в Тмутаракани, некогда тоже входившей в состав Хазарского каганата, и подчинилось русским князьям, о чем и писал Никон, упоминая, что «владеют Козары Русьстии князи и до днешняго дне»), греками, ясами, обезами и касогами. Монастырь, как опора власти князя, по-видимому, не обошелся без княжеских пожалований и стал землевладельцем. Таким образом, начало княжения Глеба Святославича в Тмутаракани ознаменовывается укреплением положения князя, дружины и духовенства и установлением большей зависимости Тмутаракани от Приднепровья, причем в отдельные моменты первенство переходит от Чернигова к Киеву. Необходимо попутно остановиться на том, что «Патерик Печерский» говорит о заложении церкви богородицы и монастыря в Тмутаракани в 1059 (1061) г., а «Повесть временных лет» говорит о закладке церкви богородицы в связи со знаменательным эпизодом борьбы Мстислава с Редедой. По «Повести временных лет» церковь богородицы построена Мстиславом в 1022 г. «яже стоит и до сего дне Тмутаракани».³ Стоявшая еще в дни летописца церковь богородицы в Тмутаракани, по-видимому, все же не была целиком делом рук Мстислава, так как сам рассказ об обете Мстислава слишком легендарен, чтобы принимать его на веру. Возможно предположить, что Никон достроил также начатую Мстиславом церковь и, таким образом, в Тмутаракани, как считает Голубинский, было две каменные церкви богородицы.

Времена княжения Глеба Святославича ознаменовались упрочением торговых и политических связей Тмутаракани с Черниговом. Расширение и развитие торговли сказывается прежде всего на богатстве самого князя черниговского. Богатство, которым блеснул перед посланцами Генриха IV Святослав, несомненно, создано в результате не только накопления в период его кратковременного княжения в Киеве, а прежде всего — в результате эксплуатации всевозможными путями смердов, собранная с которых дань реализовывалась в торговых операциях с Тмутараканью, Востоком и Византией, откуда шли «злато и серебро, и паволоки». Недаром едва ли не первым после «Русской Правды» делом Святослава была отправка Глеба в Тмутаракань для контроля над ее торговлей и для установления более тесных торговых связей и более прочных вассальных

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 135; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. С. 175.

2Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. С. 130. 3 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 143.

200

отношений. Один конец торгового пути оказался в руках Святослава, но этого было мало. Нужно было закрепить за собой Тмутаракань и как феодальную колонию, доходы с которой обогащали дружинников и, прежде всего, самого князя. Казалось бы

вопрос о Тмутаракани был разрешен в пользу черниговского князя, но тут выступает обделенный своими дядями Ростислав Владимирович, сын старшего Ярославича — Владимира, умершего еще при жизни Ярослава и не оставившего, естественно, княжения своему наследнику. Ростиславу не повезло в жизни и о нем нет точных сведений в летописи. Нам точно неизвестно, где обретался этот внук Ярослава до своего бегства в Тмутаракань. В 1056 г., после смерти смоленского князя Вячеслава, трое южных князей — Ярославичей, — фактически распорядившиеся судьбами и своих других братьев, и дядьки Судислава, и племянника — Ростислава, сажают Игоря в Смоленск, «из Володимеря выведши».1 По Татищеву, во Владимир-Волынский они переводят из Ростова Ростислава, и хотя это положение Татищева нигде не подтверждается известными нам летописями, но, судя по тому, что во Владимире впоследствии сидят Ростиславичи, рассматривающие Владимир как свою «отчину» и враждовавшие с сидящим в нем Ярополком Изяславичем,2 это предположение, оставляя его документацию на совести Татищева, можно принять. Если эти годы княжения Ростислава Владимировича еще как-то могут быть приурочены к определенному месту, то дальнейшие события полны противоречий. По летописи Ростислав Владимирович в 1064 г. бежит в Тмутаракань вместе с Пореем и Вышатой, сыном Остромира, «воеводы», т. е. посадника Новгородского.3 Это указывает, казалось бы, на то, что Ростислав Владимирович сидит в то время в Новгороде, о чем говорит Никоновская летопись.4 Вряд ли Порей и Вышата, изгнанные из Новгорода своими политическими соперниками, просто заехали за Ростиславом во Владимир. По-видимому, Ростислав к 1064 г. сидит в Новгороде, и его изгоняют вместе с двумя его ближайшими соратниками по княжению в Новгороде — новгородскими боярами, Пореем и Вышатой Остромиричем. Какие причины вызвали изгнание популярного сына Остромира, его единомышленников — Пороя и Ростислава Владимировича? Вышата и Порей были представителями определенного течения в новгородской политике, связанного с борьбой Новгорода за независимость от Киева и пользовавшегося успехом среди части боярства, купечества и средних слоев городского населения, и их

1 Там же. С. 158.

2 Татищев В. Н. История Российская. Т. II; С о л о в ь е в С. История России с древнейших времен. Т. II. С. 290; Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия; Багалея Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 162—163.

3 В «Повести временных лет по Лаврентьевскому списку» нет указания на Пороя и Вышату, так как после слов «внук Ярославль» идет большой пропуск. Ипатьевская летопись дает возможность его заполнить: «и с ним бежа Порей и Вышата, сын Остромирь, воеводы Новгородского, и пришед выгна Глеба из Тмутараканя, а сам иде в него место. В лето 6573. Иде Святослав на Ростислава к Тмутараканю» («Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 159; Ипатьевская летопись, с. 152).

4 Никоновская летопись, с. 92. Новгородская летопись ничего не сообщает о княжении в Новгороде Ростислава.

201

изгнание из Новгорода могло означать укрепление власти киевского князя.1 Перед этим новгородцы пригласили к себе Ростислава Владимировича именно потому, что этот князь имел достаточно оснований для неприязни к своему старшему дяде — киевскому князю Изяславу и мог явиться организатором антикиевской группировки в Новгороде. Ставка новгородцев (вернее — определенной, все время усиливающейся части господствующей знати: землевладельцев, купцов и т. п.) в их борьбе за отделение от Киева на князей-«изгоев» оказалась битой, так как Ростислав мог

опираться только на новгородские рати, не имея достаточно собственных сил и средств. Поэтому мы в дальнейшем наблюдаем переориентацию этой группы новгородской знати в своей борьбе за независимость от Киева — от князей-«изгоев» к черниговским князьям. Об этом подробнее после. Преимущество было на стороне противников Порая, Вышаты и приглашенного ими Ростислава, и поэтому в конце концов в 1064 г. мы видим их на юге, где они изгоняют из Тмутаракани черниговца Глеба. Потеря Тмутаракани черниговским князем и столь легкая победа его врагов, кстати сказать, находившихся, как беглецы, в более плохих условиях, нежели давно уже обосновавшийся в Тмутаракани Глеб, объясняется тем, что Глеб, очевидно, не был подготовлен к удару с севера. П. Голубовский считает, что среди тмутараканцев Глеб не пользовался симпатией, и это в свою очередь объясняется его стремлением подчинить Тмутаракань Чернигову. Тмутаракань попадала в большую зависимость от метрополии, а последняя в свою очередь все прочнее организовывала выкачивание доходов из своей богатой окраины. Часть тмутараканской верхушки чувствовала усиливающуюся зависимость от Чернигова и хозяйничанье черниговского князя в ее владениях. Понятно, что эта часть тмутараканской знати старалась избавиться от неприятной опеки со стороны Чернигова. Договориться с князем мирным путем, очевидно, не удалось, так как он не желал поступаться преимуществами своего положения. Именно этим обстоятельством и можно объяснить столь легкое вокняжение Ростислава. П. Голубовский считает возможным говорить даже о приглашении Ростислава на княжение в Тмутаракань, но это противоречит указаниям летописи о бегстве Ростислава в Тмутаракань. Если Ростислав был приглашен в Тмутаракань, то почему же Порей и Вышата бросили Новгород? Вероятнее всего предположить, что Ростислава изгнали, и князь-«изгой» просто нашел благоприятную почву в Тмутаракани. Но Святослав вовсе не хотел потерять Тмутаракань. Тмутараканские дела настолько тревожат его, что в тот же год он во главе своих черниговских ратей движется к Тмутаракани, и Ростислав сдает ее без боя. Летопись об этом странном поведении Ростислава сообщает следующее:

Можно было, казалось бы, возразить на это тем, что сам Остромир был посаженным Изяславом «воеводой», посадником Новгородским, но это само по себе еще ничего не доказывает. Во-первых, нам ничего неизвестно о киевских симпатиях Остромира, а его социальные предки, новгородские бояре IX—X вв., зарекомендовали себя как поборники независимости Новгорода; во-вторых, Изяслав мог посадить Остромира даже зная о его стремлениях, но именно в силу его авторитета и довольствуясь хотя бы временным лояльным отношением его к Киеву.

202

«Иде Святослав на Ростислава к Тмутаракани. Ростислав же отступи прочь от града, не убоясь его, но не хотя противу стрывеи своему оружию взяти».¹

Князь-«изгой», которому его дяди, и в том числе Святослав, причинили достаточно неприятностей, имел все основания расплатиться со Святославом той же монетой, и вряд ли при очищении Тмутаракани он руководствовался высокими моральными соображениями, считая себя не в праве обнажить оружие против своего дяди Святослава, который вместе со своими братьями перебрасывает племянника из конца в "конец Киевского государства и тем самым вынуждает его бежать в Тмутаракань. По-видимому, причины, вынудившие Ростислава уйти из своих новых владений и уступить их без боя Святославу, кроются не в моральных соображениях Ростислава, а в чем-то другом. Очевидно, военное превосходство было не на его стороне, и предвидя поражение, Ростислав решил сдать Тмутаракань и где-то в ее округе выждать лучших времен. Поражение могло быть очень тяжелым, особенно, если принять во внимание силу той тяготевшей к Чернигову дружинной и купеческой

верхушки, которая в основном состояла из выходцев не только из Чернигова, но и из других северных городов. Так, по-видимому, и обстояло дело, а вовсе не так, как пишет летописец Никон, старающийся подчеркнуть идею подчинения младших князей старшим. Отступив без боя, Ростислав мог усилить свою дружину, пополнив ее набранной ратью из горских и степных племен, и в то же время создать группу своих сторонников в Тмутаракани. После захвата Тмутаракани Святослав снова сажает там Глеба, а сам возвращается обратно в Чернигов. Политические цели Святослава не ограничивались стремлением владеть Тмутараканью. Он мечтал владеть не только Новгородом, но и «стольным градом Киевом». Для осуществления этих целей Святославу надо было находиться поближе к Киеву и Новгороду, чтобы оттуда, путем всевозможных политических комбинаций, то подкупом, то силой оружия, склонить на свою сторону известную часть киевского и новгородского боярства и купечества. Таким пунктом мог быть Чернигов, а не Тмутаракань, далекая от приднепровских пунктов распадающейся «империи Рюриковичей». Устройством дел в Тмутаракани должен был заняться Глеб. Сам же Святослав, вначале очень обеспокоенный положением дел в Тмутаракани и двинувшийся туда во главе своей рати, после изгнания Ростислава и возведения на княжение в Тмутаракани Глеба считает свои дела там устроенными. Надо оговориться, что Тмутаракань не теряет для Святослава своей ценности, но тмутараканские дела все-таки слишком незначительны по сравнению с той большой политической игрой, которую он затевает в это время.

Но, очевидно, Глеб Святославич мало чему научился за время своего первого изгнания и не сумел расширить и укрепить своих связей с местной верхушкой, да и соотношение вооруженных сил оказалось не в его пользу. Хотя весьма вероятно, что Святослав оставил часть своих дружинников в помощь сыну, но все же основную массу своего войска он увел обратно в Чернигов. Поэтому силы Глеба уменьшились, а Ростислав, очевидно, не

1 Ипатьевская летопись, с. 152—153.

203

терял времени и набирал «воев» из числа горских народов. Лишь только «възвратися опять» Святослав, Глеб был снова изгнан своим более удачливым соперником — «и приде Глеб к отцу своему, Ростислав же седе Тмутаракани».1 1065 г. начинается второе княжение Ростислава в Тмутаракани. Ростислав, подобно Мстиславу, да отчасти и Олегу, является подлинным князем Тмутаракани. Он пустил здесь глубокие корни и вовсе не смотрел на Тмутаракань как на временное убежище, где, собирая нужные силы, можно было выжидать лучших времен и, когда они настанут, вернуться в Приднепровье. Под 1066 г. летопись упоминает, что Ростислав «емлещю дань у Касог и у иных стран...»2 Это свидетельствует о широкой феодальной экспансии, возглавляемой дружиной Ростислава, шедшей из Тмутаракани и распространявшейся на земли горских племен, в степи Северного Кавказа и в Крым. За то, что в Крыму имелись области, принадлежащие Тмутаракани, где, следовательно, распоряжался тмутараканский князь и «имал дань», говорит сам текст летописи, которая, указывая на экспансию во времена Ростислава, далее добавляет: «Сего же убоявшеся Грьци».3 Греки «убоялись» не высоких пошлин, которые брал с греческих купцов Ростислав, как думает И. П. Козловский, и даже если это было и так, то во всяком случае высокие пошлины могли вызвать скорее протест купечества или какую-либо иную форму вмешательства греков, а не «боязнь».4 Текст летописи именно говорит о территориальном расширении Тмутаракани. В Крыму же, несомненно, в то время тмутараканской была не только Керчь-Корчев, но и другие владения, гораздо более близко расположенные к византийскому центру Крыма — Херсонесу-Корсуню. Памятником, указывающим на существование подвластных русским князьям областей

в Крыму, является пресловутая «Записка Готского топарха». Кроме трактовки ее Васильевским, интересны еще суждения о ней Иловайского, Пархоменко и Грекова. Как бы то ни было, к кому бы ни приурочивать князя «Записки», — к Игорю ли,⁵ к азово-черноморскому Олегу документа Шех-тера,⁶ или к Святославу,⁷ — все равно, для нас важно отметить наличие в Крыму владений русского князя и населения, подчиняющегося киевскому или тмутараканскому князю. Этим населением был «фулльский язык», в котором усматривают и алан, как Куник, и таврических болгар, как Иловайский,⁸ и русских. Договор Игоря с греками, по которому русский князь должен был не пускать черных болгар, живших в Приазовье и Северном Кавказе, в Корсунь воевать «в стране Корсуньстей», также указывает на наличие где-то у Крыма, в южной части Придонских степей или в самом Крыму владений русских князей.⁹ По-видимому, прав П. Голубовский, ука

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 160. Там же. С. 161—162. Там же. С. 162. 4Козловский И. П. Ук. соч. С. 65.

5Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. С. 22, 164—165, 245.

6 Пархоменко В. А. Новые толкования записи Готского топарха // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. 1928. 4. II. С. 134.

7 Г р е к о в Б. Д. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. 1929. Т. III. С. 102.

8Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. С. 164—165. «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 50.

204

зывая, что Ростислав напомнил тмутараканцам времена Мстислава,¹ времена могущества Тмутаракани, широкого размаха торговли и политического владычества. В его время Тмутаракань сделала попытку стать совершенно самостоятельной и оторваться от Приднепровской Руси. Было ли это в интересах всего населения Тмутаракани — это вопрос, но об этом после. Расширение феодальной экспансии из Тмутаракани шло и на запад, и дружинники Ростислава, очевидно, собирали дань, творили суд и расправу, обзаводились землями, городками и укреплялись где-то совсем близко от главных греческих колоний и прежде всего Корсуни. Именно это, а не высокие таможенные сборы, испугало греков и заставило их попробовать положить конец усилению своего восточного соседа. Разрешена эта задача была чисто византийским способом. К Ростиславу подослали котопана, греческого наместника, который вошел в доверие к князю, и когда последний пировал со своей дружиной, провозгласил тост за его здоровье, отпил из чаши сам, а передавая ее Ростиславу, выпустил в вино яд из-под ногтя. Яд должен был подействовать лишь на восьмой день, и котопан счастливо избег расправы, после пира вернувшись в Корсунь, где и рассказал о своем поступке и указал день, когда должен был умереть Ростислав. Когда предсказание котопана сбылось и до корсунцев дошли вести о смерти тмутараканского князя, «сего же котопана побиша камнем Корсуньстии людье».² Что заставило корсунцев так отомстить котопану — страх ли перед мстостью, которая могла последовать за это со стороны могущественной тмутараканской дружины, или, действительно, были какие-то общие интересы у корсунцев с Тмутараканью, и ослабление последней было также во вред и им, и кто были эти корсунцы, убившие котопана?

Прежде всего, очевидно, следует отметить, что избивали камнями котопана отнюдь не те корсунцы, которые подослали его с целью убийства Ростислава. Это совершенно ясно. Безусловно и то, что подослала котопана верхушка, знать, правители, так как усиление Ростислава именно их лишило бы и власти, и земель, и доходов с теряемых областей. Значит — против котопана выступили те слои, которые

были заинтересованы в сохранении добрососедских отношений с Тмутараканью, а ими могли быть колонии поселения русских, ясов и других народов, родственного населению Тмутаракани, и греческие купцы, торговавшие с Тмутараканью и через нее получавшие от своей с ней торговли большие доходы. Таким образом, версия о высоких пошлинах, собиравшихся с греческих купцов, как причине преждевременной смерти Ростислава, совершенно не выдерживает критики. Не боязнь мести со стороны тмутараканцев с финалом в виде погрома греческих колоний в Крыму заставила корсунцев убить котопана-отравителя, так как на такой поход, на борьбу с крупными греческими городами у Тмутаракани в то время не хватало ни сил, ни энергии, а именно наличие в Крыму населения, тяготеющего к Тмутаракани, приводит к странному на первый взгляд сочувствию корсунцев к отравленному их соотечественником Ростиславу.

Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 66. «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 162.

205

После смерти Ростислава в Тмутаракани усиливается боярская и купеческая группировка, тяготеющая к Чернигову. Именно по ее настоянию Никон из своего монастыря «на острове Тмутараканем» едет к Святославу просить его отпустить Глеба снова к ним, «на стол» тмутараканский. Никон плывет вдоль берегов Крыма и поднимается вверх по Днепру. За это говорит то обстоятельство, что «Патерик Печерский» сперва говорит о его свидании с Феодосией в Печерском монастыре, а затем уже о деловых переговорах со Святославом, увенчавшихся успехом. Очевидно, перед тем как попасть в Чернигов, Никон заехал в Киев, что указывает на его путешествие по Днепру. Почему Никон выбрал именно этот путь, а не Донской и Донецко-Сеймский? Следует отметить, что этот последний путь не был единственным, и Киев сообщался с Тмутараканью по Днепру и далее по морю, так что вопрос только в том, почему из двух возможных путей, направляясь к Чернигову, Никон выбрал именно Днепровский, Киевский, путь. Только что укрепившиеся в степях половцы, ознаменовавшие свое владычество погромом пограничных русских владений, препятствовали торговым плаваниям. Тем более было опасно путешествие этой своеобразной дипломатической миссии, целью которой было укрепление в половецком тылу сильного соседа, связанного с враждебным им русским княжеством Приднепровья, о чем половцам было наверное известно. То время, когда походы и битвы половецких и русских дружин не влияли на развитие торговли и не препятствовали торговым караванам, наступит лишь в следующем XII в. Это обстоятельство и безопасность плавания вдоль берегов Крыма заставили Никона плыть по Днепру. После расправы с котопаном вряд ли кто осмелился бы в пределах греческих владений напасть на тмутараканских послов, а Днепр еще не был перегороджен половцами, которые в это время кочевали у Дона и нападали с востока только на окраины Киевского государства. Поэтому, для объяснения вопроса, почему Никон плыл по Днепру, вовсе не следует перемещать Тмутаракань из Тамани в приднепровские острова, как это делает В. Новицкий.¹ Поездка Никона увенчивается успехом, и он, обещав Феодосию вернуться, провожает Глеба Святославича до Тмутаракани, откуда скоро возвращается в Печерский монастырь.² Следом деятельности Глеба того периода и является знаменитый камень с надписью: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по льду от Тмутаракани до Кърчева 8054 сажень». Камень подлинный с русской эллинизированной надписью, характерной и для других русских вещей Крыма и Кавказа. Тмутаракани, таким образом, принадлежала и часть Крыма с Керчью.

В 1069 г. Глеб Святославич княжит уже в Новгороде и, таким образом, третье его княжение в Тмутаракани так же, как и первые два, было недолговременным.³ Что заставило Глеба бросить Тмутаракань — внутренние ли причины, или просто в переезде Глеба в Новгород отразилась победа черниговского боярства и его князя Святослава, — мы сказать не можем, вер-

1 Новицкий В. Давне Лукомор'я // Записки кторично-фиюлогичного вщщлу. Все-укр. Ак. Наук. 1929. Кн. XXIV. С. 28—39.

2 «Патерик Киевского Печерского монастыря». Изд. Археогр. комиссии. 1911. С. 32—

33.

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 193.

206

нее все же последнее. Эта победа обусловила начало его новгородской политики, целью которой было укрепление черниговского боярства и купечества, упрочение связей этих двух городов. На долю Чернигова в политических планах Святослава выпадала роль центра, связывающего и держащего в руках два огромных отрезка путей восточноевропейской торговли от Новгорода до Тмутаракани. Это должно было обеспечить самостоятельность Новгорода по отношению к Киеву, а впоследствии — и по отношению к суздальским Мстиславичам и другим претендентам на овладение торговым городом.

Чернигов обещал свою помощь в борьбе Новгорода за самостоятельность, а выгоды из укрепления связей с Новгородом компенсировали любые затраты на осуществление своего обязательства перед Новгородом. Судя по политике и отношению Тмутаракани к Чернигову в 1066 г., как по крайней мере передает их единственный памятник, отражающий связи этих двух княжеств в те времена — «Патерик Печерский», первое предположение следует отбросить, и тогда все данные, как это мы постараемся показать дальше, будут на стороне второго предположения.

1077 год застаёт на столе тмутараканском Романа Святославича, брата Глеба, но когда и как он очутился в Тмутаракани — неизвестно.¹ Это дало возможность некоторым исследователям говорить о том, что между 1068 и 1077 гг. в Тмутаракани никого из князей не было.² Но сам текст летописи говорит за то, что 1077 год не является годом вокняжения Романа в Тмутаракани, и Роман сидит в Тмутаракани в течение нескольких лет во всяком случае.³ А. И. Полканов обращает внимание на два обстоятельства: 1) после своего бегства в 1069 г. из Киева Всеслав до 1071 г. отсутствует и в Полоцке, и 2) «Слово о полку Игореве» говорит о том, что Всеслав «дори-скаше до кур Тмутараканя».⁴ По его мнению, указанное свидетельствует о пребывании Всеслава в течение этих двух лет князем Тмутаракани, так как в ряде летописей и других источников «кур», «кюр» есть испорченный перевод греческого слова «господин», «князь».⁵ Вопрос о княжении Всеслава в Тмутаракани необходимо уточнить. Во-первых, следует упомянуть о нападении Всеслава на Новгород в 1069 г., где в то время княжил уже Глеб Святославич, отправленный туда Святославом после взаимного договора с Изяславом, уступившим Святославу Новгород взамен захваченной им все-славовой «волоости» Полоцка.⁶ Наученный горьким опытом тмутараканских неурядиц Глеб должен был Изменить свою политику и развить энергичную

1 Там же.

2 Полканов А. И. К вопросу о конце Тмутаракани // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. 1929. Т. III. С. 48—49.

3 «В лето 6585... Седе Борис Чернигове месяца мая 4 день, и бысть княженья его 8 дней, и бежа Тмутараканю к Романовы» («Повесть временных лет по Лаврентьевскому

списку», с. 193). Очевидно, Роман успел уже укрепиться в Тмутаракани, и на него мог надеяться Борис как на сильного союзника, а для этого надо предположить, что Роман княжил в Тмутаракани уже не первый год.

4 «Слово о полку Игореве». Изд. <<Academia>. 1934. С. 72.

5 Например, см. Новгородскую I летопись под 1209 г.; Барсов. «Слово о полку Игореве», как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. III. С. 416—419; Полканов А. И. Ук. соч. С. 48—49.

'Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II, примечание 118.

207

деятельность по укреплению связи с местной новгородской верхушкой, стремившейся превратить Новгород в самостоятельное княжество. Против него идет Всеслав, осадивший Новгород ратью «вожан» (т. е. «води», в землях которой нашел себе пристанище бежавший из Киева Всеслав). Битва окончилась не в пользу Всеслава. Вожане были разбиты, много их полегло на поле брани, а сам Всеслав был захвачен в плен новгородцами, но отпущен на честное слово. Последнее обстоятельство смущает Соловьева, но подобного рода примеров в истории много, — разбитого врага отпускают на честное слово, что он не поднимет больше оружия против победителя.¹ Только лишь после неудачи под стенами Новгорода Всеслав бежит в Тмутаракань, откуда, по видимому, вытесняет оставленного там Глебом посадника, наместника, так как оставить без присмотра и контроля Тмутаракань Глеб, конечно, не мог. Княжение в Тмутаракани Всеслава подтверждается и «Словом о полку Игореве», но последнее все же нигде не называет Всеслава «князем» Тмутаракани. В каком смысле выступает «кур» в «Слове о полку Игореве», и прав ли А. И. Полканов, видя в этом термине испорченное греческое слово, переводимое русскими, как «коур», «кюр», «кур», о чем есть соответствующие свидетельства источников? Вряд ли даже сам контекст фразы дает возможность сделать этот вывод: «доискаться до князя Тмутараканю» — выражение достаточно неуклюжее для преемника Бояна. Совершенно иное толкование дает этому термину Н. Я. Марр. Он пишет, упоминая о различных названиях городов Причерноморья с основой *koq, keg* (Корчев || Керчь), *kuq* (Диос—кур — ия, А — *tkuq* — *i*): «*Skur*, как нарицательное имя, значит 'населенный пункт', 'селение' или 'город', 'страна', подобно его спирантизованному виду *kuq*, в шумерском сохранившемся со значением 'страны'... Значение 'страны', 'населенного пункта', 'селения' или 'города', устанавливаемое за *skur*, или его разновидностью *kuq*, имеет существенное значение не для яфетического лишь юга... На севере, по всей видимости, это яфетическое переживание мы имеем в русской речи "Слова о полку Игореве", в стихах: "Всеслав князь... сам в ночь вълком рыскашеть, из Киева дорыскашеть до Кур Тьму-тараканя", т. е. до селений или град Тмутаракани».² Некоторые исследователи «Слова о полку Игореве» интуитивно видели в «Кур Тьмутараканя» указание на пребывание Всеслава в «селении», городе Тмутаракани. Так, например, Эрдман объяснял «Кур» от арабского «герьет» — деревня, Снегирев, Кораблев, Мей термин «кур» сближали с «кур-енем», Дубенский видел в «кур» — округу, область, Вельтман принимал термин «кур» в значении пояс, граница.³ Большинство исследователей понимали выражение «дорыскашеть до Кур Тьмутараканя» как указание на то, что Всеслав «до кур», т. е. до утренних петухов, до зари, из Киева доскакал до Тмутаракани, что, конечно, немислимо. Отсюда делался вывод, что если Всеслав, которого «Слово о полку Игореве» награждает сверх-естественными особенностями, присущими лицу, связанному с колдовством, мог «рыскашеть

'Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. II. С. 296.

2 Марр И. Я. Абхазоведение и абхазы // Восточный сборник Ленингр. гос. публичной библиотеки. 1926. Т. I. С. 126.

3 Эрдман. Следы азиатизма в «Слове о полку Игореве» // Журнал м-ва нар. проев. 1842, октябрь. С. 38—39; Барсов Н. П. Ук. соч. т. III. С. 416—419.

208

волком», т. е. превращаться в волка — оборотня, то эти же потусторонние силы помогали ему и за одну ночь покрывать расстояние от Киева до Тмутаракани. Надо отметить, что Всеслав действительно колесил по всей Руси, с боем отстаивая свои права, отбиваясь от нападавших, стремясь захватить города и волости, отбить свою «отчину». Бегство, «порубы», кратковременный успех в Киеве, когда восстание выносит его на гребень волны, снова бегство, неудачи и т. п. — вот жизненный путь Всеслава, которого автор «Слова о полку Игореве» сравнивает с ненаходящим себе места и покоя рыскающим волком. За образным выражением, мифической оболочкой скрывается реальное, конкретное содержание, подлинная жизнь Всеслава. Объяснение выражения «до Кур» понятием «до зари», навеянное первой частью фразы — мифом о волке-оборотне Всеславе, не выдерживает критики, и научное обоснование и объяснение термина «кур» в значении «город», «селение» применительно к Тмутаракани дает только Н. Я. Марр, хотя ощупью приходили к сходным выводам и другие историки и лингвисты.

Всеслав, таким образом, из Киева добирается до города Тмутаракани. В «Слове», правда, нет упоминания о новгородском его походе, что вполне понятно, так как историей деятельности Всеслава оно не занимается, и автора его интересуют только наиболее красочные места биографии Всеслава, наиболее резкие противопоставления, взлеты и падения, специфические черты Всеслава, сделавшие, судя по «Слову», из него выдающуюся личность, награжденную сверхестественными способностями. Княжение Всеслава в Тмутаракани, таким образом, можно считать установленным. В 1071 г. Всеслав возвращается из Тмутаракани и стремится вернуть себе отобранное у него Полоцкое княжество. Столкновение со Святополком кончается победой Всеслава: «В се же лето выгна Всеслав Святополка из Полотьска».1

В скором времени Тмутаракань снова получает черниговского князя. Когда садится на стол Роман Святославич, — сказать трудно, так как никаких указаний на время появления его в Тмутаракани нет, но думаем, что он появился там немного времени спустя после ухода Всеслава, во всяком случае еще при жизни Святослава, т. е. до 1076 г. В 1073 г. Никон возвращается в Тмутаракань, где и пробыл, по-видимому, до 1076—1077 г. Тмутаракань по-прежнему включается в границы Чернигово-Северской земли. На этом мы пока оставим Тмутаракань и вернемся в Чернигов.

Годы княжения Святослава — период усиления Чернигова. С переменным, правда, успехом борется Чернигов за Тмутаракань, и все же в большинстве случаев Тмутаракань остается за Черниговом. Объектом его экспансии становятся Муром и Рязань. Черниговский князь пытается укрепиться в Новгороде и в Киеве.

Первое время Святослав, пока он еще не почувствовал себя достаточно крепко обосновавшимся в собственных землях, пока еще только вились нити, связывающие князя с «землей» — боярством, купцами, и князь еще только нащупывал почву и устанавливал связи с боярством и городами Чернигово-Северской земли, выступает в союзе со своими братьями Изя

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 169.

209

славом и Всеволодом, князьями наиболее сильных южных уделов. В 1067 г. они вместе изгоняют Всеслава из Новгорода и громят Минск, и на следующий год против половцев выступают соединенные силы трех князей.1 Появившиеся впервые в 1055 г. половцы оказались грозным врагом, силу которого испытал уже на себе разбитый ими в 1061 г. Всеволод.2 Недостаточны оказались и соединенные силы князей: «И

побегоша Русь-ский князи и победиша половьци».3 Разгром дружины князя послужил поводом к восстанию. Киевляне встретили бежавшего с поля битвы князя с дружинниками требованием выдать им оружие и коней, чтобы самим дать отпор половцам. Когда князь отказал, боясь вооруженного народа больше, нежели своих недавних противников — половцев, киевляне восстают. С веча восставшие идут в аристократическую часть города, «на гору», где ищут, очевидно, досадившего им воеводу Коснячко, а когда, заняв его двор, не нашли его хозяина, то решают идти «высаживать» «свою дружину ис поруба». Очевидно, киевляне только воспользовались разгромом Изя-слава для начала восстания, и последнее зрело уже давно. Причины для выступления против Изяслава были налицо. Коснячко, воевода князя, очевидно, вел себя так, что вызывал недовольство горожан, часть их «дружины» уже сидела «порубе», заключенная туда Изяславом. Короче, Изяслав со своими ближайшими помощниками — воеводами, боярами, дружинниками — настроил против себя «людые» киевские. В числе восставших мы видим и купцов, так как только они могли угрожать тем, что, «зажегше град свой, ступим в Гречьску землю», и «простую чадь», прежде всего, как основную массу горожан, с которой так зверски расправился Мстислав Изяславич, занявший город после бегства освобожденного из поруба и посаженного на княжий стол восставшими киевлянами Всеслава.4 Немаловажную роль в восстании сыграло и то обстоятельство, что купечество, привыкшее торговать через степи и Днепр, где жили полупокоренные на севере и не опасные (возможно даже и связанные договорами) на юге печенег и торки, боялось укрепления в степях и вдоль берегов Днепра сильных половцев, которые могли отрезать Киев и от Византии и от восточных рынков. О договорах с половцами тогда еще во всяком случае не могло быть и речи, а уже заключенные договоры (как, например, мир Всеволода с половцами, предводительствуемыми Болушем, в 1055 г.) равным счетом ни к чему не обязывали обе стороны и прежде всего половцев. Поэтому на том этапе вопрос должен был решиться только силой оружия.

Разбитый половцами Изяслав, вполне естественно, вызвал неодобрение киевского купечества. Купечество волновалось и указывало князю, что если он сам не может изгнать пришельцев, то пусть даст киевлянам необходимое оружие и коней. Отказ князя вызвал восстание, в котором застрельщиком было купечество. Из него же, судя по требованиям киевлян, вышли и вожаки движения, излагавшие свои условия князьям. Но главной массой был «черный люд», «простая чадь» и бежавшие в Киев из окрест

1 Там же. С. 162—163.

2 Там же. С. 159.

3 Там же. С. 163.

4 Там же. С. 166—169.

210

ных сел, где хозяйничали половцы, смерды, превратившие это движение в антифеодальное и больше всего пострадавшие во время его разгрома.

Мы специально подробно останавливаемся на социальных корнях восстания 1068 г., так как именно с ним связывается начало так называемой «киевской политики» Святослава.

В результате восстания Изяслав бежит из Киева в «ляхы».

Между тем Святослав разбивает половцев. Половцы хозяйничали около самого Чернигова, забравшись далеко в глубь Черниговских владений. Пример Изяслава заставил черниговского князя покинуть стены Чернигова, куда бежал он после поражения при Альте, и, «собрав дружины неколико», с этими небольшими силами ударить на половцев. Надежды на успех не было. Но вопрос стоял так: либо

дальнейшие победы половцев, потеря территорий, городов, сел, населения, уводимого в плен половцами в свои «вежи», и в результате — восстание в стольном городе княжества и изгнание, либо надо было во что бы то ни стало разгромить половцев. Святослав выбирает последнее, так как начатая политика сближения с «земским» боярством и купечеством требует своего укрепления, и надо было завоевывать авторитет. Святослав с дружиной идет к Сновску. «И узреша Половцы идушь полк, пристроишася противу, и видев Святослав множество их, и рече дружине своей "потягнем, уже нам не лзе камо ся дети" и удариша в коне, и одоле Святослав в трех тысячах, а половцев бе 12 тысяче, и тако бьеми, а друзии потопоша в Снови, а князя их яша руками, в 1 день ноября, и възвратися с победой в град свой Святослав».1

Святославу помогли в его борьбе «земские» ополчения. За это говорит то, что Святослав начинает поход, еле набрав «дружины неколико», а кончает с трехтысячною ратью, причем в битве выступает как «полк», так и собственно ближняя дружина, к которой и обращается Святослав. Скорее всего, подойдя к Сновску, Святослав получил подкрепление в этом древнейшем центре Северской земли от «Сновской тысячи» и тогда уже направился напрямик к половцам. Местные «земские» бояре, «кметы», поддержали Святослава, так как вопрос о победе половцев был вопросом их жизни или смерти. Успех Святослава не только укрепил его положение в Чернигове, но и способствовал тому, что небольшая группа киевских купцов и бояр, сочувствующая Чернигову, превращается в довольно мощную силу.

Когда в 1069 г. возвращается Изяслав вместе с «ляшскими» ратями Болеслава, киевляне, ожидая жестокой расправы, в чем они, как показывает летопись, ничуть не обманулись, покинутые бежавшим Всеславом, «ство-риша вече» и послали к Всеволоду и Святославу с просьбой, чтобы либо Изяслав один, без ляхов, вошел в город, либо они сожгут город и выселятся. Эта просьба звучит скорей ультиматумом, угрозой. Характерно, что летопись отмечает переговоры не обоих князей с посланцами киевского веча, а только одного Святослава, что указывает на значение для киевлян переговоров именно с сильнейшим в Приднепровье (после киевского) черниговским князем. Святослав рекомендует, в случае если придет Изяслав с «ляхами», оказать ему сопротивление, а если «с миром», «в мале придеть

1 Там же. С. 167.

211

дружине», то впустить его в Киев. Посланцы возвращаются в Киев, успокоенные Святославом. Последний передает Изяславу требования киевлян, а от себя добавляет: «Противна бо ти нету; аще ли хочещи гнев имети и погубити град, то веси, яко нама жаль отня стола».1 Святослав, рекомендуя Изяславу не вводить в Киев ляхов, прежде всего боялся усиления своего брата, боялся того, что ляхи начнут хозяйничать и либо подберутся и к Чернигову, либо укрепятся и станут оказывать влияние на князя. В заступничестве Святослава некоторую роль играло и действительное опасение, что вдруг в самом деле доведенные до отчаяния киевляне сожгут город? Пропадет богатейший «отень стол», дающий огромные доходы, об овладении которым уже думал Святослав, а мечты Святослава, сочетаясь со стремлением черниговских бояр и купцов к господству над Киевом, могли стать реальной действительностью. Вокняжаться на пепелище Святослав отнюдь не был намерен. В самом посредничестве между восставшими киевлянами и Изяславом Святослав стоит главным образом на позиции защиты своих интересов, но внешность, видимость его посредничества создает ему славу покровителя.

В Киеве укрепляется авторитет черниговского князя. Вернувшись «из ляхы», Изяслав «нача гневатися» на популярного Антония, родом из Лю-беча, которого «в ночь поя» Святослав и перевез в Чернигов. Поступок Святослава объясняется тем, что

Антоний был лишним козырем в руках черниговского князя в игре, ставкой которой был Киев, и поэтому принятый и обласканный Святославом Антоний, устроивший на Болдиных горах монастырь, сразу же предоставил в распоряжение черниговского князя и большинство киевского духовенства.²

Состав группировки киевской знати, поддерживавшей черниговских князей в те времена, нам неясен. Она, по-видимому, состояла из киевских бояр, тяготеющих к черниговскому князю по личным соображениям, бояр, вышедших из черниговских земель, где, быть может, остались их села и имущество, того купечества, которое торговало с Востоком и Волгой через Десну — Дон и Десну — Оку, и торговые операции которого зависели от Чернигова, части духовенства, главным образом из русских, временно оказавшегося в лагере оппозиции против киевского князя.

Действительно, как осуществлял свою киевскую политику Святослав, каким путем и среди каких слоев Киева он создавал себе популярность? В 1068 г. восстали различные прослойки населения. Незадолго до киевского восстания под Киевом появился волхв, стремившийся поднять смердов окрестных сел. Предпосылки для их восстания были налицо, и оно только потому не разразилось, что волхва сумели во время изолировать от масс. В 1068 г. в Киев, спасаясь от половцев, бежали смерды местных сел, и они вместе с городскими низами требовали оружия, они же истребляли «отай» по вервям, распущенных по селам ляхов Болеслава, начав первую, известную нам из источников, партизанскую борьбу против захватчиков. Своим заступничеством Святослав сумел завоевать доверие низов. Но дело не только в этом. Кто же собирался выселиться в Греческую землю? Смерды,

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 169. Там же. С. 188; Приселков М. Д. Очерки церковнополитической истории Киевской Руси X—XII вв. С. 178, 207—208.

212

ремесленники, холопы? Конечно, нет. Такая угроза могла исходить только от тех, кто с Греческой землей был связан, и связан крепко, материально, кто боялся потерять эту связь из-за неумелой политики Изяслава и неудачной его борьбы с отрезающими торговые пути в Византию половцами, а таковыми были купцы — «гречники».

В 1073 г. Всеволод и Святослав изгоняют Изяслава, и злосчастный киевский князь во второй раз бежит в «ляхы».1 Рядом политических комбинаций, а то и просто шантажем по отношению к Всеволоду и Новгороду, Святослав заставляет Всеволода присоединиться к себе. Своего брата и новгородцев он запугал мнимым союзом Изяслава с Всеславом, в результате чего Всеволод должен был потерять свое княжение, а новгородцы свою самостоятельность и подчиниться Полоцку. Изяслав не смог удержать за собой Киев, и Святослав со Всеволодом, по-видимому, без боя вступили в город. Как вышло, что Святослав остался княжить в Киеве, а Всеволод ушел из города, сказать трудно. Соловьев предполагает, что Святослав за отказ Всеволода от притязаний на киевское княжение передал ему Чернигов, но подтверждений в летописи на это мы не найдем, и свой вывод Соловьев строит лишь на свидетельстве Татищева.² За такое предположение говорит, казалось бы, то, что после смерти Святослава в 1076 г. в Чернигове на восемь дней вокняжается Борис Вячеславич, сын Вячеслава Смоленского. Оттуда его изгоняет Всеволод, который и занимает черниговский стол. Олег Святославич сидит вместе с дядей, но потом бежит из Чернигова в Тмутаракань, где уже находится и его родной брат — Роман и двоюродный — Борис. Если бы Олег до смерти Святослава был князем черниговским, то едва ли без борьбы он уступил бы Чернигов своему дяде и остался бы в том же самом городе просто в качестве какого-то привилегированного приживальщика, ибо чем же иным был Олег, когда даже летопись просто отмечает, что он «бе у Всеволода

Чернигове»? Олег на такое «понижение» не согласился бы. Очевидно все же Татищев прав, хотя этот вопрос нуждается в новых материалах, а их, к сожалению, пока нет.

Перейдем к княжению Святослава в Киеве.

Укрепление Святослава в Киеве явилось результатом усиления бояр черниговской ориентации, после того как к ним примкнула и часть духовенства, недовольного разладом Изяслава с Антонием. Киевский Печерский монастырь во главе со своими владыками, курянином Феодосием и любчанином Антонием, стал оппозиционным центром, и поэтому Святослав мог рассчитывать на дружескую поддержку со стороны духовенства. Недаром при своем вокняжении Святослав щедро одаривал монастырь. Во

В связи с ляхской ориентацией Изяслава стоит вопрос о публицистическом произведении «Слове к Изяславу о латинех». И. П. Еремин связывает упомянутый документ с Феодосием Печерским и Изяславом Ярославичем и датирует его XI в., тогда как К. Висковатый в своей статье развивает взгляды Шахматова и Приселкова и весьма убедительно доказывает, что «Слово» написано было не Феодосием Печерским, а Феодосием Греком, датируется оно серединой XII в. и было написано, несомненно, под влиянием византийских интересов (Еремин И. П. Из истории древнерусской публицистики XI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Ак. Наук. 1935. Т. II. С. 33—34; Висковатый К. К вопросу об авторе и времени написания «Слова к Изяславу о латинех» // «Slavia», ročník XVI, seštet 4. С. 535—567).

Соловьев С. Ук. соч. Т. II. С. 297; Татищев В. Н. Ук. соч. Т. II. С. 127.

213

время заложения Феодосием в 1073 г. Печерской церкви Святослав дает церкви 100 гривен золота и поле под пашню, ему лично принадлежащее (а это свидетельствует о том, что уже в 1073 г., только вступив в Киев, Святослав обзаводится земельными владениями), и, наконец, начинает копать ров для церковного фундамента.¹ Первое время Феодосии выступал против Святослава и принялся было обличать захватническую политику князя, как «не по закону седша на столе том», но под давлением печерского духовенства и бояр и из опасения ссылки, которой угрожал ему Святослав, он прекращает свою оппозиционную деятельность и становится союзником Святослава. Выступление Феодосия против Святослава объясняется не личной неприязнью Феодосия к нему и не враждой к Чернигово-Северскому княжеству, а скорее всего тем, что Феодосии не одобрял тех приемов, при помощи которых Святослав стал киевским князем, нарушив систему старшинства.

Феодосии Печерский и Никон считают, что Святослав «не по закону седша на столе том». Они выступали за принцип старшинства, против княжой «которы» и усобиц, за единство Руси. Феодосии, правда, скоро сдался, пошел на уступки, и начал умолять Святослава вернуть брата. Вскоре Святослав и Феодосии примирились. Не шел на уступки лишь Никон, вынужденный уйти в Тмутаракань.²

Укрепившись и подарив монастырь, Святослав снискал себе и симпатии Феодосия.³ Время княжения Святослава — время укрепления Чернигова. Святослав, преследовавший не только свои личные цели, но и защиту интересов черниговского боярства и купечества, стремится к еще большему расширению своих владений, к упрочению своего владычества. Он пытается упрочить свое положение путем заключения дипломатических браков и выдает, по свидетельству Татищева, свою дочь Вышеславу за польского короля Болеслава.⁴ Дальновидная политика черниговского князя дала очень скоро свои положительные для Святослава результаты. Изяслав, уходя из Киева, забирает с собой ценности, благодаря которым он рассчитывал найти поддержку за границей, но все попытки Изяслава вернуть себе Киев кончились полной неудачей. Польские феодалы выманивают и отнимают у князя-беглеца все его

средства, а его самого выгоняют за пределы Польши. Апелляция Изяслава к Генриху IV окончилась посылкой со стороны последнего представителей для усовещевания Святослава, но послы Генриха IV преисполнились уважением и благоговением перед блеснувшим пред ними своим богатством князем и ничего для Изяслава не сделали. Обращение к папе Григорию VII вызвало отклик со стороны последнего. Папа Григорий VII ласково принимает сына Изяслава и шлет успокоительное письмо горемычному князю. Другое письмо папа отправил Болеславу Польскому с предложением открыть военные действия против

1 «Патерик Печерский». С. 188—189; Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 72.

2 Приселков М. Д. Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. С. 178—180, 211—212.

3 Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 72—

73.

4 Татищев В. Н. Ук. соч. Т. II. С. 119.

214

Святослава. Но Болеслав видел в предприимчивом киевском князе могучего союзника и отнюдь не желал с ним ссориться. Дружбу эту польский король особенно поддерживал и, как оказывается, был прав, хотя бы потому, что в начавшейся в 1076 г. войне ляхов с чехами союзные дружины Святослава, предводительствуемые его сыном Олегом и племянником Мономахом, оказали большую помощь Болеславу. Союз со Святославом был более реальным, нежели угрозы папы. Болеслав медлил и ни к какой войне со Святославом не готовился. В этой части своей восточной политики он, как мы видели, не обманулся. Дипломатические маневры Святослава принесли свои плоды, и польский король из вероятного врага превратился в реального союзника (за что, правда, через короткий промежуток времени и был компенсирован), а это при тогдашнем соотношении сил в Восточной Европе было далеко не безделицей. При жизни Святослава польские войска так и не перешли границу владений киевского князя. Случилось это позже, лишь после его смерти.

Ожидая нападения с запада, со стороны изгнанного им Изяслава, которому на помощь вновь могли прийти ляхи Болеслава, Святослав решил бить брата его же оружием — укреплением связей с Польшей, императором Генрихом IV и папой Григорием VII.

Святослав пытается окутать нитями своей дипломатии двор самого императора Генриха IV. Это ему удастся достигнуть в какой-то мере путем брака с Одой, сестрой Бурхардта, ближайшего родственника и сотрудника Генриха IV. Подарки германскому посольству, равно как и подарки строящемуся в Регенсбурге (торговые связи с которым растут и крепнут во второй половине XI в.) монастырю скоттов-ирландцев являются также звеньями одной и той же цепи западной политики Святослава, которая для него не только означала укрепление связей с Западом, но прежде всего упрочение его самого на киевском столе.¹

Свидетельство Татищева проливает свет еще на одну интересную деталь во внешней политике Святослава. Речь идет о византийской политике Святослава, о подготовке похода на болгар и Корсунь, куда должны были двинуться войска Святослава и его сыновей.²

1 По поводу того, каким князем был одарен Маврикий — один из основоположников монастыря св. Иакова и Гертруды (монастыря скоттов-ирландцев в Регенсбурге), существуют различные суждения. Васильевский, по замечанию Шайтана, не разобравшись в запутанных свидетельствах, смешивающих основание

монастыря с позднейшей закладкой при нем еще и церкви, приурочивает путешествие Маврикия в Киев к 1128 или 1129 г., а в князе, его одарившем, видит либо Мстислава, либо Святослава Изяславичей. М. П. Алексеев считает, что киевским князем, с которым имел дело Маврикий, был Мономах. В этом отношении, пожалуй, правильнее всего было бы придерживаться мнения М. Э. Шайтана, который указывает, что закладка монастыря происходила в 1075 г., что и дало возможность Б. Д. Грекову приурочить все эти события к Святославу Ярославичу. Характерно, что обоим монастырям дается одна и та же цифра денег: 100 гривен золота дает Святослав Печерскому монастырю и 100 фунтов серебра ирландскому. См.: Васильевский Р. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Журнал м-ва нар. проев. 1888. VII. С. 134—137; Алексеев М. П. Англо-саксонская параллель к «Поучению Владимира Мономаха» // Труды Отдела древнерусской литературы. Ак. Наук. 1935. Т. II. С. 57—59; Шайтан М. Э. Германия и Киев в XI в. // Летопись занятий постоянной археограф. комиссии. 1927. Т. XXXIV. С. 21—22; Греков Б. Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. С. 36—37.

2Татищев В. Н. Ук. соч. Т. V. С. 131.

215

Еще в 1070 г., когда на Византию впервые обрушились половцы, последняя просит поддержки у Святослава и Всеволода. В какой-то мере эта помощь была оказана, так как дружественные связи между Византией Михаила VII Дуки и Русью, выразившиеся в поездке митрополита киевского Георгия в 1073 г. в Византию, в приезде греков-зодчих для отстройки Печерского монастыря в 1074 г., заставляют предположить подобную помощь со стороны Киевского государства. И действительно, в 1077 г. русские корабли были в Мраморном море и выступали как союзники греков. Но Святослав, пользуясь слабостью Византии, стремился укрепить свое влияние и на юге. Так, он пытался использовать болгарское восстание 1073 г. и готовил вмешательство в византийские дела. Связанный с Западной Европой, порвавший с греческой церковью, замышлявший поход на Византию Святослав был ей враждебен, и это вынудило Михаила Дуку обратиться к Всеволоду и создать в Переяславле у Всеволода особую митрополию, находившуюся под непосредственным влиянием константинопольского патриарха. Смерть Святослава сорвала его планы по отношению к Византии, а при воцарении в Византии Никифора Вотаниата, преемник Святослава Всеволод распускает дружину, собиравшуюся идти в Болгарию.¹

Перейдем к делам Святослава на Руси.

При Святославе впервые устанавливается тесная связь между Черниговом и Новгородом. В 1069 г. в Новгороде сидит Глеб Святославич. Вокняжение его не было актом насилия над новгородской верхушкой. Недаром в Новгороде садится именно Глеб. Наученный горьким опытом своего Тмутараканского княжения Глеб мог оказаться именно тем князем, который создал бы в Новгороде такую же группу сторонников черниговских князей, какую создал Святослав в Киеве, тем более, что были для этого и подходящие условия. Первая и основная предпосылка для появления среди новгородской знати сторонников черниговского князя заключалась в стремлении Новгорода установить свою независимость от Киева. Несмотря на то, что завладеть этим богатым и многолюдным торговым и сильным городом пытались князья различных областей древней Руси, конкурентом и соперником Новгорода выступает только Киев. В этом отношении положение Новгорода и Чернигова было чрезвычайно сходным. И тому и другому мощный, богатый, стянувший к себе все нити торговых и стратегических путей Киев был камнем преткновения на дальнейшем пути их развития. Уничтожить его, завладеть им или, на крайний случай, хотя бы не зависеть от него — вот что составляло предмет стремлений новгородского и черниговского

боярства, да и купечества. Чернигов в этом отношении импонировал новгородскому боярству, и черниговский князь мог рассчитывать на поддержку известной его части. Кроме того, вторая предпосылка намечавшегося в те времена союза Новгорода с Черниговом лежала в области торговых связей. Черниговские речные и сухопутные торговые пути, особенно, конечно, первые, были известной отдушиной для новгородской торговли. Через Сеймско-Донецко-Донскую систему новгородский товар шел на восток, в Тмутаракань и на Кавказ. Не надо забывать того, что при Святославе громадная часть той территории, которая в даль-

'Васильевский В. Ук. соч. С. 127—132.

216 нейшем стала носить название «низа» — Муром, Рязань и даже гораздо севернее, т. е. те районы, которые позже вошли в состав Ростово-Суздальской земли, — в те времена принадлежала Чернигову, и пройти на среднюю и нижнюю Волгу, минуя черниговских князей, было невозможно. Таким образом, создавалась зависимость новгородской торговли от Чернигова. Нужно учесть еще и то, что Чернигов был слабее Киева и хотя бы поэтому не так опасен Новгороду, как Киев, а выгоды союза с ним ясно сознавались. Все это приводит к тому, что Глеб садится в Новгороде еще до того, как Святослав становится киевским князем. Превращение бывшего черниговского князя в киевского не особенно улыбалось Новгороду, но за четыре года Глеб сумел завоевать себе авторитет среди новгородцев. Прежде всего, в 1069 г. Глеб Святославич с новгородцами отбивает Всеслава Полоцкого, пытавшегося с жожаками взять Новгород и подчинить его Полоцку.¹

К княжению Глеба относится и восстание под руководством волхвов. Летопись приурочивает его к 1071 г., но эта дата, как и дата всех восстаний волхвов того времени, вызывает сомнение. Восстание, несомненно, имело место ранее, в первое княжение Глеба.

Когда волхв поднял восстание, на одной стороне оказались князь, дружина, духовенство, а на другом — волхв и основная масса новгородцев — «мало не весь град», так как «людье вси идоша за волхва».²

Решительность самого Глеба, убившего волхва, энергия его при подавлении восстания вполне понятны — закачались самые устои феодального владычества, и, вместе с церковью, грозило пасть то здание, оберегать которое призван был Глеб. Разгром восстания городских низов, предводительствуемых волхвом, не смог не создать известного авторитета Глебу среди новгородской верхушки. С этого момента укрепляются добрососедские отношения между князем и дружиной, с одной стороны, и новгородским боярством и духовенством — с другой. Захватив в орбиту своего влияния Новгород, Чернигов этим самым соединил два крайних конца торговых путей, связывающих северо-запад с юго-востоком. При этом не следует забывать, что во времена Святослава, еще в бытность его черниговским князем, одно время и восточные выходы на Волгу из Новгорода вплоть до Белозерья принадлежали Чернигову, и это обстоятельство заставляло новгородцев особенно охотно принять, а, быть может, даже и позвать сына черниговского князя. Новгород не мог просуществовать без связей с другими феодальными образованиями Восточной Европы, и выбор им князей в значительной мере обуславливался не только социальными симпатиями той или иной прослойки новгородского общества, относящейся исключительно к верхам, знати, но и торговыми интересами и военно-стратегическими планами различных групп боярства и купечества. В определенные моменты брала верх партия новгородских бояр и купцов, тяготеющих к Смоленску, — и на княжеском столе в Новгороде усаживались смоленские Мстиславичи, в другие — брали верх интересы торговли с «низом», с Ростово-Суздальским краем, с Волгой — и на первый план выступали суздальские

князя. Часто Новгород пытался пробиться на восток и юг, минуя Киев и Ростов, и тогда в Новгороде княжи-

Никоновская летопись, с. 96. " «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 175—176.

217

ли черниговские Ольговичи. Упрочилось подобное явление в конце XII— XIII вв., но начало этой системы заложено еще в очень отдаленные времена, и Глеб, безусловно, является первым князем, оформившим взаимное тяготение Новгорода и Чернигова. Одновременно с этим необходимо отметить, что каждая из линий, особенно суздальские и черниговские князья, имели и определенную социальную опору среди господствующих группировок Новгорода. Если суздальские князья опираются главным образом на крупных бояр-землевладельцев и ростовщиков, то черниговские Ольговичи связаны со средним боярством, вернее — известной его частью, с купечеством, и не чужды демагогической политики заигрыванья с массами городского «черного люда» и смердов, политики «опоры» на вече. Короче, черниговские князья еще со времен Глеба основывали свое правление в Новгороде на том же и опирались на те же силы, что и в своей «отчине», в Чернигово-Северской земле. Мы имеем в виду ту связь между князем и местным боярством, сосредоточивающим в своих руках земельные богатства, ценности и т. д. в соединении с реальной властью и хозяйничаньем на вече, которая является характерной чертой феодальной системы государственных образований Северской земли.

Традиционная политика черниговской княжеской линии, «племени Святослава», особенно ярко представленная, как это мы покажем в дальнейшем, Ольговичами, была очень сложной. Одновременно со стремлением опереться на местную знать, на туземные феодальные и торговые элементы, на местную феодальную дружину («тысячу», «полк») черниговские князья подчеркивали свое внешнее уважение к вечу. Это уважение подсказывалось правильным пониманием силы и значения веча как в собственно Северских землях, так и в других областях, где они пытались укрепиться (это было именно там, где вече было сильно). Они умело использовали вече для своих целей и не брезговали в случае необходимости прибегать к демагогической апелляции к «вечу», к «земле», чем искусно прикрывались истинные, подлинные корыстные стремления как самого черниговского князя, так и его ближайших бояр.

Начало такой политики по отношению к Новгороду лежит, таким образом, в княжении Глеба в Новгороде.

Новгород союзом с Черниговом преследовал некоторые другие цели, а именно — освобождение от киевской опеки и обеспечение независимости Новгорода и от Чернигова. Два крупнейших соперника и конкурента Киева в союзе между собой видели гарантию от усиления Киева за счет ликвидации самостоятельности обоих.

Глеб в Новгороде завоевывает авторитет и удачными войнами. В 1069 г. он отбивает полоцкого Всеслава с воеводой, в 1076 г., вместе с подросшим на помощь Владимиром Всеволодовичем Мономахом, снова громит подступившего к Новгороду Всеслава.

Вопрос о конце княжения Глеба представляется спорным. Оба исследователя истории Северской земли ограничились лишь передачей одного туманного свидетельства «Повести временных лет» о его смерти. В то же

'Багалец Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 167; Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 83.

218

время Соловьев, использовавший некоторые летописи, опубликованные в «Древней Вивлиофике» и хранившиеся в Румянцевском музее, в частности

Новгородскую летопись по Комиссионному списку, считает возможным принять версию об изгнании и убийстве Глеба. Обойти молчанием мнение Соловьева все же нельзя. Остановимся на этом вопросе. «Повесть временных лет» указывает на смерть Глеба под 1078 г.

«В се же лето убыен бысть Глеб, сын Святославль, в Заволочии».1 Соловьев же цитирует указанную летопись, где говорится об изгнании и убиении Глеба — «и посади Святослав (1) своего Глеба. И выгнаша (2) и бежа за Волок, и у... (3) и Чудь» (пропущенные слова: (1) — «сына», (2) — «из города» и (3) — «убиша»).2 Прежде всего необходимо заметить, что во вполне достоверной «Повести временных лет» мы не находим указаний на изгнание Глеба новгородцами; между тем летописец интересуется Глебом, дает описание его личных качеств и внешности, упоминает, что его тело было привезено из Заволочья в Чернигов и погребено в Спасском соборе, там, где лежали останки черниговских князей Мстислава и отца Глеба — Святослава. Момент изгнания Глеба из Новгорода не мог быть пропущен составителем летописи. Сам текст летописи, использованной Соловьевым, вызывает сомнение хотя бы тем, что воедино как-то сливается и посадение Глеба Святославича в Новгороде, и его изгнание, и смерть. Затем, если бы новгородцы только терпели Глеба, то они не преминули бы воспользоваться смертью Святослава для того, чтобы изгнать его немедленно же. После смерти Святослава дела его сыновей были далеко не блестящи, и думать, что Глеб мог и после 1076 г. сидеть в Новгороде, не имея связей с местной знатью, не приходится. Между тем еще в течение двух лет Глеб остается княжить в Новгороде. По-видимому, дружеские взаимоотношения с боярско-купеческой верхушкой, успешные походы, подавление внутреннего врага (восстание волхва), заигрыванье с вечем, союз с новгородским духовенством — все это были те стороны в политике Глеба, которые, создав ему авторитет в определенных кругах, способствовали сохранению за ним княжеского стола еще и в то время, когда за спиной Глеба не было ни мощного Чернигова, ни временно попавшего в руки черниговского князя Киева, что, между прочим, не особенно улыбалось Новгороду, так как означало вновь усиление зависимости от Киева. Изгнать князя Новгород мог только тогда, когда в нем самом либо произошла бы серьезная перегруппировка среди правящих кругов, либо восстание «менших». Но ни того, ни другого, судя по летописи, в Новгороде в то время мы не замечаем. Кроме всего изложенного, странной кажется, если верить сообщению об изгнании Глеба, сама его гибель в земле заволочской чуди. В самом деле, одно дело — пытаться поднять против Новгорода тут же рядом, по соседству с

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 193. 2 С о л о в ь е в С. Ук. соч. С. 301—302.

А. А. Шахматов, восстанавливая древний новгородский свод XI в., приводит следующий вариант гибели Глеба Святославича: «Выгнаша из города князя Глеба, и бежа за Волок, и убиша и Чюдь месяца мая в 30». Этот вывод Шахматов строит на основании списка князей из Комиссионного списка Новгородской летописи. (Новгородская летопись по синод. харат. списку. 1888. С. 439; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 526, 629).

219

Новгородом жившую воль, как это сделал Всеслав, другое — поднять на новгородцев заволочскую чудь. Если же мы согласимся с версией об изгнании Глеба, то должны будем принять и то, что в Чудь Глеб скрылся, очевидно, для того, чтобы набраться сил, собрать рать и попытаться вернуть утерянное. Но кто же мог рассчитывать на теплую встречу среди разоряемой и ограбляемой чуди, хорошо знающей, что такое новгородские князья, бояре, купцы и прочие любители легкой

наживы, той чуди, среди которой было сильно волхвование и где, естественно, Глеб пользовался определённой славой? Бежать туда означало идти чуть не на верную гибель, и уже если Глеб попытался действительно вернуться в Новгород, то, очевидно, он не стал бы забираться в далекую, вовсе не гостеприимную землю заволоцкой чуди, а ушел бы куда-нибудь поближе или попытался бы пробраться к братьям в Тмутаракань, откуда его хотя и не раз выгоняли, но где уже прочно сидели его братья и союзники. Его политика в Новгороде заставляет предполагать, что неудачи в Тмутаракани научили его дипломатии, и вряд ли он, учтя урок прошлых лет, не сумел создать себе опору в Новгородской земле. Если бы он был убит в Заволочье новгородцами, то вряд ли его похоронили бы в Чернигове. То, что его тело очутилось в Спасском соборе, свидетельствует о том, что в земле чуди нашлись лица, доставившие его черниговским дружинникам. Кем они могли быть? Теми же самыми новгородскими боярами и купечеством. Скорей всего в землю заволоцкой чуди завлекла Глеба обычная феодальная экспансия, и совершал поход он не за свой страх и риск, а во главе предприимчивых новгородских бояр и купцов. Поэтому, естественно, когда он был убит сопротивляющейся чудью, его тело с почетом было доставлено в Чернигов. Убитый князь-изгнанник никогда бы не дождался таких почестей от новгородцев, а черниговцы ехать за трупом в землю заволоцкой чуди, конечно, не могли и не думали, так как кратковременное владычество Святослава в соседнем Белозерье не создало в нем базы для постоянного пребывания там черниговского боярства.

Итак, князь Глеб погиб, убитый чудью в одном из обычных для Новгорода колониальных походов в новгородское «Эльдорадо» — Заволочье. Непонятно утверждение Голубовского, что «Глеб Святославич был убит у еми, финского народа, жившего по берегам Финского залива и Невы».1 У автора приведенных строк для данного утверждения нет никаких оснований, кроме явного домысла Татищева.

Мы подробно остановились на вопросе об обстановке гибели Глеба именно для того, чтобы показать, что Глеб был тесно связан с местной новгородской верхушкой и не держался только силой Чернигова, а имел и собственных сторонников из числа боярства и купечества. Глеб не был изгнан, а погиб в одном из обычных походов новгородских бояр в погоне за данью. Поэтому в лице Глеба мы видим не просто ставленника Чернигова, постольку прочно сидевшего в Новгороде, поскольку силен был черниговский князь, но и сторонника определенной группировки боярства и купцов, ориентирующихся в своих торговых операциях и в борьбе за самостоятельность на Чернигов.

Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 83.
220

Вернемся к Святославу. Важным эпизодом его княжения является подавление им крупнейшего восстания смердов под руководством волхвов, и в этом отношении отец и сын отличались достаточной энергией, хотя Святослав действовал и не сам, а руками своего данщика Яна Вышатича. Летопись приурочивает восстание волхвов к 1071 г. Началось оно в голодный год. «Бывши бо единою скудости в Ростовстей области, въстаста два во-лѣхва от Ярославля, глаголюща «яко ве свеве, кто обилье держить»; и по-идоста по Волзе, кде приидуча в погост, ту же нарекаста лучышие жены глаголюща, яко си жито держить, а си мед, а си рыбы, а си скору. И приво-жаху к нима сестры своя, матере и жены своя; она же в мечте прорезавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, и именье их отымашата собе. И придоста на Белоозеро, и бе у нею людей инех 300».1 Кто были эти «люди 300»? Несомненно те, кто больше всего страдал от голода, кто вместе с волхвами убивал «лучших жен» и «имения» их брал себе, т. е. смерды. Голод в то время был не только результатом неурожая. Голод особенно тяжело обрушивался на смерда именно потому, что, несмотря

на неурожай, дани, виры, оброки и т. д. собирались регулярно, отнимая часто у смерда не только прибавочный, но и необходимый продукт. Голод обогащал купца, торговавшего хлебом, феодала, ростовщическими сделками закаблявшего разоренного смерда, превращавшегося в закупа, и подрывал хозяйство смерда. Понятно поэтому, что голод приближал и ускорял восстание. Смерды обрушивались прежде всего на местную феодализирующуюся верхушку, присваивающую общинные запасы. Такой была «старая чадь» в восстании 1024 г. все в той же Ростово-Суздальской земле, такой же следует считать и «лучших жен», «большух гобиньных домов» («Изборник» Святослава), пострадавших в восстании 1071 г. Несколько странная на первый взгляд форма движения, когда волхвы почему-то расправляются именно с женщинами, упоминание об извлекаемых из ран рыбах и жите напоминают вымысел, но на самом деле находят себе подтверждение в некоторых культовых обрядах народов Поволжья, потомков древних обитателей Ростово-Суздальской и окружающих ее на юго-востоке земель, и позже бытующих среди них.² Понятна и религиозная форма движения. Экспроприация и закабаление смерда, превращение общинника в зависимого, столь интенсивно идущие именно в XI в., совпадали и во времени и в пространстве с распространяемым огнем и мечом христианством. Феодалы обрушивались на общинника, разоряли его, превращали общину в подвластную феодалу организацию сельского населения или, обирая смерда и громя разлагающуюся уже естественным путем общину, превращали его в кабального человека. Одновременно христианство, на острие меча феодала проникавшее повсеместно, разбивало старых общинных богов, уничтожало культовые места, места сборов и сходов, громило общинный культ, кончало с зарождавшимся и чем дальше на север, тем все более сильным жречеством, разбивало идеологию первобытнообщинного строя. Борьба за нее, борьба с христианством

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 170. 2Мавродин В. В. К вопросу о восстаниях смердов // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. №6.

221

и стала формой движения смердов. Разбитый феодалом в неравной борьбе смерд стремился оказать отпор феодализму, организуясь вокруг старых общинных начал, быта, обычаев, устоев, верований и богов, и в таком случае, когда бессильно было оружие феодала дружинника, последнему на помощь приходило христианство, стремившееся и тут добраться до смерда и заставить его окончательно сдаться на милость обоих феодалов, и духовного, и светского. Борясь с язычеством и вербуя кадры первых священников местного происхождения из тех же язычников в прошлом, церковь во времена «империи Рюриковичей» сама должна была идти на некоторые уступки старой религии доклассового общества, способствуя развитию религиозного синкретизма, освящая старые народные праздники (Масленица, Коляда, Купала и т. д.) и богов (Волос — Власий). Но идя на отдельные уступки, церковь оставалась непримиримым врагом языческой религии общинников и, сама превращаясь в крупнейшего собственника-землевладельца и в хозяина множества холопов, изгоев, смердов, она становилась правой рукой феодала в процессе экспроприации им смерда. Да иначе и не могло быть, так как православная церковь и призвана была на Русь и превратилась из второстепенной в главнейшую — именно для этой цели. Неудавшийся эксперимент Владимира Святославича с установлением феодальной «небесной иерархии» при сохранении старой языческой религии заставил князя, после некоторых колебаний, прочно и твердо стать на путь христианизации, так как она вполне соответствовала требованиям киевских феодалов, предъявляемым ими к той религии, которая должна была помочь им в укреплении их владычества. Христианство означало

и начало конца для волхвов. Их должен был заменить служитель христианской церкви. Волхв был связан с родом и родовой аристократией. Он продолжал играть существенную роль и позднее. Авторитет волхва был достаточно велик еще и в тот период, когда родовые связи уступили свое место территориальным, а эти последние послужили базой для образования поземельной сельской общины. Новая феодальная верхушка росла и крепла как враг волхвов. Отсюда общий враг у смерда и волхва — феодализм и христианство, отсюда их союз, создавшийся еще тогда, когда волхв был главным служителем языческой религии, исполняющим все культовые обряды, выступающим посредником между добрыми и злыми богами и общинниками, преисполненными страха перед чем-то неведомым и всесильным, что ежеминутно может вторгнуться в их жизнь и от кого зависит их благополучие и удача в земледелии, скотоводстве, промыслах. Авторитет волхва, носителя старой религии времен свободного состояния общинника, приводит к тому, что во главе восстаний смердов становятся волхвы. Так было в 1024 г. в Суздале, так было в Новгороде во времена Глеба. Волхв пытался поднять восстание и под Киевом в эти же годы, но феодалы вовремя приняли меры, и киевский волхв «в едину бо ночь бысть без вести».¹ Волхв поднимал восстание смердов в той же Ростовской земле и в 1091 г., но и тут феодалы, уже наученные горьким опытом, быстро расправились с движением, и волхв «вскоре погыбе». Позднее, в XII—XIII вв., когда феодалы расправились с оставшимися еще непокоренными в цент

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 170.

222

ральной полосе Восточной Европы племенами (голядь, вятичи), когда феодальные города и вотчины широко раскинулись по всей громадной территории русских княжеств, когда свободный общинник стал уходить в область преданий, когда одновременно с этим громадные успехи сделала и христианская церковь, — тогда уже изменились и самые формы восстаний смердов. Потеряла свое значение старая родовая религия, исчезли волхвы; князья, бояре, духовенство быстро кончали с рецидивами волхвования, и мы видим, что подобные восстания смердов, руководимых волхвами, происходят среди племен севера, где сильнее было жречество и где только начиналась феодальная экспансия новгородского боярства и колонизация, а вместе с ними и христианство. В 1229 г. из новгородских колоний привозят в Новгород четырех волхвов и сжигают их на костре. Это была последняя вспышка восстания смердов под руководством волхвов.

Движения смердов, руководимых волхвами, сложны.

Различны цели восстающих смердов и волхвов. Для волхва — это борьба за реставрацию старого быта, за сохранение язычества, а с ним вместе и того положения, которое он занимал в обществе, положения, безнадежно им утраченного, борьба с конкурентом и соперником — священником, занимающим его место.

Волхв — сколок отживающего мира, сторонник отмирающих, старых порядков. Он зовет назад, его цели реакционны.

Смерды прислушиваются к голосу волхва. Авторитет волхва еще не пал. Как и позднее, религиозные моменты играют большую роль в борьбе сельского люда с феодалами. Когда волхв призывает смерда выступать против христианства, борьба с христианской церковью перерастает в выступление против князя, бояр и наоборот. Тесный союз господствующего класса с господствующей религией создает подобную специфику первых восстаний смердов. Для смердов восстание против «старой чади», князя, данщиков есть не что иное, как борьба с укрепляющимся феодализмом, которая, правда, часто проходит под флагом выступления против христианства.

Волхвы для князя являются смердами. Волхв для феодала тот же смерд, такой же «подданный», платящий дань, обзанный и другими повинностями, как и всякий другой смерд. Когда волхвы, возглавившие рать смердов-повстанцев в 300 человек, пришли на Белозерье, туда же явился и собиравший в то время дань даньщик князя Святослава черниговского Ян Вышатич.¹ От жителей Белозерска Ян узнал о том, «яко два кудесника избила уже многи жены по Вользе и по Шексне, и пришла еста семо». Ян прежде всего справился, чьи они смерды и, узнав, что князя его — Святослава, на этом основании немедленно потребовал у населения их выдачи. Волхвы были смердами, и поэтому, естественно, Ян, думая поступить с ними как с повстанцами, требовал на основании феодального права их выдачи. Население «града», очевидно, сочувственно относилось к восставшим, так как они сами в массе своей тоже мало чем

Это указание, между прочим, представляет для нас интерес и для установления границ Черниговского княжения, так как Белозерье, таким образом, в то время, видно, являлось Черниговской областью.

223

отличались в глазах Яна от смердов. Они тоже были, поскольку речь идет не о верхушке, а о городских низах, «горожанам» в широком смысле этого слова, «под данью», подданными. За это говорит следующий факт. Когда Ян узнал, что волхвы — смерды его князя Святослава, он решил расправиться с ними поскорей и так же, как справлялись с восставшими сами князья, — решительно и жестоко. Ян в горячке, по рассказу летописца, решил сперва сам идти в лес, где укрылась рать смердов, но дружинники его были благоразумнее и рекомендовали Яну не идти одному без оружия. Ян послушался, и через некоторое время он уже шествовал по лесу в сопровождении 12 дружинников — «отроков» и священника, захваченного на случай богословского спора с волхвами и для обращения «отпавших» смердов в христианство. Через некоторое время перед ним предстала «исполчившеся» рать повстанцев, от которых вскоре отделяются трое смердов для переговоров с идущим навстречу им Яном. Смерды предупреждают Яна: «Вида идеши на смерть, не ходи». Когда Ян попытался расправиться с посланцами, то один из смердов не выдержал и замахнулся на Яна топором. Тот успел увернуться и, ударив обухом смерда, приказал своим отрокам «сечи я». С одной стороны выступила кучка испытанных воинов-профессионалов, дружинников, с первоклассным оружием, с другой — более многочисленная по количеству, но пестрая, плохо вооруженная, непривычная к битвам толпа смердов. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи дают нам представление, с одной стороны, о феодалах Яне и его дружинниках, в долгополых кафтанах, с мечами, а с другой — о рати смердов с типичным оружием восставших крестьян — топором.¹ Смерды отступают вглубь леса, в чащу, захватив и убив попина Янева. Ян не решается углубиться за ними в дебри, поворачивает обратно и входит в город. Белозерцы, правда, рассказали Яну о волхвах, о том, что они делали, где были и куда пошли, но помогать ему подавлять восстание они отнюдь не собирались. Белозерцы не присоединились к восставшим, но и не думали хоть чем-нибудь помочь попавшему в затруднительное положение Яну, который оказался не в состоянии один справиться с движением. Очевидно, восставшие имели сторонников в городе и среди масс городского люда, среди «белозерцев» они пользовались симпатией и сочувствием. Нет надобности подробно останавливаться на причинах этого явления, и достаточно будет лишь упомянуть о том, что городской «черный люд», особенно здесь, на окраине Руси, мало чем отличался в глазах феодала от смерда. Ян знал о связях горожан со смердами и волхвами, но ему было также известно, что без поддержки белозерцев справиться с восставшими он не сможет. И Ян находит способ для того, чтобы заставить жителей Белозерья ему помочь. Он заявляет горожанам, что «еще не имете волхву сею, не иду

от вас и за лето». Ян знал, чем можно вынудить горожан оказать эту далеко не приятную им услугу. Перспектива содержать в течение длительного времени данщика князя вместе с его дружинниками — «отроками» не улыбалась Белозерью. Горожане вынуждены были согласиться и «шедше яша я,

1 Арциховский А. В., Киселев С. В. К истории восстания смердов 1071 г. // Проблемы истории материальной культуры. 1933. №7—8; Арциховский А. В. Миниатюры Кенигсбергской летописи.

224

проведоша я к Яневи».1 Расправа Яна с волхвами была жестокой. Богословский спор кончился не в пользу Яна. Волхвы требовали, чтобы Ян отправил их на суд Святослава, так как он, по их мнению, не имел никакого права что-либо с ними сделать. «Без княжа слова» нельзя было «мучить смерда». Это прекрасно знали волхвы, но с этим отнюдь не пожелал считаться Ян. Право феодала — право сильного, и хитрым маневром Ян стал сильнее восставших смердов и их предводителей — волхвов. Несмотря на побои и увечья, волхвы не только не отказывались от своих убеждений, но и неоднократно требовали, чтобы Ян передал их на суд самого Святослава. Тогда, видя их мужество, Ян решил еще более тяжкими мучениями заставить их смириться. Ян буквально взнуздal волхвов, впряг их в свою ладью и заставил их, раздирая себе «рублями» «уста», гащить ее. У устья Шексны он остановил ладью и спросил волхвов, что им теперь говорят их боги? «Сице нам боги молвят, не быти нама живым от тебе» — ответили измученные волхвы. Ян призывает «повозников», спрашивая, не убит ли кто из их родственников волхвами, а когда выяснилось, что во время восстания у кого погибла мать, у кого сестра и т. д. (это свидетельствует о том, что сами «повозники» были из числа «лучших», так как волхвы истребляли «лучших жен», да и в местности, где население было настроено далеко не в пользу Яна, последний окружал себя «лучшими», «старой чадью»), — отдает волхвов, во исполнение кровной мести, на расправу «повозникам». Последние убивают волхвов, а трупы вешают на дуб. И, наконец, последним пережитком старой языческой религии является следующее упоминание летописи: «В другую ночь медведь възлез, угрыз ею, и снесть...». В этом рассказе о медведе нельзя не усмотреть легенды, связанной с распространеннейшим тотемом Восточной Европы — медведем: медведь кончает с волхвами; хоть мертвые, волхвы все же возвращаются к древнему тотему.

Об этом факте уже только слышал Ян Вышатич, сообщивший Никону о восстании волхвов. Шахматов совершенно прав, указывая в своих «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах», что в летописи известия о волхвах попали, будучи внесены туда Никоном со слов очевидцев и участников. Таким был и Ян Вышатич, к которому уже, очевидно, дошла вслед весть о том, что трупы волхвов съедены медведем, так как сам он еще до этого, убедившись в смерти волхвов, «идущую домовь». Так было покончено с крупнейшим восстанием смердов, покончено руками черниговских феодалов. Жестокость расправы обусловлена не личным характером Яна Вышатича, не общим низким культурным уровнем и грубыми нравами вообще, как часто ранее подобные вещи склонны были объяснять, а ненавистью и страхом феодала перед восстанием низов. Преимущество в вооружении и организации обеспечило победу Яна Вышатича.

Как мы видели, легенда о «демократичности» черниговских князей остается мифом, созданным лишь усилием творческой мысли П. Голубовско-го и Д. Багалея. Действительно, черниговские князья были склонны к демагогической политике заигрыванья с общественными низами, но только лишь в том случае, когда со стороны последних не грозила непосредствен-

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 171.

ная опасность ни их владычеству, ни господству феодальной верхушки вообще и когда, наоборот, известные уступки низам и апелляция к их поддержке могли способствовать укреплению их могущества и усилению политической роли на арене межкняжеской борьбы. Тогда же, когда дело заходило далеко и выливалось в подлинную борьбу городского «черного люда» и смердов, черниговские князья оказывались не только верными поборниками феодальных прав, но и активными карателями восставших. Далеко ли, близко ли от стольного города Чернигова происходило восстание — безразлично. Так было во времена Глеба в Новгороде и во времена Яна Вышатича на далекой окраине в Белозерье, Ростове, в земле мери, мордвы и веси.

Для завершения характеристики времени княжения Святослава остановимся еще на одном вопросе. Святослав выступает как ревностный христианин, опора духовенства, строитель монастырей и церквей, благодетельствовавший не только свои православные, но и иноверные монастыри. В 1068 г. Антоний Печерский обосновался в Чернигове. Здесь он строит церковь и монастырь. Святослав же даровал монастырю вотчину. Наряду с Троицким и Богородицкий (Елецкий) монастырь также обязан своим возникновением Святославу. Им же был основан монастырь в Любече.¹ Симпатии Святослава к церкви объясняются тем, что князь правильно оценил роль христианской церкви как своего союзника. Так было в его земле, в Чернигово-Северском крае, так же было и в Киеве, где Святослав сумел все же расположить к себе братию Печерского монастыря и даже самого Феодосия. Святослав опирался на христианскую церковь при экспроприации и подчинении смердов и при подавлении их восстания. Примеры последнего мы уже приводили, говоря о Глебе и Яне Вышатиче. В Муромской земле в то время мы также наблюдаем внедрение христианства насильственным путем. П. Голубовский по этому поводу замечает: «В предании о каком-то неизвестном князе Константине, причисленном к лику святых, сохранилась память о сильной борьбе, которую пришлось выдержать утвердителям христианства и подчинения Чернигову. Муромцы несколько раз изгоняли от себя провозвестников новой религии и запирались в своем городе, который приходилось брать штурмом», и, далее, отмечая наличие в 1096 г. в Муроме Спасского монастыря и посадников черниговского князя, он приурочивает укрепление в Муроме христианства вооруженным путем ко времени Святослава, причем считает возможным утверждать, несмотря на противоречивые указания «Изборника» Святослава 1073 г., что конкретным «крестителем» Мурома был молодой Ярослав Святославич.² Святослав, опиравшийся на церковь как на своего союзника, был, вполне естественно, связан с церковной наукой. В 1073 г. дьякон Иоанн переводит с греческого языка на русский книгу Василия, составленную из статей по различным отраслям знаний, так называемый «Изборник».³

1 Ф и л а р е т. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Т. II стр. 2—5, 198; Мак арий. История русской церкви; Голубинский. История русской церкви. Т. 1.4. II. С. 325.

2 Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 78—79.

3 Там же. С. 78.

Перейдем к Переяславльскому княжеству во времена Всеволода Яро-славича. С самого момента выделения в самостоятельное княжество Переяславль превратился в оплот Руси в ее борьбе с половцами. В 1055 г. вместо разбитых Всеволодом в том же

году малочисленных и слабых торков в степях появляются половцы хана Болуша, вступившие на территорию Переяславльской Украины. Всеволод заключил мир с Болушем, и этот своеобразный разведывательный отряд половцев повернул обратно в степи.¹ В это время в степях шла борьба между торками и пришельцами — половцами. Многочисленные и сильные половцы теснили торков к окраинам русской земли. Ответом на это передвижение торков был поход на них Всеволода, Святослава, Изяслава и Всеслава, датируемый летописью 1060 годом. Торки были разгромлены, часть их перешла за Дунай, часть осталась в степях и подчинилась половцам, многие же перешли русские рубежи и поселились на территории Руси, главным образом в Переяславльском княжестве. Разгром торков открыл половцам дорогу на Русь, и в 1061 г. они совершают набег на Переяславльскую землю. Всеволод был разбит.² После занятия киевского стола Святославом, когда, по-видимому, Чернигов перешел к Всеволоду, Переяславль также остался за Всеволодом, ибо, например, в 1076 г. Владимир Мономах ходил в Переяславль для устройства каких-то дел.³

27 декабря 1076 г. Святослав Ярославич умер и был погребен в Спасском соборе в Чернигове. На некоторое время в Киеве вокняжается Всеволод, а затем вернувшийся на Русь Изяслав.⁴

3. Феодалные войны конца XI века. Княжение Олега Святославича

Рассматриваемый ниже период является «строим феодальным, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств».⁵ Начало этой эпохи мы можем установить начиная с княжения Ярослава, последнего «самодержца» «славного варварства норманнской эпохи».⁶ К. Маркс замечает по этому поводу, что Владимир знаменует собой вершину, а Ярослав — начало заката готической России.⁷ Как мы уже отметили ранее, Северская земля вступает в этот период со времен Святослава Ярославича, но весь дальнейший ход исторического развития феодальной государственности на территории Левобережья идет по линии разделения и дробления княжеств, появления миниатюрных полувотчин

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 158.

2 Там же. С. 159.

3 Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 297.

4 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 193.

5 Замечания товарищей И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова по поводу конспекта учебника по «Истории СССР», Ц. О. «Правда» от 27/1 — 1936 г.

6 М а р к с К. Secret diplomatic history of the eighteenth century, Лондон, 1899.

7 М а р к с К. Ук. соч. С. 76.

227

полугосударств, в которых зачастую провести грань между князем и вотчинником-землевладельцем, фактически полновластным хозяином всего живого и мертвого на территории его земель, не представляется возможным.

Смерть Святослава дает повод для дальнейшего раздробления земель и новых княжеских усобиц, борьбы за «отчину и дедину», обоснованных и необоснованных притязаний князей на какой-либо стол, для новых войн и столкновений между собой князей, этих носителей, по выражению Энгельса, «всеобщей путаницы» периода феодальной раздробленности¹.

А причиной нового тура межкняжеских усобиц были сложившиеся социально-экономические и политические факторы, в своей совокупности и создающие условия для существования «множества самостоятельных полугосударств». Эти факторы обусловлены консолидацией феодальных отношений, построенных на внеэкономической эксплуатации «челяди» разных категорий, «дворни» в широком и

узком смысле этого слова и общин смердов — этих ячеек феодального натурально-хозяйственного мира. Эти факторы не могут не породить межкняжеских споров и усобиц — необходимого и естественного атрибута периода феодальной раздробленности. Борьба за обладание политическим могуществом, реально выражающаяся в узурпации, захвате государственной власти, является одним из могучих рычагов процесса исторического развития и, вполне естественно, красной нитью проходит через все страницы истории антагонистического человеческого общества, начиная с того момента, когда зарождается государство — институт насилия одного класса над другим. Государство всей тяжестью своей машины, как бы примитивна и архаична она ни была и в какую бы она форму ни выливалась, обрушивается на эксплуатируемый класс. Так было во всех антагонистических, классовых обществах, так было, естественно, и в период феодальной раздробленности, когда предшественник крестьянина — смерд — еще не был окончательно закрепощен в своей массе, как во времена Московского самодержавия, но в то же время не был уже и полностью свободен, платя дань, оброк, выполняя ряд феодальных повинностей, а смерд-общинник — выделяя из своей среды, в процессе разорения, различные категории кабально-зависимых и закрепощаемых людей. Обладание государственной властью являлось источником могущества, богатства, преимущественным правом ограбления определенной территории, условием монопольной эксплуатации населения данной области и сулило разные выгоды и доходы. Начинается борьба за власть между «Рюриковичами» разных колен и степеней родства и не «Рюриковичами», борьба с соседними феодальными полугосударствами-княжествами, и наконец, как явление уже иного порядка, вспыхивают восстания угнетенного сельского и городского «черного» люда против богатых и сильных, власть предрержащих.

Указанное нами уже раньше печальное обстоятельство, затрудняющее изучение Чернигово-Северской земли в области ее внутренней истории,

' Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI. Ч. I. Э н г е л ь с Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии. С. 445.

228

а именно, отсутствие местной черниговской летописи, сказывается и в данном случае¹. Пред нами выступает главным образом борьба за власть, за обладание княжеским «столом», происходящая непрерывно в течение столетий между князьями, затем — второй тип борьбы — борьба между Чернигово-Северским, т. е. данным конкретным русским княжеством, и соседями, либо с запада, либо с востока. Мало нам известная внутренняя история несомненно включает в себе и борьбу третьего вида, проявление основного противоречия феодального общества, но нам о ней сказать что-либо определенное вряд ли удастся, и в этом отношении исследователи истории Чернигово-Северского княжества поставлены в более тяжелые условия, нежели занимающиеся историей других княжеств.

Памятуя указанный недостаток нашего летописания, подойдем к истории Чернигово-Северской земли в конце XI—XII вв. После смерти Святослава на черниговском столе оказывается, правда на весьма непродолжительный срок, Борис Вячеславич. Князь-«изгой» сел в Чернигове не без участия и поддержки со стороны черниговского боярства и купечества, так как, по правильному замечанию П. Голубовского: «Чернигов начал действовать, отлично зная, что ожидает его с переменой обстоятельств».² Вре-И мена господства при Святославе черниговского боярства должны были, [теперь отрицательно отразиться на Чернигове, и киевско-переяславльская, боярско-дружинная верхушка князя Всеволода, некогда испытывавшая на себе хозяйничанье черниговской знати, после смерти Святослава не хотела подчиняться, а хотела сама властвовать. Внешняя обстановка этому способствовала.

Союз Святослава с Болеславом и брак дочери Святослава с польским королем привели в конце концов к тому, что союзные Болеславу дружины Олега Святославича и Владимира Всеволодовича оказались в земле чехов, воюя с врагом Болеслава — чешским королем Вратиславом. Когда разбитые русскими дружинами и ляхами чехи попытались заключить мир, предлагая 1000 гривен серебра, русские князья, несмотря на очевидное желание Болеслава закончить войну и даже на заключение им мира с чехами, отказались мириться, сославшись на то, что, мол, надо «взять свою честь». Князья не собирались возвращаться домой с пустыми руками, получив, быть может, лишь известную толику из 1000 гривен серебра, уплаченных чехами Болеславу, и в течение четырех месяцев опустошали чешскую землю, «взяли», наконец, «свою честь», а попутно с ней еще 1000 гривен серебра, уплаченных Вратиславом.³ Такое поведение русских князей не могло не отразиться на политике Болеслава, который решил еще раз поддержать Изяслава. Решив после смерти Святослава вернуть себе киевский стол, Изяслав с ляхскими войсками пошел к Киеву. Всеволод, занявший Киев, вышел ему навстречу, на Волынь, где во Владимире в это время сидел Олег Святославич. Но битвы не произошло. Братья заключили мир, и Всеволод отдал Киев Изяславу, а сам сел в Чернигове. Походом

М. Д. Приселкову удалось обнаружить следы черниговского летописания, начавшегося в конце первой половины XII в., но они мало дают исследователю. Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 49—52.

²Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия, С. 82.

"Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 140.

229

Всеволода воспользовался Борис Вячеславич, 4 мая 1077 г. захвативший при поддержке черниговского боярства главный город Северской земли.¹

Не без давления со стороны Изяслава, прекрасно учитывавшего, какую угрозу для его княжения в Киеве представляют черниговские князья Святославичи, этих последних решают оставить без уделов или, вернее, предоставить им или Тмутаракань, где уже сидел Роман Святославич, или Муром с Рязанью. Прежде всего Всеволод расправляется с Борисом Вячеславичем, который, не ожидая, по-видимому, столкновения с ратью Всеволода, бежит в Тмутаракань к Роману.² Всеволод садится в Чернигове, а Олег, выведенный из Владимира Волынского, состоит при дяде, живет в его дворе в Чернигове. Из «Поучения детям» Мономаха видно, что Олега пытались всячески задобрить, и, вернувшись к отцу из Смоленска, Мономах вместе с Всеволодом устраивает Олегу обед на Красном Дворе в Чернигове.³ Но если для Мономаха эти средства казались достаточными, то никакими обедами успокоить Олега, у которого буквально из-под носа стащили лакомый кусок, было невозможно. Как только оттираемый своими сородичами на задний план Олег убедился, что из положения «изгоя» ему не выйти, он бежит 10 апреля 1078 г. в Тмутаракань.⁴ Именно здесь со свойственной ему энергией он рассчитывает набрать дружину для борьбы с оружием в руках за свои интересы на Руси. Олег был типичным носителем дружинных традиций, князем-воином, настойчивым и твердым человеком. Правда, он был не очень искусным дипломатом, так как позволил себя провести, не обладал хитростью и политической гибкостью Мономаха, но он всегда оставался грубым воином, с оружием в руках борющимся со своими дядями и братьями за свои погрязшие права князя-феодала и не останавливавшимся ни перед какими жертвами для достижения поставленных себе целей.

Вместе с Олегом при дворе Всеволода оставался еще один Святославич — Давид. Сообщение Татищева о пребывании Давида еще при жизни Святослава в Новгороде вряд ли достоверно, так как в Новгороде в течение всех последних лет Святославова

княжения сидел Глеб. Но все, что было не по душе Олегу, всегда действовавшему открыто, очевидно (за это говорит дальнейшая политика и ориентация Давида), было приемлемо для Давида. В Новгороде еще и по смерти Святослава княжит Глеб, которому на помощь, очевидно, в его борьбе с Всеславом Полоцким, идет со своей ратью Владимир Мономах.⁵ О гибели Глеба мы подробно говорили в предыдущем разделе. В Рязанской земле, вдали от потерявших право на отчину братьев, сидел младший Святославич — Ярослав. Этот свой удел Ярослав, по-видимому, получил от дяди Всеволода, при дворе которого он жил. По своему малолетству Ярослав вряд ли мог принять какое-либо участие в борьбе Олега за «отчину». Это обстоятельство, между прочим, сказалось и на дальнейшей судьбе Ярослава. Вернувшийся в 1094 г. из Тмутаракани Олег распорядился в земле Ярослава, в Муромо-

Ипатьевская летопись, с. 140.

2 Там же

3 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 239.

4 Там же. С. 193.

5 Там же. С. 239.

230

Рязанском крае, особенно в районе Мурома, где сидели его посадники, как в собственной земле. Очевидно, пожалования Всеволода Олег рассматривал, как незаконные, хотя, по-видимому, Муромо-Рязанская земля предназначалась еще Святославом именно Ярославу. Подобное отношение Олега объясняется еще и тем обстоятельством, что Муромо-Рязанская земля служила для него плацдармом в начатой им войне. Сам же Ярослав облюбывал Рязань, вокруг которой и развернулась вся его деятельность.¹ На княжении Ярослава мы еще остановимся подробнее, а пока вернемся к Тмутаракани. Потеряв Новгород, вместе со смертью Глеба ускользнувший из-под влияния Святославичей, братья Олег и Роман и Борис Вячеславич особенно цепко держатся за свой последний оплот — Тмутаракань. Организованная ими дружина и наемные половецкие орды дают им возможность перейти в наступление, и «приведе Олег и Борис поганые на Русьскую землю».²

В Тмутаракани остался Роман. 25 августа 1078, г. на реке Сожице³ между выступившим навстречу князьям-тмутараканцам Всеволодом и половцами произошла битва, «и победиша Половци Русь». Всеволод вынужден был бежать и просить поддержки у киевского князя Изяслава. Олег и Борис заняли Чернигов. Летописец неодобрительно относится к Олегу и Борису, главным образом за то, что они пригласили для помощи половцев и «повоевали землю русскую». Летописец — враг новых порядков, княжеских споров и усобиц. Он — за «одиначество», за мир на русской земле. Летописец в этом вопросе становится на точку зрения киевского князя, идеализируя Изяслава, много обид и унижений перенесшего в годы своего вынужденного скитальчества, тогда как притязания Олега и Бориса, очевидно, с его точки зрения, незаконны. Но особенное ударение «Повесть временных лет» делает на факте приглашения князьями-тмутараканцами половцев, тем более, что впервые одни русские князья громят других руками «поганых». Летописец, упоминая об убитых в сражении у Сожицы боярах, Иване Жирславиче, «Туки, брат Чудинов, Порей и ины мнози», далее говорит: «А земле Русьской много зло створше, проливше кровь хрестьянску, ея же крове взишетъ Бог от руку ею, и ответ дата има за погубленныя душа хрестьянскы».⁴ Приведенный отрывок иллюстрирует отношение составителя летописи к Борису и Олегу. Летописец — патриот своего времени, прекрасно понимавший, что княжеские усобицы ослабляют Русь и делают ее достоянием «поганых». Черниговцы доброжелательно приняли Олега и Бориса, так как для черниговского боярства и купечества княжение Олега означало восстановление самостоятельности и

независимости от Киева, а, быть может, даже возвращение ко времени Святослава, когда, правда на короткий срок, черниговские бояре сумели выдвинуться на первый план и даже похозяйничать в мата градов русских». Вопрос, конечно, не только в преданности своей княжеской линии, как утверждает Д. Бага-лей, а в том, что Олег был знаменем и даже, вернее, условием для возвра

'Иловайский Д. И. История Рязанского княжества С. 17—19,26—27;

2 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 194.

3 По-видимому, Сожицу следует усматривать в современной речке Оржице, притоке; Супы.

4 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 194.

231

щения Чернигову его былого, недавно утраченного положения.¹ И недаром, когда соединенные силы князей Изяслава, Всеволода, Владимира и Ярополка осадили город, несмотря на то, что в городе не было ни Бориса, ни Олега с их дружинами, очевидно, воевавшими где-то в окрестностях, отвоевывая новые и новые земли, черниговцы, «затворишася в граде», оказывали упорное сопротивление и на предложение сдаться ответили отказом. Тогда началась осада города. Приступом от р. Стрижня Мономах берет восточные ворота, оттесняя защищавших их черниговских ратников. Прорвавшись в одном месте через укрепленную линию, дружина Мономаха берет и весь «окольный град», который подвергает грабежу и сожжению. Черниговцы отступают в «дньешний град», т. е. во внутренний город, и «детинец», находившийся в южной части Чернигова, отделенный от «окольного града» ровом и, очевидно, валом.² В это время до осажденных доходит весть о том, что на выручку черниговцам спешат дружины Бориса и Олега. Идя на помощь черниговцам, Борис и Олег, кстати сказать, очевидно не совсем ясно представляли себе силы своих врагов. По этому вопросу П. Голубовский, несмотря на всю тщательность его анализа источников и ряд весьма интересных положений выгодно отличающих его работу от ряда других, ей подобных, несмотря на всю солидность научной аппаратуры, допускает грубую ошибку, которая может быть объяснена только невнимательным чтением летописи. П. Голубовский замечает: «Между тем (речь идет именно о моменте захвата Мономахом «окольного града». В. М.) Олег и Борис действовали; не желая подвергать город разорению, они вышли из него с дружиной в другие ворота, так как обложить город со всех сторон было не по силам осаждавшим. Они отошли к югу, вероятно подкрепили себя новыми ополчениями и двинулись на освобождение города».³ Совершенно не представляется возможным определить, откуда уважаемый историк Северной земли почерпнул эти сведения. «Повесть временных лет» совершенно определенно указывает, что во время осады Чернигова «Олег же и Борис не бяста».⁴ Во время осады они не вошли в город, как и не выходили из него. Если бы они были в городе, летопись не преминула бы указать на выход князей, очевидно, с боем, из осажденного города. Предполагать, что объединенные рати Изяслава (который, кстати сказать, памятуя деяния своего брата Святослава и опасаясь той же участи и от его сына, своего племянника Олега, серьезно готовился к войне и не рассматривал ее как легкую военную прогулку, а «повеле сбирати вой от мала до велика»), Всеволода, Владимира Мономаха и Ярополка Изяславича не смогли, в силу своей слабости, обложить города и действительно его не обложили со всех сторон, — прямо невероятно. Летопись излагает события следующим образом. Тогда, когда пал уже «окольный

'Бага-лей Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 168.

2 Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 84. 3 Там же. С. 84—85.

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 195. Ипатьевская летопись сообщает, что «Олег и Борис бьшета в Чернигове», а затем, в противоречии с этим утверждением, говорит о подходе дружин Олега и Бориса «противу» осаждающих. Указанное обстоятельство и дало возможность Голубовскому построить свой фантастический рассказ (Ипатьевская летопись, с. 141).

232

град» и союзные дружины князей осаждали «внутренний город», «детинец», что было уже нелегким делом, к Изяславу и Всеволоду дошла весть о приближении Олега и Бориса. Навстречу последним немедленно же выступают дружины Всеволода и Изяслава во главе со своими князьями. В то время как часть дружины Мономаха и Ярополка Изяславича продолжала, по-видимому, осаду (так как снятие осады развязало бы руки черниговцам, и они могли бы ударить в тыл), другая часть их дружин присоединилась к дружинам Изяслава и Всеволода. Об этом ясно говорит реплика Олега, приводимая летописью. Олег и Борис не успели соединиться с половцами и шли только со своими дружинами. Олег, узнав, какая грозная сила движется против них, и видя, что справиться с объединенными силами четырех князей они не смогут, предложил Борису начать переговоры, на что получил от него гордый ответ: «Ты готова зри, аз им противен всем».1 Видя решимость своего, союзника, Олег решил идти дальше, и у села на Нежа-тине Ниве 30 октября 1078 г. сошлись обе рати. В начале битвы был убит Борис, затем к спешившемуся Изяславу подъехал какой-то воин и ударом копья в плечо убил его. Силы были неравны. Олег, потерявший своего союзника, был разбит и «в мале дружине» едва успел спастись бегством и поспешил укрыться в Тмутаракань.2 Всеволод садится в Киеве, «приим власть Русьскую всю», Владимира он сажает в Чернигове, Ярополку Изяславичу дает Владимир-Волынский и Туров, Святополку Изяславичу — Новгород.3

Для того чтобы удержать в повиновении черниговское боярство, Всеволоду необходимо было посадить в стольном городе Северной земли такого князя, который мог бы управлять не только силой меча, но и путем дипломатических маневров. Для такой роли, несомненно, наиболее подходящей была кандидатура Мономаха, который и в последующей своей деятельности и, очевидно, в предыдущей зарекомендовал себя как дальновидный политик, умело лавирующий, в целях установления «одина-чества» Русской земли и власти «самодержца», между противоречивыми интересами различных классовых группировок. Было бы неправильно усматривать во Всеволоде и Мономахе представителей политики, характерной для Ивана III, как это делает П. Голубовский, ссылаясь на авторитет Лашнюкова.4 «Единодержец земли Русьстей» Мономах, как и его отец, жил в эпоху, когда еще не создались условия для объединения недавно возникших княжеств. Но необходимо отметить, что уже в Мономахе мы можем видеть представителя объединительных тенденций, опирающегося на «мо-лодшую дружину» и горожан. Забегая несколько вперед, отметим, что уже Всеволод под конец своей жизни начал опираться на «менших», «уных», «несмысленных» и перестал считаться со старшей дружиной из родовитых, богатых бояр, «възлюбише смысл уных». Мономах, продолжая в этом отношении политику отца и стремясь к объединению распадающейся на уделы Руси и к централизации власти, начинает опираться и на другую

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 195. Там же.

Там же. С. 197—198; Багалея Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 168.

4 Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 85.

233

социальную силу — горожан, купечество и ремесленников. Это положение можно проиллюстрировать тремя фактами: 1) во время своей усобицы с Олегом Святославичем Мономах выдвигает в качестве арбитра киевлян, т. е. не только бояр и духовенство, но и вече, 2) после восстания в Киеве в 1113 г. Мономах дает свой знаменитый «Устав», направленный в сторону некоторого облегчения участи закабаленных горожан, что свидетельствует о стремлении князя опереться на городские массы, и 3) строит город Владимир, населенный ремесленниками, сослужившими службу его внукам, во время их борьбы с родовитым боярством «старых городов»: Ростова и Суздаля. Конечно, город был еще настолько слаб, что не мог помочь даже такому талантливому политику, как Мономах, приостановить процесс распада русских земель. Феодалное раздробление «империи Рюриковичей» было обусловлено развитием производительных сил, ростом феодалного землевладения, феодалных форм эксплуатации, господства и подчинения и концентрированием богатого и сильного боярства в отдельных областях древней Руси, и в этом отношении феодалный распад Киевского государства был показателем роста производительных сил. Но в то же самое время феодалное раздробление земель ослабляло Русь, способствовало успехам иноземных захватчиков (ляхов, венгров, позднее немцев, литовцев, шведов), затрудняло борьбу с вековечным врагом русского народа — половцами. Поэтому стремление Мономаха сохранить единство Руси, столь необходимое для борьбы с врагами, следует расценивать положительно. Можно утверждать, что развитие производительных сил феодалного общества могло протекать и при условии очень ранней ликвидации феодалной раздробленности, как это имело место, например, в Англии, но для этого необходимо было создание социальной опоры для сильной власти — мелких феодалов-дружинников и многочисленного городского люда. В древней Руси все эти факторы были еще очень слабы, и попытки Мономаха не могли увенчаться успехом. Конечно, нельзя думать, что Мономах и Мономаховичи — представители централистских стремлений, пытающиеся реставрировать распадающуюся лоскутную «империю» Рюриковичей», а Олег Святославич и Ольговичи — типичные представители «областнических» тенденций, замыкающиеся в рамках интересов своей «отчины». Нет сомнений в том, что Ольговичи были тесно связаны с «землей» (т. е. с «земским», местным боярством) и вынуждены были прислушиваться к голосу «земли». Их интересы лежали в пределах их «отчины», где расположены были их огромные княжеские вотчины, и Ольговичей часто было трудно втянуть в общерусские дела, но и они считали себя такими же Рюриковичами, с такими же правами на Киев и «старейшинство», как и другие князья, и также не раз захватывали Киев и мечтали об «одиначестве» Русской земли под своей властью, как и Мономаховичи, тогда как последние, забравшись в леса северо-востока, стали впоследствии проявлять не менее типичные «областнические» тенденции.

Отмечая это, все же хочется подчеркнуть, что чрезмерное увлечение нейтралистскими идеями Мономаха, когда еще не сложились условия для их осуществления, было бы неправильным, как и превращение Ольговичей в князей-вотчинников, сидящих в своей «отчине» и кроме нее не желаю-

234

щих ничего видеть. Все же проводить особенно резкую грань между обеими княжескими линиями вряд ли возможно.

Всеволоду и Мономаху далеко до позднейших «собирателей Руси», и их «уные» еще не дворянство, развившееся в эпоху самодержавия, а гридь, садящаяся на землю.

Поэтому следует пересмотреть установки П. Голубовского и Д. Багалея, усматривающих в Мономахе и Мономаховичах носителей идей самодержавия, а в Ольговичах — «идеи областничества, федерализма». Конечно, Ольговичи тесно

связаны с местным боярством, которое влияет на их политику, что и делает ее более типичной для эпохи феодальной раздробленности, чем была политика Мономаховичей, основанием которой была тенденция опереться на дружинников и горожан против местного боярства и против старых городов с их боярской олигархией, фактически руководившей вечем. Для Мономаховичей типично также стремление к объединению отдельных феодальных государств.

Несмотря на эти отличия, провести резкую грань между политикой обеих линий княжеского дома довольно трудно, так как и Ольговичи, потомки одного из Святославичей, знаменитого Олега Гореславича «Слова о полку Игореве», часто выступают инициаторами воссоединения давно уже распавшихся «лоскутьев» «скороспелой империи Рюриковичей».

Через год после битвы у Нежатиной Нивы Святославичи вторично пытаются отобрать захваченную у них вотчину — Чернигово-Северскую землю. На этот раз неудачник Олег оставался в Тмутаракани, а поход возглавил Роман Святославич. Снова в качестве основной силы князей-изгнанников выступают половцы. По-видимому, сама княжеская дружина состояла из пестрой в этническом отношении толпы воинов-дружинников, в числе которых были и русские, и ясы, и касоги, и хазары. Последние сыграли большую роль в этом походе Романа, да и во всей жизни изгнанников Святославичей. Разгромленный Святославом и добытый походом византийцев и русских 1016 г. Хазарский каганат перестал существовать, но многочисленное население хазарских городов и остатки собственно хазар, некогда господствующего класса Хазарии, продолжали жить в селениях и городах нижней Волги и на Северном Кавказе. Хазарские дружины, в известной своей части, сменили службу кагану на службу тмутараканскому князю. Но в их среде, по-видимому, были еще сильны стремления, если не к реставрации каганата, что было уже невозможно и им не под силу, то, во всяком случае, к ликвидации владычества русских князей на Северном Кавказе. Поэтому нет ничего удивительного, что среди хазар Тмутаракани (очевидно, довольно многочисленных), служивших в дружине тмутараканских князей или торговавших в самой Тмутаракани, Корчеве и других городах Кавказа и Крыма, была определенная и немалая группа людей, которая и старалась отомстить русским за разгром каганата. Византия также с большим опасением следила за ростом могущества тмутараканских князей, за укреплением сильного соперника на берегу Черного и Азовского морей, все ближе и ближе подбиравшегося к ее торговым городам и колониям. Византия не прибегала к оружию, не начинала войну сама, а действовала путем подкупов, через подсланных убийц и т. п. Один случай подобного рода расправы византийцев с тмутараканским князем мы уже

235

приводили, теперь расскажем о другом. Вполне естественно, между недовольными хазарами Тмутаракани и Византией, с тревогой следившей за Тмутараканью, установился союз, ставивший своей целью расправиться с укрепившимися в Тмутараканской земле Святославичами. В Тмутаракани созрел заговор, осуществить который должны были хазары, хотя инициаторов его следует искать в Византии.

Третьим врагом Святославичей выступил Всеволод, который, очевидно, был осведомлен о заговоре в Тмутаракани против Олега и, естественно, не только не противодействовал ему, но всячески поддерживал и его результатом, как мы увидим дальше, не замедлил воспользоваться.

В 1079 г. со своей многочисленной и, очевидно (в известной части своей), не совсем надежной дружиной, с половцами, составлявшими главную силу, надавав им больше обещаний, чем он смог выполнить, Роман Святославич направляется из Тмутаракани через степи к границам Переяславльского княжества, где у городка Воинь

он встретился с вышедшими ему навстречу ратями Всеволода. Тут-то, очевидно, и выступили хазары, участники заговора. Не без их помощи половцы вступили в переговоры со Всеволодом и сумели добиться заключения с ними мира, выбив таким образом из-под ног Романа почву. Это было тем легче, что Роман только давал обещания, тогда как Всеволод мог дать и несомненно дал нечто уже реальное. Этим была решена судьба и похода и самого Романа. Хазары оказались, по словам летописца, «светници на убьенье» Романа, да и сам Всеволод, подстрекал половцев к его убийству. И половцы действительно на обратном пути затеяли с Романом ссору и, воспользовавшись упреком в измене, брошенным их вождем князем, — убили Романа.¹ Начав дело, хазары должны были его и закончить и, по сообщению летописи, «Олга емше Казаре и поточиша и за море Цесарюграду». За участие Всеволода в заговоре, организованном Византией и тмутараканскими хазарами против тмутараканских Святославичей, говорит то обстоятельство, что Всеволод был хорошо осведомлен о всех делах в Тмутаракани, и как только последний Святославич, в качестве пленника, отплыл в Византию, Тмутаракань не стала ни самостоятельным государством, ни, областью, принадлежащей Византии, а немедленно получила от Всеволода посадника Ратибора. Тмутаракань становится, правда на очень короткий срок, колонией Киевского княжества. Следом недолговременного посадничества Ратибора являются вислые свинцовые печати с надписью «от Ратибора» и изображением св. Климента, одновременно найденные одна в Ени-Кале, под Керчью, две на Тамани, одна под Севастополем и одна под Киевом.² Тмутараканским епископом назначен был Нико-

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 196; Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 136.

2 Орешников. Материалы к русской сфрагистике // «Труды Московского нумизматического о-ва». Т. III, табл. II, 15; Т о л с т о й И. И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского // Русские древности. Вып. IV. С. 172; Р е п н и к о в И. И. О древностях Тмутаракани // Труды Секции археологии / РАНИОН. 1928. Т. IV.

Ратибор впоследствии неоднократно выступает на политической арене. В 1095 г., при Мономахе, он громит половцев, в 1100 г. едет к Давиду Игоревичу с решением Витичевско-го съезда, в 1113г. участвует в составлении «Устава» Мономаха. Н. И. Репников замечает, что Ратибор — его языческое имя, а печать Климента указывает, что его христианское имя было Климент. Ратибор, игравший в событиях 1095 г. крупнейшую роль, — богатый боярин, имеющий свою «чадь» — дружину («чадь» — собственно и «чадь» — домочадцев),

236

лай. В это время усиливается влияние Киева в Тмутаракани. Киевские купцы чаще начинают посещать Тмутаракань, о чем свидетельствуют находки на Тамани, на месте древней Тмутаракани, камня-балласта из породы, залежи которой есть только под Киевом. Недаром и находки Ратиборовых печатей протянулись цепью по Днепру, Крымскому побережью и закончились Таманью, т. е. расположились по пути киевских купцов, плывших с товарами в Тмутаракань по Днепру и вдоль южного побережья Крыма.

Попытка Киева упрочить свое политическое владычество на Северном Кавказе не была продолжительной. В 1081 г. Тмутаракань снова становится владением князей-изгнанников. Летопись под этим годом сообщает: «Бежа Игоревич Давид с Володарем Ростиславичем, месяца мая 18 день, и придоста Тмутараканю и яста Ратибора, и седоста Тмутаракани».¹ Володарь имел даже некоторое право претендовать на Тмутаракань, так как он был один из тех трех Ростиславичей, отец которых в бытность свою князем Тмутаракани был отравлен котопаном-греком. По

смерти Ростислава его жена, дочь венгерского короля, уехала с согласия Изяслава домой в Венгрию, но сыновья — Рюрик, Володарь и Василько, — по сообщению Татищева, были оставлены Изяславом на Руси.²

Между тем обстоятельства, очевидно, сложились благоприятно для Олега. Нужно заметить, что Олег, предательски схваченный и отправленный в Царьград, там оставался недолго, а был сослан на остров Родос. Об этом мы узнаем из «Путешествия игумена Даниила по св. земле в начале XII века», которому родосцы показывали места, где жил Олег «две лета и две зимы». «Та же Род остров велик велми и богат всем: в том бо острове Олег, князь Русский, 2 лета и 2 зимы».³

Во время пребывания Олега Святославича на Родосе Византия резко изменила свою политику по отношению к тмутараканскому князю и, очевидно, заключила с ним какой-то договор. Что это был за договор, и какие обязательства брал на себя Олег (именно он, а не Византия, поэтому договору взял на себя определенные обязательства), мы не знаем, но не без поддержки Византии Олег снова в 1083 г. очутился в Тмутаракани. Не может быть и речи о бегстве Олега с Родоса, так как, во-первых, летопись сообщает именно о том, что он «пришел» в Тмутаракань, и о бегстве совсем не упоминает, а во-вторых, Олег на Родосе, по-видимому, пользовался свободой и авторитетом, так как именно оттуда он вывез вторую свою жену (первая была дочерью половецкого хана) — аристократку-гречанку Фео-фанию Музалон. Она сопровождала своего мужа в его поездке в 1083 г. из Родоса в Тмутаракань, и там она стала тмутараканской княгиней. Известна ее свинцовая печать с греческой надписью «Господи, помози рабе твоей Феофании Музалон, архонтиссе Руси».⁴ Очевидно, для греков Тмутаракань

отроков, вооруженных слуг и холопов, энергичного сына — Ольбега Ратиборича («Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 219—222, 264).

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 198.

2Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 119.

3 Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII в. Изд. Археогр. ком. Ак. наук, 1864. С. 7.

4Лопарев Х. М. Византийская печать с именем русской княгини // «Византийский временник». 1894. Т. I; Т о л с т о й И. И. О византийских печатях Херсонесской фемы //

237

с ее Крымскими владениями, и прежде всего Корневом, была собственно «Русью». В родосской ссылке Олег несколько успокоился и вместо прежних, плохо организованных налетов решил подготовить мощный удар, который бы вернул ему его «вотчину». Для этого надо было обезопасить тыл и заручиться поддержкой Византии, во избежание повторения прежних неудач. Поэтому мы не считаем возможным согласиться с догадкой Голубовского о том, что черниговцы и тмутараканцы выкупили своего князя.¹ Очень сомнительно, чтобы тмутараканцы — эти воины-грабители, дружинники, купцы — и вообще вся многочисленная и многоязычная Тмутаракань успели так сблизиться не только с Олегом, но с каким-либо другим князем вообще, чтобы пойти на его выкуп. Также вряд ли можно предполагать у тмутараканцев социальные симпатии к Олегу и такую организованность, которые могли бы служить основанием для подобного утверждения. Не приходится говорить и о том, что Чернигов был слишком далек от Византии, и под неусыпным взором Мономаха вряд ли мог создаться подобного рода план выкупа. Разрешить же черниговцам выкупить Олега для Мономаха было равносильно подписанию смертного приговора самому себе. Во всяком случае на воле оказался бы сильнейший и злейший враг, упрятать которого подальше стремились и Мономах, и его отец. Вернувшись же,

как мы видели, при поддержке Византии снова в Тмутаракань, Олег продолжает свою политику обеспечения тыла в грядущей войне в Приднепровье и освоения Тмутаракани. Прежде всего он захватил Давида и Володаря и затем отпустил их домой, позабыв, очевидно, что дома-то ни у того, ни у другого не было, а сам расправился с хазарами, выдавшими его и брата. После казни хазар (летопись сообщает, что Олег их «иссече») князь Тмутаракани не предпринимал ничего решительного и занимался тщательной подготовкой своего удара на Приднепровскую Русь, собирая силы и выжидая удобный момент. С 1083 по 1094 г. мы не имеем никаких сведений о том, что делал Олег в Тмутаракани. Олег никуда не отлучался из Тмутаракани, и его княжение по своему характеру, очевидно, напоминало времена Ростислава с такими же сборами дани с ясов, касогов, хазар и других горских и степных племен, с пошлинами, взимаемыми с купцов в этом международном торговом городе. Кроме этого, Олег занимался подбором дружины, ядра будущих войск, которые он собирался вести на Русь, и подыскиванием себе союзников. Этими союзниками, по-видимому, должны были стать, несмотря на свою былую измену, половцы. Одной тмутараканской дружины для борьбы за «отчину» было недостаточно, а пройти через половецкие степи не только без союза с половцами, а даже без их дружелюбного нейтралитета было невозможно. Половецкие симпатии Олега, зародившиеся еще ранее и положившие начало специфической половецкой политике Ольговичей, в эти годы упрочились. Большой город, крупнейший торговый пункт, с пестрым и энергичным населением, стык восточной и византийской культуры, наложил определенный отпечаток и на князя. Нельзя забывать еще одного обстоятельства, очень важного для

Записки Русского археол. о-ва. 1885. Т. II; Р е п н и к о в Н. И. О древностях Тмутаракани // Труды Секции археологии. РАНИОН. 1928 Т. IV.

Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 87.

238 понимания некоторых особенностей политики Олега. Византия в его время уже не была в таком состоянии, чтобы у нее можно было отбирать целые области (речь идет, конечно, только о крымских владениях Византии), как во времена Ростислава. Трагическая смерть Ростислава, убийство Романа, продолжительный плен Олега достаточно ярко свидетельствуют о том, как относилась Византия к попыткам экспансии в ее пределы. Олег, испытавший на себе могущество Византии и получивший снова Тмутаракань едва ли не из ее рук, не мог и думать о возобновлении политики Ростислава. Перспектива расправы похуже той, которая была учинена над ним подкупленными Византией хазарами, вряд ли была заманчивой для Олега, и в его княжение Византия могла быть спокойна за свои Азово-Черноморские владения. Но, хорошо изучив дипломатию Византии и зная, на что способны ее вельможи, Олег стремился найти себе для борьбы с Киевом союзников на востоке, в степях, где угодно, но только не на юго-западе и западе, в Византийских владениях, прилежащих к Тмутаракани. Лучше было опять иметь дело с половцами, которые, очевидно, как союзники, были бы верны и во времена похода Романа, если бы не вмешались Византия и киевский князь.

К этим годам княжения Олега относится и чеканка им монеты. Разновременно найдены на Тамани три серебряные монеты с изображением архангела Михаила и четырехстрочной славянской надписью на другой стороне: «ГИ ПО /МОЗИ/ МИХА/ИЛ», представляющей собой, как и почти все славянские надписи тмутараканских времен в Крыму и на Тамани, славянскую эллинизированную надпись.¹ Эти монеты и есть монеты Михаила-Олега Святославича. На Тамани был найден кружок из серебра с родовым знаком, напоминающим знак Всеволода Ольговича и с надписью «Г.О.М.О.З.И.», а на нижнем течении Кубани — свинцовая

печать с греческой надписью и именем архонта Михаила, т. е. того же Олега-Михаила, князя тмутараканского.

Так как целое десятилетие летопись оставляет Тмутаракань в тени, обратимся к Северной земле. Но перед этим один маленький характерный факт. Изгнанный из Тмутаракани Давид в 1084 г. у Олешья, на берегу Черного моря, захватил греческих купцов и отнял у них имущество.² Подобное хозяйничанье князя в одном из важнейших транзитных пунктов великого водного пути «из варяг в греки», по которому ходили караваны «гречни-ков» и на охрану которого князья высылали целые отряды дружинников, не улыбалось Киеву, и поэтому Всеволод поспешил поскорей отделаться от Давида и дал ему Дорогобуж.

Тмутаракань, Олешье, Берладь — образования, хотя и неравноценные, но в некотором отношении чрезвычайно сходные. Это — своеобразные «окраины с промыслово-торговым населением, где государственная власть исключительно в руках того, за кем в данный момент сила, где нет своих наследственных княжеских линий, где феодальная дружина собирает дани с окрестных племен и наживается от обложения охраняемых ею торговцев. Все они являются убежищем князей-изгнанников, и здесь

¹Репников Н. И. У к. соч.

² «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 199.

239-

живет, ловит рыбу и охотится, пасет скот и жнет на полях свободный люд, своеобразная вольница, часто присоединяющаяся к князю-изгнаннику. Князь-изгнанник, с немногочисленной дружиной авантюристов-кондотьеров, в этой среде и набирает себе необходимое пополнение из стремящейся к наживе массы пестрого, многоплеменного, свободного и полусвободного, бродячего и оседлого, полукочевого и промыслового люда. Олешье тоже сулило доходы, и поэтому Давид не преминул его ограбить и дважды выиграл: он не только разбогател, но и получил княжение.

В Чернигове сидит Мономах (1078—1094 гг.). Он борется с князем Все-славом, «обжегшим» в 1078 г. Смоленск. Несмотря на то, что Мономах пытается вместе с черниговцами догнать его «о дву конь», князь-чародей, волхв, колдун, как рисует его летопись и «Слово о полку Игореве», ухитрился скрыться, и Мономах «пожег землю его». Мономах с черниговцами и родом Читеевичей ■ — торками, ушедшими «ис половец», — громит Минск, не оставив там «ни челядина, ни скотины».

«На ту зиму», после нападения на Полоцкую землю, Мономаху из Чернигова пришлось выступить против половцев, которые «повоеваша... Ста-родуб весь». Мономах с черниговцами и половцами (очевидно, это были союзные черниговскому князю половцы, по-видимому, кочевавшие и даже постепенно оседавшие на землю где-то в пределах Чернигово-Северского княжения, как это было и с их предшественниками-торками, печенегами и отчасти уграми) идет навстречу им и у Десны разбивает орду половецких ханов Асадука и Саука, а их самих берет в плен. Наутро Мономаху удалось за Новгород-Северском рассеять «силны вой Белкатгина, а се мечи и полон весь отъяхом».¹

Не менее интересны события, происходившие на северо-восточной окраине Чернигово-Северской земли. Рязань, как мы уже указывали, по-видимому, еще Святославом была предназначена Ярославу. Всеволод подтвердил его право на владение этой землей, где во всяком случае уже в 90-х годах XI в. начинается деятельность князя Ярослава. За это говорит то обстоятельство, что в 1095 г. был «заложен град Переяславль Рязанский у церкви св. Николы Старого»; причем, по указанию Герберштейна, Переяславль Рязанский раньше носил название Ярослава, или Ярославля.² Таким образом, само название города было связано с именем его осно-

вателя — Ярослава Святославича. Другое дело — Муром. Его судьба в конце 70-х годов и в начале 80-х годов неясна, и кто там был, как управлялся этот город — неизвестно. Муром был выстроен как крепость среди покоряемых племен, как форпост для захвата все новых и новых территорий и новых масс обитателей Поволжья и как опорный пункт в торговле с Болгарским царством. В 1088 г. «възяша болгаре Муром». Чем объяснить этот захват? По Татищеву, на Оке и Волге в то время были сильные разбои, наносившие ущерб болгарской торговле. Болгары посылали к Ярославу и Олегу посольство с просьбой принять меры к установлению безопасности для торговых караванов. Не получив ответа, болгары взяли

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 239. 2Иловайский Д. История Рязанского княжества. С. 27.

240

Муром.¹ Соловьев принимает это толкование, так как «нет оснований отвергать, чтобы в это время не было ушкуйничества, которое мы видим в такой силе после».² Понятно, почему разбои усилились именно в эти годы: княжеско-дружинная власть в это время в районе Мурома была значительно ослаблена. Разбои могли разрушить торговлю, так как ограблению подвергались и русские и болгарские купцы. За эти разбои, по мнению болгар, должны были отвечать те, кто княжил и управлял в стране. Но так как здесь в то время князья действительно только княжили, а не управляли, то понятно, почему Муром был взят болгарами. Детали похода болгар нам неизвестны. По-видимому, существует связь между восстаниями покоренных племен Поволжья, происходившими в это время, и выступлением болгар. Этими восстаниями болгары воспользовались как очень удобным поводом для захвата Мурома. Факт захвата Мурома особенно интересен потому, что в нем сказались две стороны тогдашней жизни этого края. В Муроме правила русско-муромская феодальная верхушка, подчинявшая себе отдельные племена и превращавшая основную массу местного населения в смердов и тем вызывавшая не только недовольство поработаемой массы, но и отпор со стороны отдельных племенных вождей, которые, пытаясь сохранить свою самостоятельность, ориентировались, если не на город Булгар, то во всяком случае на соседние болгарские аванпосты с родственным болгарам населением. Болгары в Муроме держались недолго, и выбил ли их кто оттуда, или они ушли сами — неизвестно. Во всяком случае тогда, когда Олег Святославич вышел из Тмутаракани, в Муром были направлены его посадники. Вообще еще следует отметить, что Муромо-Рязанская земля с областью вятичей даже в начале XII в. напоминала «Деревскую землю» в первой половине X в. Эту землю князья вместе со своими дружинниками только начинали осваивать, «рубя» городки — деревянные крепости, облагая данью население, основывая свои феодальные хозяйства с трудом «челяди» и силой оружия вводя христианство. Но далеко не повсюду еще успел проникнуть меч феодала. Оставались еще громадные покрытые лесом пространства, где жили смерды-общинники, где патриархальный уклад не успел еще полностью разложиться, где семейные общины и выселки — малые семьи сосуществовали в верви, где оставалось варварское общество и племенные князья, еще не превратившиеся в господствующий класс. Мономах упоминает о том, как ему пришлось бороться в земле вятичей, принадлежащей ему как черниговскому князю, с вятичским племенным князьком. «А в вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его».³ Выше мы уже высказали свое суждение по вопросу о так называемой «архаичности» вятичей, которую, конечно, следует признать, отмечая все же отсталый и замедленный, быть может, но несомненно идущий независимо от каких бы то ни было передовых центров древней Руси, процесс распада рода и зарождения классового общества (а следовательно, и всего того, что с этим последним связано) и в землях вятичей. Здесь этот процесс был настолько

Татищев С. История Российская. Т. II. С. 140.

2 Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. II. С. 312.

3 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 239.

241

замедлен, что возглавить его пришлось главным образом черниговским и отчасти рязанским и ростово-суздальским феодалам. Эти черниговские, рязанские и ростово-суздальские феодалы частью впитали в себя слабую и немногочисленную верхушку вятичей (то ли уже феодализирующе-гося типа, то ли еще родовую знать), частью ее истребили, как это сделал Мономах с Ходотой и сыном, и как это сделала его предшественница Ольга с Малом, князем древлянским, и его лучшими», «нарочитыми мужами».

Мономах упоминает в своем «Поучении», что еще при жизни своего отца Всеволода он был посажен на некоторое время в Переяславле, «перед братьею». В этом сообщении вызывает сомнение то обстоятельство, что Мономах все же оставался черниговским князем, и «братии» у него не было, а только один брат Ростислав. Соловьев, с нашей точки зрения, правильно распутывает этот узел противоречий тем, что принимает чтение «перед ратею», так как действительно, сейчас же после фразы о вокняже-нии Мономаха в Переяславле идет описание похода его на половцев.¹

В 1093 г. умирает Всеволод. Летопись сообщает, что под конец своей жизни Всеволод «нача любити смысл уных, съвет творя с ними; си же на-чаша заводити и негодовати дружины своя первая и людем не доходити княже правды, начаша ти уные (по Ипатьевской летописи «тивуне». В. М.) грабити, людей продавати».² Это изменение в социальном окружении князя обусловлено прежде всего укреплением феодализма. Растут и расширяют свои границы феодальные земельные владения. В XI в. преобладающее значение получают княжеская, боярская и церковная вотчины, со слугами и младшими дружинниками, привилегированными холопами, старостами, тиунами, ключниками и пр., с одной стороны, и со смердами, закупам, холопами, рядовичами, вдачами, зависимыми ремесленниками, с другой. Ранее, наряду с собственным хозяйством феодала, с трудом «челяди», в состав которой входили и рабы, и закабаленные, и слуги, большую роль в обогащении бояр играла дань, собираемая со смердов-общинников, которой делился с ними князь. Князья и бояре-дружинники в IX—X вв. были владельцами еще немногочисленных «городов» и сел «с челядью» (под этим термином понималось тогда очень пестрое объединение людей от дружинника-воина типа гридина, детского, слуги до рабов).

Князья собирали дань, ходили в полюдье, наживались от походов, которые занимали видное место в деятельности князя и бояре-дружинников. От этих походов князья получали богатую добычу, в виде взятых в «полон» рабов, которых они частью продавали, а частью сажали на земли.

Теперь, в XI в., князья уже «осваивают» свою землю, расширяют свое хозяйство за счет захватываемых у смердов земель, причем они экспроприируют не только землю смерда, но и его самого, его личность, его свободу, и закабаляют смердов долговыми обязательствами. Феодализм растет вширь и вглубь, охватывает все новые и новые районы, все новые и новые слои населения и устанавливает новые формы феодальной зависимости. Феодальная дружина делится на три лагеря: древнейшая, «первая», «стар

¹ Там же. С. 239—240; Соловьев С. Ук. соч. С. 317—318.

²

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 209.

242

шая» дружина, землевладельцы, хозяева «челяди» и «огневщины», выделившие из своей среды князя и сплотившиеся вокруг него. Некоторые исследователи считали,

что эта часть дружины сперва, в исторической последовательности, выступает как дружинники, а затем уже как люди, владеющие землей и людьми. Утверждать так, значило бы признать, что сперва возникает государственный аппарат, а затем классы, и во-вторых, признать, что эта часть дружинников — люди без рода и племени и уж тем более без какого-либо недвижимого имущества, пришедшие на Русь вместе с первыми князьями-завоевателями, очевидно, варягами. Лишь тогда, когда их старая система обогащения в форме сбора даней и грабежей в походах потерпела фиаско, они стали обзаводиться имуществом: землей, двором, селами, пашнями, угодьями и т. д. и, прежде всего, «челядью», людьми, на эксплуатации рабочей силы которых строится их хозяйство. «Передняя», «старшая» дружина была именно, прежде всего, результатом разложения общины и выделения классово-господствующей верхушки и, таким образом, не могла не быть экономически могущественной. Ее экономическая база состояла главным образом из двух элементов: земли и людей. Вторая группа дружинников, идеология которых сквозит в летописи, — действительно воины-дружинники, не землевладельцы, а воины, все имущество которых заключается в награбленных ценностях, в военной добыче и дани, которой делится с ними князь. Их жизнь проходила в походах, их богатство зависело от удачи. Война — источник их обогащения, и они отнюдь не стремятся к ведению хозяйства в вотчине. Они не землевладельцы. Первая — «старшая», «передняя» — дружина вместе с укреплением и ростом своего феодального хозяйства все больше и больше отходит собственно от персоны князя, собираясь в его горницах лишь от случая к случаю, все больше и больше углубляясь в интересы «земли», в интересы своей вотчины. Эта часть боярства сливается окончательно, за редким исключением, с земским боярством, в городах — со «старцами градскими», а во всей земле — со «старой», «нарочитой чадью», «лучшими» людьми. Когда-то, в далеком прошлом, «передняя дружина» сама вышла из подобной же верхушки, из феодализирующейся полуродовой «старой чади», «старцев градских», «вячших». Но времена далеких походов Олега, Игоря, Святослава оторвали ее от «земли», от хозяйств, и лишь со времен Владимира «передняя дружина» получила возможность целиком заняться вотчинным хозяйством. Происходит слияние «земского» и дружинного боярства, причем отныне единое боярство подчиняется князю. Так было в Киеве, Чернигове и во многих других местах. Иную картину представляет собой социальный строй Новгорода, Пскова, Ростова. Богатое, могучее боярство, слившееся воедино, представляет теперь «землю», и с ним вынуждены считаться князья. На примере Черниговской земли это положение полностью подтверждается.

С другой стороны, князья также усиленно занимаются своим хозяйством: пашнями и лугами, дворами и бортями, скотоводством и ремеслами и т. п. И вот тут-то для надобностей управления создается особый тип дружинника, частью из числа привилегированных рабов, холопов, из слуг-челядинов: это тиуны, старосты и пр., которые могут быть одновременно детскими, отроками, пасынками, напоминающими Владимирову гридьбу,

243 полуслуг-полувоинов. «Старшие дружинники», отрывавшиеся от своих хозяйств длительными походами князей в предшествующее столетие, ныне всецело заняты устройством своего феодального хозяйства и постепенно теряют непосредственную связь с княжеским двором. Княжеский двор и княжеское хозяйство в целом начинают играть все большую и большую роль. Последнее обстоятельство способствует возвеличению слуг и привилегированных холопов, обслуживающих княжью вотчину, столь ярко представленную в «Русской Правде» Ярославичей. Эти слуги-«челядины» — тиуны, ключники, кормильцы, старосты и т. д. — выступают в мирное время в качестве управителей княжеского хозяйства и его доверенных лиц по

управлению всем княжеством: мечников, даныщиков, вирников, посадников и т. п., а в военное время они составляют основное ядро княжеской дружины: «децких», «отроков», «молодшую дружину», генетически связанную с древней гридьбой, хотя этот термин существует еще и в XI—XII вв. И недаром «уные» рассматриваются летописью, в частности Ипатьевской, как княжеские «тиуны». Из их среды князь и вербует своих «съветников», помощников-слуг. И на второй план отходят «мужи хороборствующие», участники походов отцов и дедов современных князей, деливших с ними военной добычей, данью и плативших им жалованье. «Мужи хороборствующие», дружинники варварских времен, мечом добывающие себе средства к жизни и богатство, вместе с последними остатками варварства уходят в прошлое. И лишь кое-где в летописи воспоминанием о былых временах звучит упрек летописца, явно симпатизирующего им, а не «молодшей дружине», дружинникам-тиунам, направленный по адресу князей конца XI и начала XII в.

Эти изменения в соотношении сил в самой среде феодалов-дружинников, происшедшие в XI в. и отмеченные с горечью составителями «Повести временных лет» по отношению к Всеволоду, характеризуют последнего как князя «своего века», полностью воспринявшего все изменения в развитии феодальных отношений и соответствующим образом перестроившего всю свою политику. Летописец противопоставляет старые времена новым, старых князей его современникам. «Ти бо князи (старые князья. В. М.) не собираху много имениа, ни творимых вир, ни продажъ воскладаху на люди, но оже будяше праваа вера, и ту возмяше дая дружине на оружие. И дружина его кормяшеся, воююще иныа страны, бьющеся: «братие, потягнем по своем князе по Русской земле». Не жадаху «мало ми есть, княже, двесте гривен», не кладаху на свои жены златых обручей, но хожаху жены их во серебре».¹

Во времена Всеволода Переяславльская земля еще в какой-то мере сохраняла свою политическую самостоятельность в отношении Киева, но она почти полностью исчезает при его преемнике. Специфической особенностью Переяславльской земли, отличающей ее от Черниговской, является то обстоятельство, что она гораздо больше подвергалась налетам и набегам со стороны половцев и, с другой стороны, в этой пограничной со степью области большое значение начинают играть частично осевшие на землю, частично продолжающие еще кочевать, лишь постепенно переходя

¹ ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись, с. 266—267.

244

к оседлости, племена и отдельные колена кочевников — печенегов, торков и отчасти даже половцев. Некогда, в 1055 г., обрушившиеся у Воиня на территорию Переяславльского княжества торки, господство которых в степях было сломлено половцами, в значительной своей части постепенно переходят границы Переяславльской области, оседая на землю. Они вели полукочевой, полуоседлый образ жизни, строили города и, превратившись из чужеродного тела в единое неразрывное с феодальным организмом русского Приднепровья, постепенно ассимилировались с местным населением, в основном уже русским, несмотря на всю пестроту населения Переяславщины. Тюркский элемент, происхождения гораздо более древнего, нежели переяславльские торки и прочие племена и роды «черных клобуков», несомненно силен в Переяславльской земле с давних пор, и его укреплению способствовало появление и расширение черноклобуцкого населения окраинной Переяславщины. Во второй половине XI в. происходит укрепление тюркских элементов, которые поселились на данной территории в глубокой древности. Торкам предшествовали печенеги. Разгромленные русскими князьями в 1060 г., добытые половцами остатки печенегов и торков частично были вынуждены покориться половцам, новым, несравненно более сильным хозяевам степей, частично перейти Дунай, где и началась

борьба кочевников с Византией и между собой, но известная часть их все же подошла к границам Переяславльской земли.¹ Под 1080 г. летопись сообщает нам следующее: «Заратиша Торци Переяславльстии на Русь...». Для того чтобы торки получили прозвище «переяславльских», нужно, очевидно, предположить, что они не были уже врагами для Переяславльского княжества. Торки носили название «переяславльские» потому, что они входили в состав населения Переяславльского княжества. Поэтому вряд ли возможно предполагать, что приведенное выше указание летописи свидетельствует о столкновении торков с мономаховой дружиной где-то в степях. Нет, торки входили уже в состав населения Переяславльского княжества и стали довольно давно вассалами князя, и в данном случае мы имеем дело не с походом, а с восстанием торков. Это тем более очевидно, что причин для восстания было достаточно, и их следует усматривать хотя бы в уничтожении той самостоятельности, которой пользовались торки в своих степях незадолго до того, как обстоятельства заставили их бросить Придонские и Приднепровские степи и перейти границу Переяславльской земли. Уничтожение самостоятельности выражалось как в политическом ограничении, в виде обязательства охранять границы, так и в ограничении права кочевать. Последнее ограничение заставляло их все более и более переходить к новому, незнакомому, оседлому земледельческо-ското-водческому хозяйству, характерному для южных окраин древней Руси. После неудачного восстания, разгромленного Мономахом, торки окончательно теряют свою самостоятельность, быстро эволюционируют и приспособляют к окружающей их обстановке свою хозяйственную и соци-

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 159; Г о л у б о в с к и й П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар // История южно-русских степей IX—XIII вв. С. 77—78, 134; Л я с к о р о н с к и й, В. К вопросу о переяславльских торках // Журнал м-ва нар. проев. 1905.

245 альную жизнь. Происходит и процесс растворения тюркского этноса в местной среде, в которой, несомненно, имелся тюркский элемент еще более ранней формации, наложивший свой отпечаток на жителей Переяславщины.¹ Торки, еще в 50-х годах XI в. занявшие район около городка Воиня, в более поздний период оказываются расселенными по более обширной территории. Их мы встречаем у Заруба, Баруча, Горошина, Песоченя и Жолни, причем русское население либо смешивалось с торками, либо сидело в городах, бывших своеобразными крепостями, обязанными следить за несомненно надежным тюркским населением.² Под давлением тюркских племен русское нетюркизированное население стало уходить дальше к северу, хотя, с другой стороны, наблюдается и процес русификации пришедших из степей кочевников.³ Торки не были чем-то единым вообще, а тем более не были едиными переяславльские торки. Мономах воюет в союзе с торками-читиевичами, вышедшими «ис половец».⁴ Читиевичи, очевидно, один из родов торков. Турпеи — также одно из колен или один из родов торков, кочевавший в Переяславльской земле в районе Сакова и Баруча.⁵ То же самое мы можем отметить и по отношению к берендеям.⁶ Тюркский элемент проникал и в Чернигов, где мы находим коуев, «своих поганых», т. е. черниговских половцев, по-видимому, и более древние тюркские племена: печенегов и даже болгар.⁷ В разных местах окраинных со степью княжеств летописные источники упоминают о тюркских племенах, ставших вассалами князей. Киевские берендеи, торки, каепичи и др., переяславльские торки, турпеи, черниговские коуи, рязанские печенеги — не что иное, как роды и колена племен болгаро-аланских, печенежских и торкских. Позже к ним присоединяется и часть половцев — «своих поганых». Все эти «свои

¹Барсов Н. П. География начальной летописи. С. 25, 39—40, 62—63; Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. С. 42, 43, 69; Е г о же. Про культуру

тюрюв нашего степу IX—XIII вв. // Схщш свгг. 1928. № 3—4; Его же. Киевская Русь и печенеги // II Конференция археологов в Херсонесе. 1927; Городцов В. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ., 1901 // Труды XII Археол. съезда. Т. I. С. 214; Срезневский И. И. Русское население степей и южного Поморья XI—XIV вв. // ИОРЯз и Сл. Т. VIII. Вып. IV. С. 319; С п и ц и н А. А. Курганы киевских торков и берендеев // Записки Русского археол. о-ва: Труды Отделения славянской и русской археологии; Середонин. Историческая география. С. 169—170; 175—176, 179, 180; Ляскоронский В. История Переяславльської земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 193, 373; Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. II. С. 83, 336, 338, 345—347, 348—349, 526—550, 584—585; Затыркевич. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование русского государства в домонгольский период, С. 148—152.

2 Голубовский П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар // История южно-русских степей IX—XIII вв. С. 134—135.

3 Там же. С. 135—136; Андрияшев А. Нарис історії колошзаци Переяславльської землі до початку XVI Віку // Записки юторично-фіюлогичного вщщлу. Всеукр. Ак. наук. 1931. Кн. XXVI. С. 14—15.

4 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 241; Грушевский М. С. Історія України-Руси. С. 536—537.

5 Голубовский П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. С. 148—149. М. Грушевский считает турпеев половецким родом. См. ук. соч., с. 534—535. Голубовский П. В. Ук. соч. С. 148.

7 Там же. С. 149—151; Ипатьевская летопись под 1151 г., 1160 г. и др.; Слово о полку Игореве; Грушевский М. С. Історія України-Руси. С. 536—537.

246

поганые» часто носят общее название «черных клобуков». В некоторых местах на окраинах их значение очень велико. Стоит остановиться хотя бы на городах Поросья, заселенных «черными клобуками», городах берендеев, Торческе и других поселениях, принадлежавших кочевникам, все более и более прочно оседавшим на землю, хотя ранее, до XI—XII вв., они были прежде всего номадами. Не затрагивая вопроса об оседании на землю и о печенежско-торкской «колонизации» окраин древней Руси, мы останавливаемся лишь на постепенном освоении кочевниками известной части Переяславщины, на проникновении кочевников в Чернигово-Северскую землю, так как историческое развитие крепкими цепями свяжет надолго в процессе взаимного проникновения и взаимопоглощения и оседлое, в массе своей славянское, русское, и кочевое, в массе тюркское, население. Общественное развитие приведет верхушку «черных клобуков» — князей, старшин, «лучших мужей» — в ряды переяславльского и черниговского боярства, «былей», дружинников, даже в состав княжеских фамилий, тогда как низы кочевого оседающего на землю люда ассимилируются этнически и социально с русским сельским земледельческим населением. Такого рода ассимиляция в действительности и происходила, как бы ни отрицал ее в своем капитальном труде «Історія України-Руси» М. Грушевский, желая хотя бы теоретически сохранить чистоту «украинской» славянской крови. Позднейшие достижения научного анализа, правда, заставили даже этого маститого украинского академика в своих последних работах отказаться от старых взглядов.¹

Переяславльская земля все более превращается в арену борьбы русских с половцами, в княжество-крепость. Под давлением кочевников-половцев русское население то отходит на север, а с ним вместе уходят к верховьям рек, к северу, спасающиеся от своих диких сородичей — половцев, «черные клобуки», то, после удачных походов русских дружин в степи, после ожесточенной борьбы «воев»

(перяславцев, римовцев и т. д.), оно спускается на юг до Ворсклы и Донца. Всякий новый налет половцев отбрасывает отважных поселенцев к северной укрепленной линии. Опустошается и становится безлюдным огромный край. Постоянная борьба с половцами отвлекает Переяславль от внутренних дел Руси. Княжество перестает играть самостоятельную роль, включаясь в орбиту политической жизни Киева.

Остановимся на политической истории Переяславльской Украины. Характерным для истории Переяславльской земли во второй половине XI и начале XII в. является борьба с половцами и усиление кочевых элементов («черных клобуков»), оседающих или еще только кочующих на территории Переяславльского княжества. Само Переяславльское княжество превращается в форпост Киевской земли в ее борьбе с кочевниками, в своеобразную «Украину» Киева. Не случайно в это время уже появляется в летописи термин «Переяславльская Украина». Переяславльский стол становится как бы трамплином к киевскому.

После разгрома переяславльских торков в 1080 г., ожидая нападения половцев, Мономах некоторое время стоит с дружиной в Оброве. Но Мо-

Грушевский М. С. Ук. соч. С. 550—551; Его же. Порайонне історіі Не дослуження Укра'ши.

247 номах стоял здесь напрасно. Половцы, воспользовавшись тем, что внимание князя было обращено в другую сторону, иным путем проникли в русскую землю и принялись опустошать Черниговщину, где особенно пострадал город Стародуб.¹ Мономах громит половцев, а их ханов Асадука и Саука берет в плен. Через некоторое время Мономах «гонимом по по-ловцях за Хорол, иже Горошин взяша».² Не прошло и года, как весной, направляясь к северо-востоку от Переяславля, к Прилукам, где в районе Ромен, Синьца и Снятина можно было ожидать вторжения половцев, Мономах, не доезжая Прилук, внезапно натолкнулся на восьмитысячный отряд половецких ханов. Он уклонился от сражения, так как, не ожидая встретить здесь половцев, дружина его шла налегке, отправив оружие на возах в город. Князю с дружиной удалось проскочить в город и укрыться за его стенами. Половцы не смогли воспрепятствовать маневру Мономаха и ограничились тем, что «толко Семцю яша единого живого, та смерд неколико...». Войдя в город, дружинники Мономаха запаслись оружием, осмелели и начали вступать в стычки с половцами, оттеснили их от реки, и половцы вынуждены были отойти за Сулу. Наутро Мономах двинулся к Белой Веже, где ему удалось разгромить половцев и взять в плен их ханов Асиня и Сакая. Обычно под Белой Вежей Остерской, расположенной недалеко от Прилук, на р. Остре, подразумевают колонию беловежцев-саркельцев, выселившихся с Дона в 1117 г. О том, что в данном случае мы имеем дело именно с Остерской Белой Вежей, а не с Донской, говорит расстояние, отделяющее Белую Вежу от Прилук — около однодневного перехода. Следовательно, эта Белая Вежа не может быть на Дону. И действительно, в XVII в. у истоков Остра было городище Белая Вежа, а в XIX в. — немецкая колония Белемешь, в своем названии хранившая исковерканное старое наименование древнего населенного пункта.³ Обычно ее возникновение связывают с упоминаемым в летописи под 1117 г. переселением под давлением половцев населения Донской Белой Вежи — Сарке-ла, в те времена значительно русифицированного.⁴ Но Белая Вежа упоминается в данном районе еще до переселения донских беловежцев «на Русь», т. е. до 1117 г., ибо упоминание о ней встречается еще в поучении Мономаха детям, памятнике, датированном 1101—1102 годом,⁵ а часть, трактующая о походах, разновременна, и запись о данном походе Мономаха может быть датирована 80-ми — 90-ми годами XI в. Поэтому связывать основание Белой Вежи с уходом русского населения с нижнего Дона нельзя. Во всяком случае, если даже и предположить такого

рода происхождение Белой Вежи, то данное событие придется связать с какой-либо более древней волной переселения. После сражения под Белой Вежей Мономах

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 239; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 299—300.

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 239—240; Ляскоронский В. Ук. соч. С. 300—301.

3Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 8—9; Артамонов М. И. Средневековые поселения на нижнем Дону. С. 88.

4 Ипатьевская летопись. 1908, с. 285.

'Соловьев С. Русская история с древнейших времен. Т. II. С. 337—338; Т. III. С. 760.

248

не только обороняется, но даже предпринимает наступательный поход на половцев и захватывает у Варина их вежи.¹

В эти годы Переяславль, превратившийся в оплот борьбы с половцами, всячески укрепляется: вокруг города возводятся стены, очевидно, уже каменные, строятся каменные церкви и здания, заканчивается строительство собора св. Михаила, у городских ворот закладывается церковь св. Федора и другая, св. Андрея, «и строение банное камено, сего же не бысть прежде в Руси, и град бе заложил камен, от церкви святого мученика Федора и украсил город Переяславльский зданием церковными и прочими зданьи».² Город, действительно, становится неприступным, но окрестности его еще опустошались половцами. Так, например, в 1092 г. были ими разорены Песочен, Перволок и Прилуки.³

После смерти Всеволода в 1093 г., Мономах, предвидя возможные столкновения с князьями в том случае, если он займет киевский княжеский стол, уступает его Святополку Изяславичу, сам уходит в Чернигов, а Переяславль получает Ростислав. Узнав о смерти Всеволода, половцы отправили послов к Святополку с просьбой заключить мир. Не рассчитавший своих сил Святополк, подобно своему предшественнику Всеволоду, «не сдумав с болшею дружиною отнею и стрья своего, совет створи с пришедшими с ним» (т. е. с «молодшей дружиной», слугами и воинами, составлявшими его ближайшую свиту, охрану, слуг и управителей) и, как пришлый князь, незнакомый с условиями борьбы с половцами, допустил ошибку. Он схватил послов и «всажа и в истобьку».⁴ В ответ на этот поступок половцы ворвались в пределы Киевского княжества. И снова разошлась «старшая дружинам, «мужи смыслении», с князем, опиравшимся на «несмыслених», «молодшую дружину». Первые предостерегали князя от похода на половцев, так как они были сильны, и княжеская дружина одна справиться с ними не могла. «Смыслении» говорили: «не кушайся противу им, яко мало имаша вой», на что Святополк, подстрекаемый «молодшими» дружинниками, гордо отвечал, что справится с половцами со своими 700 отроками. На эта князь получил резонный ответ, что будь их у него хоть 8000, и то будет мало. Идеология дружинника, вспоминавшего о былых походах князей, объединявших дружинное воинство, сказывается в речах «смыслених», предпочитавших объединенные действия, хотя бы отдаленно напоминающие былые походы князей «готической», варварской, только вступившей на путь феодализации Руси, разрозненным выступлениям, междоусобицам, феодальным войнам, милым сердцу князей и «молодшей дружины», отражающим уже новую ступень в развитии общества — консолидировавшийся феодализм и соответствующую ему форму государственной организации — феодальную раздробленность. В конце концов уговоры «передней дружины», «большей дружины», действительно имевшие смысл,

подействовали на князя, недостаточно ориентировавшегося в конкретной политической и военной обстановке. Несмотря на

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 240.

2 Там же. С. 202.

3 Там же. С. 208.

4 Там же. С. 210—211.

249

подстрекательство своих «уных», он вынужден был пригласить на помощь Мономаха. Последний соглашается и приказывает Ростиславу двигаться из Переяславля на помощь Святополку, а сам подходит к Киеву. Здесь сказались разногласия среди самих князей, державшихся по отношению к половцам различной тактики. Снова на страницах «Повести временных лет» ярко выступает идеология воинов-дружинников. Именно они обращаются к князьям со словами: «Почто вы распря имаша меж собою, а погани губят землю Русьскую, последи ся уладита, а ныне пойдита противу поганым, любо с миром, любо ратью». Владимир хотел заключить мир, Святополк же стремился во что бы то ни стало сразиться с половцами. Ростислав, очевидно, не имел своего мнения, а всецело поддерживал Мономаха. В конце концов Святополк берет верх, и объединенные рати князей идут по правому берегу Днепра к Триполю. На Стугне князья остановились и собрали совет своих дружин. На совете Владимир, Ян Вышатичь, ставший, очевидно, крупнейшим черниговским боярином со времен Святослава Ярославича и служивший теперь новому черниговскому князю, исконному врагу сына его старого князя, и другие «смыслении», старые воины-дружинники, бывалые и знавшие силу половцев, неоднократно сталкивавшиеся с ними и помнившие еще страшное поражение Ярослави-чей под Альтой, по-прежнему требовали заключения мира с половцами, а «кияне», под которыми следует подразумевать главным образом ту же «молодшую дружину» Святополка, настаивала на переходе через реку и на сражении. Снова решил дело Святополк как старший киевский князь. Русские дружины перешли реку и для похода построились в боевом порядке, на правом крыле шли дружины Святополка, в центре — Ростислава Всеволодовича, на левом фланге — Мономаха. Пройдя валы у Триполя, русские столкнулись с передовыми отрядами половецких стрелков из лука и стали между валами, причем русские лучники, взойдя на вал, начали перестрелку с половецкими. Половцы, в свою очередь, подошли к валу и сейчас же обрушились на Святополка. Как ни храбрились его «уные» «отроки», его «молодая дружина», они первые не выдержали натиска половцев и бежали. Несмотря на то, что Святополк с небольшой группой воинов отчаянно сопротивлялся, бежали и его «кияне», а затем и он сам. Половцы после разгрома отряда Святополка обрушились на Мономаха и Ростислава и обратили их в бегство. При переходе Стугны в брод утонул Ростислав. Его попытка было спасти Мономаха, но чуть не утонул сам.¹ Смерть Ростислава оплакивает «Слово о полку Игореве».

«Не тако ли, рече, река Стугна; худу струю имея, пожрыци чужи ручьи и стругы, растрена к устью, уношу князю Ростиславу затвори Днепр темне березе. Плачется мати Ростиславя по уноши князи Ростиславе: «уныша цветы жалобою, и древо с тугою к земли преклонилось».² Много дружинников и бояр утонуло в Стугне, и Владимир с «малою дружиною» вернулся в Чернигов. Святополк бежал в Триполь (Треполь, Триполье), а оттуда в Киев. Часть половцев ушла громить городки и села, часть же принялась за

¹ Там же. С. 212—213. Слово о полку Игореве / Под ред. В. Ржиги и С. Шамбинаго. Изд. «Academia», 1934. С. 73—74.

250

осаду города торков Торческа. Несмотря на отчаянное сопротивление торков, город, не получая ниоткуда поддержки, так как обоз с хлебом, отправленный осажденным торкам, не смог пройти через половецкий стан, вынужден был сдаться. К тому времени половцы вторично разбили Свято-полка, причем сам он едва спасся, ускакав в Киев «сам третей». Это был полный разгром как русских, так и черноклобуцких поселений южной окраины Киевщины и Переяславщины. Половцы громили городки, уничтожали села, нивы, разоряли землю, жителей убивали или уводили в плен.¹ Вся земля пылала заревом пожаров, всюду бродили половцы, городские жители ожидали своей судьбы, а сельское население пряталось по балкам, оврагам, в лесах. Святополк дорого заплатил за свое упрямство, за то, что не послушал совета старых опытных дружинников, знающих силу половецкого оружия. Легкая победа над половцами, мелькавшая в головах «мо-лодших дружинников», «отроков» Святополка, окрыленных карьерой дружинников киевского князя, выпавшей на их долю, оказалась фантазией, порожденной недостаточным знакомством с врагами. Пыл прошел, купанье в Стугне, а перед этим еще стремительное бегство с Трипольских валов, охладило их головы. Колебавшийся еще ранее Святополк, более умеренный в своих планах, чем его ближайшие соратники и приспешники, одумался еще раньше и поспешил заключить мир с половцами. Пришлось, очевидно, заплатить половцам и дань и вдобавок заключить дипломатический союз с ними, женившись на дочери знаменитого половецкого князя Тугоркана.² Половцы не составляли государства, где бы все племена и колена беспрекословно подчинялись единому центру, и власть Тугоркана не распространялась на всю землю Половецкую.

Воспользовавшись смертью Всеволода и разгромом Мономаха и Святополка, в год заключения последним мира с половцами (1094) Олег Святославич Тмутараканский, в союзе с одним из половецких племен, начал, борьбу за свою «отчину», Чернигово-Северскую землю.³

Олег Святославич сумел воспользоваться ослаблением своих врагов. Он заручился поддержкой Византии, помощью половцев, без которой, силами только своей дружины, он не рассчитывал добиться успеха, и выступил, как только узнал о разгроме половцами окраин Киева и Переяславля и об их хозяйничанье чуть ли не под стенами Киева. Путь его лежал к стольному городу его «отчины», к Чернигову. Восемь дней Владимир бился с Олегом, и его дружинники не допускали половцев в город, «не владуче им в острог», но так как Олег разрешил половцам жечь не поддержавшие его окрестные села и монастыри и, видимо, собирался начать серьезную осаду Чернигова, Владимир, как пишет он в своем «Поучении», якобы в целях сохранения «христианского» населения окрестностей Чернигова и монастырей, ушел из города. Половцы, очевидно по приказанию Олега и своих начальников, не тронули Владимира, когда он с небольшой, меньше чем в 100 человек дружиной, с женщинами и детьми выходил из города, хотя «аки волци» облизывались на ускользящую богатую добычу. Дружина Владимира после

1 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 213—218.

2 Там же. С. 218.

Там же; Соловьев С. Русская история с древнейших времен. Т. II. С. 320.

251

больших потерь на Стугне действительно была немногочисленна. Даже после заключения мира с Тугорканом и другими половецкими князьками и после выкупа из плена своих дружинников у чади (вооруженных слуг) половеца Глеба (кстати сказать, христианина, а следовательно, или уже в те времена русифицированного половеца, что вернее, или ополовечившегося русского) дружина Мономаха была много меньше той, которой он располагал до несчастной переправы через Стугну. В «Поучении» Мономах

свой уход из Чернигова описывает как акт великодушия. На самом же деле с такой небольшой дружиной сопротивляться он все равно не мог, а Олег готовился к серьезной осаде. Поэтому-то Мономаху пришлось пройти через лагерь осаждавших, что и разрешили ему сделать половцы, безусловно, по приказу Олега. Таким образом, великодушие к врагу проявил скорее не Мономах, а Олег. Олег Святославич возвращает себе «отчину» и садится на черниговский стол, а Мономах удаляется в Переяславль, где ему пришлось «три лета и три зимы», в разоряемой половцами стране, испытывать нужду и вести постоянную борьбу с половцами. Половцы приобретают все большее значение в политической жизни окраинных княжеств древней Руси и выступают не только в качестве внешней силы, опустошавшей целые области, но в качестве составной части княжеских дружин принимают участие в усобицах. К концу XI в. половцы очень часто выступают как наемные дружинники, приглашаемые князьями в качестве решающей силы (как, например, половцы Олега Святославича) или вспомогательного отряда. Кроме того, князья стремятся к установлению дружественных отношений с половцами, заключают с ними брачные и дипломатические союзы, чтобы обезопасить свои границы от налетов, а шедшие через степи торговые караваны своих купцов — от ограбления. Олег Святославич, которому пришлось возвращать «отчину» руками половцев, держался по отношению к ним дружественной политики еще во время своего пребывания в Тмутаракани, так как основное ядро его войск состояло из половцев и от них зависел результат его перехода через степи даже в том случае, если бы он решился выступить с одной своей слабой и недостаточной для серьезных военных действий русско-кавказской дружиной. Ставши князем Северной земли после захвата Чернигова, Олег продолжал по отношению к половцам старую политику и стремился предотвратить половецкие набеги путем укрепления союза с ними. Половецкие симпатии северских князей коренятся, таким образом, еще в политике Олега Святославича. Совершенно иную позицию занял Владимир Мономах. Он ставит своей задачей разгром половцев и уничтожение их живой силы. Он предпринимает походы вглубь степей и не только обороняется, но и сам ведет наступательные действия. Мономах совершает походы в степи, кончающиеся разгромом половецких веж и уводом «в полон» половцев. В этом отношении принципиального отличия в налетах половецких ханов и походах русских князей мы не замечаем. Разница лишь та, что половецкие вежи передвигались с места на место, а русские села, деревни и городки стояли до тех пор, пока не сжигались половцами, и снова возникали буквально из пепла. П. Голубовский считает, что метод борьбы с половцами путем мирных сделок, избранный Олегом, был «самый верный и целесообразный».1 Это

Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 94.
252

утверждение историка Северной земли имеет определенное основание, но соглашательская политика Ольговичей создавала известную безопасность лишь для определенной части русской земли, между тем как половецкая угроза для южной Руси вообще оставалась вполне реальной. Политика Мономаха была направлена в иную сторону. Мономах защищал всю русскую землю, а для этого необходимо было разгромить половцев, ибо половецкие набеги все время не прекращались. В результате Переяславльская и Киевская земли, особенно Поросье, подвергаются неоднократным налетам половцев.

Сев в Переяславле, Мономах сейчас же идет в поход на половцев за Римов, где в то время стояли половецкие вежи.1 С похода за Римов Мономах возвращается с большим полоном, и этот поход князя на половцев, располагай мы половецкими летописями, очевидно, был бы описан в тех же тонах, как и налеты половецких ханов

на русские области. Через год, в 1095 г., с предложением мира к Владимиру в Переяславль приходят два половецких хана Итларь и Китан. Итларь с «лепшей дружиной» вошел для переговоров в город, где и остановился у боярина Ратибора. Китан же стал с войском между валами, причем заложником за безопасность Итларя к Китану был послан сын Мономаха Святослав. Присланный из Киева от-Святополка к Владимиру боярин Славата натравил Ратибора и его «чадь» (т. е. вооруженных слуг-челядинов) на половцев, отдыхавших в его доме. С тем же предложением Славата обратился и к Мономаху. Владимир согласился на убийство Итларя. Ночью 23 февраля он послал дружинников и торков выкрасть у Китана Святослава, что те и сделали, а затем, ночью же, врасплох напал на Китана и его воинов и перебил их. Наутро, 24 февраля, Мономах послал отрока Бяндюка к ничего не подозревавшему Итларю с приглашением явиться к нему. Ратибор со своими вооруженными отроками меж тем позвал половцев завтракать в натопленную избу, где их заперли, и ратиборова чадь, проломав крышу, перебила стрелами безоружных половцев, причем сын Ратибора, Ольбег, убил самого Итларя. Сделав это ^«христианское дело», каким, по крайней мере, считали избиение безоружных половецких посланников подстрекавшие, Мономаха Славата, Ратибор, Ольбег и «чадь» ратиборова, Владимир, конечно, знал, что половцы не преминут отомстить за павших, и решил предпринять поход в степи на половцев, напасть самому, чтобы не быть обороняющимся. Владимир и Святополк посылают к Олегу в Чернигов, предлагая ему выступить в поход на половцев вместе с ними, но старые дружественные отношения с половцами и соображения иного порядка заставили Олега только на словах согласиться и сделать вид, что он выступает. На самом деле борьба с половцами в его расчеты не входила, и потому Олег в поход так и не пошел. «Святополк же и Володимир идоста на веже, и взяста веже, и полониша скоты и коне, вельблуды и челядь, и приведоста я в землю свою, и начаста гнев имети на Олега, яко на шедшю ему с нима на погания», — сообщает летопись.² Братья обращаются к Олегу с упреком, что он не пошел с ними на половцев и требуют либо выдачи, либо умерщвления сына Итларя, воспитанника Оле

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 240. 2 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 219—221.

253

га. Олег ив этом отказал Святополку и Мономаху, оставаясь верным своим половецким симпатиям. «И бысть межи ими ненависть». Половцы снова обрушиваются на окраины Киевского и Переяславльского княжеств, воюя у Гургева, в Заросье. В это же время летопись впервые упоминает о деятельности брата Олега, Давида, который сидел в Смоленске. Желая разделить Святославичей и не будучи уверенными в том, что Давид не выступит на помощь брату, державшемуся половецкой ориентации и не собиравшемуся беспрекословно подчиниться своим двоюродным братьям, Святополк и Мономах перебрасывают Давида на княжение в Новгород, а новгородского князя Мстислава Владимировича, сына Мономаха, сажают в Ростов. В Смоленске вокняжается Изяслав Владимирович, другой сын Мономаха. Все эти мероприятия по переброске князей, как совершенно правильно было отмечено еще С. М. Соловьевым, были вызваны стремлением Святополка Изяславича и Владимира Всеволодовича ослабить Олега.¹ На севере, в Ростове, готовился удар, на западе тоже концентрировались, враждебные Олегу силы. Вокруг Олега Святославича стягивалось кольцо, замыкалось враждебное окружение. Единственной областью, где можно было ожидать поддержки, был Рязано-Муромский край, где, в Муроме, сидели посадники Олега, а в Рязани — брат Ярослав. На юго-востоке расстилались широкие половецкие степи, где кочевали друзья и даже родственники Олега, первая жена которого была родом половчанка. Олег не принимал участия в экспансии киевского и

перяславльського князей в степи, нерушимо хранив традиції, очевидно, ще Тмутараканського договору з половцями, не грабив половецькі вежі, і це не могло, з одної сторони, не викликати укріплення чернігово-половецького союзу, а з другої, не спосібствовати всім посилюючійся ізоляції Олега.

В 1095 г. Давид, очевидно не без участя Олега, намагається повернути собі Смоленск, зберігаючи в той же час за собою і Новгород. Він йде до Смоленску, але в цей час новгородці посилають послов до Ростова до Мстислава Володимировича і пропонують йому повернутися, а Давиду, навпаки, не повертатися, і в Новгороді вокняжується Мстислав. Изгнаний з Смоленська Ізяслав Володимирович захоплює Курск, а потім і Муром, звідки вигнає посадників Олега.² Це було вже початком відкритої боротьби з Олегом, і місце для першого удару було вибрано удачно. Чернігівські князі в землі вятичів, муромів, мордв були носителями різного роду «при-мучиваній», і кожен, хто з ними боровся, об'єктивно ставав союзником місцевих «нарочитих мужей». Муром" покорилося не тільки голою силою. Летопись повідомляє, що коли Ізяслав підійшов до Мурому: «Прияша і Муромці і посадника я Ольгова».³ А наступного року Святополк і Володимир вирішили влаштувати інсценіровку ради з Олегом, найкращим результатом якої для Олега була відправка його до поруб, звідки йому, пощастить, не так легко вийти, як з далекого Родоса. В разі відмови Олега підкоритися пропозиції братів, це дало б їм можлив-

Там же. С. 221; С о л о в ь е в С. Русская история с древнейших времен. Т. II. С. 322; Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 156.

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 221—222; Соловьев СМ. Ук. соч. С. 322—323.

³ «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 221—222.

254

ність звернутися до демагогічного маневру і своєрідної апеляції до громадського мніння. Так і сталося. В 1096 г. Олег отримує від братів пропозицію прийти до Києва «урядитися» до Руської землі, до спільних дій проти «поганих», «перед єпископи, перед ігумени і перед мужи отці наших, і перед людьми градскими...». Що залишалося робити Олегу? Іти проти своїх союзників-половців з тими, які всі часи намагаються знову вигнати його з «отчини» і чекають тільки випадку, щоб використати його поступки? Князь-дружинник, який відчував всі перипетії долі, побувавши і вигнанником і узником, ціною терпіння і зусиль, силою тільки меча здобувши собі «отчину», знав вероломство своєї братії, не довіряв гостеприймству навіть своїх братів, тим більше, що один з них недавно показав, як можна рахуватися з ним на закони гостеприймства і на неприкосновенність послов. З боку Мономаха і Святополка це був, несомнено, демагогічний прийом, так як чим же, як не демагогічним «демократизмом» можна назвати пропозицію Олегу прийти на суд духовенства і горожан киевських, де, ніби, князь буде смиренно вислушувати поради не тільки духовних осіб і «мужей» отців своїх, т. є. їх старих соратників, дружинників і радників, але і горожан, — пропозиція, звичайно, льстива вечевим традиціям киевським, але не маюча в собі справжнього демократизма, хоча б і архаїчного, який, звичайно, тільки і був можливий в той час, не більше, ніж щире серцево-душове відповічання князь-дружинника, справжнього феодала Олега: «Несть мене ле-по судити єпископу, ли ігуменом, ли смердом». Відповічання Олега не є тільки лише виявленням його особистого характеру, прямого і грубого характеру воїна-феодала. За ним стояли певні соціальні сили, які і диктували відповічання, видно, з всієї душі сорвавшися з його уст. Цєю соціальною силою було чернігівське боярство, яке летопись називає «злыми советниками» Олега. Звичайно, для летописця-

киевлянина такой ответ могли дать только «злые советники». Для нас в данном случае важно то, что в Чернигове у Олега нашлись эти советники, а ими могли быть только черниговские бояре. Что они могли ждать от киевских событий? Их князя Олега, восстановившего самостоятельность Чернигова, могли либо схватить в Киеве, либо заставить подчиниться себе киевские и переяславльские князья, причем последний сам метил на киевский стол и отнюдь не собирался ни сейчас, ни в дальнейшем возвращать Чернигову его бывшее положение. А для того чтобы поссориться на съезде и начать военные действия, не стоило и ездить в Киев. Мнение «злых советников» — черниговских бояр не расходилось с желанием самого Олега, и поэтому-то, чувствуя под собой опору, Олег дал себе волю и надменно ответил послам, больно стегнув киевскую церковь и прежде всего «киян» по их «демократическим» чувствам, обозвав «киян» «смердами» и не желая считаться с их мнением. Ответ Олега сослужил службу Святополку и Мономаху, создав I вокруг инцидента с Олегом соответствующее «общественное мнение» в Киеве, и князья, якобы вынужденные Олегом, внутренне радуясь, что его резкость и горячность льют воду на их мельницу, еще раз обелили себя в глазах «киян», навсегда обезопасив себя от нападков и упреков в агрессии посылкой к Олегу гонцов с указанием, что так как он не хочет идти на «поганых» и замышляет против них, то они выносят их спор на суд божий.

255

Как расценивать описанный эпизод?

Несомненно инициатором предложения был Мономах. Прекрасно понимая, что залогом успеха в борьбе с кочевниками является единение сил князей, он пытается привлечь на свою сторону Олега Святославича, предложив ему предварительно «урядиться» о русской земле и этим предотвратить усобицу. В этом отношении выступление Мономаха носит положительный характер. Но одновременно необходимо подчеркнуть, что вряд ли Мономах серьезно собирался переносить спор с Олегом на совет «киян», хотя подобный маневр, несомненно, создавал ему популярность и авторитет среди киевлян в такой же мере, в какой он способствовал росту недовольства Олегом. В споре Олег показал себя как типичный князь удельной поры, чуждый общерусским интересам, гордый и спесивый, опирающийся на местное боярство и враждебный низам. Разрыв переговоров между князьями дал толчок к войне. Начались военные действия.¹ Князья идут к Чернигову, который был сдан Олегом без боя. Олег заперся в Ста-родубе, где очевидно, он мог скорей ожидать помощь от братьев, кстати сказать, игравших во всех перипетиях борьбы весьма пассивную роль. Владимир и Святополк осадили Стародуб, упорно сопротивлявшийся в течение 33 дней. Но тщетны были усилия «Стародубцев», т. е. «земского» и городского ополчения, и немногочисленной дружины Олеговой справиться с превосходными силами противника. Олег вынужден был попросить мира, который и был заключен на тех условиях, что он уйдет к Давиду в Смоленск, откуда они оба приедут в Киев на съезд. Мир был заключен не только потому, что осажденные выбились из сил, но и осаждавшие получили недобрые вести. В тылу у них было неспокойно. В мае месяце половцы ворвались в Киевскую и Переяславльскую земли. Боняк сжег княжеский дворец в Берестовом под Киевом, а 24 мая Куря разрушил город Устье в Переяславльском княжестве. 30 мая осадил Переяславль тесть Святополка Тугоркан.² По-видимому, эти нападения были как-то связаны с борьбой князей с Олегом. Была ли это сознательная помощь союзников-половцев Олегу, причем Олег отошел от Чернигова к Стародубу, чтобы выиграть время и дать возможность половцам собраться и ударить на Киев или Переяславль, или же половцы просто воспользовались тем, что внимание князей было отвлечено осадой Стародуба, — сказать трудно. Достоверность первого предположения отнюдь не исключена. На нем настаивает П. Голубовский, мнение

которого, как талантливого и чуткого исследователя, заслуживает внимания.³ Как бы то ни было, субъективно или объективно, половцы помогли Олегу заключить мир, правда, далеко не почетный. Олег идет в Смоленск к Давиду. Летопись по этому поводу дает два противоречивых указания. То она говорит, что «не прияша его Смольняне», как будто он собирался сесть в Смоленске, и он идет к Рязани, а позже, в

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 222; Соловьев С, Русская история с древнейших времен. Т. II. С. 323; Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия С. 95—96; Багалеи Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 172—173; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 310—311.

2 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 222—223.

3 Голубовский П. В. Ук. соч. С. 96.

256

противоречии с первым вариантом, летопись излагает события иначе. Олег якобы берет «воев» в Смоленске, т. е. земское ополчение, и идет к Мурому. На это противоречие обратил внимание Д. Багалеи, но не попробовал его анализировать. Вряд ли Олег действительно собирался сесть в Смоленске. Скорей всего он думал устроить со Смоленской землей то же, что устроил он с Рязано-Муромской, где, несмотря на наличие особого князя, его брата Ярослава, Олег распоряжался как в своей вотчине. Смоленцы дали Олегу понять, что двух князей они не потерпят, тем более, что он всю свою политику собирался построить так, чтобы Смоленск служил только базой, доставляющей ему все необходимое для борьбы за Чернигово-Северскую землю, а это, кроме разорения, ничего Смоленску не сулило. Небольшое «земское» ополчение Олегу все же удалось получить, и с ним он уходит в Рязань к Ярославу, а оттуда к Мурому на князя Изяслава Владимировича. Последний собирает в Ростове, Суздалье и Белоозере сильную дружину и готовится дать отпор. Олег предложил Изяславу очистить Муром, по праву принадлежавший Святославичам, так как отсюда он хотел решать спор с Мономахом, изгнавшим его из «отчины». Изяслав отказался, рассчитывая на свою дружину. 6 сентября 1096 г. под Муромом разгорелся бой. Изяслав был убит, а дружина его разгромлена. Муромцы вынуждены были снова принять Олега. Олег, заковав пленных суздальцев, ростовцев и белозерцев, принялся «воевать» Ростово-Суздальскую землю. Захватив Ростов и Суздаль, Олег в землях своих врагов действовал так, как вообще действовали князья в завоеванной области. Взяв Ростов и Суздаль, он ограбил и сослал многих знатных бояр и купцов, посадил всюду по Муромской и Ростовской земле своих посадников и установил дани.

Другой сын Мономаха, брат убитого Изяслава, новгородский князь Мстислав, направил к Олегу послов с предложением покинуть Ростово-Суздальскую землю, после чего он брался помирить Олега с Мономахом. Захватив Муром, Ростов и Суздаль и рассчитывая овладеть Новгородом («помышляше и Новгород переяти»), Олег в своих планах зашел далеко за пределы борьбы за «отчину» и ни о каком мире не хотел и слушать. Поэтому посольство Мстислава вернулось ни с чем. Тогда Мстислав, «сдума с Новьгородци», пошел ратью против Олега, и его передовой отряд под начальством Добрыни Рагуиловича захватил олеговых даныщиков, собиравших дань в пограничных областях. Здесь воины Добрыни сталкиваются с передовыми отрядами Ярослава, который стоял «в сторожах» на Медведице. Ярослав немедленно же отходит назад и предупреждает Олега о движении Мстислава. Олег отступил к Ростову и, преследуемый Мстиславом, оттуда ушел в Суздаль. Вскоре он и его уступил без боя, предварительно спалив до тла, и ушел в Муром. Мстислав приостановил наступление, не желая врываться на чужую территорию, и направил к Олегу послов с просьбой выпустить дружинников-белозерцев, ростовцев и суздальцев, неудачливых

воинов Изяслава, взятых в плен Олегом, и обещал в таком случае слушать Олега во всем. В то же время Мстислав, как младший и к тому же крестный сын Олега, указал ему, что вмешиваться в его борьбу с отцом он не намерен. Олег решил не отказываться от мира, но не складывал оружия, а ждал, пока Мстислав не распустит свою дружину по селам. Когда дружинники-бояре Мстислава, ввиду прекращения военных дейст-

9 В. В. Мавродин

257

вий, разъехались по своим селам, а их села были расположены недалеко, так как Мстислав набирал дружину тут же, среди уstraшенных расправой Олега с изяславовыми боярами ростовских, суздальских и белозерских бояр, а сам Мстислав мирно выжидал конца переговоров с Олегом, сидевшим в Муроме, — Олег неожиданно для него появился с ратью на Клязьме. У Мстислава даже не были выставлены сторожевые посты, и Олег рассчитывал своим неожиданным появлением вынудить Мстислава бежать. Но Мстислав сумел сохранить ядро своей дружины и в два дня собрал новгородских, ростовских и белозерских бояр. Четыре дня еще ни тот, ни другой не решались начать военные действия. Промедление было губительным для Олега. Мало того что оно дало возможность Мстиславу собрать рать, так как разъехавшиеся было по своим домам бояре, узнав об активных действиях Олега, успели в два дня доскакать до сожженного Суздаля, у которого их ждал Мстислав, на вскоре последний еще усилился с приходом его младшего брата Вячеслава Туровского, присланного Мономахом вместе с наемниками-половцами, предводительствуемыми Кунуем. На пятый день Олег решил наступать и двинулся к городу. Навстречу ему выступили рати Вячеслава и Мстислава и половцы Кунуя. Олег был разбит и бежал к Мурому, где оставил Ярослава, а сам пошел дальше к Рязани. Мстислав шел за ним. Муромцы заключили мир с Мстиславом и не поддержали Олега, так как им, по-видимому, было абсолютно все равно, какой князь сидит, лишь бы его княжение обходилось как можно дешевле. Муромцы выдали Мстиславу плененных Олегом ростовских и суздальских бояр, но, не удовлетворившись этим, Мстислав решил изгнать опасного соперника Олега из соседнего княжества вообще. Летопись не указывает на то, какую роль играл Ярослав в этой сделке муромцев с Мстиславом, ушел ли он из города вслед за братом в тот момент, когда рать Мстислава подходила к Мурому, сам ли он, растерявшись, договаривался с Мстиславом, — сказать трудно. По всей вероятности, все же он ушел, так как о переговорах одного князя с другим летопись не преминула бы упомянуть, тогда как в тексте летописи говорится именно о «муромцах», т. е. о боярах и горожанах.¹ Мстислав обложил и Рязань, откуда еще раньше бежал Олег, и заключил такой же договор с рязанцами, как незадолго перед этим с муромцами. Рязанцы также выдали плененных Олегом ростово-суздальских дружинников.

Вскоре начались переговоры и между князьями. Мстислав предлагал ходатайствовать перед своим отцом о предоставлении отчины Олегу, что и сделал, вернувшись к себе в Новгород. Олег получает от Мономаха письмо, в котором он говорит, что понужден был к этому поступку просьбой своего сына Мстислава, крестника Олега. В письме своем Мономах развивает целую систему взглядов на феодальную усабицу. Прежде всего он считает причиной начала усабиц нежелание Олега договориться с ним по своему возвращении из Тмутаракани и захват им Чернигова. Захват волости Святославичей своим сыном Изяславом он также не одобряет, так как это ввело его «в стыд и печаль», но убийство Олегом Изяслава рассматривает как противоестественный акт. Кстати сказать, занятие Изяславом Муромы Мономах объясняет «корыстью» и жадностью отроков,

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 231—232.

258 стремившихся к захвату добычи. Мономах говорит, что «научиша бо и (т. е. Изяслава. В. М.) паропци, да быша собе налезли, но оному налезоша зло».1 Усиление значения этой прослойки феодалов заставляет князя пускаться на захватнические авантюры, минуя «обычая отцов». Все письмо Мономаха наполнено одним основным содержанием — договориться о границах, об отчинах и противопоставить единый массив уже расплывающегося на отдельные части единого некогда государства соседним вражеским народам. Типичные же тенденции феодальной раздробленности представлены Олегом.

Результатом компромисса этих двух тенденций и был созванный по инициативе Мономаха в 1097 г. Любечский съезд князей, начало которому положили переговоры Мстислава с Олегом под Рязанью и письмо Мономаха. Любечский съезд — конец первой ступени периода феодальной раздробленности, характеризуемой полной анархией и всеобщим хаосом, неясностью границ и княжеских прав на те или иные области, и начало второй его ступени, когда более или менее закрепляются границы определенных феодальных образований-полугосударств, а затем идет процесс дальнейшего дробления и распада княжеств, сопровождаемый шумом феодальных усобиц, пока, наконец, великокняжеская власть, подобно королевской власти на западе, как прогрессивный элемент, не приведет к созданию централизованного государства.2

Любечский съезд закрепил за Святополком Киев, за Мономахом — Переяславль, Смоленск и Ростово-Суздальскую землю (причем в Новгороде оставался Мстислав), за Давидом Игоревичем — Владимир на Волыни, за Ростиславичами — Перемышль и Тербовль, причем в первом сел Володарь, а во втором Василько. Святославичи же поделили между собой Северскую землю. Давид Святославич получил Черниговское княжество, Олег — Новгород-Северск с Курском и Посемьем, а Ярославу досталось Рязано-Муромское княжество. Самый выбор места съезда, находящегося в Северской земле, показывает, что Мономаху, инициатору съезда, приходилось считаться с Олегом. И действительно, Олег силой своего сопротивления, несмотря на поражения и неудачи продолжающий борьбу, добивается реставрации «отчины» Святославичей. В этой борьбе братья Олега, особенно Давид, принимают слабое участие. Помощь Давида выразилась в предоставлении Олегу возможности вербовать дружину в его землях. Давид не желал связывать себя с Олегом, чтобы, в случае неудачи, не разделить с ним судьбу князя-изгнанника, и занимал такую позицию выжидательного нейтралитета в период самой горячей борьбы Олега, которая бы дала ему возможность во всяком случае не проиграть при победе любой стороны. Несколько иную роль играл Ярослав, помогавший брату и предводительствовавший ратями. Но поведение его отличалось неуверенностью и нерешительностью. Вообще Ярослав не вел самостоятельной политики, а был проводником того или иного влияния. Как мы видели, он воспитывался у Всеволода и Мономаха, что не могло не оказать на него

1 Там же. С. 245.

2Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI. 4.1. Э н г е л ь с Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии.

259

влияния, когда Олег уже начинал борьбу с ними. Поддержка Всеволода и Мономаха обеспечила за ним княжеский стол в Рязани, и это обстоятельство не могло не повлиять на его деятельность. Малоинициативного Ярослава, которого можно было использовать кому угодно, Олег взял в руки и распорядился им как хотел. Любечский съезд, предоставив Рязано-Муромскую землю Ярославу, положил начало самостоятельности этого княжества, которое еще некоторое время входит в орбиту влияния Чернигова и Новгород-Северска, а затем начинает ориентироваться на

Ростово-Суздальскую землю. В решениях Любечского съезда, продиктованных Мономахом, мы сталкиваемся с одним фактом, знаменательным для дальнейшей истории Левобережья. Последнее, бывшее ранее «отчиной», становится группой княжеств. И как раньше единое Левобережье — Северская земля — со времен Ярослава распалось на две неравные части, каждая со своими особенностями строя общественной жизни и политикой феодальной верхушки во главе с князем, Переяславльское и Чернигово-Северское княжения, так теперь последнее распадается на три области, одна из которых, как мы уже указали, входит в иной комплекс княжеств Северовосточной Руси, а две другие захватываются двумя княжескими линиями, отличающимися друг от друга своей политикой по отношению к прочим княжествам и внешним врагам, по формам и методам своего господства и управления внутри своего феодального полугосударства. Эта мысль, правда неясно, была сформулирована еще П. Голубовским, писавшим, что «историческая жизнь обоих княжеств сразу же пошла по двум различным путям: Олег стал продолжать начатую им раньше охранительную политику; Давид совершенно поддался влиянию Мономаха и ввел Чернигов в общую жизнь со всей остальной Русью. Эти пути были намечены еще раньше. Их проложили, с одной стороны, связь Курска с подонским населением, а с другой — борьба Чернигова с Киевом за первенство».¹ Прежде чем дать общую характеристику княжению Олега, мы остановимся на событиях, последовавших за Любечским съездом. Давид, заседавший в Чернигове, был послушным вассалом Мономаха и Святополка. В этой паре, несмотря на то, что в Киеве сидел Святополк, первенство во всех мероприятиях несомненно принадлежало Мономаху. Сын Давида, Николай Святоша, действует против Давида Игоревича вместе с дружинами Святополка, ходит вместе с другими князьями на половецкие вежи, в 1103, 1100 и 1111 гг. Давид Святославич верно служит Мономаху и в борьбе с другими князьями, что доказывается его походами по предложению Мономаха на Глеба Полоцкого и на сына Святополка, Ярослава, в 1117 г., участвует на Витичевском съезде князей в 1110 г.² Черниговское княжение во времена Давида не имело еще сил для борьбы с Киевом, а политика Давида, обусловленная его прошлым и внутренней ситуацией, сводилась к сглаживанию возможных шероховатостей в отношениях между Киевом и Черниговом. Сам Давид поступал по отношению к Мономаху как находящийся в полувассальной зависимости, за что и получил соответствующую оценку от летописца, совершенно явно симпатизирующего Киеву и Моно

¹ Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 101. 2 Ипатьевская летопись, с. 252—284.

260

маху с его тенденцией к сохранению «одиначества» Русской земли и реставрации «готической империи» на Днепре. Иное дело Олег. Последний прочно обосновывается в своем Новгород-Северском княжении и становится своеобразным князем-домоседом. Он не претендует на вмешательство в общекняжескую борьбу за Киев, но и не дает кому-либо вмешиваться в свои дела. Он не стремится к расширению своих границ за счет прирезки киевских и соседних с ними территорий, но, по-видимому, в любой момент готов начать борьбу за свою, с таким трудом добытую «отчину». Олег занят своими «внутренними делами», т. е. широко ведет свое феодальное хозяйство и расширяет хозяйство своих бояр-дружинников, подготавливая тот расцвет феодального хозяйства северских князей пышность и роскошь их дворов, которые мы уже отмечали по отношению к XII в. Последнее является, конечно, результатом ограбления «своего» смерда.

Олег со времен Любечского съезда замыкается в своем Новгород-Северском княжении, занимаясь внутренними делами и с неохотой выбираясь за границы своих

земель, что как нельзя больше соответствовало интересам занятого теми же делами боярства. Сохранись у нас черниговская летопись, мы наверное увидели бы Олега в роли князя-вотчинника, что так, казалось бы, шло в разрез со всей его прошлой деятельностью князя-изгнанника.

Свободный смерд-общинник постепенно исчезает, смерды-данники трансформируются в различные категории населения, эксплуатируемого уже в хозяйстве феодала: князя, боярина, монастыря. Для смердов все это осложняется тем, что феодальные усобицы 1094—1097 гг. отзываются прежде всего на них и сказываются в их разорении и порабощении. Недаром «Слово о полку Игореве» вспоминает о временах Олега, как о годах, когда стонало под тяжестью усобиц сельское население: «Были пълци Ол-говы, Ольга Святославича. Тъй бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земле сеяше... Тогда при Ользи Гориславичи сеяшется и растяшеть усобицами, погибошеть жизнь Дажьдбожа внука, в княжих крамолах вещи человеком скратишась. Тогда по русской земле ретко ратаева кикахуть, нь часто врани граяхуть, трупия себе дяляче, да галица свою речь говоряхуть, хотят полетети на удие».1

Годы княжения в Тмутаракани не прошли бесследно для Олега и наложили определенный отпечаток на его дальнейшее правление. Мы имеем в виду его половецкие симпатии, союз с половцами, ставший традиционной политикой Ольговичей. Новгород-Северская земля с ее Посемско-степной окраиной, во-первых, не могла вести борьбу с половцами, так как ее погра-ничье со степью тянулось на много километров открытых пространств и требовало грандиозного строительства укрепленных городков, на которые также особенно рассчитывать, как на надежный оплот против половцев, не приходилось,2 а во-вторых, и не хотела, так как ее князь (а его политики в основном придерживались и его преемники) считал более целесообразным для всей Северщины поддержание добрососедских отношений с половцами, чтобы они не мешали движению торговых караванов по древним тор

1 «Слово о полку Игореве». Изд. «Academia», 1934. С. 67—68. Голубовский П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. С. 91—114.

261

говым путям на юг и юго-восток и укреплению земледельчески-ското-водческо-промыслового хозяйства смешанного населения пограничья со степью. Северская земля была, безусловно, тесно связана с оседлым и полукочевым населением Дона, Донца и Северного Кавказа, славянским и неславянским, которое вошло в состав феодализирующегося половецкого общества, причем порывать экономические и, прежде всего, торговые, социально- и этно-культурные связи с этим населением северские князья не хотели и рассчитывали на него как на оплот в борьбе с кочевниками, как на своеобразную опору в торговых сношениях с кавказским, а через него и со среднеазиатским миром. Не считаться с половцами было нельзя, и половецкие симпатии Олега, которые чуть не стоили ему княжества, хотя и являлись только предлогом к тому, нам уже известны. После Любечского съезда Олег продолжает старую, политику по отношению к степнякам. Когда в 1101 г. половцы предложили мир русским князьям, Олег, Давид и Мономах на съезде у Сакова заключают с ними мирное соглашение, подтвержденное обменом заложниками.1 Мир с половцами, без всякого повода с их стороны, был нарушен Святополком и Мономахом в 1103 г. Бояре-дружинники Святополка резонно рассуждали, что если начать поход весной, то это отразится на хозяйстве смердов, но Мономах уговорил дружину Святополка. К Святополку и Мономаху примкнул Давид Святославич, и в данном случае Мономах выступает главным вдохновителем политики князей и ярим врагом половцев. Только Олег отказался принять участие в походе, ссылаясь на болезнь.2 Не принял участия он

и в походе князей вглубь половецких степей в 1111 г.³ Олег выступал противником наступательных войн против половцев, но налеты отдельных половецких племен на свои границы он энергично отражал. В 1107 г. он отбивает вместе с Мономахом Шаруканя и Боняка, осадивших Лубны, в 1113 г. также с Мономахом громит половцев у Выря.⁴ Сам женатый первый раз на половчанке, воспитывавший в своей семье сына половецкого князя Итляря, в 1107 г. он женил одного из своих сыновей, Святослава, на дочери половецкого хана Аэпы.⁵ ..С этого момента еще больше укрепляются связи северских князей с половецкими ханами. В 1110 г. Олег принимает участие в Витичевском съезде князей, посылая к Давиду Игоревичу своего боярина Торчина, очевидно, выходца из торкской аристократии, осевшей на землю в Заднепровье.⁶ В 1113 г., тогда, когда киевское восстание заставило Мономаха срочно заняться социальной профилактикой, Олег посылает для участия в выработке «Устава» «своего мужа», боярина Иванка Чюдиновича, что свидетельствует о заинтересованности и новгород-северского князя в мероприятиях Мономаха, проводимых с целью разрядить напряженную атмосферу ожесточенной классовой борьбы.

1 Ипатьевская летопись, с. 250.

2 Там же. С. 252—253.

3 Там же. С. 264—266.

4 Там же. С. 258—276.

5 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 272. Ипатьевская летопись не сохранила нам упоминания о том, что половчанку Олег «поя» для сына, и при том искажает половецкие имена Аэпы и Гиргеня. См. Ипатьевскую летопись, с. 259.

6 «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 264.

262

В 1115 г. умирает Олег Святославич. Спасский собор, построенный первым черниговским князем Мстиславом, стал усыпальницей и Олега.¹ Сыновья Олега — Всеволод, Святослав, Игорь и Глеб — до смерти Давида, князя черниговского, остаются в Новгород-Северском княжении.

4. Княжение Всеволода Ольговича

В 1123 г., по смерти Давида, черниговский стол занял последний Святославич, Ярослав, с трудом удерживавший за собой Рязано-Муромскую землю, где сопротивлялись нанесшие ему поражение мордва, мурома, вятичи, слабо поддававшиеся даже насильственной христианизации, и где господство князя держалось буквально на острие меча.² В Муроме, после своего ухода в Чернигов, Ярослав посадил своего сына Всеволода.

Обратимся к Переяславлю. В княжение Мономаха Переяславль укрепляется, вынося на северную окраину своей земли аванпост в борьбе с Черниговским и Новгород-Северским княжествами. В 1098 г. у границы Черниговского княжества Мономах закладывает Остерский городок (на р.Остре), которому суждено было играть большую роль во всей дальнейшей истории Переяславльской Украины. Годы княжения Мономаха в Переяславле — годы почти постоянных войн с половцами. То половцы нападают на города и села Переяславльской земли, то роли меняются, и активность проявляет Мономах, и в глубине степей мономаховы дружинники громят половецкие вежи. В 1103 г. Мономах с другими князьями проходит пороги и с о-ва Хортицы углубляется в степь на четыре дня пути. Хан Урусоба, опасаясь могучих ратей Мономаха, советует половцам не принимать боя, но половецкие воины, «уные» (и вряд ли было бы ошибочным видеть в них подобие «уных» Всеволода, о которых речь была выше) рвались в битву. В бою русские одолели, половцы были разбиты наголову, убито 20 половецких князей, в том числе Алтунопа, Урусоба, Арсланап, Китаноб,

Куман, Асуп, Куртка, Ченегреп, Сурбарь. Одного князя, Белдюзя, русские взяли в плен и, несмотря на то, что он предложил большой выкуп, Мономах подверг его жестокой казни. Взято было много имущества и челяди, захвачены вассалы половцев, видимо, не особенно страдавшие от перемены сюзерена, печенеги и торки с их вежами.³ Борьба с половцами продолжается в течение всего пребывания Мономаха в Переяславле, не прекращается даже и тогда, когда стечение обстоятельств и, прежде всего, восстание 1113 г. сделали Мономаха князем Киева. Половцы почти непрерывно грабят пограничные со степью Переяславльские городки и села. В 1107 г. Боняк предпринял своеобразную разведку под Переяславль, и в том же году половецкие орды Боняка и Шаруканя, Сугры, Таза и других ханов вновь вторглись в русскую землю. Бой под Лубнами кончился в пользу Мономаха. Шарукань и Боняк спаслись, но другие ханы либо были убиты, либо взяты в плен. В плен был взят весь стан половецкий, а рабы

1 Ипатьевская летопись, с. 282.

2

Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. С. 31—36. «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 268—269.

263

пленники— христиане — освобождены.¹ Успехи окрылили Мономаха, и уже в 1109 г. из Переяславля к Дону был отправлен отряд Дмитра Иворовича, вернувшийся с «полоном».² Снова подготавливается почва для похода вглубь степей, который и был предпринят Мономахом, Давидом и Святополком в следующем 1110 г., но уже у Воина пришлось повернуть назад. Летописи не объясняют нам причин, вынудивших князей возвратиться. Быть может, им стало известно о каком-либо преимуществе двигавшихся на Переяславльскую землю половцев. Что это так, можно подтвердить хотя бы тем обстоятельством, что сейчас же вслед за отступлением русских дружин из-под Воина здесь показываются отряды половцев, которые доходят до самого Переяславля и учиняют по всей земле невиданный разгром. В. Ляскоронский считает возможным объяснять данный поход не просто одним из обычных налетов, в котором стремление к грабежу играет весьма существенную роль, «а сознательным желанием подорвать в корень благосостояние юго-восточной окраины Руси».³ С нашей точки зрения подрывать «корень» врага было одинаковым стремлением и русских и половцев, и в этом отношении налет половцев на Переяславль в 1110 г. ничего выдающегося собой не представляет. И также ничего нового не было и в том походе, который предприняли весной 1111 г. Мономах, Святополк и Давид. Войска прошли Сулу, Хорол, Псел и Ворсклу. Поход окончился поражением половцев со всеми вытекающими отсюда последствиями, обычными в то время. Князя взяли полон, освободили русских пленников, захватили табуны лошадей, рогатого скота и т. п. Но чрезвычайно интересным является указание летописи на захват княжескими дружинами половецких городов Шаруканя и Сугрова. Вопрос о половецких городах заслуживает того, чтобы на нем остановиться специально. В разделе «Левобережье во времена владычества хазар» мы уже указывали, что вопрос о так называемых «половецких городах» — не что иное, как вопрос о том оседлом и полукошачьем населении степей и пристепной полосы, которое застали половцы, впитав их в свой политический и хозяйственный организм. Безусловно, половцы-номады населяли эти города только в известной, и очень незначительной, части. В большинстве же, конечно, обитатели Шаруканя, Сугрова, Балина и т. д. были из того местного субстрата, который строил города салтово-маяцкой культуры, и этим местным субстратом были, по-видимому, ясы, т. е. алано-болгары, к тому времени уже в значительной мере изменившие свой облик, скрещивающиеся, с одной стороны, с русскими придонскими и подонскими племенами, с другой — с новыми тюркскими пришельцами. Старая связь с турецкими

этническими элементами, проявляющаяся хотя бы во взаимосвязи и в древнем скрещении с балкарами-болгарами, укрепляется притоком все новых и новых тюркских элементов, исходящих уже от новых племенных образований, в данный момент половецких.

Сменивший Святослава Владимировича в 1114 г., после его смерти, Ярополк Владимирович, его брат, после того как их отец стал князем киев-

1 Там же. С. 241, 271—272.

2 Там же. С. 273.

3 Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII в.

264

ским, отправился в 1116 г. в поход на половцев. Ярополк захватил Балин, Сугров и Шарукань и вернулся с «полоном», пленными ясами и захватил в плен дочь яского князя, которая и стала его женой.¹ Пленники-ясы были поселены в Переяславльской земле.

Захват городов закончился пленением ясов, естественно, что и города были, очевидно, заселены главным образом ими же. Тем более будет иметь за собой некоторое основание высказанное положение, если мы вспомним имеющиеся в разделе «Левобережье во времена владычества хазар» указания на присутствие алан в северной лесостепной полосе в VIII—XIII вв. «Появление» полукочевой культуры в лесостепной полосе между Днепром и Доном (то же имело место на южной окраине степей) есть не что иное, как начало оседания бывших кочевых сарматских племен на землю, переход их к земледелию, сопровождающийся прежде всего появлением городов, остатки которых ныне нам известны в районе Дона и Донца и к которым, по-видимому, принадлежат Шарукань, Балин, Сугров и Чешуев (если, конечно, считать последний самостоятельным городом, как это делают некоторые исследователи, а не иным наименованием того же Шаруканя). В половецких вежах так же, как и у других кочевых народов, стоявших на грани между варварством и феодализмом, когда последний долго и мучительно рождается, по рукам и ногам повитый родовыми обычаями, когда эти последние сами становятся орудием классового угнетения, происходит процесс раскола на неравномерные группы: кочевников и переходящих к оседлости, причем, естественно, там, где этот процесс происходит в окружении оседлого общества, хотя бы и этнически чуждого, количество оседающих на землю гораздо больше. «Половецкие» города, вернее неполовецкие города, вошедшие в состав половецкого общества, притягивали к себе те элементы внутри его, которые сами проявляют склонность к земледелию, к оседлой жизни, порывают связь с кочевым хозяйством, с вежами своих соплеменников-номадов. Группа «половецких» городов (как мы видим, этот термин следует употреблять только в кавычках) концентрируется в определенном районе на сравнительно ограниченной территории, расположенной у Харькова. Точное нанесение на карту Шаруканя, Чешуева, Сугрова и Балина едва ли сейчас представляется возможным, хотя этому вопросу посвящены отдельные главы ряда исследований. Аристов выдвигает при решении вопроса о местоположении Шаруканя два варианта. Первый вариант говорит о том, что г. Шарукань лежит у современного Харькова. Характерно, что по свидетельству Городцова и Линниченко «Донецкое городище, расположенное в 7 км от Харькова, на берегу р. Уды, некогда носило название «Шарукань города», или «Шаруканя».² Самоквасов считал Донецкое городище неславянским, в частности не северянским, а принадлежащим оседавшим на землю кочевникам.³ Новейший исследователь Донецкого городища, Федоровский, отмечая наличие на городище и славянских и половецких вещей XI—XII вв., признает в нем все же сла

2 Труды XII Археол. съезда. Т. I. С. 110; Т. III. С. 323. " Труды XII Археол. съезда. Т. III. С. 330—331.

265

вянское городище, тот «Донец», куда бежал из половецкого плена в 1185 г. Игорь Святославич.¹ К этому же выводу пришли еще раньше Пас-сек,² Барсов³ и др. Вторым вариантом, на котором и останавливается Аристов, признает в Чугуеве древний Шарукань, и это свое утверждение Аристов основывает на том, что половецкие города носили название по именам ханов, во владениях которых они лежали. Так, например, Шарукань, по его предположению, носил ранее название Асенева, от имени хана Асеня, или Осени, затем при хане Шарукане был переименован в Шарукань и, наконец, выступает перед нами под названием Чешуева, или Чешлюева, но так как хана с этим именем источники не знают, Аристов считает возможным предположить, что в данном случае мы сталкиваемся с русской переделкой половецкого имени «Чугай», или «Чугуй», а ханы с этим именем современны Чешуеву, и, таким образом, преемника Чешуева Аристов видит в современном Чугуеве. Сугров помещен им в район современного Изюма.⁴ С последним предположением солидаризируется Барсов.⁵ По отношению к Шаруканю Багалея принимает оба варианта, указывая: «Под Шаруканем можно разуметь или нынешний Харьков или нынешний Чугуев»,⁶ и допускает ошибку, неправильно трактуя смысл указания летописи о походе Игоря Святославича, который «перебрел на Донец» и, пойдя по течению Оскола, якобы миновал Шарукань и Сугров, на что никаких данных у него нет.⁷ Эта неопределенность свидетельствует лишь о том, что скудных, сбивчивых и неопределенных свидетельств летописи недостаточно для точного нанесения на карту половецких городов. Возможно все же предполагать, что Шарукань и Донецкое городище одно и то же, и в те времена Шарукань носил и половецкое название, менявшееся по имени хана, и русское, тем более, что население «половецких» городов в конце X, в XI и начале XII в. следует считать прежде всего русским, все более и более ассимилирующим местное яское население, еще в древности (VIII—IX вв.) в какой-то мере тюркизированное. С другой стороны, русский этнический элемент ослабел во времена половцев, во-первых, в силу иммиграции (имеем в виду указание летописи о переселении беловежцев), а во-вторых, будучи оторванным от политической жизни русского Приднепровья, он сливался с местными оседающими на землю тюркскими племенами и прежде всего половцами. В результате появлялось скрещенное, смешанное яско-русско-тюркское население, остатки которого едва ли не следует усматривать в бродниках. Как некогда кочевники в IV—VI вв. разбили племена Донецкой степи на две полосы, где происходил процесс их оседания (южную — у предгорий Кавказа и северную — по современной Украине), так и половцы разбили

Федоровский А. Археологич. раскопки в окрестностях Харькова // Хроника археологии та мистецтва. Т. I. С. 5—10; Ипатьевская летопись, с. 651. 2 П а с с е к. Очерки России. Т. II. С. 126.

³Барсов Н. П. География начальной летописи, 1885. С. 151—152, 303—305.
⁴Аристов Н. Я. О земле половецкой, отд. отт. Киев, 1877. С. 9—12. ⁵Барсов Н. П. География начальной летописи, 1885. С. 303; Багалея Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 183. ⁶Багалея Д. И. Ук. соч. С. 182—183.

⁷Багалея Д. И. Ук. соч. С. 183; Ипатьевская летопись, с. 642.

266

славянскую колонизацию X—XI вв. на две части, оторвав южную часть ее, Приазовскую и Тмутараканскую, от северной, лесостепной. Население городов лесостепи — русское и русифицированное — в конце X и XI вв. попадает в состав половецкого общества и, оставаясь нетюркским по культуре, религии и т. д., в течение

длительного времени, в известной своей части все же, очевидно, подвергается полной ассимиляции с тюркским как оседлым, так и кочевым населением. Во всяком случае, единственный вывод, который может быть сделан, сводится к тому, что течение Северского Донца — территория северо-восточной части нынешней Харьковской области — было одним из центров половецкого племени. За это говорят и походы князей, когда главный удар половцам наносился в этом районе, и, наконец, наличие городов с оседлым, хотя в основном и не половецким населением, в котором мы усматриваем ясов, болгаро-алан-христиан, в значительной мере уже славянизовавшихся, русских, возможно даже и связанных с собственно северянами, на что указывает наличие массы вещей черниговского типа в соседнем Донецком городище, и представителей разных тюркских племен, переходивших к оседлому образу жизни. Конечно, половцы, как кочевники, часто меняли свои летучие «центры» и уходили далеко вглубь степей, к нижнему Дону, но во всяком случае к тому времени и несколько позднее, к концу XII в. особенно, наметились два определенных половецких центра — Крымский и Левобережный, расположенный по Северскому Донцу и левым притокам Днепра.¹ Старый центр кочевников того времени, когда в степях господствовали торки, древний Тор на р. Торце (также в Харьковской области, нынешний Славянск) теряет свое значение.² Результатом успешных походов князей и, в частности, похода Ярополка 1116 г., когда дружины прошли до Тора, была попытка подчиненных половцам торков и печенегов (а остатки и того и другого племени уже в составе половецких племен кочевали у берегов р. Тора) поднять восстание и сбросить половецкое владычество. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что в результате похода Ярополка и разгрома половцев на Сальнице (Торе) мощь половцев в этом печенежско-торкском районе была сокрушена. По указанию летописи, «бишася половци с торки и с печенеги оу Дона и секашася два дня и две ночи». Справиться с половцами не удалось, так как они, по-видимому, уже оправившись от удара «и придоша в Русь к Володимеру торци и печенежи».³ Половцы начали ответную борьбу. Результатом той дружелюбной позиции к русским дружинам, которую заняли в отдельных случаях жители половецких городов, как, например, Шаруканя, обусловленной, как мы уже видели, этническим и социально-культурным родством вынужденных противников, было притеснение жителей «половецких» городов половцами, а быть может, в отдельных случаях, и пря

¹Ляскоронский В. Северские князья и половцы перед нашествием на Русь монголов. Казань, 1913 (отд. отт. из «Сборника в честь Д. И. Корсакова»). С. 2.

²Середонин СМ. Историческая география. С. 179—180; Городцов В. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 г. // «Труды XI Археол. съезда». 4. I. С. 214; Грушевский М. С. Історія Украши-Руси. Т. II. С. 282—283.

³Ипатьевская летопись, с. 284.

267

мой разгром городов. Русское население потянулось из степей на север. В 1117 г. «Придоша Беловежци в Русь». ¹Зато нападения половцев на собственно-русские земли прекращаются. В И 19 г. Ярополк Владимирович ходил далеко вглубь степей, но, не найдя половцев, вернулся назад. Походы против половцев нанесли им такой удар, что до 1125 г. не было ни одного половецкого набега. Укрепляется переяславльский рубеж, пограничный со степью, растут городки-крепостцы, увеличивается вооруженное пограничное население. Так, например, в 1116г., захватив в борьбе с Глебом Минским Дрютск (Друцк), Ярополк выводит оттуда жителей и сажает их на Суле в новом городе Жолни. Там же сажает он взятых в плен в походе 1116 г. ясов.² Переяславль готовился к длительной борьбе с кочевниками, и передышка действительно была

непродолжительной. Стоило только вести о смерти Мономаха в 1125 г. дойти до половецких вождей, сейчас же Переяславльская земля оказалась под их ударом с северо-востока. Битва у Полкостеня окончилась победой Ярополка.

К этому времени относится переворот в политической жизни Черниговского княжения. Не имея поддержки в самом Чернигове, Ярослав Святославич заключает договор с Мстиславом Владимировичем, сыном Мономаха, к тому времени уже великим князем киевским. В 1128 г. Всеволод Ольгович ворвался в Чернигов, перебил ярославову дружину и взял в плен своего дядю Ярослава.³ Так начал борьбу за «отчину» Всеволод Ольгович, считавший себя по праву «старейшинства» своего отца законным владельцем всей Чернигово-Северской земли. Мстислав и Ярополк собирают дружины для борьбы с Всеволодом, ибо к этому первого обязывает договор с Ярославом. Всеволод отпустил Ярослава в Муром и послал за половцами, обращаясь за помощью к старым союзникам своего отца. Семитысячный отряд половцев во главе с Селуком пошел к Вырю и остановился у Ратмировой дубравы, но захват Ярополком Курска с Посемьем не дал возможности половцам соединиться с Всеволодом, и послы их были захвачены Ярополком. Всеволод, не получив поддержки от половцев, пытается уговорить Мстислава признать за ним черниговский стол. Мстислав колеблется, так как часть киевских бояр и духовенства за примирение его со Всеволодом и, наконец, собор духовенства освобождает Мстислава от клятвы Ярославу. Духовенство взяло на себя роль посредника, потому что развернувшаяся борьба грозила затянуться надолго и ослабить пограничье, а следовательно, под удар кочевников были бы вновь поставлены богатейшие церкви и монастыри южного порубежья. Соглашение было достигнуто. Всеволод уже «de jure» стал черниговским князем, а Ярослав умер в своем Рязано-Муромском крае. Давидовичи получают от Всеволода Нов-город-Северский удел.⁴ Последствия переговоров Всеволода с Мстиславом, как показатель слабости Всеволода, сказались в том, что до смерти Мстислава Чернигов был подчинен Киеву. Всеволод совсем не из-за интересов

1 Там же. С. 285.

2 Ипатьевская летопись, с. 282—284; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 322.

3 Ипатьевская летопись, с. 290.

4 Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 108. 268

черниговского боярства или своих личных помогает Мстиславу в борьбе с Полоцком в 1128 г., ходит с ним на Литву в 1132 г.¹ Нет, — это было продиктовано сильнейшим киевским князем Мстиславом, продолжающим дело Мономаха. В 1138 г. умирает Мстислав. Переяславльский князь Ярополк становится князем киевским, а Переяславль достается Всеволоду Мстиславичу.

С этого момента временная подручная роль Чернигова по отношению к Киеву прекращается. Едва ли не самым кратковременным было княжение Всеволода Мстиславича в Переяславле, которое длилось с «заутрея до обеда». Всеволод Мстиславич был изгнан Юрием Долгоруким, сыном Мономаха, так как Юрий претендовал по стражинству на Переяславль, своеобразную обязательную ступень перед занятием киевского стола для всех Мономаховичей. Передача Переяславля Всеволоду Мстиславичу была в обход старшинства Юрия. Сам в свою очередь изгнанный Ярополком Юрий пробыл в Переяславле лишь восемь дней. Недолго пробыл в нем и Изяслав Мстиславич, так как Юрий не прекращал борьбы, и наконец, не в обход старшинству, но в обход Юрия, Ярополк сажает в Переяславле своего брата Вячеслава, который скоро возвращается к себе в Туров, а Юрий, уже с согласия Ярополка, в обмен на свои владения — Ростов и Суздаль, получает Переяславль. В

1134 г. складывается блок обоих Мстиславичей, Всеволода и Изяслава, и Всеволода Ольговича, который стремится вернуть себе Курск с Посемьем. Юрий, Андрей и Ярополк вторгаются в Черниговскую землю и захватывают села вокруг Чернигова. В ответ Всеволод Ольгович, дождавшись половцев, когда Ярополк и Юрий отошли, вместе с Мстиславом ударил на Городец и разгромил Киевское Левобережье. Захвачен был громадный «полон», масса скота и т. п. Вскоре был заключен мир, по которому Переяславль достается Андрею Владимировичу, сыну Мономаха, а его удел Волынь перешел к Изяславу Мстиславичу. Всеволод Ольгович ничего не получил, и вдобавок Ольговичи были ослаблены выходом их из срюза Изяслава. Юрий ушел в Ростов.² Результатом был второй тур войны. Ольговичи начали громить Посулье, захватили и сожгли городок Устье и осадили Переяславль, где отбивалась дружина Андрея. Черниговская дружина, узнав о приближении Ярополка, двигавшегося на выручку Андрея, начала штурм города, но у Епископских и Княжих ворот была разбита переяславцами, и Ольговичи отошли к Супою. Благодаря хитрости, засадам и ложному бегству Всеволод Ольгович с половцами разгромил по частям войска Ярополка, Вячеслава, Юрия и Андрея. Множество бояр было убито и захвачено в плен Ольговичами. Убит был тысяцкий, греческий царевич Василько и др. Ярополк и Андрей отступили в свои стольные города. После битвы на Супое 8 августа 1136 г. Ольговичи с половцами громят окрестности Вышгорода, Триполья, Василева, Белгорода и Киева. Снова вмешалась церковь в лице митрополита Михаила и Ольговичи, Всеволод, Святослав и Игорь, по мирному договору, получили Посемье.³ Этот год ознаменовался крупными событиями в Новгороде, связанными с Ольговичами. На столе в Новгороде

1 Ипатьевская летопись, с. 291—294.

2 Там же. С. 295—297.

3 Там же. С. 297—300.

269

сидел Всеволод Мстиславич, которому новгородцы и предложили воспользоваться борьбой Ольговичей с Мономаховичами, нанести удар последним захватом и разгромом Суздаля и этим самым обеспечить себя от посягательств суздальских князей на самостоятельность Новгорода. Несмотря на противодействие Киева, в частности все того же духовенства, поход был предпринят, но новгородцы потерпели поражение. У Ждановой горы Юрий наголову разбил новгородцев, и первым с поля битвы бежал Всеволод Мстиславич. Разгром у Ждановой горы был толчком, в результате которого события разворачиваются с необычайной быстротой. Голод, начавшийся в то время в Новгороде, мор и необычайная дороговизна хлеба, когда «осминька рьжи по гривне бяше», прежде всего ударили по городским низам. Беднота ела всевозможные суррогаты, умирала, трупы валялись по улицам. «Черные люди» продавали детей, отдавали их даром купцам, будучи не в состоянии их прокормить, разбежались по «чюжим землям». Голод был не только результатом того, что «осень уби мороз вьрьшь всю и озимище». Хлеба своего, поставлявшегося из соседних сел, где сами смерды еле-еле дотягивали до конца новины, употребляя хлеб с суррогатами, в Новгороде не хватало, и он в этом отношении всецело зависел от импорта из Суздаля, «с низа», и отчасти из Черниговщины, торговые связи с которыми в то время ослабли, так как «раздралась» земля русская. Новгородское боярство чувствовало, что надвигающийся благодаря усобицам голод чреват последствиями и может вызвать восстание. Бояре пытаются в 1135 г. помирить Ольговичей и Мономаховичей, послав «в Русь» своего посадника Мирослава, но посольство Мирослава не увенчалась успехом. Профилактические меры, предпринятые боярством, себя не оправдали, и со страхом ожидаемое ими восстание разразилось. Для нас оно имеет определенное значение

именно в силу того обстоятельства, что позволяет уяснить дальнейшую позицию Ольговичей в Новгороде, те социальные силы, которые стояли за спиной правящих в Новгороде Ольговичей, и, наконец, тот сложный переплет взаимоотношений Новгорода, Киева, Чернигова и Суздаля, который подготовлялся еще в XI в., но которому суждено было оформиться в XII—XIII вв. Восставшие предъявляют Всеволоду Мстиславичу ряд требований: 1) «не блюдет смерд», 2) «чему хотел еси сести в Переяславле», 3) начав борьбу с суздальцами и ростовцами, «не крепко бися» и первый бежал с поля брани, 4) предпочитал княжие утехы управлению, 5) не совсем ясный пункт о взаимоотношении его с Всеволодом Ольговичем, который П. Голубовским рассматривается как указание на некогда имевший место союз Всеволода Мстиславича с Всеволодом Ольговичем, союз, коренящийся в стремлениях Новгорода к укреплению своей самостоятельности и от Киева и, от Суздаля при опоре на черниговских князей. Этот союз был расторгнут по инициативе первого, что, конечно, не могло способствовать укреплению его авторитета среди определенных кругов новгородского общества, которых некоторые исследователи, с легкой руки Н. А. Рожкова, называют «демократическими», хотя этот термин, собственно, может быть применен только к определенной их группе.¹ Всеволод был

Новгородская I летопись, с. 128—131; Никоновская летопись, с. 159; Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 109—111; Рожков Н. А. Политические партии в Великом Новгороде в XII—XIV вв. // Исторические и социологические очерки. Ч. II.

270

арестован, но через некоторое время выпущен и сел в Пскове, куда к нему уже с 1137 г. бежали бояре, бывшие его сторонниками: посадник Константин и др. Другой группой боярства и купечества, поддержанной «черным людом» города и, по-видимому, смердами, был приглашен на новгородский стол из Чернигова Святослав Ольгович, ознаменовавший свое появление в Новгороде тем, что прежде всего был убит сторонник Всеволода Юрий Жирославич. Далеко не всеми новгородцами Святослав Ольгович был принят радушно. Верхушка бояр, оставшаяся в Новгороде, тяготевшая к Всеволоду, холодно отнеслась к новому князю. Так, например, новгородский владыка Нифонт отказался венчать Святослава, и тот вынужден был «вещаясь своими попы у святого Николы». Свой отказ Нифонт мотивировал тем, что Святослав «не достоин ея пояти». Летопись упоминает о заговоре бояр на жизнь Святослава — сторонники Всеволода стреляли в него, но неудачно, и князь остался жив. После бегства посадника Константина Всеволод подходит к Новгороду, будучи тайно позван частью псковских и новгородских бояр. Узнав об измене и наступлении Всеволода, новгородцы заволновались, не желая сдаваться. Коснята, Нежата и ряд других бояр бегут к Всеволоду в Псков. Возмущенные их изменой новгородцы громят их дома и захватывают имущество, а на остальных бояр, зарекомендовавших себя сторонниками Всеволода, накладывается контрибуция в полторы тысячи гривен, которые и передаются «купцем крутитися на войну». Готовясь к войне, Святослав собрал новгородские рати, вызвал своего брата Глеба из Посемья с курянами и пригласил половцев. Через некоторое время он осадил Псков. Взять город ему не удалось. В этом же 1137 г. в Пскове умер Всеволод. Псковичи пригласили Святополка, его брата, и усобица продолжалась. Новгород, воюющий с Псковом, Смоленском, Полоцком, Суздалем и Киевом, оказался опять без хлеба «и стоя все лето осмьнька великая по 7 резан». Голод заставил новгородские общественные низы, составлявшие собственно основную массу сторонников Святослава, смириться. Купечество не имело возможности торговать с остальной Русью. Укреплялись противники Святослава. Все это расхолаживало симпатии новгородцев к Святославу, с одной стороны, и укрепляло

другую часть новгородцев, его врагов, с другой. В результате, при бездействии тех, кто раньше поддерживал Святослава, восторжествовала вторая группа, и он был изгнан из Новгорода, а вернувшиеся эмигранты-бояре, вместе с остатками бояр, симпатизировавших Всеволоду, пригласили князя из Суздаля. Им был Ростислав Юрьевич.

Какой характер носили новгородские события 1125—1137 гг.? Результатом их, по мнению Б. Д. Грекова, было, собственно, установление новгородской феодальной республики,¹ и следовало бы добавить, — со все более и более ограничиваемой властью князя и ростом реальной власти боярской олигархии при соблюдении видимости древнего «демократизма» — вечевого порядка. Столкнулись две общественные группы. Никаких «партий» в Новгороде, как в свое время предполагал Н. А. Рожков, еще не было и быть не могло. Существовали две группы среди правящих классов бояр и крупное. Одна — магнаты-землевладельцы, ростовщики и вторая — средние

Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII в. // Ученые записки Института истории. РАНИОН. 1929. Т. VI.

271

землевладельцы, бояре средней руки, торгующее боярство, купечество и другие слои типа позднейших своеземцев. Эту группу поддерживали часто подлинные городские низы, так как они страдали от ростовщичества магнатов, которые для них были классовым врагом, тогда как для второй группы правящих прослоек магнаты были политическими соперниками и конкурентами. Смерд также, естественно, прежде всего в магнате усматривал своего врага, и потому князю магнатов — Всеволоду — было предъявлено обвинение, что он «не блюдет смерд». «Блюсти смердов» князь, конечно, не мог. Не мало смердов погибло и в результате неудачной войны с Суздалем, так как она велась, очевидно, при участии ратей смердов. «Черный люд» города, смерды и различные зависимые люди деревни тяготели к тем, кто боролся с непосредственными носителями их угнетения: магнатами-землевладельцами и ростовщиками, а ими была другая часть боярства и купечества, хотя борьба эта принципиально отлична. Для одних — это классовая борьба, для других — борьба с политическим соперником и конкурентом в деле эксплуатации того же «черного люда», смердов, холопов, закупов и т. д., равно как и колонизируемых инонационалов, в последнем случае, правда, другими методами и в другой форме. Для городских низов последняя группа была врагом еще в перспективе, тогда как на данном этапе был общий враг. Отсюда «черный люд», смерды, купцы, которым дают отобранные у бояр деньги «крутиться на войну», и часть бояр — в одном лагере, и во главе всей этой пестрой массы стоит князь Святослав Ольгович и посадник Якун Мирославич.

Изучение истории классовой борьбы в Новгороде затрудняется непрерывной борьбой внутри самого правящего класса, столкновениями отдельных групп боярства и купечества, зачастую использующих в своих целях «меньших людей» новгородских. Из этого нельзя делать вывод о том, что осознания своих классовых интересов в народных массах Новгорода еще не было. Даже в событиях 1136 г. в части обвинений, предъявляемых Всеволоду, можно усматривать требования, еще, правда, весьма аморфные, самих народных масс. Речь идет об обвинении в несоблюдении интересов смердов. Конечно, следует отметить тенденцию некоторых групп правящего лагеря использовать движение «меньших» в своих целях, но подобное явление характерно не только для Новгорода. В XIII в. мы сталкиваемся с рядом восстаний, в которых совершенно определенно выступают требования «меньших».

Не занимаясь специально Новгородом, мы не будем, развивать дальше эти положения и останавливаться на конкретных фактах истории классовой борьбы в

Новгороде. Для нас важно отметить, что уже с этого момента в Новгороде существует определенная группа бояр и купечества, которая тяготеет к Чернигову, и политические стремления ее сводятся к трем основным моментам: 1) сохранение самостоятельности Новгорода от тех двух феодальных образований, которые готовы его поглотить: Киева и Ростово-Суздальского княжества, а в области внутренней 2) умаление власти князя, его дружины и боярской олигархии и 3) собственное усиление за счет этой последней группы во всей политико-экономической жизни Новгорода. За спиной бояр и купцов, придерживавшихся черниговской ориентации, влекомые ими на поводу, стояли «черный люд»,

272

«худые мужики-вечники», и смерды, которые выступают как реальная сила в борьбе этой группы с князем и олигархией. «Черный люд» выставляет свои требования, но в результате оказывается обманутым и обойденным. Считаясь с народной массой, боярско-купеческая группировка и ее князья соглашаются на частичные уступки, и часто во главе ее стоят черниговские князья, что объясняется, во-первых, тяготением Новгорода в экономическом отношении к Чернигову, особенно в те времена, когда Суздаль и Киев враждебны, а во-вторых, тем обстоятельством, что Чернигов не пытается и не может захватить Новгород, как это стремятся сделать Киев и Суздаль. Впоследствии, когда захват Новгорода был невозможен для Киева и затруднен для Суздаля, устанавливаются уже определенные традиционные связи Новгорода с Ольговичами. Наконец, не следует забывать и того обстоятельства, что так называемая «черниговская партия» в Новгороде была сторонницей вечевых порядков, хотя каждая из групп, входящих в нее, по-своему понимала роль и характер вечевых сходов. К вечу черниговские князья привыкли прислушиваться с давних пор и у себя в княжестве. На этом вопросе в соответствующем разделе мы останавливались достаточно подробно, а сейчас отметим лишь, что пребывание черниговских князей в Новгороде связывается обычно с победой сторонников новгородской самостоятельности, главным образом от сильного суздальского князя. Черниговские князья в большей мере, чем другие, связаны со сторонниками вечевых порядков в Новгороде. Они опираются на определенную группу бояр и купечества и поддерживающих их «менших». Дальнейшая история взаимоотношений Чернигова и Новгорода подтвердит наши предположения. Как видим, Н. А. Рожков был неправ, объявляя «партию Ольговичей», так называемую «черниговскую партию», «демократической». Демократического, в подлинном смысле этого слова, в ней очень немного.

Крупнейшее общественное движение в Новгороде XII в. заканчивается в 1137 г. вокняжением Ростислава Юрьевича. Изгнанного Святослава Ольговича приглашает Смоленск. Глеб, по свидетельству Татищева, гибнет, помогая Святославу в Новгороде, а Всеволод Ольгович, по совершенно справедливому замечанию П. Голубовского, «мало думавший об интересах своей области, а более преследовавший свои личные цели», «...задумал громадный план — сделаться великим князем и заставить Мономаховичей поменяться ролями с Ольговичами».1 В осуществление этого плана в 1138 г. он предпринимает в союзе с половцами поход на Переяславль, стремясь присоединить его к Чернигову. Андрей Владимирович извещает Ярополка о нападении Всеволода, готовясь к обороне и усиленно собирая для этого дань, насильно вербуя в рати городских и сельских жителей. По свидетельству Татищева, «и быша области Переяславской от половцев и от своих вельмож великая тягость».2 Мстиславичи одновременно наносят удар Ольговичам в другом месте. Они нападают на Святослава Ольговича и отнимают у него казну.3 Меж тем Всеволод осаждают Прилуки, но узнав,

'Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 112.
2Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 255. ' Никоновская летопись, стр. 162.

273

что Ярополк собрал громадное войско — суздальцев, ростовцев, полочан, смоленцев, берендеев, венгров, посланных угорским королем ему на помощь, решил отступить в половецкие степи. На это решение князя едва ли не больше повлияло собравшееся в это время черниговское вече. Черниговское боярство и горожане были недовольны авантюрной внешней политикой своего князя, которая могла закончиться для них очень плачевно. Черниговцы обращаются к Всеволоду Ольговичу: «ты надеешься бежати в Половце, а волость свою погубиша, то к чему ся опять воротишь» и предлагает ему, зная миролюбие Ярополка, заключить с ним мир.¹ Черниговцы прямо поставили ультиматум: или продолжение борьбы, и тогда он может не возвращаться в Чернигов, или же мир с несравненно более сильным противником, который может легко огнем и мечом пройти всю Черниговскую землю, опустошая ее, громя города, сжигая села и захватывая жителей в плен. Всеволоду пришлось уступить, и под Моровийском в начале 1139 г. между ним и Ярополком был заключен мир.² Вскоре же, в феврале 1139 г., умирает киевский князь Ярополк. Старший в роде Вячеслав Владимирович Туровский оказался не в состоянии сплотить вокруг себя в столь короткий срок грозную силу, которая в руках более энергичного Ярополка испугала Всеволода, жаждавшего ослабления киевского князя. Этим и воспользовался Всеволод и сейчас же с Игорем Ольговичем и двоюродным братом Владимиром Давидовичем подошел к Киеву. Князья заняли Вышгород и оттуда направились к Киеву. Город был подожжен. Вячеслав, опасаясь борьбы с Всеволодом, ушел в свой Туров, и киевский стол занял Всеволод Ольгович. Он прекрасно понимал, что среди киевского боярства и купечества найти сторонников ему будет трудно, и поэтому, по свидетельству Никоновской летописи, Всеволод ознаменовывает захват Киева устройством пира для своих братьев-князей и киевского боярства, раздачей угощения для городского люда и милостыни монастырям.³ В результате Всеволоду Ольговичу удалось сплотить вокруг себя часть киевского боярства. Поддержкой духовенства, как это мы увидим, он уже успел заручиться раньше. Не обошлось и без помощи со стороны союзников Ольговичей — половец. Обещанием столов Всеволод Ольгович сплачивает вокруг себя Давидовичей, своих двоюродных братьев, и Ольговичей, родных своих братьев, и первое время пытается задобрить даже недовольных узурпацией им Киева Мономаховичей. Подобную позицию по отношению к последним Всеволод занимал недолго и вскоре же перешел в наступление, стремясь захватить все земли и подчинить себе их князей. Всеволод Ольгович проводит ту же политику, которой некогда придерживался Мономах. Цели и того и другого сходны, и в этом отношении Всеволод Ольгович не следует традициям Олега Святославича, а является идейным и политическим преемником постоянного соперника Олега — Мономаха. Пообещав Переяславль, как преддверие к Киеву, одному своему брату, Игорю Ольговичу, Всеволод в то же самое время пытается захватить его и посадить там другого брата — Святослава Ольговича. Для этого он

1 Ипатьевская летопись, стр. 302. Там же.

3 Никоновская летопись, с. 163.

274

вместе со Святославом предпринимает поход на переяславльского князя Андрея Владимировича и предлагает ему в обмен на Переяславль Курск с Посемьем.¹ Андрей отвечает категорическим отказом, так как перспектива сидеть в опустошенном Посемье, часто подвергавшемся набегам кочевников, ему не улыбалась, и Курское княжение в то время мало кого привлекало. Попытка захватить Переяславль силой не

удалась, и Всеволод в 1140 г., не решившись использовать пожар в городе, уничтоживший деревянные укрепления, заключил с Андреем мир, по которому последний обещал ему помогать.² Второй удар Всеволод готовил Мстиславичам, Изяславу и Вячеславу, против которых послал Изяслава Давидовича с союзниками: Иваном Васильковичем и Владимиром Володаревичем, галицкими князьями, ставшими во главе наемного отряда половцев. Поход кончился неудачей для Всеволода, и с обоими Мстиславичами был заключен мир. Боясь усиления своих союзников, родных и двоюродных братьев, Всеволод еще раз раскалывает их лагерь, дав Давидовичам, в обход Игоря Ольговича, Чернигов.

Все эти поступки Всеволода единственным своим объяснением имели его стремление за счет ослабления отдельных князей усилить Киев и прежде всего его личную власть как киевского князя. Поэтому Всеволоду было выгодно разжигать усобицы, придумывать самые причудливые политические комбинации, и он зорко следил за тем, чтобы не создался союз князей, который мог бы встать перед ним грозной силой, чтобы не укрепилось какое-либо княжество и не появилась бы среди воевавшего друг с другом княжья сильная личность, опасный конкурент и политический соперник.

Всеволод стремился удержать в повиновении и Новгород, то приглашавший, то изгонявший Святослава Ольговича, пока тот, наконец, не выдержал этой «тяготы» и не возвратился в принадлежавший ему Новгород-Северскому княжению Курск, перебравшись затем в Белгород, данный ему Всеволодом. Перспектива потери Новгорода не улыбалась Всеволоду. Заключив в тюрьму новгородских послов, требовавших князем Святополка Мстиславича, Всеволод дает Мстиславичам Берестье с тем, чтобы они не вмешивались в дела новгородские и не садились в Новгороде князьями. Этим поступком, не выпуская Новгорода из своих рук, Всеволод как бы изолирует его от других княжеств юга древней Руси.³ Новгородцы же боялись усиления киевского влияния и всячески стремились освободиться от опеки Всеволода. В конце концов, позднее, Всеволод согласился послать в Новгород Святополка Мстиславича, но, по верному замечанию П. Голубовского, в данном случае уже не Новгород, а Всеволод диктовал свои условия.⁴ Выпустить Новгород из-под своего влияния Всеволод не собирался, и это видно из того, что как только вместо Святослава новгородцы посадили у себя Ростислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, Всеволод и Игорь захватывают Остер и другие городки, принадлежащие Юрию, и увозят стада скота и лошадей.⁵

Ипатьевская летопись, с. 304—306.

² Там же. С. 305—306.

³ Ипатьевская летопись, с. 307—311.

⁴ Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 115.

⁵ Ипатьевская летопись, с. 309; Никоновская летопись, с. 166—167. Ляскоронский по этому вопросу держится несколько иного мнения, считая, что захват

275

Вскоре Всеволоду пришлось решать еще одну политическую задачу. В 1141 г. умер Андрей Владимирович, князь переяславльский. Неопасного для него Вячеслава Всеволод переводит из Турова в Переяславль и в Турове сажает своего сына, Святослава Всеволодовича, готовя ему в дальнейшем, в обход братьев, киевский стол, так как в смысле занятия киевского стола Туров играл ту же роль, что и Переяславль.¹ Поступок Всеволода вывел из себя и Ольговичей и Давидовичей. Как и следовало ожидать, особенно был недоволен Игорь Ольгович, перед которым в перспективе не раз представлялся киевский стол, но исчезал как мираж в результате неоднократного обмана со стороны Всеволода. Учитывая напряженную атмосферу, Всеволод

предлагает братьям Берестье, Дрогичин, Чарторыйск и Клечск, сохраняя за собой землю вятичей, на которую претендовали князья. Почему вдруг Всеволод возымел такую любовь к вятичской земле и почему вдруг его братья-князья воспылали к ней неменьшей страстью? Ранее нами было указано, что земля вятичей в то время, собственно, еще не была освоена, она была только более или менее покорена со времен похода Владимира Мономаха на Ходоту с сыном. Тогда как во многих местах земля, по образному выражению Мономаха, была уже «изъезжена» и не оставалось «ни челядина, ни скотины», — в земле вятичей было еще чем поживиться. Дань собирали в дремучих лесах вятичской земли не часто. С оружием в руках, используя естественные свои укрепления — леса, вятичи отстаивали свою самостоятельность, свой родовой быт, свой первобытнообщинный строй, правда, уже несомненно разлагающийся, свою «военную демократию», варварство, родоплеменную и семейно-общинную организацию. Там можно было еще «ополоняться челядью», захватывать скот и имущество сельских жителей, получать большую дань, успешно ходить в полюдь, а на данном этапе, в период консолидирующегося феодализма, развернуть и вотчинное хозяйство. Князья и бояре-дружинники, особенно «молодшая дружина», стремившаяся захватить новые земли и стать крупными феодалами-землевладельцами, а следовательно, и родовитыми боярами, жадно захватывали землю вятичей, эту своеобразную «подрайскую землю», сулившую столько благ и богатства. Недаром через несколько лет глухая область вятичей станет ареной межкняжеских усобиц, впервые в своих деталях предстанет перед нами на страницах летописи и начнет «осваиваться» победителями-феодалами.

В процессе междоусобной борьбы князей вятичи играли зачастую лишь роль наблюдателей. Они — объект, но не субъект борьбы. На этом несколько подробнее остановимся дальше.

Указанные обстоятельства и понуждают князей заинтересоваться судьбой вятичской земли, и потому-то летопись рисует на первый взгляд

1 Ипатьевская летопись, с. 316.

276

странную привязанность Всеволода Ольговича, цеплявшегося за Киевское великое княжение и прельщенного блеском «мати градов русских», к земле вятичей и, с другой стороны, не менее энергичные притязания на нее остальных Ольговичей и Давидовичей.

Князья целовали крест всем стоять за одно и предъявили Всеволоду свои требования — отдать им Черниговское и Новгород-Северское княжения с землей вятичей. Когда Всеволод отказал, они начали военные действия. Игорь Ольгович стремится овладеть долгожданным Переяславлем, но его двухмесячную осаду город выдержал, Вячеслав не сдавался, и Ольговичи ограничились лишь тем, что пожгли окрестные села и уничтожили посеы. Удар высланного на помощь Вячеславу Всеволодом тысяцкого Лазаря Саковского с дружиной и печенегами и Изяслава Мстиславича, племянника Вячеслава, снимает осаду Переяславля.

В это время Ростислав Мстиславич Смоленский захватывает у Гомеля четыре городка, принадлежавших Игорю Ольговичу. Ободренный вестью о победах Ростислава Изяслав Мстиславич вторгается в Черниговскую землю, выжигая села. В ответ Игорь Ольгович обрушивается на Переяславль, но неудачно. Всеволод добивается мира между Ольговичами и Мстиславичами, обещая первым ряд уступок. Когда в Киеве съехались Давидовичи и Ольговичи, Всеволод отколол Давидовичей от их вчерашних союзников. Давидовичи получают Берестье, Вщиж, Дрогичин и Ормино, Игорь — Го-родец, Юрьев и Рогачев, Святослав — Клечск и Чарторыйск. Таким образом, по мнению П. Голубовского,¹ Ольговичи несколько не усилились в Северной

земле, а Вщиж и Ормино, оказавшиеся в руках Давидовичей, закрывали от них вятическую землю.

В 1142 г. Всеволод перетасовывает столы еще раз. Вячеслав из Переяславля возвращается в Туров, Святослав Всеволодович из Тулова направляется во Владимир Волынский, а Изяслав Мстиславич получает Переяславль. И снова Ольговичи недовольны, но Всеволод не обращает на них внимания. Браками своих детей с полоцкими князьями (свою дочь он выдает замуж за полоцкого князя Рогволода Борисовича) и с польским королем он еще больше укрепляет свою власть. Давидовичи стали подручными Всеволода, да и родные братья, Игорь и Святослав, вынуждены ему подчиняться.² Но передышка была кратковременная. Назревала новая усобица. В 1144 г. столкнулись две серьезные силы — Галич и Киев. С момента поселения во Владимире-Волынском Святослава Всеволодовича над Галичем нависла угроза присоединения к Киеву. Это прекрасно учитывал Володимирко, князь галицкий, ставший с 1143 г. собственно единственным хозяином всей Галицкой земли после изгнания своих племянников — сыновей умершего в 1141 г. Ивана Васильковича. Воспользовавшись этим, пугая князей растущей силой Галича и его экспансией на восток, Всеволод сколачивает блок князей против Володимирко, куда ему удалось вовлечь своих сыновей, двух братьев, Владимира Давидовича, князей городенских Бориса и Глеба, полоцкого князя Ростислава и своего зятя Владислава,

Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 118; Ипатьевская летопись, с. 310—312.

2Багалец Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 197.

277

короля польского. Володимирко же мог рассчитывать только на вспомогательные венгерские войска. Он вступает в тайные переговоры с Игорем Ольговичем, которому обещает поддержку, и Игорь ратует за немедленный мир с галицким князем.' В 1145 г. разгорается война Всеволода с Володимирком. В Киев бежал Иван Ростиславич Берладник, ставленник «галичан», т. е. жителей города Галича, которые, воспользовавшись уходом Володимирка из Галича «на ловы», пригласили себе звенигородского князя Ивана Ростиславича. Три социальные силы столкнулись в то время в Галицкой земле: земельные магнаты-бояре, князь со своей дружиной и «город», т. е. купечество, часть «земских бояр», ремесленники и прочий «черный люд». В борьбе со своевольным боярством, выраставшим в грозную силу, горожане сплотились, пытаясь опереться на князя с его дружиной. Уже в то время галицкие бояре, владельцы огромных земельных участков, обладавшие сильными дружинами, располагавшие громадными богатствами, притесняли города, расположенные на территории их вотчин, по размерам не уступавших иным небольшим княжествам. Последнее обстоятельство, наряду со стремлением торгово-ремесленных слоев города предотвратить дальнейшее развитие сеньориальной анархии, которая в Галиче грозила превратиться в не менее обычное явление, нежели в других феодальных государственных образованиях Западной Европы, приводит к попытке горожан опереться на княжескую власть как на противника феодальной анархии. И действительно, позднейшая история Галицкого княжества рисует нам борьбу двух сил: князя с дружиной, опирающегося на горожан, с боярами-магнатами, растаскивающими по кускам земли княжества, распорядившимися целыми областями Галичины как своей вотчиной, превращавшими свои гигантские вотчины, с рядом прилежащих городов, в чуть ли не самостоятельные государства и игравшими долгое время роль фактических властелинов Галицкой земли («державцев»), иногда даже захватывавшими княжеский стол. В конце концов, опираясь на все тех же горожан, княжеская власть побеждает, но перед этим она сама, еще в XII в., подготовила расцвет

боярской олигархии, разгромив города и поддерживающие ее городские и даже сельские низы, «черный люд» и смердов. Боярство в 40-х годах XII в. незаметно прибирало к рукам князя, умаляя его роль, значение его дружины и окружая себя не меньшими дружинами. На поводу у боярства был и Володимирко, который в своих схватках с Всеволодом Ольговичем только и рассчитывал на их вооруженную поддержку, а каждый галицкий боярин мог выставить свою собственную многочисленную дружину. Договориться с Володимирком горожане в силу этого, очевидно, не могли и начали вести переговоры с Иваном Ростиславичем. Последний согласился на их предложение и занял Галич. Галич долго сопротивлялся, и осаждавший городские стены Володимирко попал в тяжелое положение. В одной из удачных вылазок Иван Ростиславич с частью своей дружины так далеко зашел вглубь вражеского стана, что дорога обратно оказалась отрезанной. Он предпочел пробиваться дальше и вырвался из кольца осаждающих. Дальше путь его лежал на низовья Дуная, в область берладников, а оттуда, степью, в Киев, к Всеволоду Ольговичу.

1 Ипатьевская летопись, с. 314—316.

278

Галич еще некоторое время сопротивлялся Володимирку, но вынужден был сдаться, и вернувшийся князь жестоко расправился с восставшими. Так неудачно, закончилась эта первая попытка галичан в борьбе с боярством заключить союз с князем. К тому сложному политическому положению, которое мы наблюдаем в Галицкой земле, применимо положение Энгельса о том, «что все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним. Союз королевской власти и буржуазии ведет свое начало с X века...».¹ Конечно, не следует условия Западной Европы механически переносить на древнюю Русь, но данное положение Энгельса применимо при учете всего своеобразия и к Руси.

Учитывая, что всей целостности данного явления мы в древней Руси не найдем, и указанный процесс начнется в Восточной Европе позднее, нежели в Западной, и приобретет свои специфические особенности, когда роль королевской власти возьмет на себя великокняжеская власть, мы все же можем констатировать, что более всего данному положению Энгельса соответствует (наряду с Владимиро-Суздальским) Галицкое княжество, где развитие производительных сил и общественные отношения стояли на более высоком уровне, нежели в большинстве других областей древней Руси, приближаясь в этом отношении к западноевропейским. Подробнее останавливаться на этом вопросе мы не будем, так как требуется специальное исследование, которое завело бы нас очень далеко от левого берега Днепра.²

Иван Ростиславич скрывается у Всеволода Ольговича. Вполне понятно, почему этот политический комбинатор дает приют случайному ставленнику галицких горожан. Всякое ослабление Галицкого княжества в результате внутренних усобиц и классовой борьбы киевскому князю могло быть только на руку, а Иван Ростиславич в этой игре был крупным козырем. Во всякое время он мог стать активным участником междоусобицы или восстания, нити которых оказались бы, таким образом, в руках Всеволода. И расчеты последнего оправдались, хотя только после его смерти.

В 1146 г. Всеволод предпринимает поход против Володимирка, поводом к которому был захват последним Прилук. В походе приняли участие Святослав Всеволодович, Игорь Ольгович, Владимир Давидович, Вячеслав, Изяслав и Ростислав Мстиславичи, Болеслав польский и «половцы дикие». Объединенные дружины осаждают Звенигород. Горожане рассматривают осаждающих как друзей своего ставленника, князя Ивана Ростиславича, и бьются «с лостью». Когда сожжен был острог, звенигородцы собирают вече и решают сдаться. Положение звенигородского

воеводы Володимирка, боярина Ивана Халдеевича, становится угрожающим. Опираясь на свой гарнизон, верный дружинник Володимирка отказывается сдаться и решительными действиями предупреждает готовящееся вспыхнуть восстание и измену своему князю. Иван схватывает трех звенигородцев, очевидно, вечевых заправил, и предает их жестокой казни.

'Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI. Ч. I; Э н г е л ь с Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии. С. 445.

2Мавродин В. В. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве в XII—XIII вв. // Ученые записки ЛГУ. 1939. Вып. 5. № 48.

279

Устрашенные горожане не решаются на открытое выступление против воеводы и дружинников. Штурм города, несмотря на поджог в трех местах, ни к чему не привел, и Всеволод с союзниками вынужден был отступить.¹ Во время похода Всеволод заболел и, чувствуя приближение смерти, поторопился закрепить Киев за своими братьями, не считаясь со старшинством в роде, как это сделали Мономаховичи. Под Вышгородом, где он остановился, были созваны «кияне» — киевские бояре и духовенство из числа сторонников Всеволода, которым Всеволод предложил в качестве своего преемника Игоря Ольговича.² Те согласились. К присяге были приведены у Угорского и прочие жители Киева, которые хоть и присягнули, опасаясь расправы со стороны князя, окруженного еще воинством, принимавшим участие в походе на Галич, но, как указывает летопись, «яша по нь лъстью». Присягнули Игорю и вышегородцы. «Целовал крест» и Изяслав Мстиславич, послом к которому ездил Болеслав польский, присягнули и Давидовичи, принявшие посла Всеволода, Мирослава Андреевича.³ 1 августа 1146 г. Всеволод умирает, сохранив киевский стол за старшим в своем роде, Игорем Ольговичем.

Для характеристики Всеволода Ольговича позволим себе привести несколько длинную цитату из работы П. Голубовского, ярко освещающего стремления, методы и политику этого князя: «Все его княжение есть ряд хитростей и надувательств. Наследуя от своего отца, Олега, упорство и стойкость, он от своего деда, Святослава, получил умение запутывать интересы тех, с кем имел дело. Он умел прикрыться и общерусскими интересами, и в этом случае возможна параллель между ним и Владимиром Мономахом. Всеволод Ольгович, добившись киевского стола, держался на нем только благодаря своему уменью хитрить и вывертываться в затруднительных обстоятельствах, а также опираясь на черниговскую партию. Поэтому он предоставлял ей управление в Киевской области, назначал из ее сторонников тысяцких, тиунов и позволял им грабить и разорять народ.

1 Ипатьевская летопись, с. 319—320.

2 Появление Всеволода Ольговича на княжеском столе в Киеве было обусловлено не только наличием в Киеве группы бояр, связанных с чернигово-северскими князьями и тяготевших к ним. Ольговичи были популярны и среди известной части могущественного духовенства

М. Д. Приселков отмечает, что Всеволод Ольгович захватил Киев не только благодаря своему дипломатическому таланту. Дело в том, что с Мономаховичами было связано засилье греков в русской церкви. Между тем Святослав и его потомки, Ольговичи, всегда придерживались русской ориентации в церкви и были тесно связаны с Печерским монастырем, откуда в большинстве случаев выходили черниговские епископы. Не случайно Всеволод Ольгович уходит в Вышгород. В Вышгороде был собор Бориса и Глеба, русских святых. Такой же собор был и в Чернигове. Вокруг них группировалось русское духовенство. На это духовенство и рассчитывал Всеволод. Недаром за время его княжения из шести поставленных епископов пять были

русскими. Ставленник Византии — митрополит Михаил — был в ссоре с Всеволодом Ольговичем и в конце концов уехал в Византию (Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. // Записки историко-филологического факультета СПб. ун-та. 4. СХVI, 1913. С. 353—370).

Немаловажную роль в захвате Всеволодом Ольговичем киевского стола сыграли и обычные союзники Ольговичей — половцы (см. В. П., Половцы и Русь, «Slavia». Rosnik XVI, sesit. 4. С. 598—601).

3 Ипатьевская летопись, с. 320—321.

280

Некоторые личности и из партии Мономаховичей пристали к нему чисто из материальных выгод и нисколько не были ему преданы. Таким образом, достигая одного, т. е. точки опоры в известной партии людей, Всеволод в то же время неизбежно создавал себе новых врагов, раздражая киевлян потачкой, против воли, безобразиям своих сторонников».¹

Всеволод Ольгович, идя в известной мере по стопам Мономаха в деле объединения Руси, все же действовал, руководствуясь корыстными целями, и не пользовался популярностью в различных слоях русского общества, и приравнение Ольговичей к Мономаховичам должно было только усилить и ускорить борьбу между ними.

5. Усобицы в середине XII века и усиление феодальной раздробленности

1 Августа 1146 г. Игорь со Святославом въезжают в Киев. К Игорю сейчас же являются делегаты от киевлян, уже готовых к присяге и собравшиеся у Туровой божницы. Делегаты выразили желание горожан перед присягой поговорить с князем. Речь, конечно, должна была идти об известных обязательствах князя по отношению к киевлянам. Пришлось бы недосчитаться и некоторых сподвижников и сторонников Всеволода, короче — разговор предстоял не особенно приятный, а в случае отказа со стороны князя — дело могло окончиться кровопролитием. Игорь не решается ехать к собравшимся киевлянам и посылает к ним Святослава, который предусмотрительно ведет с собой дружину. Вече протекало бурно. Киевляне прежде всего жаловались представителю нового князя на своеволие и грабеж тиуна Всеволода, Ратши, и на вышегородского тиуна Всеволода, Тудора: «Рекоуче Ратша ны погоуби Киев, а Тоудор Вышегород». Вече предложило Святославу присягнуть, «целовать крест», за себя и за брата в том, что они искоренят своеволие, не допустят «обид» киевлянам. Святослав обещал, что не будет насилий и тиуны будут впредь «по вашей воли» и, сойдя с коня, «на том целова хрест к ним оу вечи». Киевляне также сходят с коней и целуют крест в верности Игорю и Святославу. Летопись подробно рисует взаимную присягу князя и веча, фигурально выражаясь, что киевляне присягали «и с детми». Это, конечно, отнюдь не означает, что к присяге приводили в порыве верноподданнических чувств и малолетних детей, которых как бы на всякий случай захватили с собой вооруженные всадники-киевляне, вернее, как это увидим, киевские ратники. Так расценивали указанное сообщение летописи Соловьев, Карамзин и некоторые другие. Неправ был и М. Н. Покровский, утверждавший, что, рассматривая киевское вече 1146 г., «под детми» надо подразумевать «меньших», «мо-лодших», т. е. младших членов семьи, а не только главарей патриархальных семей. Летописец просто для полноты представления позволяет себе употребление выражения «и с детми», подобно таким выражениям, как «до последнего солдата», «продадим жен и детей» и т. д.

Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 121—122.

281

Святослав с веча «пойма лутшеи муже Кияне» и едет к Игорю, причем Игорь присягает «на вси воли», подтверждая присягу Святослава, и «лучшие мужи» в свою очередь присягают ему. Вече на этом не кончилось. На вечевом сходе принимали участие три группы. Одна — «лучшие мужи», те киевские бояре, которые договорились с Игорем и Святославом, но ждали только удобного момента для того; чтобы изгнать Игоря и посадить на киевской стол кого угодно, но во всяком случае не князя досадившей им в свое время «черниговской партии» Всеволода Ольговича. Эта последняя не только монополизировала в своих руках управление государством, всю реальную силу, оказывая исключительное влияние на князя, но выступала также и солидным конкурентом большинства киевских бояр и купцов в деле захвата земли, в торговых операциях, в распределении доходов, получаемых от дани, поборов, военной добычи, и т. п. Среди нее были и собственно черниговцы и те местные киевские бояре, которым было все равно кому служить, лишь бы получать больше доходов, а так как при Всеволоде Ольговиче грабить и притеснять население, по-видимому, разрешалось сколько угодно, то и служили они ему до поры до времени верно. Но мало того что «черниговская партия» — немногочисленная кучка правителей и грабителей, своевольно управлявших и обогащавшихся всеми методами, — была конкурентом и политическим соперником основной массы киевской знати, она же в глазах широких слоев городского, да и сельского населения была олицетворением произвола, насилия и грабежа, так как, чувствуя кратковременность своего господства, эти «калифы на час» действовали как рыцари большой дороги и старались возможно скорей нажиться, не брезгуя никакими средствами. В силу указанного обстоятельства «черниговцы» не только встретили глухое недовольство «лучших мужей», причем возможно, что депутация к Игорю состояла в доброй своей половине из числа их же самих, но и столкнулись с открытым выступлением народных масс. Народные массы на вече 1146 г. представлены двумя социальными прослойками: вооруженные всадники — «кияне». Это не городские низы в подлинном смысле слова, которые, как правило, не были вооружены и тем более не имели лошадей. На примере восстаний 1068 г. мы видели, что даже не все купечество было вооружено. Многие же купцы, будучи сами вооружены, во всяком случае не имели конных вооруженных слуг. Восстание 1113 г. действительно несколько усилило роль и влияние городских народных масс на вече, но дать им возможность обзавестись лошадьми и оружием — оно не могло. Очевидно, в «киянах» в данном случае следует видеть городскую «рать», выставленную местной городской знатью, знатью не княжеской, не дружинной, т. е., прежде всего, купечеством. В этой социальной прослойке, несомненно, могли участвовать и средние слои, вооруженные за свой счет — мелкое купечество, богатые ремесленники — и, наконец, за спиной «воев»-«киян» на вече в Киеве у Туровой божницы стояли толпы собственно «черного люда», «простой чади», состоявшей главным образом из ремесленников, сегодня еще свободных или полусвободных, а завтра уже закабаленных, закрепощенных или порабощенных людей, часть которых, из поколения в поколения все меньшая и меньшая, снова становилась свободной, большая же — так и оставалась зависимой. Обе указанные группы, «кияне» и «простая чадь», имели все основания быть

282

недовольными тысяцким, мечниками и тиунами Всеволода Ольговича, которые, по их выражению, «погубили» Киев и Вышгород. Результат деятельности Ратши и Тудора сказался. Пока «лучшие мужи» договаривались с Игорем, «кияне», собравшиеся на вече у Туровой божницы, решили сами расправиться с ненавистным тысяцким Ратшей, тиунами и мечниками. Речь идет, конечно, не о тех «киянах» из «лучших мужей», которые только что «целовали крест». Активную роль в восстании

играли те, кто не сходил с коней и не целовал креста, и с кем ни Игорь, ни Святослав не считали нужным «рядиться», договариваться, а именно «простая чадь». Она-то вместе с «воями»-«киянами», и то, по-видимому, не всеми, разгромила двор тысяцкого Ратши и разобрала его имущество. Той же участи подверглись мечники Всеволода. Грозное восстание «черного люда» заставило Игоря и Святослава заключить союз с известной частью киевской верхушки, союз, как мы увидим дальше, кратковременный. Игорь и Святослав почувствовали под собой более твердую почву «и посла к ним Игорь брата своего Святослава с дружиною и едва оутиши».1 Восстание было подавлено.

Но не прочно было княжение Игоря, несмотря на все старания более энергичного Святослава. Киевская боярская верхушка стремилась посадить на княжий стол своего ставленника и вела переговоры с переяславльским князем Изяславом Мстиславичем. На вопрос Игоря, верен ли он ему, Изяслав отвечал молчанием и задержал посла Игоря. Посланцам же киевских бояр Изяслав ответил согласием и двинулся на Киев. Переправившись через Днепр у Заруба, Изяслав поднимает черных клобуков Поросья, с которыми Ольговичи обращались, по свидетельству Татищева, как победители с побежденными, собирая дань, грабя и захватывая полон. К нему присоединились также и жители укрепленных городов Поросья, белгородцы и василевцы.2 Игорь вынужден был заключить союз с Владимиром и Изяславом Давидовичем. Но этого было мало. Надо было озаботиться о союзниках в самом Киеве. Он пытался приблизить к себе киевских бояр и укрепить свой престиж среди них. Игорь призывает Лазаря Саковского, Василия Полочанина, Мирослава Хилича, Улеба и Ивана Войтищича, которым подтверждает их оставление на старых должностях, а Улебу дает одержать тысячу», т. е. назначает его тысяцким. Но было уже поздно. Хитрые бояре прекрасно учили, кто из соперников сильнее, и перешли на сторону Изяслава Мстиславича. Они организовали заговор в Киеве, а Изяслава уведомили, чтобы он поспешил скорей к Киеву, пока не подошли Давидовичи, обещая в бою обратиться в бегство. Заговорщикам удалось осуществить свой план. Во время битвы у Олеговой могилы на сторону Изяслава Мстиславича перешли бояре, а Улеб и Иван Войтищич, по уговору, бежали к Жидовским воротам. Ольговичи были разбиты. Игоря, завязнувшего в болоте, взяли в плен и, заковав в кандалы, посадили в монастырь св. Иоанна в Переяславле. Святослав, сын Всеволода Ольговича, спрятался в Ирнинском монастыре в Киеве, где его и схватили, а Святослав Ольгович с

Ипатьевская летопись, с. 321—322. 2 Там же. С. 323; Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 284; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. С. 344; Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 122; Б а г а л е й Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 197.

283

боем отступал до самого устья Десны и ушел от преследователей в Чернигов.1 Изяслав вступил в Киев, где его встретили бояре, купцы и духовенство. Он арестовал оставшихся верными Ольговичам бояр: Даниила Великого, Юрия Прокопьевича, Ивора Юрьевича, внука Мирослава, «и инех много», отпущенных затем за выкуп, а Святослава Всеволодовича «поча водити подле ся».2 Села, скот и имущество в домах и монастырях, принадлежащих Всеволоду, Игорю и их дружинникам, были разграблены. По меткому определению П. Голубовского, «это было только начало борьбы, и неизвестно еще, кто одержал бы в ней верх при прочном союзе князей всей Северской земли». И далее, с нашей точки зрения совершенно правильно, он отмечает, что причина неудачи Всеволода лежит в том, что его централизаторские стремления сталкивались с удельными тенденциями Игоря и Святослава, и непрерывные трения

между ними и Всеволодом не способствовали единству Ольговичей. Они мешали Всеволоду, и в то же время подчинить себе их полностью, как самостоятельных князей, он все же не мог. Только под конец княжения Всеволод подчинил себе братьев и то не окончательно.

Мономаховичи действовали дружно, стремясь поддержать традиции «варварской империи» с блестящим, богатым и сильным Киевом во главе, что было в интересах киевской знати, тогда как Северская земля, разделенная на два отдельных самостоятельных княжества, имела две княжеские линии, действовавшие вразброд. При этом Чернигов, а следовательно и черниговские Давидовичи, продолжал старую конкурентную борьбу с Киевом, тогда как «Новгород-Северск, пожалуй, как город Северской земли и мог иметь в ней свою долю, но самостоятельно никаких столкновений с Киевом не имел после того, как сделался центром отдельного княжества. Вот почему у новгород-северских князей является нежелание путаться в дела Киевской области, вот почему они упорно отказываются от уделов, которые им давал Всеволод на той стороне Днепра. Этому нисколько не противоречит факт, что теперь Игорь Ольгович остался киевским князем; коль скоро принцип равноправности обоих родов был выдвинут, то необходимо было его защищать. Тот факт, что черниговское духовенство, стоявшее в зависимости от Киевской митрополии, стало на сторону Ольговичей, объясняется сочувственным движением самого Чернигова».³ Правильное замечание Голубовского следовало бы дополнить некоторыми соображениями. Неудача Всеволода Ольговича — результат феодальной раздробленности, установившейся в Северской земле. Его стремление захватить Киев не могло встречать поддержки со стороны бояр и горожан Северской земли. Всеволода не поддержали даже родные братья. С другой стороны, захватив Киев, Всеволод не успел сколотить сколько-нибудь значительной группы своих сторонников. Поэтому те, кто к нему примыкал из числа киевских бояр, ценились им высоко и за свою верность требовали

¹ Ипатьевская летопись, с. 323—327; Ляскоронский В. Ук. соч. С. 344—345; Голубовский П. В. Ук. соч. С. 123; Багалея Д. И. Ук. соч. С. 197—198; Соловьев С. Русская история с древнейших времен. Т. II. С. 394-397.

² Ипатьевская летопись. С. 327—328.

Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 123—124.

284

денег, и Всеволод давал им возможность грабить, как и сколько хотят, чем естественно наживал себе врагов. Всеволод Ольгович со своими стремлениями к Киеву и «одиначеству» был своеобразным «Мономахом» среди Ольговичей того времени. Игорь Ольгович, однако, тоже захватывает киевский престол, так как обладание богатым городом манило даже такого представителя удельных порядков, каким был Игорь. Но Игорь сидит между двух стульев, поглядывая и назад, к себе в Новгород-Северское княжение. Игорь, как и всякий политический деятель в таком положении, действовал в Киеве довольно нерешительно. Опоры в городе он не имел и создать не успел, да, по-видимому, и не смог бы. Поэтому, естественно, попытка одного Ольговича реставрировать киевское государство в руках его рода не встретила энергичной поддержки среди членов его княжеской семьи, в то время уже всеми своими социально-политическими симпатиями и деятельностью ставших прочно на путь возглавления «феодальных полугосударств» эпохи феодальной раздробленности. Сложились «областнические» тенденции Ольговичей.

Иное дело черниговские Давидовичи, оттесненные Ольговичами на второй план. Давидовичи стараются не только сосредоточить в своих руках всю Северскую землю,

но претендуют и на Киев, стремясь вырвать пальму первенства из рук Мономаховичей, хотя сил на это им, в отличие от Ольговичей, не хватало.

Святослав Ольгович, отступив с небольшой дружиной в Чернигов, прежде всего выясняет у Давидовичей, верны ли они своему договору и, получив подтверждение, оставляет в Чернигове своего боярина Костяжко в качестве официального соглядатая при Давидовичах, а сам начинает собирать ополчение сперва в Курске, а затем в Новгород-Северске.¹

В это время Изяслав обезопасил тыл и заключил договор с половцами в подтверждение мира в Малотине, заключенного в 1140 г. после удачного похода Всеволода Ольговича на половцев. Видя усиление Изяслава, Давидовичи, стремясь захватить всю Северскую землю, решают схватить Святослава Ольговича. Костяжко вовремя предупреждает князя. Соглашение между Ольговичами и Давидовичами было нарушено. Давидовичам остается заключить союз с Изяславом, причем, опасаясь объединения Ольговичей, они предлагают киевскому князю ни за что не выпускать Игоря из заключения. Летопись осуждает Давидовичей за их предательство по отношению к князьям Северской земли, за переход на сторону Изяслава, что дало возможность Д. Багалею усматривать в этой части летописи отрывок черниговского летописного источника.² Давидовичи боятся возвращения Игоря на киевский стол и поэтому, продолжая еще поддерживать связи со Святославом Ольговичем, предлагают ему поддержку, если он откажется от попыток освободить брата. Получив от него отказ, они окончательно переходят на сторону Изяслава.

Святослав Ольгович также готовит блок князей против последнего. К нему переходят Владимир Святославич, сын рязанского князя Святослава Ярославича, Иван Ростиславич Берладник и Юрий Владимирович Долго-

Ипатьевская летопись, с. 328.

Багаей Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 199.
285

рукий. На помощь к Святославу Ольговичу явились и присланные его родственниками — половецкими ханами — половецкие отряды Камоса и Тюнрака.

Как сложился этот союз князей? Юрий Долгорукий давно уже стремился к овладению Киевом и готовил себе на юге опорную базу для развертывания борьбы за Киев. Святослав знал, на что шел, приглашая Юрия, и естественно, при заключении с ним союза признал его своим верховным сюзереном. Иной характер носил временный союз с Иваном Ростиславичем Берладником, политическая карьера которого резко отличается от карьеры других князей. Остановимся на этом вопросе.

Мы уже останавливались на галицком восстании 1144 г. и на приглашении восставшими галичанами Ивана Ростиславича Звенигородского. Володимирке поспешил к Галичу.

Три недели «из города бяхуся крепко» осажденные галичане, «в неделю же мясопустную», ночью, Иван Ростиславич с дружиной галичан предпринял вылазку. «Много бишася» князь Иван Ростиславич, но его отряд зашел далеко в глубь лагеря осаждающих и вернуться обратно в город не смог. Видя невозможность возвращения, Иван Ростиславич «про-беже сквозе полк к Дунаю»¹ и оттуда, степью, направился в Киев к Всево

¹ Здесь на Дунае, в Берлади, Иван Ростиславич на некоторое время задерживается, и в этой связи большой интерес представляет опубликованная Богданом Петричейку Хиждеу в 1860 г. в Ясском временнике «*Instructiunea publica*» и в 1869 г. в журнале «*Trajanu*» грамота Ивана Ростиславича, датированная 1134 годом.

Вот ее текст: «У имъ отца и сына /и святого духа аминь/ Аз Иванко Ростиславовичъ огь стола галичьского, кнъзь берладськы свѣдчую купцемъ /меси/

бриськъмъ, да не платътъ мытъ у градъ нашем /у Ма/ломъ у Галичи на изкладъ, развъ у Берлади и у Текучомъ и /у г/радохъ нашихъ а на исъвозъ розьнымъ товаромъ туташнымъ и угрьсьскимъ и русьскимъ и чес/ькымъ/, а то да платътъ николижь, развъ у Маломъ у Галичи. А кажитъ воевода. А на томъ обьтъ. /В льто/ от рожьства Христова тисъщу и сть и трдсть и четири лть мьсяца маъ К днь». (Цитирую по: Г р у ш е в с к и й М. С, Історія Украши-Руси. Т. II. С. 421. В скобках поставлены пропущенные в грамоте слова и буквы. Копия с грамоты см. в «Сборнике статей, посвященных Владимирскому-Буданову»).

Исследователи заподозрили грамоту в поддельности.

Так, поддельной считали грамоту Берладника И. И. Богдан (Труды VII археол. съезда Т. IV) и А. И. Соболевский. («Труды VIII археол. съезда», т. II). Последний усматривал в ней фальсификат, опираясь главным образом на молдавские элементы в ее языке, якобы невысказанные в XII в., а Богдан утверждал, что она не выдерживает критики историка, так как Берладник не мог быть «от стола галичского», ибо в 1134 г. объединенного Галицкого княжества со столицей в Галиче не было и, кроме того, Берладник был непримиримым врагом галицких князей Володимирка и Ярослава. Аргументация скептиков сама вызывает сомнение. Во-первых, грамота писалась не в стольном городе, а в Берлади, где, естественно, на нее могла повлиять народная речь, как известно, отличавшаяся от официального церковно-славянского языка. Молдаванизмы также естественны, если мы учтем, что в XIV—XV вв. Дунайское понизовье и Поднестровье уже носят название «Россовлахии». Во-вторых, скорее ошибочна дата грамоты (1134 г.), чем самый факт, изложенный в грамоте. Следовало бы датировать ее 1144 годом. В 1144 г. Иван Ростиславич был в Берлади, так как в Киеве он появляется уже с прозвищем «Берладник». Ошибка писца — вернее переписчика XIV—XV вв. (в Молдавии и Валахии вплоть до XVII и даже начала XVIII в. церковным языком и языком официальных документов был древний церковно-славянский) — вполне возможна. От переписчика зависела и известная романизация языка грамоты. Об этом уже говорили в свое время И. О. Линниченко и Д. И. Иловайский. Наконец, нужно отметить, что указание грамоты о Берлади «от стола галичского» не должно нас заставлять делать выво-

286

лоду. Галичане «по Иване»... бились с дружиной Володимирка «всю неделю», и только в результате энергичных атак Володимирко принудил их к сдаче. «Вшед в Галичь», князь «... многи люди исече, а иныя по-казни казною злою».1 Движение было подавлено. Так повествует о событиях 1144 г. летописец.

Прежде всего, кого следует подразумевать под «галичанами»? Летопись не дает нам четкого представления о том, какие социальные прослойки скрываются под термином «галичане», но во всяком случае боярская знать в их состав не входила. «Галичане» (так же, как и переяславцы, владимир-цы, «кияне» и т. п.) — это прежде всего городской люд — купечество и ремесленники, «черные люди». Восстание галичан 1144 г. — восстание горожан, стремившихся отделаться от непопулярного и деспотичного князя и пригласить «на стол» другого, связанного определенным договором, «рядом», и обязанного, по-видимому, править, прислушиваясь к голосу горожан, купечества в первую очередь.

Разбитые в бою и терроризированные расправой Володимирка горожане на время отказались от борьбы, — правда, как это мы увидим ниже, выжидая лишь удобного случая, чтобы выступить снова. Интересно отметить, что и второе восстание горожан связано было с звенигородскими Ростиславичами: на этот раз на престол пригласили сына Ивана — Ростислава. Объяснение этого явления, равно как и дальнейшей деятельности Ивана Ростиславича, лежит в том, что как отец, так и сын связали свою

политическую карьеру с движением народных масс, используя их в своих целях. Постараемся это показать.

Очутившись на Дунае, Иван Ростиславич не сразу отправился к Всеволоду в Киев. Некоторое время он оставался на Дунае. За это говорит то обстоятельство, что когда в 1146 г. политическая карьера изгнанника развернулась не в Галиче, а в Приднепровье, он уже носил прозвище «Бер-ладник».

Низовья Дуная и Днестра были покрыты русскими поселениями. В Воскресенской летописи мы находим список русских городов по Днестру и Дунаю:

«А от имени градом всем Русским далним и ближним... На Дунае Видицов с семи стен каменных, Мдин, об ону страну Дуная Трънов, ту лежит святая Пятница; а по Дунаю Дрествин, Дичин, Килиа, на устье Дуная Новое Село, Аколятря, на море Карна, Каварна. А на сей стране Дуная: на усть Днестра над морем Белгород, Чернь, Аский Торг, на Пруте

ды о ее подложности, так как оно сообразуется с убеждением самого Ивана Ростиславича и его сторонников в том, что он — галицкий князь. Не вызывает сомнения и датировка грамоты «от рождства Христова», так как в XIII в. такого рода датировка встречается и в других русских источниках. Трудно согласиться с И. И. Богданом и в том, что основа текста грамоты — повествование Ипатьевской летописи под 1149 г.

М. С. Грушевский считает грамоту Берладника заслуживающей внимания, хотя и отмечает некоторые ее особенности. К возражениям скептиков Грушевский относится критически (Грушевский М С. Історія Укра'ши-Руси С. 421, 422). Еще более основательны доводы Дашкевича, не сомневающегося в подлинности грамоты (см. его статью «Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г.», помещенную в «Сборнике статей, посвященных Владимирскому-Буданову», 1904).

1 Летопись по Ипатскому списку, 1871, с. 226.

287

реце Романов Торг, на Молдаве Немечь, в горах Корочюнов Камень, Со-чава, Сереть, Баня, Нечюн, Коломыя, Городок на Черемоше, на Днестре Хотен».1

К этому списку русских городов следует добавить Берладь (современный Бирлат), Малый Галич (Галац) и Текучий.

Сведения Воскресенской летописи о русских городах по Дунаю и Днестру в известной части подтверждаются греческими источниками. В сборнике документов, изданных Миклошичем и Миллером («Acto Patr. Const.»), есть список (№ 52) городов по Дунаю, не принадлежащих болгарам. Документ датируется началом XIV в. Среди этих неболгарских городов Дуная значатся Карна (Kpдvеcc), Каварна (Kарvд(За, Savarna), Килия (КелЛ-их), Аколятря (ГолЛгхура)и Дрествин (Дрштра).2

Пять неболгарских городов в русском и греческом источниках совпадают, и это дает возможность утверждать, что еще в начале XIV в. они были действительно русскими.

Перечисленные города, расположенные далеко от основных феодальных центров Галицкого княжества (княжеских резиденций, стольных городов), были в значительной мере самоуправляющимися городскими общинами, возглавляемыми городской знатью, лишь номинально подвластными галицкому князю.

Русское население появилось на Дунае отнюдь не вследствие княжеской колонизации, а занимало этот край с древнейших времен.

Топонимический материал, подвергавшийся изучению рядом исследователей, свидетельствует о древнейшем населении низовьев Дуная и части Трансильвании. Это довенгерское и дорумынское население было русским.3

Следы политической жизни русского населения Трансильвании восходят к XIII в., и в жалованной грамоте храмовникам венгерского короля Белы, датируемой 1247 годом, упоминается «terra de Zewrino» и «kenesatus» (князя) de tota Zewrini Иван и Фаркаш (Волк) и воевода Лиртиой.⁴ Эта «Северская земля», расположенная по Дунаю у границ Трансильвании, управлялась русскими князьями. И даже в XIX в. Надеждин обратил внимание на четыре русских села, надолго приковавшие к себе внимание исследователей.⁵ На Дунае русские появляются очень давно. Стоит вспомнить хотя бы уличей и тиверцев. Уже по свидетельству Льва Диакона, в составе воинов Святослава были женщины. Очевидно, это были не киевлянки, пришедшие со святославовой ратью, а те самые русские «девы» по Дунаю, о которых говорит «Слово о полку Игореве». Речь идет, очевидно, о русских поселениях на Дунае. В 1043 г. Владимир Ярославич с Вышатой беспрепятственно доходят до Дуная, проходя, очевидно, по русским

1 ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись, с. 240.

2 Кулаковский Ю. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата // Византийский временник. 1897. Т. IV. Вып. 3—4. С. 335.

3 Кочубинский А. О русском племени и Дунайском Залестье // Труды VII Археол. съезда. Т. II. С. 9—28 и др.

4 Там же. С. 39.

5 Там же. С. 66.

288

землям.' По Константину Багрянородному, Дичин был обычной стоянкой русских, направлявшихся в Византию.² Анна Комнин сообщает, что в 80-х годах XI в. на нижнем Дунае сидели самостоятельные князья. В числе их она называет некоего Всеслава, правившего в Вичине. В эту область незадолго пришло «скифское, племя» из-за Дуная, поселившееся здесь с разрешения местных князей. Задунайское «скифское племя» было земледельческим и, по мнению Васильевского и Кулаковского, это были не кто иные, как русские.³ Всеслав и другие князья, равно как и население, принявшее переселенцев-русских, — сами были тоже русскими.

Атталиота говорит о множестве городов по Дунаю, а население их называет «многоязычным». Он же сообщает о том, что города эти имеют пешее (типичное для русских на Дунае со времен Святослава) войско.⁴

Князья нижнедунайских городов были независимы от Византии и временами, случалось, даже облагали ее данью. Так, например, князь Татуш в 1074 г. совершил в союзе с печенегами удачный поход на Византию, а в 1088 г., во время похода Алексея Комнина, Татуш, сидевший в Дристрре, вместе с половцами выступил против Алексея. Татуш — славянин. За это говорит то, что Византия направляет к нему посла, родом иллирийца, т. е. славянина. Но он не болгарин, так как Анна Комнин отличает его и его «племя» от болгар, именуемых ею «манихейцами» (богумилами).

По мнению Кулаковского, Татуш, Всеслав и их племена — это те скифы-пришельцы, о которых говорит Анна Комнин.⁵ Еще в начале XII в. на Дунае хозяйничают русские. В 1116 г. Мономах посылает на Дунай Ивана Войтишича, который сажает по городам княжеских посадников. Для этого князю не пришлось воевать, следовательно, низовья Дуная были русскими. Русские сидели к востоку от Дристры, так как в 1116 г. Вячеслав и Фома Ратиборович не смогли назначить посадника в Дристру, подвластную Византии.⁶ Во второй половине XII в. русские княжества еще удерживаются на Дунае. Так, например, в 1162 г. Византия дает Васильку и Мстиславу Юрьевичам четыре города и волость на Дунае.⁷ Мы не ставим своей задачей проследить дальнейшую судьбу русского населения на Дунае, но нельзя не отметить, что и в XIII и в XIV в. русские по-прежнему еще играют известную роль.

Никита Акоминат говорит о бродниках;⁸ сын убитого Асеня I, Асень II, бежит в «русскую землю» и возвращается оттуда с русскими беглецами (своего рода бродниками, берладликами, «галицкими вы-гонцами»); в конце XIII в. в северной Болгарии княжит русский князь Яков-Святослав, приславший в 1262 г. в Киев Номоканон, где он писал о своем русском происхождении. В 1328 г. русский воевода Иван отстаивает

«Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», с. 150. Известия византийских писателей о северном Причерноморье. ГАИМК. С. 10. Кулаковский Ю. Ук. соч. С. 322; Васильевский В. Г. Византия и печенеги // Журнал м-ва нар. проев. 1872. XII. С. 305. 4Кулаковский Ю. Ук. соч. С. 329.

5 Там же. С. 330.

6 Летопись по Ипатскому списку, 1871, с. 204.

7 Там же, с. 357.

g *

Мавродин В. В. Славяно-русское население нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. // Ученые записки Педагог, ин-та им. Герцена. Т. XI. С. 33, 34.

10 В. В. Мавродин

289

от греков Филиппополь, находясь на службе у болгарского царя.¹ В XI—XII вв. русское население нижнего Дуная было еще многочисленным и связанным с остальной Русью, и прежде всего с Галицкой, хотя связи эти не были прочными.

Дашкевич предполагает, что низовья Дуная и Днестра носили название «Берлади», а, следовательно, их русское население называлось «берладни-ками», а сам город Берладь был лишь главным центром берладской земли.² Это предположение достаточно убедительно.

Земли по нижнему Дунаю и Днестру были заселены берладниками, быть может, частично составлявшими и городское население Дунайского понизовья. Это было смешанное по этническому своему составу, но в основе своей русское население, занимавшееся земледелием, охотой, рыбной ловлей, промыслами, часто выходившее для торговли и набегов на своих челнах в море. Полуоседлые земледельцы и промысловики, постоянно готовые к нападению и отпору врага — половцев, болгар, волохов, византийцев, и поэтому опытные воины, берладники были своеобразной «вольницей», населявшей и охранявшей юго-западные окраины древней Руси. Берладники, как и аналогичные им бродники,³ выбирали своих старшин (старейшин), носивших у бродников название «старост» и «воевод». Среди берладников Иван Ростиславич выступает скорее не как полновластный государь, а как предводитель, ограниченный в своих правах традиционными порядками этой «вольницы». Такое положение не могло импонировать Ивану Ростиславичу, и он уходит в Киев.

Политическая биография Ивана Ростиславича за это время очень красочна. Он выступает союзником Святослава Ольговича, служит ему в качестве наемного воина и получает от него 12 гривен золота и 200 гривен серебра.⁴ Затем Берладник изменяет Святославу и переходит на сторону Ростислава Смоленского.⁵ На некоторое время Иван Ростиславич сходит с политической арены — закованный в кандалы Юрием Долгоруким, он сидел в заключении в Суздале. В 1157 г. Юрий Долгорукий собирался перевести его в Киев и выдать своему зятю Ярославу Осмомыслу. Видно опасный претендент на княжий стол, воинственный и популярный в народных массах Иван Ростиславич не давал покоя Осмомыслу. Галицкий князь отправил к тестю за Берладником целую дружину во главе с князем Святополком и Княгином Серославичем. Участь Берладника была, казалось, решена. Но митрополит и игумены напомнили Юрию о его крестном целовании Ивану Ростиславичу (по какому поводу

оно было дано, летопись не сообщает), которое он собирался нарушить, упрекнули Долгорукого в том, что он не только не верен своей клятве, но и издевается над своим пленником («держиши в толице нужи») и хочет «выдати на убивство». Под

'Кулаковский Ю. Ук. соч. С. 333—334; Грушевский М. С. Історія Украши-Руси. II. С. 522.

2 Дашкевич Н. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника // Сборник статей, посвященных Владимирскому-Буданову. 1904.

3 Мавродин В. В. Славяно-русское население нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. // Ученые записки Педагогического ин-та им. Герцена. Т. XI. С. 33—38.

4 Летопись по Ипатскому списку, 1871, с. 234—237.

5 Там же. С. 239.

290

давлением духовенства Юрий вынужден был отказаться от своего плана, и Берладник в оковах снова был отправлен в Суздаль. По дороге в Суздаль дружинники Изяслава Давидовича Черниговского отбивают Ивана Ростиславича и уводят его в Чернигов. Изяславу Давидовичу Берладник был нужен как пугало и орудие в его руках в борьбе против усиливающегося Ярослава Осмомысла.

Ярослав учел новую опасность и в 1159 г. потребовал у Изяслава Давидовича выдачи Берладника. Следует отметить, что судьба Берладника интересовала не одного Осмомысла. Прежде чем начать действовать, Ярослав заручился поддержкой венгерского короля, русских и польских князей, обещавших помощь в борьбе с Берладником, и в Киев к Изяславу Давидовичу требовать выдачи Ивана Ростиславича явились послы Ярослава Осмомысла, короля венгерского, польских князей и русских князей — Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича Чернигово-Северских, Ростислава Мстиславича Смоленского, Мстислава Изяславича Владимирского (на Волыни), Ярослава Изяславича Луцкого и Владимира Андреевича Дорогобужского. Изяслав Давидович вынужден был уступить, и хотя он и не выдал Берладника, но, очевидно, отказал ему в поддержке, и тот должен был, «уполошившись», уйти в степи к половцам.¹ Чем вызвано было создание такого внушительного блока? Чем для короля и князей был опасен Иван Ростиславич Берладник? Прежде всего тем, что в его лице они видели возможного кандидата на свой княжий стол, ставленника горожан, берладников и прочей «простой чади». Его приглашение в Галич восставшими горожанами, его связи с берладской «вольницей», какие-то деяния в Приднепровье и Поволжье, приведшие к тому, что Юрий Долгорукий заковал и заточил его, — все это в совокупности делало Берладника очень опасным для князей и королей. Не случайно не только русские князья, но и король венгерский и польские князья так единодушно откликнулись на призыв Ярослава Осмомысла. Речь шла не об обычном конкуренте князей, а о таком сопернике, который был популярен в народных массах, что само по себе для князей было очень опасно, и который вдобавок умел пользоваться этой популярностью, опирался в борьбе с врагами на сочувствие горожан, берладников и смердов, как это мы увидим дальше, привлекая их на свою сторону уступчивостью (как приглашенный по «ряду», он не мог иначе поступать), совместной борьбой против общих врагов и т. д. Поэтому-то так энергично действовал Ярослав. Он знал, что горожане, берладники, смерды имели достаточно причин для того, чтобы ожидать лишь удобного случая, а когда он представится — поднять восстание. Возглавить его, действуя, конечно, в своих целях и добываясь галицкого княжеского стола, мог Берладник. Нельзя думать, что Иван Ростиславич действовал и выступал для облегчения положения народных масс. Он преследовал свои цели, был и оставался князем, хотя, в силу сложившихся обстоятельств, и несколько своеобразным. Назвать его народным вождем нельзя. Но, выступая против Ярослава, рассчитывая на поддержку народных

масс, он, естественно, стремился к приобретению авторитета и сумел его добиться. Для того чтобы не дать возможности Берладнику возглавить новое восстание, Ярослав пытается расправиться с ним и, как мы видели, неудачно.

1 Там же. С. 341.

291

В степях Берладнику удается заручиться поддержкой половцев, и вместе со своими новыми союзниками он отправляется в «города Подунай-ские», к берладникам, рассчитывая на их помощь и собираясь оттуда выступить против Ярослава.

Восстание не замедлило вспыхнуть. К Ивану Ростиславичу, обосновавшемуся в Подунайских городах, где он закрыл судоходство, «изби две кубаре и взя товара много» и «пакостяше рыболовом галичьским», подходят прежде всего берладники. Скоро их скопилось около шести тысяч человек. Подошли и половцы. Почувствовав свою силу, Иван Ростиславич двинулся к Кучелмину. Горожане «рады быша ему» и немедленно перешли на сторону берладников. От Кучелмина Иван Ростиславич со своей берладской «вольницей», половцами и, по-видимому, присоединившимися к нему «боями» из кучелминских горожан двинулся к Ушице. «Засада» Ярослава вынуждена была укрыться в городе и «начаша бити крепко засадници из города». Но у берладников нашлись единомышленники — ими были смерды. Летопись сообщает, что в момент осады Ушицы «...смерды скачуть через заборолы к Иванови и перебеже их 300».¹ Мы видим, таким образом, как восстание против Ярослава и его бояр и дружины, начатое берладниками, поддерживается горожанами, а затем и смердами, переходящими на сторону Ивана Ростиславича.

Так как Ярославова «засада» энергично сопротивлялась, то взять город можно было только приступом. При этом, конечно, пострадали бы горожане и смерды, укрывшиеся в Ушице. Идти на приступ и предлагали половцы, собиравшиеся, как это они обычно делали, взяв город, ограбить его население и увести в плен. Берладник не послушался половцев, так как в его расчеты не входило настраивать против себя горожан и смердов, и тогда, «разгневашеся, половцы ехаша от Ивана».

Между тем князья Ярослав, Мстислав и Владимир Андреевичи в ответ на выступление Берладника готовили поход на его покровителя Изяслава Давидовича. Последний начал готовиться к отпору и отозвал Берладника в Киев.

Берладник, очевидно, не мог ослушаться Изяслава, покинул Подунай-ские города и возвратился в Киев. Это обстоятельство еще раз подчеркивает, что Иван Ростиславич лишь использовал народные движения, которые ставили себе совсем иные задачи. Берладники, горожане, смерды выступали против феодальной системы (установленной галицким боярством и князем), Иван Ростиславич — против Ярослава. Лишь на время сходились их цели. Поэтому так легко расстался Иван Ростиславич с поддерживавшими его народными низами.

Галичане, правда, по-прежнему тяготели к Берладнику. Так, например, когда Изяслав Давидович в том же 1159 г. двинулся с войском против Ярослава, «ища волости Иванови Ростиславичю», то галичане послали к Берладнику гонцов, заявляя: «Толико явишь стягы, и мы отступим от Ярослава».² Очевидно, галичане продолжали борьбу с Ярославом и ждали только удобного случая, чтобы повторить 1144 год. Но

1 Летопись по Ипатскому списку, 1871, с. 341.

2 Летопись по Ипатскому списку, 1871, с. 342.

292

поход Изяслава был неудачен, и горожанам не удалось «отступить» от Ярослава.

Начатое в 1159 г. движение берладников не улеглось, хотя Иван Ростиславич, одно время его возглавлявший, был далеко, у Выря. «Вольница» берладников на ладьях приходит в море и берет Олешье. Этот налет берладников, напоминающий

черноморские походы казаков, был ликвидирован лишь в 1160 г., когда киевские воеводы Юрий Нестерович и Якун «в насадех» по Днепру спустились до Олешья, отбили город у берладников и преследовали их до Дичина, где «избиша е и полон взяша».¹ Вряд ли закончилось в те годы этим походом берладников народное движение в Га-лицкой земле, поднявшееся в 1159 г., но летописи о дальнейших событиях молчат.

Опасен был еще и Берладник. Под 1162 г. летопись сообщает о его смерти в Солуни, в Византии, добавляя, что «инии тако молвахуть, яко с отравы бе ему смерть».² По своей ли воле Берладник оказался в Солуни, был ли он схвачен и отправлен в Византию кем-либо из князей, скорее всего Ярославом, — неизвестно.

Византия, конечно, с удовольствием принимала таких изгнанников, как Берладник, ибо они всегда могли служить оружием в ее руках в борьбе с теми же русскими князьями. С уверенностью можно сказать лишь одно: сообщение летописи об отравлении Ивана Ростиславича правдоподобно, причем виновником насильственной смерти Берладника едва ли не был его враг Ярослав.

Такова была роль Берладника в событиях, развернувшихся на территории Северной земли. Вернемся к ним.

Юрий не мог выступить сам на помощь Святославу, так как отбивал спровоцированное Изяславом нападение на свои владения рязанского князя Ростислава Ярославича. Он выслал отряд своего сына Ивана Юрьевича, которому Святослав, в благодарность за поддержку, отдал Курск с Посемьем. Давидовичи также получают поддержку. К ним подходит Мстислав Изяславич с переяславцами и берендеями. Объединенными усилиями противники Святослава берут Путивль. Горожане энергично сопротивлялись, но вынуждены были сдаться, заставив все же Изяслава присягнуть себе. В Путивле было захвачено 700 человек челяди Святослава, 500 берковцев меду, 80 корчаг вина, разграблено церковное имущество.³ Путивль-ский двор князя характеризует богатство вотчин северских князей.

Их враги захватили громадные стада и косяки лошадей еще до этого, у села Мельтеково, жгли их «жита и дворы», громили их «всю жизнь» у Лю-беча, грабили княжее «Игорево сельцо», громадные богатые княжьи вотчины с челядью, скотом, запасами, накопленными сокровищами и т. д., разбросанные повсюду в Северной земле. Северские князья — едва ли не богатейшие в своей среде, ибо каждый раз летописец с удивлением констатирует громадные размеры их движимого и недвижимого имущества. Стремление к сохранению самостоятельности заставляет города Северной

1 Там же. С. 346, 348.

2 Там же. С. 355.

Ипатьевская летопись, с. 333, 334.

293

земли энергично сопротивляться нападению Давидовичей и Изяслава. Путивль и Новгород-Северск, покинутые своим князем, сдаются только тогда, когда была исчерпана возможность дальнейшего сопротивления и только после того, как им присягает князь и именно не Давидович, а сам Изяслав, что, по мнению П. Голубовского, объясняется отдаленностью Киева и вероятной эфемерностью его господства.¹

Под натиском сил союзников Святослав Ольгович вынужден был отступить. Лесные дебри земли вятичей стали служить пристанищем для северского князя. И впервые в летописи с этого момента начинают упоминаться города вятичей. В эти годы в вятичскую землю впервые, собственно, проникают столь сильные княжьи дружины. Самостоятельность вятичей была подорвана походами Мономаха, когда была

уничтожена местная верхушка. Вместе с Ходотой и его сыном исчезает вятичская варварская племенная знать, по-видимому, уже феодализирующегося порядка. В середине XII в. «вятичи» летописи — слабо дифференцированная масса общинников. О вятичских князьях и боярах мы почти не имеем указаний, если не считать вятичским боярином московского боярина Кучку. С вятичами князья совершенно не считаются, их земля становится ареной ожесточенной борьбы, подвергается в результате длительных военных действий разорению и опустошению, но сами вятичи в этой драме, знаменовавшей собой окончательную ликвидацию их былой самостоятельности, играют роль безмолвных статистов. Очевидно, поход Мономаха «на вятичи», экспедиции рязанских, северских и ростовских князей в окраинные земли вятичей привели либо к разгрому вятичской верхушки в той ее части, которая пробовала сопротивляться, либо к ее ассимиляции в среде дружинного боярства окрестных феодальных городов. Вятич к тому времени и в тех именно районах, которые становятся ареной межкняжеской усобицы, выступает уже главным образом просто как смерд или горожанин, который не в состоянии бороться с массовым проникновением в его некогда непроходимую лесную страну княжеских дружинников. Эти последние в своей борьбе совершенно не обращают внимания на исконных хозяев края, используя их города в качестве своих опорных пунктов в войне с врагом, таким же чужим в вятичской земле, как и они сами. На страницах летописи мелькают вятичские города: Дедославль, Карачев, Остер, Колтеск, Ло-быньск, Москва, Неринск, Брянск, Мценск, Облов (Оболь), Воробейна, Девягорск, Козельск и др.

Все же по отношению к вятичам. политика Святослава отличалась от политики Изяслава. Если Изяслав шел к Карачеву, грабя на своем пути и вызывая этим ненависть вятичей, то Святослав, избрав вятичскую землю в качестве своего убежища, действовал гораздо осторожнее, желая привлечь к себе симпатии населения, впервые столкнувшегося с такими многочисленными и сильными княжескими дружинами, к которым они всегда, естественно, чувствовали недоверие и ненависть. Зная, что только сила может удержать вятичей от борьбы с непрошенными гостями и в то же время не рассчитывая на свою военную силу, Святослав, обеспечивая себе тыл, решил установить более или менее нормаль-

Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия.

294

ные отношения с вятичами. Это ему, как мы увидим дальше, в известной мере удалось.

Святослав наносит короткие удары и уходит все дальше и дальше в глубь вятичской земли. В Остре покидает его Иван Берладник, князь-ландскнехт, получивший от Святослава «за службу» 12 гривен золота и 200 гривен серебра. Давидовичи в это время становятся хозяевами удела Святослава, а Изяслав Мстиславич — удела Игоря, после чего киевский князь прекращает преследование Ольговича.

Несмотря на уход половцев, последний не ослабел. Юрий Долгорукий оказывает ему поддержку, а Давидовичи не в силах справиться сами со Святославом. Когда они попробовали поймать его руками самих вятичей и на вече в Дедославле старались убедить вятичей в том, что Святослав — их враг, последние резонно заметили, что им все равно, кто их князь — Давидович или Ольгович.¹ Им, конечно, было все равно, кто будет собирать дань, кабалить и захватывать их земли. Через год «мирная» политика Святослава по отношению к вятичам дала свои результаты, и когда он занял Дедославль, по-видимому, центральный город вятичской земли, то посадники Давидовичей, посаженные ими в других городах, опасаясь выступлений вятичей, поспешили сами скрыться.² Пока Святослав отсиживался в земле вятичей, Юрий завоевывает у Новгорода Новый Торг и поселения по Мете, нанося этим удар

союзнику Изяслава Мстиславича. Вслед за этим Святослав предпринимает поход на второго союзника киевского князя — князя смоленского Ростислава Мстиславича и по дороге на р. Протве громит голядь, по-видимому, литовское племя, оторванное от других литовских племен и представляющее собой своеобразную этнографическую загадку. На совещании в Москве в 1147 г. Святослав и его сын Олег получают подарки от Юрия, и начинается отвоевывание вятичской земли. Посадники Давидовичей бегут из вятичских городов. На помощь Святославу подходят половцы-токсобичи под начальством Судимира Кучебича и Го-рена, суздальская рать Глеба Юрьевича и бродники. Подробнее о бродниках мы остановимся ниже, а пока лишь отметим их участие вместе с половцами в борьбе князей между собой на стороне Ольговичей.

Давидовичи решают действовать на два фронта: они обещают Святославу поддержку и просят мира, рассчитывая захватить Киев, а Изяслава призывают к борьбе со Святославом. Киевское вече 1147 г. в ответ на призыв Изяслава выступить против Юрия отвечает отказом, помня времена возвышения Киева при Мономахе. Боярская верхушка Киева не хотела поднять руку на «Мономахово племя» и предлагала князю не доверять «Ольговичам», под которыми надо подразумевать, кстати сказать, не Оль

"Татишев В. Н. История Российская. Т. II. С. 298; Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 129.

2 М. С. Грушевский отмечает постепенное сосредоточение вотчин северских князей все дальше и дальше на севере, все ближе и ближе к вятичским лесам, где они были в безопасности от нападений кочевников и где, прибавим мы от себя, эксплуатация сельского населения началась недавно и сулила большие прибыли. Этим-то, быть может, отчасти и может быть объяснено то обстоятельство, что в земле вятичской северские князья чувствовали себя не так, как их враги (см. его статью «Чернипв і Оверщина в украшсьої історіїV в сборнике «Чернипв і гавшчне Лівобережжя», с. 106—108).

295

говичей, а Давидовичей.¹ Изяслав набирает дружину из «охочих» киевлян и идет навстречу Святославу. Посланный в Чернигов боярин Улеб доносит об измене Давидовичей, и Давидовичи, под нажимом Изяслава, признались в ней. Изяслав мобилизует свои силы. Собранное князем киевское вече, и это единственный случай, когда в Киеве вече собирает князь, обеспокоенное переходом Чернигова в лагерь врагов, волнуется. Жертвой его стал Игорь Ольгович, принявший уже в то время схиму. Игорь был убит.

Вскоре же развернулась борьба за Посемье, так как Курск с Посемьем отказались воевать с Мономаховичами и приняли посадников Глеба Юрьевича, обезопасив себя таким образом от расправы Изяслава. Последний действует в Переяславльской земле, тяготевшей к Юрию Долгорукому, берет Попашь, затем подходит к Чернигову и начинает «воевать» Черниговскую землю. Так как горожане энергично сопротивлялись, киевский князь решил напугать население своей жесткостью. Изяслав разорял города и опустошал целые области. Так, например, во Всеволоже, взятом с боя и разрушенном, собралось население трех ранее уже захваченных Изяславом городов. Спасаясь от погрома, бегут к Чернигову жители Бохмача, Белой Вежи, Уненежа, но по дороге их захватывают в плен дружинники Изяслава. Особенно энергично сопротивлялся Глебль, и это принудило Изяслава снять осаду города и отступить в Киев.

На помощь Изяславу приходит Ростислав Смоленский. Он берет Любеч, где была «вся жизнь» черниговских князей. Этот поход ставил своей целью подрыв хозяйственной базы союзников. Глеб с Посемья предпринимает поход в Переяславльскую землю. Здесь он захватывает Остерский городок и, получив

сообщение от боярина Жирослава о том, что переяславцы ждут его и откроют ему ворота, подходит к Переяславлю. Но группа бояр — сторонников Глеба Юрьевича — была, очевидно, недостаточно сильна, и переяславльский князь Мстислав Изяславич отбивает нападение Глеба. Северские князья не могли помочь осажденному в Остерском городке Глебу, и он вынужден был заключить мир с Изяславом.

Тяготение Глеба к Переяславлю вызвано стремлением князей подготовить почву для дальнейшего наступления на Киев с целью захвата киевского стола. В этом отношении Переяславльское княжество было очень удобно. Курск с Посемьем, в свою очередь, представлял собой связующее звено между Суздалем и Переяславлем, попавшее, кстати сказать, в то время также в руки суздальского Глеба Юрьевича.

Глеб чувствует себя в этой коалиции князей на особом положении. Прекрасно понимая, что без поддержки его и его отца, Юрия Владимировича Долгорукова, Святослав не смог бы долго сопротивляться, он действует совершенно самостоятельно, не считаясь с интересами своих союзников. Из Курска Глеб предпринимает походы против половцев, исконных союзников северских князей, с ханами которых последние были вдобавок и в родственных отношениях. Конечно, нельзя думать, что Глеб был противником всех половецких племен и колен, так как в суздальских ратях мы видим и половцев и союзное им население половецких степей —

1 Ипатьевская летопись, с. 343, 345; Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 131.

296

бродников. Останавливает на себе внимание также и факт тяготения городов Северской земли, в частности Курска с Посемьем, к суздальскому князю. Летописец прямо говорит о том, что Курск отказался бороться с «Мономаховым племенем», но зато обещал полную поддержку киевскому князю в войне с Ольговичами.¹ По-видимому, как предположил еще Татищев, подобная позиция Курска объясняется его попыткой избежать расправы со стороны киевского князя, с одной стороны, и суздальского, с другой. Киевские князья, как бы считали в порядке вещей, что у многих городов на «Мономахово племя» не поднимаются руки. Так было в Киеве, и объяснение этому явлению было уже нами дано выше, так ответили князю, по примеру киевлян, и в Курске. Прямо отказать Изяславу в поддержке Курск не решался. Такой уклончивый ответ в одно и то же время не мог вызвать репрессий со стороны киевского князя и страховал, в случае успешных действий Глеба Юрьевича, от расправы и со стороны последнего, тем более, что Курск с Посемьем давно «тянули» к потомкам Всеволода Ярославича, и курские феодалы-дружинники считали себя все же вассалами князей из рода «суздальских Мономаховичей», а Святослав Ольгович, разбитый и скрывающийся в земле вятичей, был не страшен. К тому же Курск, быть может, в это время даже прямо тяготел к нему, но опасался упоминать имя Святослава Ольговича в разговоре с Изяславом, чтобы не вызвать с его стороны военных действий. Переговоры курян с князем, закончившиеся в пользу первых, заставляют сделать вывод о большой политической роли в Курске чрезвычайно сильного местного феодального элемента, что подтверждается «Словом о полку Игореве». Куряне, благодаря особенностям местоположения своего города на пограничье с половецкой степью, так же, как и жители других пограничных городов, «сведоми кьмети», опытные воины, прекрасная конница, не боящаяся ни трудов, ни опасностей. Здесь не только складывается воинственное «земское» боярство (по-видимому, это были главным образом мелкие феодалы), но и собственно городское население — купечество, ремесленники — было вооружено. Такой «вооруженный народ» имел достаточно сил для ведения войны без поддержки княжеской дружины, и этим объяс-

няется его политическая роль. На окраинах Руси местные городские дружины были наиболее сильны, и здесь они выступали часто как решающий фактор.

В 1148 г. Изяслав с берендеями, уграми, дружинами Вячеслава снова действует на Левобережье. Он решительно продолжает свою политику опустошения земли. Сожженные города и села, трупы убитых горожан и смердов оставались на его пути. Изяслав хотел устрашить население, часть которого захватывалась в плен, а часть истреблялась, и подорвать экономическую базу своих врагов. Осадив в Чернигове Святослава Ольговича, Изяслава и Владимира Давидовичей и Святослава Всеволодовича и будучи не в силах взять город приступом, он выжигает все окрестные черниговские села вплоть до Боловосо, а оттуда идет к Любечу, где была «вся жизнь» северских князей. Поход Изяслава в район расположения вотчин северских князей заставляет их выйти из города. У Любеча сошлись их

1 Ипатьевская летопись, с. 355.

297

рати. Видя силу Изяслава, северские князья просят у Юрия поддержки, но помочь им он ничем не мог, так как суздальские рати Глеба в это время снова пытались захватить Переяславль, но опять неудачно. Отпор Глебу дало само переяславльское боярство. Никоновская летопись приводит интересный отрывок из легенды о некоем богатыре, очевидно, боярине Демьяне Куденевиче, который со своим слугой Тарасом и пятью отроками действует против Глеба.¹ Последний должен был отступить в Черниговщи-ну и, не получив поддержки ни от него, ни от Юрия, северские князья вынуждены были заключить мир с Изяславом.² Глеб бросает Остерский городок и уходит к отцу в Суздаль, не рассчитывая на свои силы. Остер был закреплен за Киевом. Успешно разбив противника на юге, Изяслав решает выступить против Юрия.

Ему удастся сколотить союз князей. В него вошли Ростислав Юрьевич и Давидовичи; Ольговичи также были вынуждены принять в нем участие, но на съезде князей в Остре они не участвовали, и от имени Святослава говорили Давидовичи. Когда началась война, северские князья прежде всего вводят свои рати в землю вятичей. Этим еще раз подчеркивается их стремление к освоению вятичской земли. «Неизъезженная» область вятичей сулила большие доходы в результате эксплуатации вятичского смерда, и князья зорко следили за тем, как бы ее не потерять. Давидовичи и Святослав, зажатые между Суздалем и Киевом, лавируют и хитрят, причем особенно искусно действует Святослав.³ Когда Изяслав выгнал из Киева подозрительного для него Ростислава Юрьевича, сносившегося с недовольными Изяславом черными клобуками, Юрий воспользовался этим как предлогом для новой войны с Изяславом. Она, казалось бы, сулила ему победу, так как в тылу у Изяслава глухо волновались черноклобуцкие поселения, сила и политическое значение которых в Киеве к тому времени значительно возросли.⁴ Святослав получает от Юрия предложение примкнуть к нему. Осторожный Святослав сперва посылает гонца к Юрию, чтобы убедиться, действительно ли затевается поход, а затем шлет гонца и к Изяславу с предложением своих услуг в борьбе с Юрием в виде компенсации за возвращение владений Игоря Ольговича. Когда Изяслав ответил отказом, Святослав перешел на сторону его противника, думая округлить свои владения, ограничивавшиеся в то время Новгород-Северским княжеством, так как Черниговским владели Давидовичи: Владимир получил Чернигов, Курск с Посемьем и часть земли вятичей, Изяслав — остальную часть вятичской земли. В войне Изяслава с Юрием Давидовичи примкнули к первому. Война происходила на территории Переяславльской земли. Когда дорога на север оказалась отрезанной Давидовичами, Юрий отступает к Белой Веже, где и ожидает союзников — половцев. Переяславль — ключ к

1 Никоновская летопись, с. 177—178.

2 Ипатьевская летопись, с. 363—365.

3 Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 134.

4 Голубовский П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар; Затырке-в и ч. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование русского государства в домонгольский период.

Необходимо отметить, что Затыркевич склонен чересчур переоценивать роль кочевников.

298

овладению Киевом, поэтому Юрий и стремился прежде всего захватить этот город. К Изяславу подходят Ростислав Смоленский, черные клобуки, Изяслав Давидович. Недовольство черных клобуков Изяславом, тяготение части переяславльских бояр и дружинников к Юрию быстро сказалось. В бою под Переяславлем 23 августа 1149 г. дрогнули и отступили сперва черные клобуки и дружинники Поросья, а затем перешли на сторону Юрия и переяславцы. Благодаря их измене, несмотря на энергичное сопротивление, вынужден был бежать и Изяслав. В Киеве снова собирается вече. Киевляне в ответ на вопрос Изяслава, будут ли они его защищать, отвечают, что сейчас они истощены и не в состоянии больше бороться. Изяслав с семьей уходит во Владимир-Волынский. В Киев вступил победитель Юрий Долгорукий. Княжеский стол остался за ним. Давнишнее стремление Юрия к Киеву увенчалось успехом. Юрий быстро «осваивает» южную Русь, раздавая земли сыновьям и союзникам. Переяславль получает Ростислав Юрьевич, Курск с Посемьем и Сновскую тысячу, Случек, Клецк и дреговичей получает Святослав Ольгович.

Изяслав не прекратил борьбы. Межкняжеский конфликт превращается в международный. Изяслав не останавливается перед приглашением интервентов. К Киеву вместе с Изяславом двигаются венгерские войска. Во главе своих отрядов идут чешский король Владислав и польский король Болеслав с братом Генрихом. В результате длительной войны Киев остался все же за Юрием, а Изяслав по-прежнему вынужден был уйти во Владимир-Волынский. Недовольный Изяслав снова ссорится с Юрием. Решающую роль в борьбе Юрия с Изяславом сыграли черные клобуки, которым не могла нравиться система управления Юрия, отличавшаяся бесцеремонным грабежом и насилием. Черные клобуки переходят на сторону Изяслава, что и решает вопрос в его пользу. Юрий вынужден покинуть Киев, и его снова занимает Изяслав. В руках Юрия и его сыновей Андрея и Ростислава остается, правда, Переяславль, и это не может не тревожить Изяслава, хорошо понимавшего, какое значение имеет Переяславль для наступления на Киевщину. Едва ли не основной причиной успеха Изяслава является переход на его сторону, как мы указали, черных клобуков. Черные клобуки стали серьезным политическим фактором в общественной и политической жизни Киевской земли. Города черных клобуков — настоящие феодальные центры оседающих на землю кочевников; их князья-ханы располагали сильными дружинами и, вмешиваясь в межкняжеские усобицы, зачастую выступали в качестве вершителей судеб южных княжеств и отдельных князей. Юрий восстановил их против себя благодаря тем же особенностям своего господства и управления, насилию и грабежу, которые послужили причиной начавшегося после смерти Юрия восстания против «суздальцев» во всей Киевской земле. Восстание низов сельского и городского населения было обусловлено системой регулярной, систематической эксплуатации, установленной в то время в Ростово-Суздальской земле и перенесенной Юрием в Киев. Дани, поборы, повинности были распространены Юрием на черноклобуцкое население, с которого Изяслав, очевидно, брал меньше, чем Юрий. По-видимому, также была задета и политическая самостоятельность черноклобуцких городов и ханов.

299

Результатом системы управления, установленной Юрием в чернокло-буцких землях, был переход их на сторону Изяслава. Не обошлось дело, очевидно, без того, чтобы Изяслав не пообещал какие-либо льготы черным клобукам.

Этими методами он действует и далее, стараясь выгнать Юрьевичей из Переяславльской земли. Мстислав Изяславич пытается поднять турпеев в Переяславщине и тем нанести удар тылу своих противников. Маневр не удался. Ростислав и Андрей Юрьевичи громят турпеев, отгоняя их к Днепру. В это время выступают против Изяслава Володимирко Галицкий, Давидовичи и Святослав Ольгович. Мстислав отступает к Киеву, уводя с собой берендеев. Благодаря второй измене черных клобуков, которую объяснить трудно, Изяслав снова был изгнан из Киева и снова с берендеями и венграми овладевает городом и столом и договаривается о поддержке с черными клобуками. В 1151 г. единый лагерь союзников Юрия раскалывается. Изяслав Давидович переходит на сторону Изяслава Мстиславича, а брат его Владимир и Святослав Ольгович продолжают поддерживать Юрия. Сделав такой шаг, Изяслав Давидович, лично выигрывая, тем самым ставил под угрозу независимость Северской земли от Киева. Юрий заключает мир с Изяславом и Вячеславом и по договору должен был уйти из Переяславля в Суздаль. Не желая терять этот важный стратегический пункт, Юрий медлит с оставлением города. После смерти Владимира Давидовича, убитого в бою, черниговский стол занимает Изяслав. Попытка Святослава Ольговича захватить Чернигов успеха не имела, и он со своим племянником Святославом Всеволодовичем уходит в Новгород-Северск. Остерский городок был сожжен Изяславом, так как это был форпост Юрия. В ответ на сожжение Остерского городка Юрий с половцами, рязанскими дружинниками и дружинниками своего старого союзника Святослава Ольговича снова начинает военные действия. Война развернулась в вятичской земле Изяслава Давидовича.

Юрий берет вятичские города и продвигается все дальше и дальше на юг, к Чернигову. Были взяты Мценск, Спашь, Глухов, осажден Чернигов. Когда из Киева на помощь осажденному Чернигову двинулись дружины, половцы бросили Юрия, и последний вынужден был отступить в Суздаль, оставив Святославу Ольговичу, который теперь один должен был сражаться с целой коалицией, всего-навсего 50 дружинников. По дороге союзники Юрия, половцы, разгромили Посемье — Путивль, Рыльск, чем и ослабили своего вчерашнего союзника. Святослав Ольгович остался один. Энергичная оборона Новгород-Северска позволила ему заключить мир с Киевом и спасла князя от окончательного разгрома. Изяслав в это время предпринимает поход против половцев, в степи, куда на Угол и Самару проходят дружины его сына Мстислава с черными клобуками. Были захвачены половецкие вежи, стада и освобождены пленники. В 1153 г. половцы отвечают на это разорением Посулья. В этом же году Мстислав с берендеями ходил на низовья Днепра, в Олешье, первый русский город, который проходили «гречники» — купцы, торговавшие с Византией. Город, очевидно, платил дань половцам, и они его не трогали. Здесь он ожидал свою мачеху, абхазскую княжну («обезку») которую ему пришлось встретить лишь в 1154 г.

300

В 1153 г. переяславльский полк Мстислава принимал участие в битве на Серете, где столкнулись рати его отца и галицкого Ярослава Осмомысла.

Пока Мономаховичи занимались своими Делами, Изяслав Давидович и Святослав Ольгович на съезде в Хоробре договорились «быть за один муж».1 П. Голубовский объясняет это примирение недовольством со стороны Изяслава политикой киевского князя, по-своему распорядившегося Новгород-Северским уделом.2 Когда в 1154 г. умирает Изяслав Мстиславич, Изяслав Давидович пытается захватить Киев, но неудачно. В Киеве на престол садится Ростислав Мстиславич. Глеб Юрьевич с

половцами ведет в это время операции против Переяславля, но тоже неудачно, и лишь тогда, когда Изяслав Давидович изгнал Ростислава из Киева и сам сел в Киеве при поддержке боярства и духовенства, Глеб Юрьевич получает от него Переяславльское княжество. Изяслав Давидович отдает Чернигов Святославу Ольговичу. Уступкой Глебу Переяславля Юрий не удовлетворился и предпринял поход на Киев. Желая предотвратить войну, Святослав Ольгович возвращает Изяславу Давидовичу Чернигов, а сам удаляется в свою отчину Новгород-Северск. Изяслав вынужден был уступить силе, и в 1154 г. Юрий в третий раз занимает Киев. В эти годы Черниговское княжество получает Корчск, а Новгород-Северское — Мозырь. Юрий улаживает споры берендеев и половцев, одаривает последних за обиды, причиненные его подданными — берендеями, но половцы тем не менее предпринимают ряд набегов, которые заставляют Юрия вести по отношению к кочевникам наступательную политику. Стремясь укрепить свое положение великого князя, Юрий раздает земли своим сыновьям. Глебу он дал Переяславльское княжество, Борису — Туровское, Андрею — Вышгород и Васильку — По-росье. Юрий занялся и установлением брачных связей с другими князьями. Он женил Глеба на дочери Изяслава Давидовича, Мстислава — на дочери видного новгородского боярина Петра Михалковича. Юрий пытается ввести в Киевской земле ту систему господства и управления, которая складывается в Ростово-Суздальской земле, систему вотчинного хозяйства, сочетающегося с всевозможного рода «поборами». Последствия этой политики скажутся несколько позднее. Юрий стремился вернуть времена Мономаха, причем, в отличие от попыток отца в области консервации распадающейся «империи Рюриковичей», все мероприятия Юрия в этом отношении выглядят убого. Стремясь к захвату Киева и сосредоточению в своих руках всего того, что не стало еще неотъемлемой частью других феодальных княжеств-полугосударств, Юрий не мог распространить свою власть на ту территорию, которую некогда держал в своих руках Момах, не мог достичь и той власти, которую имел его отец. Политика Юрия была в этом отношении прототипом политики его сына — Андрея Юрьевича Боголюбско-го, который усматривал в Киеве лишь объект ограбления и тяготел к своей земле больше, нежели к Киеву, захват которого был для него просто удобным средством быстрого обогащения. Недаром после смерти Юрия восстает истощенный поборами киевский сельский и городской люд, и только своевременная смерть Юрия, быть может, избавила его от участи сына.

Ипатьевская летопись, с. 356—477.

Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 137—138.

301

В Северской земле продолжают усабицы, причем в них совершенно различные позиции занимают Святослав и Изяслав. Первый, типичный представитель «земского» князя, стремится к упрочению своей власти, к устройению и усилению своего удела, к расширению своего феодального хозяйства. Захватывать чужие земли и чужие уделы он не собирался, и в этом сказывалась связь князя с местным боярством, которое, как нами было уже указано, поддерживало оборонительную политику князя, его «земские» интересы, но уклонялось от поддержки его в междоусобных войнах Изяслав, наоборот, принимал активное участие в общекняжеской борьбе за новые земли. Святослав Ольгович вступает перед Юрием за своего племянника Святослава Всеволодовича, одно время примкнувшего к их общему врагу, и только меняет города, ему принадлежащие (Сновск, Карачев, Воротыньск), на три других. Племянник Изяслава, Святослав Владимирович, не получает от дяди полагавшийся ему Стародуб и вынужден удовольствоваться Березной. В 1156 г. он направляется во Вщиж и захватывает Подесенские города. Изяславу в борьбе с племянником пришлось прибегнуть

снова к помощи половцев. На съезде у Мстиславля съехались дяди и племянник и договорились о своих владениях. Одно время Изяслав пытался начать борьбу за Киев с Юрием, но Святослав заставил его отказаться от этих планов.

В 1158 г. умирает Юрий Долгорукий. В Киеве и Киевской земле начинается восстание, и тем легче было Изяславу Давидовичу занять киевский стол. «И много зла створися в ть день (день смерти Юрия Долгорукого. В. М.): розграбиша двор его красный, и другой двор его за Днепром разь-грабиша, его же звашет сам раем, и Васильков двор сына его разграбиша в городе; избивахуть суждальцы по городам и по селам, а товар их грабяче».¹ Это восстание свидетельствует о непомерных поборах, самоуправстве и гнете со стороны данщиков и тиунов Юрия, обрушившихся на плечи киевских горожан и смердов. Изяслав Давидович пытается оставить за собой и Чернигов, но, опасаясь противодействия со стороны Святослава Ольговича, отдает ему Чернигов. Святослав Владимирович получил Вщиж, а Святослав Всеволодович — Новгород-Северск. Так высоко ценимую князьями землю вятичей Изяслав оставил себе.

В скором времени Изяслав попытался нанести удар врагам, подчинив своему влиянию Галич. В 50-х годах XII в., как мы уже видели, внутри Га-лицкого княжества разгорается борьба между смердами, городским людом (купцами, ремесленниками и т. п.), свободным и полусвободным земле-дельческо-промысловым населением Дунайского Понизовья — берладни-ками, с одной стороны, и боярской олигархией, действовавшей в союзе с князем и его боярами-дружинниками, — с другой.

Теперь мы остановимся на вопросе о связи галицких событий с политической жизнью Северской земли и вернемся к некоторым сторонам деятельности Ивана Ростиславича Берладника. Мы уже упоминали о том, как в 1157 г. Ивана Ростиславича Берладника пленником приводят в Киев к Юрию, и тот из опасения, что князь берладский может стать и здесь во главе восстания, используя его в своих целях, несомненно, далеких от целей вос

¹ Ипатьевская летопись, с. 494.

302

ставших, уже собирався выдать Берладника галицкому князю Ярославу Осмомыслу. От выдачи Ивана Ростиславича Ярославу Осмомыслу Юрия удержало киевское духовенство, опасавшееся выступления народных масс, среди которых Берладник был достаточно популярен. Берладник скрылся в Чернигове у Изяслава Давидовича, и когда тот стал киевским князем, Осмомысл потребовал выдачи своего беспокойного двоюродного брата — Ивана Ростиславича. Опасения Осмомысла разделяли и другие князья, в представлении которых этот своеобразный вождь направленного против боярско-княжеской олигархии движения был очень опасным человеком, и его оставление на свободе было чревато большими последствиями. Для Изяслава Давидовича Берладник был необходим как своеобразный козырь в его руках. Используя этот козырь (а Изяслав Давидович рассчитывал, что одно появление Берладника вызовет снова «встань» по всей Галицкой земле), новый киевский князь думал путем свержения Ярослава и предоставления галицкого стола Ивану Ростиславичу подчинить себе и Галицкое княжество. Наконец, оставив его при себе, Изяслав мог добиться уступок со стороны Осмомысла, в случае если бы не хватило сил для открытой борьбы. Имя Берладника на случай войны с Галичем как нельзя более могло бы пригодиться Изяславу, и объединенными силами киевских дружин и сторонников Берладника из числа самих галичан (берладников, смердов, горожан) Изяслав рассчитывал сокрушить силу Осмомысла. Борьба с Галичем требовала больших средств, мобилизации всех сил, и иметь такой козырь, как Берладник, для Изяслава было очень важно. Изгнанный из Галича Берладник и сам был непрочь стать

союзником Изяслава, так как это сулило ему галицкий стол, хотя бы даже вассальный Киеву. Князья же усматривали в этом союзе нечто противоестественное. Они не могли примириться с мыслью о том, что киевский князь покрывает лицо хотя и княжеского рода, но связанное с широкими слоями населения, с их борьбой против князя и боярства.

То обстоятельство, что борьба горожан, смердов и берладников против феодальной олигархии и борьба Ивана Ростиславича за княжеский стол, а следовательно, и борьба с князем, этот стол занимавшим, были явлениями совершенно различного порядка, — для понимания князей было недоступно. Поэтому вполне естественно, что всякое упоминание о Берладнике ассоциировалось у них с воспоминаниями о восстаниях городов, о движении смердов, об отрядах — «ватагах» берладников, ордах половецких, огнем восстаний и войны охвативших всю Галицкую Русь. В Киев, к Изяславу, как мы уже указывали, явились послы, «мужи», Ярослава Осмомысла и других князей с требованием выдать Берладника. Изяслав не выдал Берладника, но вынужден был отказать ему в убежище, и Берладник уходит к половцам и дальше, на Дунайское Понизовье.

Ярослав в союзе с князьями движется к Киеву. Изяслав наспех заключил договор с недовольным Святославом Ольговичем, которого он в свое время обидел тем, что «не исправил ему Черниговской волости». На этот раз Изяслав обещал ему в награду за помощь Мозырь и Чечерск. Князья съехались в Лутаве, где и был заключен союз между всеми северскими князьями: Святославом Ольговичем, Олегом и Игорем Святославичами (его сыновьями), Святославом Всеволодовичем, Изяславом Давидовичем и Святославом Владимировичем. Ярославу эта внушительная коалиция князей показалась

303

опасной, и поход был приостановлен. Это обстоятельство окрылило Изяслава и он уже сам движется на завоевание Галицкой земли, «отчины» Берладника, которую он теперь рассматривает как свою собственность. Попытки Святослава Ольговича отговорить Изяслава от этой авантюры не увенчались успехом, причем Изяслав даже припугнул его перспективой снова очутиться в Новгород-Северске. Интересен ответ Святослава. Он указывает, что владеет только Черниговом, десятью опустевшими городами, в том числе Моро-вийском, Оргощем, Любечем и Всеволожем, в которых живут «псареве же и половцы».1 Города Черниговщины запустели. Вряд ли, конечно, действительно в них жили одни псары да половцы, осевшие на землю в Черниговщине и превратившиеся в данников князя. Князь жалуется, а следовательно, преувеличивает. Тем не менее в его словах звучит и правда, так как постоянные княжеские усобицы, сопровождающиеся разорением и сожжением городов и сел, уничтожением пашен, садов, огородов, истреблением и пленением населения, не могли не вызывать запустения целых областей. Энгельс, говоря о войнах периода феодальной раздробленности — бесконечных и бессмысленных раздорах феодалов, приводивших к тому, что «внутри страны шла непрерывная война...», отмечает, что результатом их было «состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья».2 Рассмотренная нами история княжеских усобиц на территории Северной земли ярко иллюстрирует это положение Энгельса. Она вся наполнена упоминаниями о сожженных до тла и ограбленных, уничтоженных, взятых «на щит» городах и селах, об истребленных или уведенных стадах, о вытопанных и выжженных посевах, полях, о массовом истреблении населения, превращении свободных в рабов, о целых партиях пленных, о вереницах беглецов, тянущихся по дорогам из города в город в поисках пристанища. Население прячется в лесах, болотах, кое-как добывая средства для жизни. Всюду

разорение, пепелища, трупы. «Слово о полку Игореве» дает художественное описание состояния страны в самом начале войн периода феодальной раздробленности, во времена Олега Святославича:

Были походы Ольговы,
Олега Святославича,
Тот же Олег мечом
Крамолу ковал...
Тогда при Олеге Гориславиче
Сеялась и взростала усобицами
Погибала жизнь Дажбожья внука.
В княжьих крамолах
Веки человеком сокращались
Тогда по русской земле
Редко оратаи кликались
Но часто вороны каркали,
Трупы деля меж собою,
А галки свою речь говорили
Стремясь полететь на поживу.
Ипатьевская летопись, с. 500.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI. Ч. I; Э н г е л ь с Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии. С. 443.

3 Слово о полку Игореве Изд. «Academia» / Перевод С. Шарвинского. 1935. С. 95—96.

304

Образная характеристика древнего литературного памятника не нуждается в комментариях.

То же, что было в конце XI в., при Олеге Святославиче, было и в середине XII в.: истощение производительных сил, обнищание населения, запустение и обезлюдение земель были результатом княжеских усобиц.

Интересно и упоминание о половцах в городах Черниговской земли. С одной стороны, это лишнее указание на тот процесс внедрения половцев в среду местного славянского населения и постепенной их ассимиляции вместе с оседанием на землю, который шел издревле. Тюркские элементы на территории Северной земли являются чрезвычайно древними, уходя, как мы уже указывали, по крайней мере, к болгарам. С другой стороны, упоминание о половцах и псарях в городах Черниговщины указывает на то, что земледельческое население более нежели какое-либо другое терпело от княжеских усобиц, тогда как полукочевники и охотники, естественно, лучше приспособлялись к «бесконечным и бессмысленным» войнам этого времени. Пашни, огороды, луга уничтожались всеми средствами, ибо это был один из способов войны, наносящей удар по жизненным силам врага, а уничтожить дичь и рыбу, объект промысла охотника и рыбака, вытоптать луга и пастбища — было невозможно. Равным образом трудно было настичь, уничтожить имущество и взять в плен самого, вечно ускользающего от преследований кочевника, процесс превращения которого в оседлого земледельца и скотовода только начинался. Приведенное выше указание летописи о псарях и половцах игнорировать не приходится. Оно, к тому же, проливает свет и на некоторые другие вопросы. Очевидно, Святослав Ольгович распоряжался далеко не всей Черниговской волостью. Ему достался лишь Чернигов с семью городами, а всю волость Черниговскую «собою держать» Изяслав Давидович. Последний, вместе со своим племянником Святославом Владимировичем, хозяйничает во всей остальной части Черниговщины.¹

Поход Изяслава на Галич 1159 г. не увенчался успехом. Причиной была измена берендеев, которые все больше и больше становились фактическими вершителями судеб в борьбе князей за Киев.²

Изяслав вместе со Святославом Владимировичем и Владимиром Мсти-славичем бежит в Гомель, причём его побег был организован Глебом Юрьевичем Переяславльским и Ярославом Всеволодовичем, а из Гомеля Изяслав уходит в землю вятичей. Святослав в отместку разграбил имущество бояр Изяслава и захватил в плен их жен. Затем он заключает союз с севшим на киевский стол Ростиславом Мстиславичем Смоленским, скрепленный на съезде в Моравийске в 1160 г., в результате чего разгорается новая междоусобная борьба. Изяслав приглашает половцев, но столкновения, происшедшие у Игореве Брода, Зартыя, Выря, Вщижа доставляют Святославу Ольговичу победу. У Путивля Изяслав и половцы были разбиты. Изяслав по-прежнему остается в земле вятичей, а все северские князья подчиняются Святославу. Усобица, когда князья «села пожгоша, люди повоеваша», дала

1 Ипатьевская летопись, с. 500; Багалея Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. С. 221—222.

2 Голубовский П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар.

305

возможность половцам напасть на Переяславльскую землю у Носова и увести «в полон» сотни смердов и горожан.¹ В скором времени Изяславу удалось хитростью и обманом привлечь на свою сторону Олега Святославича, Святослава Всеволодовича и, наконец, примириться со Святославом Ольговичем, которого он напугал мнимым заговором против него Ростислава Мстиславича. Заручается он также поддержкой и Андрея Юрьевича Бого-любского, благодаря женитьбе своего племянника, Святослава Владимировича, на дочери последнего. П. Голубовский объясняет этот союз северских князей результатом тяготения «черниговцев», т. е. черниговских бояр, к «устроению земли», что весьма вероятно.² В 1161 г., устроив свои внутренние дела, Изяслав приглашает половцев и идет с ними на Киев. Ростислав покидает город, немедленно занятый Изяславом, и, готовясь к осаде, удаляется в Белгород. Под Белгородом Изяслав остановился и повел осаду. Четырехнедельная осада детинца ни к чему не привела, и Святослав уже предлагал ему заключить мир с Ростиславом. Изяслав отказался, мотивируя свой отказ тем, что у него нет «отчины» (Черниговщина уже полностью была в руках Святослава Ольговича), изгоем же быть он не хочет. Остается либо уйти к половцам, либо довольствоваться каким-нибудь крохотным, опустошенным и обезлюдившим уделом вроде Выря, на что он не согласен. К Ростиславу подходит подкрепление: Мстислав с галицкой дружиной, Рюрик, Василько Юрьевич, Владимир Андреевич с дружинниками и многочисленными отрядами берендеев, торков, печенегов и коуев. Силы были явно неравны. 6 марта 1161г. тяжело раненный торками Изяслав бежал и вскоре умер.

Переяславльский князь Глеб Юрьевич во всей этой борьбе участия не принимал и держался выжидательной политики. Северская земля оказалась в руках «старшего» князя Святослава Ольговича, подчинившего себе других князей. Он поддерживает Ростислава Киевского и участвует в его походах, Но недолго ему пришлось быть «самовластцем» в Северской земле (он умер в 1164 г.). К этому времени ослабевает линия черниговских Давидовичей. Она представлена только племянником Изяслава, Святославом Владимировичем, князем крохотного Вщижского удела. Смерть и этого последнего Давидовича в 1167 г. кладет конец второй линии северских князей, и хозяевами Северской земли остаются Ольговичи. П. Голубовский, памятуя отмеченное им различие в политической деятельности более слабых и плетущихся в хвосте

киевской политики Давидовичей, стремившихся к союзу с Киевом и централизации в самой Северной земле, и сильных, деятельных, самостоятельных Ольговичей, типичных «земских» князей, занятых главным образом делами своей «отчины», т. е. устройением своего феодального аппарата господства и собственным обогащением за счет смердов путем не только обложения данью, но и организации огромных латифундиальных хозяйств, хотя и не отказывавшихся от Киева, указывает: «Теперь, когда вся Северская земля сгруппировалась в руках одних Ольговичей, можно было ожидать, что они откажутся от стремлений в Киев, но оставить их было невозможно».³

1 Ипатьевская летопись, с. 500—504.

2

Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия, 143—144. ³ Там же. С. 145.

306

6. Борьба северских князей за Киев и Галич в конце XII и начале XIII века и войны с половцами. Усиление Чернигово-Северской земли, Тмутаракань в XII—XIV вв.

К рассматриваемому нами периоду усиливаются суздальские князья, начавшие еще со времен Юрия Долгорукого вмешиваться в дела южных княжеств, и перед Северной землей встает угроза подчинения Суздальскому княжеству. Захват Киева давал северским князьям возможность организовать отпор князьям северо-востока, так как, несмотря на начинающийся упадок, Киев все же был настолько могучим образованием, присоединение которого к владениям северских князей превращало Ольговичей в серьезных соперников потомков Юрия. П. Голубовский по этому поводу замечает: «Но бороться силами одной своей области против суздальских князей северские князья не могли вследствие ее раздробленности. Чтобы иметь одинаковую силу с Суздаем, необходимо было сосредоточить в своих руках как можно более областей на юге и стать во главе их. Это возможно было только для того, кто владел Киевом. Отсюда и для Мстиславичей и для Ольговичей является потребность захватить киевский стол. Таким-то образом стремление в Киев стало для Ольговичей исторической необходимостью. Вследствие личных планов Мстиславичей, не хотевших признать исконных прав Ольговичей, борьба с Суздаем осложнилась борьбой за Киев. Но силы как Мстиславичей, так и Ольговичей, были почти равны; поэтому и те и другие стараются присоединить к себе Галич. И вот борьбой против нового направления, стремлением захватить Галич и Киев характеризуется период княжения Святослава Всеволодовича и всей остальной истории Северной земли до подчинения ее Литве».¹

Позже, с усилением Галицко-Волынского княжества, падающим на конец XII и начало XIII в., когда Киев потерял былое значение и Галицко-Волынское княжество стало сильнейшим феодальным «полугосударством» среди южных княжеств, перед Северной землей встает вторая угроза — быть раздавленной между Ростово-Суздальским и Галицко-Волынским княжествами. И в это время северские князья развивают энергичную деятельность в области создания таких политических комбинаций, которые обеспечили бы укрепление их власти путем захвата Киева и Галича или хотя бы вовлечения их в орбиту влияния северских князей.² Над южными князьями все время довлеет князь Ростово-Суздальской Руси, в руках которого сосредоточиваются большие владения и укрепление власти которого сигнализирует южным князьям о возможном превращении их в «подручников» потомков Мономаха.

Вторая половина XII столетия знаменуется дальнейшим дроблением Северной земли на уделы. Возникают все новые и новые княжества, непрерывно уменьшающиеся в своих размерах. Северская земля «делится и

Голубовский П. В. Ук. соч. С. 150. Ляскоронский В. Северские князья и половцы перед нашествием на Русь монголов. Казань, 1913. С. 16.

307

подразделяется» (К. Маркс), непрерывно все больше и больше превращаясь в сплошное море крохотных феодальных «полугосударств». Так, появляются княжества Курское, Стародубское, Березовское, Вщижское; Рьльское и Воргольское, Путивльское, Вырьское, Трубчевское, Брянское, Липецкое, Воронежское, Глуховское и др., возникающие в XII и XIII вв. Особенно много мелких княжеств было в Посемье и, несколько позднее, в земле вятичей, где впоследствии складываются такие княжества, как Бе-левское, Одревское, Воротынское и т. д. Начало этого явления следует искать в XII в., в рассматриваемую нами эпоху, когда Северская земля начинает распадаться на ряд княжеств, в свою очередь впоследствии дающих начало нескольким еще более мелким княжествам, и этот процесс идет несколько столетий, в течение всего периода феодальной раздробленности, до тех пор, пока Северская земля, пожалуй, едва ли не в большей мере, нежели какая-либо другая область южной Руси, не превратится в сплошное море княжеств разной величины. Укрепляется экономическая мощь северских князей, расширяются их вотчины, увеличивается количество слуг, челяди, холопов, закупов и т. п., эксплуатируемых в хозяйстве князей; по размерам своих земельных владений, по величине своего хозяйства, да, пожалуй, и по размерам накопленных богатств и движимого имущества вообще северские князья стоят в рядах самых богатых князей. Недаром летописец с изумлением рассказывает о селах и городах, «товарах» и стадах, о многочисленной челяди, громадных запасах и прочих богатствах северских князей.

Князья усиленно эксплуатируют вятичскую землю. Черниговская княгиня владеет в вятичской земле целым городом — Оболвом, доходы с которого поступают в ее распоряжение. Здесь же, очевидно, организуются княжеские и боярские латифундии, вчерне намечающиеся контуры будущих княжеств северной части земли вятичей, своеобразных государств-вотчин, наиболее полно отражающих путь складывания и развития подобного рода феодальных образований и укрепления власти князя, государя-вотчинника.

XII век является временем изживания старых общинных порядков. Вервь — семейная община типа южнославянской задруги (так ее характеризует Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»), как это показали последние исследования Б. Д. Грекова о XII в., — почти повсеместно эволюционирует в сельскую, территориальную общину, сохраняясь почти исключительно в составе последней.¹

Из подобного утверждения, конечно, не следует делать вывода об исчезновении семейной общины. Семейно-общинная организация чрезвычайно живуча. Древняя клеточка социального организма — патриархальная большая семья, семейная община — сохраняется чрезвычайно долго, приспособливается к феодальным отношениям, борется с ними и зачастую даже оказывается в состоянии преодолеть нажим феодала, превращая своих членов в своеобразное «среднее сословие» феодального общества. В целом ряде районов Северской земли большая семья, то ли входя в состав

Греков Б. Д. Энгельс и проблема родового строя у Восточных славян // Сборник «Вопросы истории доклассового общества». Изд. Ак. наук, 1936. С. 702—710.

308

территориальной общины наряду с малыми семьями, то ли существуя самостоятельно в форме семейной общины (что, по-видимому, в позднейшее времена встречалось значительно реже), существует очень долго в качестве социальной организации сельского населения. Районом максимального распространения подобного

рода социальных организмов являлись Любеч, Черниговское Полесье, частично Посемье, т. е. как раз те места, куда труднее всего было проникнуть феодалу, вынужденному в силу этого ограничиваться данью, слабо затрагивающей внутреннюю социально-экономическую структуру даннического населения, и где сохранению архаических форм хозяйства и общественной жизни способствовал замедленный в силу географических, природных условий, темп исторического развития. Характерно, что, несмотря на свою отсталость в XI и начале XII в., вятичи позднее не знали таких древних форм общественной жизни, ибо с середины XII в. их территория подверглась столь интенсивной феодальной колонизации, — проникшей в самые глухие уголки вятичских лесов, неся на острие меча феодальные отношения господства и подчинения, вотчинное землевладение, феодальную организацию сельского населения и прочие атрибуты феодальной цивилизации, — что впоследствии, к XVI—XVII вв., земля вятичей, Замосковский край, представляла собой самую «освоенную» феодалом территорию в средней полосе восточной Европы. Одновременно рост территориальной общины и внутренний процесс ее разложения выделял новую феодализирующую верхушку в тех местах, где община еще не успела окончательно превратиться в организацию зависимого сельского населения. В XII в. по-прежнему «земские» феодальные элементы, а также городская верхушка, «вече» старых городов, продолжают играть серьезную роль во внутренней политической жизни земли и влияют даже на внешнюю политику князя, вынуждая его зачастую отказываться от рискованных политических комбинаций, могущих принести ущерб их интересам.

Вернемся к основным событиям политической истории второй половины XII в. Конкурентами на черниговский стол оказались сын Святослава, Олег, и Святослав Всеволодович, сын Всеволода Ольговича. Олег Святославич княжил в Курске. К нему посылают гонцов черниговские бояре и духовенство, предлагая немедленно явиться в Чернигов. Олег поспешил туда. Но епископ черниговский одновременно сообщает о занятии черниговского стола Олегом Святославу Всеволодовичу, который также в свою очередь претендовал на стольный город Чернигов. Святослав действовал решительно. Он захватил Гомель и послал в города Черниговской земли своих посадников. Олег вынужден был уступить ему Чернигов и уйти в Новгород-Северск. За это Святослав обещал Олегу дать уделы его братьям, Игорю и Всеволоду, но обещания своего не выполнил ни в это время, ни даже тогда, когда по смерти Святослава Владимировича (1167 г.) освободился княжеский стол во Вщиже. Несмотря на увещевания Ростислава Киевского, Святослав Всеволодович так и не собрался наделить землями сыновей Святослава Ольговича. Результатом его неуступчивости была новая война. Стародуб приглашает к себе Олега. Олег поспешил в Стародуб, но когда он подошел к нему, город оказался захваченным войсками брата Святослава, Ярослава Всеволодовича. В бессильной злобе Олег удоволь-

309

ствовался лишь пленением жителей и разрушением поселений, расположенных вокруг Стародуба, что имело, как мы увидим дальше, неприятные для князя последствия. За Олега снова вступается Ростислав, и Святослав вынужден был сдать ему четыре города.¹ На некоторое время в Северной земле княжеские усобицы прекращаются.

На юге, в Переяславле, в это время развертывается борьба с половцами. С 1162 г. учащаются их набеги на Поросье. В 1167 г. Олег Святославич предпринимает, в ответ на набег половцев на Новгород-Северское княжество, удачный поход в пристепную область, и хан Боняк был разбит. В это же время другая орда половцев хозяйничала в Переяславльской земле и дошла до самого Переяславля. Половцы разбивают отряды боярина Шварно, причем сам Шварно погиб в бою. Большое количество сельского

населения и побежденных дружинников было взято в плен половцами.² В 1168 г. Ростислав Киевский и Глеб Юрьевич Переяславльский выходят с дружинами в степи, навстречу купеческим караванам гречников и залозников, которым угрожали половцы. Подобного рода случай уже имел место в 1165 г.³ В 1168 г. Олег вместе с Ярославом Всеволодовичем предпринимает поход в степи и «взя Олег веже Козины и жену и дети и злато и сребро».⁴ Олег Святославич, Всеволод Святославич, Святослав и Ярослав Всеволодовичи, по инициативе Мстислава Изяславича, нового князя киевского, идут в степи Левобережья. Бои происходили у Угла, Снепорода, Черного Леса и Оскола.⁵ Войны северских князей с половцами отличались от войн киевских и переяславльских князей, стремившихся к нанесению ударов, половцам в самом центре половецких степей. Союз северских князей с половцами восходит еще ко времени Олега Святославича. Благодаря этому факту, а также тому, что почти вся Северская земля была удалена от половецких степей и открытой для половецких набегов оставалась лишь восточная граница (но и та в известной мере была защищена лесами Оки и правого берега Сейма), число половецких набегов на Северскую землю невелико, всего их было семь. Собственно, на Черниговщину половцы нападали всего три раза: в 1068, 1078—1094, когда они действовали часто и как приглашенные князьями вспомогательные войска, и, наконец, в 1187 г. В то же самое время на Переяславщину половцы нападали девятнадцать раз, на Поросье — двенадцать, на собственно Киев — четыре и на Рязань — четыре раза. Остальные четыре удара половцев были направлены на Новгород-Северскую землю, которую защищал Курск с Посемьем. Недаром в «Слове о полку Игореве» куряне выступают как опытные воины, закаленные в боях с половцами.⁶ У Северского Донца и левых притоков

Днепра в то время кочевало большинство половцев. Здесь были половецкие города, хотя и заселенные, по-видимому, не половцами, но тем не менее им принадлежащие. В этом районе происходил процесс оседания половцев-кочевников на землю, росло оседлое и полуседлое население. Здесь же пролегали торговые пути, шедшие через половецкие степи, которыми пользовались купцы северских городов. Естественно, что в сохранении добрососедских отношений с половцами были в первую очередь заинтересованы северские князья. Кроме того, половцы нужны были им как вспомогательные войска в межкняжеских усобицах. На пограничье Северной земли с половецкими степями происходил процесс ассимиляции половцев и русских. Половцы оседали на землю в Северной земле, а русское население уходило от эксплуатации князей, бояр и церкви в пустынные вольные половецкие степи. Русские бояре и князья уходили в становища половецких ханов, смешивались с половецкой знатью, рождались с нею и растворялись в среде кочевников-тюрок.

Равным образом и последние переходили на службу к русским князьям и растворялись в среде боярства. Взаимопроникновение социально-культурных начал обоих обществ приводило к руссификации и христианизации половецкой верхушки не только при переходе ее на службу к русским князьям, но даже и в том случае, если она оставалась у себя в степях. Появляется смешанное русско-половецкое население пристепной полосы, укрепляются связи русских феодалов-князей и бояр и кочевников — степняков-тюрок. В половецких вежах появляется христианство. Лавор, половец, спасший Игоря Святославича, женится на дочери тысяцкого Рагуила и становится боярином. Таким же был и Василий Половчанин. Черниговские князья дают приют сыну Итларя, брату Шаруканя, Георгию Ивановичу, также ставшему черниговским боярином. На сцену выступают русифицированные половецкие ханы, язычники и христиане: Глеб Тириевич, Юрий Кончакович, Роман Кзичь, Даниил Кобякович, Ярополк Томзакович, Даниил Колубицкий и др.' Процесс ассимиляции не нов, начался он давно и породил «черных клобуков», берендеев, торков, каепичей, коуев, турпеев,

перяславльских торков, печенегов и «домашних» «поганных» — половцев, в которых следует усматривать остатки тюркского населения степей и отдельные колена кочевых народов, начиная от болгар и кончая половцами. Все эти племена и колена данников русских князей, жившие на русской земле, кочевые, полуоседлые и оседлые, были племенами тюркского происхождения, ассимилирующимися в среде окрестного русского населения, чему способствовало вхождение их в состав русских княжеств: Киевского, Переяславльского, Черниговского и Новгород-Северского в качестве составной их единицы. Они не были чужеродным телом в социальном и этническом организме этих княжеств, а одним из составных элементов южнорусского феодального общества, неразрывно связанным с ним и представляющим часть данного целого.² «Дикие» половцы не представляли

¹ Затыркевич. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование русского государства в домонгольское время. С. 148—152.

собой, как и Русь, единый политический организм, и столкновения князей с половецкими ханами часто носили локальный характер. Тогда, когда, например, с половцами официально был заключен мир, отдельные ханы на свой страх и риск, преследуя свои частные интересы, предпринимали набеги на русские княжества. Князья, в свою очередь, часто нападали на половцев, преследуя также свои частные интересы. Это были или походы князей в ответ на набеги половцев (как, например, в 1103, 1112, 1116, 1120, 1168, 1185, 1199, 1202, 1215, 1218 гг.),¹ или же походы, целью которых были завоевание и установление контроля над торговыми путями. Один из походов северских князей, а именно, поход Игоря Святославича, предпринимается с целью, ни много ни мало, как возвращения северским князьям далекой, богатой, давно ими уже потерянной Тмутаракани. Походы северских князей в большинстве своем — ответы на налеты половцев. Половцы под давлением русских дружин отходят все дальше и дальше вглубь степей.² К половцам мы еще вернемся, а сейчас обратим наше внимание на Киев.

Борьба за Киев вступает в новую фазу. Андрей Юрьевич Боголюбский посылает своего сына Мстислава в Киев изгнать Мстислава Изяславича. К Мстиславу Андреевичу примыкают северские князья, и Святослав Всеволодович шлет ему на помощь черниговские дружины под командованием своих сыновей Олега и Игоря. Киев был взят 8 марта 1169 г., Мстислав Изяславич изгнан, но Андрей не вокняжился в Киеве. Суздальские дружины разграбили Киев и вывезли ценности в Суздаль. Сам же Андрей остался в Суздале, посадив в Киеве брата своего Глеба. Этот поступок Андрея объясняется тем, что ко второй половине XII в. рост и укрепление отдельных княжеств, наряду с теми внутренними причинами, которые привели Киев к упадку, делали Киев лишь одним из центров древней Руси и даже не первостепенным. Более заманчивым для Андрея Боголюбского оказался Рос-тово-Суздальский край; его не интересовал клонившийся к упадку Киев.

При Глебе половцы вторглись в Переяславльскую землю и на Правобережье, у Корсуня. Глеб вынужден был заключить мир с левобережными половцами, а правобережные, опустошавшие область у Полонного и Се-мыня были разбиты объединенным отрядом берендеев и переяславцев, во главе которого стоял брат Глеба, Михалка. Вскоре последовал и поход Мстислава Изяславича, поддержанного галицким князем и черными клобуками, на Киев, захват его и бегство Глеба снова в Переяславль. В 1171 г. усилиями Глеба и Давида, выставивших рати переяславльские и вышгородские под командованием тысяцкого переяславльского Григория, берендеев и «диких» половцев Кончака, и благодаря измене галичан, Мстислав Изяславич снова был изгнан из Киева. Киевский стол последовательно занимают Глеб, умерший в 1172 г., Владимир Мстиславич, ставленник Рос

XI—XIV^{вв.} ИОРЯз и Сл. Т. VIII. Вып. IV. С. 319; 3 а т ы р к е в и ч. Ук. соч.; Голубовский П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар; Аристов Н. Я. О земле половецкой.

тиславичей, и Роман Ростиславич, посаженный Андреем Боголюбским, распорядившимся фактически киевским столом. В это время половцы вторгаются в Поросье и в Переяславльскую землю, где оперировали Кобяк и Кончак, разорившие окрестности Баруча и Серебряного. Одновременно половцы сами подверглись нападению со стороны Игоря Святославича, который успешно действовал на Ворскле, у Лтавы. Преградив путь возвращавшимся с грабежа Переяславльской земли половцам, он напал на них, разбил и отнял добычу. Этот эпизод подтверждает высказанное выше предположение о характере борьбы северских князей с половцами, ибо поход Игоря был ответным ударом на налет половцев, хотя Игорь во время похода в степи не знал, что половцы проникли в Переяславльскую землю, и действовал, очевидно, вовсе не из мести. Случайно только Игорь оказался своеобразным мстителем за разоренные города и села Переяславщины. Отнятую у половцев добычу он, по-видимому, совсем не собирался возвращать законным владельцам. Игорь Святославич по отношению к половцам поступал приблизительно так же, как Кончак и Кобяк по отношению к Переяславльской земле, и трудно сказать, что заставило его преградить путь возвращавшимся в степь половцам — стремление ли отомстить за налет, произведенный, кстати сказать, не на его землю, или же желание отобрать награбленное половцами. Второй его поход на половцев, как это мы увидим дальше, носит иной характер. Интересно отметить, что именно Игорь выступает как князь-борец с половцами, представляя собой в этом отношении в веренице северских князей, сменявших один другого, довольно своеобразную фигуру.

В 1174 г. по инициативе Ольговичей, подстрекавших Андрея, недовольного Романом Ростиславичем, отказавшимся выдать боярина Григорья Хотовича, которого подозревали в отравлении Глеба, предпринимается поход двадцати князей на Киев. Ополчением фактически распорядился, как старший, князь Святослав Всеволодович. Действия этого войска были неудачны. Святослав претендует на киевский стол и на короткое время его занимает, изгнав оттуда Ярослава Изяславича. Но междоусобица в Северной земле, где действовал против него Олег, князь новгород-северский, заставляет его отказаться от Киева. Олег не был популярен, и стародубские и новгород-северские горожане стали на сторону Святослава Всеволодовича. Дело ограничилось разгромом Лутава, Моровийска и сожжением окрестностей Стародуба. Так кончилась усобица 1175 г.¹

С этого момента Святослав Всеволодович начинает борьбу за распространение влияния северских князей на соседние земли. После смерти Андрея Боголюбского он сажает его братьев, живших в Чернигове, в Суздаль. Олег Святославич тоже начинает действовать; он разбивает рязанского князя Глеба и отнимает у него Свирельск.

В скором времени обстоятельства помогли Святославу вмешаться и в дела Киева. Половцы ворвались на Поросье; посланные против них Романом Киевским князья Ярополк, Борис и Роман действовали недружно и были разбиты. Святослав обвиняет Романа в неспособности защитить землю от набегов половцев и, опираясь на черных клобуков, больше всего пострадавших от налета кочевников, занимает Киев. Киевское боярство также было недовольно неудачливым князем и выслало еще ранее послов к Святославу, очевидно предлагая ему занять киевский стол. На некоторое время Киев вернули Ростиславичи, но затем отдали его Святославу. Святослав начинает сколачивать блок князей против Суздаля. Положение примыкавшей к Суздалью Северной земли действительно было незавидным. Когда был силен Киев, Северская земля боролась с ним, так как именно Киев посягал на ее самостоятельность. Теперь

Киев ослабел, бояться его было уже нечего, и он часто становился добычей северских князей. Зато усиливалась Ростово-Суздальская земля. Ее мощь росла, и в сферу ее влияния попадали соседние земли — Рязано-Муромская и Новгород. Эта грозная сила со временем могла раздавить и Северскую землю, подчинить ее себе и, в таком случае, северские Ольговичи выступили бы «подручными» суздальских князей. Святослав начинает против Суздаля борьбу, в которой Киев оказался просто дополнительным орудием в руках Святослава. Киев сам по себе так же мало привлекал Святослава, как и Андрея Боголюбско-го, но обладание Киевом все же усиливало северского князя, и нельзя было игнорировать ни одной мелочи в борьбе с таким серьезным соперником, как суздальский князь. В противовес ему Святослав начинает сколачивать блок князей. Он поддерживает усобицу в Суздальской земле между Всеволодом и его племянниками Ростиславичами (на помощь которым пришел Глеб Рязанский), посылая в помощь Всеволоду Олега и Владимира Святославичей, но в то же время он не дает ему усилиться, требуя освобождения захваченных в плен Всеволодом его соперников-князей. Подорвать силу Всеволода ему не удастся, и начинается борьба, часто прикрываемая внешне дружескими отношениями (Всеволод, например, выдает свою племянницу за Владимира Святославича). В 1180 г. по инициативе Святослава Всеволодовича в Любече съехались северские князья: Игорь Святославич, сидевший после смерти Олега Святославича, последовавшей в 1178 г., в Новгород-Северске, Ярослав, князь черниговский, Всеволод и сам Святослав. Съезд князей, очевидно, был созван для обсуждения вопроса о борьбе с суздальским Всеволодом, как предполагает П. Голубовский.¹ В это время испытывает давление со стороны Суздаля Рязань, и недовольством рязанского князя Романа воспользовался Святослав, обещая ему помощь против Всеволода. Всеволод разбивает и рязанцев, и высланного Святославом им на подмогу Глеба Святославича. Первая попытка ослабить Всеволода потерпела неудачу. В том же 1180 г. новгородцы из боязни усиления суздальских князей приглашают к себе на стол Святослава. Вокруг Суздаля смыкается кольцо врагов, но планам Святослава помешали Ростиславичи, а его попытка убить Давида Ростиславича не увенчалась успехом. В свой план Святослав посвятил лишь жену и Кочкаря и не «поведе сего моужем своим лепшим».² Старшая дружина, обойденная Святославом, к чему она не привыкла, так как князь обычно с ней советовался, не поддержала его, и Давид успел скрыться. Поведение. Святослава во всей этой истории свидетельствует о том, что при дворе его усиливается вместо старшей дружины

«молодшая»: отроки, детские и т. п., из среды которых, очевидно, вышел и Кочкарь. Для того времени это явление очень характерно. Старые «мужи хороборствующие» уступают свое место слугам-воинам, которые в мирное время выполняют ряд функций по управлению вотчиной князя в качестве тиунов и слуг и одновременно являются княжескими уполномоченными по управлению мелкими городами — посадниками и своеобразными чиновниками князя (мытниками, вирниками, ябедниками, мечниками и т. д.), а в военное время выступают в качестве младшей дружины: детских, отроков, ядра княжеских войск. Боярство непосредственно не связано с хозяйством князя, занятого устройством и эксплуатацией собственной вотчины, и князю, естественно, ближе становится именно указанная группа мелких феодалов, слуг-воинов. В составе дружины князя остаются и отживающие свой век «мужи хороборствующие», воины-дружинники, не связанные ни с хозяйством князя, ни с собственным землевладением и живущие за счет княжеского жалованья и участия в военной добыче князей. Их значение падает, и из их среды, среды «мужей отцов», «старых съветников», часто и исходит протест против усиления «младшей дружины», тесно связанной с князем, сопровождающей его в походах и управляющей его хозяйством и «волостью», «отчиной». Неудача и раскол среди

дружины заставили Святослава отойти на левый берег Днепра на соединение с остальными северскими князьями. Киев был немедленно же занят Рюриком Ростиславичем, а Давид занял Смоленск. Святослав идет на Всеволода выручать взятого им в плен Глеба Святославича. На р. Влене встретились оба князя. Всеволод берег суздальскую рать и военные действия поручил рязанцам, но их разбил Всеволод Курский, действовавший со своей опытной, побывавшей во многих боях, закаленной в борьбе с половцами курской дружиной. Всеволод на бой не решился, и столкновение на берегах Влены ничем не окончилось. Святослав повернул на запад, сжег Дмитров и вместе с сыном. Владимиром пошел на Новгород. Олег и Всеволод остались в Северной земле, а Ярослав с Игорем двинулись к Друцку. Поход Святослава к Новгороду был удачен, и на княжем столе в вечевом городе садится Владимир. Из Новгорода Святослав идет уже с новгородскими отрядами. Родственные отношения с некоторыми полоцкими князьями, установившиеся еще при Всеволоде Ольговиче, и связи других полоцких князей с рязанскими Ростиславичами, врагами Всеволода, приводят к тому, что навстречу Ярославу и Игорю выходят новые соратники: два Васильковича, витебский Брячеслав и полоцкий Всеслав с полоцкой ратью, ливью и литвой. Против северских князей объединились друцкий князь и Давид Ростиславич Смоленский, но победа осталась за северскими князьями. Друцк был сожжен. После этой победы Святослав двинулся через Рогачев к Киеву и взял его. Очередная усобица закончилась в пользу Святослава.

Чувствуя себя недостаточно сильными для борьбы с коалицией северских князей, Ростиславичи уступают Киев Святославу. В конце 1180 г., видя усиление Святослава в результате его мира с Ростиславичами и овладения Киевом, Всеволод Суздальский решает примириться с ними и отпускает из плена Глеба Святославича. Зато не повезло Ольговичам в Новгороде. Владимир Святославич убедил новгородцев посадить в Торжке Ярополка Ростиславича, изгнанного Всеволодом. Ярополк, сев в Торжке,

315

напал на суздальские земли и был разбит наголову. Суздальцы ворвались в новгородские земли. Разорение Торжка возмутило новгородцев. Владимир Святославич был изгнан, и Новгород для Ольговичей был потерян.¹ По-прежнему в Чернигове сидел Ярослав Всеволодович, а в Новгород-Северске — Игорь Святославич.

Усобицы на некоторое время прекратились, но продолжалась борьба с половцами. В 1182 г. Святослав участвует в походе Всеволода Суздальского против волжских болгар. Этот поход П. Голубовский правильно связывает, как и усиление борьбы с половцами, с крестовыми походами западноевропейских феодалов-христиан против восточных феодалов — турок, магометан.² Своеобразным отражением крестовых походов и были походы русских князей против европейских мусульман и язычников — болгар и половцев. Общее движение христианских феодалов отразилось на древней Руси, которая, как одна из составных частей европейского феодального христианского мира, оказалась вовлеченной в общую всеевропейскую борьбу с мусульманским Востоком. «Слово о полку Игореве» и «Хождение игумена Даниила ко святым местам» — памятники, в значительной мере связанные с Северной землей, едва ли даже не северского происхождения, — так или иначе отражают эту борьбу с «неверными», с «погаными», а «Хождение игумена Даниила...» прямо связывает северских князей и церковь с крестоносцами, в частности с королем Болдуином I, хотя «Хождение» более раннего происхождения и относится к 1106—1108 гг., когда он пребывал в Палестине. Понятно, эти своеобразные «крестовые походы» русских князей опаздывали. Борьба с половцами в этот период начинается с упорного сопротивления переяславльской рати боярина Бориса Захарьевича, оказанного им во время схватки с половцами Кончака и Кобяка, приглашенными Святославом

Всеволодовичем. Меняют свою позицию, как мы уже видели, и северские князья, начинающие помогать киевским князьям, наиболее энергично отражавшим половцев, и предпринимающие самостоятельные походы вглубь половецких степей. Рост значения Переяславльской земли в перипетиях борьбы князей за киевский стол во время сколачивания Святославом Всеволодовичем блока князей, направленного против Ростово-Суздальского княжества, вызывает стремление укрепить ее с тем, чтобы она вошла составной частью в союз княжеств антисуздальской ориентации. Усиление же Переяславля, естественно, не входило в расчеты половцев, и неизменный враг русских земель Кончак предпринимает ряд набегов на Переяславльское княжество. Еще в 1179 г. при Святославе была разорена Переяславльская земля, сожжены села и захвачено в плен население окрестностей Переяславля, и князьям с трудом удалось отогнать половцев.

Усиление Галича и Суздаля, как нами уже было указано, ставило Северскую землю в положение страны, очутившейся между двух огней. Попытка северских князей в свое время вмешаться в дела Галича, выставив в качестве своего ставленника Ивана Ростиславича Берладника, связанного с антифеодальным движением галицких горожан, смердов и берладников, при условии, что даже после его смерти в Галиче не все было спокойно, так как оставался его сын, Ростислав Иванович, который также являлся знаменем для восставших горожан, — не могла не вызвать враждебных действий Ярослава Осмомысла, направленных против Ольговичей. Отношения северских князей с Всеволодом Суздальским нами были уже рассмотрены. В таком же положении, по сути дела, был и Киев, также опасавшийся за свою судьбу. Сила суздальского князя ему была известна еще со времен Юрия Долгорукого, Глеба и Андрея Юрьевичей. С другой стороны, тут же невдалеке росла и крепла вторая сила, не менее могучая — Галич. Времена, когда северские князья сами пытались овладеть Галичем для того, чтобы, укрепившись за счет захваченного княжества, приняться за Суздаль, прошли уже давно, и в пору оставалось постараться устроить как-нибудь так, чтобы самим не оказаться проглоченными Галичем. Отсюда и союз киевских Ростиславичей и Святослава Всеволодовича. Обоим угрожала общая опасность, и дробить силы было бессмысленно.

Южные княжества, особенно Переяславль, ныне играющий большую роль в планах Святослава Всеволодовича, подвергались половецким опустошениям. Борьба с ними требовала сил, которые нужно было сохранить для других целей. Налеты половцев подрывали жизненные силы южной окраины русских княжеств. Отсюда и стремление разгромить половцев, нанести им удар, отбросить их вглубь степей и прекратить их набеги. Указанные обстоятельства и лежат в основе усиления борьбы с половцами. Борьба была непланомерной и неорганизованной, и зачастую походы князей, как это мы указывали, сами носили характер налетов. При всем том на первых порах она была небезуспешна, хотя конечные ее результаты не соответствовали стремлениям князей. В 1183 г. предпринимается поход князей Святослава, Рюрика, Владимира Глебовича Переяславльского, князей луцкого, городенского, пинского, смоленского, галицкого вместе с вспомогательными отрядами берендеев. Особенно энергично действовал Владимир Глебович, разбивший половцев в степях. Разгромить их полностью не удалось, так как половцы, по обыкновению, быстро скрылись от преследования. У Угла (на р. Ерели) Владимир был окружен отрядами хана Кобяка. Переяславцам и берендеям угрожала опасность, но в это время подоспели передовые рати Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича, и половцы потерпели поражение. Князья взяли 7000 пленников, в том числе хана Кобяка Карлыевича, которого привезли в Киев ко двору Святослава: взяты были и его сыновья. Попали в плен к русским также Изай Билуко-вич, Товлый с сыном, Бокмиш и другие знатные

половцы; захвачена была и большая добыча, освобождено и приведено «на Русь» много «колодников», пленных русских. В этот же год ходил на половцев Игорь Святославич и разбил в степях у Мерла Обовла Костуковича. Результатом этих походов явилось объединение половцев, во главе которого становится Кончак. Его отец, Отрок, в свое время боровшийся с Мономахом, был в конце концов разбит и бежал на Кавказ. Кончак мстит за отца и начинает энергичную борьбу с киевскими и переяславльскими князьями. Походы на Русь 1174, 1179, 1184, 1185 и 1187 гг. возглавлялись именно им. По отношению к северским князьям — черниговскому и собственно новгород-северскому — Кончак держался иной позиции, добиваясь мира с ними и

317

даже позже, после похода Игоря Святославича, когда Гза (Кза) уговаривал его идти на северские княжества, он отказался, предпочитая громить своих главных врагов — Киев и Переяславль. После неудач 1174 и 1179 гг. и ответных походов князей Кончак затевает широкий план разгрома южной Руси. В народном эпосе, в какой-то мере отразившемся и в летописи, Кончак выступает как «окаянный», «безбожный», «проклятый» и «поганый кощей», что вполне понятно, так как воспоминания о пожарищах, побоищах, неволе и «плаче» «земли русьской» были связаны с его именем. Кончак, затеяв свой поход, имеющий целью прежде всего уничтожение посульской укрепленной линии и опустошение Посулья, подчиняет своему руководству отдельные половецкие племена и колена и довооружает отряды половцев с их примитивным вооружением усовершенствованными военными машинами. В походе 1184 г. у половцев были катапульты или баллисты «на возу великом», «луци тузи самострельный», для натягивания тетивы которых (очевидно, воротом) требовалось 50 человек, и, наконец, «обрел» Кончак и «мужа такового бесоурменина иже стреляше живым огнем». Последнее свидетельство говорит за применение половцами греческого огня, а, быть может, даже и пороха.¹

Кончак Отрокович останавливается на Хороле и посылает гонцов в Чернигов к Ярославу Всеволодовичу с предложением заключить союз. То ли из-за опасности налета половцев, то ли по каким-либо иным соображениям, Ярослав выслал к Кончаку боярина Олстина Олексича, который передал Кончаку согласие Ярослава, и только благодаря энергичному вмешательству Святослава союз этот не состоялся. Тем не менее Ярослав так и не присоединился к коалиции князей, действующей против Кончака. В коалицию вошли Святослав Всеволодович, Рюрик Ростиславич и Владимир Глебович. Впереди пошли опять-таки, как и ранее, переяславцы во главе с Владимиром. В степях они встретились с караваном купцов, шедших, очевидно, по Залозному пути; они-то и сообщили князю, что половцы стоят на Хороле (как видно, несмотря на военные действия, торговля в степях не прекращалась, ибо в ней были заинтересованы обе стороны). Внезапным ударом половцы были разбиты, захвачена добыча, военные машины, освобождены пленники, захвачен и сам «бесоурменин», стрелявший «живым огнем». Кончак с основными силами успел скрыться, и высланный в погоню отряд берендеев во главе с Кунтувдеем нигде не мог их обнаружить.² Столь широко задуманное предприятие Кончака окончилось неудачно, и в следующий 1185 г. Игорь Святославич Новгород-Северский сам предпринимает поход в степи на половцев, поход, описанный в широко известном ценнейшем древнерусском литературном памятнике, «Слове о полку Игореве», и в летописи. Мы не будем останавливаться подробно ни на описании самого похода, хорошо известного, ни на всей огромной литературе вопроса о составе, характере и происхождении «Слова о полку Игореве», ибо все это может служить темой особой монографии.

Свой поход Игорь начинает, не поставив в известность отца, киевского князя Святослава Всеволодовича. Поход Игоря — поход «за землю русскую». Таким он представлен и в летописи, и в «Слове о полку Игореве», но это не поход «всей русской земли», а предприятие группы сравнительно слабых князей, и этот отрицательный момент отражен в «Слове о полку Игореве», где порицается излишняя самостоятельность Игоря, действовавшего на свой страх и риск и рассчитывавшего только на свои силы.

На объединение половецких племен Кончаком русские князья не ответили столь же мощным объединением южнорусских княжеств, и несмотря на то, что идея похода Игоря, в основе которой лежала борьба за «землю русскую» против половцев, одобряется и летописью и «Словом», — проведение ее в жизнь было далеко от идеалов древнерусских летописцев и «боянов», проповедывавших объединенный поход всех князей на половцев. Между тем только силами объединенных русских дружин можно было нанести последний сокрушающий удар кочевникам и положить предел непрерывному опустошению пристепной окраины. Поэтому «Слово о полку Игореве» неодобрительно относится к локальности затеваемого Игорем похода.

Все же Игорь действовал не один. К Игорю, князю новгород-север-скому, присоединяются Владимир Игоревич, его сын, князь путивльский, Святослав Ольгович, его племянник, князь рыльский; Ярослав Всеволодович, его дядя, князь черниговский, посылает ему отряд черниговских коуев под начальством Ольстина Олексича.¹

Всеволод, князь курский и трубчевский, со своими «кметами», курскими воинами, закаленными в боях со степняками, вышел ему навстречу из Курска. Игорь прошел Донец и у Оскола поджидал Всеволода. Оттуда двинулись вглубь степей. На р. Суюрлие был дан бой, в котором половцы были разбиты. Утомленное войско отдыхало, хотя Игорь, боясь скопления половцев, советовал вернуться обратно. Святослав и Всеволод не послушались. Пользуясь беспечностью князей, половцы окружили русских, как и предполагал Игорь, и начался знаменитый бой на р. Каяле. Особенно энергично сопротивлялись куряне и сам их князь яр-тур-Всеволод.

Всеволод, по «Слову о полку Игореве», дает следующую характеристику своим курянам:

«А мои ти куряне сведоми кьмети: под трубами повита, под шеломы възлелеяны, конець копия въскормлены, пути им ведоми, яругы им знае-мыг луци у них напряжены, тули отворены, сабли изьострены, сами ска-чють, яки серые вьлци в поле, ищучи себе чти, а князю славы».²

Сам он описан в «Слове о полку Игореве» храбрым опытным воином: «Яр-туре-Всеволоде! Стоиши на борони, прыщещи на вой стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо тур поскачяше, своим златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганые головы половецкыя. Поске-паны саблями калеными шеломы оварьские от тебе, яр-туре-Всеволоде».¹

Несмотря на храбрость русских дружинников, обстоятельства складывались не в их пользу. Русские бились «в поле незнаеме, среди земли поло-вецкыи», а половцы прекрасно знали степь и сумели оттеснить русских от воды, которой те не видели три дня. Кроме того, половцы объединились. Они шли «от Дона и от моря и от всех стран». Шли отряды Кончака, Гза, Чильбука, Романа Гзича, Елдечюка, Копти, двигались половецкие колена Токсобичей, Етебичей, Терьтробичей, Вобурчевичей, Улашевичей, и небольшой сравнительно отряд русских, утомленных предшествовавшей битвой, несмотря на отчаянное сопротивление, был разбит. На третий день боя первыми дрогнули и побежали черниговские коуи. Попытка поскакавшего им в догонку Игоря остановить бегущих ни к чему не привела, и на обратном пути князь был захвачен в

плен. Затем попали в плен Всеволод, Владимир и Святослав, которых поделили между собой половецкие ханы.

«Слово о полку Игореве» отмечает результат похода. Когда весть о Каяле дошла до земли русской: «А вьстала бо, братие, Киев туюго, а Чернигов напастьми, тоска разлился по русской земли; печаль жирна утече среди земля Рускыи». Причину поражения «Слово» видит в «крамолах» княжеских, в усобицах, в отсутствии единства действия. «Слово» призывает князей к единению, к прекращению усобиц, зовет объединиться для борьбы с «погаными», разоряющими русские земли и берущими дань «по беле от двора», князей: Всеволода Суздальского, который может веслами Волгу и шлемами Дон вычерпать, Рюрика и Давида Ростиславичей, могучего Ярослава Осмомысла Галицкого, который «подпер горы Угорские своими железными пьлки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены чрез облака, суды ряда до Дуная. Грозы твои по земли текут, отворяши Киеву врата, стреляеши с отня злата стола Салтани за землями», Романа и Мстислава. «Слово о полку Игореве» вспоминает об объединенном походе князей под руководством Святослава Всеволодовича Киевского, отмечает его успех и говорит о заслуженной Святославом после похода в степи, когда был взят Кобяк, славе, которую «пели» ему «немци и вене-дици, ту греци и морава», и о том, как эту славу погрузил на дно Каялы Игорь, — фигурально указывая, что Игорь пересел с «седла злата» в «седло кошечье», т. е. стал неудачником, подневольным пленником «поганого» хана. Разгром Игоря вызвал «скорбь и тугу люту» по всей Северной земле. Русь, «потеряв князей» и дружину, ожидала налета половцев. Население скрывалось, бросая насиженные места, в страхе и волнении металось из города в город.

Узнав о поражении на Каяле, Святослав Всеволодович и Ярослав Всеволодович Черниговский деятельно готовятся к отпору, ожидая ответного похода половцев. Ярослав готовился к обороне Чернигова, а Святослав, как киевский князь, естественно, вынужден был обратиться к помощи соседних князей. Это диктовалось интересами обороны всей «Русской земли», да и к тому же Киев был менее защищен естественными препятствиями, чем Чернигов. Олег и Владимир Святославичи направились к пограничью

Северской земли, а Давид Ростиславич Смоленский своими дружинами прикрыл торговые пути, заняв Треполье и Канев. Приготовления князей были не напрасны. Половцы двинулись на Русь. Ханы действовали недружно. Кончак советовал идти на Киев и отомстить за поражения половцев, а Гза стоял за то, чтобы разгромить безоружное Посемье. Половцы разделились. Кончак подошел к Переяславлю, где Владимир Глебович Святослав, Рюрик и другие князья нанесли сокрушительный удар его ордам и вынудили их отступить. На обратном пути, во время отступления, половцы осадили Римов. Жители города энергично сопротивлялись, но вскоре рухнули две башни, и Римов был взят и разрушен. Оставшиеся в живых горожане были уведены в плен. Гза в это время осадил Путивль, сжег острог, но дальнейшая осада города оказалась безуспешной и была снята. Зато остальное Посемье было выжжено и опустошено половцами, и большая часть населения уведена в плен.¹

Таковы были результаты неудачного похода Игоря в степи. Все тяготы войны легли прежде всего на плечи смердов и горожан. Земля Северская была опустошена, обезлюдела, села и города выжжены. Но прежде чем подойти к итогам похода Игоря Святославича, следует остановиться на некоторых отдельных эпизодах, описываемых в «Слове о полку Игореве».

В «Слове» обращают на себя внимание два момента: песнь готских дев у берега моря, радующихся разгрому Игоря, и указание на то, что северские князья этим походом стремились снова овладеть Доном и «поискать», а следовательно и найти, т. е.

захватить, «град Тмутаракань». В свое время мы уже останавливались на древнейших речных и сухопутных торговых путях, путях социально-культурных и политических влияний, которые связывали Северскую землю с Доном, Кавказом, Азовским морем и Крымом. В этом отношении особую роль играла Тмутаракань, издавна тяготевавшая к среднему Приднепровью — к Киеву и Чернигову. Географическая близость к Северной земле и удобные речные пути сообщения наряду с древними сухопутными дорогами предопределили тяготение Тмутаракани к Северной земле и едва ли не большее обратное тяготение. Для чернигово-северских городов Тмутаракань была тем торговым центром, где северские купцы встречались с византийскими, крымскими, кавказскими и среднеазиатскими торговцами. Древние социально-культурные связи с богатым городом Северного Кавказа усиливали тяготение северской княжеско-боярской и купеческой верхушки к этому утраченному ею со времен Олега Святославича краю. В летописи последний раз Тмутаракань упоминается под 1094 годом, когда Олег Святославич в сопровождении половцев покидает ее и идет к Днепру отвоевывать свою «отчину». Затем Тмутаракань упоминается в «Слове о полку Игореве», и далее русские источники о ней молчат; в «Слове» она выступает как далекий, манящий, привлекающий к себе своим богатством, навеки утраченный для северских князей, город. Понятно стремление Ольговичей вернуть себе Тмутаракань. Темна и загадочна ее история. Тем не менее, если молчат древнерусские письменные источники, то судьбы Тмутаракани раскрывают перед нами иноземные свидетельства и археологический материал. Когда Олег Святославич поки-

11 В. В. Мавродин

321

дает Тмутаракань, она действительно оказывается потерянной для русских княжеств Приднепровья, но на этом не кончается политическая история Тмутаракани именно как русского княжества. Русский этнический элемент еще долгое время сохраняется на Кавказе, хотя, несомненно, все более и более ассимилируется с населением северокавказского этнического района, растворяется в местном тюрко-яфетическо-иранском, более мощном, этническом элементе и теряет свое русское, славянское этно-культурное начало вплоть до полного его исчезновения. Сохраняется также и княжеско-дружинная русская верхушка со своим политическим образованием.'

Эдризид (1153 г.) упоминает о поселении «Russia» в 20 милях к западу от Матархи-Тмутаракани и о «устье русской реки», находящемся между Судаком и Матархой. По мнению Ю. А. Кулаковского, «русская река» Эдризид не что иное, как Дон, а «Russia» — Керчь. На это же еще в свое время указывал Брун, тогда как Васильевский искал «Russia» в устье Дона, отождествляя ее с «Русским перевозом», упоминаемым де Рубруком. По мнению А. И. Соболевского, «Russia» — город где-то у впадения в море Кубани; «Russia» Эдризид соответствуют «Рюооих» договора византийского императора Мануила с генуэзцами 1169 г., по которому Византия разрешает генуэзским купцам торговать повсеместно за исключением «Матархи» или «Матрахи» и «Рюоою».2

В это время Тмутаракань-Матраха и «Рюссих», очевидно, находятся в известной зависимости от Византии, но формы ее установить трудно, тем более, что запрещение генуэзцам торговать в упомянутых городах можно рассматривать как стремление Византии оградить себя от купцов-конкурентов. В виде компенсации за открытие византийских портов Причерноморья генуэзские купцы должны были отказаться от торговли с городами, не принадлежащими Византии. Вопрос, следовательно, остается открытым, Эдризид упоминает о князьях «Russia» и Тмутаракани, сильных и воинственных, опасных для соседей. Князей этих считали и русскими и

Большинство исследователей, занимавшихся Тмутараканью (Полканов, Якубовский, Лунин, Спицин, Козловский и др.), считало, что русское население,

имевшее какое-то свое политическое образование и каких-то своих правителей, оставалось в Тмутаракани и после ухода Олега Святославича в 1094 г. См.: Полканов А. И. К вопросу о конце Тмутараканского княжества // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. 1929. Т. III; К о з л о в с к и й И. П. Тмутаракань и Таматарха-Матарха-Тамань // Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. 1928. Т. II; Л у н и н Б. В поисках древнего Тмутараканя // На подъеме. 1935. № 3—4; Якубовский А. Ю. Ибн-Аль-Биби и поход турок-сельджуков на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. Т. XXIV; Спицин А. А. Тмутаракань // Журнал м-ва нар. проев. 1909. Январь.

В рецензии на мою статью, помещенной в «Историке-марксисте» № 1 за 1939 г. под названием «К вопросу о Тмутаракани», В. А. Пархоменко с моей точки зрения совершенно напрасно игнорирует этот этап в истории Тмутаракани, что может быть обусловлено только лишь тяготением автора рецензии, известного исследователя вопроса об Азово-Черноморской Руси, к ранней эпохе.

абхазами. По-видимому, были и те и другие, и Эдризиды даже упоминает о постоянной вражде «Russia» и Тмутаракани. Позднейшее свидетельство подтверждает наличие на территории Тмутараканского, некогда единого, княжества ряда мелких политических образований русских, абхазских и черкесских князей, которые, естественно, могли воевать между собой. Дробление Тмутаракани на княжества, по-видимому, было не чем иным, как заменой примитивного государственного объединения при русских князьях конца X—XI вв. строем феодальной раздробленности, когда возникали крохотные «полугосударства», а кое-где, несомненно, и просто реставрировались старые родовые и племенные территории, механически объединявшиеся русскими князьями до Олега Святославича включительно. Когда связи с Приднепровской Русью прекратились, наспех сколоченное феодальное полугосударственное образование рассыпалось, и на его месте возникла плеяда русских, абхазских и черкесских «княжеств» самого различного характера, начиная от княжений родоплеменных князьков и кончая образованиями феодального типа, продолжавшими тот исторический процесс, который начался со времен Святослава и Мстислава.

К Кавказу по-прежнему тяготеют русские князья, но теперь это тяготение сказывается главным образом в заключении брачных союзов. В 1153 г. Изяслав Мстиславич женится на дочери «обезского» (абхазского) «царя»; Юрий Андреевич, сын Боголюбского, женат на грузинской царице Тамаре; Всеволод Суздальский и Мстислав Изяславич Черниговский женаты на двух сестрах — «ясынях» — осетинках; Ярополк Владимирович взял в жены «ясского князя дочь».1

Не прекращаются «торговые связи». Ибн-Аль-Асир указывает, что торговые караваны из Руси направляются в Крым, а оттуда в Синоп, к туркам, и торговые операции не прекращаются в течение всего XII и половины XIII в. вплоть до появления татаро-монголов. Торговые караваны русских купцов попадали, очевидно, и в Тмутаракань. Позже, после битвы на р. Калке, «многие из знатнейших купцов и богачей русских, унося с собой то, что у них было ценного, двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские».2 Беглецы эти были, несомненно, русские богачи и купцы из Крыма и Северного Кавказа, т. е. из Тмутаракани. Действительно, кого могли встревожить татары, действовавшие у Калки? Какие русские купцы и богачи (Ибн-Аль-Асир говорит, кстати сказать, не только о купцах, временно проживающих на юге, но и о местных русских богачах) были обеспокоены разбойничаньем татар в приазовских степях? Конечно, не приднепровские, а русские из Приазовья и Причерноморья, т. е. Тмутаракани. Свидетельство Хакани указывает на участие русского флота в войнах за Каспийское

побережье в 1175 г., когда русские совершили поход на судах и дошли по р. Куре до Лемберана и острова Руинас у Сари.³ Указание Хакани свидетельствует о наличии рус- Грушевский М. С. Ук. соч. С. 512—513.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде. С. 27. Дорн. Каспий. Т. VIII. С. 20, 524—530; Мавродин В. В. Первые морские походы русских на Каспийском море // Морской сборник. 1939. № 9. С. 94.

323

ских дружин где-то у Каспия; по-видимому, ими были русские из Тмутаракани, проникавшие в Каспий через Дон и Волгу.¹ Ибн-Аль-Асир указывает также, что в 1223 г. владетель Тебриза, города в Азербайджане, посылает русских купцов и пленных хорезмийцев с подарками к татарам.² Русские купцы проникали и далее вглубь Средней Азии, в столицу Хорезма Орну (Ургенч), где их встретил в 1246 г. вместе с аланами и хазарами Иоанн де-Плано Карпини.³ Транзитным пунктом торговых караванов, шедших из Средней Азии в Булгары и Русь, был город Саксин.⁴ Вильгельм де Рубрук (1253 г.) указывает на подобную же роль Судака, куда привозили русские купцы меха.⁵ По свидетельству Ибн-Абу-Аз-Захыра, подтверждаемому указаниями Эль-Муфаддала и Эль-Омари, в Судаке живут половцы, аланы и русские;⁶ ими же заселен Солхат (Старый Крым). Все эти источники относятся ко времени посольства Бейбарса к хану Берке, а именно к 1263 г. Тот же Вильгельм де Рубрук упоминает о «Русском селе» на Дону и «Русском перевозе» где-то на Волге у «Нового села»; о русских, исповедывавших христианство по греческому обряду, которых он встретил у берегов Азовского моря; о каких-то русских, венграх и аланах, разбойничавших в степях.⁷ В данном случае мы, очевидно, сталкиваемся и с позднейшими поселениями русских, которых татары переводили в степи, заставляя их, уже в качестве поселенных пленников, выполнять те или иные повинности⁸ (как, например, перевозчики у Волги из «Нового села», куда татары согнали русских и «сарацин»), и с остатками древнейшей русской колонизации на нижнем Дону, в черноморских степях у Азовского побережья и на Северном Кавказе. Все приведенные свидетельства указывают на присутствие русского этнического элемента в Приазовье, кое-где, очевидно, сохранившего и некоторую государственность. Чрезвычайно интересное свидетельство Ибн-Аль-Биби о походе турок на Судак, половцев и русских, датированном 1221—1222 гг., приводит А. Ю. Якубовский. Турецкие купцы, прослышав о выгоде торговли с половцами и русскими у Хазарской переправы (т. е. Керченского пролива), завязывают сношения с ними. Несколько турецких купцов было ограблено. Султан Ала-ад-дин-Кей-Кобад высылает войско, чтобы покарать виновных и, по-видимому, в случае удачи, обосноваться в Крыму. Во главе войска был поставлен Хусам-ад-дин-Чупан. Жители Судака высылают посла, который запросил Хусам-ад-дин-Чупана о причинах похода, предлагая деньги, а в случае, если поход предпринят против русских, то и помощь. В то же время из Судака скачет гонец в степи, к половецкому хану, с просьбой о помощи. Хан ставит в известность о приближении турок русского князя. Формируется русско-половецкое десятитысячное войско, которое ждет, какой ответ принесет посол Судака от Хусам-ад-дин-Чупана. Посол вернулся ни с чем, так как последний отказался от денег. Турки высадились и готовили удар, не ожидая того момента, когда к Судаку подойдут подкрепления из Саксина и от русского князя. На утро был дан бой. Половцев поддерживали русские, причем, по-видимому, основная масса русских дружинников заняла выжидательную позицию и выслала лишь отдельные отряды. Половцы на следующий день были разгромлены. Русский князь, сознавая свою слабость, шлет посла к Хусам-ад-дин-Чупану с просьбой принять подарки — лошадей, русский лен и 20 000 динаров — и считать его отныне верным подданным султана. Условия и подарки русского князя были приняты, посол

торжественно встречен и одарен, а князю отправлена дружественная грамота. Благодаря заключению мира с русским князем туркам удалось сосредоточить все силы на осаде Судака. Город был взят, христианский храм уничтожен и выстроена мечеть. Утвердилась турецкая администрация.¹

А. И. Полканов, подвергнув подробному рассмотрению рассказ Ибн-Аль-Биби, делает правильный вывод о наличии русского княжества где-то у Керченского пролива, «Хазарской переправы», с ее восточной, кавказской стороны.² За это говорят следующие обстоятельства. Во-первых, жители Судака предполагают вначале, что поход предпринят против русских, и имеют на это некоторое основание, так как грабили турецких купцов, очевидно, не согдиане — жители Судака, которые были заинтересованы в установлении торговых связей с турками, а прибрежные жители Кавказа, т. е. русские. И недаром в переговорах с Хусам-ад-дин-Чупаном посол русского князя прежде всего «счел обязательным выплату баджа и хораджа», т. е. пошлин. Такая денежная компенсация за ограбление купцов в какой-то мере удовлетворяла турок. По-видимому, русские впервые стали платить султану, тогда как Судак платил пошлины и ранее. За это говорит то, что посол из Судака, явившийся к Хусам-ад-дин-Чупану, прежде всего указал на верность, хранимую его городом султану, и справился, не вызван ли поход каким-либо недосмотром в области уплаты пошлин. Странным кажется только показание одного из купцов, жаловавшегося султану на то, что его ограбили франки. Если верить его словам, то остается предположить, что в среде этих русских были либо остатки варягов — норманнов, либо готы-тетракситы, которых, естественно, мог смешать с западноевропейскими их сородичами турецкий купец. Во-вторых, русские находятся где-то недалеко от Судака и «Хазарской переправы». В первую же ночь после высадки десанта турок русские подходят вместе с половцами и вступают в бой с турками. Остальная масса русских ждет исхода переговоров. После боя, через два дня, русский посол с подарками находился уже у Хусам-ад-дин-Чупана; следовательно, весть о разгроме сельджуками половцев и русских дошла в один день, и через день уже княжеский посол был у турецкого военачальника. Такая быстрота может быть объяснена только в том случае, если мы приурочим русское княжество к берегам Азовского моря, к «Хазарской переправе», и, таким образом, предположение А. И. Якубовского, считающего, что речь идет о рязанском князе, как правильно отметил А. И. Полканов, отпадает: самому южному, переяславльскому князю пришлось бы потратить на все эти передвижения 20—22 дня, а то и больше, а рязанскому на подобный поход понадобилось бы по крайней мере 25 дней, так как, конечно, никаких «конных станций» на всем громадном протяжении от рязанской окраины и до Крыма не было. А. И. Полканов считает местом высадки турецкого десанта Феодосию, а ставкой половецкого хана Старый Крым. Вычисляя расстояние между последним и Тмутараканью и скорость передвижения гонцов и дружины, тот же автор приходит к выводу, что резиденцией русского князя была именно Тмутаракань. Им же выдвигается ряд серьезных возражений против мнения А. Ю. Якубовского, усматривающего в рассказе Ибн-Аль-Биби указание на борьбу рязанского князя с турками.¹ Наличие в числе подарков русского посла льна — не доказательство северного происхождения русского князя,² так как этот лен мог быть, во-первых, куплен у русских купцов, приезжающих в Тмутаракань, а потребность тмутараканских русских во льне диктовалась старыми привычками, а во-вторых, он мог быть и местным продуктом (Паллас и в XVIII в. встречал в Крыму посеvy льна, очень тонкого и ценного).³

С Тмутараканью, как мы увидим далее, связаны и бродники — степное, свободное подонское и прикавказское население, несомненно русское и христианское. Таким образом, еще в начале XII в. на Тамани оставалось Тмутараканское княжество.

Порвавши связь с приднепровскими областями, его русское население растворялось в местном пестром этносе. В 1237 г. венгерский миссионер Юлиан посетил Матраху-Матарху-Тмутаракань и оставил нам ее описание. Князь и народ, по его свидетельству, христиане, имеют книги и греческих священников, но у князя, «говорят» (сам Юлиан, очевидно, этот факт не мог проверить), сто жен. Внешность населения Матрахы также отличается от русского типа того времени. «Все мужчины бреют головы, а бороды растут умеренно, за исключением благородных, которые в знак своего благородства над левым ухом оставляют немного волос, причем вся остальная голова обрита». Указанные особенности населения Матрахи еще отнюдь не означают, как думает М. С. Грушевский, что Юлиан встретил в Матархе нерусское население. Чуб, коса, бритые головы — все это заимствовано у кочевников со времен авар, хазар и позднее (брили голову, оставляя клок волос, и половцы), а, может быть, и ранее было так же присуще русским и, в частности, феодальной верхушке, князю, начиная со времен Святослава и кончая казачьим чубом. Давние связи с тюркской степью наложили отпечаток на русское население и в этом отношении. Сто жен князя («dux») Матрахи может быть указанием не на гарем, а на своего рода «склад живого товара», рабынь. Аналогичные примеры мы знаем и из истории Киевской Руси. Как это мы увидим далее, русское население Матрахы XIII—XIV вв. торговало рабами, а будучи доведенным до нищеты, продавало в рабство даже своих детей. В качестве работорговца мог, прежде всего, выступать сам князь, сосредоточивающий в своих руках большие партии наиболее ходкого на Востоке живого товара — женщин.¹

Эдризид описывает Матраху-Тмутаракань: «Место это очень старое, имя его основателя неведомо, его окружают нивы и виноградники. Место это густо заселено и богато. В нем имеются базары и торги со всеми соседними, а также с отдаленными краями».²

Тмутаракань еще раз предстает пред нами в свидетельстве Эль-Омари: «... у султана (Узбека) этого государства рати черкесов, русских, ясов. Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодovitых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя, текут реки и добываются плоды. Они (черкесы, русские, ясы) не в силах сопротивляться султану этих мест и потому обходятся с ними, как подданными, хотя у них и есть свои цари... До покорения этой страны татарами она была повсюду возделана, теперь же в ней только остатки этой возделанности. В ней разные деревья, разные плоды, как-то: виноград, гранаты, сливы, яблоки, груши, абрикосы, персики, орехи... Плоды, существующие у них в настоящее время, суть остатки того, что погибло из насажденного теми, что были до них. Впрочем, еще многое налицо в горах их и в имеющихся городах, несмотря на множество того, что погибло... Что касается городов черкесских, русских и яских, то у них всего этого (брюквы, репы, капусты) много. Там много меду белого цвета... В настоящее время между ними уже распространен ислам... Хотя кипчаки одержали победу над ратями черкесов, русских, маджаров и ясов, но эти народы похищают детей их (кипчаков) и продают купцам».³ Татаро-монгольское завоевание нанесло окончательный удар Тмутаракани. Последняя была разорена и прекратила самостоятельное существование, войдя в состав Золотой Орды. Население было разорено. Тот же Эль-Омари сообщает, что «русские, черкесы и ясы испытывали такую нужду, что продавали своих детей в рабство». Известный исследователь левантской торговли Гейд сообщает, что в эту пору генуэзцы и венецианцы ежегодно через Далшетту и Александрию доставляли в Египет до 2000 рабов (черкес-раб ценился в 110 — 120 дукатов, славянин 70 — 80). Половцы, русские и черкесы до такой степени заполнили ряды войск в Египте, что в середине XIII в. они под именем мамелюков (рабы) овладели властью в Каире. С 1382 по 1517 г. на египетском престоле сидела черкесская династия.¹ В конце XIII в., по

сообщению Георгия Пахимера, аланы, готы и русские в Тмутаракани-Матархе, покоренные татарами, усваивают их нравы, обычаи, одежду и язык, и с XIV в. падает христианство.² Процесс ассимиляции русского населения ускоряется. Исчезает христианство, кое-где сохраняясь в пережиточной форме, внедряется ислам. Исчезают какие бы то ни было следы русской культуры. Начиная с XIII в., со времен Юлиана, на Кавказе, в половецких степях, на севере доходя до Волги, до земель мордвы и Башкирии, начинают появляться венгерские католические миссионеры, главным образом из числа миноритов. Зная половецкий язык венгерские миссионеры были, наиболее удобными проповедниками католицизма. Знание венгерского и половецкого языков открывало им доступ не только в половецкие степи, но и в землю мордвы и в Башкирию, Великую Венгрию, выходцами откуда не без основания считали себя как сами венгры, так и такие историки и географы того времени, как Ибн-Хаукаль, Абульфед, Аль-Бекри. Якут, Алла-Эд-Дин, Рашид-Эд-Дин, де Рубрук и Казвини, сближавшие венгров с башкирами и выводившие венгров из Великой Венгрии или Башкирии.³ Их деятельностью только и можно объяснить замечание де Рубрука, что почва для католицизма на Кавказе вполне подготовлена. И уже в начале XIV в. папа Климент V назначает в Матарху архиепископом францисканского монаха Иоанна, туземца, родом, по-видимому, зихийца. Зихийский князь Вер-захт, княживший в «Матриге» — Тмутаракани, получил от папы Иоанна XXII в 1333 г. благодарственное письмо за его деятельность в пользу католицизма. Существовавшей в Зихии и Матархе митрополии, учрежденной константинопольским патриархом во второй половине XIII в., пришлось выдерживать борьбу с католичеством. Несмотря на поддержку папы, все же, по-видимому, католичество было непрочно. Сохранилась греческая церковь и религия, усиливалось мусульманство, существовало и язычество, насквозь пропитавшее собой ислам, впоследствии ставший господствующей религией. В XV в. в Матархе правила огрузинившаяся

Козловский И. П. Ук. соч. С. 70. По другим сведениям в это время правила половецкая династия.

Иловайский Д. Разыскания о начале Руси. С. 180—181; Максимович М. А. Соч. Т. III. С. 262 — 263; Спицин А. А. Тмутаракань // Журнал м-ва нар. проев. 1909. 4.1. С. 90.

Козловский И. П. Ук. соч. С. 70; Г о л у б о в с к и й П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. С. 187—188.

328

генуэзская фамилия Гвизольфо, подчиненная и генуэзской республике и местным татарским ханам, а в 1475 г. Тмутаракань захватывают турки.¹

Некоторое время еще остаются какие-то следы русского населения и русской культуры. Герберштейн указывает, что в первой половине XVI в. на Кубани жили афгазы и черкесы, или зихийцы. По свидетельству русских, они, замечает Герберштейн, христиане, исповедуют греческую веру, исправляют богослужение по славянским книгам, на славянском языке и на нем же говорят. При этом Герберштейн имеет в виду только пятигорских черкесов. Подтверждение вышеизложенного мы встречаем у Петра де ла Валлие, упоминающего о черкесах, исправляющих богослужение по греческому обряду.² К этим сообщениям надо относиться очень осторожно, так как современники могли спутать черкесов-христиан, православных, с русскими-православными. Принадлежность к одной церкви еще не означала этнического тождества, тем более что отдельные упоминания о русском происхождении некоторых черкесских и кабардинских племен XVI— XVIII вв. обусловлены были политическими стремлениями. Так, например, в 1554 г. Грозный объясняет польскому королю, что «черкесы — государей наших старинные холопы и

бежали с Рязани», а в 1594 г. думный дьяк Исленьев заявляет, что некогда кабардинские и горские черкесские князья и Шевкальские были «холопами Рязанских пределов, но сбежали...». В 1732 г. Магомет-бек-Атажуков заявил петербургскому двору, что его предки родились в Малой России, перешли на Терек и назвались черкесами.³ Все эти показания явно тенденциозны, но тем не менее зерно истины можно обнаружить даже в подобных свидетельствах. Так, например, Н. Я. Марр приводит свидетельство А. И. Стоянова о сходстве типов населения, одежды, прически и т. д. населения местечек Мулах и Мужаль в Сванетии с украинцами, настолько разительном, что составитель старинной карты Кавказа над этой местностью вывел надпись «запорожцы». В легендах, некогда распространенных на Кавказе, говорится о русских поселенцах, попавших на Кавказ в отдаленные времена, утративших свой язык и даже воспоминание о своем происхождении, но сохранивших следы этого происхождения в именах и прозвищах.⁴ Так, например, существуют очеркесившиеся племена, которые не считают себя черкесами. В черкесской общине Чаберлой сохранилось предание, что они по происхождению русские.⁵ Древние связи русских с Северным Кавказом были причиной появления подобного рода легенд, причем сами эти связи были обусловлены не только общим историческим процессом, но и подлинным длительным соседством русских с хазаро-яско-касого-обезским миром, в котором русские, славяне, сами были одним из его составных элементов, с течением времени полностью слившимся со всеми остальными этно-культурными его элементами. И когда в 1656 г. донские казаки, налетом, на короткий срок захватывают Тамань, местное население оказалось иноязычным и иноплеменным, хотя в его формировании приняли известное участие и древние тмутараканские русы, сами впитавшие в себя наследие еще более древнего ирано-тюрко-яфетического мира Северного Кавказа.

Вернемся к попытке Игоря Святославича захватить в те времена еще заманчивую и богатую Тмутаракань.

Вернуть Тмутаракань — одна из основных причин, побудивших Игоря предпринять свой поход. В «Слове о полку Игореве» Тмутаракань упоминается четыре раза: два раза в связи с упоминанием князей тмута-раканских: Олега Святославича и Всеслава, один раз говорится о тмутараканском болване и один раз указывается на причину похода Игоря — «поискать града Тмутараканя». Эти же причины мы найдем и в тексте Лаврентьевской летописи — князья идут захватить «Лукоморье», т. е. ту же Тмутаракань. Но как относилась к этой затее северских князей сама Тмутаракань?

В «Слове о полку Игореве» имеется одно место, обратившее на себя внимание Маркса: «Се бо готские красные девы въспеша на брезе синему морю, звоня русским златом; поют время Бусово, лелеют месть Шарока-ню».¹ Маркс указывает: «Замечательно одно место в стихотворении: *Voila les jolies filles des Gots entonnent leurs chants au bord de la Mer Noire*». Выходит, что Геты, или Готы, праздновали победу тюркских половцев над русским.²

Очевидно, что золотые вещи и украшения, награбленные у разбитых русских дружинников, могли попасть к готским девам только в том случае, если бы их им продали половцы, а следовательно речь идет, несомненно, о тех готах, которые жили где-то рядом с половцами или даже под их властью. Такими могли быть только крымские готы, или готы-тетракситы, жившие в то время на Тамани и южнее ее по берегу Черного моря. Следовательно, готы-тетракситы жили и в Тмутаракани. По свидетельству Про-копия, в VI в. рядом с ними жили авасги (абхазы, обезы), зикхи и сагины, а «к северу живут бесчисленные народы антов». Здесь готы-тетракситы, или геты, вошли позже в состав Хазарского каганата, а после его разгрома Святославом оказались подданными тмутараканского князя. Кое-какие неясные сведения о них в

IX—X вв. до нас дошли, но решительных выводов из них сделать невозможно. Георгий Пахимер упоминает об аланах, русских и готах, покоренных татарами и живущих в Тмутаракани-Матархе, усваивающих их обычаи, нравы, одежду и язык.³ В составе варварских князей Матархи XII—XIV вв., воевавших между собой, по-видимому, были и остатки готов. Почему готы праздновали победу половцев над русскими, а это является основной мыслью приведенного отрывка из «Слова о полку Игореве»? Только потому, что к ним попали награбленные половцами русские драгоценности, которые им, конечно, достались не бесплатно, так как половцы ничем им не были обязаны и со своими вассалами, если речь идет о крымских готах, отнюдь не должны были делиться частью добычи? Нет, очевидно, поход Игоря Святославича угрожал не только половцам, но и готам. Поход был предпринят не в Крым, а на Дон, Лукоморье, на Тмутаракань. Поэтому напрашивается вывод о готах-тетракситах, столь радостно встретивших весть о Каяле. Готские девы поют «время Бусово». В трактовке этого места нет единого мнения. В истории гото-славянских отношений был один исторический факт, связанный с именем Бос, Бус или Бооз. В 375 г. готский король Винитар разгромил антов и убил антского князя Бо-оза (Боса, Боуса, Буса) с сыновьями и еще 70 антских племенных князьков. Готам, в свою очередь, в скором времени был нанесен решительный удар гуннами и их союзниками — антами. Естественно, что граничившие с антами готы-тетракситы скорее всего могли сохранить воспоминание о временах столкновения с антами, об антах-врагах, о Бусе. Готы-тетракситы, неплохо знавшие и отдаленных предков русских — антов и, собственно, уже русских, в последних видели прямых потомков первых. Они сравнивают победу половцев над русскими князьями, когда все они были взяты в плен половцами, с разгромом Винитаром антов, когда большинство антских князей, едва ли не все, было им схвачено и перебито, — устанавливая этим связь между двумя историческими моментами и двумя народами. Аналогия крайне характерная. Нам могут возразить, откуда все это было известно составителю «Слова о полку Игореве», который вряд ли был знаком с тем, что пели готские девы и что думали готы о походе Игоря Святославича? Но откуда же он почерпнул сведения о плаче готских дев у берега «синего моря», которое могло быть только Черным морем? Следовательно, составитель «Слова» знал о готах на берегах Черного моря, и есть некоторые основания предполагать, что ему была знакома Тмутаракань. Возможно даже он там бывал, за что говорит четырехкратное упоминание Тмутаракани в «Слове», хотя Тмутаракань осталась «землей неизвестной»; но последнее надо понимать не буквально, как «землей неизвестной», а в смысле ее отдаленности. «Земля неизвестная» — «земля далекая», «земля утраченная», ибо, в самом деле, не могли же русские не знать Корсуня, Су-рожа и, тем более, Посулья; Поморья и Волги, которые в «Слове» также фигурируют, как «земли неизвестные». Автор «Слова» располагал сведениями и о тмутараканском «болване». Термин «болван» Иловайский переводил словом «пролив», заимствуя это слово из польского языка и указывая на сходные слова «забалтывать», «болтать», «взбаламутить» и т. п.,¹ а Н. Я. Марр, критикуя сторонников турецко-персидского происхождения этого слова, В. В. Радлова, В. Д. Смирнова, Ф. Е. Корша и Б. М. Мелиоранского, связал этот термин с термином «бол», в смысле «бог» — «идол» болгарского племени или, равным образом, «там»'ов, племени, входившего в состав Таматархи, считая это выражение в «Слове о полку Игореве» совершенно естественным.² Еще в XVIII в. на Тамани были следы каких-то статуй — идолов, а следовательно, есть все основания предполагать, что на Тамани в те времена были статуи, думаем, именно, что не одна, и не даром черкесы переводят «там-торк», как «становище бога». Если же мы примем за возможное предположение о знакомстве автора «Слова» с Тмутараканью, то есть основание считать, что ему был известен готский эпос и он мог себе представить, как реагируют на весть о поражении

русских готы. Возможно, что ему это стало известно и из уст купцов, прибывших с «Лукоморья». Во всяком случае нет оснований предполагать, что песнь готских дев есть измышление автора «Слова», литературно-художественный прием. Маркс, очень интересовавшийся «Словом о полку Игореве», что явствует из его переписки с Энгельсом, придает исключительное значение именно данному моменту. Поход князя Игоря вызвал среди готов опасения о возвращении времен владычества приднепровских русских князей, а готы, очевидно, не имели особых трений со своими соседями: абхазами, кабардинцами, черкесами, остатками черных болгар — балкарцами и тмутараканскими «руссами».

Борьба отдельных княжеств друг с другом была борьбой отдельных полуварварских-полуфеодальных образований. В процессе борьбы складывались и рассыпались этно-политические группировки, и с тмутараканскими «руссами» — русскими готы, издавна соседившие и, наверное, ассимилирующиеся, с ними, равно как и с прочими яфетическими и тюркскими племенами Северного Кавказа, имели не больше столкновений, нежели с другими народами. Готы были недовольны походом именно приднепровских русских. Готы, по-видимому, как этническая группа, доживали свои последние дни и скоро совершенно растворились в местном этносе. Русь, как мы видели, совершила тот же путь, но более медленно, и с ее стороны мы не видим никаких попыток воссоединиться с приднепровскими русскими княжествами.

Вернемся к событиям 1185 г.

В летописи описывается пребывание Игоря в плену у половцев. К Игорю приставлено было двадцать сторожей из числа сыновей половецких ханов и знатных половцев, но одновременно ему была предоставлена относительная свобода. Игорь ездил куда хотел, охотился где угодно, но повсюду его сопровождали именитые сторожа, которые беспрекословно исполняли его требования. Игорь имел и своего попа, которого «привел из Руси к себе». Половец Лавор (Овлур, Лавр), очевидно христианин, предлагает Игорю бежать. Игорь сперва отказался, считая это бесчестным делом, но послушался своих бояр — тысяцкого, конюшего и других — и согласился на предложение Лавора. Его решение было связано с возвращением половцев из-под Переяславля. Разбитые половцы грозили пленным князьям смертью. Игорь посылает ночью Лавора на другую сторону р. Тора, и сам вскоре присоединяется к нему. На конях, а затем, когда кони пали, то и пешком, Игорь с Лавором в одиннадцать дней достигли Донца, откуда уже дошли до Новгород-Северска. «Слово» описывает радость, с которой встретили Игоря северские города. Из Новгород-Северска Игорь отправляется в Чернигов к Ярославу Всеволодовичу и уже из Чернигова в Киев, к Святославу Всеволодовичу, тепло его встретившему. Узнав о бегстве Игоря, в погоню за ним устремился Гза, но не догнал. Разъяренный Гза требо-

332

вал у Кончака казни сына Игоря, Владимира. Кончак отклонил его требование, советуя лучше привязать его к их вежам, женив на половчанке. Так и произошло. Владимир Игоревич женился на Кончаковне, но в 1187 г. вернулся к отцу вместе с женой-половчанкой и ребенком и был обвенчан.¹ Возвращение Игоря из плена «Слово» описывает несколько иначе. Игорь из города Донца идет к Киеву, к богородице Пирогощей, а следовательно, на поклон к Святославу. Снова проводится мысль — должен быть единый князь, князь-объединитель, и им может быть только князь киевский, «мати градов русских». «Слово» описывает «радость» «русской земли» по поводу возвращения Игоря. Девицы поют на Дунае, и голоса их через море доносятся до Киева. Готские девы на одном берегу Черного моря радовались поражению Игоря, русские девы на противоположном его конце, у дунайских гирл, радуются возвращению его из половецкого плена.

Перейдем к «Слову о полку Игореве». Как мы уже отметили, в «Слове о полку Игореве» основная мысль — объединить русских князей для борьбы с кочевниками. Маркс по этому поводу замечает: «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов».2

«Слово» резко осуждает усобицы, ослабляющие русскую землю и разоряющие русский народ, простых пахарей, смердов. Оно порицает Олега Святославича, инициатора первых крупных межкняжеских усобиц. Автор «Слова» призывает князей к объединению в борьбе с половцами, с «погаными», опустошающими русскую землю. «Крамолы» княжеские разоряют население, ослабляют Русь и способствуют успеху «поганых». «Слово» отражает тенденцию осознающих свое единство народных масс отдельных областей и княжеств к объединению Руси.

Трудно определить, был ли автор «Слова» киевлянином или северянином. И те и другие черты налицо в его произведении, но политическая идея его заставляет предположить, скорее, о киевских, нежели о северских его симпатиях. Это или киевлянин по своим политическим симпатиям, хорошо знающий Северскую землю и с ней тесно связанный, пытающийся соединить русские земли под главенством Киева, или северянин, тяготеющий к Киеву и стремившийся реставрировать его политическое прошлое как города, который может постоять за всю «землю русскую», в частности, и за Северскую.3

«Вся песнь, — как замечает Маркс, — носит христиански-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно».4

Автор считает своим предшественником Бояна, «словутного певца» древней Руси, слагавшего песни про русских князей и их дружинников.1 «Слово» — памятник народного творчества, хотя автор его мог быть дружинником. В период создания «Слова», обычно датируемого 1187 годом,2 существовала уже устная песенная традиция, зародившаяся еще в языческие и раннехристианские времена, использованная автором. Былинный народный эпос, использованный автором «Слова о полку Игореве»,3 наложил свой отпечаток на все произведение, придав ему исключительную силу, реализм и оптимизм. Художественно-историческое значение рассматриваемого нами памятника таково, что ставит его наряду с крупнейшими мировыми литературными памятниками подобного рода.4

Еще одно замечание по поводу политической тенденции автора «Слова» и его настроений. Автор «Слова о полку Игореве» — патриот своей страны, своей отчизны. Он поет «старые времена», вспоминает сильных князей, героев древних времен, бывшие битвы и успехи русских. Он осуждает княжеские «крамолы» и самих князей, говоря, что они прекратили борьбу с «погаными», забросили это великое дело, занялись мелкими спорами и ссорами между собой, перераставшими в усобицы, осуждает их стремление друг у друга отобрать земли («се мое, а то мое же»).

Симпатии автора «Слова о полку Игореве» на стороне «старых князей», последних «каганов» Руси, совершавших славные походы и покорявших соседние племена и земли. Боян не может помириться с усобицами, «нестроением», с разорением русских земель, с тем, что князья своей враждой превратили Русь в объект нападений половцев. В. Ржига отмечает, что автор «Слова» «не может отрешиться от прошлого: он во власти старых отживающих идей о том, что право владения всей русской землей принадлежит единому княжескому роду в целом, возглавляемому старейшим в роде, и о том, что порядок владения отдельными областями определяется очередью старшинства. Он идеализирует давно минувшие времена Владимира Мономаха (противопоставляя ему Олега Святославича, типичного князя времен феодальной раздробленности, начавшего «крамолы» — борьбу за уделы, которого он осуждает. В. М), когда успешно преодолевали сепаратизм отдельных княжеских

выступлений, и горько жалеет, что Мономаха нельзя было «пригвоздить» к горам Киевским. Устами старейшего в роде великого князя Святослава Всеволодовича он пламенно зовет всех современных ему русских князей объединиться для борьбы с общим врагом — половцами, но его горячие призывы не находят отклика, и он с горечью должен признать, что преемники Владимира Мономаха действуют врозь».5 То обстоятельство, что автор «Слова» поет «старые времена» и «старых» князей, отнюдь не указывает на консервативность его взглядов. Наоборот, певец «Слова» — искренний поборник великой, сильной, единой Руси, и другим, как истый патриот, он не мог быть. Взоры его обращены в прошлое по вполне понятным обстоятельствам — только в прошлом он видел те времена, когда на Руси была сильная власть «старых» князей, и неразделенная единая Русь успешно отражала врагов и расширяла свои границы. Чувствуя всю опасность кочевой степи, автор «Слова» призывает князей к единению, оперируя известивши ему примерами из прошлого и взывая к авторитету «старых» князей. Но автор «Слова» чужд уныния и пессимизма. «Старое» для него хорошо только потому, что в нем он видит героическое прошлое. Он призывает не к смерти, а к жизни, не к пассивности, а к активности, к борьбе. Он верит в силы своего народа, в свою родину.1

Межкняжеская позиция Бояна объясняется именно подобными политическими симпатиями «певца старого времени», избравшего ныне темой своей «христианско-героической песни» «новые времена», поход своего современника Игоря Святославича. Если трудно определить, кто автор «Слова»: черниговец, как это думает Барсов,² киевлянин, дружинник Святослава Всеволодовича,³ или галичанин,⁴ то нельзя не остановиться на интересной мысли В. А. Келтуяла о возможном инициаторе написания «Слова» — Святославе Всеволодовиче. Нам известен один документ, написанный, по-видимому, по его предложению, а именно «Слово о князях». П. В. Голубовский и В. А. Келтуяла считают, что «Слово о князях» было записанной позднее речью, с которой в день празднования памяти Бориса и Глеба, 2 мая 1175 г., выступил в черниговском Спасском соборе епископ или кто-либо другой из черниговского духовенства. Смысл проповеди сводился к требованию подчинения младших князей старшим. В эти годы на черниговский стол претендовал Олег, собираясь занять его в обход имеющего на то большее право по старшинству новгород-северского князя Святослава Всеволодовича. По-видимому, проповедь была произнесена по совету или даже по просьбе Святослава. Она возымела свое действие, настроив паству против Олега, и последний вынужден был отказаться от притязания на черниговский стол, который и занимает по старшинству Святослав Всеволодович. В. А. Келтуяла делает вывод, что Святослав два раза обращается к помощи литературных произведений, ибо оба «Слова» написаны по его инициативе.⁵

«Лествичное восхождение», характерное для Чернигово-Северской земли, отнюдь не было системой, свойственной только княжеской линии. Этот архаический порядок престолонаследия, выросший на основе княжеско-дружинной, еще полуродовой, организации древних времен, уходящей корнями своими в варварство, столь ярко представленной у кочевых тюркских и монгольских племен,¹ коренился в общественной жизни, и боярство, городская знать, «земля», духовенство внимательно следили за сохранением всей системы «лествичного восхождения», вмешиваясь каждый раз, когда налицо имелся факт отступления от него. Поэтому нельзя считать, что «паства», т. е. прежде всего боярская верхушка, была лишь статистами во всей этой межкняжеской розни! «Слово о князях» пало на благодатную почву. Святослав мог быть инициатором проповеди, но политическая мысль, изложенная в ней, разделялась черниговским духовенством и боярством. Нельзя забывать и того, что в случае успеха Олега пострадал бы прежде всего Святослав, с другой же стороны, началась бы

усобица, от которой пострадала бы «земля». Отсюда единство действия и политической платформы Святослава и «земской» верхушки. Так как Святослав был деятельным, энергичным князем, возможно согласиться с Келтуялой, что он во всем этом играл главную роль. В «Слове о полку Игореве» проводится та же мысль — подчинение младших князей старшему и единство их действий под гегемонией киевского князя Святослава. Устанавливается, таким образом, некая цепочка, связывающая, с одной стороны, чаяния Святослава, с другой — оба литературно-исторических памятника.

С 1187 г. борьба с половцами разгорается с новой силой. Поход, предпринятый князьями в степи в 1187 г., не удался из-за отказа Ярослава Всеволодовича Черниговского. В 1191 г. князья произвели налет на половцев, а затем последовал большой поход целой коалиции князей во главе с Игорем Святославичем, в которую вошли, кроме него, Всеволод Святославич, Всеволод, Мстислав и Владимир Святославичи, сыновья Святослава Всеволодовича, Ростислав Ярославич, сын Ярослава Всеволодовича, и сын Олега Святославича, Давид. И этот поход был неудачен, так как половцы отошли от Оскола, а в степях их скопилось такое множество, что князья, опасаясь повторения Каялы, повернули обратно.² Половцы Кончака в эти же годы совершают набеги на Черниговскую и Рязанскую окраины. Хотя в 1187 г. умирает переяславльский князь Владимир Глебович и до 1194 г. Переяславль не имеет своего князя и управляется Святославом Всеволодовичем, тем не менее последнему удается сосредоточить здесь большие силы, и половцы на время прекращают свои набеги на Переяславльскую землю. В 1187 г. умирает галицкий князь Ярослав Осмомysl. Усиление боярской олигархии приводит к ослаблению внешнего политического положения Галича. Началась совместная война Галича и Волыни, где сидел князем Ростислав, с венгерским королем. Ослабление княжеской власти в Галиче, падение политической роли княжества вообще в силу хозяйничанья и своеволия боярской верхушки, начинавшей уже в те времена рассматривать Галицкую землю как сумму своих вотчин, которыми они, бояре, могут распоряжаться как угодно и служить любому иностранному верховному сюзерену, сказались на военных действиях. Когда на сцену выступила Волынь, где княжеская власть была сильнее и боярство не было столь могучим и своевольным, как в Галиче, и не играло в жизни княжества решающей роли, дела стали клониться не в пользу венгерского короля. Святослав Всеволодович в осуществление старой политики чернигово-северских князей, стремившихся для борьбы с растущей мощью Ростово-Суздальского княжества (которое в конечном счете могло если не поглотить, то во всяком случае подчинить себе их владения) овладеть Галичем, заключает еще ранее договор с венгерским королем о разделе Галицкого княжества.¹ Терпевший поражения король теперь потребовал реализации их договора, суля Святославу все, что было обещано ранее. Святослав посылает к нему своего сына Глеба. О переговорах Святослава с королем стало известно Рюрику Ростиславичу, который потребовал у Святослава объяснений, и в ответ получил малоубедительный ответ о каких-то личных делах Святослава с венгерским королем. Галич в это время оказался захваченным венграми. Причина успеха венгров лежала в боярском самовластии, в спорах бояр между собой и в княжеских усобицах, ослабивших землю. К. Маркс, говоря о распаде «варварской империи Рюриковичей», замечает, что она «была раздираема феодальными войнами и теряла целые области вследствие интервенции соседних народов».² Захват Галича венграми вызвал протест духовенства, в среде которого вообще были сильны централизационные, объединительные тенденции.³ Рюрик и Святослав собирались было в поход на венгров, но не договорились о дележе добычи, и поход не состоялся. В Галиче стали хозяйничать интервенты: венгры и поляки. Наконец вмешался

германский император, взявший под свое покровительство Владимира Ярославича Галицкого. Последний просит помощи у суздальского князя Всеволода, и его вмешательство прекратило споры между князьями о Галиче. На некоторое время Галич был потерян для северских князей и захвачен Всеволодом, тем самым суздальским князем, для борьбы с которым северские князья и собирались захватить Галич. Святослав, овладев киевским столом, думал спасти этим Северскую землю от нападений со стороны суздальского князя, но Киев его времени уже потерял свое былое значение. Со Святославом перестают считаться. Хотя он и князь киевский, тем не менее его авторитет признают лишь князья левобережных земель, и, например, спор со смоленскими князьями за пограничные волости окончился для Святослава ничем. Подобного же рода спор с рязанскими князьями, державшимися суздальской ориентации, также шел впустую. На Карачевском съезде («снеме») северских князей в 1194 г.

решено было силой вернуть принадлежащие им ранее Рязанские окраины. Но, боясь вызвать гнев Всеволода, Святослав отправляет послов к суздальскому князю и просит у него разрешения напасть на Рязань. Всеволод отказал, и поход не состоялся. Как видим, «великий» князь киевский Святослав не мог предпринять ни одного решительного шага без санкции Всеволода, того самого суздальского князя, для одоления которого в конечном счете и осуществлял Святослав ряд своих политических комбинаций. Авторитет Всеволода довлел над ним. Старый спор — юг или север, Киев или Владимир — был уже решен в пользу северо-восточной окраины древней Руси. Вскоре после Карачевского «снema» Святослав Всеволодович умер.¹ Ярослав Всеволодович остался в Чернигове, а Киев достался Рюрику Ростиславичу.

Переяславльская земля по-прежнему еще не имела своего князя. В 1193 г. она подверглась нападению со стороны левобережных половцев. Их отразили, и, как и ранее, Переяславль играл роль оплота в борьбе с кочевниками и преддверия к Киеву.

Рюрик Ростиславич, зная силу северских князей и их политику, направленную к овладению Киевом, необходимым им как средство сохранить свою самостоятельность и сопротивляться экспансии суздальского князя, заключает с ними союз. Они должны были не вмешиваться в дела Правобережья, а за это получали все Левобережье, в том числе и Переяславль. Северские князья согласились не претендовать на Киев, пока жив Рюрик, но указывали, что они «не Угры и не Ляхове, но единого деда есмы внуци», и после смерти старших каждый по старшинству имеет право претендовать на киевский стол, и навсегда отказываться от Киева они не намерены. Видя это, Рюрик, на случай войны с Олеговичами, заручается поддержкой Всеволода Суздальского. Последний возобновляет старую попытку захватить Приднепровье и посылает боярина Гюрю возобновить укрепления Остра, а затем добивается передачи ему Поросья с его черноклобуцким населением, играющим в межкняжеских усобицах на юге решающую роль. Вскоре Всеволоду достался и Переяславль, где сел его сын Константин. Меж тем продолжалась старая распря Ольговичей со смоленскими князьями. Путем переговоров Ольговичи получают от Рюрика Витебск, куда направился Олег Святославич. Форпост Ольговичей в Полоцкой земле — явление неприятное для смоленских князей. Смоленский князь Давид в союзе с Глебом Рязанским, другим «ворогом» северских князей, нападает на Олега и полоцких князей, но неудачно. В это время в самом Смоленске вспыхивает восстание против Давида.

Олег вызывает из Чернигова Ярослава, собираясь воспользоваться восстанием и нанести окончательный удар смоленским князьям, но Рюрик в ответ на нарушение договора объявляет войну Ярославу. Последний пытается договориться с Рюриком и просит не мешать ему воевать. Эти переговоры имели целью отвлечь внимание Рюрика, так как в это время на помощь Ярославу шел Роман, князь волынский. В

борьбе князей, несмотря на смерть храброго князя-воина буй-тур-Всеволода, перевес получают Ольговичи. Видя, что Ярослав достаточно силен, Рюрик просит дать ему время посоветоваться с Давидом и Всеволодом, но Ярослав отказывает и занимает все пороги. Между тем вмешавшийся в усобицу и выступивший из Владимира на юг Всеволод вступает уже в землю вятичей и захватывает волости северских князей.

Ярослав оставляет в Северной земле Глеба и Олега Святославичей, а сам занимает окраину вятичской земли, уничтожает мосты, строит засеки. На помощь Ярославу идут ополчения со всей Северной земли. Грозные приготовления Ольговичей заставляют Всеволода остановиться и начать мирные переговоры. Князья пошли на уступки друг другу, и хотя Ярослав отказался порвать союз с Романом, чего требовал Всеволод, мир все же был заключен. Выйдя победителем из борьбы, Ярослав стремится к укреплению своего влияния на севере Руси и пытается заручиться поддержкой Новгорода. С этой целью он сажает в Новгороде сына своего Ярополка и, как и ранее, делает попытку привлечь Новгород на свою сторону в борьбе с Суздаlem. В ответ Всеволод предпринимает ряд репрессивных мер по отношению к новгородским купцам, торгующим на его земле, что и вызывает недовольство в Новгороде. Ярополк Ярославич вынужден был вернуться в Чернигов.

В 1198 г. умирает Ярослав Всеволодович, и черниговский стол занимает до 1202 г. Игорь Святославич, которого сменил Олег Святославич.¹

Переяславль во времена Константина Всеволодовича, сына Всеволода Суздальского, становится оплотом Суздаля на юге. Константин с отцом предпринимает один безрезультатный поход против половцев (их так и не встретили и вернулись назад ни с чем). Затем Всеволод посылает в Переяславль своего племянника Ярослава Мстиславича, прокняжившего там до 1199 г., а Константин возвращается к отцу, так как, по свидетельству Татищева, полная опасностей жизнь в Переяславле ему пришлась не по душе.² Только в 1202 г., когда осложнилась политическая ситуация на юге России, Всеволод снова посылает своего сына Ярослава в Переяславль. До него, в промежутке между 1199 и 1202 гг., Переяславль управлялся, очевидно, назначенными Всеволодом посадниками. Осложнение политической обстановки на юге было связано с появлением нового сильного соперника Киева на западе, каким являлось объединенное Романом Галицко-Волынское княжество. Действия Романа обеспокоили Рюрика и Ольговичей, старых союзников Романа. В это время в Галиче среди бояр и даже придворных князя появляется группа, тяготеющая к северским князьям. Чем объяснить данное явление?

Роман, не привыкший у себя во Владимире на Волыни к порядкам, установившимся в Галиче, где начинался расцвет боярской олигархии, и действовавший сообразно своим взглядам, а следовательно, не покровительствующий боярским стремлениям, естественно был не популярен среди галицких бояр-автономистов, стремившихся превратить свои вотчины в княжества, а себя самих — в князей, и всякий враг Романа был их союзником. Ольговичи, зная это, привлекали на свою сторону галицкое боярство, создав иллюзию о своих якобы «боярских» тенденциях. Памятуя роль

«земского» боярства в Северной земле, конечно, далеко не такого мощного, сильного и богатого, как в Галиче, в политике Ольговичей по отношению к галицкому боярству можно отметить наличие известной доли искренности, а не только одну демагогию. Роман, узнав о коалиции враждебных ему князей, обращается к Всеволоду Суздальскому за поддержкой. Между тем Правобережье с Киевом переходит на сторону сильного и энергичного Романа, и киевляне сами отворяют ему ворота.

Но Киев не привлекает его. На киевском столе оказывается князь крохотного удела Ингварь Ярославич Луцкий. В 1202 г. Рюрик с Ольговичами и «дикими

половцами» берет Киев и учиняет разгром не меньший, нежели во времена Андрея Боголюбского. Оттуда, из боязни преследования со стороны могучих врагов, он вернулся в Овруч, но Роман и Всеволод «простили» Рюрика и вернули ему Киев. Настали дни непродолжительного мира. В это время, в 1203 г., князья идут на половцев и наносят им поражение — берут вежи, захватывают добычу, рабов. Но усобица не прекращалась; на обратном пути из степей Роман схватывает Рюрика и насильственно постригает его в монахи.

Северские князья в первые годы XIII в. энергичным сопротивлением Ярослава Всеволодовича добились перевеса над Всеволодом. Ольговичи и Всеволод договариваются как равные, и северские князья не идут под «высокую руку» суздальского князя.

В 1204 г., после смерти Олега, на черниговском столе сел Всеволод Святославич Чермный. Как только весть о смерти Романа, последовавшей в 1205 г., дошла до Киева, Рюрик снимает с себя монашескую рясу и вместе с Ольговичами идет на Галич. Галич, где остались малолетние Даниил и Василько Романовичи, энергично сопротивляется. Князья отступили, но в 1206 г. Всеволод Чермный, присоединив к себе Рюрика, Владимира Игоревича Новгород-Северского и других северских князей и Мстислава Смоленского, снова направился к Галичу. На помощь союзникам двинулись ляхи. Галицкие бояре пригласили венгерского короля Андрея, но тот медлил, опасаясь начать военные действия против союзников. В подвергшемся нападению Галиче началась борьба внутри боярской верхушки, закончившаяся победой группы опальных при Романи бояр, сторонников Ольговичей. Приглашенный ею ночью в Галич входит Владимир Игоревич, оставшийся там княжить, а его брат Роман садится в Звенигороде. Вдова Романа с детьми, Даниилом и Василько, вынуждена была бежать во Владимир-Волынский.

Был еще один кандидат на галицкий стол — переяславльский князь Ярослав Всеволодович. Его предложил галичанам венгерский король Андрей. Еще до появления в Галиче Ольговичей часть бояр послала к нему гонцов, и он уже двигался к Галичу, но, узнав по дороге о вокняжении Игоревичей, повернул обратно.

Долгожданный северскими князьями захват Галича наконец им удался. И сейчас же Всеволод Чермный активизирует свою политику по отношению к Всеволоду Юрьевичу Суздальскому. Всеволод Чермный немедленно занимает Киев, причем Рюрик бежит в Овруч, выгоняет из Переяславля Ярослава Всеволодовича и сажает туда своего сына Михаила, превращенного русской церковью впоследствии в Михаила Святого Черниговского.

340

Белгород, полученный еще ранее Всеволодом от Рюрика, был отдан союзнику Всеволода Мстиславу Романовичу. Меж тем Владимир Игоревич продолжает захват наследия Романа. Во Владимир-Волынский в 1206 г. приходит его посол, священник, и требует, чтобы владимирцы приняли князем Святослава Игоревича. Среди владимирских бояр также нашлись сторонники Игоревичей: Мончук, Никифор и Месьбог, которые и передали город Святославу Игоревичу. Вдова Романа с детьми снова вынуждена была скрыться. Попытка Рюрика в 1207 г. вернуть Киев не увенчалась успехом. Галицко-черниговские рати выбили его оттуда, и он вынужден был дать клятву, что впредь не будет посягать на Киев.¹

Борьбой за Киев решил воспользоваться Всеволод Юрьевич. С суздальскими дружинами, новгородскими и псковскими ратями и дружинами союзных рязанских князей он идет на Всеволода Чермного. Но оказалось, что рязанские князья имели тайный союзный договор с Всеволодом Чермным, и хотя Всеволод Юрьевич жестоко расправился с ними, тем не менее его поход сорвался.

Лишь только Игоревичи завладели Волынской землей, как начались войны с внешними врагами и усобицы князей. В 1206 г. Роман Игоревич призвал венгров и с их помощью выгнал Владимира Игоревича из Галича и занял галицкий стол, а Владимир вернулся в свой город Путивль. Поляки в 1207 г. берут Владимир-Волынский и захватывают Святослава Игоревича в плен. В Галиче усиливается враждебная Игоревичам боярская партия. Неурядицами в Галиче решил воспользоваться венгерский король Андрей. Он посылает палатина Бенедикта Бора в Галич. Роман Игоревич, не предупрежденный о его походе, был схвачен венграми. Хозяиничанье венгров Бенедикта в Галиче летопись связывает с представлением о временах антихриста: венгры грабили, убивали, насиловали и т. д. Боярам снова пришлось обратиться к Владимиру и Роману, бежавшему из плена. В результате войны венгры были изгнаны. Владимир сел в Галиче, Роман в Звенигороде, Святослав в Перемышле, Изяслав Владимирович в Теребовле, а Всеволод Владимирович поехал за Карпаты задаривать угорского короля. Как только Галич снова оказался в руках Ольговичей, Всеволод Чермный воспользовался этим для того, чтобы заключить мир с Всеволодом Юрьевичем, который еще продолжал свою расправу с Рязанью. Заключив мир, Всеволод Чермный захватывает Киев, а Рюрика сажает в Чернигове.

Таким образом, при Всеволоде Чермном Ольговичи сосредоточивают в своих руках всю Северскую землю, овладевают Киевом и Галичем. На время они превращаются в грозную силу, бороться с которой не в состоянии даже Всеволод Юрьевич Суздальский. Но закрепить за собой Галицкую землю им не удалось, и наспех сколоченное объединение распадается. Могучее, сильное галицкое боярство, владельцы громадных латифундий, имевшие свои полки и самовластно распоряжавшиеся Галицкой землей, было только временным и при этом очень ненадежным союзником северских князей. Игоревичи были приглашены известной группой галицкого боярства лишь для того, чтобы, опираясь на новых князей, она смогла осуществить свою старую политику ограничения княжеской власти. Уже в конце первой половины XII в. галицкое боярство добивается уничтожения уделов, и управление отдельными областями князем поручается боярам — «державцам», которые, во главе собственных сильных дружин, опираясь на многочисленную вооруженную челядь и черпая своё богатство из эксплуатации громадных земельных владений, являются фактическими хозяевами отдельных областей, городов, своевольно ими распоряжающимися. Боярство фактически управляет землей и заменяет собой ту совокупность удельных князьков, которая, например, имеет место в Северной земле. Подавление городских движений, восстаний берладников и смердов подготавливает господство боярской олигархии, в процессе укрепления которой постепенно исчезает примат княжеской власти. Княжеская власть, разгромив движение горожан, часто выступающих ее союзниками и противниками боярской олигархии, теряет и эту опору. Начинается растаскивание галицких земель, примером чего может быть хотя бы отторжение от Галича Коломыи. Инициаторами этого дела были все те же бояре, распоряжавшиеся во вверенных им для управления городах и областях, как в собственной вотчине. Бояре распоряжаются и княжеским столом, на котором одно время сидит боярин Владислав. Встав на этот путь, боярская олигархия Галича и приглашала северских Игоревичей с целью ликвидировать с их помощью притязания на Галич сыновей Романа, а самих Игоревичей имела в виду прибрать к рукам и сделать послушным орудием для осуществления своих целей. По-видимому, Игоревичи были приглашены по инициативе наиболее крупного, родовитого боярства, к тому времени уже замкнувшегося в касту.¹ Но расчет бояр не оправдался. Владимир Игоревич после занятия галицкого стола роздал все остальные крупные города Галичины своим родственникам, северским князьям, и, таким образом, боярство было

отстранено от управления княжеством. Нанеся такой удар боярской олигархии, смотревшей на всю землю Галицкую как на свою собственность и основывавшей свою силу и власть в значительной мере на системе управления городами и областями, которой она добивалась, ликвидировав уделы и лишив единственного галицкого князя прерогатив княжеской власти, северские Игоревичи, естественно, должны были в скором времени столкнуться с боярской оппозицией. Могучее галицкое боярство не собиралось сдавать позиции без боя и оттертое в управлении княжеством на второй план Игоревичами, реставрировавшими в Галиче уделы, таким образом копируя политический строй Северной земли, естественно стремилось вернуть потерянное. Еще ранее усобица между Владимиром и Романом по сути дела была спровоцирована все тем же боярством, которое стремилось по-прежнему оставить одного князя в Галицкой земле. Боярством в Галич приглашен был только один Игоревич, но такова уже была

Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 175—177.

Голубовский, давая верное освещение политике бояр, в то же время допускает ошибку, усматривая в галицком боярстве служилую, а не земельную аристократию. Иной точки зрения придерживается М. С. Грушевский, см. его «Исторія України-Руси», т. II, с. 478—479. Мавродин В. В. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве в XII—XIII вв. // Ученые записки ЛГУ. Вып. 5. № 48.

342

общая политическая тенденция северских князей, что вскоре в Галицких городах их оказалось целых пять. Когда Галич, Звенигород, Перемышль, Теробовль оказались потерянными для старых хозяев Галицкой земли — бояр — и они почувствовали, что их собираются низвести до положения князей дружины, хотя бы и «старшей», их, галицких бояр, значительно превосходивших по силе, богатству и значению в военной и политической жизни земли боярство едва ли не всех прочих русских княжеств, — то естественно в их среде рождается заговор против ими же приглашенных князей. Бояре-заговорщики вначале пытались расправиться с Игоревичами при помощи яда, но неудачно. В ответ на покушение Игоревичи, имевшие в своем распоряжении северские дружины, решают одним ударом покончить с боярской оппозицией и казнят пятьсот крупнейших бояр из числа недовольных, в том числе главарей боярской олигархической оппозиции — Юрия Витановича и Илью Щепановича. Боярин Владислав, будущий князь галицкий, некогда сторонник Игоревичей, поняв, что при Игоревичах сопротивление боярства будет сломлено и оно низведется на положение княжих дружинников и навеки потеряет то исключительное положение, которого добилось сперва в совместной борьбе с князем против народных масс, а затем в борьбе против своего недавнего союзника — князя, — бежит с другими боярами, Судиславом и Филиппом, к венгерскому королю и просит у него помощи якобы для того, чтобы восстановить на галицком столе законного наследника Даниила Романовича. Венгры воспользовались случаем, и началась интервенция. Игоревичи не успели еще объединиться, как половина Галицкой земли оказалась уже захваченной; вскоре был осажден и взят Перемышль, а Святослав Игоревич очутился в плену. Более серьезным было сопротивление Звенигорода, где сидел Роман с подоспевшими к нему на помощь половцами, приглашенными Владимиром Игоревичем. В войну против Игоревичей вступили Мономаховичи и, наконец, поляки. Таким образом, Игоревичам пришлось иметь дело с сильной коалицией галицких бояр, Мономаховичей, поляков и венгров. Роман бежал из Звенигорода и был схвачен в Шумске Мономаховичами. Взят в плен был и Ростислав. Удалось скрыться лишь Владимиру с Изяславом. Галицкие бояре попросили у венгров, подарив их подарками, выдачи пленных князей, и в сентябре 1211

г. Роман, Ростислав и Святослав были повешены.¹ Галицкая политика Ольговичей сорвалась. Естественно, что Всеволод Чермный снова начал опасаться захвата Северной земли суздальским князем. Родственные связи, установившиеся между обоими Всеволодами после женитьбы Юрия Всеволодовича на дочери Чермного, равным счетом ничего не гарантировали. Чермный пытается крутыми мерами сохранить за собой хотя бы Киев и укрепить свое положение на юге. Переяславль, где сидели одно время Ольговичи — Михаил Всеволодович и Глеб Святославич, находился под влиянием князей чернигово-северских.

Суздальские Мономаховичи пытаются ослабить Ольговичей. Из Новгорода в Поднепровские земли на Всеволода Чермного двинулся Мстислав

Мстиславич Удалой, разгромивший Черниговское Приднепровье и осадивший Чернигов и Киев. Вскоре смерть Всеволода Юрьевича Большое Гнездо внесла расстройство в ряды Мономаховичей. Начались раздоры и споры между ними, вспыхнула усобица, вылившаяся в грозную Липецкую битву.

Мономаховичи вынуждены были снять осаду южных городов и заключить в 1214 г. мир с Ольговичами.¹

В 1214 г. умер Всеволод Чермный, а через год скончался в Чернигове Рюрик, и черниговский стол занимали последовательно Глеб Святославич, Мстислав Святославич и Михаил Всеволодович.

Изменилось положение Ольговичей на юге — Переяславль попадает в руки суздальских князей. В 1215 г. Владимир Всеволодович Суздальский получает Переяславль, доставшийся ему от его тестя Глеба Святославича.² Правда, суздальские Мономаховичи, сидевшие в Переяславле, с этого момента выступают в качестве союзников черниговского князя, причем этот союз носил оборонительный характер и направлен был против половцев. В княжение Владимира Всеволодовича в 1215 г. было два налета половцев. Один из них кончился поражением половцев, а другой — разгромом переяславльских дружин на Хороле, причем сам Владимир попал в плен. Выкупленный из плена лишь в 1218 г., он вернулся в Суздаль, а в Переяславле вторично сел Владимир Рюрикович. После Владимира Переяславль попадает к Ольговичам, и Татищев говорит о князе Переяславля Южного, Ярославе Мстиславиче, очевидно, сыне Мстислава Черниговского.³

Что касается внешних врагов, то северским князьям в это время, кроме половцев, пришлось бороться, отстаивая присоединенную Галицкую землю, с поляками и венграми. Северо-западная окраина Северной земли подверглась нападениям со стороны усиливавшихся литовцев, и ответом на эти налеты были походы на Литву, предпринятые в 1203 и 1220 гг.⁴

7. Левобережная Украина перед нашествием татаро-монголов. Бродники. Болоховские князья

В 1223 г. северские князья впервые столкнулись с новым грозным врагом — татаро-монголами.

Разложение родового строя и зарождение кочевого феодализма среди татаро-монгольских племен Азии вызывает крупнейшие изменения в экономике, быте и политической организации кочевников. Война, становящаяся источником существования для выделяющейся имущественной аристократии, стремление ее к захвату пастбищ и земель начинают эру татаро-монгольских завоеваний. Объединительные тенденции, свойственные эпохе варварства, переживаемой татаро-монголами, приводят к власти Те-мучина, провозглашенного в 1206 г. Чингиз-ханом. Чингиз-хан объединяет татаро-монгольские племена, стирает с лица земли своих соперников Джа-мути и других и начинает завоевания. В 1213—1214 гг. татаро-монголы захватывают Северный Китай, в 1219—1220 гг. — Бухару и Хорезм, в 1220—

1221 г. — Хорасан, Иран, Армению, Грузию, а в 1222 г. два полководца Чингиз-хана, нойоны Джебе и Субэдэ (Субутай), подчиняют ясов и обузов, нападают на половцев и разбивают Юрия Кончаковича. Половецкий хан Котян, тесть Мстислава Галицкого, просит помощи, указывая на ту опасность, которой подвергаются русские княжества. В Киеве собирается съезд князей обсудить предложение половцев. На съезде присутствовали три старшие князя: Мстислав Романович Киевский, Мстислав Святославич Черниговский. Мстислав Мстиславич Галкцкий и, кроме них, Михаил Всеволодович, племянник Мстислава Черниговского, Даниил Романович Галицкий и Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Киевского. Князья решили выступить на поддержку половцев. Послы Чингиз-хана уверяли князей, что их не тронут, что поход татар направлен только против половцев, их «хо-лопей и конюхов», что они знают о давних распрях русских и половцев и поражаются, почему вдруг князья переменили свое отношение к половцам, и предложили им ударить на последних с тыла. В ответ князья убили татарских послов. По-видимому, все же к тому времени походы князей в степи настолько ослабили половцев, что они были не так опасны, как новые враги, силу которых половцы правильно оценили и собственную оценку внушили и князьям. С другой стороны, руссификация и христианизация половцев вырывала отдельных половецких ханов и даже отдельные половецкие колена из рядов врагов русских и превращала их в союзников. С половцами можно было договориться, даже часто использовать в своих целях, а в случае необходимости и дать отпор, а татары были сильны и сами способны были превратить князей в послушное орудие в своих руках. Настоящую же силу татаро-монголов, очевидно, русские князья все же недооценили, что видно из вызывающего поведения князей по отношению к послам. Русские дружины двинулись в степи навстречу завоевателям. У Олешья, на низовьях Днепра, снова к русским князьям явились татарские послы и предложили им не вмешиваться в их борьбу с половцами и прекратить военные действия. И на этот раз князья не послушались, но послов отпустили. Пока русские князья, двигаясь дальше на восток, имели дело с передовыми отрядами татар, «татарскими сторожами», им удавалось их разбивать и даже захватить татарского военачальника Гемябека, которого они отдали половцам. Но когда у р. Калки завязалось решительное сражение, татары разбили наголову и половцев, и русских князей. Сказалось отличие двух войск. Войску кочевников, конных воинов, с твердой дисциплиной и централизованным командованием, подчиняющихся единому плану военных действий, противостояло сборное войско князей, войско времен феодальной раздробленности, не имеющее ни единого плана сражения, ни верховного командования, ни дисциплины. Пестрое войско князей было раздроблено на отдельные части, каждая из которых подчинялась только приказам своего князя, а князья действовали каждый на свой страх и риск, сводили личные счеты на глазах у врага и стремились за счет других увенчать себя славой победителя татар. Татары громили князей одного за другим, и единству действий татар князья противопоставляли лишь

345

удаль отдельных лиц, вроде Мстислава Мстиславича Удалого и Даниила Романовича. Оба храбреца, кстати, были разбиты на глазах предпочитавших выжидать и обороняться князей Мстислава Киевского, Андрея и Александра.

Поражение было полное. Часть татар бросилась преследовать беглецов, а два отряда, Чегиркана и Ташукана, принялись за осаду укрепленного лагеря Мстислава Киевского, Андрея и Александра. Падению наспех построенного укрепления этих князей способствовали бродники. Их воевода, Плоскиня, целовал князьям крест, уверяя, что, если они сдадутся татарам, последние их не тронут, а отпустят за выкуп. Князья поверили, сдались и были умерщвлены победителями. Много беглецов по

дороге к Днепру было переловлено татарами и убито. Погиб Мстислав Черниговский с сыном Димитрием. Князья трубчевский, путивльский и Олег Курский, храбро дравшиеся у Калки, спаслись бегством. Татары продвинулись на север, до Новгорода Святополчого, но затем вернулись обратно и ушли в Задонские степи. На некоторое время южная Русь уцелела от разгрома.

Чем объяснить то, что передовой отряд двух татарских военачальников, разгромил целую коалицию князей и их союзников половцев?

В то время как татаро-монголы имели сплоченную, сильную военную организацию, единство управления армией и государством, в то время когда у монгол каждый мужчина был воином и подчинялся суровым законам военной дисциплины, когда татаро-монгольское общество представляло собой единый организм воинов-завоевателей, подчиненных единой власти и имеющих общую целеустремленность, — древняя Русь представляла собой пестрый конгломерат феодальных полугосударств, почти ничем друг с другом не связанных, непрерывно враждовавших между собой, а господа этих полугосударств — княжеско-боярская верхушка — в процессе непрерывных феодальных войн-усобиц разоряли население, разрушали производительные силы страны и ослабляли военную мощь древней Руси. Единству противостояло разъединение, сплоченности — распыленность, централизации — раздробленность. И несмотря на то, что сами татаро-монголы стояли на более низкой ступени общественного развития, нежели русское общество, и переживали в начале XIII в. период варварства, когда только зарождались элементы феодализма, а период феодальной раздробленности, адекватный тому общественному порядку, который встретили они в древней Руси, начинается у татаро-монголов лишь с конца XIV и начала XV в., — тем не менее в военном отношении они значительно превосходили древнюю Русь, не имеющую тех централизационных элементов и в области государственного управления, и в области организации и руководства армией, которые дали над ней превосходство татаро-монголам. Как это мы увидим далее, татаро-монголы легко расправлялись с небольшими феодальными полугосударствами, нисколько не смущаясь их количеством. Но, когда на западе они столкнулись с Чехией, где процесс укрепления королевской власти, опирающейся на города, рыцарство, церковь, а следовательно, и процесс усиления централизации государства, а с ним вместе военной мощи страны, уже начался,¹ — татаро-монголы сами оказались на

Любавский М. История западных славян, гл. X и XI.

346

положении отсталых не только в социальном, но и в военном отношении, были разгромлены и вынуждены были отступить.

Волна кочевников-варваров заполонила позднее всю Восточную Европу именно благодаря их превосходству в деле организации армии и управления государством, превосходству, вытекающему из того централизма и сплоченности, которые сами были порождением относительной отсталости татаро-монгольского общества, варварским его состоянием. Варварское общество, как известно из истории народов Старого Света, отличается своей военной мощью и при столкновении с соседними государствами, исторический путь которых неизмеримо больше пути их самих, зачастую использует свое военное превосходство для разгрома соседей. Было бы неправильно думать, что татаро-монголы по уровню общественной жизни превосходили древнюю Русь. Их превосходство сказывалось лишь в военном деле.

С момента завоевания Руси татаро-монголами борьба с кочевниками вступает в новый этап. Былинный эпос сохранил нам упоминания о народной борьбе с кочевниками в форме богатырских былин. В летописи говорится о таких богатырских делах, как борьба с печенегами. Летописный Ян Усмошвец, победивший печенежского

богатыря, несомненно попал в летопись из народного предания. На юге до XIX в. сохранилось предание о каком-то злом «лыцаре», «шелудивом Боняке», в котором нетрудно усмотреть половецкого хана Боняка. Предание говорит о нем как о враге земли русской, с которым приходилось бороться, и отмечает его хищность. О борьбе со Змеем, Змеем Тугариновичем, в котором следует усматривать кочевников, говорят предания о Никите Кожемяке, причем герой былин совпадает с Кожемякой — Усмошвецем летописи, былина о богатыре Кузьме, былины о победителе Змея Добрыне Никитиче, об Илье Муромце. Борьба со «злым татаринном», естественно, заслонила собой борьбу с печенегами, торками, половцами, и былины заставляют своих героев времен Владимира воевать с татарами. В былинах с кочевниками воюют не только дружинники (кстати сказать, князь обычно, по преданиям, в этой борьбе играет пассивную роль), но и богатыри, выходцы из народа.¹ Широкие народные массы, больше всего страдавшие от набегов кочевников, создали свои методы борьбы с ними, выдвинули своих богатырей.

Подлинно народное творчество, былины и предания, сохранило нам воспоминания о народной борьбе со степняками, тогда как летописи, естественно, описывают главным образом воинов княжеских дружин. Былины являются ценнейшим материалом не только для историка литературы, но и для историка СССР. В них отразилось прошлое нашей страны, нашли свое отражение подлинные исторические факты и личности. Былины знают «шелудивого Боняка», Тугорхана, Добрыню Рязанича (смешиваемого с Добрыней Мистишичем-Никитичем, дядей Владимира, братом его матери Малуши), погибшего при Калке, Александра-Алешу Поповича, помнят о Калке, Батуре-Бату-Батые, о татарах Калин-хана, избитых Ильей Муром-

'Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос; Веселовский Н. И. Южно-русские былины; Барсов Н. П. Богатырское слово; Песни, собранные Киреевским; Голубовский П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар.

347

цем, в которых, судя по тексту, следует усматривать победителей русских князей при Калке.' Былины — не хроники и не летописи, и требовать от них исторической последовательности нельзя, но тем не менее былины в своеобразной художественной форме отразили историческое прошлое нашего народа, героические страницы его борьбы. Мы, конечно, не останавливаемся на былинном эпосе в целом, затронув, и то только лишь в общих чертах, отражение в нем борьбы с кочевниками X—XIII вв.

С вторжением татаро-монголов в степях появляется новый, несравненно более могучий, чем половцы, враг. Бороться с ним начинают гораздо позднее и в иной форме. Татаро-монголами мы займемся в следующей главе, а сейчас вернемся к событиям битвы при Калке.

Пред нами снова выступают загадочные бродники. Бродники в летописях выступают три раза: первый раз в 1147 г., когда они вместе с половцами приходят на помощь Святославу Ольговичу, второй — в 1216 г., и третий — в 1223 г. в описании битвы при Калке. В 1147 г. они вместе с половцами действуют в земле вятичей у Дедославля, помогая Святославу Ольговичу,² а затем возвращаются в степи. В 1216 г. они участвуют в Липецкой битве.³ Бродники — не тюрки-кочевники. За это говорит, во-первых, то, что они христиане (воевода их целует крест во время осады их лагеря у Калки татарами), а во-вторых, имя их воеводы — Плоския, звучащее по-русски. Памятуя наличие христианского смешанного ясо-славянского населения так называемых половецких городов, на чем ранее мы останавливались, — нет никаких оснований отвергать наличие русского населения в половецких степях, входившего в состав половецкого общества и государственности, но, по-видимому, занимавшего в нем несколько особое положение. Русско-славянское население, как мы уже замечали,

сохранилось на низовьях Дона и на Северном Кавказе. Никита Акоминат в своем произведении, датированном 1190 г., говоря о войне с болгарами в 1180 г., пишет: «Куманы (половцы. В. М.) народ доселе не порабощенный, негостеприимный и весьма воинственный и те Бродники, презирающие смерть, ветвь Русских (в подлиннике «таиргаохрвйу», но этот термин Никитой Акоминатом употребляется, как и другими греческими авторами, в смысле русских. Подчеркнуто мною. В. М.), и они, народ, повинующийся богу войны, соединившись с варварами, живущими на Ге-мосе (Балканах. Варвары на Гемосе — болгары. В. М.), склонились при их поражении и погибли».⁴ Наличие бродников в составе болгарских ратей усматривается и в показаниях Акрополита (где, правда, речь идет уже о начале XIII в.), когда он говорит о «русских беглецах» среди болгар.⁵ Бродники живут где-то в степях, рядом с половцами. Это мы находим и в венгерских источниках. Король венгерский в своем письме папе Иннокентию, датированном 1254 годом, пишет: «Когда государство Венгрии от вторжения татар, как от чумы, большей частью было обращено в пустыню и как овчарня изгородью было окружено различными племенами неверных, именно Русскими, Бродниками с востока...» и далее указывает: «... они [татары] заставили себе платить дань [другие нации] и особенно страны, которые с востока граничат с нашим царством, именно Русь, Куманию, Бродников, Болгарию».¹ Как это мы увидим дальше, венгерские миссионеры проповедают в двух смежных странах, в «Кумании» и «Бродинии» или в «Кумании и областях (землях. В. М.) Бродников»². Бродники были смешанным населением степей Причерноморья, занимавшим едва ли не весь огромный край от Приазовья и Тмутаракани до Побужья, где подобного рода люд носил уже иное название — берладников, выгонцев и т. д. Бродников было не так уж мало, ибо иначе нечем объяснить известность бродников в соседних землях и, в частности, в Венгрии, отразившуюся в документах. Свидетельства прочих иноземных источников о русско-славянском населении Причерноморья и Приазовья нами уже приводились ранее. В венгерских документах речь идет не о каких-то ватагах, дружинниках, а о «землях», «областях» бродников («terra» и «provinciis»), о Бродинии — стране. Значит ли это, что было «государство бродников»? Нет, государства бродников не было. «Бродиния» — географическое, а не государственное понятие, так же как не государством, а именно областью были всевозможного рода «вольности», «земли», «области», «уходы» казачьих войск. Бродники входили de jure в государственный организм половецкого общества, хотя, по-видимому, в некоторых местах «Бродинии» власть половецких ханов была номинальна или даже полностью отсутствовала, и данная часть «terra» бродников была и фактически, и номинально самостоятельна. Даже в том случае, если бродники жили в половецких городах или на окраинах земель, занятых половецкими вежами, они все же, по-видимому, сохраняли некоторую самостоятельность, имели свою общественную организацию, своих «старых», «воевод».³ Бродники связаны с Тмутараканью. Назывались ли русские жители Тмутаракани бродниками или нет, сказать трудно. Во всяком случае Бродиния связана с Тмутараканью. За это говорят следующие факты. Миссионерская деятельность венгерских проповедников была направлена в XIII в. на обращение в католичество Матархи, куда, как мы уже видели, отправлялись специальные духовные посольства, равно как и в земли половцев, башкир и мордвы. В других документах говорится о посылке миссионеров в Бродинию. Если они не тождественны, если Тмутаракань и не Бродиния, тем не менее они все же, очевидно, лежат где-то рядом и друг с другом связаны. И в Бродинии и в

Тмутаракани живут русские в числе других народов половецкого или кавказского происхождения. Не случайно и то обстоятельство, что бродники выступают на стороне татар в битве на Калке. Татарские полководцы Дже-бе и Субэдэ прежде всего покоряют народы Северного Кавказа — ясов и обезов (абхазов), а оттуда уже

двигаются на половцев. Тут же, на Северном Кавказе, они и подчиняют себе бродников, которые вошли в состав их чамбулов, и двинулись с ними к Калке. Следовательно, бродники жили не только в степях, но и южнее Дона, т. е. на Северном Кавказе, в Тмутаракани. Последняя из всех земель, населенных русскими, первая попала в зависимость от татар еще в 1223 г., до битвы при Калке, и ее население вынуждено было выступить против русских же. Отсюда нельзя сделать вывод об отсутствии бродников в донских степях, в степях между Доном и Днепром, и может быть, и дальше на запад. Но бродники в составе татарских отрядов при Калке, несомненно, вышли из Тмутаракани вместе с новыми подданными и, следовательно, союзниками татар — ясами и обезами. В этом отношении правы А. И. Полканов и И. П. Козловский, объявляющие бродников «тмутараканцами»,¹ хотя, конечно, термины «бродник», «Бродиния» означали более широкое социальное, этническое и географическое понятие, нежели житель «Тмутаракани», «тмутараканец».

В 1227 и 1231 гг. папа Григорий уполномочивает гранского епископа, в пределах епископии которого жило много половцев, вести миссионерскую деятельность «в землях Кумании и Бродинии», «in Cumania et Brodnic...» (1227 г.) и в «Кумании и областях бродников» (1231 г.). Бродники вместе с христианскими народами Северного Кавказа участвуют и во втором крупнейшем нашествии татаро-монголов, в походах Бату (Батые). В 1241 г. венгерские миссионеры в своем письме указывают со слов беглецов-русских, покинувших Киев после разгрома его Батыем и эмигрировавших в Саксонию, что при татарском войске было много «злочестивейших христиан».²

Бродники в то же самое время не только служат татаро-монголам, будучи покорены ими, но пытаются, вместе с половцами и ясами, с которыми их исторические судьбы были тесно связаны, избавиться от новых хозяев путем эмиграции. Бродники и до нашествия татаро-монголов переходили границы соседних южных и западных государств, принимали участие в их войнах и селились на их территории. Упоминания о бродниках в Болгарии мы уже приводили. В венгерских грамотах на земельные пожалования встречается упоминание о поселениях бродников в Венгрии в начале XIII в. Так, например, в 1222 г. король венгерский Андрей II жалует земли в Трансильвании ордену Иерусалимских рыцарей и в том числе «usque ad terminos Prodnicozum (очевидно, исковерканное «Brodnicorum»), а в 1223 г. он дает там же, в Трансильвании, клерику Гоцелину «terra Borotnic».³

В 1237 г. половцы под начальством хана Котяна, с аланами и русскими-бродниками, выселяются в Венгрию. Мы уже приводили выше указания о нападении бродников на венгерские земли. Бродники проникали и дальше. В 1260 г. чешский король Оттокар писал, что он кончил войну, которую вел с венграми, волохами, «исмаилитами» и славянами, и заключил мир с венгерским королем Белой. В этих славянах едва ли не следует усматривать бродников. Здесь постепенно исчезают остатки бродников, ассимилирующихся в местном этническом субстрате, хотя еще долгое время в Трансильвании встречаются в актах чисто русские имена: Нездило, Судислав, Ченислав, и даже в XVI в. (1594 и 1595 гг.) папа Климент VIII и Людовик упоминают о русских на Дунае.¹ В 1323 г. последний раз упоминаются русские в Болгарии. По свидетельству Кантакузина в этом году у болгарского царя в составе его войска были аланы под командой русского воеводы Ивана, отстаивавшие Филиппополь от византийцев.²

Трудно объяснить происхождение термина «бродник». М. С. Грушевский связывает его с понятием «бродить».³ На этой же точке зрения стоит Новицкий, указывающий, что Симеон Логофет наименование причерноморских русов — «дромиты» переводит как «бегун», «ходок», что, по-видимому, относится к бродникам.⁴ Некоторые исследователи связывали термин «бродники» с «брод» —

«переправа» и помещали бродников у Керченского пролива, Керченской переправы, другие производили это слово от «бродов» — заливных, болотистых лугов пристепной полосы. До специального лингвистического анализа интересующий нас термин, по-видимому, так и останется без разьяснения. Трудно сделать какие-либо определенные выводы об общественном строе бродников. В данном случае, говоря о бродниках, мы имеем в виду только население степных рек Подонья, а не жителей Тмутаракани и половецких городов. По-видимому, это было полуоседлое, полукочевое население земледельцев, рыбаков, охотников, скотоводов, полупромысловое, полужемледельческое, с общинным строем, со «старыми» — старейшинами и воеводами, приближающимся по типу к позднейшим казачьим атаманам. Условия жизни в степи, в столкновениях с отдельными коленами кочевников, создавали постоянную атмосферу опасности, превращали бродников в опытных воинов. Этим и объясняется характеристика бродников как отважных воинов, презирающих смерть. Бродячий образ жизни, связанный с их полупромысловым хозяйством, делал их чрезвычайно подвижными, а военный характер общин бродников приводил к появлению бродников в качестве, по-видимому, наемников в рядах войск соседних государств. Бродники были у болгар, венгров, русских князей в качестве наемников до XIII в. Передвижения бродников по всему необъятному пространству причерноморских степей, очевидно, не контролировались половцами, ограничивавшимися лишь наложением на них некоторых повинностей, да требованием совместных военных выступлений. Как видим, несмотря на то, что вопрос о бродниках нельзя считать разрешенным, тем не менее и наши скромные выводы дают возможность усматривать в бродниках своеобразный прототип позднейшего казачества. В этническом отношении бродники не были чем-то совершенно единым. В их создании приняли участие прежде всего остатки старых славянских колонистов Причерноморья (и бродники Подонья в этом отношении были слабой цепочкой, связывающей Тмутаракань с ее остатками русско-славянского населения, быть может, тоже называемого бродниками, с древней Русью) и алано-болгары — «ясы». Их связывало длительное сожительство в лесостепной полосе (приднепровско-донской и северокавказской), древние социально-культурные связи, длительный процесс взаимной ассимиляции и, наконец, единство религии — и те и другие были христианами. Но среди бродников могли быть и тюрки: печенеги, торки и, наконец, сами половцы, венгры и т. п.¹ Бродники больше и дольше, чем какая-либо другая ветвь русских, сохраняли связь с ясами, живя вместе с ними на юго-востоке Европы, в Болгарии, в Молдавии, которая еще в XIV в. носила название «Россовлахии»,² и даже в Венгрии³.

Вернемся к Левобережью. После Калки татары продвинулись на север, разоряли земли, предавали все мечу и огню. По сообщению Ипатьевской летописи, они дошли до Новгорода Святополчьего, по Никоновской — до Новгород-Северска.⁴ Но этот поход татаро-монголов носил, скорее, характер предварительной разведки, и вскоре новые завоеватели повернули обратно в степи.

К. Маркс по этому поведению, говоря о Калке, замечает, что после поражения русских князей «...монголам был открыт весь юг России. Но те доходят только до Чернигова; затем наступает затишье в течение нескольких лет...».⁵

Судя по свидетельству летописи, на внутренней жизни левобережных княжеств вторжение татаро-монголов отразилось в незначительной степени. На время несколько ослабленная северо-восточная Русь при Юрие Всеволодовиче снова воспрянула, и Северская земля оказалась сдавленной двумя мощными феодальными государственными образованиями, где укреплялась княжеская власть: Суздалем и Галичем.

На время усиливается влияние черниговских князей в Новгороде. В начале XIII в. в ответ на усиление эксплуатации путем кабалы и поборов со стороны крупных бояр-ростовщиков и земельных магнатов, поднимаются «черный люд», «меньшие» Новгорода и смерды. В 1209 г. они свергают посадника Дмитра Мирошкинича. Князь Новгорода, суздальский Всеволод Юрьевич, удалился еще ранее. Во время восстания были разгромлены дома Дмитра, Мирошки и бояр их ориентации, разграблено имущество и поделено между новгородцами, захвачены их села и челядь, денежная казна и векселя. В восстании принимают участие «черные люди» и, по-видимому, смерды.¹ Пользуясь поддержкой части бояр и новгородских «меньших людей», в 1224 г. в Новгороде появляется Михаил Всеволодович Черниговский, ознаменовавший свой приход в Новгород тем, что «бысть легко по волости Новугороду».² Михаил отнимает у своего соперника суздальского князя, запершегося в Торжке, конфискованное им у некоторых новгородских бояр имущество и вынуждает его покинуть Торжок. Внутренняя борьба в Северной земле заставляет Михаила удалиться, но, отправляясь к себе в Чернигов, он говорит новгородцам: «Всякие убо гости ко мне пушайте, да ходять ваши гости ко мне невозбранно, тако же и мои к вам, якоже земля ваша, такоже и моя земля».³ Новгород нужен был не только как оплот на северо-западе, захват которого обеспечивал перевес над Суздалем: Чернигов был заинтересован в торговле с Новгородом, ибо оттуда шли продукты зверобойных промыслов Севера и всякие заморские товары и, кроме того, Новгород скупал черниговский хлеб. Зависимость их друг от друга была далеко не одинаковой, так как черниговский хлеб легко мог быть заменен суздальским или, что встречалось реже, смоленским. Этой заинтересованностью черниговских князей в обладании Новгородом и объясняется их политика. При популярном среди средних и низших слоев новгородского общества Михаиле Всеволодовиче именно потому стало «легко на волости», в городах и селах новгородских, что подобного рода политикой он хотел снискать себе популярность и авторитет в массах новгород-И ского населения, которые после восстания 1209 г. начинают играть серьезную политическую роль. Реальным результатом его деятельности должно было явиться торговое и политическое сближение Чернигова с Новгородом и укрепление в Новгороде черниговского князя. Новгород нужен был Чернигову по политическим и экономическим соображениям, и Михаил готов был идти на уступки массам, силу которых в данном случае он сознавал, лишь бы выполнить свои намерения в этом отношении и крепко связать оба княжества.

Михаил покидает заманчивый Новгород в силу того, что в самой Северной земле у него появляется конкурент — курский князь Олег Игоревич, претендующий по старшинству (Олег был дядей Михаила) на черниговский стол.

12 В. В. Мавродин

353

Суздальский князь, потерявший Новгород, доставшийся его противнику — Чернигову, пытается вмешаться во внутренние дела Северной земли, но неудачно, так как на сцену выступает киевский князь Владимир Рюрикович. Силы противников уравновешиваются, и митрополиту Кириллу удается их помирить. Проиграв на юге, Суздаль выигрывает на севере — в Новгороде вокняжается суздальский князь Ярослав Всеволодович, сменивший в 1214 г. Мстислава Удалого.

Усиление галицкого князя Даниила Романовича вызывает поход против него со стороны Владимира Рюриковича Киевского и Михаила Всеволодовича, заключивших союз с половецким ханом Котьяном, но Даниилу удалось расстроить союз, склонить Котяна на свою сторону. Поход был сорван и заключен мир.

Между тем в Новгороде происходят события, которые привлекают к себе внимание Михаила Всеволодовича. Усиливается боярско-купецкая партия,

тяготеющая к Чернигову, снова поднимаются и «мен-шие», недовольные суздальским князем Ярославом Всеволодовичем. Ярослав был изгнан, и вече вторично приглашает Михаила Всеволодовича. В 1229 г. Михаил снова в Новгороде. Он подтверждает устав «старого Ярослава», целует новгородцам крест «на грамотех Ярославлих» и дает льготы смердам, бежавшим от произвола суздальских князей и бояр-магнатов, и ростовщиков в чужие земли. Бежавшим смердам Михаил обещал, в случае, если они вернуться, освободить их от дани на пять лет, а оставшимся смердам установил платить дань по-старому, т. е. более легкую. Облегчил он и положение должников, людей «бедных».1

Посадником был избран Везд Водовик, обложивший бояр противной партии налогом на строительство нового моста через Волхов. В Новгороде остается сын Михаила, Ростислав, а сам князь идет на Ярослава Всеволодовича, требуя, чтобы тот вернул новгородцам Волок. Последний отказался. Михаил медлил нанести ему решительный удар и этим допустил ошибку. Черниговский хлеб, по-видимому, задержался, и в Новгороде, питавшемся главным образом, хлебом идущим с «низа», из Суздаля, разразился голод. Новгородцы были недовольны медлительностью Михаила, голод их еще больше озлобляет, и вспыхнуло восстание. Водовик и тысяцкий Борис были смещены, имущество их захвачено, а Ростислав изгнан. Ярослав Всеволодович снова на князем столе. Сперва он вокняжился в Новгороде «на всей воле», а затем уничтожает льготы, данные Михаилом. Ярослав перешел в наступление и пытался отомстить Михаилу. Рати Ярослава сожгли Шеренск, но от Мосальска он вынужден был отступить. Сын Водовика и несколько бояр, сторонников черниговского князя, пытались было пригласить Святослава Трубчевского, но не встретили поддержки среди новгородцев и вынуждены были эмигрировать в Псков, а оттуда к немцам, в Оденпе. Святослав Трубчевский, не дойдя до Новгорода, повернул обратно.2

Новгород теперь уже навеки был потерян для северских князей, и их внимание, естественно, переносится на Галич.

Внутри Галича шла борьба между тремя боярскими группировками: одна тяготела к Венгрии и во главе ее стоял Судислав; вторая, возглавляемая Семюнком Чермным, держалась Владимирской ориентации, и третья, Григория Васильевича и Молибоговичей, опиралась на черниговских князей. Централизационным стремлениям Даниила галицкое боярство (за исключением небольшой его части), князя пинские и болоховские противодействовали изо всех сил. В 1234 г. власть переходит в руки Даниила и бояр — его сторонников.

Михаил, опасаясь укрепления Галича, вместе с жившим в степях у половцев Изяславом Владимировичем Новгород-Северским, приведшим с собой половецких воинов, двигается к Киеву с недвусмысленным намерением захватить его. Владимир Рюрикович призывает на помощь Даниила, и оба князя вступают в Северскую землю. Хоробор, Сосница, Сновск были разорены. Вскоре союзники осаждают Чернигов. Изяслав Владимирович в это время вторгается в Киевскую землю и опустошает ее. В результате упорного сопротивления Чернигова и хозяйничанья врага в тылу Даниил был вынужден заключить мир с Михаилом, но на обратном пути у Звенигорода на них напал Изяслав, разбил, а Владимира Рюриковича захватил в плен. Даниил под давлением бояр вынужден был бежать в Венгрию. В Венгрии он пробыл недолго, но по его возвращении галицкие бояре заключили союз с болоховскими князьями и напали на Даниила. Владимир Рюрикович и Даниил объединенными силами у Каменца разбивают галицких бояр и болоховских князей, причем немало их было захвачено в плен. Но победа ничего не дала Даниилу, так как после битвы под Каменцем усиливается группа бояр, сторонников Чернигова, и в 1235 г. в Галиче усаживается Михаил.

Изяслав и Михаил требуют у Даниила выдачи пленных болоховских князей — их «братии». Получив отказ, Михаил задумал наступление. Комбинированный удар галичан, поляков и половцев, задуманный Михаилом, не удался. Даниил успел разбить поляков, а половцы изменили, и Михаилу, опасавшемуся последствий, пришлось срочно возвращаться в Галич. В результате военных действий против Даниила Михаил и его сын Ростислав сохранили за собой Галич, Звенигород и захватили Перемышль. Вынужденный заключить с Ольговичами мир, Даниил не складывает оружия и начинает в союзе с Миндовгом и Изяславом Владимировичем Новгород-Северским войну с поляками.

В 1235 г. Ярослав Всеволодович Суздальский, опираясь на Михаила и половцев Изяслава Владимировича, взял Киев и изгнал Владимира Рюриковича, но вскоре вынужден был, занятый новгородскими делами, уступить киевский стол Михаилу Всеволодовичу.

В руках северских князей снова оказались Киев, Галич и Левобережье, и новая мощная политическая комбинация Ольговичей не давала отныне возможности суздальскому князю вмешиваться в дела южнорусских княжеств. Но как только Ольговичам удалось в своих руках сосредоточить Киевскую, Галицкую и Северскую земли, сейчас же их укрепление вызвало оппозиционное течение среди галицкого боярства. Ольговичи им были

355

нужны, пока они не забирали власть в свои руки, пока они были слабы и полезны как орудие в борьбе против сильного Даниила. Лишь только Ольговичи, обосновавшись в Галиче, собрались перейти к обузданию боярства, это последнее, некогда, их поддерживавшее, покинуло Ольговичей и стало переходить на сторону их врагов. Подобного рода явление мы наблюдали в начале XIII в.; оно же характерно и для рассматриваемого отрезка времени. Группа бояр, сторонников Даниила, взяла верх и, воспользовавшись походом Ростислава Михайловича в Литву, пригласила к себе Даниила. Ростислав бежал в Венгрию.

Остановимся несколько подробнее на характеристике группировки бояр — сторонников Ольговичей и на вопросе о болоховских князьях. Черниговские князья имели в Галиче своих сторонников — бояр в силу того, что в представлении боярства Ольговичи, в качестве приглашенных князей, никогда не смогут подчинить их себе. Ольговичи — князья той территории, где порядки феодальной раздробленности были представлены едва ли не наиболее ярко. Сами же бояре, по сути дела, стремились превратить единое Галицкое княжество в сумму отдельных раздробленных уделов, соответствующих уделам в Северской земле. Каждая латифундия боярина должна была стать уделом, каждый боярин — удельным князем. Политическим идеалом галицких бояр была феодальная раздробленность, расцветавшая в Северской земле, к которой политически они тяготели. Им казалось, что приглашение Ольговичей даст возможность осуществить свое исконное стремление — превратить Галицкое княжество в сумму княжеств, уделов, а их самих — в удельных князей, и под управлением Ольговичей, в землях которых подобный политический порядок уже осуществлен, им удастся избавиться от назойливого Даниила, стремившегося обуздать их стремления и превратить желаемое в осуществленное. Ольговичи, казалось бы, не имеющие корней в Галиче, не были опасны, и боярство не подозревало того, что северские князья, хотя и были сторонниками феодальной раздробленности, но при условии, когда князьями выступают они сами. Боярам они готовили участь вассалов и делиться с боярами своей властью или отдавать им во владение или управление на правах удела города и волости Ольговичи совсем не собирались и даже, наоборот, пытались прибрать бояр к рукам, не стесняясь средствами. Один раз, во времена

Игоревичей, галицкое боярство обманулось в своих чаяниях, и дело кончилось бегством одних и казнью других. Но галицкое боярство почувствовало в Данииле, пожалуй; более сильного соперника, да вдобавок еще более преисполненного всяких централизационных стремлений, нежели Ольговичи, и вот снова в Галиче оказались северские князья. Галицкое боярство их терпело, и они были ему нужны лишь до тех пор, пока бояре не убеждались в том, что Ольговичи становятся чересчур сильны, что они, пожалуй, попытаются повторить дела Игоревичей и возобновят борьбу с боярством и, чего доброго, бояре снова не досчитаются в своих рядах не одной сотни человек. Чем сильнее Ольговичи, чем крепче они обосновываются в Галиче, тем больше растёт число недовольных бояр, тем более сужается социальная база князей, тем больше они ослабляются. В своей галицкой политике Ольговичи приобретают новых союзников — болоховских князей.

356

Вопросу о Болохове, болоховцах и болоховских князьях историческая литература в свое время уделяла большое внимание. Летописные указания о болоховцах и болоховских князьях впервые встречаются под 1231 г., когда они выступают вместе с Александром Всеволодовичем, князем Бельзским, и Глебом Зеремеевичем в качестве их союзников в борьбе против Даниила.¹ В 1235 г. против него же действуют галицкие бояре и «вси Болоховьскии князи с ними».² Бояре-дружинники Даниила догоняют отступавших после разгрома берегов Хомора и Ксешенецкой округи болоховских князей, берут часть их в плен. Михаил Черниговский и Изяслав Смоленский требуют их выдачи: «Дай нашоу братью или придем на тя войной».³ В 1241 г. Ростислав Михайлович, воюющий с Даниилом, «собра князе Болоховьские и останок галичан, приде к Бакоте». Бакоту взять не удалось и вслед затем, «слышав же Даниил приход Ростиславль со князи Болоховьскими на Бакоту, абие устремися на не, грады их огневи предасть и гребли их раскопа». Даниил берет и разрушает болоховские города Деревичь, Губин, Кобудь, Кудин, Городец, Божский. Отсидевшийся в Бакоте печатник Кирилл выступает с трехтысячной пешей ратью, подкрепленной тремя сотнями конницы, в Болоховскую землю. Даниил поручил ему взять Дядьков, что тот и делает. «Оттуда же пленив землю Болоховскую и пожег, оставили бо их татарове, да им орют гапеницю и проса. Даниил же на не болыною вражду держа, яко от татар болыпоую надежоу имеахоу».⁴ Далее летопись, отмечая вражду Болеслава Мазовецкого и Даниила и роль в ней болоховских князей, указывает, что они «особнии князи», а «не суть вой твои».⁵ И, наконец, в зиму с 1257 на 1258 г. «воевахуть людие Данилеви же и Василкови Болохов, а Львови Побожье и люди татарския», а весной Шварно берет Городок, Семоць и «вси городы, сидящая за татары»: Городеск и города по Тетереву вплоть до Жедечева. «Възвягляне», т. е. жители города Возвягли, современного Новограда-Волынска, пробовали обманым путем захватить посаженного у них Шварно тиуна. Шварно проходит еще раз огнем и мечом по Волини «и по нем придоша Белобе-режце и Чарнятинци и вси Болоховьци к Даниилу».⁶ В огне пожаров болоховских городов была подорвана былая самостоятельность Болоховской земли.

Вот и все, что нам известно о Болохове. Тем не менее, тщательное исследование дало возможность Дашкевичу дать интересные, хотя и не лишенные ошибок, работы по географии и истории Болоховской земли, из которых одна представляет довольно большую монографию.⁷ За Дашкевичем выступили М. С. Грушевский, в ряде своих работ по сути дела лишь несколько продвинувший изучение проблемы по линии, намеченной еще Дашкевичем,¹ А. Петрушевич² и И. Линниченко,³ усматривающие в болоховцах результат румынской, «волошской», колонизации XI—XII вв.

К ним примыкают также еще Калужняцкий, Похилевич и Миклошич. За эту теорию, по их мнению, говорят многочисленность болоховского княжья и их тесная

связь с «землей», с болоховцами в целом, которая, якобы, присуща румынам, где «князь», собственно, означает сельского старосту, и, кроме того, сходство «болох» — «болохово» — с «волох», т. е. термином, обозначающим румын. Теория румынского, «волошского», происхождения болоховцев не подтвердилась последними изысканиями в области языка. Наличие румынского этнического элемента, как результата колонизации в данном районе (Подолии), оказалось явлением позднейшего происхождения, а Дашкевич в своих ответах сторонникам теории «румынского» этно-культурного начала болоховцев отметил, что в языке славянского населения Боснии и Герцеговины, среди задунайских славян и угроруссов, также встречается данный термин «князь» и в том же значении «сельского старосты», что и у румын. Им даже была приведена былина о «болоховской княгиненьке», причем по самому смыслу былины видно, что речь идет совсем не о княгине из «дома Рюриковичей».4 Вторая группа исследователей, к которым принадлежат Карамзин,5 Арцыбашев,6 Соловьев,7 Квашнин-Самарин,8 Зотов9 и М. Любавский,10 считают болоховских князей не только Рюриковичами, но даже именно потомками галицких Ольговичей — путивльскими Игоревичами. Последние три исследователя мобилизуют все имеющиеся в их распоряжении методы доказательств, но, несмотря на оперирование со всеми известными летописными указаниями, эти последние настолько произвольно ими толкуются, что выводы обоих авторов оказываются построенными на очень шатком фундаменте, в основе которого лежит мысль: как же могли существовать в XIII в. князья не «Рюриковичи»? Первые три вообще уделили очень мало внимания интересующей нас проблеме. Особняком стоят суждения о болоховских князьях Костомарова, считающего их потомками древних племенных князей Подольской земли, и Н. Молчановского, усматривающего в болоховских князьях потомков галицких бояр, ушедших из Галича от князя и пытавшихся на окраине княжества отстоять свою самостоятельность.1 И, наконец, третья группа, имеющая общие воззрения на болоховскую проблему, представлена Дашкевичем,2 М. С. Грушевским,3 И. Каманиным4 и отчасти Н. Молчановским.5 Последний не является создателем новой точки зрения, а использует взгляды Дашкевича и Грушевского, причем Грушевский, в свою очередь, по сути дела лишь заостряет вопросы, поставленные Дашкевичем. Сущность их сводится к следующему. Н. Дашкевич видит в болоховских князьях «земских старшин», «связанных с землей», пребывающей «в общинном строе».6 М. С. Грушевский с удовольствием подхватывает эту мысль, указывая на «выборность»(?) «земских» болоховских князей, которые были чем-то средним между старостами общин и позднейшими казачьими атаманами.7 Каманин также считает болоховских князей «выборными казачьими атаманами», причем весь исторический процесс рисуется так: болоховцы сопротивляются княжеско-боярской экспансии, идущей из Галича, стремятся сохранить автономию, свои общинные порядки; борьба тяжела, и когда приходят татары, они становятся «избавителями» болоховцев-общинников и их доблестных «атаманов», обязательно выборных. Болоховцы «подаются» татарам, пашут на них пшеницу и просо, лихо дерутся с Галичем, пока, наконец, возмущенный их изменой Даниил не проходит огнем и мечом Болоховскую землю. Эта точка зрения развивается в обеих главных работах Н. Дашкевича и также в двух трудах М. С. Грушевского.8 Наконец, их точка зрения получила полное оформление под пером украинских «историков»-националистов, врагов народа, вроде Яворского, считавшего, что антифеодальные «крестьянско-казацкие» (болоховцы, берладники, бродники, «татарские люди») общественные движения на Украине были поддержаны вторгнувшимися завоевателями-татарами, которые помогли низам бить бояр и князей. Этот восторженный певец интервенции, нагло фальсифицируя историю, утверждает, что татаро-монгольское завоевание (о «кровавом болоте монгольского

рабства» которого говорил в своей «Истории секретной дипломатии XVIII века» К. Маркс) было «спасением» сельского населения от феодалов и причиной

'Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. С. 110—114.

того, что на Украине якобы отсутствовали классы и классовая борьба, привнесенные туда вместе с московскими порядками, а «татарщину» (выступление населения местностей, живших «за татары») и войны болоховских князей, боровшихся с передовыми стремлениями Даниила Романовича, выступавшего против консервативного боярства и окраинной знати своего княжества, предавшейся хану и перешедшей на сторону татар, — он именовал... народно-революционными восстаниями.

Мы не имеем никаких оснований утверждать, что болоховские князьки были выборными, и их выборность остается на совести тех, кто ее выдумал. Мы отвергаем теорию румынского и половецкого происхождения болоховских князей. Правы были М. Грушевский и В. А. Пархоменко, связавшие болоховцев с древлянами, а быть может, и с уличами.¹ Болоховцы когда-то были древлянами-общинниками, долгое время благодаря собственному сопротивлению и географическому положению своей земли ускользавшими от непосредственного захвата феодалами. Когда-то князьки их были действительно «лучшими мужами», которые встречаются у румын и южных и юго-западных славян под названием «князья». Они сидят по селам и «градам», зачастую мало отличавшимся еще от села, типичным, по терминологии Н. Я. Марра, «село-градам» Болоховской земли, и, в совокупности, составляют летописных «болоховских князей». Имен их летопись не знает и не могла знать. Их много, они действительно ближе были связаны с «землей», нежели пришлые галицкие князья. Но из того, что их поддерживает «земля», не следует еще, что они выборные старшины и атаманы. И для раскрытия социальной сущности болоховских князей большую ценность представляет археологический материал. Раскопки Рай-ковецкого городища, под Бердичевом, в котором следует усматривать один из болоховских городов — Божский, Меджибож или Котельницу, дали интересные результаты. Не вдаваясь в подробности результатов раскопок, остановимся лишь на наиболее интересных выводах. Прежде всего городище делится на «детинец» и окрестное поселение — «приселки». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «детинец», куда пряталось во время войны население «приселков» и сгонялся скот, представлял поселение феодальной знати. Жилища, хозяйственные постройки и землянки различного типа для всяких хозяйственных нужд в «детинце» совершенно несравнимы с «приселками». В «детинце» найдены дорогие вещи, золотые и серебряные украшения, хорошее оружие, импортные изделия и т. д. В «приселках» же царит бедность, встречаются только землянки и полуземлянки, скудный инвентарь, отсутствуют хозяйственные постройки. То же характеризует отдельные индивидуальные жилища болоховцев, разбросанные далеко от «детинца». Предметы христианского культа найдены именно главным образом в «детинце», тогда как в «приселках» они уступают свое место языческим. Имущественная дифференциация наблюдается и в погребениях. Могильники окрестного и «пригородного» населения беднее, проще, однообразнее, нежели могилы знати, расположенные на валу. На городище в большом количестве найдены остатки ремесленных мастерских, полу-

'Грушевский М. С. (М. Сергеенко). Громадський рух на Україні-Русі в XIII в. С. 15; Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. С. 50, 108.

360

фабрикаты и изделия, формочки для литья, что свидетельствует о высоко развитом ремесле, а следовательно, и о распадении, разложении общины.

Материалы ряда экспедиций, копавших Райковецкое городище начиная с 1929 по 1934 г., интересны и обширны и позволяют ждать определенного вывода о том, что перед нами уже феодальное общество.¹

Таким образом, отпадает характеристика болоховских князей как выборных сельских старост или атаманов. Болоховские князья потому-то и выступают часто вместе с галицкими боярами, что они такие же феодалы, только «свои», местные, «привычные», выросшие из «лучших мужей» древлянских, и им также присуща тенденция к отделению, к сохранению самостоятельности, к независимости. В этом сказывается децентралистские тенденции боярства, проистекающие из самой социально-экономической основы феодальных форм господства и подчинения. С другой стороны, Ольговичи потому их называют «братией», что они действительно «братия», такие же князья, хотя помельче, посерей, победней, и, конечно, для летописца «худородней», нежели «Рюриковичи», которые, кстати сказать, и собственную дружину не гнушались называть «братией». Конечно, болоховские князья — не «мужицкие выборные», с которыми бы Ольговичи постарались поскорей расправиться оружием, а не вести переговоры (и в этом отношении прав Любавский),² а именно феодалы, быть может, правда, еще не окончательно трансформировавшиеся в таковых из общинной полуварварской верхушки «лучших людей», основывавших свое могущество на богатстве, рабстве, закабалении, силе оружия и своем привилегированном положении в общине. Последняя поддерживает их в борьбе с галиц-ким Даниилом исключительно в силу нежелания попасть под двойной гнет, сменить привычные обязанности и повинности на нечто, очевидно, во всяком случае не лучшее. Галицкая дружина Даниила несла с собой не облегчение для общинника-смерда, а новую дань, захват в полон и жадную эксплуатацию еще не разграбленных общинников, примеры чему можно извлечь хотя бы из истории вятичей. Совершенно реальная угроза стояла перед болоховцами в случае их поражения и победы Даниила Романовича. Поэтому-то «земля» — болоховцы, так энергично поддерживают своих князей в борьбе с Даниилом, хотя те и другие вступают в борьбу с ним, побуждаемые различными причинами и преследуя различные цели. «Болоховский князь» боролся за собственную самостоятельность, за самостоятельное, независимое от князей Рюриковичей превращение в государя-вотчинника, а болоховец-общинник — за более легкую, привычную форму зависимости, которая еще частично напоминала те невозвратные времена, когда их племенные князьки «распасывали землю», так как были «добры». Ее угрожала сменить более систематическая и тяжелая эксплуатация победителей-дружинников, бояр Даниила. Болоховские князья и им подобная верхушка Семоця, Городка, городков по Тетереву, возвяглян и прочих «татарских людей» перешли к татарам, во-первых, потому, что чувствовали всю безнадежность сопротивления, а во-вторых — довольно рассудительно предполагая, что до такого сеньера, как татарский хан, дальше, нежели до Даниила, и вассальные отношения при татарах не лягут тяжелой обязанностью на плечи разных «князей», «князьков» и «воевод». Пахать же пшеницу и просо на татар должны были, конечно, не болоховские князьки, а все те же болоховцы-общинники, равно как общинники-смерды прочих земель, бывших «за татары». Украинская буржуазная историография в лице М. Грушевского и его продолжателей и последователей усматривала в татарах «освободителей» украинских крестьян от феодалов. В их представлении болоховцы — это крестьяне, а болоховские князья — крестьянские старосты, причем татары, оказывается, ликвидировали феодалов на Украине. Как мы видим, с исторической действительностью эта апологетика интервенции ничего общего не имеет. От нее мало чем отличаются взгляды, развиваемые в «Наукових записках шттгугу ісТорії матеріально"1 культу-ри». Связывая разгром раскопанного Райковецкого городища из

числа болоховских «побожских» городов с карательной экспедицией Даниила Романовича Галицкого в 1257—1258 гг., «Наукови записки» повторяют теорию о татарах, как возбудителях «движения трудового крестьянства (!?) и ремесленников (!?) против закрепощения», использованного, в частности, «болоховскими князьями в своих классовых политических целях».1 «Громадськи рух» М. С. Грушевского мало чем отличается от «движения трудового крестьянства и ремесленников против закрепощения», разве только невероятной модернизацией терминов и понятий.

Татары использовались именно верхушкой, а не низами всех «татарских людей», и в том числе болоховцев, и если уже говорить об «измене» болоховцев (терминология Н. Дашкевича), то изменила, пожалуй, в первую очередь именно знать, «князьки», усматривавшие в татарах орудие борьбы с централизационными стремлениями Даниила. Недаром одновременно с наступлением на Болоховскую землю Даниил громит своих же галицких бояр, зачастую выступавших против него вместе с болоховскими князьями, от которых они отличались разве только величиной латифундий и размерами прочего движимого и «живого» имущества (холопов, рядовичей и т. д.) и внешней культурностью.

Совершенно непонятны стремления делать болоховских князей католиками, ставшими таковыми якобы в результате пропаганды Ватикана в 40—50-х годах XIII в. в Галиче и на Волыни, а также попытки фактически подновить старую теорию румынского происхождения болоховцев, связав их с «волохами», «влахами», хотя в «Наукових записках» речь идет не об этническом, а религиозном родстве болоховцев с румынами.2 Все это опять-таки апологетика интервенции и нашествий, тождественная взглядам украинских националистических «историков».

Болоховская земля остается одной из немногочисленных окраин древней Руси, где сравнительно поздно, — уже в период господства Киева, в то время, когда основные центры древней Руси вступили в феодальный период, — совершенно независимо от них, автохтонными путями складывается туземная феодальная знать, и некоторое время существует комплекс само-

Наукови записки Інстпугу ісТорії матершльноТ культури. Всеукр. Ак. наук. С. 160—171. Там же. С. 165, 171. Остается непонятным также и причисление румын к католикам.

362 стоятельных крошечных княжеств, борющихся за свою независимость и гибнущих в конце 50-х годов XIII в. под ударами Даниила Романовича.

На этом кончается период самостоятельного существования русских княжеств на территории Левобережной Украины, и последняя входит в состав нового государственного образования — Золотой Орды.

8. Левобережная Украина под властью татаро-монголов

История южной Руси в период татарского ига изучена крайне слабо. Малочисленность источников не дает возможности всесторонне изучить этот наименее разработанный исследователями период, хотя необходимость такой работы не может вызывать сомнения. В данном разделе своей работы мы пытаемся изложить историю установления татаро-монгольского владычества, характер и формы его, проследить внутреннюю жизнь покоренного золотоордынским ханом Левобережья. К известиям летописей и немногочисленным прочим историческим документам мы присоединяем «Любечский синодик», введенный в научный оборот Милорадовичем, Филаретом, Квашниным-Самариным и Зотовым, но более или менее изученный только последними двумя.¹

Обоими авторами, особенно Квашниным-Самариным, «Любечский синодик» использован недостаточно, и документ при сличении его с другими источниками может дать гораздо больше. Само назначение источника таково, что он дает лишь

генеалогии князей, да и то зачастую довольно сбивчиво. Поэтому после работ перечисленных исследователей генеалогией мы специально заниматься не будем. Но естественно, что и в данной работе, как бы ни было желательно осветить другие вопросы, быть может чаще даже, чем следовало, будут упоминаться родственные связи князей, последовательность и порядок их княжения.

Внимательное изучение свидетельств письменных источников все же дает возможность выйти за рамки династических и генеалогических вопросов и обрисовать некоторые черты народной экономической и политической жизни на территории Левобережной Украины во времена владычества

«Любечский синодик» был впервые опубликован Г. А. Милорадовичем без всяких примечаний в «Черниговских губернских ведомостях» за 1860 г. в № 37. Затем занялся им архиепископ черниговский Филарет в своей работе «Черниговский терем с епископией, усыпальница и «Синодик князей», опубликованной в 1863 г. в № 10 «Черниговских епархиальных известий». В своей статье Филарет снабдил Синодик примечаниями, и в этом виде, с примечаниями Филарета, он был вновь опубликован Г. А. Милорадовичем в 1871 г. в его работе «Любеч, Черниговской губернии, Городницкого уезда, родина преподобного Антония Печерского», помещенной в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских» (1871 г., кн. 2) и выпущенной отдельно — особым изданием. Затем «Любечский синодик» с примечаниями был помещен Филаретом в его «Историко-статистическом описании Черниговской епархии», вышедшем в 1874 г. Позже «Любечский синодик» был исследован Н. Квашниным-Самариным в его работе «По поводу Любецкого синодика» и, наконец, Р. В. Зотовым, написавшим на его основе свой солидный труд «О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время».

Кроме «Любечского синодика», существовали и другие синодики, а именно Северский и Елецкий, которыми пользовался Филарет. К сожалению, оба они остались неопубликованными и известны нам лишь в отрывках по примечаниям Филарета

363

татар. Через несколько лет после битвы на р. Калке татаро-монголы снова выступают на исторической сцене. В 1236 г. они появляются под предводительством Бату (Батыея) в земле Камских болгар, и в скором времени разгром и грабеж Камской Болгарии был закончен.¹ Вслед за тем, разорив Рязань и Суздаль, татаро-монголы в 1238 г. вторглись на территорию Северской земли.

Татары идут с севера, и в первую очередь ими были разорены и подчинены вятчские города. Города сдавались один за другим, почти не оказывая сопротивления, но у Козельска завоеватели были остановлены решительным сопротивлением горожан. Жители Козельска собрались на вече — «совет», решили «не вдатися Батюю» и поддержать своего князя малолетнего Василия.²

Осада Козельска длилась семь недель. Татарам удалось разрушить городскую стену, но горожане на валу пошли на врага врукопашную, действуя ножами. Отбив татар, козельцы предприняли вылазку, во время которой убили 4000 татар, в том числе трех сыновей татарского темника, но затем были почти все перебиты. Бесследно пропал и князь Василий. По свидетельству летописи, некоторые из козельцев, очевидно спасшиеся от разгрома, говорили потом, будто князь утонул в крови. Татары взяли город и вырезали все его население.

Героическая оборона Козельска, сумевшего на несколько недель остановить грозные полчища Бату, показала, на что способен обороняющийся народ, когда его борьбе с врагом не мешают межкняжеские споры и усобицы, и создала славу

козельцам не только на Руси, но и среди врагов. Летопись указывает, что татары «не смеют его нареши град Козельск, но град злый».3

Взятие Козельска дало возможность Бату пойти дальше на юг, в землю Половецкую. По дороге он взял и разрушил Переяславль, перебил его население, ограбил церкви, в том числе церковь Михаила, где забрал массу золотой утвари и драгоценных камней; при этом был убит епископ Семен, княжеский наместник. В Переяславле стал с большим отрядом татарский военачальник Куремса. Другой отряд, высланный Бату под начальством его племянника Менгу-хана, сына Угедея, двинулся на север и осадил Чернигов. На помощь осажденному городу двинулся Мстислав Глебович «со всеми вой», но был разбит татарами и бежал в Венгрию.

Татары взяли Чернигов, разграбили его и сожгли. Епископа черниговского, Порфирия, татары пощадили и увели во взятый ими Глухов.1

Взяв Чернигов, Менгу-хан остановился в городе Песочне и направил послов к Михаилу Черниговскому в Киев, предлагая ему сдаться. Михаил перебил ханских послов, но, понимая, что с татарами ему все равно не справиться, бежал в Венгрию вслед за своим сыном Ростиславом, еще ранее, по свидетельству летописи, укрывшимся от татар в земле Угорской.

В Киев немедленно явился Ростислав Мстиславич Смоленский, внук Давида, но Даниил Романович Галицкий вытеснил его оттуда. Сам Даниил в Киеве не остался, а оборону города от татар поручил тысяцкому Димитрию.

Черниговским князьям-беглецам не везло в чужой земле, да они и не могли рассчитывать на радушный прием. Ярослав2 захватывает Каменец, а с ним вместе жену Михаила и его бояр. Жена Михаила, приходившаяся сестрой Даниилу Романовичу, была по требованию последнего отпущена к нему, но зато Даниил и Ярослав, внимательно следившие за Михаилом и Ростиславом, заключили между собой союз против черниговских эмигрантов.

Михаил пытался прочно обосноваться в Венгрии и заручиться поддержкой венгерского короля, для чего сватал его дочь за Ростислава. Однако венгерский король Бела IV не только отказал Ростиславу, но выгнал и отца, и сына из пределов Угорщины. Михаил и Ростислав перебрались к своему родственнику Конраду Старому в Куявию,3 но и его не удалось склонить на свою сторону. Вынужденные смириться, они просили прощения у Даниила Романовича и его брата Василько. Романовичи простили обоих, разрешили им вернуться в Галичину, отпустили к Михаилу жену и даже обещали ему Киев, а сыну дали Луцк.

Пока Михаил «ходил» по Галицко-Волынской земле, получая от Даниила и Василько пшеницу, мед, мясо и овец, променяв на подобного рода образ жизни свою черниговскую отчину, а Ростислав довольствовался Луцком, татаро-монголы по частям подчинили Северскую землю. К этому времени Северская земля была уже разбита на ряд мелких и мельчайших уделов: собственно Черниговский, Новгород-Северский, Курский, Пу-тивльский, Рылский, Вырьский, Трубчевский, Вщижский, Сновский, Глу-ховский, Гомельский, Чичерский (последние два в земле радимичей), Карачевский, Березовский, Ропьский, Брянский, Лопастенский, Торусский, Свирельский, Воротынский4 и др. Большинство мелких княжеств находилось на северо-востоке, в земле вятичей, и, отчасти, в Посемье.

Процесс феодального дробления еще в дотатарские времена зашел очень далеко, следствием чего и было превращение Северской земли в конгломерат большого количества феодальных полугосударств. Дальнейший распад и дробление продолжались и во время пребывания Северской земли в составе Золотой Орды. Но еще до нашествия Бату феодальное дробление Северской земли было настолько значительным, что сделало страну совершенно неспособной к сопротивлению такому

врагу, как татары. Раздираемая борьбой отдельных князей между собой за отдельные волости и города, борьбой, сопровождавшейся разорительными войнами, Северская земля не могла устоять против хорошо организованных кочевников-варваров, подчиненных единому командованию. Несмотря на встречаемое в некоторых местах упорное, героическое сопротивление, татары огнем и мечом опустошали удел за уделом, княжество за княжеством, город за городом, село за селом. Ослабленные данями и поборами, опустошенные и обезлюдившие в результате феодальных усобиц области Северской земли не могли сопротивляться. Сравнительная легкость завоевания объясняется именно отсутствием единства действий со стороны русских князей.

О захвате уделов Северской земли к 1240—1241 гг. свидетельствует хотя бы указание Никоновской летописи об убийстве в 1241 г. князя Мстислава Рыльского. Повидимому, князь Мстислав был казнен татарами, а не погиб в бою. Факт его казни свидетельствует о захвате Рыльска татарами до 1241 г.¹

Несмотря на страшное бедствие, князья продолжали борьбу за Киев. Явиться в Киев Михаил не решился «за страх татарский». В 1240 г. Киев, был взят ханом Бату и разрушен. Татары двинулись дальше на запад. Михаил снова эмигрировал в Польшу к Конраду, а оттуда в Братиславу — к Генриху Набожному. Здесь, у Середы, на него напали силезские немцы, ограбили и убили «внуку».

Даниил Галицкий после захвата его княжества татарами ушел в Венгрию. Татары опустошили Венгрию, разбив у Солоной венгерского короля. Орды монголов прошли Польшу, Силезию, рассеяв войска польских князей. Остановленные в Лузицкой земле чешскими полками, они, опустошив по пути Силезию и Моравию, повернули опять в Венгрию. Под Оломун-цом Ярослав, воевода чешского короля Вацлава I, разбил татар. Последние, потерпев поражение, направились в Австрию, но и здесь натолкнулись на энергичное сопротивление чешского короля Вацлава и герцогов австрийского и каринтийского. Тогда татары повернули снова на восток, на Волгу, где в 1243 г. Бату основал Золотую Орду.

Воспользовавшись уходом татар с Поднепровья, Михаил и Ростислав возвратились через Пинск к Киеву, причем Михаил вновь не решился войти в город, а остался на острове, сына же отправил в Чернигов.²

Разгромленный Чернигов не прельщал Ростислава. Думать о «земляном строении» он не собирался, его отвлекали княжеско-боярские интриги далекого и не совсем еще разоренного Галича. Боярская олигархия Галича, воспользовавшись отсутствием Даниила и общим смятением, царившим во времена нашествия татаро-монголов, самовольно распоряжалась Галицкой землей. Крупные бояре вроде Доброслава Судьича и Григория Васильевича превратились фактически во владетельных князей, раздававших землю, творивших суд и расправу и т. д. Так, например, Доброслав отдал Коло-мыю Ивору Молибожичу и Лазарю Домажирицу, тогда как эту землю Даниил предназначал для раздачи своим «оружьником».

Столкнулись две силы. С одной стороны — крепнущая княжеская власть, стремившаяся к централизации и опиравшаяся на 1) «молодшую дружину» (получавшую земли за службу и в какой-то мере приближавшуюся к будущему дворянству), 2) на города (что подтверждается усиленной градостроительской деятельностью Даниила, основавшего Холм и созывавшего в города Галичины купцов и ремесленников) и 3) на часть средних бояр, т. е. на все элементы, заинтересованные в ликвидации своевластия бояр-магнатов, своей политикой и стремлениями приводивших страну в состояние феодальной раздробленности, к ослаблению самого государственного организма, с другой стороны — боярская олигархия магнатов-землевладельцев, стремившихся к превращению своих вотчин в самостоятельные полугосударства, а самих себя — в их владетельных князей. Симпатии населения,

естественно, были на стороне князя, тем более, что недолговременное свое «правлением бояре ознаменовали таким грабежом населения, что поднялось восстание, и печатник Даниила Курил (Кирилл) был послан в Бакоту, чтобы собрать сведения о грабеже бояр и «утишить землю».1

Оба боярина, Доброслав и Григорий Васильевич, как и следовало ожидать, скоро перессорились и были схвачены Даниилом. Ростислав решил воспользоваться борьбой Даниила с боярами. Он встал на сторону последних, так как их планы вполне совпадали с его стремлениями, сложившимися в политической обстановке Северной земли, где господствовала феодальная раздробленность, и были для него более близки, чем централи-зиторская политика Даниила.

Вместе с болоховскими князьями, пытавшимися отстаивать самостоятельность своих крошечных владений от притязаний Даниила, и с остатками галицких бояр, враждебных своему князю, в 1241 г. Ростислав осадил в Бакоте Курила, но был им отбит. Потерпев здесь неудачу, Ростислав вместе с Володиславом (Владиславом) — боярином, изменившим Даниилу, — и беглецом из Рязани, князем Константином Владимировичем, пошел к Галичу и на короткий срок овладел им, но вскоре, в 1242 г., был выбит оттуда Даниилом и бежал. Одновременно дворецкий Даниила, Андрей, разгромил Константина, взял в плен бояр и слуг перемышльского владыки, также враждебного Даниилу, и галицкого «бояна», певца Митуся.

Ростислав ушел в Венгрию, где, наконец, женился на дочери венгерского короля. Получив поддержку от тестя, он в 1245 г. снова пошел войной на Даниила и снова неудачно. Не рассчитывая теперь на свои силы, Ростислав заключил союз с интервентами — поляками и венграми — и вместе с ними еще раз предпринял поход против Даниила, и снова победителем оказался Даниил. У города Ярослава ляхи и венгры Ростислава были разбиты наголову, и сам Ростислав едва спасся бегством в «Ляхы».1

Событие это летописью приурочено к 1249 г., но, по замечанию С. М. Соловьева, оно должно было произойти до 1247 г., так как летопись указывает на помощь Конрада Мазовецкого Даниилу, а Конрад умер в 1247 г.2

Дальнейшая деятельность Ростислава не связана с древней Русью. Ростислав, зять венгерского короля Белы IV и, следовательно, его вассал, получил от тестя в ленное владение Мачву (на р. Саве в Сербии) и стал одним из первых банов Босны. У него было два сына, Михаил и Бела, и две дочери — Кунгута и Агриппина. Первая была замужем за чешским королем Оттокар II, а Агриппина, по свидетельству Длугоша, — за Пешком Черным.3

Михаил Всеволодович, узнав, что венгерский король все же выдал свою дочь Анну за его сына Ростислава, поехал в Венгрию, но там, очевидно, был не особенно ласково принят устроившим кое-как свои дела сыном и далеко не симпатизировавшим ему сватом, венгерским королем. Михаил вернулся обратно в Чернигов и в 1246 г. поехал к Бату просить себе княжение. Здесь, отказавшись поклониться татарским божествам, несмотря на просьбы князя ростовского Бориса и его бояр, он был убит вместе с боярином Федором, за что и был причислен православной церковью к лику святых. Роль палача Михаила сыграл перешедший к татарам путивлянин («северянин») Доман.4

Так рассказывает летопись о смерти Михаила, но, по-видимому, мы имеем здесь дело со сложной паутиной княжеских интриг, которая уже начала плестись в Орде. Можно полагать, что Михаил Всеволодович не все время после нашествия Бату был на черниговском столе. Мы застаем его в Киеве, затем на «острове» под Киевом. Романовичи, Даниил и Василько, обещают ему опять-таки Киев. Место из летописи, где указывается, что Михаил «возвратился Черниговоу, отоуда еха Батыеви прося

волость свое от него», надо понимать как отказ его от Киева и попытку получить из рук Бату хотя бы черниговскую «волость».

В Чернигове в это время, по свидетельству Иоанна де Плано Карпини, был другой князь, Андрей. Это указание имеется только в латинском издании записок известного путешественника, приводимом С. М. Соловьевым, где Андрей назван «сpx de Cherniglove».3 Во французском издании Андрей назван «dux de Sarvogle», что Зотов читает как «князь воргольский», считая

Sarvogle искаженным «Воргол».1 Опровергая мнение Филарета, считающего Андрея сыном Мстислава Святославича Черниговского, Зотов называет его сыном Мстислава Святославича Рыльского, убитого в 1241 г. татарами, внуком Святослава-Бориса Ольговича Рыльского, в свою очередь внука Святослава Ольговича Северского.2

Возможно, что на некоторое время Андрей Мстиславич, князь рыльский и воргольский (Рыльск и Воргол составляли одно княжение), княжил в Чернигове, пока Михаил жил на острове у Киева, а Ростислав покинул Чернигов, увлекшись своей галицкой авантюрой. Михаил первое время не препятствовал Андрею занимать стол в Чернигове, но когда Михаил отправился к Бату просить «волость» свою, то речь шла, очевидно, о Чернигове, и Андрей должен был снова удалиться.

После смерти Андрея, убитого в 1245 г. татарами, жена его и брат просят у Бату не отнимать у них княжения, на что хан согласился, но заставил деверя жениться на невестке. Вдова и брат имели в виду, по-видимому, не черниговское, а рыльское княжение.3

Необходимо отметить, что после взятия и разгрома татаро-монголами Чернигова на некоторое время устанавливается полная путаница в замещении престола. По-видимому, одно время в городах черниговского княжества и даже в самом Чернигове сидели князья и даже «владельцы», сажаемые ханом. Интересна одна грамота рязанского князя Олега Ингваревича, косвенно проливающая свет на порядки, установившиеся в Чернигове.

«Се аз, великий князь Олег Ингваревичь Рязанской — пришел есте к нам на Рязань ис Чернигова владетель Черниговской Иван Шаин, а с ним есте многие люди ево, что есте был он посажен от Батыя на Чернигов владетелем, и яз, князь великий, ведая его Ивана Шаина породы ханска и воина добра, велел есте ему отвести поле на реке Проне и до колодезе Чюрлокове со всяком угодьѣ владет. А кто станет спирать, высылать к великому князю. А ся владельница даде 6000 семьсот шестьдесят пятой год безповоротно».

В грамоте мы встречаем определенное указание на то, кому был обязан Иван Шаин тем, что он стал «владельцем» Чернигова. Таким благодетелем оказался Батый. Трудно сказать, на каких правах, как и когда «владел» Черниговым Иван Шаин, но, по-видимому, это могло произойти не ранее 1246 г. и, конечно, не позже смерти Бату, последовавшей в 1255 г.

Грамота прямо указывает, что Иван Шаин, «владелец Черниговской», был «породы ханска», т. е. знатным татаринном, родственником Бату. По-видимому, этот «владелец Черниговской» аналогичен Михею, «родом алану», начальнику какого-то селения под Каневым, о котором говорит Иоанн де Плано Карпини и которого некоторые исследователи считают татарским чиновником, баскаку, управлявшему вместе с князем Федором Киевом в 30-х годах XIV в. (о чем речь будет дальше), Ахмату, правившему и хозяйничавшему в Курской тьме, и т. д. Переход его на службу к рязанскому князю ничего особенного не представляет, так как подобного рода явления имели место и в других областях Руси (мурза Чета, родоначальник Годуновых

в Москве, белорусские татары — «липки» в Великом княжестве Литовском, Глинские, служилые Касимовские и другие царевичи и мурзы в Московской Руси и т. п.).

Грамоту Олега Ингваревича Лихачев и Карамзин считали подложной, но, как показал это вполне убедительно А. Юшков, мы имеем дело с достоверной грамотой, но испорченной и переписанной в XVI в.'

В течение 40-х — 50-х годов вся Чернигово-Северская земля и Переяславль оказались захваченными татарами, причем Переяславль, по-видимому, потерял самостоятельность и непосредственно зависел от татар; в городе стоял татарский чамбул Куремсы (Куремшы). Накануне появления в степях татаро-монголов Переяславль, по имеющимся сведениям, зависел от курских Ольговичей.² Ляскоронский считает возможным утверждать, что в Переяславле князья не сидели, и город с «землей» управлялся каким-либо наместником, быть может даже из духовенства, как это было, например, при епископе Семене, убитом при взятии города татарами.³ Вполне естественно, что в татарские времена князей мы здесь уже не встречаем, если не указывать на Ивана Дмитриевича Переяславльского, которого Зотов считает князем именно Переяславля Южного, так как «Любечский синодик» вряд ли стал бы поминать князя Переяславля Залесского, как не черниговского, да, пожалуй, еще Олега Переяславльского летописи Быхов-ца и «Хроники» Стрыйковского. Зотов, упоминая об обоих князьях, все же считает необходимым оставить открытым вопрос о принадлежности Ивана Дмитриевича и Олега к Переяславлю Южному.⁴

Переяславль превратился в форпост татарского хана в южных степях; в его оплот, откуда ханские наместники управляли южной Русью. Переяславщина из всех областей Левобережья больше всего пострадала от нашествия татаро-монголов.

К. Маркс указывает: «Монголы проникают внутрь России, опустошая все огнем и мечом... Русские бегут в болота и леса. Города и деревни были сожжены до тла».⁵ Население Переяславльской земли, страдавшее еще и раньше от непрерывных половецких набегов и то разбегавшееся по лесам и оврагам, то снова возвращавшееся на старые пепелища, а зачастую тянувшееся и далее на север, переселяясь в защищенную реками, лесами и болотами Черниговщину, и на этот раз прибегло к обычному способу спасения от врагов. Оно или разбрелось, укрываясь от татар по всем укромным, малодоступным уголкам Переяславщины с тем, чтобы со временем, быть может в меньшем числе, чем ранее, вернуться к своим разрушенным селам,

1 Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный Приказ / Сост. А. Юшков. С. 1—2; Лихачев Н. С. Разрядные дьяки XVI в. С. 357; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV, прим. 90; М а л е и н. Иоанн де Плано Карпини — «История монгалов», Вильгельм де Рубрук — «Путешествие в восточные страны», 1910, с. 45—46.

городкам, к уничтоженным пашням, садам и огородам, или потянулось по старому, проторенному пути на север, в Черниговщину и Посемье. Опустошенный край обезлюдел. К. Маркс подчеркивает, что «Они (татаро-монголы. В. М.) проходили, оставляя за собой пустыни...», и ими руководил принцип, заключавшийся в том, «чтобы обращать людей в покорные стада, а плодородные земли и населенные места в пастбища».¹

В другой работе К. Маркс замечает: «Монголы при опустошении России действовали согласно их способа производства: для скотоводства обширные незаселенные пространства являются главным условием...».²

Население Переяславльской земли, как и куряне, судя по «Слову о полку Игореве», издавна привыкло к непрерывным боям со степняками-кочевниками. Городские, а быть может, и сельские жители составляли ополчения, называемые в летописи просто «переяславцами» в отличие от княжей дружины.

Переяславльский «полк» зачастую действовал не только совместно с княжой дружиной, но иногда и помимо нее.³ Так, например, когда Глеб Юрьевич хотел взять Переяславль, он был отбит «переяславцами» и собравшимися на выручку своего города жителями окрестных городков и сел.

Боролся с половцами буквально весь переяславльский люд, что, конечно, отнюдь не препятствовало сожительству со «своими погаными» — половцами, торками и другими тюркскими племенами, оседавшими на окраинах Переяславльской земли, а также с «мирными» половцами. Да и с половцами вообще не все время велась война, и не все половцы были всегда враждебны Руси, что и приводило к ассимиляции, заимствованиям и смешениям: этническим, языковым, культурным. Половцы соседнили с русскими не только как враждебная сила, и указанное взаимопроникновение было возможно. Когда же половцы приходили на Русь как враги, переяславцы давали отпор.

Простой горожанин и сельский люд брались за оружие. Никоновская летопись говорит об одном таком герое борьбы переяславцев с половцами — Демиане Куденевиче. Но не всегда удавалось отбить половцев, и часто разорялась Переяславльская земля.

Татаро-монгольское нашествие не было обычным половецким набегом. Справиться с сильным врагом не удалось. Разорение страны, избиение и увод в плен населения были невиданными, потрясающими, но тем не менее нельзя предполагать, что татары истребили поголовно все население Переяславльской земли или увели его в плен. Естественно, что хотя и очень поредевшее, но уцелевшее после нашествия население лишь постепенно, исподволь стало возвращаться на старые места. Здесь оно и остается в течение XIV в. и позднее и в XV—XVI вв. в документах фигурирует под названием «севруков», что, несомненно, указывает на преемственную связь населения Переяславльской земли XV—XVI вв. с древнейшим ее населением — «северянами». На Суле, Пеле и Ворскле в XVI в. были расположены «северские уходы». Здесь живет земледельческо-промысловое население, потомки северян, остатки древних жителей Левобережья.¹

Отсутствие своей княжеской линии сказалось на положении самого Переяславля в татарские времена. Князей, как уже указывалось выше, по-видимому, не было, а если и были, то случайно и гораздо позднее — в XIV в. Княжение Ивана Дмитриевича и Олега Переяславльского в Переяславле Южном (Русском) еще окончательно не доказано. По-видимому, Переяславль управлялся самими татарами. Так, направляясь в 1245 г. в орду, Даниил Романович был в Переяславле встречен татарами. Ни князя, ни посадника здесь тогда не было. Позже, в XIV в., быть может, здесь и сидел «воевода» или посадник, как это было в Каневе по свидетельству Иоанна де Плано Карпини, встретившего там «воеводу» (по переводу Малеина) Михея, «родом алана». Так же, как в отдельных районах Правобережья, в Переяславльской земле татарские чиновники и военачальники управляли областью, сами собирали дань, а быть может, и заставляли население пахать на себя и сеять излюбленное татарами просо. На наличие русского, хотя бы и малочисленного, населения в Переяславльской земле указывает организация в 1261 г. объединенной Сарайской и Переяславльской епархии во главе с епископом Митрофаном, поставленным киевским митрополитом Кириллом.² Сарайская епархия обслуживала живших в столице Орды поневоле и приезжавших сюда по делам русских, а также сохранившееся древнерусское население нижнего Дона, Приазовья и Северного Кавказа.³ Эта же епархия обслуживала уцелевшее от татарского погрома русское население Переяславльской земли. Нельзя преувеличивать размеров опустошения, произведенного татарами-монголами, но нельзя и преуменьшать его и вслед за М. Грушевским утверждать о сохранении чуть ли не полностью «людности» на Украине и

говорить о положительных следствиях татарского завоевания. Подобного рода утверждения можно найти во всех работах М. Грушевского, трактующих о временах татарского ига.

Если разоренная и запустевшая Переяславльская земля под влиянием татаро-монгольского завоевания прекратила свое существование как княжество и попала в непосредственное подчинение татарам, то на севере, в Черниговщине и Посемье, в земле вятичей, политическая жизнь, шла по-старому.

Процесс феодального дробления не прекратился, а усилился. Более северный и, следовательно, удаленный от татар Брянск становится центром политической жизни. Вообще, удаленный от татар и отделенный от их ко-чевьев трудно проходимыми лесами, болотами и реками север жил более спокойно и пользовался относительной независимостью. Необходимо учесть и то обстоятельство, что на севере не было таких богатых и больших городов, как на юге и юго-востоке Левобережья и Посемья, в безлесном или почти безлесном краю, открытом для набегов и грабежей татаро-монгольских отрядов.

В годы татаро-монгольского господства процветали города и княжества, расположенные в дремучих лесах вятичской земли. На первое место выдвинулся Брянск. Раньше (с 1159 по 1167 гг.) он входил в состав Вщиж-ского княжества, а затем перешел из рода Давидовичей в руки северских князей и стал впоследствии главным городом Черниговщины. Севернее Брянска, на Верхней Оке, были расположены Новосиль, Одоев, Белев, Торуса, Карачев и другие. Эти так называемые «верхнеокские княжества» жили своей экономической и политической жизнью, совершенно независимо от всего остального Левобережья, от древней Северной земли.

Единственным указанием на старинные связи их между собой является только происхождение их княжеских линий, вышедших из рода Святослава Ярославича Черниговского. Этнически эти княжества также отличаются от населения древней Черниговщины. Вятичский север дает позднее великороссов (русских Московского и верхнеокских княжеств), черниговский юг — украинцев лесной Черниговщины с их архаичным полесско-украинским говором. В Посемье же развивается южнорусский говор с вкрапленными украинскими и еще более поздними этническими и языковыми элементами.

Колонизация XV—XVII вв. создает ряд трудностей при изучении эволюции говоров Северского края. С северо-запада сюда проникали белорус-сы, способствовавшие белоруссизации северо-западного края Северной земли. Подобное явление естественно и понятно, если принять во внимание очевидную близость архаических диалектов и говора северян в районах, соприкасавшихся с радимичами (так называемая «северско-белорусская говорка»). Далее шло такое же переселение на Левобережную Украину с Правобережной. Именно таким путем были заселены громадные запустевшие пространства Переяславщины, где остатки туземного древнего населения (уже упоминавшиеся выше «севруки») были поглощены новопришельцами, составившими позднее население современной Пол-тавщины. Наконец, Посемье подвергалось русской, московской, колонизации, наводнившей этот край пришельцами из северной Руси, среди которых растворились остатки древнего местного населения. Все специфические, особенности древних языков и говоров различных колонизационных потоков отразились в современном делении диалектов Курского края на «саянов», «цуканов», «горюнов» и т. п.

Все указанные моменты сами по себе чрезвычайно трудны для изучения, но тем не менее именно данная конкретно-историческая обстановка создала пестрое, хотя и родственное, современное население древней Северной земли. Мы не знаем, как говорили вятичи, не бывшие еще русскими, или радимичи, далекие от белоруссов, или

северяне, отнюдь не являвшиеся украинцами. Мы можем лишь предположить, что не только все они отличались своей речью друг от друга, но, по-видимому, каждое из этих племен имело свое внутреннее языковое деление на группы — остат-

373

ки еще более древних родоплеменных языковых групп, — грани между которыми хотя и стирались, но вряд ли полностью исчезли к XII—XIII вв, тем более, что начинался уже иной процесс — складывания говоров, границы которых в основном совпадают с границами княжеств, конечно, только крупных, «великих» княжеств.

Феодальная раздробленность с присущей ей экономической и политической обособленностью, выражающейся в создании государств-вотчин, в превращении княжеств в слабо связанные друг с другом замкнутые мирки-государства, создает и этнокультурную и языковую замкнутость. Быт, нравы, обычаи, культура, язык населения со своими специфическими особенностями локализуются в рамках княжеств. Складываются диалекты, говоры — продукт, с одной стороны, разобщенности населения в результате установления феодальной раздробленности, разбившей на этнические группы восточнославянские племена, объединенные ранее, хотя и примитивно Киевским государством, с другой — развития и трансформации древнего языкового начала.

Речь развивается по линии преодоления старых родоплеменных границ, но феодальная раздробленность порождает новые границы — политические, которые становятся границами и этно-культурными, а следовательно, и языковыми. Одно и то же племя с близкими между собой говорами древних групп, уходящими в яфетическое прошлое, с диффузным мышлением и диффузным языком, разбивается на несколько языковых и этнических групп, объединенных по политическому признаку. Переселение и колонизация как по инициативе самого населения, так и по инициативе князей и вотчинников привносят новые языковые элементы, частично или даже полностью растворяющиеся в местном этноsubstrate и в той или иной мере влияющие на языковые особенности туземцев. На границах — сотни смешанных, переходных говоров, роднящих друг с другом население соседних княжеств — полуфеодальных государств-вотчин, насильственно разобщенных феодалами.'

Таков тот сложный процесс, который предшествует формированию народностей, а затем и наций.

Формирование народностей в Восточной Европе по времени приблизительно совпадает с образованием на ее территории централизованных государств.

Процесс же формирования наций здесь, в отличие от Западной Европы, завершается значительно позднее возникновения централизованного государства.

История Восточной Европы имеет одну особенность: возникновение централизованных государств на ее территории предшествует формированию капитализма; в процессе развития и становления которого складываются нации.

Товарищ Сталин, говоря о ликвидации феодализма и победе капитализма на Западе, где этот процесс (являющийся одновременно процессом складывания наций) совпал с периодом складывания централизованных

'филин Ф. Диалектологический атлас русского языка // Фронт науки и техники. 1936. № 12.

374 государств, отмечает, что «на востоке Европы, наоборот, процесс образования национальностей и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования

централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство».¹

Конец XII—XIII и начало XIV в. был периодом складывания лишь тех многочисленных этно-культурных и языковых группировок (диалектов), которые были порождены строем феодальной раздробленности. Народности же складываются в более поздний период, в XIV, XV и XVI вв. В этот именно период в составе Литовского государства сложилась белорусская народность, в составе Польского, Литовского и части Московского — украинская, испытывавшая угнетение главным образом со стороны польских феодалов, в составе Московского — русская. Подчинение Москвой соседних с ней княжеств с русским населением, несколько отличавшимся от населения собственно Московского княжества, имело своим последствием создание отдельных говоров и диалектов среди единого русского народа. Границы между всеми этими тремя родственными, близкими народностями стирались рядом переходных говоров. Чем теснее были связи русских с украинцами и белоруссами, тем труднее было польско-литовским панам сохранять политические границы, препятствовавшие угнетаемым ими украинскому и белорусскому народам соединиться с родственным им и сильным русским народом.

Рассматриваемый нами период еще далек от формирования народностей. Народности — результат исторического процесса развития общества в последующие столетия. Но тем не менее уже в конце XIII в. можно наблюдать процесс зарождения тех этнических и языковых групп, которые в дальнейшем, в сочетании с моментами экономического и политического характера, дадут в своем развитии народности. Поэтому мы в дальнейшем своем исследовании опускаем верхнеокские княжества. Эти княжества обособились от всего остального Северского Левобережья и Посемья и жили своей особенной политической и экономической жизнью. Верхнеокское население тянуло на север, к Москве, с которой оно впоследствии и оказалось тесно связанным. Этого нельзя сказать о Посемье и Брянске, еще долгое время связанных со всем остальным Левобережьем, а особенно с Черниговщиной. Поэтому в дальнейших частях нашей работы мы не можем игнорировать ни тот, ни другой районы.

Вятичский Брянск и северянское Посемье не создали в дальнейшем украинское население (хотя южнее, в землях вятичей, например у Севска, мы

Сталин И. В. Очередные задачи партии в национальном вопросе. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат. 1935. С. 73.

375

встречаем позднее украинцев и не только в качестве позднейших колонистов, а на западе то же самое явление наблюдалось по отношению к радимичской окраине), но мы не по этому принципу строим свое исследование и останавливаемся на Брянске и Посемье не потому, что они были «украинскими», ибо «украинской» в собственном смысле этого слова в то время не была и сама Украина, а в силу длительных, не прекращавшихся в течение столетий связей со всей остальной Северской Черниговщиной.

Как было уже сказано выше, за исключением Переяславльской «Украины» (в значительной мере лишившейся своего населения, хотя и не запустевшей окончательно), на всей остальной территории Северской земли сохранялся старый политический строй — феодальная раздробленность, а следовательно, и княжества. Сохранялась и своя княжеская линия. Всюду сидели князья — Ольговичи, сыновья Михаила Всеволодовича Черниговского. Только старший, Ростислав, порвал связи с

«отчиной»), став баном (князем) Мачвы (на р. Саве), Родны (в Карпатах), а затем Босны. Роман Михайлович, сильный и энергичный князь, которого побаивалась Литва и уважали татары, оставаясь «великим князем» черниговским, владел Брянском, а по предположению Зотова — и Новгород-Северском. Семен Михайлович княжил в Глухове и Новосилье, из которого впоследствии выделились Белевское, Одоевское и Воротынское княжества. Мстислав Михайлович сидел в Карачеве. Из Карачевского княжества выделились Волховский, Звенигородский, Перемышльский, Козельский и Мосальский уделы. Юрий Михайлович владел Торусским княжеством, впоследствии также распавшимся на ряд уделов: Мезецкий, или Мещовский, Мышаг-ский, или Мышецкий, Волконский, Барятинский, Оболенский, Канинский, Спашский. Кроме того, уделами были: Новгород-Северск, Курск, Рыльск и Воргол, Путивль, Трубчевск, или Трубецк, и, наконец, еще более мелкие княжества, далеко не все нам известные, из которых по «Родословной книге» и «Любечскому синодику» мы знаем: Сновск, Хоробор, Стародуб, Мену, Устье, Глухов, Липецк.¹

Связной истории северских княжеств за время татаро-монгольского завоевания мы дать не можем из-за отсутствия черниговской летописи. В Никоновской, Лаврентьевской и Ипатьевской летописях все внимание уделено либо суздальскому северо-востоку, либо галицкому юго-западу, а события из истории Черниговщины упоминаются лишь изредка: Тем не менее, пользуясь «Любечским синодиком» и обрывками летописных известий, мы все же постараемся восполнить указанные пробелы. Исключительно ценным в этом отношении является опубликованный в упомянутой работе Зотова «Любечский синодик», на который неоднократно нам придется ссылаться при дальнейшем изложении.

Обратимся к истории самого Чернигова. После Михаила Всеволодовича князем черниговским был Всеволод (Лаврентий) Ярополкович, сын Ярополка Ярославича, княживший в Чернигове до Романа Михайловича Старого, примерно с 1246—1247 по 1263 г.¹ В его княжение татары впервые в 1257 г. переписали подвластную им русскую землю — ■ «взяли число», освободив от уплаты дани только духовенство.² При нем же произошло первое нападение Литвы на Черниговскую землю в 1258 г.

Литва, начавшая создавать при Миндовге свое варварское феодализирующееся государство, начала время войн, походов и завоеваний, некогда (в IX—X вв.) пережитое «империей Рюриковичей». Захват Черной Руси, борьба за Пинские земли, нападение на Черниговскую землю в 1258 г. — все это были первые страницы в истории завоеваний молодого складывающегося Литовского государства, возникавшего и усиливавшегося в борьбе против ливонских рыцарей, которым Миндовг в союзе с русскими и курами нанес решительный удар.

В борьбе против меченосцев Литва Миндовга, «отрекшегося от христианской язвы» (К. Маркс), заключила союз с русским населением северо-запада Восточной Европы и, естественно, как и всякое молодое варварское государство, расширяла свои границы, не особенно считаясь с соседями. В скором времени Литва превращается в грозную и агрессивную силу, захватывающую одну за другой русские области.

Под удар Литвы попала и Черниговщина, которой «великое оубийство творяще»... «людие Миндогови и воевода их Хвал».³

У Всеволода Ярополковича был сын Андрей, женатый на Ольге, дочери Василько Романовича Волынского, и внук, Федор Андреевич. Андрей Всеволодович черниговский престол не занимал, но жил вместе с сыном Федором при дворе отца в Чернигове.⁴ Преемником Всеволода был Роман Михайлович Старый, при котором политический центр Черниговщины был перенесен в Брянск.

Возвышение Брянска было обусловлено ослаблением Чернигова и Черниговщины в целом, не успевших оправиться от погрома 40-х годов XIII столетия. По-видимому,

часть населения отхлынула на север, заглох и сам разоренный Чернигов. Вполне естественно стремление князей обосноваться в мало пострадавшем от татаро-монгольского нашествия Брянске. Сюда устремлялись беглецы из пристепного Посемья и южной Черниговщины, из опустошенной Переяславщины, что, конечно, как мы уже показали выше, отнюдь не означало полного «запустения» и обезлюдения этого края.

1 Родословная Всеволода Ярополковича:

Всеволод Ольгович

Ярослав Всеволодович

Ярополк Ярославич

Всеволод Ярополкович Датировка его княжения не совсем точная, ибо, как было уже отмечено выше, указания Иоанна де Плано Карпини, «Любечского синодика» и грамоты Олега Ингваревича заставляют предполагать, что между Михаилом Всеволодовичем и Всеволодом Ярополковичем на черниговском престоле сидели, по видимому, и другие князья и «владетели».

Здесь они обосновывались, вырубая и выжигая брянские чащи и запахивая новые участки земли. Сюда же съезжалось боярство.¹

Некоторую роль сыграло и возвышение Смоленска, крупного торгового и политического центра, географически близкого к Брянску и давно к нему тяготевшего. К концу XIII в. относится расширение торговли, шедшей через Смоленск, причем связи Смоленска с югом осуществлялись купцами, торговавшими через Брянск.²

Брянск давал доход, давал дружину, все гуще и гуще заселялась его лесистая периферия, и князь Роман Михайлович Старый, оставаясь черниговским «великим князем», перенес сюда свою резиденцию. И недаром, если «Любечский синодик» называет его князем черниговским, то летопись — князем брянским. De jure Роман оставался черниговским князем, но de facto — брянским.

Роман, один из наиболее деятельных и энергичных князей, правильно оценил растущее значение Брянска (подобного рода факты нам известны и из истории северовосточной Руси). Княжил Роман, начиная с 1263 г., и умер вскоре после 1288 г. Год его смерти точно не известен. Впервые его имя мы встречаем в летописи под 1263 г., когда на него пошел войной Миндовг литовский, пославший «всю свою силу за Днепр на Романа на Брянского князя». ³ Это был второй налет на Северскую землю. Поход не удался, так как развернулась усобица в самой Литве, и Миндовг был убит Довмонтом.

В 1264 г. Роман Михайлович выдал одну из своих четырех дочерей, Ольгу, свою любимицу, за Владимира Васильковича, внука Романа Галицкого. Во время сватовства (или свадьбы) подошла литовская рать. Литовцев разбили, но в бою князь Роман был ранен.

Во Владимир-Волынский сопровождать свою дочь Роман послал одного из двух своих сыновей — Михаила Романовича, родоначальника князей Осовецких, а с ним «бояр много». ⁴

Позже Роману пришлось принимать участие в ряде походов, предпринимаемых татарами, так как русские князья, помимо уплаты дани, должны были помогать татарам в их войнах. Роман Михайлович, князь брянский и «великий князь» черниговский, был нужен татарам. Он ходил во главе больших и сильных дружин, сам отличался храбростью и энергией, и немудрено, что татары с ним считались и относились с большим уважением, видя в нем сильного помощника. Татары, собираясь на Литву, «велми жа-дахоуть Романа абы притягл», как это было в 1274 г., когда Роман вместе с другими князьями и татарскими чамбулами был послан Менгу-Темиром в помощь Льву Галицкому, воевавшему с Литвой. ⁵ По свидетельству Карамзина, на обратном пути татары погромили курские волости. ⁶ По мнению

Зотова, Роман участвовал в других походах татар, предпринимаемых ими вместе с вассальными русскими князьями. В 1277 г. татары и русские князья ходили на Кавказ, в Дагестан, где взят был город Дедяков, или Дедук, в 1279 г. — на Литву, а в 1283 г. хан Тулабуга воевал «Ляшскую землю».¹ В 1286 г. Роман напал на Смоленск, «пожег» посад, осадил город, «повоевал» волости и села, но отступил, будучи не в состоянии овладеть Смоленском.² Умер Роман вскоре же после 1288 г., хотя точно определить год его смерти трудно. Роман Михайлович ездил в Орду, но сообщение «Синодальной родословной» о смерти его в Орде не подтверждается «Любечским синодиком».³ Роман, по-видимому, был женат два раза. «Любечский синодик» упоминает о жене его Анне, а надпись на образе в Свенском Успенском монастыре, по преданию основанном Романом, говорит об его жене Анастасии.⁴

В 1275 г. при Романе, «великом князе» черниговском и брянском, татары проводят вторичную перепись населения Руси, облагая данью все население, за исключением духовенства.⁵ Часть земель в Посемье, княжества Рыльское и Воргольское, в 1278 г. была передана в непосредственное подчинение темнику Ногаю, фактически полновластному хозяину Золотой Орды. Татары начали не только управлять из далекого Сарая, совершая время от времени походы, принимая налеты и собирая дань, но и хозяйничать в Посемье. Подробнее об этом ниже.

Следующим князем из линии черниговских Ольговичей был Олег-Леонтий Романович, сын Романа Михайловича. Олег Романович, как и отец, был «Великим князем Черниговском» (по «Любечскому синодику») и князем брянским (по летописи). Вступил он на престол, доставшийся ему по наследству от отца, раньше своего дяди, Михаила Дмитриевича, но затем отошел от управления княжеством. Он постригся в монахи, приняв имя Василия, и был похоронен в основанном им Петропавловском монастыре в Брянске. «Синодик» сообщает о нем любопытную подробность, а именно, что Олег оставил «дванадесят тем людей», что М. С. Грушевский и Р. В. Зотов считают указанием на количество населения в Чернигово-Брянском княжестве.⁶

Преемником Олега был Михаил Дмитриевич, сын Дмитрия Мстиславича Черниговского, погибшего в сражении на Калке. После его смерти, в начале XIV в., Брянск переходит к роду смоленских князей. В 1309 г. в Брянске сидел Василий Александрович, потомок князя Давида Смоленского, но он в том же году был изгнан своим дядей, смоленским князем Святославом Глебовичем. Василий отправился в Орду жаловаться на своего дядю и в 1310 г. возвратился обратно с татарами.

В это время в Брянск приехал митрополит Петр. Он пытался примирить Святослава Глебовича с Василием, предлагая первому или уступить захва

¹ З о т о в Р. В. Ук. соч. С. 197.

ченное им княжество, или поделиться им. Святослав ответил Петру: «Брянцы мя, господине, не пустят, но хотят за мене головы своя положить». Надеясь на поддержку сильного брянского веча, Святослав просчитался.

Нам не известны причины, побудившие брянцев действовать так, но брянцы оказались «крамольници суще» и во время боя бросили знамена и покинули поле битвы, укрывшись за городскими стенами. Летопись указывает, что «бысть мятеж великий во граде в Брянске», когда к нему подошли татары, но чем был вызван мятеж — неизвестно. Если это было выступление против Святослава, тогда чем объяснить его уверенность в том, что брянцы его поддержат? Считать измену брянцев просто результатом испуга, когда «помрачиша стрелы татарские воздух», тоже нельзя, так как летопись называет их прямо «крамольниками», которые «выдаша князя Святослава Глебовича». По-видимому, брянцы вообще не собирались поддерживать князя-захватчика, а когда подошел «свой» (брянский) князь Василий, они при первом удобном же случае проявили свое недовольство уходом с поля сражения.

Святослав со «своим двором» — вооруженной дворовой челядью, слугами и дружинниками — сражался с татарами Василия, но был убит.¹ В Брянске снова стал княжить Василий. В том же 1310 г. он вместе с татарами предпринимает поход на Карачев и убивает караческого князя Святослава Мстиславича.² Со времени княжения Василия (1309) Брянск надолго (почти до 1356 г.) переходит к линии смоленских князей, начинавших расширять свои владения за счет черниговских земель.

После Михаила Дмитриевича, скончавшегося в начале XIV в., следующим князем черниговским был Михаил Александрович, сын Александра Рюриковича,³ а последним князем черниговским — его сын Роман Михайлович Младший, владевший и Брянском от 1356 до 1368 г. При нем Чернигов захватывается Литвой.

В Брянске до 1356 г. во всяком случае продолжает княжить смоленская линия. Так, в 1334 г. упоминается Дмитрий Брянский, на дочери которого женился в 1341 г. Иван Иванович Красный, сын Ивана Калиты.⁴ В 1340 г. в Брянске княжил Глеб Святославич, сын убитого в 1310 г. Святослава Глебовича. Против него поднялось восстание: «...крамольницы сшедьшеса вечем брянцы убища своего князя Глеба Святославовича».⁵

По поводу этого восстания П. В. Голубовский замечает: «Едва ли спор был за прерогативы власти, нарушенные с той или с другой стороны. Удельные князья не имели в то время силы бороться с вечем, а напротив, искали в нем поддержки, как это мы видели в деле Василия и Святослава в 1310 г. Скорее можно предположить, что борьба происходила из-за стремления Брянска стать под покровительство Литвы».⁶ Мы можем констатировать вслед за Голубовским силу брянского веча. Вече проявляет себя в восстаниях 1310, 1340 и 1356 гг., причем последнее, по летописи, непосредственно предшествует захвату Брянска великим князем литовским Ольгердом Гедиминовичем.

Возможно, что княжие усобицы и татарское иго заставили горожан-брянцев, организованных в сильное вече, тяготеть к «не рушившей старины» и «не вводящей новины» Литве. За это, казалось бы, говорит и то обстоятельство, что позднее, когда Литва захватывает Брянск силой, князь в борьбе с ней опирается на Золотую Орду. Хотя не исключена возможность и других причин восстания, но если учесть явную антипатию «брянцев» к Святославу Глебовичу и его сыну Глебу, тяготевшим к Орде, и такие же симпатии к Орде, ненавистной на Руси, последнего князя брянского Василия, — нам станет очевидной убедительность высказанного выше предположения. Около 1356—1357 г. Василий вернулся «из Орды от царя с пожалованием» и скоро «преставился».

В Брянске поднялся «мятеж» от лихих людей» и, воспользовавшись им, Ольгерд занял город.¹

В 1352 г. чума — «черная смерть», «мор» — охватила Смоленскую, Брянскую, Черниговскую и Суздальскую земли. Это было первое посещение чумой Восточной Европы. В некоторых местах древней Руси вымерло чуть ли не все население. Так, например, по летописи в Глухове на юге и в Белозерье на севере не осталось ни одного человека.² Золотая Орда, раздираемая усобицами после смерти Джанибека, не могла дать отпора Литве. Ольгерд завоевывает Брянскую и Смоленскую земли. Сын смоленского князя Василия был взят в плен литовцами. Итак, ко второй половине XIV в. Брянском овладела Литва, и, по-видимому, уже из рук Литвы получает его Роман Михайлович Младший.

В летописи под 1359 г. имеется любопытное указание, на которое обратил внимание еще Р. В. Зотов.

«Того же лета поидоша во Орду к новому царю Наурусу вси князи Русский и биша челом царю о разделении княжений их; и тако смири их, и раздел положи

княжением их, и знати им комуждо свое княжение и не пре-ступати. И тако раздели когождо вотчину его, и отпусти их с миром и с честью».3 Не свидетельствует ли это место летописи о стремлении со стороны отдельных князьков, не имевших сил и средств бороться с могучими великими князьями, прекратить их объединительные стремления? Золотоордынский хан не вмешивался во внутреннюю политическую борьбу князей, если она не угрожала его владычеству и его доходам, но ему не было выгодно усиление одних из них за счет других.

Остановимся на других княжествах во времена татаро-монгольского владычества.

В Новгород-Северском княжестве с конца XII в. сидит линия Мстислава-Федора или Константина Давидовичей, сыновей Давида Ольговича, внука Олега Святославича — князь-монах Димитрий и другие князья, нам неизвестные, так как имена их сохранил лишь неопубликованный «Север-ский синодик», хранившийся в рукописи в Новгород-Северском Спасо-Преображенском монастыре. Вывести линию новгород-северских князей в татарские времена за отсутствием у нас «Северского синодика» нет никакой возможности, и только с момента перехода к Литве нам становятся известны имена этих князей уже литовского происхождения. Но, по-видимому, отсутствие упоминаний о них еще не означает прекращения самой их линии. Впредь до обнаружения и опубликования «Северского синодика» вопрос этот остается открытым. Летопись его не разрешает, а упоминаемые в Ипатьевской летописи северские Игоревичи попали в нее только потому, что вся их политическая деятельность разворачивается на территории Галицко-Волынского княжества или смежных с ним земель.

Курск был опустошен татарами в 1237 г. или вскоре же после 1237 г. Княжеская линия здесь, по-видимому, прекратилась или, во всяком случае, прервалась на некоторое время. Упоминаются курские князья Георгий (отец) и Георгий Георгиевич (сын), по мнению Зотова, из рода курских Ольговичей, и Димитрий Курский, по-видимому, владевшие Курском со времен татарского завоевания и до 1278 г., когда Курск был razoren и окончательно покорен Ногаем. После этого Курское княжество прекратило свое существование. В 1283—1285 гг. в Курске сидел баскак Ахмат, и Курск еще существовал как город. После 1285 г. сведений о Курске нет. Город был восстановлен лишь в XVI в.

В татарские времена «сему граду Курску пленену и до основания разо-рену сушу бывша и оттоле многие годы пребывая пустея и от многих лет запустения положение того града Курска и уезд велиим древесом пороста-ша и многим зверем обиталище быша. И от отстоящих близь того положения града Курска из градов из Рыльска и иных, в тех местах где же бе положение и уезд творяху людие хождение прибытка ради своего зверей и меда».1 По-видимому, и здесь, как и на юге, в Переяславльской земле, население поредело, запустели пашни, зато большую роль стали играть промысла и всякого рода «ухожаи».

Из истории Посемья в татарские времена нам известен только один факт, связанный с именем баскака Ахмата. Хан Золотой Орды Тулабуга отдал дань с Курского княжения на откуп баскаку Ахмату, что тогда вообще практиковалось. По мнению А. Ю. Якубовского, баскаки в покоренных странах часто набирались из купцов-откупщиков дани.2 Система сбора дани, практиковавшаяся в XIII в., приводила к тому, что баскаки грабили население, стараясь выкачать из него все, что возможно. Разорение и обнищание сопровождали хозяйничанье баскака. В 1283 г. баскак Ахмат, сын Темира, получивший на откуп Курское княжение, «тягость творяще князем и черным людем».

В княжествах Олега Рыльского и Воргольского и Святослава Липецкого Ахмат основал две слободы. В эти слободы стекалось окрестное население, привлеченное,

очевидно, теми льготами, какие давал Ахмат новопоселенцам. Слободы росли быстро: «Умножишася людие... быша те велики слободы яко же грады великиа», развивались «торги и мастера всякия». Жителям Курского княжения, где грабил Ахмат, естественно, оставалось либо покоряться своей судьбе и нищенствовать, либо скрываться, либо идти в слободы Ахмата. Слобожане целиком зависели от баскака, самовластно распоряжавшегося ими. Летопись указывает «бысть им (слобожанам. В. М.) от него вся». Не без участия Ахмата, с его, по-видимому, разрешения, а быть может, и для него, исполняя его волю, «исхожаху чловецы ис тех слобод, и насилие и обиду творяху многу в Курском княжении, и около Горгола (Воргола. В. М.) и около Рыльска и около Липетска все пусто створиша». Очевидно, среди слобожан было немало вооруженных слуг Ахмата типа княжеских тиунов — «рядовичей», грабивших по указке баскака и в его пользу окрестных жителей.

От слуг Ахмата пострадали жители княжества Рыльского, Воргольского и Липецкого и сами князья. Тогда Олег и Святослав решили жаловаться на Ахмата Тулабуге. Поехал к Тулабуге один Олег, убедивший хана в своей правоте. Тулабуга дал ему приставов и разрешил слободы разгромить, а население вывести. Святослав же, не дождавшись возвращения Олега из Орды, напал на слободы Ахмата «и много пограбив, возвратился». Затем он отправился вслед за Олегом в Орду жаловаться на Ахмата. Вернувшись, Олег и Святослав еще раз напали на слободы, пограбили и пленили многих слобожан, «а свои люди выведеша в свои вотчины».

Ахмат в то время был у Ногай — независимого от Золотой Орды главы причерноморских татар и соперника Тулабуги. Ногай выслушал Ахмата, убедившего его в злых помыслах Олега и Святослава, которые «царю супротивни и ратни суть». Ахмат предложил Ногаю проверить его слова. Ногай послал к Олегу сокольников на лебединые ловы и пригласил его к себе. Расчет был прост. Если Олег, чувствуя свою вину, откажется, явиться к Ногаю, следовательно подозрения были основательны. Сокольники Ногай, ловя лебедей во владениях Олега, не забывали цели своей поездки и пригласили его к Ногаю. Олег отказался приехать. Он действовал по распоряжению Тулабуги, громили слободы его люди, но не он сам; поступок Святослава, напавшего ночью на слободы Ахмата без разрешения хана, Олег осуждал, и по этому поводу между ними была даже «брань велика» — так он оправдывался перед самим собой, но вряд ли с его доводами согласился бы Ногай. Вызов к нему ничего хорошего для Олега не сулил. Сокольники рассказали Ногаю об отказе Олега и при этом согласились с доводами Ахмата. В ответ Ногай послал на Олега свою рать во главе с Темиром и предложил Ахмату идти с ними, захватить самого Олега и его бояр.

В холодную зиму 1284 г., 13 января, татары подошли к Ворголу. Олег с женой и детьми заблаговременно бежал к Тулабуге, а Святослав — в Воронежские леса. Татары не смогли догнать князей, но зато они захватили

Никоновская летопись указывает, что Святослав Липецкий бежал в Воронежские леса — «в Резань». Но, очевидно, здесь ошибка. Летописцу известен был в XVI в. только один Воронеж — на Дону, у Рязани. Тогда как «Воронежские леса», где скрывался Святослав в 1284 г., расположены где-то недалеко от Рыльска. В современном селе Воронеж Глуховского района, Сумской области УССР скорее всего следует усматривать тот «Воронеж», по

383

рыльских бояр, бежавших вслед за князем к Тулабуге, и в том числе 13 «старейших бояр». Татары заняли всю территорию княжеств Рыльского, Воргольского и Липецкого, набрали множество пленных, скота и всякого имущества и все это свезли в Ахматовы слободы. Интересно указание летописи, что пленные бояре были закованы в «железах немецких по два». Откуда эти «железа немецкие»?

Когда татары кончили погром княжеств Олега и Святослава, к военачальникам их были приведены «гости нарочитые», «немецкие» и «царе-градские», так же «покованные в железа немецкие», как и бояре. Военачальники, узнав, что это — «гости», приказали немедленно их расковать, разыскать все их имущество и товары, отобранные при набеге, и ничем им не вредить. Отпуская купцов им советовали запомнить все, что они видели, и всем говорить, что ждет всех, не подчиняющихся баскаку. Воскресенская летопись говорит не о купцах, а о каких-то «переходниках», собиравших милостыню и которым-якобы татары предложили славословить свою силу. Купцы эти были скорее всего из Крыма, где русские купцы жили в генуэзских колониях рядом с «латинами» («франкскими» купцами), «фряжами», которых в общем именовали «немцами», и греками.¹

Наличие в Курском княжении купцов свидетельствует о непрекращавшейся торговле. Очевидно, было с кем торговать и было чем торговать. Татары не препятствовали этой торговле, как это видно из их поступка по отношению к захваченным «гостям». Торговые связи не прекращались, несмотря на всю тяжесть татарского владычества. В данном случае татары использовали гостей для пропаганды своего могущества. Но не только поэтому пощадили они купцов. От торговли выигрывали и татарские власти, собиравшие с купцов особые налоги.

Отпустив иноземных купцов, торговавших в Курском княжении и пострадавших от борьбы князей с татарами, Темир отдал пленных бояр Ах-мату, а сам вернулся с «полоном и богатством» к Ногаю. Ахмат, перебив бояр, ушел вслед за ним, опасаясь мести со стороны Олега и Святослава. В слободах своих он оставил татарские чамбулы и своих двух братьев, поручив последним управление слободами и их охрану, а население Курского княжения обложил ясаком и заставил платить дани и пошлыны. Весной снова вспыхнула борьба. Узнав, что братья Ахмата едут из одной слободы в другую в сопровождении татар и 35 русских воинов, служивших у них, Святослав Липецкий, «сдумав» со своими боярами и дружиной и не посо-

имени которого получили свое название укрывшие Святослава леса. Воргол — ныне городище и село на реке Клевени того же Глуховского района — также отстоит недалеко от Рыльска. Все эти пункты расположены в 50—60 километрах от Рыльска. Липецк также, по-видимому, находился в пределах Курского княжества (Самоквасов Д. Я. Северская земля и северяне по городищам и могилам, стр. 40—41; Голубовский П. В. Где находились существовавшие в домонгольский период города Воргол, Глебль, Зартый, Оргощ, Сновск, Уненеж, Хоробор // Журнал М-ва нар. проев. 1903. Май. С. 111—112; Б у н и н . Где находились города Липецк и Воргол, а также и другие места, упоминаемые в летописях под 1283—1284 гг. // Труды XI Археол. съезда. Т. II).

'Ковалевский М. «Юридический быт генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в.»; Сборник статей по истории русского права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. С. 199, 222 и др.; Сыроечковский В. «Гости — сурожане». С. 15—16 и др.

384

ветовавшись с Олегом, ударил на них. Полегло 25 русских и два татарина, но братья Ахмата бежали в слободу и подняли слобожан. Между ними и Святославом произошла битва — «мнози от обоих избиени быша». Летописец осуждает поведение Святослава, который не «сотвори совета» с Олегом, не послушался его, даже не считал ошибкой свой несвоевременный налет. Святослав чувствовал себя героем, победителем, мнил себя непобедимым. Его излишняя горячность и стремление к самостоятельности были чреваты большими последствиями.

Братья Ахмата бежали к Курску, а вслед за ними направились к Курску и слобожане. Очевидно, город Курск был достаточно хорошо укреплен, а неукрепленные

слободы Ахмата, несмотря на свою величину («якоже грады великие»), ни в какое сравнение с Курском не шли, а между тем с минуты на минуту можно было ожидать нового налета Святослава. Ахмат прислал к нему посла, предлагая смириться, но Святослав убил гонца.

В это время возвратился от Тулабуги Олег. Он прочел Святославу настоящее нравоучение, упрекал его в том, что он запятнал их имена, что разбой есть разбой и одинаково расценивается христианами на Руси и мусульманами в Орде. Олег указал при этом, что татары отомстят за все, и советовал Святославу явиться в Орду с повинной. Этот своеобразный предшественник Калиты получил должную отповедь от Святослава. Святослав предложил Олегу не вмешиваться не в свое дело и указывал, что, громя баскаковы слободы, он «не человека есми обидел, но зверя», что он и впредь будет бороться с «погаными кровопивцами». Олег убеждал Святослава действовать с ним сообща, упрекал его за то, что он не хочет с ним советоваться и руководится исключительно собственной волей и советами своих бояр и дружины, что своими «разбойными» действиями он навлек гнев татар, тогда как им следовало бы обоим идти к Тулабуге, и тот, несомненно, принял бы в споре с Ахматом их сторону, а вот теперь, не желая идти «смиряться» ни к Тулабуге, ни к Ногаю, он вызовет «справедливый» гнев татар.

Видя, что на Святослава слова не действуют, Олег отправился к Тулабуге с жалобой уже на Святослава. Хан разрешил ему расправиться со Святославом и дал татарский отряд. Святослав был убит. Ему наследовал брат Александр, который решил бить Олега его же оружием. Александр поехал к Тулабуге с богатыми дарами и добился у него разрешения расправиться с Олегом. Хану было решительно все равно, с кем иметь дело, лишь бы были богатые дары, и он дал Александру отряд татар для борьбы с Олегом Рыльским. Александр действовал энергично, он убил не только Олега, но и его сыновей — Давида и Семена.¹

События 1283—1284 гг. в Курском княжении проливают свет на формы татарского владычества, на положение населения в татарские времена и на политику князей по отношению к завоевателям. Никоновская летопись дает наиболее яркую картину в эпизоде борьбы с баскаком Ахматом. Вооб-

13 В. В. Мавродин

385

ще— это единственный исторический факт времен владычества татаро-монголов на территории Северной земли, более или менее детально описанный летописью, и понятно, почему мы остановились на нем так подробно. Грабеж, самоуправство, жестокая расправа за всякую попытку протеста и обнищание населения, как следствие подобного положения дел, — характерны для хозяйничанья баскаков. Баскаки создают себе опорные пункты в виде слобод, вербуют население, селят купцов, ремесленников, создают отряды телохранителей, которые являются одновременно и управителями, и грабителями в «вотчине» баскака. Такие «слободы» — новое бедствие для народа. Слободжане — опора баскака, его воины, слуги, помогающие ему грабить окрестное население.

Однако жизнь не замирает. Население даже торгует, поддерживая старые связи с Византией и Западной Европой. Угнетение и грабеж населения вызывают рост недовольства. Жители Посемья разбегаются по лесам, прячутся в чащах, оврагах, скрываются, выходя лишь на «ухожай».

Хозяйничанье баскака задевает и интересы князей, но каждый из них по-своему пытается бороться с этим злом. Олег идет по пути низкопоклонства, не надеясь на свои силы. Он требует единения князей, старается угоднической политикой снискать себе симпатии в Орде, требует повиновения хану и ждет от него милостей, задаривая его и

клянясь в верности. Другой тип князя — Святослав. Он идет открыто против татар. Не останавливаясь перед внезапными нападениями и налетами, он переоценивает свои силы. Первый незначительный успех вскружил его слабую голову — он готов один драться со всей «татарской силой». Находя в своей борьбе против «поганых кровопивцев» отклик среди народных масс, бояр и дружинников, он в то же время не может остаться победителем. Нет еще всенародного движения против татар. Выступление Святослава изолировано.

Страх, что поступки Святослава вызовут карательную экспедицию татар, заставляет Олега, не ожидая татар, самому начать борьбу с «разбойным» князем. Хан вмешивается в усобицу и помогает и той и другой стороне. Его отношения к князьям определяются размерами их подношений. Княжая усобица ему даже выгодна. Действия Олега — проявление политики нерешительного, осторожного князя, страшно боящегося татар.

Разумная в конечном итоге, но не всеми разделяемая и одобряемая политика Святослава иная — она отражает стихийное недовольство татарами. Святослав громит татар, не забывая и своих личных выгод. Он борется с татарами, не учитывая неблагоприятного для него соотношения сил, и, естественно, обречен на поражение. Золотая Орда еще сильна, и пройдут столетия, прежде чем будет окончательно ликвидировано татарское иго. Нужна еще целая полоса антитатарских народных движений, нужно, чтобы сложилось русское национальное государство, — и только тогда станет возможным свержение ига. А пока всякие попытки стихийного протеста против завоевателей обречены на неудачу. Выступление Святослава, несомненно находившее сочувственный отклик в народных массах, тоже оказалось безрезультатным. Подобные разрозненные выступления легко подавлялись или самими татарами, или же соседними князьями (вроде Олега Рыльского), желавшими показать свою верность хану.

386

На этом прерываются известия о Рыльске, Ворголе и Липецке. Рыльск снова упоминается в древнейших документах лишь в литовские времена, а Воргол и Липецк совсем сходят с исторической сцены. Есть одно сообщение о рыльском князе Василии Шемяке, княжившем в Рыльске в 1295 г. Но достоверность этого известия и самого источника (речь идет о «Сказании о чуде знамения божьей матери, иконе называемой курскою») сомнительна, а Василий Шемяка XIII в., по-видимому, тождественен с Василием Шемякой XVI в., и позднейший документ перенес некоторые события княжения последнего в XIII в.¹

Перейдем к другим княжествам Левобережья.

Глуховским уделом владели потомки Михаила Всеволодовича Черниговского, родоначальника князей Новосильских, Одоевских, Оболенских, Белевских, Воротынских и других княжеских родов верхнеокских земель. Из глуховских князей мы знаем Семена Михайловича, сына Михаила Всеволодовича, Михаила Семеновича и Семена Михайловича второго, правнука Михаила Черниговского. Глуховские князья были одновременно и князьями новосильскими.

Стремление князей перебраться на север, в вятичские леса, не подвергавшиеся разгрому со стороны татаро-монголов, вполне понятно. Тяготение князей северских к северу, к вятичской земле, где лишь начинался захват земель смердов и где создавались исключительно благоприятные условия для развития феодального землевладения, можно отметить еще и в XII в. Неслучайно в верхнеокских княжествах можно констатировать исключительный расцвет феодальной раздробленности и укрепление государств-вотчин, типичных феодальных полугосударств. Р. В. Зотов отмечает окончательное запустение Глухова в середине XIV столетия, что вполне

правдоподобно связывается им с эпидемией чумы 1352 г., когда по летописи «в Глухове... ни один человек не остана, вси изомроша».2 В этом году Семен Михайлович Глуховский переселяется в Новосиль и в 1353 г. в духовной грамоте Семена Гордого упоминается как князь ново-сильский.3

В Трубчевске сидели потомки Буй-тур Всеволода, сына Святослава Ольговича. Сын Всеволода, Святослав, сидел в 1232 г. на новгородском столе. Говоря о поколении Буй-тур Всеволода, Р. В. Зотов упоминает Андрея Святославича и Михаила Андреевича, хотя выводимая им генеалогия сомнительна.4 В конце XIV в. Трубчевск входит в состав Литвы.

Отдельными уделами, кроме того, были: Карачев, где сидели потомки Мстислава Михайловича, сына Михаила Всеволодовича Черниговского, один из которых, Святослав Мстиславич, княживший в начале XIV в., нами уже упоминался; Торусса, небольшое верхнеокское княжество, доставшееся роду Юрия Михайловича и распавшееся позднее на уделы Мезецкий, или Мещовский, Оболенский, Барятинский, Мышецкий, Волконский, Ка-нинский, Спашский, и на юге: Устье у Сосницы, где княжил Всеволод,

Сновск, где сидел князь Иоанн, а, может быть, и упоминаемые позже, в литовские времена, Мена и Хоробор.1

Одним из крупнейших княжеств на юге Северной земли было Путивльское, доставшееся потомству Игоря Святославича. Путивльским Ольговичам (Игоревичам), не покидавшим своего княжения в противоположность потомкам Михаила Всеволодовича Черниговского, удается со второй половины XIII в., или с начала XIV в., овладеть Киевом. Нельзя, однако, думать, что это был захват Киева и превращение его в «волость» путивльских Ольговичей. Нет, по-видимому, путивльские князья получали время от времени ярлык на киевское княжение, а, быть может, на время и просто захватывали его, сохраняя за собой и Путивль.

Роману Игоревичу Путивльскому, умершему в 1212г., наследовал Иван Романович, а последнему — Иван Иванович Путивльский, убитый татарами, — «страстотерпец», как называет его «Любечский синодик». Сын Ивана Ивановича, Иван-Владимир, был уже киевским князем. Андрей Вруцкий, по-видимому, был его братом, так же как и упоминаемые «Синодиком» вместе с Андреем Терентий и Федор, хотя М. С. Грушевский осторожно причисляет киевского Федора к «неизвестной династии».

В Киеве в те времена князь вынужден был делить свою власть со всемогущим баскаком.

Иван-Владимир Иванович мог захватить Киев лишь после 1272 г. До этого, со времен татарского нашествия, Киевом юридически владели поочередно, владимирские, князья: Ярослав Всеволодович, Александр Ярославич Невский и Ярослав Ярославич.

Ни один из владимирских князей в Киеве не был, и Киев управлялся ими через своих бояр-воевод, как это было при Ярославе Всеволодовиче (пославшем в Киев в 1243 г. своего боярина Дмитра Ейковича), или, быть может, как предполагает Зотов, в Киеве хозяйничали даже и другие князья. По-видимому, княжение Ивана-Владимира Ивановича в Киеве относится к последним годам XIII или к началу XIV в., так как если предположить, что Федор — брат Ивана-Владимира (а это предположение имеет основание, ибо князей не Ольговичей по «Любечскому синодику» не поминали, меж тем Иван-Владимир Иванович упоминается и в Северском синодике), то княжение их следует сблизить.2 Федор же княжил в Киеве в 30-х годах XIV в. С его именем связан разбойничий налет в 1331 г. на архиепископа Василия, ехавшего из Волыни в Новгород через Киев и Чернигов. У Чернигова Федор с киевским баскаком и 50 дружинниками напал на сопровождавших Василия новгородцев. Однако новгородцы

не были захвачены врасплох и были готовы дать отпор. Им удалось договориться с Федором и баскаком и заплатить за себя выкуп, хотя некоего Ратслава, протодьякона митрополита, нападавшие все же увели в Киев.

Как видим, разбой и налеты становятся довольно обычным занятием князей в татарские времена. Но налеты Святослава Липецкого были направлены против угнетателя-баскака, тогда как поступок Федора не имеет никакого оправдания и может быть причислен к типичным налетам и грабежам феодалов, превращавшихся в рыцарей большой дороги аристократического происхождения.

Федор княжил в Киеве до 1362 г., когда город захватывает Ольгерд. На Василии Андреевиче Путивльском, убитом по Северскому синодику в Путивле, сыне Андрея Вруцкого, по-видимому, прекращается род путивльских Игоревичей.¹

Для удобства управления подвластной страной татаро-монгольские ханы делят ее на «тьмы» и «земли», являвшиеся своеобразными административно-податными единицами. Таким образом, упорядочивался сбор дани и «число».

В этом отношении очень интересен документ, опубликованный в «Сборнике князя Оболенского». Речь идет о «Книге Посольской Великого Княжества Литовского 1506 года». В ней приведено письмо Менгли-Гирея «Жигимонту» Литовскому, в котором он указывает на старые добрососедские отношения татар и Литвы и на старые «пожалования». Среди пожалований встречаются упоминания о Курской и Черниговской тьме. Так как документ этот мало известен, позволим себе привести указанный отрывок полностью: «...Жолважь, Путивлы з землями и водами; Бириньсиняч, Хо-теллосичи, Хотмышлы, Ницяны, со всеми их землями и водами и даньми и выходы; Черниговскую тьму со вьсими выходы и даньми из землями и водами, Рылеск з выходы и даньми и з землями и водами; Курскую тьму з выходы и даньми и з землями и водами; Сараева сына Егалтаеву тьму; Ми-лолюб з выходы и даньми и з землями и водами; Мужеч, Оскол и Стародуб, Бранеск и со всеми их выходы и даньми и з землями и водами...»² Там же упоминаются «Непорож и Глинеск...» и «Донец».

Город с его землями и водами, выходом и данью был административно-территориальной и налоговой (податной) единицей и передавался со всеми данями и всей территорией.

На территории Левобережья существовали три тьмы: Черниговская. Курская и «Сараева сына Егалтаева тьма».

С другой стороны, нам становится ясно указание «Любечского синодика» на то, что Олег Романович оставил «12 тем людей». Речь идет не о 12 административно-политических единицах (таких мы знаем три), а о 120 000 человек.

В связи с приведенным письмом Менгли-Гирея Сигизмунду и выясняемым им состоянием Днепровского Левобережья в татарские времена, естественно встает вопрос о формах татарского владычества на Левобережной

¹ ПСРЛ, т. VII, Воскресенская летопись, с. 203; ПСРЛ, т. II, Густинская летопись, с. 350; Новгородская I летопись, с. 76; Квашнин-Самарин. По поводу «Любечского синодика». С. 10—И; Грушевский М. С. Історія УкраТни-Руси. Т. III. С. 221—224; Его же. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава Мудрого до конца XIV столетия. С. 449-450, 465[^]170; Зотов Р. В. Ук. соч., стр. 103—104, 107, 115—120, 121, 127, 193, 206—207, 295, 299.

Специально вопросом о других киевских князьях (Святославе, Станиславе), как не относящимся к нашей теме, мы заниматься не будем.

Украине. Мы уже видели, что установление татаро-монгольского ига ознаменовалось появлением на территории древней Северной земли татарских управителей и феодалов. Мы указывали, как в непосредственную зависимость от

чиновников золотоордынского хана попала Переяславльская «Украина», для сохранившегося русского населения которой учреждена была Сарайская и Переяславльская епархия, как сидел в Чернигове «татарской владетель» Иван Шаин, получивший Чернигов от Бату, как управлял Курской тьмой Ахмат, заводивший в Посемье свои слободы, и т. д. Ханские ярлыки на украинские земли, уступаемые великому князю литовскому, при тщательном их изучении дают возможность выяснить еще несколько интересных подробностей о политической жизни Днепровского Левобережья в период владычества татаро-монгольских ханов. Крымские ханы считали себя хозяевами русских земель, прямыми преемниками Бату, имевшими право рассматривать завоеванные им некогда русские земли как свою собственность; переход древнерусских земель к Литве часто оформлялся ярлыком и рассматривался как передача искони принадлежавшей ханам земли Литовскому князю. Поэтому-то ханские ярлыки представляют большой интерес и дают нам возможность установить еще несколько интересных особенностей жизни Левобережной Украины в период татаро-монгольского владычества.

Лесостепной характер Левобережья давал татарам возможность переносить свои кочевья гораздо дальше на север, чем это можно было бы предположить. Уже Багалеи обратил внимание на свидетельство Герберштейна о наличии оседлых татар, а следовательно, и татарских поселений, в начале XVI в. на Северском Донце.¹

В Путешествии митрополита Пимена 1388 г. имеется указание на то, что, плывя вниз по течению Дона, Пимен за р. Медведицей уже повстречал татар,² а за Быстрой Сосной расстилалась «пустыня великая», где бродили татары да ходила по Дону и Хопру русская «сторожа»,³ которая должна была следить за передвижением татар в степи и предупреждать о готовящемся налете.

На протяжении XIV и XV вв. и в начале XVI в. татары кочевали у самой северной границы лесостепи и нападали на русские поселения, а также на послов и купцов на Северском Донце, Осколе, Мерле, Пеле, Хопре, Орели, Самаре, Суле, Тихой Сосне, Овечьих Водах и т. д.⁴

Д. И. Багалеи, анализируя указанные источники, приходит к выводу, что «кочевья и пахатные земли татар занимали восточную и южную часть России в том числе и нын. Полтавскую, Воронежскую и Харьковскую губ. Весьма вероятно, впрочем, что татары заходили так далеко на север с чисто военными целями, а не для кочевья. По крайней мере, несомненно, что именно для этого они приходили на Тихую Сосну».⁵

Прямое указание Герберштейна о том, что татары, живущие на Донцу «обрабатывают землю», дает нам возможность сделать вывод не только о наличии татарских кочевий далеко на северной окраине лесостепной полосы, но и подчеркнуть факт оседания татар на землю. В этом оседании кочевников на землю нет ничего странного, так как аналогичный процесс на нижнем Дону, Днепре, Кубани мы видели уже в скифо-сарматские времена, а на территории северной лесостепи — в VIII—IX вв. (так называемая «салтово-маяцкая культура») и позже — в X—XII вв., когда в южно-русские княжества (Киевское, Переяславльское, Черниговское) проникала тюркская колонизация, давшая черных клобуков: коуев, торков, каепичей, турпеев, половцев русских княжеств, которых наши летописи отличают от «диких» половцев-степняков. Подобное же явление наблюдается и позже, в татарские времена. Конечно, далеко на север татары заходили не часто, была своеобразная «нейтральная полоса», как ее называет Д. И. Багалеи, куда устремлялась русская колонизация, где ходила русская «сторожа» и оставалось уцелевшее от погрома Бату русское население. Уже в XV в. по Воронежу, Дону и Цне живут русские промысловики, а по Суле, Пслу и Ворскле в «северских уходах» живут севруки.¹

Учитывая то, что татары действительно превратили часть левобережных земель в пастбища, другую же часть, обескровив и опустошив, полностью подчинили себе, — мы приходим к выводу о наличии на Левобережной Украине татарской административной системы («тмы») и татарских феодалов.

«Русская Украина», упоминаемая в ярлыке Менгли-Гирея, как мы уже видели, была подразделена на тмы и управлялась темниками. Об этом говорят и другие ханские ярлыки. По-видимому, начало ханским ярлыкам великим князьям литовским на земли «Русской Украины» положил ярлык Тохтамыша, вынужденного искать помощи и убежища в Литве. Ярлык этот дан между 1395—1399 гг., т. е. после захвата Витовтом Смоленска, но еще до битвы на Ворскле.² Затем реестр русских городов, уступаемых ханом Литве, встречается в ярлыке начала 30-х годов XV в., в письме Менгли-Гирея 1506 г. и, наконец, в трактате с Сагиб-Гиреем, датированном 1540 г.³ Анализ ярлыков дает возможность сделать вывод, что ряд городов служил и опорными пунктами для татар, равно как и захваченные ими переправы и другие стратегические пункты. Такими пунктами были Рыльск и Путивль, которые в XVI в., уже в составе Московского государства, стали важнейшими пунктами сторожевой службы, откуда по шляхам и дорогам в «дикое поле» выходили разъезды городских казаков и севруков. Стоявшие на границе татарской степи и русских лесов эти города играли большую роль во взаимоотношениях татар и русских.⁴

В своем письме Василию III Менгли-Гирей указывает: «Область наша к намъ тянеть, Брянскъ, Стародубъ, Почапъ, Новый Городок, Рылеск, Путивль, Карачевъ, Радогощъ, то писанные восемь городовъ изъ старины наши были... тридцать и пять городовъ изъ старины дѣда нашего были». ¹

Здесь и располагалась «Сараева сына Егалтаева тма», или тма Ягол-дая Сараевича. Ф. Петрунь предполагает, что Яголдай был последним представителем династии татарских владетелей и жил в 30-х — 40-х годах XV в. Яголдаева тма — это синоним Курска, Курской тмы, а сам Яголдай, по его мнению, выступает преемником известного баскака XIII в. Ах-мата.² Что в Курской тме в XIV—XV, вв. сидели татары — это не вызывает сомнений. Город был разрушен еще в XIII в. и продолжал существовать лишь в виде городища. Таким его знают под названием «Курск на Тускаре» Воскресенская летопись³ и под наименованием «Kuresk» список городов Свидригайло.⁴ Но тма Яголдая не совсем соответствовала Курской тме, так как последняя упоминается как самостоятельная административная единица. В состав Яголдаевой тмы входили южная часть Подесенья и течение Оскола, а именно Милолюб, Мужеч, Оскол (Oskol, Milolubl, Muszecz списка городов, Свидригайло).⁵ Только один Брянск на северо-западе входил в Яголдаеву тму. Позднее Яголдаева тма составляет часть Путивльских земель, где обнаружено много памятников материальной культуры, принадлежащих татарам. В литовские времена здесь же располагалась часть знаменитой Глинщины. Владетельный род Глинских, обладавший чуть ли не всем Левобережьем, вел свое происхождение от татарских феодалов-династов, переведенных великим князем литовским на положение вельмож-магнатов и принятых им «чесно не яки слугъ, но яко единыхъ отъ сродникъ своихъ». Путивльские земли тянулись на юг и восток от Путивля к верховьям Сулы, Пела и Ворсклы. В состав Путивльских земель входили следующие населенные пункты: Жолвань (Жолважь), Би-ринь (Биринсинячь), Хотмышль, заброшенный далеко в степь на Ворскле, Хотеллосичи (Лосичи), или Лосицкая волость, расположенная также на Ворскле. На Ворскле же лежала «Ницянская земля» (волость). Поселения на Ворскле составляли южную границу Путивльских земель. Верховья Сулы целиком тянули к Путивлю, хотя на низовьях позднее были расположены уходы жителей Канева.

Путивльские земли были, пожалуй, южной окраиной «Русской Вкраины», если не считать слабо заселенной Глинщины, соответствовавшей (наряду с частью Путивльских земель), примерно, древнему Переяславль-скому княжеству, в те времена действительно представлявшему собой полупустыню. Недаром Глинщина названа в актах «пустыней по реке Суле». С древней Переяславльской землей и ее населением Глинщину связывает топонимика: Север-Сульская, Север-Глинщина, Удай-Север, где располагаются «северские уходы», «уходы» северуков.

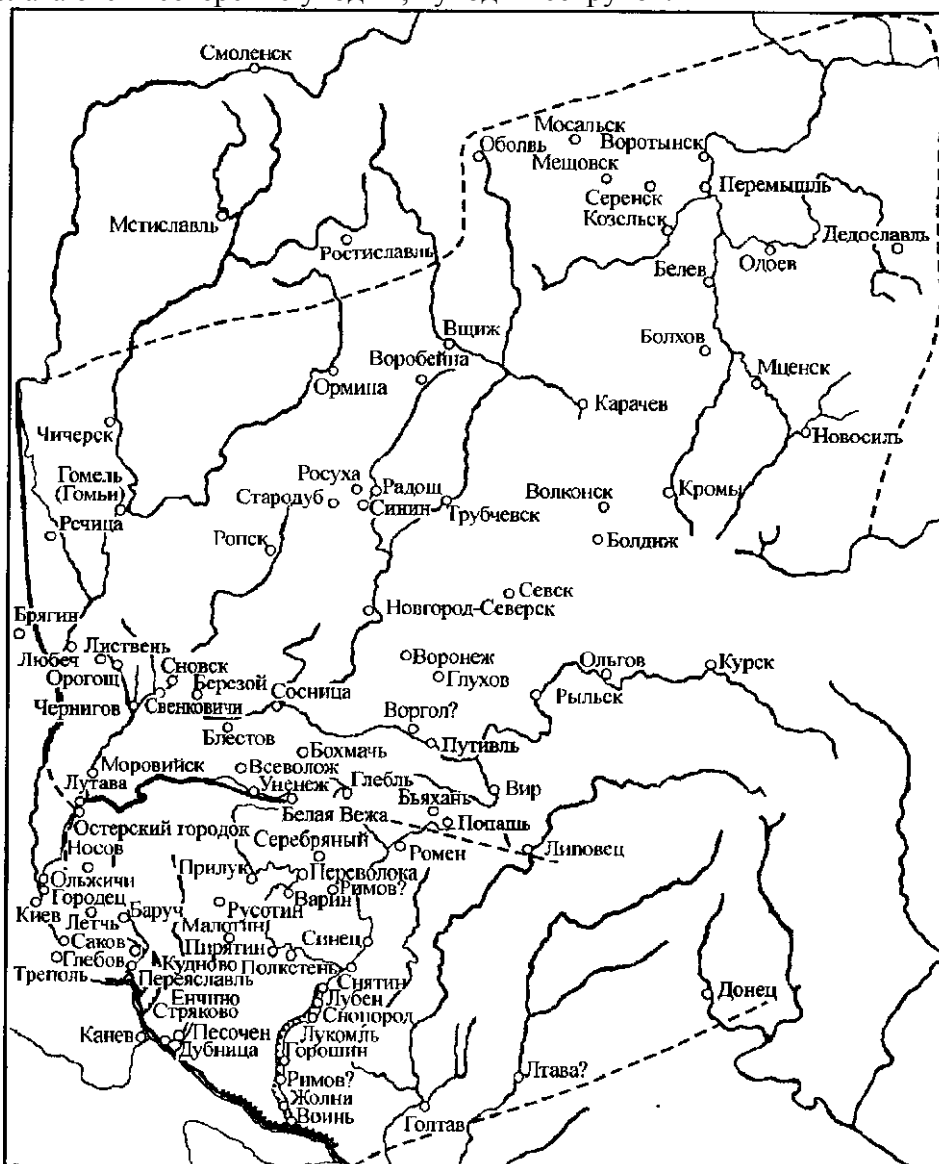

Рис. 1. Чернигово-Северское и Переяславльское княжества в XI—XIII вв.

На юго-востоке к Курской тьме тянул, по-видимому, и Донец, так как в списке городов Свидригайло «Donyesk» идет вслед за «Kuresk»'oM.'

В конце XIV в. переходит от татар к Литве и Снопород, по легенде основанный выходцами из пятигорских черкесов,² причем легенда вряд ли лишена основания.³

Анализ документов дает возможность сделать вывод, что под конец татарской поры (конец XIV в.) на территории Левобережной Украины существовали три области, находившиеся в непосредственной зависимости от татар, где существовало татарское феодальное землевладение: Курское Посемье и, несколько южнее, Яголдаева тьма, и на Суле, Пеле и Ворскле — Глинщина и Снопород. Черниговская тьма находилась в

меньшей зависимости от татар, нежели Курское Посемье или бывшая территория Переяславльской «Украины».

Таким образом ханские ярлыки и письма к великим князьям литовским, несмотря на свое позднее происхождение, восходят к источникам конца XIV в. и рисуют политическую жизнь Левобережной Украины накануне захвата Заднепровья Литвой.

Как ни скромны сообщаемые ими сведения о политической жизни Заднепровского края, тем не менее, при скудости источников, они все же имеют большую ценность для исследования и проливают свет на некоторые стороны истории Украины.

На этом исчерпываются все известные нам сведения о княжествах Днепровского Левобережья во времена владычества татарских ханов. Мы, естественно, не занимались верхнеокскими княжествами, которые жили обособленно и оторвались от южной части Северной земли, хотя княжеские роды их вышли из рода черниговских князей.

Затронутые нами отдельные княжества на севере, которые также в дальнейшей своей политической истории окажутся мало связанными с южным Левобережьем, с территорией позднейшей Украины, все же не могли быть опущены из-за той большой роли, какую играли они в политической жизни древней Северной земли в конце XIII и в течение всего XIV в.

Татаро-монгольское иго, «иссушавшее и оскорблявшее самую душу народа, ставшего его жертвой» (К. Маркс), как мы видим, было одним из наиболее тяжелых моментов в истории всей Руси и интересующего нас Днепровского Левобережья, в частности.

Мы уже отмечали, что из всех земель древней Руси, несомненно, больше всего пострадала Переяславльская «Украина» — южная часть Северной земли. В рассматриваемый период во всей южной части Левобережья и в Посемье слабо пульсирует политическая жизнь, усиливается разобщенность, замкнутость экономическая и политическая. Появился новый хищный и алчный эксплуататор — золотоордынский хан. Огромные ценности

1 Петрунь Ф. Ук. соч. С. 8—9. Автор причисляет Донец, как и Курск, к городам Яголдаевой тьмы.

Рис. 2. Северская земля и Тмутаракань в XI в.

отнимались у народа и присваивались татарской феодальной знатью. Результатом установления татаро-монгольского ига было лишь чрезвычайно медленное развитие производительных сил страны, а чаще всего и просто деградация ряда областей, подвергавшихся разорению. Население уходит в леса, где и скрывается. Пашню пашут наспех, реставрируя отсталые формы земледелия. На месте пашен появляются «уходы» («ухожаи»). Рыбная ловля и охота заменяют земледелие. Пашни порастают лесом, а на юге — ковылем. Запустевает Переяславщина. Вместо многочисленных городов мелькают лишь «городища» — остатки некогда известных летописцу городов, да кое-где на «уходах» попадаются становища «севруков». При первом появлении татар они либо исчезают, скрываясь в недоступных местах или в немногочисленных уцелевших городах по Днепру и Остру, либо, собираясь в «ватажки», дают им отпор, сами нападают на маленькие татарские чамбулы и на пасущих стада татарских чабанов. Кочевья татар соприкасались с «уходами» севруков.¹ Подобного же рода промысловая «вольница», в результате татарского погрома и владычества приобретающая особый характер, складывалась на всем огромном протяжении степей от Днепра до Дона. По свидетельству Вильгельма де Рубрука, в задонских степях бродили «шайки» (по переводу Малеина) русских, венгров и алан — «рабов татар» (причем тут термин «раб», очевидно, означает подданный), собиравшихся в ватажки по 20—30 человек. Эти

ватажки днем укрывались, а по ночам, вооруженные луками, нападали на татар, купцов, отбивали у татарских чабанов табуны скота и т. д.² Конечно, в задонских степях такие ватажки «вольницы», со всех сторон стесненные татарами, не могли жить и действовать иначе. На Левобережье они, по-видимому, все же были более самостоятельны. Пустынный край, покрытый разрушенными городищами, мало привлекал татар. Так превратилась в татарское пастбище некогда многолюдная и богатая Пе-реяславльская «Украина». Только в Черниговской земле, да на севере, у Брянска, сохраняется политическая жизнь в тех ее формах, которые сложились в домонгольские времена.

Очень бедны и немногочисленны источники татарских времен. Многое остается неясным. Но тем больший интерес должен вызывать у исследователя этот едва ли не наименее изученный период истории нашей страны, время татаро-монгольского ига.

А. Ю. Дворниченко

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ МАВРОДИН — ИСТОРИК ДРЕВНЕЙ РУСИ

(1930—1950 гг.)

Жизнь В. В. Мавродина целиком посвящена служению науки и связана с Ленинградским университетом. Творчество его обширно и многогранно. Оно делится на этапы, и здесь мы расскажем о раннем периоде его научной деятельности.¹

Владимир Васильевич Мавродин (1908—1987), уроженец города Рыльска, в 1926 г. поступил на историко-лингвистический факультет ЛГУ, а в 1930 г. окончил «курс наук цикла истории России исторического отделения по педагогической специальности».

Время учебы Мавродина — период ухода из университета представителей блестящей дореволюционной «петербургской школы». В течение 1927 г. вынуждены были покинуть университет С. Ф. Платонов, С. В. Рождественский, А. А. Спицын.²

«Последним из могикан» оставался А. Е. Пресняков, который в определенной степени осваивал марксистский подход к истории. Он читал общий курс истории России до XVIII в. Однако тяжелая болезнь и смерть в 1929 г. вывели и его из состава преподавателей университета.

Еще больше сближались с марксизмом представители так называемой беспартийной профессуры: С. В. Вознесенский, М. Н. Мартынов и А. А. Введенский — старшие ученики Рождественского. Младшие ученики уже были поголовно марксистами. Среди них выделялся М. М. Цвибак, который, правда, уже в 1926 г., в связи с партийным взысканием по поводу троцкистско-зиновьевского блока, вынужден был на время оставить Ленинград. Историками-марксистами были также В. П. Викторов, С. Г. Томсинский, которые читали лекции по русской истории пореформенной поры, периода империализма и эпохи «пролетарских революций». Большую роль на кафедре в этот период играли и внештатные преподаватели: А. И. Андреев, который вел занятия со студентами по дипломатике; С. Н. Валк, руководивший семинарием по источниковедению, Б. А. Романов — семинарий по дипломатической истории русско-японской войны и М. Д. Приселков — курс лекций по музееведению.³

В. В. Мавродин прошел школу одного из выдающихся советских ученых — Бориса Дмитриевича Грекова. Последний был в свое время канонизирован, в науке был создан своего рода «культ личности» этого ученого, его концепции и гипотезы считались непогрешимыми, а «величественная и спокойная

¹ См. подробнее в кн.: Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб., 2001.

фигура Б. Д. Грекова»⁴ подчас заслоняла другие значительные фигуры, да и скрывала живой облик самого ученого.

Впрочем, нельзя впасть и в противоположную крайность и сейчас в период зачастую безосновательного ниспровержения «фигур» преуменьшить не только конкретный вклад Грекова в отечественную историческую науку, но и его блестящий талант историка и педагога.

Большое влияние на него оказал и С. Н. Валк. Когда в 1947 г. на факультете чувствовали Валка в связи с 60-летием, Мавродин говорил: «Я очень рад, что и мне выпала на долю честь работать под руководством С. Н. Валка. К сожалению, это было на 1 курсе аспирантуры, а не на 1 курсе университета. Я помню эти занятия. Пройдя семинар по источникам, весьма поверхностно ознакомивший меня с работой над источниками и типами их, я был поражен глубиной и объемом наших занятий с С. Н.»⁵

Может быть, отсюда то бережное, скрупулезное и в то же время весьма активное отношение Мавродина к историческому источнику. Не случайно в одном из отзывов о нем, который датируется 1935 г., говорится: «К числу недостатков надо отнести его иногда слишком большую зависимость от своего материала».⁶

После окончания ЛГУ в 1930 г. Мавродин был оставлен в аспирантуре Историко-лингвистического института (ЛИЛИ).

В 1933 г. Мавродин защитил кандидатскую диссертацию на тему «К вопросу о крупном барщинном хозяйстве в XVII веке». Оппонентами на защите были Б. Д. Греков и М. М. Цвибак; выступили М. Н. Мартынов и А. Н. Малышев⁷. Но присвоение ученых степеней было тогда отменено.

Выходят первые работы. В основном, они были посвящены экономической истории того же XVII в. Причем в теоретическом плане автор апеллировал к М. Н. Покровскому. Тематика их связана с планами работы Государственной академии материальной культуры, в которой работал молодой ученый. Мавродин принимает участие в коллективной монографии, посвященной Тульским и Каширским заводам в XVII в., которая и была опубликована в «Известиях ГАИМК». Он пишет главу «Возникновение заводов (историческая справка)» и главу «Московское правительство и Тульские и Каширские заводы. Связь заводов с рынком».⁸ Конечный вывод исследователя такой: изученные нами заводы, хотя они и возникли в условиях крепостного строя и в силу этого получили своеобразные особенности своей организации и истории, в основном своем производстве ориентировались на рынок.⁹

Не остался в стороне молодой ученый от дискуссии в связи с книгой С. М. Дубровского об азиатском способе производства. Один из оппонентов Дубровского — А. И. Малышев выдвинул положение о том, что крепостничество — новый феодализм, приспособленный к начальным стадиям развития капитализма, а крепостное барщинное хозяйство является не чем иным, как формой разложения феодализма и внедрения капиталистических отношений в сельскохозяйственное производство.¹⁰

С критикой данной концепции выступили М. Зеленский, Э. Газганов и В. Мавродин. Последний использовал не опубликованные еще полностью материалы Вольного Экономического Общества, относящиеся к концу XVIII— началу XIX вв.¹¹

Изученный Мавродиным материал, по его мнению, еще раз подтверждает классическую характеристику барщинного, т. е. крепостнического хозяйства, данную В. И. Лениным. Конечный вывод Мавродина таков. Ни в коем случае нельзя говорить о какой бы то ни было, даже и весьма своеобразной форме капитализма в сельском хозяйстве, каковой будто бы являлось крепостничество в России. Основой растущего, особенно во второй половине XVIII в., дворянского предпринимательства является эксплуатация крепостного труда. Следовательно, и в этом отношении крепостное хозяйство капиталистическим не является ни в какой мере.¹²

В этот же период В. Мавродин выступил в роли редактора и написал комментарии к посмертно изданной книге П. Г. Любомирова.¹³ Последний был одним из

тех авторов, кто активно включился в исследовательскую работу на волне интереса к истории промышленности и ремесла, характерного для отечественной историографии послереволюционных лет. Мавродин в своих комментариях, опираясь на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, «поправляет» автора работы. Значит, Мавродин был в плеяде тех историков, которым выпала задача бороться с одной стороны, с крайностями «революционной» науки, а с другой, опираясь на указания вождей, — с пережитками дореволюционной науки. И Мавродин среди других историков сыграл здесь свою роль. Но еще большую роль довелось ему сыграть в становлении советской науки о начальном периоде нашей истории — Киевской Руси.

Дело в том, что для молодой советской науки очень важно было найти место Древней Руси в разрабатывавшейся тогда системе общественно-экономических формаций.

Выступая в прениях по докладу Грекова в Государственной Академии Истории Материальной культуры, Мавродин остановился на «Правде» Ярослава, которая, по его мнению, содержала сведения о неразложившейся общине, с одной стороны, и об определенных группах правящего класса — с другой. Правда Ярослава изображает общество, разделенное на классы рабов и рабовладельцев. Ценность рабов была не только в том, что они являлись товаром, но и рабочей силой: их труд использовался в хозяйстве князя и дружинников.¹⁴ Значит Мавродин гораздо большее внимание, чем Греков, уделил рабству, почувствовал значительный его вес в общественном строе Древней Руси.

Выступал Мавродин и на другой дискуссии — по докладу М. М. Цвибака. Здесь он остановился на восстаниях смердов, вызванных наступлением господствующего класса на жизненно важные интересы народных масс.¹⁵

В статье, увидевшей свет в конце 1930-х гг., Мавродин на основе многочисленных и разнообразных источников одним из первых воспроизвел процесс разложения первичной формации и возникновения классового строя.¹⁶ Конечно, его, как и всех историков того времени, вдохновляют «ценнейшие замечания Сталина, Кирова, Жданова».

Ученый рассматривает один из важнейших сюжетов древнерусской истории — общину — вервь, но не саму по себе, а на широком фоне «разложения родового строя» — периода, который можно определить как дофеодальный, когда боролись три уклада: родовой, рабовладельческий и феодальный. Причем победа последнего была обусловлена развитием рабства, которое играет роль разрушителя родового строя, но лишь подготавливает почву для феодализма.¹⁷

Исследователь констатирует долгое сохранение родовых отношений в Восточной Европе. И в X в. род — еще чрезвычайно могучая сила. Дело не только в сохранении кровной мести, но род еще является и хозяйственно-экономической единицей. На основе рода вырастет патриархальная семья, семейная община. В некоторых местах в силу сложившихся естественно-географических и социально-политических условий община в самой древней патриархально-семейной форме существует очень долго, например, в виде сябрины на Левобережной Украине, дворища в Западной Украине, печища — на севере.

При этом большесемейная коллективная организация способствует сопротивлению наступления феодализма. Ученый переходит к изучению еще одной проблемы: «княжая дружина, земское боярство и туземная племенная знать». На новом уровне, новом витке нашей науки, исследователь изучает проблему, весьма волновавшую еще дореволюционных специалистов: вопрос о соотношении княжеского и так называемого «земского» боярства. Сама эта проблема, по мысли В. В. Мавродина, возникает из-за одновременности перехода общества к феодальным

отношениям в разных районах Древней Руси. Сосуществование одновременно различных форм общественной жизни на сравнительно ограниченной территории создает многоукладность, порождает необычайно сложную картину распада рода и зарождения феодального общества. Земское, не княжеское боярство выросло из старой патриархальной общины, захватывая в процессе ее разложения общинную собственность. Земское боярство не распространяет свое владение на сколько-нибудь обширную территорию. Земское боярство — туземная знать, локализирующая свое господство на территории семейной общины или группы общин или же на территории города.¹⁸

Ученый попытался разобраться в проблеме, которая весьма волнует нашу науку и по сей день — как развивалось крупное землевладение на Руси: снизу или сверху, т. е. в результате распада древней общины или благодаря княжеским пожалованиям.

В это время выходит статья В. В. Мавродина, посвященная восстаниям смердов. Работа отчасти была откликом на статью А. В. Арциховского и С. В. Киселева.¹⁹ По мысли В. В. Мавродина, исследователи поступили неправильно, остановившись только на восстании 1071 г., так как XI в. ознаменовался целым рядом восстаний.²⁰ Изучение этих восстаний дело очень важное, поскольку если вопрос о революции рабов, уничтожившей рабовладельческую систему эксплуатации, можно считать в основных чертах разрешенным, если крестьянскими войнами занимаются достаточно, то классовая борьба непосредственных производителей остается в значительной мере еще проблемой мало затронутой.²¹

По В. В. Мавродину, «старая чадь», которая фигурирует на страницах летописей — феодализирующаяся группировка, которая выделяется вместе с развитием частной собственности и разложением общины. Она генетически восходит к родовой знати и превращается в господствующий класс на основе владения рабами. Затем эта группировка стала прибегать к феодальной форме эксплуатации своих сообщинников — смердов, превращая их в феодально-зависимое население. Восстания этого времени выливаются в своеобразную религиозную оболочку — движение волхвов.

Работы В. В. Мавродина в это время — во многом попытка применить к Древней Руси те идеи, которые имели большую популярность среди ученых. Это время М. Н. Покровского — время своеобразное и нелегкое для исторической науки.²² Владимир Васильевич отмечает, что «М. Н. Покровский придавал огромное значение участию смердов во второй киевской революции (т. е. восстании 1113 г. — А. Д.)»²³

Находится В. В. Мавродин также под влиянием идей о «генетической революции».²⁴ И, конечно же, сильно влияние Н. Я. Марра. В годы, когда писал свои первые работы В. В. Мавродин, наблюдалось всеобщее увлечение Н. Я. Марром и его учением. Из конкурировавшего с другими лингвистическими учениями «интересного, но непонятного» учения марризм превратился в теорию, официально объявленную «единственной марксистской».²⁵ Каждому специалисту в различных отраслях знаний идеи Марра были интересны по-своему; зачастую цитатами из Марра пользовались как щитом, чтобы проводить свои идеи.²⁶

Такому мощному воздействию весьма способствовала личность самого Марра, удивительного оратора, умевшего зажечь, «захватить» своими идеями любую аудиторию. И на склоне лет В. В. Мавродин не мог забыть эту личность, часто вспоминая на заседаниях своего спецсеминара о Марре.

Важное значение для развития исторической науки в нашей стране имело известное Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 16 мая 1934 г. об историческом образовании, отмечавшее отвлеченный, схематический характер как школьных учебников по истории, так и самого обучения. Постановление, подготовленное по инициативе руководства страны и лично И. В. Сталина, сыграло положительную роль,

повернув историков от абстрактных социологических схем времен «покровщины» к изучению конкретной истории, пусть и густо замешанному на новых схемах.

В сентябре 1934 г. на основании Постановления были восстановлены исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах. В Ленинграде новый факультет возглавил директор Института истории Ленинградской Коммунальной Академии Г. С. Зайдель. Первым заведующим кафедрой истории СССР стал С. Г. Томсинский. На кафедре в течение нескольких лет собрались значительные силы: Б. Д. Греков, А. И. Малышев, Н. И. Ульянов, В. П. Викторов, и др. К работе на факультете были привлечены С. Н. Валк, Н. Ф. Лавров, В. Н. Кашин, М. Д. Приселков, С. Н. Чернов, И. И. Смирнов, А. В. Предтеченский, К. В. Кудряшов, Н. А. Корнатовский.²⁷

Наряду с учеными старшего поколения видное место на кафедре сразу же заняла молодежь: В. В. Мавродин, Е. С. Лейбович, Ф. А. Фургин, В. А. Ов-сянкин, С. Б. Окунь.²⁸ Отныне вся жизнь В. В. Мавродина будет связана с историческим факультетом Ленинградского университета.

В 1938 г. В. В. Мавродину без защиты была присвоена ученая степень кандидата исторических наук, причем, отзыв на его работу дал Б. Д. Греков.²⁹

Все эти организационные сдвиги в высшем образовании в науке ознаменовались концом «школы Покровского». Молодой ученый принимает участие в разгроме «школы». По мысли Мавродина, Покровский отрицает диалектику исторического развития, превращает историю в абстрактную социологическую схему, построенную не на основе марксизма, а на базе эклектической смеси. Покровскому чуждо понимание прогрессивности перехода к высшим этапам исторического развития. Весь период феодализма он рисовал одной сплошной серой краской, стремясь не к изучению всей многосложности исторического процесса, а к нивелированию с целью создания социологической схемы.³⁰

Отсюда его тяготение к выявлению во что бы то ни стало общего в различных периодах истории СССР, а не того, что эти эпохи отличает, и как бы нарочитое утверждение о реакционности тех эпох, которые на самом деле были прогрессивными. К этому сводится трактовка образования Московского государства, петровских реформ. Наши современные оценки феодализма, наше современное отношение к носителям феодальной и крепостнической эксплуатации Покровский переносил на отдаленные эпохи, и все, что исходило от лагеря феодалов, заносилось по разряду реакционных периодов.³¹

Венцом творческих исканий В. В. Мавродина в области изучения Киевской Руси в 1930-е гг. стала его книга «Очерки истории Левобережной Украины». Она явилась ценнейшим вкладом в создание марксистской теории генезиса феодализма на Руси. В ней Владимир Васильевич, мобилизовав весь имеющийся материал источников, в том числе археологических, в отличие от своих коллег-историков, сосредоточился не на явлениях X—XII вв., а на социальных сдвигах, происходивших в обществе восточных славян до X в.³²

Ученый ставит перед собой задачу «обрисовать историю одной из частей Украины, а именно Днепровского Левобережья, с древнейших времен до второй половины XIV в., т. е. до захвата Левобережной Украины Литвой».³³

В работе он дал обстоятельный географический очерк Северной земли, предваряющий основное исследование. Ученый рассмотрел древнейшее население Днепровского Левобережья. При этом автор не отрицает возможности передвижений отдельных племен. Опорой для ученого служит этногенетическая (яфетическая) теория Н. Я. Марра.

Определенное место в схеме этногенеза восточных славян ученый отводит и антам, отдельно ученый рассматривает владычество на Левобережье Хазарского

каганата, отмечая положительное влияние Хазарского каганата на ситуацию в регионе.³⁴

В отдельную главу выделена проблема разложения первобытнообщинного строя и возникновения феодализма. Глава является развитием тех идей, которые были высказаны в выше охарактеризованной статье, причем упор ученый делает на археологические данные.

В развитой форме феодальное общество складывается в XI—XII вв., но уже IX—X вв. характеризуются зарождением феодальных отношений. Переход к феодализму, а не к рабовладельческой формации обусловлен, прежде всего, существованием сельской общины. Именно это и есть главное внутреннее условие, которое порождает на Руси феодализм. Оказало влияние и феодальное окружение. Все-таки первенствующее значение следует придавать внутренним причинам.

Исследователь старается выявить специфические черты генезиса феодализма среди радимичей и вятичей, подчеркивая более медленные темпы этого процесса.

Историк рассматривает судьбы Днепровского Левобережья в «составе Киевского государства» до 30-х гг. XI в.

Изучен и «период феодальной раздробленности». Это «период», который приходится на XI—XIII вв. Несмотря на «более чем скромные материалы» по истории развития феодального землевладения в Северной земле, автор констатирует укрепление в XI—XII вв. крупной земельной собственности князей, бояр и монастырей, рост феодально-зависимого населения и расширение форм феодальной эксплуатации, о чем свидетельствует «Русская Правда». Развивается торговля. Но все это не покончило с остатками родового быта. В некоторых местах длительное время сохраняются древние семейные общины, выступающие в виде сел сябров.³⁵

В. В. Мавродин яркие строки посвящает вече, которое действовало в Северной земле. Без материальной поддержки со стороны «земли» князь ничего поделывать не может, и в случае расхождения их интересов, князь был вынужден идти на уступки. При этом «земля» обычно преследовала, прежде всего, свои интересы, интересы своего города и области. Земские ополчения, когда перед нами на страницах летописи выступают вооруженные горожане и местные феодалы, «куряне», «путивляне», «черниговцы», «стародубцы» и т. д., играют большую роль и принимают участие в ряде войн чернигово-северских князей.³⁶

Когда читаешь эти строки, то видишь, что ученый оказался под влиянием мощной традиции, идущей из дореволюционной науки, в которой много говорилось о волостном быте в Древней Руси.³⁷

Впрочем, он тут же отступает в тень современного ему излишне социологизированного подхода: в «земле» господствовала местная феодальная верхушка, а на вече к туземным феодалам «земли» и города присоединялась купеческо-ростовщическая знать.³⁸

Подробно в работе рассмотрены «феодальные войны конца XI века». Мавродин выступает против распространенной в дореволюционной историографии установки тех историков, которые видели в Мономахе и Мономаховичах носителей идей самодержавия, а в Ольговичах — «идеи областничества, федерализма». Впрочем, Мономах начинает опираться на горожан, купечество и ремесленников.

В. В. Мавродин поднимает целый ряд вопросов политической и социальной истории Киева, Новгорода, Галицкой земли, Тмутаракани. В отличие от многих советских историков много внимания он уделяет вечевой активности древнерусского населения, пишет о наиболее ярких её проявлениях.³⁹

В. В. Мавродин заканчивает исследование изучением Левобережной Украины под властью татаро-монголов. Здесь он вступил в один из самых «темных» периодов нашей

истории, и надо отдать ему должное, он с честью справился с трудной задачей, сумев мобилизовать всю совокупность исторических источников.

Страницы исследования, посвященные Северной земле в эпоху владычества монголов, — один из лучших очерков на эту тему в отечественной историографии. И этот очерк, и книга в целом, на наш взгляд, не получили должной оценки в отечественной историографии. По богатству своего содержания, по количеству интересных идей работа занимает одно из ведущих мест в советской исторической науке. Сыграла она выдающуюся роль и в творческой биографии ученого.

По данной книге была защищена докторская диссертация 4 мая 1940 года. Как мы уже отмечали, в качестве официальных оппонентов выступили директор Библиотеки АН СССР профессор И. И. Яковкин, известный археолог В. И. Равдоникас и академик Б. Д. Греков.

Всесторонний анализ проделанной диссертантом работы дал И. И. Яковкин.⁴⁰ Согласившись с основными положениями диссертационного исследования, он указал, однако, на «некритическое использование» автором «феодальной терминологии» и склонность В. В. Мавродина видеть феодальное общество там, где сам факт существования феодальной эксплуатации явно не доказан.

Сомнения вызвал у И. И. Яковкина и вывод о «зачатках поместной системы для младшей дружины в XII—XIII веках». Оппонент сделал вывод о том, что «проблема феодализма в Киевской Руси нуждается в дальнейшей углубленной разработке и пересмотре всех тех ее положений, которые пытаются утверждать существование крупного землевладения у славянской родоплеменной знати чуть ли не в IX веке».⁴¹

Высокую оценку диссертации дал и Б. Д. Греков, подчеркнувший, что в свете «новой марксистско-ленинской периодизации истории нашей страны», требующей не только «пересмотра» старого наследия, но и постановки новых проблем, работы, подобные этой, «совершенно необходимы». В отличие от И. И. Яковкина, Греков не стал определять своего отношения к затронутым в диссертации проблемам, ограничившись общим замечанием, что «автор не боится трудностей, хотя и не всегда их успешно преодолевает».⁴²

В. И. Равдоникас, естественно, подошел к оценке диссертации со своей «колокольни». Он посчитал слабым местом работы использование и характер интерпретации автором археологических источников. В работе, заявил он, практически отсутствует «анализ вещевого материала, который мог бы дать немало интересных выводов». Оспорил В. И. Равдоникас и некоторые выводы автора, в частности, о существовании в VII—IX вв. славянских поселений на нижнем Доне и на побережье Азовского и Черного морей, что не подтверждается имеющимся у исследователей археологическим материалом.⁴³ В целом, однако, все оппоненты были единодушны в высокой оценке представленного сочинения.

После защиты докторской диссертации В. В. Мавродин возглавил кафедру истории СССР, а затем и исторический факультет.

Новый этап изучения истории Киевской Руси — книга «Образование Древнерусского государства»⁴⁴ вкпе с более мелкими работами второй половины 40-х—50-х гг. В 1946 году был издан научно-популярный вариант данной работы.⁴⁵ Надо иметь в виду, что он отличается от научной версии. Так, в качестве первой главы здесь яркий, красочный, мы бы даже сказали поэтический географический очерк «Земли Русской».⁴⁶ Важно проследить, как менялись взгляды ученого в этот период.

В. В. Мавродин ясно видел свой особый путь в науке. В одном из писем военного саратовского периода своей деятельности он писал: «Я сейчас занялся историей Киевской Руси, но совершенно не в том аспекте, который характерен для работы Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Я хочу попробовать изложить истории политическую,

внешнюю, показать Русь в системе государств, ее связи с Востоком, западом, Византией».47

Действительно, эти два вопроса — история образования русской народности и русской государственности (вопросов взаимосвязанных и переплетающихся) заняли в дальнейшем основное место в творчестве ученого. Добавим еще сюда и важнейшую проблему генезиса феодализма и мы получим круг проблем, которые волновали ученого в то время.

Такой подход отразился и в рецензиях того времени. Так Б. Д. Грекова ученый упрекает в том, что он уделил мало внимания проблемам этно- и глоттогенеза и не высказал свою точку зрения на вопрос об этногенезе русского народа.48 Н. С. Державину адресован упрек в том, что он не остановился на происхождении терминов «рус», «Русь», игнорировал вопрос о древних докиевских политических объединениях восточных славян.49

В области изучения древнерусской народности Мавродину принадлежал заслуженный приоритет; об этих его исследованиях довольно подробно писал И. Я. Фроянов.50

Отдельную главу в книге Мавродин посвящает «разложению первобытно-общинного строя и возникновению феодальных отношений в Древней Руси». Опорой в теоретическом плане служит для него работа И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», в которой историкам предлагалось изучать, прежде всего, производительные силы и производственные отношения.

Мавродин изучает соответственно земледелие, ремесло и торговлю и пишет о влиянии их на развитие феодальных отношений.

Рост ремесла, а вместе с ним обмена, торговли вызывает появление городов. Исследователь обращает внимание на очень интересное явление нашей истории — перенос городов, связывая его с новыми явлениями в жизни общества.

В обществе растет имущественная дифференциация; местная русская родоплеменная знать постепенно превращается в господствующий класс феодального общества.51 Войны и походы обогащали князей и дружинников. Другим источником обогащения дружинной знати было взимание дани. Но кроме дани, а также вир и продаж существовало еще и полюдье, которое В. В. Мавродин на этот раз отличает от дани.52

Дани, виру, продажи, полюдье и прочие поборы подрывали устои общины, разоряли экономически слабых общинников, что в свою очередь ускоряло деление общества на классы. Первые классы — рабы и рабовладельцы, однако постепенно «патриархальное рабство перерастает в феодальные формы зависимости». В. В. Мавродин рассматривает категории зависимого населения на Руси — челядь, холопов. В. В. Мавродин не хочет специально останавливаться на положении и роли холопа, закупа, рядовича, изгоя и смерда, так как считает, что не сможет ничего прибавить к тому, что написал в своей работе Б. Д. Греков. Но те замечания, которые ученый все-таки позволил себе сделать, были очень интересны.53

Исследователь старается уловить, когда появилось на Руси феодальное землевладение. Не соглашаясь с Б. Д. Грековым, ученый писал, что, корни вотчины XI в. лежат в IX—X вв. и даже более раннем периоде. Но вотчина «Правды» Ярославичей включает в себе нечто принципиально новое, отражающее этап общественного развития, который может быть назван временем складывания и консолидации феодальных отношений.54

Вслед за княжеским развивалось и боярское землевладение, затем — церковное. Другими словами, ученый по-прежнему не склонен искусственно удревнять появление феодального землевладения на Руси.

Историк предложил следующую периодизацию общественного развития на Руси IX—XII вв.: дофеодальный период IX—X вв. и период раннего древнерусского феодализма XI—XII вв. Дофеодальное общество — это варварское общество, внутри которого развивались новые, феодальные отношения.

В более ранней работе В. В. Мавродин относил к дофеодальному периоду и начало XI века и определял его как период, когда разлагаются родовые отношения, складывается территориальная община, несущая в себе элементы древнего большего семейного организма, выделение ремесла и отделение его от сельского хозяйства. В общине растет имущественная дифференциация; основная масса населения находится только под данью, зарождаются классы, причем рабство играет служебную роль в развитии феодализма.⁵⁵

Одной из важнейших его заслуг в изучении этого вопроса стала идея о дофеодальном периоде в истории древнерусского общества и об утверждении феодализма только в XI в.⁵⁶ В. В. Мавродин в ту пору смело выступал против попыток модернизировать древнерусскую историю, покушаясь даже на авторитет Б. Д. Грекова. «Вообще следует отметить, что процесс исторического развития древней Руси в книге Б. Д. Грекова («Крестьяне на Руси». — А. Д.) получает более быстрые темпы, нежели имевшие место в действительности», — писал он в одной из рецензий.⁵⁷ По мысли Мавродина, утверждение Грекова о появлении на северо-востоке признаков классового общества уже в первые века нашей эры не основаны на источниках.

Одна из важнейших проблем древнерусской истории — образование государства. Мавродин, пожалуй, наиболее полно в историографии тех лет рассмотрел эту тему.

В работе 1945 г. В. В. Мавродин, принимая общую схему становления государственности, предложенную Грековым, вносит в нее много существенных дополнений. Он считает, что истоки государственности славян уходят еще в антскую эпоху.⁵⁹ В VI в. формируется держава волян, которая является уже не просто племенным, но политическим объединением.⁶⁰ Затем процесс эволюции государственности был прерван аvaraми, которые в

⁵⁸ Там же.

конце 20-х гг. VII в. разгромили «державу волян». Но после падения этой державы наступает темный период, который длится почти два века. Он может быть смело назван «периодом хазарского каганата». Мавродин вновь усматривает положительные моменты в процессе вовлечения восточных славян в сферу влияния Хазарии.⁶¹

Ученый смотрит на проблему широко. Фактически он пишет о своего рода цивилизации, развивающейся в ту пору в южнорусских степях и вовлекший в свою орбиту и восточнославянские племена. В. В. Мавродин говорит об огромной роли в истории русского народа того отрезка его исторического пути, который он прошел совместно с другими народами Поволжья, Прикамья, Подонья и Прекавказья в составе хазарской державы.⁶²

В другой работе Мавродин писал: «Государство, возникшее на Руси, не было ни рабовладельческим государством, так как Русь не знала рабовладельческой формации, ни тем более «союзом племен», ибо назвать «военным союзом» племен государство Владимира и Ярослава можно только по недоразумению. Полагаю, что правильно было бы именовать Киевскую Русь той поры «варварским» государством дофеодального периода».⁶³

Несколько ранее он писал, полемизируя с Б. Д. Грековым: «Не случайно по мере утверждения „Правды“ Ярославичей распадалась империя Рюриковичей. Это означало окончание дофеодального периода... и переход к феодальной раздробленности... Феодальные отношения ликвидировали варварскую империю Рюриковичей... Если бы

феодалы, феодальные формы земельной собственности имели место и ранее, не было бы государства Олега, Игоря, Святослава и Владимира..

Значит, он полагал, что на смену «дофеодальному» государству приходит «феодалы раздробленности».65 При этом он всячески полемизировал с теми исследователями, которые отрицали Киевскую Русь как государство.66

В другой работе В. В. Мавродин разъясняет, что термин «варварское государство» означает начальную форму государства, организованную складывающимся господствующим классом для утверждения своего владычества в дофеодальном обществе в период зарождения феодализма».67

Разъясняет он и то, что понимает под «феодальной раздробленностью». Ее ни в коем случае нельзя начинать с Владимира и Ярослава. Тогда были не «удельные войны» а борьба за Киев, за «одиначество». С течением времени, особенно в первой половине XI в., картина резко меняется. Развиваются

Вестн. Ленингр. ун-та. 1947. № 3. С. 87. В рецензии на книгу Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси» В. В. Мавродин писал: «Не стоит ли термин "дофеодальное государство" заменить термином "варварское государство". Такая замена может избавить от постоянного недоразумения вроде признания государства в доклассовом обществе. "Варварское государство" дофеодального периода. И Сталин говорил именно о "дофеодальном периоде", а не "дофеодальном государстве"» (Вестник ЛГУ. 1947. № 10. С. 109). Исторический журнал. 1944. № 12. С. 70.

производительные силы, феодальное землевладение и феодальные отношения. Боярство стремится стать полновластным хозяином в землях, и каждая область оказывается гнездом боярских вотчин.68

Развивает эти положения он в более поздней работе. Вновь идут в ход известные «Замечания», только теперь историк делает упор не на слова о «дофеодальном» периоде. «Чрезвычайно характерен сам термин, примененный И. В. Сталиным для обозначения княжеств в период феодальной раздробленности — „полугосударства"». Такое определение говорит о том, что если феодальным княжествам, «самостоятельным полугосударствам», была присуща первая и основная, внутренняя функция государства — «держать эксплуатируемое большинство в узде», то крошечные их размеры, непостоянство границ, неустойчивость существования, постоянное деление и подразделение, исчезновение одних и возникновение других, исключительная слабость в борьбе с внешним врагом — не дают возможности назвать самостоятельные княжества периода феодальной раздробленности государствами в полном смысле этого слова.69

В середине 1950-х гг. подход его несколько изменился. Уже нет речи о государстве волянян. Начальной формой зарождающейся феодальной государственности на Руси были племенные княжения восточных славян. Скорее всего это были первые полуплеменные-полугосударственные образования типа «варварских государств»... Древнерусское государство в IX—X вв. по своей социальной сущности, по форме организации управления является раннефеодальным государством.70

В изменении формулировок и подходов нельзя не видеть влияния дискуссии 1949—1951 гг. о периодизации истории России феодальной эпохи.71

Интересно сравнить еще две работы В. В. Мавродина, в которых тема древнерусского государства не является основной, но, может быть, поэтому там все обозначено еще четче. В 1949 г. он пишет о дофеодальном периоде, который характеризуется строем военной демократии и варварства. В XI в. эта варварская, дофеодальная Русь перерастает в феодальную; Русь перестает быть варварской державой, — она становится феодальным государством.72

В работе 1955 г. находим уже другой подход историка к этой проблеме. «VIII—IX вв. в истории русского народа явились временем завершения дофеодального периода... Древнерусское государство IX—X вв. является государством раннефеодальным, с присущим этому последнему известным политическим единством, которое создавало условия для активной внешней политики и грандиозных военных предприятий».73

Раннефеодальный период истории Руси сменяется во второй половине XI в. периодом феодальной раздробленности. В основе этой смены лежат явления, связанные с окончательной победой феодализма, а именно — закабаление и феодальная эксплуатация смердов.74

Итак, хотя исследователь с течением времени сдавал свои позиции, одно из важнейших его достижений, получившее отражение в работах того времени, — разработка концепции дофеодального периода и государства. Естественно, что В. В. Мавродин здесь не был одинок, но его личный вклад в создание этой концепции трудно переоценить.75

И. Я. Фроянов несколько лет назад отметил, что в настоящее время позиция С. В. Бахрушина — С. В. Юшкова — В. В. Мавродина — А. И. Неусы-хина приобретает большую научную значимость.76 Этот «исследовательский ряд» оказался ошибочным М. Б. Свердлову. «Фроянов необоснованно принижает приоритет и значение Сталина в утверждении и распространении идеи "дофеодального периода" в 30-х гг.», — пишет М. Б. Свердлов. Должен быть другой исследовательский ряд: И. В. Сталин — С. В. Бахрушин — П. П. Епифанов.77 При этом данный «исследовательский ряд» из-за его зачинателя под пером Свердлова приобретает негативный характер. Но М. Б. Свердлов сам отмечает, что В. В. Мавродин и Б. Д. Греков использовали термин «дофеодальный период» еще в дискуссии по поводу доклада М. К. Каргера, которая проходила в феврале 1931 г.78

Впрочем, дело не в этом. Следуя логике М. Б. Свердлова, когда рассуждаешь о советской историографии, можно строить разнообразные «исследовательские ряды». Например, К. Маркс — Ф. Энгельс — В. И. Ленин — М. Б. Свердлов — Иванов — Сидоров и т. д. Немало материалов для такого «исследовательского ряда» мы можем найти в творчестве самого М. Б. Свердлова. Когда читаешь соответствующие страницы его сочинений, видишь, что он исходит из наивного подхода: все, что от Ленина и других, — хорошо, а все, что от Сталина, — плохо. Как субъективно ни относишься к сталинскому периоду нашей истории^ ясно, что это был по-своему закономерный и плодотворный период для российской государственности. Естественно, что и наука того времени не могла формироваться вне контекста идеологии. Другое дело, что из созданного в науке в ту пору прошло проверку временем, а что — нет.

Еще одна тема древнерусской истории, в которой Мавродин выступал первопроходцем, — классовая борьба. Как мы уже отмечали, одна из первых статей ученого была посвящена этой теме. Классовая борьба — одна из стержневых сюжетных линий в общих его работах по древнерусской истории. Мало того, он одним из первых приступил к обобщающим исследованиям в этой области.79

Эти труды несут на себе недостатки традиционной советской школы изучения классовых антагонизмов в древнерусском обществе. Часто теоретические установки предопределяли результаты анализа фактического материала, подгоняемого под заданную схему.

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в своем «Манифесте Коммунистической партии». С этого утверждения и начинается свои исследования В. В. Мавродин.80 Велика была и роль «руководящих указаний» И. В. Сталина, в частности, автора (вдохновителя?) одного из положений «Краткого курса»: «Классовая борьба между

эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя».81

Под пером Владимира Васильевича, как, впрочем, и других советских ученых, классовая борьба приобретала фатальный характер. «В какую бы форму не выливалась классовая борьба, являющаяся результатом раскола общества на враждующие классы, она проходит красной нитью через всю историю /Древней Руси».82

В это время В. В. Мавродин отходит от концепции «генетической революции», которая при всей своей наивности открывала возможности для изучения доклассовой социальной борьбы. Однако и в работе 1949 г. Мавродин согласен с С. П. Толстовым, который, характеризуя эпоху военной демократии, отмечает, что «классовая борьба в эту эпоху, классовая борьба в ее генетических формах, неотделима от межродовой и межплеменной борьбы».83 В этом нельзя не видеть стремление ученого разобраться, несмотря на идеологические «шоры», в деталях и в сути «восстаний волхвов».

О переплетении классовой борьбы с племенной исследователь писал и в рецензии на известный труд М. Н. Тихомирова. Такое переплетение, по мысли Мавродина, было результатом неравномерного развития феодальных отношений среди восточного славянства. Тихомиров вскользь писал только о вятичах. Между тем, едва ли не больший интерес представляет выступление древлян, результатом которого была гибель Игоря. Такие ситуации имели место и позднее, когда быть под данью — означало быть смердом. Следовательно, борьба общинников, покоряемых и облагаемых данью племен была в потенции борьбой смердов против феодалов.84

И все же установка берет свое: все известные по летописям народные выступления были истолкованы как восстания смердов.

Восстания смердов, протекавшие в оболочке движения волхвов, кончились, не внося никаких существенных изменений в общественную жизнь Древней Руси.85

Гораздо большую роль в общественно-политической жизни Древней Руси сыграли городские восстания. В. В. Мавродин рассмотрел киевское восстание 1068 г. В ходе этого восстания нашли общий язык «простая чадь» Киева и спасавшиеся от половцев жители окрестных сел, которые на вече выдвигали свои требования.86

Еще большее значение имело восстание 1113г., которому предшествовало распространение ростовщичества, закабаление населения. Вначале это грандиозное антифеодальное восстание было направлено против наиболее ненавистных носителей зла: тысяцкого Путяты и сотских, т. е. бояр, возглавлявших княжескую городскую администрацию, ростовщиков. Но затем восстание стало принимать характер, опасный для всех категорий господствующей феодальной верхушки, — для князей, бояр, монастырей. Это обстоятельство и побудило Мономаха согласиться принять киевский княжеский престол. Еще до своего приезда в Киев Мономах созвал важное совещание в селе Берестовом, под Киевом. Это было совещание богатых и влиятельных, близких к князю бояр. Результатом этого совещания явился «Устав» Владимира Мономаха, который ограничивал ростовщичество.

Ученый анализирует «сложную и тонкую» социальную политику Владимира Мономаха, направленную на то, чтобы утихомирить «людей». Эта политика характеризует его как крупного государственного деятеля с редким для феодала умением отказаться от второстепенного, от частного, для того чтобы сохранить важнейшее.87

Восстание 1113 г. было наиболее крупным проявлением классовой борьбы на юге Руси в период феодальной раздробленности. Но, по В. В. Мавродину, феодализм рос и расширялся; продолжалось и движение смердов и горожан. В. В. Мавродин пишет о событиях 1146 г. в Киеве, которые, по его мнению, говорят о возросшем значении

киевлян — ремесленников и торговцев — в политической жизни Киевской земли. Большую роль начинают играть вечевые сходы «киян».

Исследователь анализирует и события, связанные со смертью в Киеве Юрия Долгорукого: восстание сельского и городского люда по всей волости во время убийства боярами Кучковичами в 1175 г. в Боголюбове, под Владимиром, князя Андрея Боголюбского.⁸⁸

Особое внимание исследователь хочет уделить народным движениям в Галицкой Руси, которые историками незаслуженно оставались в тени.⁸⁹

Итак, по заключению В. В. Мавродина, в Киевской Руси имели место два «рода проявлений классовой борьбы: 1) восстания смердов, принявшие форму движения волхвов (XI в.), характеризующие начальный этап развития феодализма, и 2) восстания городского люда, "простой чади"». ⁹⁰ Дело в том, что с развитием ростовщичества и закабаления городских низов центр классовой борьбы переносится в город, где сосредоточивается более сплоченная и активная масса феодально-зависимого населения. Но выступления горожан против феодалов служат сигналом к восстанию угнетенного и эксплуатируемого сельского «людыя»; в каждом крупном городском восстании можно установить участие смердов.⁹¹

В таком виде концепция В. В. Мавродина ближе к подходу Б. Д. Грекова, который также видел подобную последовательность в развитии классовой борьбы, чем к воззрениям М. Н. Тихомирова, искусственно разделявшего «крестьянские» и городские движения.⁹²

Каковы же были результаты классовой борьбы? Эта борьба заставила господствующий класс отказаться от обычного права, от «закона русского», и создать феодальное законодательство. Она же побудила феодалов создать более совершенную, распространившуюся в дальнейшем по всем русским землям форму организации государственной власти.⁹³

Для того чтобы держать народную массу в повиновении, эксплуататорское меньшинство создает сложную и сильную организацию вотчинного и княжеского управления, а это, в свою очередь, приводит к усилению феодальной раздробленности.

И, наконец, классовая борьба во многом определила специфические особенности развития феодальных отношений и своеобразия форм политической жизни в каждом из образовавшихся русских княжеств и в каждой из боярских республик.⁹⁴

Интересно, что в работе 1956 г. В. В. Мавродин обнаруживает и другие последствия классовой борьбы. По его мнению, в Киеве восстания 1068 и 1113 гг. едва не привели к установлению вечевого строя, аналогичного тому, который с течением времени стал господствовать в Новгороде. Князья вынуждены были заключать ряд с горожанами, целовать им крест, считаться с тысяцкими, поставленными не ими, а самими горожанами; большую роль начинают играть вечевые сходы, решающие важнейшие дела, приглашающие и изгоняющие князей, оказывающие им поддержку или, наоборот. Так было в Смоленске и Полоцке, Чернигове и Галиче. Не приходится говорить о Новгороде. На вече собиралось все свободное население города, а иногда и «пригородов», т. е. других, нестольных городов земли. «Лаврентьевская летопись» под 1176 г. указывает на давно сложившийся порядок.

Наряду с княжескими воеводами все большее значение приобретают тысяцкие, возглавлявшие городскую тысячу, т. е. городских «воев», имевших свою «тысяцкую» организацию. В нее входило все городское население, способное носить оружие. Городской полк чаще всего носил название по наименованию города: «новгородцы», «кыяне», «смольняне», «куряне» и т. п. Тысяцкие и посадники, опирающиеся на горожан, на тысячу воев, приобретали большое значение в политической жизни Руси.

Росло и значение городских полков, подчас отодвигавших на второй план княжескую дружину.⁹⁵

Как видим, научные взгляды В. В. Мавродина развивались в контексте советской философской и исторической мысли. Ученый не только учитывал, но и впитывал те теоретические построения, которые исходили «сверху», старался их осмыслить.⁹⁶ Опираясь на эту теоретическую платформу, он вместе с другими историками создал концепцию, через призму которой воспринимался начальный период нашей истории. Но было бы досадной ошибкой не видеть индивидуальности в подходе ученого к Древней Руси, несмотря на видоизменение со временем его взглядов. Эта индивидуальность проявлялась, прежде всего, в стремлении избежать крайностей в восприятии древнерусской истории, в частности — ее слишком ранней «феодализации».

Творчество Мавродина в этот период оказалось под мощным обстрелом критики, которая далеко не всегда была взвешенной и продуктивной. В ряде рецензий, написанных К. В. Базилевичем, С. А. Покровским, Н. Л. Рубинштейном, его обвиняли в крупных ошибках, ошибочных выводах (в частности, в вопросе о роли варягов в Киевской Руси⁹⁷), недостаточном знакомстве автора с марксистско-ленинской теорией государства и т. д.⁹⁸

Оказался Мавродин в эпицентре и еще одной «дискуссии», которая также значительно повлияла на его научную судьбу и биографию.

25 декабря 1951 г. газета «Правда» опубликовала статью П. В. Иванова «Об одной ошибочной концепции». В статье были подвергнуты критике взгляды известных ученых В. А. Пархоменко и М. И. Артамонова на «хазарскую проблему». Суть критики сводилась к тому, что «Хазарский каганат — примитивное государственное образование» — не мог влиять на создание Древнерусского государства.

Был издан сборник статей, целью которого было стремление преодолеть «последствия "вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н. Я. Марра в археологии..."». Автор одной из статей — Н. Я. Мерперт — обрушивался не только на М. И. Артамонова, но и на В. В. Мавродина.⁹⁹

С не меньшим энтузиазмом наносил удар Б. А. Рыбаков. Он сделал далеко идущий вывод о том, что «хазарская теория постепенно подменяла собой устаревшую норманскую теорию, строительство Русского государства начинают связывать не с варягами, а с хазарами». А дальше и наносил свой удар, отмечая, что с особой силой влияние «хазарской теории» сказалось в работах В. В. Мавродина.¹⁰⁰

Вся эта критика, обвинения в «норманизме» и приверженности «хазарской теории» в период борьбы с космополитизмом, «ленинградское дело» и т. д. носили отнюдь не безобидный характер.¹⁰¹ Тучи над ученым сгущались. В его личном деле есть примечательный документ, в котором сказано, что «на протяжении с 1941 по 1949 гг. он был деканом и в своей работе допустил серьезные ошибки, за что парторганизация исторического факультета вынесла ему выговор без занесения».¹⁰²

В апреле 1949 г. он был назначен директором Исторического НИИ, а с поста декана снят.¹⁰³

В марте 1951 г. Мавродина освободили от заведования кафедрой. Эти обязанности были временно возложены на доцента В. Г. Брюнина.¹⁰⁴ Мы, наверное, никогда не узнаем подробностей возни вокруг ученого, но для понимания ситуации интересен документ, который также попал в его личное дело. Из Министерства высшего образования пришла телеграмма: «Прошу сообщить время и подробно причины освобождения Мавродина от обязанностей заведующего кафедрой».¹⁰⁵

В августе 1952 г. Мавродин был уволен с работы с выплатой выходного пособия «в связи с сокращением объема работы на историческом факультете».¹⁰⁶

Ученый, видимо, оказался жертвой общей ситуации того времени; подпал он и под действие «ленинградского дела» и борьбы с космополитизмом. Одним из обвинений было то, что, являясь председателем Ученого совета, он допустил присвоение ученых степеней В. Я. Голанту, Е. И. Вернадской, в диссертациях которых обнаружили «грубые политические ошибки». Кроме того, Мавродин зачислил на истфак в качестве преподавателей известного кинорежиссера Л. З. Трауберга, которого позже заклеили как космополита, а также «не внушающих политического доверия» А. Н. Вигдорчика и Б. Я. Рамма, покровительствовал «подвизавшемуся на истфаке троцкисту» Н. А. Корнатовскому.¹⁰⁷

Испытав такой удар, В. В. Мавродин не расслабился, не впал в уныние; ученый продолжал заниматься своим любимым делом — русской историей. Он пишет книги о Древней Руси,¹⁰⁸ о Петре Первом¹⁰⁹ и др.

Не прекращает Мавродин и педагогической деятельности. В 1952—1953 гг. он работал профессором в университете в Петрозаводске. Можно только удивляться его выдержке и прежней работоспособности. В. В. Мавродин повел борьбу за восстановление справедливости. Ученый ездил в Москву, встречался с «власть предержащими». И справедливость восторжествовала. В. В. Мавродин был восстановлен в КПСС, с 1 июня 1953 г. — в должности профессора кафедры истории СССР.

Весной 1958 г. Владимиру Васильевичу Мавродину исполнилось 50, и благодарностью ректора было отмечено 28 лет его научно-педагогической деятельности. Он был полон сил, энергии, творческой активности, и все это не осталось невостребованным: он был назначен заведующим кафедрой истории СССР, а затем и деканом исторического факультета. Кафедра под его руководством станет живым, постоянно развивающимся научно-педагогическим организмом, а факультет — одним из виднейших в стране центров исторической науки и образования.

Начинался новый этап творчества выдающегося ученого. Конечно, на его жизненном и творческом пути еще будут значительные трудности, проблемы, но будет и постоянная, плодотворная работа во славу отечественной науки.

Там же. Л. 67. Там же. Л. 68.

Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. М., 1994. С. 237. Мавродин В. В. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. Мавродин В. В. Петр Первый. Л., 1948.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ГЛАВА I. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ.....	7
1. Границы Северной земли.....	7
2. Природа края.....	14
3. Древнейшие города.....	19
ГЛАВА II. ДОФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД.....	28
1. Древнейшее население Днепровского Левобережья.....	28
2. Анты.....	37
3. Левобережье во времена владычества хазар.....	43
4. Северяне.....	67
ГЛАВА III. РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИНСКОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА.....	85
ГЛАВА IV. ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В СОСТАВЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	140
ГЛАВА V. ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ.....	173
1. Феодальные отношения в XI—XIII веках.....	173
2. Обособление Чернигово-Северской и Переяславльской земель.....	193

3. Феодалные войны конца XI века. Княжение Олега Святославича	227
4. Княжение Всеволода Ольговича.....	263
5. Усобицы в середине XII века и усиление феодальной раздробленности	281
6. Борьба северских князей за Киев и Галич в конце XII и начале XIII века и войны с половцами. Усиление Чернигово-Северской земли, Тмутаракань в XII—XIV веках.....	307
7. Левобережная Украина перед нашествием татаро-монголов. Бродники. Болоховские князья.....	344
8. Левобережная Украина под властью татаро-монголов.....	363
А. Ю. Дворниченко. Владимир Васильевич Мавродин — историк Древней Руси (1930—1950 гг.).....	397